

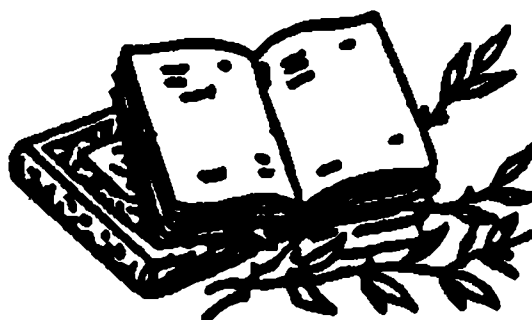
Клиффорд Саймак

РЕЦЕНЗИИ

KÆPPA

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Клиффорд Саймак

СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

СНОВА И СНОВА

Роман

ПЕРЕСАДОЧНАЯ
СТАНЦИЯ

Роман

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1999

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
С14

Составитель
А. АЛЕКСАНДРОВА

Художники
А. АКИШИН, И. ВОРОНИН

Саймак К.

С14 Сочинения: В 3 т. Т. 1: Снова и снова; Пересадочная станция: Романы; Повести и рассказы / Пер. с англ.; Сост. А. Александрова. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. — 496 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-02692-1 (т. 1)

ISBN 5-300-02691-3

Клиффорда Доналда Саймака заслуженно считают одним из мэтров американской фантастики. На счету патриарха этого жанра литературы — свыше тридцати романов, сборников повестей и рассказов. Саймак — лауреат многих литературных премий, в том числе самой престижной среди писателей-фантастов премии Хьюго.

В первый том Сочинений включен один из самых известных романов Саймака «Пересадочная станция», а также рассказы «Истина», «Плацдарм», «На Землю за вдохновением» и др.

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-300-02692-1 (т. 1)

ISBN 5-300-02691-3

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

ШОВА И ШОВА

Роман

ГЛАВА 1

Город был белым. Пуританским холодом и отрешенностью, недосыгаемой для суетной жизни, отдавала эта белизна.

И над всем высились деревья — я увидел их, когда мы, скользя по наводящему лучу, пойманному далеко в космосе, приблизились к посадочному полю. Именно из-за деревьев поначалу подумал, что тут — сельская местность. Возможно, сказал я себе, это такая же беленькая деревушка, какие встречаются в Новой Англии, на Земле — уютно расположившаяся в долине, с весело журчащим ручьем и осенним пламенем рассыпанных по холмам кленов.

Я смотрел на нее благодарно и немного удивленно. Вот где, думал я, славное место! Тихое, мирное... Существа, построившие такую деревушечку, наверняка уж не отличаются особыми вывертами и бзиками, которыми так часто поражают обитатели неизвестных планет...

Но деревушкой, о которой я размечтался, тут даже не пахло. Деревья — кто мог ожидать такого? — возвышались над башнями, верхушки которых можно было увидеть, лишь задрав голову!

Город вздымался к небу могучим хребтом, не имеющим предгорий. Он окружал посадочное поле стадионным овалом непомерно высоких трибун и уже не сверкал, как совсем недавно, до того, как мы сели, — а источал тихое мерцание, напоминавшее игру пламени свечи в дорогом фарфоре.

И город был белым, и посадочное поле, и даже небо казалось белесым в своей линиялой голубизне. Белым было все, кроме гигантских деревьев.

Моя шея устала поддерживать голову в неестественно запрокинутом положении, и только теперь, оглядевшись, я увидел вокруг удивительное множество кораблей. Их была уйма — во всяком случае, больше, чем обычно бывает даже на самых крупных космодромах Галактики. Корабли всевозможных форм и размеров роднил цвет, из-за которого-то я и не разглядел их сразу. Белизна кораблей была почти идеальным камуфляжем.

Все сплошь белое, подумал я. Вся чертова планета — белая... Мерцающий город и поле с кораблями выглядели так, словно их из единой глыбы мрамора вырезал некий усердный мастер.

И не было никаких признаков жизни. Ни намек на деятельность. Никто не спешил нам навстречу. Все вокруг было мертвым...

Внезапно налетевший ветерок потрепал меня за куртку и тут же утих. Совершенно не было пыли. Ни пыли, которую мог бы поднять ветер, ни какого бы то ни было мусора вообще. Носком ботинка я потер грунт и не увидел следа. Поверхность была такой чистой, будто ее помыли всего час назад.

Сзади послышался шум. Это со своим идиотским баллистическим ружьем спускалась по трапу Сара Фостер. Ружье билось о каждую ступеньку, норовя зацепиться.

Опершись о мою протянутую руку, она ступила на грунт и принялась озираться. Я разглядывал классические черты ее лица, обрамленного роскошной копной рыжих волос, и в который раз поражался полному отсутствию тепла в этом совершенстве.

Сара Фостер подняла руку, чтобы отбросить прядь, вечно падающую на лоб — с тех пор, во всяком случае, как мы познакомились.

— Чувствуешь себя букашкой... — тревожно произнесла она. — Как будто кто-то очень большой рассматривает тебя... Вы не чувствуете на себе взгляда?

Я помотал головой. Никаких взглядов не ощущалось.

— В любой момент, — продолжала Сара, — этот кто-то может поднять свою ножищу и раздавить нас.

— А что наша парочка? — спросил я.

— Тук собирается, а Джордж сидит с блаженным выражением лица и говорит, что он дома.

— Ах ты. Боже мой!

— Вы, я вижу, недолюбливаете его.

— Да нет, тут другое... Я не в восторге от всей этой бессмысленной затеи. Джорджа можно и не замечать.

— Тем не менее мы попали сюда именно благодаря ему.

— Да-да... Надеюсь, хоть ему-то здесь понравится.

А вот мне здесь не нравилось. Что-то подозрительное было в этой безмолвной белизне, что-то таилось в этой огромности. Почему никто так и не встретил нас? Ведь наводящий луч усадил корабль именно на это поле! И вдруг — никого... А деревья? Где это видано, чтоб деревья достигали такой высоты?

Наверху что-то брякнуло, и, подняв голову, я увидел монаха Тука, уже спускающегося, и Джорджа Смита, который, отдуваясь, проталкивал в люк свои пышные телеса.

— Как поскользнется сейчас — и как свернет себе шею! — сказал я без особой тревоги.

— Не должен, — отозвалась Сара. — Он крепко держится, и ему помогает Тук.

Я зачарованно наблюдал, как монах заботливо направляет шаги слепого Смита.

Итак, слепец и бродяга, корчащий из себя монаха, а также баба-охотник решили отправиться на поиски человека, существование которого, возможно, не более чем вымысел. И я поступил крайне мудро, связавшись с этими сумасшедшими...

Спуск наконец-то счастливо завершился, и Тук, взяв Джорджа за руку, развернул его таким образом, чтобы лицо слепого было обращено к городу. Сара сказала истинную правду насчет блаженного выражения. Счастливая улыбка Смита, словно приклеенная к лицу, выглядела нелепо.

— Это именно то место, Джордж? Вы не ошиблись? — спросила Сара, легко коснувшись его плеча.

Блаженное состояние сменилось экстазом, наблюдать который было жутковато.

— Какие ошибки?! — иступленно взвизгнул Смит. — Мой друг здесь! Я слышу его и почти вижу! Я могу дотянуться; до него!

Он выбросил вперед свою короткую пухлую руку и принялся шарить ею в воздухе. «Что-то», однако, существовало лишь в его воображении.

Да, это было чистейшим безумием — полагать, что слепой человек пусть даже слышащий некий голос, способен провести корабль через тысячи световых лет, мимо центра Галактики к заранее им определенной планете. Слышит он — и пускай себе слышит! Подобных индивидов всегда хватало, но разве кто-то принимал их всерьез?..

— Там город, — сказала Сара. — Огромный белый город и деревья, вытянувшиеся на высоту нескольких миль. Вы видите это?

— Нет... — обескуражено пробормотал Джордж. — Я вижу другое... Никакого города и никаких деревьев... Я вижу... — Он судорожно сглотнул слюну, лицо его напряглось, а руки возбужденно задвигались. — Не могу вам сказать. Нет таких слов, чтобы передать это.

— Что-то приближается к нам, — воскликнул Тук, указывая пальцем в сторону города. — Непонятно, что именно... Какое-то поблескиванье... Но оно явно приближается!

Я посмотрел туда, куда указывал монах, и увидел не больше, чем видел он. То есть почти ничего. Едва уловимые искорки у самого основания городской стены.

Сара отняла бинокль от глаз и передала его мне.

— Что скажете, капитан?

Мой вооруженный глаз поймал плывущее пятно, которое, увеличившись, распалось вдруг на части. Лошади?! Казалось совершенно невероятным, что там могут быть лошади, но ни на что другое это не походило! Белые — а какие же еще? — лошади скакали к нам во весь опор! Очень странные, однако, — это были лошадки, смешные... Они бежали как-то не так, не по правилам, совершенно несуразным аллюром, качаясь взад-вперед.

Вскоре я уже мог различать детали... Эти лошади были лошадьми лишь условно! Уши торчком, раздутые ноздри, изогнутые шеи, гривы — все это присутствовало, но в каком-то застывшем виде! Будто нарисованное бездарным художником для календаря! А ноги отсутствовали вовсе. Вместо ног были качалки, полукруглые опоры, передняя и задняя. Передняя чуть поуже. Качалки, не ударяясь одна о другую, поочередно выкидывались вперед — и лошадь танцевала туда же.

Потрясенный, я вернул бинокль Саре.

— Что-то невероятное... Вы не поверите...

Лошади между тем приближались. Восемь совершенно одинаковых лошадей белой масти.

— Карусель, — бросила Сара.

— Карусель?

— Ну да! Механическое устройство, которое можно встретить в парках, на ярмарках — везде, где есть аттракционы...

— Вообще-то, — сказал я, несколько смутившись, — мне чаще приходилось сталкиваться с увеселениями иного рода, но конь-качалка был в детстве и у меня.

Восьмерка наконец остановилась перед нами, как... нет, не как вкопанная, а продолжая раскачиваться. Одно из этих странных созданий заговорило с нами на универсальном языке, сложившемся еще до того, как человечество две тысячи лет назад впервые вышло в космос.

— Мы быть лошадки, — сообщило оно. — Явились принять вас. Меня зовут Доббин.

Говоря это, лошадка продолжала раскачиваться, но все члены ее по-прежнему были неподвижны. Уши бодро торчали, и казалось, именно из них вылетают слова; резные ноздри пребывали в раздутном состоянии, а гриву будто сфотографировали при сильном ветре.

— Какие они славные! — громко умилилась Сара.

Другой реакции я и не ждал. Она непременно должна была найти их славными.

Доббин, никак не прореагировав на такое проявление чувств, продолжил свою речь:

— Настоятельно рекомендуем поторопиться. Времени очень мало. Для каждого из вас есть верховая лошадка. Остальные четыре повезут поклажу.

Не найдя чем восхититься в этой информации, я перебил скакуна:

— А мы, между прочим, не любим, когда подгоняют. И если вас так поджимает время — переночуем на корабле. А в гости отправимся утречком.

— Нет! — вскричал Доббин чуть ли не яростно. — Это исключено. С заходом солнца возникает большая опасность. Вы должны непременно находиться в укрытии.

— Не понимаю, почему нужно упрямитесь, — пробормотал Тук, одергивая сутану. — Я лично против того, чтобы торчать здесь всю ночь. Мы даже можем не брать наши вещи, если такая спешка. Вернемся за ними позже.

— Багаж берем сразу, — возразил Доббин. — Утром не будет времени.

— По-моему, — сказал я, разозлившись, — вы просто ужасно торопитесь. Если такое дело — поворачивайте оглобли и убийрайтесь. Мы уж как-нибудь позаботимся о себе сами.

— Капитан Росс, — отчеканила Сара Фостер. — Почему я должна тащиться пешком в такую даль, когда мне предлагают нечто более приятное? Потому что вам под хвост попала вожжа?

— Возможно, и вожжа, — огрызнулся я. — Но я не потерплю, чтобы всякие сопливые роботы мною командовали.

— Мы быть лошадки, — вежливо поправил Доббин. — Мы не быть никакие роботы.

— А чьи лошадки вы быть? Человеческие?

— Я не понимаю вопроса.

— Вас изготовили существа, похожие на нас, да?

— Не знаю.

— Черта с два ты не знаешь, — сказал я и повернулся к Сми-ту. — Джордж!

— В чем дело, капитан? — Слепой повернулся ко мне своим одутловатым, еще не утратившим экстатического выражения лицом.

— В беседах с вашим другом когда-нибудь затрагивалась тема лошадок?

— Лошадок? Вы, вероятно, имеете в виду непарнокопытных, которые...

— Да нет, других. Тех, на которых качаются. Так вы говорили о них?

— Впервые слышу о таких лошадках.

— Ну как же! Ведь были у вас в детстве игрушки!

— Были, конечно, — вздохнул Смит. — Но не те, что вы думаете. Я ведь уже родился слепым, и потому игрушки мои были особого рода.

— Капитан! — сердито встряла Сара. — Ваше поведение нелепо! К чему вся эта подозрительность?

— К чему? — вскипел я. — Вам растолковать? Могу.

— Знаю, знаю, знаю, — упредила она мои объяснения. — Осторожность и еще раз осторожность — вот что спасало вас не раз.

— О благородная леди! — воскликнул вдруг Доббин. — Поверьте мне, прошу вас! То, что появляется после захода солнца, действительно крайне опасно! Умоляю и заклинаю! Вы должны отправиться с нами! Чем скорее, тем лучше! Я категорически настаиваю на этом!

— Тук! — решительно сказала Сара. — Полезайте наверх и начинайте сгружать вещи.

Распорядившись, она повернулась ко мне с воинственным видом.

— Не будет ли каких-то возражений, капитан?

— Нет, мисс. Это ведь ваш корабль, и деньги — тоже ваши. Кому, как не вам, заказывать музыку.

— Потешаетесь?! — свирепо вскричала она. — Вы только и знаете, что потешаться надо мной! И не считаться с моим мнением!

— Вас сюда доставили? — холодно осведомился я. — Доставили. И так же доставят обратно, согласно условиям сделки. Если, конечно, вы не ухитритесь сделать эту работу невыполнимой.

Сказав так, я тут же пожалел об этом. Все-таки мы была далеко от дома, на неведомой планете. Тут нужно держаться вместе, а не затевать свар. Тем более, она действительно права — мое поведение было нелепым... Выглядело нелепым, поправил я себя. Было же — абсолютно логичным по сути. Потому что, когда попадаешь в такое местечко, нужно быть начеку. Я перебивал на множестве незнакомых планет, и нюх мой не раз спасал мою голову. Сара, конечно, тоже кой чего повидала, но при ней всегда было целое экспедиционное войско — я же гулял сам по себе...

Тук уже вскарабкался наверх, предварительно подоткнув свою сутану, и теперь подавал Саре многочисленные сумки и тюки. Стоя на одной из ступенек, она осторожно скидывала все к основанию трапа. В чем в чем, а в лености упрекнуть эту особу было невозможно. Если она не работала наравне с другими, то работала больше их.

— Ладно, — сказал я лошадкам. — Вьючные — ко мне. Принимай поклажу. Как вы это делаете, кстати?

— К сожалению, — виновато ответил Доббин, — у нас нет рук. И всю работу придется сделать вам. Уложите груз на спины лошадок — тех, что без седла, и для надежности прихватите ремнями.

— Просто гениально, — мягко съязвил я.

Польщенный Доббин, качнувшись чуть сильнее вперед, изобразил поклон.

— Всегда к вашим услугам.

Ко мне приблизились четыре лошадки, и я тут же — с помощью Сары, к этому времени освободившейся, — принялся их нагружать. Когда спустился Тук, все было готово.

Солнечный диск, уже надкушенный самыми высокими башнями, опускался за город. Оно было чуть желтее земного, здешнее солнце, и, вероятно, представляло собой обычную звезду класса К. Бортовой компьютер наверняка уже исследовал этот объект, как и саму планету, вдоль и поперек. И недоумевал те-

перь, отчего же никто не интересуется данными об атмосфере, планетарными характеристиками и многим прочим. Я интересовался, конечно. Я давно изучал бы все это, если бы не нахрапистость местных жеребцов. Несколько успокаивала мысль о том, что, вернувшись сюда утром, я заполучу, наконец, вождеденный листочек с данными — но успокаивала она недостаточно. Не нравилось мне все это, не нравилось...

— Доббин! — сказал я. — О какой такой опасности, собственно, речь? Чего конкретно нам следует остерегаться?

— Этого я не могу сказать, поскольку сам не понимаю. Но уверяю вас, что...

— Да ладно уж... — Я досадливо махнул рукой.

Тук, пыхтя и отдуваясь, помогал Смиту взгромоздиться на одну из лошадок. Сара уже была в седле и, демонстрируя свою безупречную осанку, привычно предвкушала очередное захватывающее приключение — амазонка с берданкой.

Я скользнул взглядом по бескрайнему посадочному полю — к городу, по-прежнему не подававшему признаков жизни. Солнце медленно съезжало вниз, и полоса тени, отбрасываемой стенами, становилась все шире. Некоторые из зданий уже стали черными, но ни в одном из них не было видно зажженных окон. Куда же подевались обитатели города? А также гости, между прочим... Ведь прилетел же кто-то на этих кораблях, белеющих, словно призрачные надгробия!

— Не соблаговолит ли сэр сесть на меня? — подал голос Доббин. — Наше время на исходе!

В воздухе все явственней ощущалась прохлада, а в сердце закрадывался страх. И я не понимал его причины. То ли он был связан с самой неуютностью места, похожего на западню — то ли пугало это полное отсутствие жизни... Правда, лошадок трудно было рассматривать в качестве неодушевленных предметов...

Сняв с плеча лазерное ружье и крепко сжав его в руке, я вспрыгнул на Доббина.

— Оружие вам здесь не понадобится, — неодобрительно заметил тот.

Я оставил реплику без ответа. Каждый тут будет соваться в мои дела, черт побери.

Кавалькада двинулась в сторону города. Это была удивительная езда. Нас не качало и не подбрасывало. Мы просто скользили по некой синусоиде.

А город все не приближался. Деталей, во всяком случае, по-прежнему нельзя было рассмотреть. Мы находились, как я понял, в гораздо большем удалении от него, чем это виделось поначалу. Куда внушительней оказались и размеры посадочного поля.

— Капитан!! — послышался отчаянный крик.

Я обернулся.

— Корабль! — вопил Тук. — Наш корабль! Они что-то с ним делают!

Эти неведомые «они» действительно что-то делали. Рядом с кораблем стоял несуразной формы механизм. Он был похож на пухлую букашку с длинной и тонкой шеей, увенчанной крошечной головкой. Струйка не то дыма, не то тумана тянулась из рта букашки к кораблю, который мало-помалу превращался в еще один белый памятник.

Истошно закричав, я изо всех сил натянул поводья, но Доббин как ни в чем не бывало несся вперед. Будто осаживали не его, а жителя другого мира.

— А ну-ка, стой! — взревел я. — Возвращаемся!

— Нельзя, сэр, — ответил Доббин ровным голосом. — Некогда. Нам нужно поскорей укрыться в городе.

— Да есть же время, есть, черт побери!

Вскинув ружье и направив дуло между кончиками ушей моей норовистой лошадки, я крикнул спутникам, чтоб зажмурились, и нажал курок.

Яркий лазерный луч, отраженный грунтом, ослепил даже сквозь веки. Доббин вздыбился подо мной, закрутился волчком, едва не касаясь мордой хвоста, и, когда я открыл глаза, мы уже направлялись назад к кораблю.

— Теперь мы все умрем, — стонал Доббин. — И виноваты в этом будете вы, безумное создание.

Я оглянулся. Лошадки покорно следовали за нами. Доббин, видно, был у них за главного. Они, не раздумывая, бросались за ним, куда бы тот ни повернул... То место, куда ударил луч, не было отмечено дымящейся лункой, обычной в таких случаях. Выстрел не оставил на грунте даже царапины!

Сара ехала, закрыв рукою глаза.

— С вами все в порядке? — спросил я ее.

— Вы ненормальный дурак!

— Но я же предупредил вас! Нужно было всего лишь зажмуриться!

— Предупредил он... Крикнул и сразу стрелять... Мы даже не успели ничего понять!

Она наконец опустила руку, и глазки ее вполне исправно метнули в меня заряд злости. Ничего с ней не случилось, просто она не могла упустить такую прекрасную возможность поскулить.

Букашка между тем, бросив опрыскивать корабль, уже неслась прочь. У нее наверняка были колеса или что-то вроде — уж очень резво она улепетывала, вытянув вперед свою непомерно длинную шею.

— Умоляю, сэр! — заныл Доббин. — Не теряйте понапрасну времени! Здесь вы ничего не поправите!

— Еще одно слово, и я выстрелю уже не поверх твоих ушек, — был мой ответ.

Мы почти добрались до корабля, и, не дожидаясь, когда Доббин закончит свое плавное торможение, я спрыгнул с него и побежал вперед — без единой, впрочем, мысли относительно дальнейших своих действий.

Корабль, каждый дюйм его, был покрыт каким-то странным веществом и напоминал стеклянную безделушку, вроде тех, что пылятся на каминных полках.

Я потянулся рукой к корпусу. Поверхность была гладкой и твердой. Покрытие не выглядело металлическим и, скорее всего, не было таковым. Когда я осторожно стукнул по нему прикладом — по всему полю прокатился колокольный звон, самый настоящий. Городские стены швырнули в нас эхо.

— Что это, капитан? — дрожащим голосом спросила Сара. Ей не терпелось узнать, какая такая напасть приключилась с ее собственностью.

— Глазурь, — ответил я. — Причем крепенькая на удивление... Запечатан наш кораблик — вот что!

— То есть теперь мы не сможем попасть внутрь?

— Трудно сказать... Будь у нас кувалда, мы бы, конечно, справились с этой скорлупкой, но...

Тут Сара решительно схватилась за ружье и...

Своей нелепой аркебузой, как обнаружилось, воительница пользоваться умела. Грамотно стреляла, что да — то да.

Звук получился таким невероятно громким, что все лошадки одновременно поднялись на дыбы. Но едва ли не громче самого выстрела было пронзительное жужжание срикошетивавшей пули, тут же заглушенное раскатистым гулом белого, как молоко, корабля.

Шумом, однако, и ограничилось. Корпус как был безупречно гладким, таким и остался. Ни малейшей вмятины. Словно и не было чудовищного удара в пару тысяч футо-фунтов.

Я медленно поднял свое лазерное ружье.

— Бесполезно, — равнодушно сказал Доббин. — Глупые люди. Оставаться здесь нет никакого смысла. Вы ничего не можете сделать.

— Тебя же предупредили, кажется! — закричал я, круто повернувшись. — Одно слово — и дырка в башке!

— Насилием вы ничего не добьетесь, — кротко ответил наглец. — А вот дождавшись захода солнца, обеспечите себе немедленную смерть.

— Но наш корабль!!

— Он запечатан. Как и все остальные. И то, что вы при этом находитесь снаружи, можно считать удачей.

Я не мог согласиться с ним во всем, однако кое в чем эта кляча была-таки права. Тут действительно ничего нельзя было сделать. Как не повредил лазерный луч грунт, так не пробьется он и сквозь этот футляр. Потому что все вокруг — и поле, и город, и корабли, включая свежеоблитый наш, — все покрыто одним и тем же невинно белеющим веществом невероятной структурной прочности.

— Я глубоко сочувствую вам, — равнодушно сообщил Доббин. — И предполагал, что вы будете шокированы... Оказавшийся на этой планете остается здесь навсегда. Улететь еще никому не удавалось. Но это не значит, что нужно искать смерти! Убедительно прошу вас проявить благоразумие и отправиться в безопасное место!

Я вопросительно посмотрел на Сару, и она кивнула. Она кивнула, потому что торчать здесь действительно не имело смысла. Корабль запечатан с неведомой нам целью. Поразмышлять над этим можно будет и утром, вновь вернувшись сюда. Пока же лучше прислушаться к увещаниям Доббина. Этой опасности, о которой он талдычит, возможно, и не существует — однако осторожность не помешает.

Рассудив так, я вскочил в седло. Доббин, не дав мне даже как следует усесться, круто развернулся и, условно говоря, поскакал.

— Потеряно слишком много драгоценного времени, — объяснил он чуть позже. — Теперь придется наверстывать упущенное. Мы должны успеть добраться до города.

Значительная часть посадочного поля уже погрузилась во мрак, но небо оставалось светлым. Сквозь стены сочилась копоть сумерек.

Итак, если верить Доббину, покинуть планету не удавалось еще никому. Так, во всяком случае, он изволил выразиться... Но не исключено, что нас просто хотят удержать здесь и корабль запечатан именно с этой целью! А значит, нужно найти способ убраться отсюда, как только возникнет такая потребность. Должна же быть какая-то лазейка! Каждая на первый взгляд безвыходная ситуация обязательно имеет выход!..

Город — по мере того, как мы приближались к нему — увеличивался. Из однородной массы, только что напоминавшей скалу, стали выделяться здания. Они казались неправдоподобно высокими и раньше, с середины поля — но теперь взметнулись в заповеделье, уже не охватываемое взором.

Он выглядел по-прежнему мертвым, этот город. Ни в одном из окон не горел свет — если эти здания вообще имели окна. Внизу не наблюдалось никакого движения. И еще: отсутствовала перспектива. Все громоздилось непосредственно у самого поля...

А лошадки жарили во весь опор. Казалось, они бежали от страшной бури, вот-вот могущей разразиться.

К своеобразию их хода нужно было, конечно, приспособиться. Причудливая синусоида требовала совершенно раскованной посадки — и только в обмен на таковую доставляла удовольствие.

Городские стены, образуемые огромными каменными плитами, грозно нависли над нами. Я уже мог разглядеть улицы — что-то, во всяком случае, весьма на них похожее. Они были как узкие черные щели, как трещины громадного утеса.

Скакуны наши метнулись к одной из таких трещин, в полумрак. Солнце пробилось бы сюда, лишь зависнув прямо над головой — а сейчас можно было с трудом разглядеть только стены, поднимающиеся слева, справа и, как казалось, впереди.

Одно из зданий, встретившихся нам, стояло чуть в глубине, и потому улица здесь была пошире. От множества широких дверей тянулся общий скат, взлетев по которому, лошадки, а вместе с ними и мы нырнули в зияющий проем.

Комната была скупо освещена. Свет — что сразу бросалось в глаза — шел от прямоугольных каменных плит, вставленных в стену. Лошадки дотанцевали до одной из плит и остановились. У самой стены я увидел карлика, а, может быть, гнома — во всяком случае существо хоть и слегка, но человекоподобное. Низкорослое и горбатое, оно крутило некий диск, расположенный рядом со «светильником».

— Смотрите, капитан! — крикнула Сара.

Она испустила этот вопль совершенно зря, потому что я смотрел и без указчиков.

То, что появилось на светящемся камне, поначалу показалось сказочным подводным царством, как оно должно видеться сквозь толщу вод, зыблящихся у поверхности.

Дикий, словно кровоточащий, ландшафт с ярко-красной землей и фиолетовым небом, вспышками молний и всполохами зодиакального света внезапно сменился самыми настоящими джунглями, с буйством всевозможной растительности и, казалось даже, с притаившимся в засаде зверьем. Едва по моей коже пробежали мурашки — джунгли исчезли тоже. Вместо них теперь демонстрировалась освещенная луной и звездами желтая пустыня. Барханы с изогнутыми гребнями были похожи на застывшие волны.

Пустыня не исчезла, как все ей предшествовавшее. Более чем не исчезла. Она свалилась, обрушилась на нас. Взорвалась прямо перед моими глазами.

Какое-то время я отчаянно пытался удержаться в седле вздыбившегося Доббина, но потом меня швырнуло вперед и закрутило в воздухе.

Я упал на плечо, после чего долго кувыркался по песчаному склону, пока наконец не остановился. Осторожно приподнявшись, я попробовал выругаться, но сил не было даже на это.

Сара лежала рядом со мною. Чуть поодаль пытался встать, путаясь в своей сутане, Тук. Рядом с ним ползал на четвереньках Джордж — ползал и жалобно скулил, как щенок, выставленный среди ночи за дверь.

Вокруг нас была пустыня — мертвая, без клочка растительности, залитая светом огромной белой луны и множества звезд, сиявших, как новенькие лампочки в этом совершенно безоблачном небе.

— Он пропал! — скулил Джордж, ползая по кругу. — Я больше не слышу его! Я потерял своего друга!

То была не единственная потеря. Заодно исчезли город и планета, на которой он находился. Мы попали в совершенно другое место...

Да, не следовало мне пускаться в это путешествие, не следовало. Я ведь с самого начала не верил! А разве можно добиться успеха без веры, не видя ни малейшего смысла в том, чем ты занят?.. Впрочем, имелся один нюанс: у меня не было выбора. Я потерял способность выбирать в тот самый момент, когда на космодроме Земли был ошеломлен красотой этого корабля.

ГЛАВА 2

На Землю я вернулся втихаря. Хотя, надо сказать, это не вполне подходящее слово — «вернулся», потому что мне никогда раньше не приходилось бывать там. Но на Земле находились мои денежки, и, самое главное, эта планета была заповедником. А что еще нужно дичи, которую всякий — попадись она ему в космосе — не только может, но и обязан подстрелить? Если бы хоть совершенное мной было действительно таким ужасным и на мне лежал бы тяжкий груз вины! Нет же! Многим людям тем не менее, лишь поимка злодея могла вернуть покой и сон. Вот они и принялись ловить меня. И поймали бы, не укройся я на Земле.

Корабль, на котором я летел, был, образно говоря, со свалки, оттуда же. Кое-как залатанный, схваченный едва ли не шпагатом и проволокой, он, по моим расчетам, должен быть развалиться уже по прибытии на Землю и, стало быть, отвечал самым высоким требованиям.

Я знал, что могу напороться на Земной Патруль, который уж постарается уберечь планету от вторжения столь нежелательной персоны. Нежелательной, впрочем, только для Патруля — Земле от нас одна радость...

Итак, корабль вошел в Солнечную Систему, и огненный шар был теперь между ним и Землей. Моя верная логарифмическая

линейка еще никогда меня не обманывала, и в правильности вычислений сомневаться не приходилось.

Выжав из своей развалины среднюю космическую скорость, в чем очень помогла гравитация, я несся мимо Солнца, как летучая мышь над геенной огненной. В какой-то момент, довольно неприятный, мне показалось, что полет становится опасно бреющим — но радиационные экраны, к счастью, выдержали. Перед кораблем, потерявшим изрядную часть своей скорости, уже маячила Земля.

Выключив двигатели и все, что выключается, я проплыл мимо Венеры — в каких-то пяти миллионах миль — и устремился к цели.

Патруль не засек меня, и это было большой удачей. Впрочем, я ведь шел без малейших энергетических всплесков и с отключенной электроникой. Если они и могли что-то обнаружить, так лишь бесшумно падающую металлическую конструкцию. Чему находившееся позади меня Солнце препятствовало всей мощностью своей радиации. Я имел богатый опыт таких безумных решений. Не однажды они помогали мне выбраться из, казалось бы, безнадежных космических переплетов. Вот и теперь...

На Земле имелся один-единственный космодром. Больше — из-за почти отсутствующего движения — тут и не требовалось. Земляне уже давно разлетелись по космосу, и на планете осталась горстка безнадежно сентиментальных чудаков, вменивших себе в обязанность жить там, откуда пошел род человеческий. Благодаря им, а также гостям вроде меня на Земле еще теплилась какая-то жизнь.

По слухам, упомянутые мною «сентименталисты» были компанией заносчивых типов, корчивших из себя аристократов. Но все это меня не касалось. Я не собирался общаться с ними.

Экскурсионные корабли время от времени доставляли сюда паломников, жаждущих припасть к колыбели цивилизации — а корабли грузовые привозили, как им и положено, всяческие грузы. И это было все...

Приземлившись, я быстро выбрался из корабля и, не дожидаясь появления хищников, с двумя сумками на плечах зашагал прочь.

Мой чудом не развалившийся корабль имел самый несчастный вид, какой только можно представить, а через две площадки от него расположилось чудо...

Оно поблескивало, сияло и ослепляло совершенством! Изящная космическая яхта, казалось, нетерпеливо рвется со своей привязи в небо! Снаружи, конечно, я не мог разглядеть ее начинку, но по внешнему виду нетрудно было догадаться: тут уж не скряжничали, нет.

Я пялился на корабль, и мои руки чесались. Еще б им не чесаться, когда ясно было, что космоса мне больше не видать! Остава-

лось тихо дожить то, что оставалось — здесь, на Земле, не высовываясь, иначе сожрут...

Покинув поле, я прошел досмотр — вернее, то место, где он когда-то проводился. Нет, официально таможня еще существовала, но она уже давно не проявляла интереса к кому бы то ни было. И — что было для меня особенно дорого — ни к кому не питала недобрых чувств.

Потом я направился в ближайшую гостиницу и, устроившись, вскоре спустился в бар.

Когда я допивал третий или четвертый стакан, в зале появился робот-посыльный. Подойдя ко мне, он спросил:

— Вы капитан Росс?

Я чуть не поперхнулся с перепугу. Что за черт?! Ведь ни одна душа не могла знать о моем прибытии! У меня и знакомых-то здесь не было! Я имел дело лишь с таможенниками и гостиничным клерком!

— Вам письмо, — продолжил гонец и вытянул вперед руку.

Вскрыв ненадписанный конверт, я вынул из него листок и прочитал следующее:

Капитану Майклу Россу,

отель Хилтон

Буду очень рада видеть Вас в числе своих гостей на сегодняшнем ужине. Моя машина подъедет к отелю в 8 часов. Добро пожаловать на Землю, капитан!

Сара Фостер

Когда ко мне подплыл робот-бармен, я все еще разглядывал записку.

— Еще один? — спросил он, подхватывая пустой стакан.

— Пожалуй...

Итак, кто же такая Сара Фостер, и каким образом это создание уже через час пронюхало о моем появлении?.. Можно было бы кого-нибудь расспросить — но кого? И стоит ли привлекать к себе чье-то внимание? А что если это ловушка? Нельзя забывать: на свете есть люди, которые охотно умыкнули бы меня отсюда! Они наверняка знают о том, что я раздобыл корабль. Но неужели кто-то из них мог предположить — разгадав, предположим, мои планы, — что я уже достиг Земли!..

Я все сидел и пил, пытаюсь привести в порядок свои мысли, — и наконец решил рискнуть.

Расположенный на холме огромный дом Сары Фостер был окружен запущенным садом с газонами и тропинками. Вдоль кирпичной стены тянулась широкая галерея, а крыша была утыкана множеством труб.

Я предполагал, что меня встретит робот, но в дверях появилась Сара Фостер собственной персоной. Она была в зеленом вечернем платье, волочившемся по полу и выгодно оттенявшем пламя ее непокорных волос. Капризный локон то и дело падал ей на глаза.

— О! Капитан Росс! — воскликнула она, подавая руку. — Как это мило, что вы пришли! Вероятно, мое послание было не совсем сдержанным — но мне так не терпелось увидеть вас!

Мы стояли в прохладном холле. Сверкающий паркет отражал деревянные панели стен и массивную хрустальную люстру. Все дышало богатством и особой, традиционной для Земли претензией на элегантность — претензией милой, не раздражающей.

— Мои гости в библиотеке, — сказала Сара Фостер. — Присоединимся к ним, если не возражаете...

Она взяла меня под руку и увлекла к самой дальней из дверей.

Помещение, в которое мы вошли, разительно отличалось от холла. О библиотеке здесь напоминали лишь несколько книжных полок. Скорее это была комната охотничьих трофеев. Головы, висевшие на стенах, целый арсенал ружей под стеклом — во всю стену, звериные шкуры на полу — некоторые при головах, с застывшим оскалом...

Двое мужчин сидели в креслах у огромного камина, и в момент нашего появления один из них встал.

Он был высокого роста и выглядел изможденным. Лицо его было смуглым и, как мне показалось, не от длительного пребывания на солнце, а от мрачных мыслей. И человек был одет в темно-коричневую сутану, свободно подпоясанную четками, на ногах крепкие сандалии.

— Позвольте вам представить монаха Тука, капитан, — сказала Сара.

— Вообще-то мое настоящее имя Хьюберт. Хьюберт Джексон, — уточнил этот тип, протянув мне костлявую руку. — Но я предпочитаю, чтобы меня называли именно так... В скитаниях мне часто приходилось слышать о вас, капитан!

— И много вам пришлось скитаться? — холодно спросил я, не чувствуя ни малейшего интереса к этому человеку, пополнившему ряды моих неприятных знакомцев.

Он смиренно склонил свой обтянутый кожей череп.

— Достаточно... И всегда в поисках истины...

— Истины? Иногда до нее не так-то просто добраться...

— А это Джордж Смит, капитан! — бодро вмешалась Сара.

Из глубокого кресла неуклюже поднялся второй мужчина, и его рука вяло потянулась в мою сторону. Это был толстый коро-

тышка весьма, надо сказать, неряшливого вида, с молочно-белыми глазами.

— Как видите, — сказал Смит, — я совершенно слеп и только потому не встал, как только вы вошли. Прошу прощения.

Несколько смущенный такой ненужной декларацией, я пожал его безвольную, почти неживую руку, и он тут же тяжело рухнул в кресло.

— Присаживайтесь! — радушно воскликнула Сара. — Сейчас подадут напитки. Что вы предпочтете, капитан?

— Скотч, если можно, — сказал я и уселся в указанное мне кресло.

Хозяйка тоже села, и теперь мы все четверо пребывали в одинаковом положении, перед величественным камином, окруженные головами инопланетных существ.

Заметив, что я разглядываю эти диковинки, Сара встрепенулась.

— Простите! — всплеснула она руками. — Я совершенно забыла! Вы же ничего не знаете обо мне!

— Увы...

— Я баллистический охотник! — сообщила Сара с излишней, по-моему, для такого заявления гордостью.

Видя, очевидно, мое недоумение, она принялась терпеливо объяснять:

— Я пользуюсь только баллистическим ружьем. Таким, которое стреляет пулей, приводимой в движение взрывчатым веществом. Только этот вид охоты сопряжен с настоящим риском. Он требует значительного мастерства в обращении с оружием и зачастую — незаурядного самообладания. Если вы не попали в жизненно важную точку — объект охоты может растерзать вас.

— Понятно, — кивнул я. — Что-то вроде спортивной игры. И у вас первая подача.

— Не всегда...

Робот принес напитки, и какое-то время мы рассматривали содержимое наших бокалов.

— У меня такое чувство, капитан, — продолжила Сара, — что вы решительно против такого рода увлечений.

— Ваше чувство ошибочно. У меня нет никакого мнения на этот счет. Я не располагаю необходимым объемом информации...

— Но ведь вам приходилось убивать диких существ?

— Приходилось, — согласился я. — Когда иссякали запасы пищи или когда нужно было спасти свою жизнь. Азарт при этом отсутствовал начисто. Я не рисковал, а просто жег их лучом своего лазерного ружья — жег столько, сколько требовалось в каждом отдельном случае.

— Да, вы не спортсмен...

— Совершенно верно, — согласился я. — Ни с какой стороны. Я просто охочусь за планетами — вернее, охотился, потому что отныне с этим покончено...

Для чего меня сюда заманили — оставалось по-прежнему непонятным. Не захотелось же этой спортсменке просто поболтать со мной! Я не вписывался ни в эту комнату, ни в этот дом — как, кстати, и те двое, что сидели рядом со мной. Вот уж с кем не хотелось бы иметь никаких дел!

— Вам, капитан, очевидно, не терпится узнать, для чего же мы тут собрались? — спросила Сара.

— Да, мэм. Вы просто читаете мои мысли.

— Скажите, доводилось ли вам слышать что-либо о Лоуренсе Арлене Найте?

— О Страннике? Да, конечно. Массу историй о нем и тех далеких временах.

— Каких историй?

— Обычайших космических баек. Людей, подобных Найту, хватало и будет хватать всегда. И неизвестно, почему рассказчики так набросились именно на него. Возможно, их привлекла звучность его имени. Что-то вроде Джонни Яблочного Семечка или Ланцелота.

— Значит, вы знаете...

— Что он за кем-то охотился? Конечно. Все они за кем-то да охотятся.

— А его исчезновение?

— Если вы задержитесь в космосе на достаточно продолжительное время и будете углубляться все в новые и новые неизведанные пространства — вам обеспечено такое же исчезновение. Рано или поздно вы напоретесь на то, что вас уничтожат, — объяснил я.

— Но вы-то....

— Я вовремя завязал и, кроме того, был всегда достаточно осторожен. Мои интересы ограничивались лишь новыми планетами. Таинственное Эльдorado и экстатические поиски высшего Духа не занимали меня никогда.

— По-моему, вы издеваетесь над нами, — пробурчал Тук. — Не люблю насмешников.

— Да не издеваюсь вовсе! — с досадой воскликнул я, по-прежнему глядя на Сару Фостер. — Поймите — космос нашпигован выдумками, подобными той, что вас так взволновала! Слушать их — довольно приятное развлечение, но не более того! И еще... Не терплю, когда липовые монахи с грязными ногтями учат меня хорошему тону. — Поставив бокал на столик, я резко поднялся. — Спасибо за угощение, мэм. Возможно, когда-нибудь мы еще...

— Подождите! — испуганно перебила она. — И сядьте, прошу вас! Если угодно, я даже могу извиниться за Тука! Но выслушайте же мое предложение! Думаю, оно заинтересует вас.

— Я отошел от дел, мэм!

— Вероятно, вы видели корабль, стоящий на поле, — как ни в чем не бывало продолжала она. — Рядом с вашим.

— Да, видел. Даже любовался. Он ваш?

Сара кивнула.

— Капитан, мне нужен человек, способный управлять этим кораблем. Может быть, согласитесь?

— Но почему я? Неужели нет других кандидатур?

Она посмотрела на меня с сочувствием.

— Сколько, по-вашему, на Земле квалифицированных астро-навтов?

— Думаю, что немного.

— Их нет вообще! Во всяком случае, таких, которым можно доверить мой корабль.

— Так, — решительно сказал я и снова сел в кресло. — Только давайте начистоту. С чего вы взяли, что этот драгоценный корабль можно доверить мне? Как вы узнали, что я прибыл на Землю? Что еще вам известно о моей персоне?

Она смотрела на меня слегка прищурившись, будто целилась.

— Доверяю, потому что вы никуда не улизнете. Потому что в космосе вы — дичь и корабль будет вашим единственным убежищем.

— Достаточно откровенно, — заметил я. — Ну, а как мы выберемся в космос? Патруль...

— Перестаньте, капитан! Догнать мой корабль совершенно невозможно. Если они даже попробуют это сделать, то вымотаются в два счета. И мы продолжим свой путь — неблизкий между прочим, — уже без сопровождения... Можно даже сделать так, что о нашем полете не узнает ни одна живая душа.

— Все это крайне любопытно, — сказал я, — но нельзя ли наконец узнать, куда вы собрались?

— Мы не знаем, — ответствовала она.

— Вот это уж была самая настоящая чушь, чушь собачья. Никто не отправляется в полет, не выяснив предварительно, куда же он отправляется. Если тут какая-то тайна — так и нужно говорить.

— Мистер Смит — вот кто знает об этом, — добавила Сара.

Повернувшись к Смицу, который расплылся в кресле всей своей нешуточной массой, я снова увидел его белые глаза и одутловатое лицо.

— В моей голове — голос, — изрек Смит. — Я контактирую.

Ну просто прелесть, подумал я. Контактлируем мы. Голос у нас в голове.

— Осмелюсь предположить, — нежно сказал я Саре, — что мистера Смита привел к вам присутствующий здесь глубоко религиозный джентльмен.

Ее лицо побелело от внезапной ярости, а голубые глаза превратились в сверкающие льдом щелки.

— Вы правы, — отчеканила она. — Но это еще не все... Вам, конечно, известно, что Найта сопровождал робот?

— Да, — кивнул я. — И звали его Роско.

— А знаете ли вы, что Роско был телепатическим роботом?

— Таких не существует.

— Существует. Существовали, во всяком случае. Я тут не сидела сложа руки и потому располагаю спецификациями данного типа роботов. Спецификация эта была у меня задолго до того, как появился мистер Смит. Я заполучила также письма Найта некоторым из его друзей. У меня есть уникальные документы, касающиеся предмета его поисков. Все, повторяю, было собрано до появления этих двух джентльменов! Источники, которыми я пользовалась, были недоступны для них — вне всяких сомнений!

— Они могли просто от кого-то услышать.

— Никто не знал об этом! — горячо воскликнула Сара. — То, что начиналось для меня как увлечение, со временем превратилось в едва ли не навязчивую идею. Все собиралось по кусочкам, по крупичкам. Это казалось мне какой-то завораживающей легендой!

— Вот-вот, — сказал я. — Правильно казалось. Мы имеем дело с легендой, созданной безобидными, равно как и безнадежными фантазерами. К вывернутым наизнанку фактам добавляется вымысел, все как следует перемешивается — и в этой каше уже никто никогда ничего не поймет.

— А письма? А спецификации?

— Возможно, вы ошибаетесь в их толковании... Если они подлинные, кстати.

— Их подлинность не подлежит сомнению — я убедилась в этом.

— И о чем же говорится в его письмах?

— О том, что он занят некими поисками.

— Ну, это мы знаем. Все они ищут. Одни — поверив, что доберутся до искомого, другие — поверив, что верят. Так было раньше, так будет и позже. Подобные люди просто-напросто ищут повод для своих бесконечных странствий. Им хочется видеть смысл в своем бессмысленном существовании. Они просто влюблены в космос, во все неизведанные миры, которые манят их непреодолимо. А так как не существует уважительных причин для такого рода блужданий — причины приходится выдумывать.

— Значит, вы не верите, капитан?

— Значит.

Я ответил так, потому что был в своем уме, и бредовые идеи не увлекали меня, как эту особу, связавшуюся с жуликами. Хотя при мысли о корабле, томящемся на площадке, некоторое иску-

шение возникло. Но я старался думать о другом — о том, например, что Земля — совсем не плохое убежище...

— Я вам не нравлюсь, — сказал мне Тук, монах. — И вы мне тоже не нравитесь. Но позвольте сказать следующее. Вовсе не корыстные побуждения заставили меня привести моего друга к мисс Фостер. Я выше таких вещей. Истина — вот к чему устремлены все мои помыслы.

Я промолчал. А что тут скажешь? Видали таких...

— Я не могу видеть, — заговорил вдруг Смит, как будто с кем-то отсутствующим. — И не видел никогда. Я не знаю форм, кроме тех, которых коснулись мои руки. Я могу вообразить предметы, но эти образы будут неверными, так как мне непонятно, что такое цвет, хотя известно о его существовании. Слово «красный» что-то означает для вас, но абсолютно бессмысленно для меня. Невозможно описать цвет так, чтобы тебя понял слепой. Структуру — тоже... Питьева вода — как она выглядит? А как это — виски со льдом? Лед твердый и гладкий. Он вызывает чувство холода. Он — вода, превратившаяся в кристаллы, и он белый. Но что такое кристалл и что такое белый?.. У меня нет ничего от мира, кроме пространства, которое он мне дает, и мыслей, которыми делятся со мной другие люди. Но как узнать, безупречна ли интерпретация этих мыслей? Верны ли построения?.. Этот мир почти недостижим для меня, но он не единственный... — Смит поднял руку и легонько постучал пальцем по лбу. — Вот где размещается другой. Не воображаемый, а именно другой. Мир, данный мне неким существом. Я не знаю, где находится это существо — могу лишь утверждать, что очень далеко от нас. И еще мне известно, в какой стороне находится это «далеко»...

— Если так, — прошептал я, взглянув на Сару, — то он может быть компасом. Мы полетим в направлении, которое он укажет, и будем лететь до тех пор, пока...

— Да, — сказала она. — Именно так был использован Роско.

— Робот Найта?

— Робот Найта. О чем упоминается в письмах... Найт тоже обладал этим даром — но, так сказать, в легкой форме. Он чувствовал, однако, что там кто-то есть, и поэтому создал робота.

— Телепатического робота? Именно для этой цели?

Сара кивнула.

Я ошеломленно молчал. Потому что порция была не по зубам. Потому что речь шла о вещах, совершенно невероятных.

— Там — истина! — возвестил Тук. — Та, о которой мы даже не подозреваем! Я готов жизнь положить ради того, чтобы узреть ее свет!

— Положите, положите... — пообещал я. — Как только доберетесь до истины.

— Если она там, — деловито рассуждала Сара, — то ведь кто-то должен ее найти? Почему не мы?..

Я оглядел комнату. На нас по-прежнему смотрели головы причудливых и свирепых инопланетных существ. Некоторые из них были мне знакомы, о других я слышал, но тут имелись и такие, о которых не упоминалось далее в пьяной болтовне одиноких, измотанных космосом людей, время от времени слетающих в занюханый бар никому не известной планеты... Итак, стены увешаны. Для новых голов места не осталось. Все, связанное с охотой, в один прекрасный день может утратить свой аромат. И не только для Сары Фостер, грозы окрестных планет, но и для тех людей, которые в восторге от этого ее знака отличия! Пора, значит, подыскивать что-то новенькое, не менее забавное?..

— Никто и никогда, капитан, не узнает, что вы покинули Землю, — убеждала меня между тем Сара. — Здесь останется ваш двойник, который исчезнет, как только вы вернетесь — когда бы это не произошло.

— Двойник? Вы в состоянии оплатить его преданность?

Она улыбнулась.

— Я в состоянии оплатить все, что угодно... И кроме того, когда мы будем уже далеко отсюда, — его разоблачение, даже если оно произойдет, не очень-то нас встревожит.

— Да, если не считать, что мне хотелось бы вернуться назад.

— Вы вернетесь. Я все улажу.

— А если с этим человеком произойдет несчастный случай, и он погибнет?

— А вот это ни к чему. Его идентифицируют, и проделка не сойдет нам с рук.

Сару явно огорчила подобная перспектива — так явно, что мне стало не по себе и от ее реакции, и от намечаемой сделки. Я с неприязнью смотрел на этих людей и с отвращением думал об их затее. Но желание добраться до корабля и рвануть на нем в космос не пропало, а наоборот — стало непреодолимым. Земля уже стремительно утрачивала свою прелесть. На ней теперь можно было лишь гостить, но никак не жить. Я задыхался здесь и почти умирал. Насквозь пропитанный космосом, я не мог находиться вне его. Усыпанное звездами одиночество, тишина, возможность отправиться куда угодно в любой момент — все это было там. И что-то еще, невыразимое...

— Подумайте о вознаграждении, — наседала Сара Фостер, — а затем удвойте свою сумму. Заранее согласна.

— Но почему?! — изумился я. — Неужели деньги ничего для вас не значат?

— Значат. Но у меня выработалась привычка платить за то, что я хотела бы получить. В данном случае мне нужны вы, капитан Росс. Как человек, никогда не следовавший безопасными

маршрутами — с разметкой и указателями, и потому всегда опережавший других. Вы как никто подходите нам, капитан.

В дверях показался робот.

— Можно ли подавать обед, мисс Фостер?

Она смотрела на меня с вызовом.

— Надо подумать... — сказал я.

ГЛАВА 3

Подумать мне действительно следовало. Только чуть подольше. Чтобы не лететь куда попало. И не стоять теперь посреди этой пустыни, залитой лунным светом...

Смит по-прежнему ползал на четвереньках и хныкал. Его белые глаза светились, как у кота. К нему торопливо, путаясь в сутане, ковылял Тук.

Что же притягивает этих двоих друг к другу? Гомосексуализм отпадает: в тесноте корабля он давно обнаружил бы себя. Вероятно, какая-то иная связь... Смит, конечно, признателен за то, что его опекают; Тук, возможно, рассматривает приятеля, а вернее, голос в его голове, как своего рода ценную бумагу... И все же они связаны чем-то более прочным. Может быть, двух беспомощных недотеп сблизили их слабости, вызвавшие взаимное сострадание и понимание?..

Было светло как днем. Кроме луны, на небосводе светилось бесчисленное множество звезд, крупных и необычайно ярких. Казалось, их можно сорвать, как яблоки с дерева, лишь протянув руку...

Сара уже поднялась и стояла теперь с ружьем наизготовку.

— Я удержала его дулом вверх! — гордо сообщила она.

— Я горжусь вами, — сказал я.

— Ружье в таких случаях нужно держать дулом вверх, чтобы не засорилось. Это первое правило. Если б я не последовала ему — ствол был бы полон песка.

Джордж все еще стонал, но его междометия уже переросли в слова.

— Что происходит, Тук?.. — надрывно выкрикивал он. — Где мы?.. Что случилось с моим другом?.. Он исчез!.. Я не слышу его голоса!..

— Ради всего святого! — заорал я на Тука. — Поднимите его, отряхните, утрите ему нос и объясните, что тут происходит!

— Я не смогу объяснить, — пробурчал Тук. — Пока кто-нибудь не объяснит этого мне.

— Тогда слушайте... — сказал я. — Нас обвели вокруг пальца, мой друг! Как котят!

— Они вернутся! — истошно закричал Джордж. — Они вернутся за нами! Они не оставят нас здесь!

— Конечно! — Тук поднял его на ноги и отряхнул. — Они непременно вернутся! Как только взойдет солнце.

— А оно уже всходит, да?

— Нет. Сейчас на небе только луна и звезды...

Так здорово влипнуть! — подумал я. Угодить неизвестно во что, причем в компании двух чокнутых и рыжей Дианы, только и знающей, что держать дуло кверху!..

Я огляделся. Вокруг нас к небу тянулись величественные барханы. А в небе, кроме луны со звездами, не было ничего. Ни даже крохотного облачка. Как не было ни деревьев, ни кустов, ни живой былинки — внизу. Песок, песок, песок... Легкая прохлада должна была исчезнуть с первыми лучами солнца. Нас, скорее всего, ожидал долгий и жаркий день. И ни капли воды...

Борозды от наших тел шли по склону вниз. Нас, получалось, сбросили прямо над соседним барханом. Я быстро взобрался на него и прикладом начертил на песке глубокую линию, а также несколько идущих от нее стрелок.

Сара, внимательно следившая за моими действиями, спросила:

— Вы полагаете, что можно будет вернуться назад?

— Держать пари не рискнул бы, — сухо ответил я.

— Там был проем, вроде дверного. Он исчез, как только мы сквозь него пролетели.

— Пролетели мы уже тогда, когда сели на эту планету! С той самой минуты с нами выкидывают фокусы! И не спрашивают — хотим мы этого или не очень!

— Так или иначе, — сказала она, — но теперь нужно как-то выбраться отсюда...

— Если вы присмотрите за этими клоунами, чтоб они ничего не натворили, я немного пройдусь...

Она хмуро посмотрела на меня.

— Вы что-то задумали, капитан? У вас уже есть конкретный план?

— Нет... Просто не мешает ознакомиться с местностью. Было бы также неплохо обнаружить воду. Днем без нее придется туго.

— А если заблудитесь?

— Я вернусь по своим же следам. Если только не поднимется ветер и их не занесет... В таком случае я выстрелю вверх, чтобы вы видели луч — и приду на звук вашего ответного выстрела.

— Вы не думаете, капитан, что эти лошадки вернутся за нами?

— А вы — думаете?

— Кажется, нет... — тихо сказала она. — И все же мне непонятно... Мне непонятно, для чего это сделано! Наши вещи не могут представлять для них особой ценности!

— Они просто избавились от нас.

— Но ведь был наводящий луч! Если бы не луч, то...

— Не исключено, что все дело в корабле. Что их интересовало только он. Ведь там, на поле, до черта посуды, заманенных, скорей всего, тем же манером!

— А люди? Они тоже здесь? Или на других планетах?

— Не знаю... Пока что нам следует поискать местечко поприятней, чем эта песочница. И если таковое существует — немедленно туда перебраться. У нас нет ни пищи, ни воды.

Поправив на плече ружейный ремень, я двинулся по бархану вверх.

— Что я могла бы сделать? — крикнула Сара вслед.

— Следите, чтобы эти двое не затоптали мою черту и чтоб ее не засыпало.

— Вы придаете ей такое значение?

— Ориентир какой-никакой...

— Сомнительный ориентир, — сказала она. — Нас, по-моему, зашвырнули сюда через некую пространственно-временную дыру, весьма условную. И вряд ли существенно — где мы шлепнулись...

— Да, но это единственное, за что мы можем ухватиться.

Увязая ногами в песке, то и дело съезжая по склону, я наконец добрался до гребня и, отдышавшись, посмотрел вниз. Все трое стояли, задрав головы... И тут, к собственному великому удивлению, я почувствовал нежность к этой троице! К беспомощному, тихо помешанному Смигу, к липовому монаху Туку, к Саре, черт бы ее побрал вместе с ниспадающими локонами и допотопной пиццалью! При всех своих нелепостях они были сейчас просто человеческими существами, которые надеялись, что я смогу вытащить их отсюда. Они видели во мне человека бывалого, избородившего космос вдоль и поперек, способного выпутаться из любых передряг. Они полагали, что с таким мудрым капитаном не пропадешь... Бедные доверчивые дурачки! Я сам ни черта не понимал в происходившем! У меня не было никакого плана действий! Я был озадачен и пришиблен ничуть не меньше, чем они! Только не обнаруживал этого, продолжая вести себя так, словно имел в запасе какой-то безотказный трюк...

Я помахал им рукой, не слишком удачно изобразив бодрость и надежду, и влез на гребень.

Вокруг простиралась пустыня. Во все четыре стороны, до самого горизонта, тянулись огромные волны песка — причем каждая последующая строго копировала предыдущую. Деревьев — а значит, и воды — не было и в помине. Не было ничего. Только песок, песок, песок...

Я съехал по склону и поднялся на соседний бархан. Пустыня за это время отнюдь не преобразилась. Я мог продолжать свою

прогулку вечно — с тем же результатом. Пустыня могла занимать всю поверхность этой планеты.

Лошадки знали, что делали, сбрасывая в ту дыру своих седоков. Лучшего способа избавиться от нас не придумаешь. Они или те, кого они представляют, ловко разделались с нами. Завлекли лучиком, вытащили из корабля, тут же залив его какой-то гадостью, и, не дав опомниться, определили сюда. Спустили. По традиции, очевидно...

Я поднялся на следующий холм, слабо надеясь обнаружить в одной из небольших долин что-то стоящее. Воду, лучше всего. В ней мы нуждались как ни в чем другом. Или тропинку, которая вела бы в иные пределы, получше этих. Или местных жителей, готовых помочь. Представлялось маловероятным, правда, чтобы кто-то захотел тут поселиться...

В общем-то я разуверился. Ландшафт был безнадежно однообразным и неожиданностей не обещал. И вдруг мне в глаза бросилось это!

Конструкция, похожая на птичью клетку, стояла на самом верху ближайшего бархана, полузарытая в песок, и поблескивала металлическими прутьями! Кроме птичьей клетки она напоминала еще и капкан, поставленный на гигантского доисторического зверя, — причем уже умертвивший свою жертву.

Я снял с плеча ружье, крепко сжал его обеими руками и съехал вниз. Клетка исчезла из поля зрения.

Вскарабкавшись снова, теперь уже чуть левее, вкрутив носки ботинок в песок и осторожно высунувшись из-за гребня, я мог теперь наблюдать.

От клетки вниз шла глубокая песчаная борозда, не успевшая как следует затянуться. Клетка, следовательно, была высажена сюда недавно, только что. Почему я решил, что она именно высажена, а не поставлена кем-то на этот гребень? Потому что так говорил мне мой нюх. Потому что походило на то.

Клетка, возможно, являлась особого вида кораблем — весьма странным, в виде каркаса без оболочки. И если это был в самом деле корабль, то его живая начинка либо погибла либо отправилась прогуляться...

Я внимательно оглядел весь склон и в правой его части, довольно далеко от клетки, заметил тянувшийся от самого гребня след, похожий на санный. Он исчезал в непроглядной дымке, заполнявшей долину, и явно заслуживал внимания.

Я сполз чуть пониже и переместился вправо, быстро и почти бесшумно, каким-то паучьим ходом. Моя ловкость утраивалась от мысли, что на противоположной стороне, быть может, притаился и наострил уши некто.

Осторожно выглянув, я увидел след вновь. Он был теперь гораздо ближе, хотя и по-прежнему справа от меня.

Из мутной пустоты долетел странный скрипящий звук — словно кто-то царапнулся. Вскоре звук повторился — сопровождаемый все тем же динамическим намеком, и я, изготовившись на всякий случай к стрельбе, замер.

Возобновившийся шорох на этот раз сопровождался звуками, напоминавшими жалобные стоны. Что-то там шевелилось, в этой тени, что-то, вне сомнений, барахталось! И ждать, пока все объяснится само собой, не стоило.

— Эй! — крикнул я.

Ответа не последовало.

— Эй, внизу!

Похоже было, что существо, с которым я пытался установить контакт, совершенно не владеет жаргоном нашего галактического сектора. Оно откуда-то издалека. И поболтать нам не удастся...

И вдруг я услышал свиное уханье, в котором не так-то просто было различить многократно повторенный вопрос.

«Друг? Друг? Друг?..» — без конца ухало внизу.

— Друг! — ответил я.

— Нуждаюсь в друге, — сообщил голос. — Приблизьтесь, пожалуйста. Это безопасно. Я безоружен.

— В отличие от меня, — довольно мрачно ответил я.

— Оружие не понадобится, — донеслось из темноты. — Я в ловушке и беспомощен.

— Что там у вас наверху? Корабль?

— Корабль?

— Ну-у... средство передвижения?

— Совершенно верно, дорогой друг. Средство. Развалившееся. Недействующее.

— Ладно, я спускаюсь. Но учтите: мое ружье направлено на вас. Малейшее движение, и...

— Спускайтесь, спускайтесь, — подбодрил голос, интонационно приблизившись к сигналу сирены. — Буду в распростертом и неподвижном состоянии...

Я перешагнул через гребень и бросился по крутому склону вниз, стараясь быть не слишком удобной мишенью и потому сжимаясь всем телом.

Закончив спуск и настороженно оглядевшись, я заметил черный застывший холмик.

— Ага, — сказал я. — Ну-ка, ко мне!

Холмик приподнялся, побарахтался и улегся снова.

— Лучше вы, — сказал он. — У меня не получается.

— Ну хорошо, лежи...

Подбежав к холмику совсем близко, я принялся его рассматривать.

Массивную голову этого красавца венчало множество щупалец, безвольно раскиданных на песке. Тело, длиною фута четыре,

сужалось от головы и заканчивалось тупым обрубок. Руки-ноги отсутствовали. Вероятно, он вполне обходился щупальцами. Одежды, снаряжения, оружия не было.

— В чем дело? — поинтересовался я. — Может быть, нужна помощь?

Щупальца подпрыгнули и стали беспокойно извиваться — как змеи в корзине. Из рта, окруженного этой прелестью, вырвался хриплый ответ:

— Мои ноги слишком коротки. Они тонут и не несут меня. Я могу только разгребать этот песок. И закапываться все глубже.

Пара щупалец с глазами на кончиках вытянулись и подвергли меня беглому осмотру.

— А если я помогу тебе выбраться?

— Бесполезно. Опять увязну.

Щупальца, теперь уже не спеша, скользили по мне своим взглядом, сверху вниз, словно измеряя.

— Вы крупный, — изрекло существо. — И наверное, достаточно сильный?

— Ты хочешь знать, смогу ли я нести тебя?

— Лишь до того места, где подо мной будет что-то твердое, — торопливо заверило оно.

— Не знаю таких мест...

— Не знаете? В таком случае, вы не с этой планеты.

— Точно. Ты, значит, тоже?

— Я?! Да ни один уважающий себя представитель моей расы не опустился бы до того, чтоб опорожнить здесь свой кишечник, сэр!

— А не отнести ли тебя к твоему кораблю? — спросил я, присев на корточки.

— Нет. Потому что там ничего нет.

— Так уж и ничего. А пища? А вода? — Последняя, надо сказать, интересовала меня все больше и больше.

— Я не нуждаюсь в них, так как нахожусь в своем втором «я». Его потребности ограничены легкой защитой от космического вакуума и небольшим количеством тепла, необходимого для живой ткани...

Вот так, сказал я себе. Второе «я» у нас — и все тут. Удивляйтесь, но расспрашивать не торопитесь. Потому что реакция predetermined. Сначала удивление или даже ужас, вызванный вашей дремучестью, затем безуспешная попытка что-то вам объяснить, и наконец — полный текст диссертации, доказывающей превосходство изложенной концепции над всеми прочими... Может случиться и так, что вы коснулись жуткого табу. И ваши вопросы оскорбительны... Нет, как небрежно была упомянута живая ткань! Слово что-то третьестепенное!.. Да ладно. Ничего особенного. Со всякими странностями столкнешься в космосе. Обычно, правда, не сталкиваешься, а обходишь или вообще игнорируешь...

Итак, я должен был вызволить это создание из неприятностей. Но понятия не имел — как. Можно доставить его туда, где меня дожидались те трое и где ему было бы ничуть не лучше... Развернуться и уйти, плюнув при этом, нельзя. Лежавшее передо мной заслуживало и учтивости, и сострадания...

С того самого момента, когда я увидел клетку и понял, что она — разбившийся корабль, мысль о запасах провианта, оставшихся на борту, придавала мне силы. А теперь вот выяснилось, что никаких запасов нет. И существо, перед которым я сидел, не в силах помочь нам. Оно само нуждается в помощи, которую я не мог оказать. От всего этого трещала голова...

— Ничего хорошего предложить тебе не могу... — сказал я. — Мы тут вчетвером, и у нас нет ни пищи, ни воды.

— Как вы попали сюда?

Я начал объяснять ему, но вскоре понял, что напрасно теряю время, пытаюсь найти нужные слова. И разве, в конце концов, это имело значение — как мы сюда попали? Но меня, кажется, поняли.

— Ах вот так, — сказало существо.

— Мы ничего не можем для тебя сделать — ясно?

— Но ведь вы можете отнести меня на свою стоянку?

— Да, могу.

— Или у вас другие планы?

— Нет-нет... Если ты хочешь...

Конечно, я не горел желанием тащить его через барханы. Но послать бедолагу к черту, холодно просчитав все «за» и «против», было бы еще тяжелее...

— Я очень хочу, — сказало существо. — Когда кто-то рядом — спокойнее. Одному — плохо... К тому же в числе — сила. А в ней может возникнуть надобность.

— Между прочим, меня зовут Майк, — представился я. — Моя планета называется Земля. Она между Килем и Лебедем...

— Майк, — повторило оно, вернее, тщетно попыталось. — Это приятно щекочет голосовые связки... Местоположение вашей Земли мне неизвестно. Слышу впервые это название. Вы будете в том же недоумении, если я обозначу координаты своей планеты. С именем дело обстоит еще сложнее. Эта конструкция, включающая в себя идентификационные данные, вряд ли усвоится вами. Назовите меня как-то по-своему, коротко и просто.

Заводить разговор о наших именах было, конечно, самое время. А ведь я не намеревался делать этого! Мое «Майк» вырвалось совершенно ни с того ни с сего, почти инстинктивно! И ситуация удивительным образом изменилась. Мы больше не были абстрактными чужаками, столкнувшись по воле случая. Мы были двумя индивидами.

— Как насчет имени Хух? — спросил я и тут же пожалел о своей поспешности.

Имечко было не шедевр. От таких отказываются.

Но мой собеседник придерживался другого мнения. Задумчиво покачав щупальцами и повторив это имя несколько раз, он сказал:

— Хорошо. Замечательно. Очень подходит... Привет, Майк!

— Здорово, Хух, — отозвался я и, обхватив его обеими руками, вскинул на плечо.

Он оказался тяжелее, чем я думал, а округлости его тела были уж совсем некстати. Уложив наконец этот бурдюк более-менее устойчиво, я стал взбираться по склону.

Тяжелая ноша вынуждала меня двигаться по бесконечной диагонали, ноги по щиколотку уходили в песок, и каждый дюйм стоил немалых усилий. Честно говоря, я не предполагал, что это будет так скверно.

Добравшись наконец до гребня, я опустился на колени и, осторожно сняв Хуха с плеча, лег.

— Я причиняю вам много хлопот, Майк, — сказал Хух. — Я обуза для вас.

— Дай отдышаться... Тут уже недалеко...

Перевернувшись на спину, я стал разглядывать небо. Оно сияло. Прямо над головой висел голубой гигант, похожий на драгоценный камень. Чуть в стороне тлел уголек сверхгиганта. Терпеливая рука неведомого художника оживила черноту мириадами звезд.

— Где мы, Хух? — спросил я. — В какой части Галактики?

— Это одно из сферических скоплений. Разве вы не знали?

Я предполагал. Потому что — планета, к которой привел нас этот редкий идиот Смит, располагалась вдали от плоскости Галактики, в сферической ее подсистеме...

— Твой дом где-то здесь?

— Нет, — ответил он. — Далекко.

По тону, каким это было сказано, я понял, что продолжать расспросы не стоит. Хух явно не хотел откровенничать со мною, и явно неспроста. Он мог находиться в бегах, быть выдворенным или просто беженцем. Такие вещи время от времени происходят. Космос полон скитальцев, не имеющих возможности вернуться домой...

Я смотрел на звезды и размышлял о том, куда же именно мы попали. Нас, конечно, могли швырнуть к любому из сферических скоплений. В транспортировках такого рода расстояние вряд ли что-то значит. Координаты, собственно, тоже не имеют значения. Если мы не обнаружим воды, то продержимся очень недолго. Перекусить, конечно, тоже не мешает, но главное — вода... Я вяло удивился собственному спокойствию. Бесчисленные переделки, в которые приходилось попадать, сделали меня достаточно хладнокровным. А что, если запас везения исчерпался и на этот раз уже не выпутаться? Если подкралось то, чего так долго удавалось избегать? И либо сама планета, либо какая-то некоммуникабель-

ная скотина прикончит меня? Ну прикончит — так прикончит, если судьба. А заранее нечего терзаться...

Я уже почти представил, каким образом это стряsetся, — но тут что-то ткнулось в плечо.

— Майк! — квакнул Хух, деликатно прикоснувшись ко мне одним из щупалец. — Посмотрите! Мы не одни!

Вскочив, я крепко сжал свое ружье...

Из-за бархана, в том месте, где стоял потерпевший аварию корабль Хуха, выкатывалось колесо. Его зеленая ступица ярко блестела в лунных лучах. Видимая часть колеса возвышалась над гребнем футов на сто. Десятифутовой ширины обод сверкал, как хромированный, и был соединен со ступицей множеством серебряных спиц.

Теперь колесо не двигалось. Оно нависало над клеткой, которая в сравнении с ним казалась разбитой игрушкой.

— Оно живое? — спросил Хух.

— Возможно.

— Тогда будет лучше, если мы подготовимся к защите.

— Будет лучше, если мы будем вести себя смирно, — прошипел я.

Оно наблюдало за нами, вне всяких сомнений. И возможно, появилось здесь для того, чтобы исследовать обломки корабля. На вид в этом колесе не было ничего живого, однако, как мне казалось, зеленоватая ступица вполне могла оказаться каким-то существом.

Колесико могло в любой момент убраться — так же неожиданно, как появилось. Но даже если это не входило в его планы — нам не следовало лупить по таким странным мишеням...

— Съезжай-ка ты вниз, Хух... Если придется драпать, я прихватчу тебя.

Он помахал щупальцем, энергично выражая свое несогласие.

— Вам может понадобится мое оружие.

— Ты ж сказал, что у тебя его нет

— Грязная ложь! — радостно крикнул он.

— Значит, ты мог сделать со мной все, что угодно? — возмутился я. — И в любой момент?

— Да нет же! Ведь вы пришли мне на помощь! А скажи я правду, могли и не приблизиться.

Я не стал развивать тему. Пока эта хитрая бестия Хух был на моей стороне, не стоило придирааться...

Вдруг кто-то окликнул меня, и, обернувшись, я увидел Сару, которая стояла на соседнем бархане. Слева от нее из-за гребня торчали еще две головы.

Она воинственно сжимала в руках свое дурацкое ружье, и у нее вполне могло хватить ума, чтобы этим ружьем тут же и воспользоваться.

— Как дела, капитан? — крикнула Сара.

— В порядке, — спокойно ответил я.

— Не нужна ли наша помощь?

— Помощь? Пожалуй... Вы можете доставить моего приятеля на стоянку.

Я сказал «на стоянку» — потому что нужно было как-то назвать это место, не имевшее названия, а сквозь зубы тихо процедил:

— Выбрось из головы все свои глупости, Хух, и быстренько съезжай вниз...

Колесо пока оставалось на прежнем месте. Оно явно меня рассматривало. И я уставился на него исподлобья, приняв бравый вид, готовый в любую секунду ретироваться.

Было слышно, как Хух прошуршал по склону. И немедленно раздался вопль Сары.

— Что это за гадость? Где вы ее откопали?

Я оглянулся вновь и, увидев ее стоявшей над Хухом, заорал в свою очередь:

— Тук! Спуститесь и помогите мисс Фостер! Только предупредите Смита, чтоб оставался на месте, а не разгуливал!

Этому чокнутому слепому ничего не стоило побежать за своим дружком. Возись потом с ним...

— Но, капитан... — В голосе Сары было раздражение, недоумение и многое другое.

— Он в таком же положении, как и мы! Он не отсюда, и ему нужна помощь! Так что оттащите-ка его, куда вас просят!..

Колесо вдруг ожило. Величаво вращаясь, оно поднималось вверх.

— Шуруйте отсюда! — не оборачиваясь, крикнул я Туку с Сарой.

Почти полностью выползшая из-за бархана, эта чертова штуковина замерла. Самым странным было то, что в небе висело действительно колесо, самое настоящее колесо, а не какая-то конструкция, похожая на него.

Широкий и толстый — примерно в фут — обод неведомым образом сочетал в себе массивность и изящество. Зеленоватая ступица в центре плавала — иначе не скажешь. Спицы, при всем их количестве, не могли удержать ее на месте... Кроме спиц между ободом и ступицей — я заметил это только сейчас — протянулось множество тончайших проводков, напоминающих паутину. Ступица на паука не походила. Она была просто шаром...

Быстро оглянувшись, я уже никого не увидел. На склоне осталось множество глубоких следов.

Съехав вниз и поднявшись по этим следам, я посмотрел на колесо. Оно висело на прежнем месте.

За следующим барханом уже виднелась стоянка. Вся компания была там.

— Колесо висело. Наверное, это вся его программа, подумал я. Прикатилось, посмотрело и теперь, удовлетворив свой интерес, думает о других делах...

Я уже собрался спуститься, когда ко мне вдруг вскарабкалась сияющая Сара.

— У нас появился шанс, капитан!

— Шанс выбраться отсюда?!

— Вы ведь рассказали своему Хуху о происшедшем с нами? Так вот, он, кажется, знает толк в таких вещах.

— Но, по-моему, он даже не понял, о чем я веду разговор!

— Да, кое-что было ему действительно непонятно. Но он тут нас расспросил, и теперь они занимаются этим...

— Они?

— Да. Джордж с Туком помогают. И особенно кстати пришла помощь Джорджа. Кажется, он уже различает дверь...

— Ну, этот нам наразличает, — усмехнулся я.

— Мне бы очень хотелось, капитан, чтобы вы оставили свои наскоки.

Я не хотел ругаться с ней и молча скользнул вниз.

Двое на корточках и один полузарывшийся в песок расположились шеренгой. Тук пристально вглядывался куда-то прямо перед собой. Лицо Смита выражало крайнее напряжение. Щупальца Хуха, подрагивая кончиками, тянулись вперед.

Я посмотрел туда, куда был устремлен взгляд Тука, и ничего не увидел — ничего, кроме бархана, уходившего к небу.

Подошла Сара, и мы вдвоем встали позади этих жрецов. Было совершенно непонятно — что происходит, но я решил не вмешиваться. Если есть даже ничтожный шанс открыть дверь, рассуждал я, то почему бы им не воспользоваться...

Внезапно щупальца Хуха обмякли, а Тук со Смитом сгорбились. По всему было видно, что их постигла неудача.

— Требуется больше энергии, — сказал Хух. — Если бы все мы...

— Все? — переспросил я. — Боюсь, что не подойду для такой работы. Кстати, в чем она заключается?

— Мы сосредотачиваемся на двери, — ответил он. — Пытаемся открыть ее...

— Она по-прежнему здесь! — воскликнул Джордж. — Я чувствую это!

— Мы с вами должны попробовать, — решительно заявила Сара. — Это будет наш скромный вклад.

Она опустилась на корточки рядом с Хухом и спросила:

— Что нужно делать?

— Вы должны представить дверь, — сказал Тук.

— А затем потянуть ее на себя, — добавил Хух.

— Чем потянуть? — поинтересовался я.

— Мыслью! — ядовито ответил Тук. — Это тот самый случай, когда длинный язык и тугие мышцы совершенно ни к чему!

— Весьма неуместное замечание, — приструнила его Сара.

— А чем, спрашивается, он был занят все это время? — не утихал Тук. — Орал и дрался!

— Брат мой! — мягко сказал я. — Если ты действительно так считаешь, то, как только мы выпутаемся из...

— Успокойтесь оба! — крикнула Сара. — Капитан! Прошу вас...

Она разровняла песок рядом с собой, и я тоже присел на корточки, чувствуя себя идиотом.

Впервые в жизни я сталкивался с такой концентрированной тупостью! Нет, я не сомневался, что кто-то при помощи своей психической энергии может творить подобные чудеса... Но мы, человеческие существа, ни в чем подобном до сих пор замечены не были! Впрочем, от уникалов вроде Тука с Джорджем жди чего угодно...

— А теперь, — сказал Хух, — все вместе представим дверь.

Его щупальца выстрелили вперед и тихонько задрожали...

Я сосредоточивался изо всех сил. Я старался увидеть дверь и... действительно увидел! Призрачную дверь со слабо светящимся ореолом! Мне захотелось открыть ее, но не за что было ухватиться! И все же я пытался. Я даже чувствовал, как пальцы мои скользят по гладкой поверхности этой чертовой двери.

Очень скоро мне стало ясно, что мы ничего не добьемся. Дверь вроде бы начала приоткрываться — но щель была слишком узка, чтобы можно было проникнуть в нее. Открыть же дверь пошире нам не хватало времени — то есть сил.

На меня навалилась усталость, и я понимал, что остальные тоже не в лучшем состоянии. Я знал, мы будем пробовать еще и еще раз, пока не выбьемся из сил окончательно... Неудача при первых попытках будет означать гибель...

Я напрягся сильнее и, как мне показалось, ухватился за дверь. Я потянул ее и почувствовал, что другие тянут тоже. Дверь поддавалась! Она качнулась в нашу сторону на невидимых петлях, и уже казалось, можно просунуть в щель руку!.. Впрочем, хотя я потел наравне с остальными, знание того, что дверь наша ирреальна, — не улетучивалось...

А потом, когда дверь приоткрылась еще чуть-чуть — мы не выдержали. Все одновременно... И двери не стало. Перед нами был только песок.

Что-то скрипнуло за нашими спинами. Я вскочил и развернулся. Над нами висело колесо.

Из зеленой массы, по-прежнему расположенной в центре, выдвинулся комок и, качаясь на серебристой паутине, стал спускаться. Комок не был пауком, хотя в очертаниях и способе его передвижения проглядывало что-то паучье. Милейшим существом показался бы паук рядом с этим чудовищем, неотвратимо скользившим вниз, — колышущейся мерзостью, слизью с дюжиной не то рук не то ног, с тем, что могло бы быть лицом, если бы не внушало такого нечеловеческого ужаса и гадливости, не оскорбляло своим видом все ваше существо.

По мере приближения к нам комок издавал все более громкие звуки. У него не было рта, но шум, порождаемый им был нестерпимым. В этом шуме слышался и хруст костей, разгрызаемых огромными зубами, и урчание зверя, исходящего слюной при виде падали, и сердитое бормотание безумца, и многое другое.

Добравшись до обода и спрыгнув — уже без паутины — на бархан, комок возвышался теперь перед нами. С его тела без конца что-то капало на песок, темнеющий от этой гадости.

Комок колыбался, едва не лопаюсь от злости, и шум, производимый им, наполнял всю пустыню.

В этом шуме мне слышалось — вернее, я чувствовал — слово. «Прочь! Прочь! Прочь!» — вот что пыталось вырваться из хаоса звуков.

Неизвестно откуда налетел ветер — очень странный ветер: он сбил нас с ног и потащил неизвестно куда, не подняв при этом ни песчинки. Пышущий злобой комок, стоя враскорячку, наблюдал...

Казалось, что под нами уже нет песка и мы катимся по мостовой... А потом исчезли барханы, и воцарилась совершенная тишина. Мы уткнулись в глухую стену.

Тишина, впрочем, была вскоре нарушена чокнутым Смитом. — Он вернулся! Мой друг вернулся! Он опять в моей голове! Он вернулся ко мне!

— Заткнись! — рявкнул я.

Смит притих, но бормотать продолжал, восседая с выставленными вперед ногами и глупейшим выражением экстаза на лице...

Оглядевшись, я понял, что мы вернулись туда, откуда нас так бесцеремонно выбросили — в комнату с каменными плитами, демонстрирующими образцы других миров. Вернулись благополучно, но совершенно неожиданным способом... Будь у нас достаточно времени, чтобы открыть ту дверь — мы, возможно, попали бы сюда и без посторонней помощи, но нетерпеливая пустынная тварь решила ускорить процесс...

Ночь здесь уже сменилась днем. Сквозь широкий дверной проем слабо струился желтый солнечный свет.

Славные лошадки вместе с гномообразным гуманоидом, определившим нас в пустыню, отсутствовали.

Подтянув брюки, я снял с плеча ружье. Мне не терпелось кое с кем рассчитаться.

ГЛАВА 4

Мы обнаружили их в большой комнате, напоминающий склад.

Гномоподобное существо, согнувшись, исследовало наш багаж, разложенный на полу. Часть вещей была, похоже, осмотрена, другая — дожидалась этой процедуры.

Гнома, — увлеченно копавшегося в очередной сумке, окружали лошадки. Они тихонько раскачивались, наблюдая за работой, и, хотя резные их морды не могли иметь никакого выражения — я видел: трофеи пришлись по вкусу...

Они были настолько поглощены своим занятием, что нам удалось войти незамеченными. Тут лошадки испуганно вздыбились, гном стал медленно — очевидно, у него затекла спина, — разгибаться.

Выпрямившись наполовину, он посмотрел на нас сквозь неопрятные лохмы, похожий в эту минуту на английскую овчарку.

Мы остановились и молча смотрели на них.

Гном наконец распрямился и, окруженный все еще вздыбленными лошадками, стал потирать свои узловатые пальцы.

— Мы намеревались отправиться за вами, мой повелитель, — сказал он.

Я указал ружьем на наши раскиданные по полу вещи. Он понял мой жест и замотал головой.

— Не более, чем формальность. Таможенный досмотр.

— Хотите обложить все это пошлиной?

— О нет! Просто некоторые из ваших вещей не подлежат ввозу на нашу планету. Никаких пошлин! Впрочем, если вам захочется сделать небольшой подарочек... Так редко подворачивается случай приобрести что-то действительно стоящее! Мы, кстати, можем оказать вам ряд очень ценных услуг. Укрытие от опасности, а также...

Я обвел взглядом помещение. Склад был забит ящиками, корзинами и менее традиционными емкостями. Уйма самых разнообразных предметов была свалена в одну огромную кучу.

— Похоже, — сказал я, — что дела у вас идут не так уж плохо! Если бы меня кто-то спросил, верю ли я, что вы действительно думали о нашем возвращении, я ответил бы отрицательно. Будь ваша воля — мы торчали бы в пустыне до конца своих дней.

— Клянусь! — взвизгнул гном. — Мы собирались открыть дверь! Но ваши вещи оказались столь восхитительными, что чувство времени покинуло нас!

— Скажите-ка лучше, зачем мы были заброшены в эту пустыню?

— Чтобы защитить вас от смертельных вибраций, — объяснил гном. — Мы, кстати, тоже спрятались... Эти вибрации возникают всякий раз, когда на планету садится корабль — и возникают они ночью...

— Это землетрясение? — спросил я. — Я хотел сказать — внутрипланетные толчки?

— Нет. Сотрясение всего вашего существа. Оно разрушает мозг и разрывает тело в куски. Все живое уничтожается им. Поместив вас в другой мир, мы спасли ваши жизни...

Он врал. Ему ничего другого не оставалось. Он нагло заливал о своих намерениях вернуть нас обратно, крыса такая! Печься о нашем возвращении было ему совершенно ни к чему. Он получил от нас все, что хотел.

— Ты, урод! — сказал я. — Брось вкручивать! С чего это вдруг посадка корабля вызовет такие вибрации?

Он поднес скрюченный палец к картошкообразному носу.

— Этот мир закрыт. Никого никогда сюда не приглашают. Гости, которые время от времени появляются, должны остаться здесь навсегда. Планета запечатывает все корабли, и побег делается невозможным. А с ним и утечка информации.

— Сюда не приглашают, говоришь? — Заорал я. — А наводящий луч? Вы заманили нас сюда, чтобы просто-напросто выкинуть в пустыню и завладеть всем нашим багажом! Вы уже прибрали к рукам все, кроме нашего корабля, который запечатан, как и все прочие! Не случайно лошадки настаивали на том, чтобы мы взяли с собой вещи! Они знали, какая участь ожидает корабль! Видно, вы просто не придумали, как избежать этого запечатывания!..

Он кивнул.

— Да, сэр. Это одно из характерных свойств закрытой планеты. Пока что мы бессильны против него...

Теперь, подумал я, гном будет соглашаться со всем, что бы я ни сказал — напустив на себя самый искренний вид. Еще один подленький среди встреченных мной приматов...

— Я не могу понять вот еще чего... — продолжил гном. — Каким образом вам удалось вернуться? Ведь никто не возвращается из этих миров без нашей помощи!

— Вы по-прежнему будете утверждать, что собирались нас вызволить?

— Да, клянусь. И вы сейчас же можете получить все свои вещи. У нас даже в мыслях не было что-то присвоить!

— Замечательно! — сказал я. — Весьма разумное решение! Но нас интересуют также и другие вещи...

— Какие? — спросил он немного раздраженно.

— Нас интересует информация об одном человеке. О гуманоиде, очень похожем на нас. С ним был робот.

Глаза гнома забегали — он явно собирался с мыслями. Я шевельнул дулом ружья — и небезрезультатно.

— Было, — сказал гном. — Давно. Очень давно.

— Это был единственный человек, прилетевший к вам?

— Нет. Прилетали и другие из ваших... До него... Шесть или семь... Они покинули город, и больше я их не видел...

— Вы не отправляли их в другой мир?

— Почему же... Мы отправляем туда всех! Это необходимо, потому что каждое новое прибытие вызывает смертоносную волну. После того, как волна проходит — мы снова в безопасности, и прибывшие извлекаются нами из своих убежищ.

Возможно, подумал я, он говорит правду. Или какую-то ее часть. А может быть, он имеет иную точку зрения на все происходящее — только не спешит ознакомить нас с ней? Или не решается, будучи однажды схваченным за руку?..

— И как только прилетит новый корабль — снова поднимется эта волна, да?

— Да, но лишь в городе, — уточнил гном. — За его пределами вы в безопасности.

— А что, никто из прибывших не остается в городе?

— Нет. Они идут охотиться за кем-то, находящимся, по их мнению, вне города. Все они за кем-то охотятся.

Господи! — подумал я. — Все они действительно идут по чьему-то следу! Кто знает, в скольких головах уже звучал голос, услышанный Смитом, и сколько самых разнообразных существ на этот голос устремилось...

— Они не рассказывали вам об объекте своей охоты? — спросила Сара.

Гном криво усмехнулся.

— Скрывали.

— Ну, а тот гуманоид, что прилетел к вам с роботом — он...

— С роботом? Вы имеете в виду очень похожего на него металлического гуманоида?

— Не прикидывайтесь! — не выдержал я. — Вы прекрасно знаете, что такое робот! Эти ваши лошадки — тоже роботы!

— Мы не роботы, — возразил Доббин. — Мы самые настоящие лошадки.

— А ты заткнись!

— Ах да... — сказал гном. — Вспомнил. Гуманоид с роботом тоже ушел и не вернулся. Правда, спустя какое-то время вернулся робот. Но он ничего не говорил мне. Ни слова.

— И этот робот все еще здесь?! — воскликнула Сара.

— У меня имеется только часть. А вот другая — та, что приводит его в действие, — к сожалению, отсутствует. Кажется, вы назы-

ваете это мозгом... Я продал мозг диким лошадкам, обитающим в здешней пустыне. Они очень хотели его заполучить и хорошо заплатили. К тому же, отказать им было опасно для моей жизни.

— Где нам искать этих диких лошадок? — поинтересовался я. Гном пожал плечами.

— Кто знает... Они могут оказаться где угодно. Хотя чаще всего — к северу отсюда... Дикие, совершенно дикие...

— Если лошадки такие дикие, то зачем им понадобился мозг Роско? — спросила Сара. — Каким образом они могли его использовать?

Плечи гнома приподнялись снова.

— Понятия не имею. У этих существ не очень-то спросишь. Грубые и необузданные... Да, туловище у них лошадиное, но головы такие, как ваши. И еще руки. Эти твари к тому же имеют привычку вопить, как безумные.

— Кентавры! — вскричал Тук. — Насколько мне известно, в пределах Галактики их едва ли не больше, чем гуманоидов! И они, как справедливо заметил этот джентльмен, весьма строптивы! Впрочем, мне не доводилось встречаться ни с одним из них...

— Значит, вы продали только черепную коробку... — вернулся я к теме. — А все остальное — у вас.

— Да. От туловища они отказались. Оно здесь.

Оставив ненадолго космический аргумент, я, уже по-английски, обратился к Саре.

— Что вы обо всем этом думаете? Может быть, пора заняться поисками Найта?

— Это было бы здорово, если...

— Если Найт еще жив, то он сейчас глубокий старик. Но скорее всего он умер. Не забывайте, что робот, который не смог бы бросить его просто так, вернулся!

— Нужно выяснить, куда и зачем он шел. Мы должны найти мозг Роско и вернуть этот мозг на прежнее место. Робот нам все расскажет.

— Гному, между прочим, он не сказал ни слова.

— Гном есть гном. А мы люди, и очень похожие на тех, кто сделал Роско. Если в него заложена преданность — она должна распространяться и на нас.

— Так вот... — сказал я, повернувшись к гному. — Нам понадобится тело робота и карты этой планеты. Запас воды, разумеется, тоже. Лошадки, которые повезут нас, наши вещи и...

Вскинув руки, он в ужасе отпрянул от меня и энергично замотал головой.

— Придется обойтись без лошадок! Они нужны мне самому.

— Дайте же закончить! Дело в том, что мы берем с собой и вас!

— Это невозможно!!! — душераздирающе крикнул Доббин. — Кто будет предупреждать вновь прибывших об опасности и помещать их в укрытие? Сэр! Вы должны понять, что...

— Все учтено, — успокоил я Доббина. — Мы просто уберем луч. Не будет приманки — не будет и гостей.

— Вы не сможете его убрать! — заверещал теперь уже гном. — Никто не может сделать этого! Потому что местонахождение трансмиттера никому из нас не известно! Я пытался найти его! И до меня тоже искали! Бесполезно.

Вид его был крайне подавленный.

— Пр-роклятые... — выдавил я из себя.

— Я так и знала, — сказала Сара. — И, откровенно говоря, была озадачена этим с самого начала... Наш дохлый дружок явно не из тех, кто построил город и позаботился о луче. Он просто живет здесь, в этой каменной пустыне. Дикарь, пробавляющийся случайными обедками...

Мне, конечно, следовало раскусить его самостоятельно. Но злость на этого гнома, который мало того, что швырнул нас черт знает куда, — так еще и копался в нашем багаже, — злость эта мне помешала. Я жаждал крови. Я был в таком состоянии, что мог просто прибить этого маленького поганца, сделай он еще хоть один неверный шаг...

— Ну-ка, выкладывайте все начистоту! — строго приказала гному Сара. — Ведь это не вы и вам подобные построили город — не так ли?

— Вы не вправе допрашивать меня? — взвизгнул гном, и лицо его гневно перекопилось. — Мне тошно и без этого!

— Мы вправе, — сказал я. — Потому что хотим разобраться в происходящем. Даю вам пять секунд на размышление...

Он не воспользовался этими секундами. Ноги его подкосились, и он тяжело опустился на пол — после чего, ухватившись за живот, принялся раскачиваться взад-вперед.

— Я скажу... — простонал этот страдалец. — Я все скажу — не стреляйте... Но как мне стыдно! Какой позор!..

Он поднял на меня горестный взор и продолжил:

— Я не могу лгать... Если б мог, то солгал бы... Но кое-кто из присутствующих немедленно меня разоблачит...

— Кто? — спросил я удивленно.

— Я, — сказал Хух.

— Как ты это делаешь?! Вживленный детектор лжи?

— Это одна из моих скромных способностей. Вряд ли я смогу объяснить вам, как это происходит. Радиус действия не слишком велик, но в данном случае достаточен. Особа, с которой вы беседуете, учитывает этот фактор и потому говорит вам правду, хотя и не всю.

— По-моему, — сказал гном, все еще глядя на меня, — в такие вот моменты мы, гуманоиды, должны держаться вместе. Узы, которые нас...

— Никакими узами я с вами не связан, — отрезал я.

— Вы слишком суровы, капитан, — заметила Сара.

— Это только начало, мисс Фостер! Мне нужно, чтобы он ответил!

— Но, может быть, у него какая-то причина...

— Нет у него никакой причины!.. Ты, вонючка! У тебя есть причина не отвечать?

Выдержав долгую паузу, он решительно потрянул головой и сказал следующее:

— Моя честь оскорблена. Память моих предков поругана... Это тянулось так долго — наше притворство, что иногда нам начинало казаться, будто город и в самом деле создан нами. Если бы вы не растормошили меня, а еще лучше вовсе не появились бы здесь, я и умер бы, согреваемый этим сладким обманом. И никого бы не волновало потом, узнай хоть вся Вселенная, что архитекторами были не мы. Потому что я последний из тех, кого это может волновать. Потому что я последний из нас... Мои обязанности будут унаследованы вот этими лошадками, которые возложат их когда-нибудь на кого-то другого... Кто-то должен быть здесь всегда, чтобы предупреждать обитателей планеты об опасности и укрывать вновь прибывших...

Я посмотрел на Доббина.

— Ну, а ты что скажешь обо всем этом?

— Ничего, сэр. Я не скажу вам ничего. Вы несправедливы по отношению к нам. Мы спасли вашу жизнь, поместив на время в другой мир, а вы говорите, что вас не собирались возвращать. Вы очень разгневались, увидев своего благодетеля в момент удовлетворения обычного любопытства, которое вызвали ваши вещи. Вы угрожаете ему, даете какие-то секунды на размышление, ведете себя крайне развязно и...

— Хватит! — крикнул я. — Он еще будет меня воспитывать, робот несчастный!

— Мы не есть роботы! Говорю вам еще раз: мы есть только обыкновенные лошадки!..

Итак, снова эта нелепица, все в том же гордом исполнении. Если б меня не душила злость, я наверняка расхохотался бы... Да, разобраться в происходящем будет не так-то просто...

Я нагнулся, решительно ухватил гнома за край просторной мантии, висевшей на нем, как на вешалке, и поднял высоко вверх.

Он отчаянно извивался и очень быстро перебирал ножками, словно пытаюсь убежать.

— С меня довольно, — сказал я. — Мне наплевать на ваши секреты. Ты сейчас дашь нам все, что мы требуем. А станешь хитрить — откручу голову.

— Осторожно! — крикнула Сара, и, резко обернувшись, я увидел атакующих нас лошадок. Их передние качалки были угрожающе подняты...

Гном был немедленно отброшен в сторону. Даже не посмотрев, куда он упадет, я схватился за ружье и — почувствовал внезапную слабость, вспомнив, что лазерный луч не оставил на посадочном поле даже легкой отметины. Если лошадки сделаны из того же материала — а похоже, это именно так, — то я с тем же успехом могу в них плевать!..

Но как только я вскинул ружье, Хух проворно выбежал вперед и... сверкнул — скажем так, за неимением другого слова. В общем, после того, как он выбежал, тихо процокав по полу, его тело вдруг мелко-мелко завибрировало и обволоклось голубоватой дымкой, как если бы он был только что сгоревшим электротрансформатором... А потом задрожал сам воздух, и все, находившееся в комнате, запрыгало в какой-то странной жиге — быстро, впрочем, оборвавшейся...

Все стояло на прежних местах как ни в чем не бывало. Все — кроме лошадок. Они валялись в дальнем углу, вперемешку, задрав качалки. И ведь я не видел, чтоб они туда бежали или пятились! Тем не менее... Лошадки переместились как бы помимо пространства. Вот они нападают на нас — а вот уже свалены в кучу...

— С ними все в порядке, — извиняющимся тоном сказал Хух. — Никаких повреждений. Так только, кратковременная стесненность движений... Извините меня за внезапность, но ситуация требовала немедленных действий.

Среди бочек, ящиков и корзин копошился, пытаюсь выбрать-ся, гном. Задора в нем наблюдалось не больше, чем в лошадках.

— Тук, — сказал я. — Пошевеливайтесь! Нужно собрать все вещи! Как только эти чистокровки будут навьючены — трогаем...

ГЛАВА 5

Город подавлял. Он нависал отовсюду. Его стены уходили в самое небо, и там, где они заканчивались — если они вообще заканчивались, — виден был лишь выцветший голубой лоскуток, почти сливавшийся с их белизной.

Узкая улица не шла прямо — она прыгала и изгибалась. Она была ручейком, бежавшим между валунами зданий. А здания почти не отличались одно от другого — так, чуть-чуть. Архитектурой здесь не пахло. Однообразие прямых линий и гнетущая массивность исключали этот запах.

Все было белым, даже покрытие дороги, по которой мы следовали. Улицы не были вымощены в обычном понимании этого слова, но залиты каким-то веществом, подступавшим к зданиям вплотную и казавшимся их продолжением. Этому покрытию без швов и без стыков не виделось — как и всему городу — конца. Казалось, будто находишься в безнадежной западне...

— Капитан, — сказала Сара, шедшая со мной рядом. — Я не вполне уверена, что одобряю ваши действия.

Я не счел нужным отвечать. Недовольство мной начало грызть ее еще на корабле — и продолжало после посадки. Теперь ей, видимо, понадобилось излить свое чувство. Мой ответ ничего бы не изменил...

Бросив взгляд через плечо, я увидел, что Смит и Тук по-прежнему едут верхом, за ними на вьючных лошадках движутся съестные припасы и фляги с водой, и позади процессии, подбегая время от времени чуть поближе, как собака, погоняющая овец, следует Хух. Он энергично семеня своими короткими ножками — по паре дюжин с обеих сторон, — и можно было не сомневаться, что лошадки побоятся выкинуть при нем фортель...

— Вы нахраписты, — помолчав, продолжила Сара. — Вы просто ломитесь вперед и совершенно не способны на тонкий маневр. В конце концов это может привести к неприятностям.

— Вы о гноме?

— О гноме. С ним можно было договориться.

— Договориться? После того, как он едва не погубил нас?

— Но ведь он объяснил, что мы были бы возвращены из пустыни! И я очень склонна верить этому! Сюда прилетали и до нас. Думаю, что все они вернулись из этих миров — благодаря ему. И всем им было позволено идти дальше.

— В таком случае не объясните ли вы, как так получилось, что весь его склад набит чужим добром?

— Наверное, он что-то украл, — согласилась Сара. — Или выудил обманным путем. А может быть, подобрал все это на месте гибели каких-то экспедиций.

Такие варианты были, конечно, возможны. Но для меня сомнительны... Гном сказал, что мы первые, кому удалось выбраться оттуда без его помощи. Но это могло быть ложью, рассчитанной на то, чтобы мы успокоились, почувствовав себя великими умниками. А ведь нас просто выбросили оттуда! И не исключено, что с нашими предшественниками поступали точно так же! Обитателям тех миров просто надоело, что на них без конца вываливают непонятно кого! Однако, если они, обитатели, дошвыривают не всех — у гнома с лошадиной компанией есть хорошая возможность поживиться. Неясно, правда, что толку от такого изобилия, когда нет возможности вести торговлю за пределами планеты. Гном, скорее всего, торговал — ведь купили же кентавры мозг Роско?.. Но такой домашний бизнес не может приносить хорошего дохода...

— Кстати, о гноме, — сказала Сара. — Что ж вы — грозились взять его с собой и не взяли? Лично я, пустившись в такое дело, чувствовала бы себя куда спокойнее, будь он под боком.

— Во-первых, я не вынес бы его криков и стонов. А во-вторых, именно оттого, что его оставили в покое, бедолага

преподнес нам и воду, и карты, и туловище Роско не пикнув при этом...

Некоторое время мы продолжали свой путь в полном молчании, но я чувствовал, что Сара еще не выговорила. Я раздражал ее. Ей не нравились мои действия. Она хотела выплеснуть на меня свое негодование, но что-то у нее не получалось...

— Не нравится мне этот ваш Хух. Тварь ползучая.

— Он спас нам жизнь, защитив от лошадок, — возразил я. — А злитесь вы оттого, что не понимаете, каким образом он это сделал. Меня же данный вопрос не волнует. Главное, что Хух может повторить свой номер, если понадобится. Ползучий он или не ползучий — неважно. Он с нами заодно и вообще славный мальчик...

Сара сверкнула глазами.

— Это пощечина всем остальным! И Джордж вам не нравится, и Тук не по вкусу, и со мной вы вежливы не без усилий!.. И все для вас уроды и вонючки!.. А вот мне не нравятся типы, которые называют людей вонючками!..

Я сделал глубокий вдох и принялся медленно считать до десяти. Но не досчитал.

— Мисс Фостер! — сказал я. — Вы, конечно, не могли забыть о кругленькой сумме, переведенной вами на мой счет на Земле. Так вот... Единственное, что я сейчас пытаюсь сделать, — это заработать вышеупомянутые денежки. И я зарабатываю их, что бы вы ни говорили и ни делали. Меня совершенно не заботит нравлюсь я вам или не очень. Я не нуждаюсь в вашем восхищении моими поступками. Но!.. Пока я отвечаю за эту безумную экспедицию, в которую, кстати, вы все так рвались, — ни одна собака не смеет мне перечить. Вот когда вернемся на Землю — пожалуйста.

Что после моих слов может предпринять Сара, меня не волновало. Я должен был сказать это, пока все не полетело к чертям. Хотя, вроде бы, уже собиралось... Эта планета делала человека дерганым, беспокойным. Она таила в себе некую порочность, холод, какой бывает в недобром взгляде. Разгадка ее тайны заранее ужасала. Ко всему прочему, наш корабль был залеплен, и распрощаться в случае надобности с этим райским уголком не представлялось пока возможным...

Вообще-то я думал, что Сара тут же остановится и даст волю своей ярости. Попытается разmozжить прикладом мою голову или просто пристрелить. Однако ничего подобного не произошло. Сара по-прежнему шла рядом, будто ничего и не случилось. Правда, чуть позже она тихо, но проникновенно сказала:

— Вы образцовый сукин сын...

Некоторые основания для такой аттестации у нее, конечно, имелись. Хотя грубость моя была все же спровоцирована, и это следовало учесть... Да ладно. Обзывали и почище...

Мы находились в пути уже более четверти суток, как показывали мои часы. Показывали, впрочем, впустую, так как продолжительность дня на этой планете была нам неизвестна.

Я старался все время быть начеку и понятия не имел — чего именно мне остерегаться. Город казался необитаемым, но это не означало, что какая-нибудь притаившаяся мерзость не может вдруг броситься на нас. Уж слишком все выглядело тихо и невинно.

Улицы были узкими — и та, по которой мы следовали, и ответвлявшиеся. Слепые белые стены кое-где разнообразились отверстиями, не похожими на окна. Небольшие двери, скромные донельзя, по несколько в каждом здании выходили прямо на дорогу. Иногда, правда, к ним — в этом случае массивным и расположенным на значительной высоте — вел скат. Редкая из дверей была закрыта. Казалось, отсюда ушли, даже не оглянувшись...

Внезапно дорога юркнула в сторону, и, свернув за угол, мы увидели узкий проход, который тянулся, никуда не отклоняясь, довольно далеко. Вдали же виднелось дерево — одно из огромных деревьев, возвышающихся над городом.

Я остановился. Последовала моему примеру и Сара. Позади зашаркали лошадки, и, как только стук их качалок прекратился, я расслышал звуки тихого пения. Вообще-то оно едва слышалось уже давно, приглушаемое шумом все тех же качалок и потому не привлекавшее особого внимания...

Итак, лошадки стояли, а пение продолжалось. Повернувшись, я увидел, что оно исходит от Смита. Он сидел в седле, безмятежно раскачиваясь взад-вперед, и по-младенчески ворковал.

— Ну, смелее! — сказала Сара. — Выскажитесь по этому поводу!

— Не собираюсь, — буркнул я. — Но если он не закроет хлебозерку — надену намордник.

— Это всего лишь радость, — сказал Тук. — Не стоит злиться, капитан. Мы, похоже, находимся невядалеке от того, кто разговаривал со Смитом все эти годы. Смит, естественно, вне себя от счастья.

Сгорбившийся в седле счастливеец продолжал тянуть свою бесконечную песню, не обращая внимания ни на что.

— Тронулись, — сказал я, хотя собирался объявить привал. Что-то во мне воспротивилось этому, каким-то подозрительным и неподходящим для остановки показалось место. Или я просто хотел, чтобы лошадки своим стуком побыстрее заглушили идиотское пение?..

Сара, не сказав ни слова о моем жестоком обращении с людьми, послушно двинулась вперед.

Дерево все росло и становилось все более различным. И вот уже можно было видеть, что оно стоит в некотором удалении от стен и что оно вдвое выше любого из равновысоких зданий этого города.

Солнце клонилось к западу, когда мы достигли конца прохода. И это был действительно конец. Город здесь кончался. Начиналась дикая местность с желто-красной почвой — не совсем пустыня, но что-то в этом роде. Холмистая земля с голубизной гор вдали и деревьями то тут, то там... Была и кой-какая другая растительность — низкорослая, теряющаяся в соседстве с великанами. Одно из деревьев стояло рядом с нами милях в трех или около того...

Узкая улочка переходила в тропу — именно в тропу, а не в дорогу. Видно было, что тропа протоптана парой ног, ходивших здесь в течение многих лет — или же многими ногами, ступавшими след в след.

Она петляла и извивалась, уводя в желто-красный край — туда, где примерно в миле от города стояло одинокое здание, совсем не такое высокое, как городские, но все же приличных размеров.

Строение это не было скучной прямоугольной массой. Оно отличалось основательностью и в то же время воздушностью. Кроме того, оно было сложено из красного материала — что после городской белизны радовало глаз.

Здание было украшено шпилями и башенками, а также чем-то, напоминающим окна. От трех распахнутых дверей тянулся величественный скат.

— Капитан Росс, — сказала Сара. — Не сделать ли нам привал? День все-таки был длинным и тяжелым...

Может быть, она хотела, чтобы я стал с ней спорить — но я не стал. День оказался действительно длинным и тяжелым. Привал был необходим уже давно, но непреодолимое желание выбраться из города гнало меня все дальше и дальше.

Итак, мы прошагали без остановки больше восьми часов, а день и не думал кончаться... Долог же он здесь...

— Давайте там, у здания, — предложил я. — Заодно и осмотрим его, после того, как устроимся.

Она кивнула, и мы поспешили к цели. Смит все еще напевал, но в движении меня это почти не беспокоило. Главное, чтобы он не продолжил потом, когда мы разобьем лагерь — будет очень трудно удержаться от умиротворяющего рукоприкладства. Позволить же испускать губительные звуки и дальше будет еще трудней...

В городе мы были недосыгаемы для солнца, а теперь его лучи — не горячие, а по-весеннему ласковые — радовали. Было приятно идти, чувствуя на себе их тепло. Воздух был свеж и напоен каким-то пряным ароматом, щекочущим ноздри.

Башни и шпили красного здания тянулись вверх. Казалось, что они хотят проткнуть это безоблачное небо... Теперь, когда мы выбрались наконец из города и могли видеть ничем не заслоненное солнце — теперь казалось, что мы на правильном пути, и он останется правильным, куда бы мы ни пошли.

Удивившись собственному безумию, я подумал о том, что на змеящейся перед нами тропе мы вполне могли бы наткнуться на кентавров, купивших мозг Роско, и если этот мозг еще существует — вернуть его и всунуть в пустую голову робота: с тем чтобы тот немедленно нам все объяснил... В свое время мне приходилось гоняться за недостижимым, но для успеха не хватало, вероятно, бабы-охотницы, слепого мечтателя и подлого монаха с грязными ногтями. Не предельно, но достаточно грозная команда...

Мы были примерно на полдороги к зданию, когда за спиной слышались удивленные, испуганные крики, и, повернувшись, я увидел несущихся лошадок.

Не раздумывая, я бросился в сторону от тропы, увлекая за собой Сару. Едва мы откатились, мимо грозно прогремели качалки, двигавшиеся с такой скоростью, что казались размытым пятном. Смит еле держался в своем седле, а коричневая сутана Тука хлопала на ветру.

Лошадки стремительно приближались к скату, ведущему в здание, и визжали так, что мороз подирал по коже.

Едва я приподнялся, как что-то негромко разорвалось над головой, и темно-красные шарики, просвистев, запрыгали по земле.

Было непонятно — что же происходит, но понятно, что надо уносить ноги. Больше всего хотелось последовать за лошадками, которые, получалось, обо всем знали заранее — оттого и побежали. Я рывком поднял Сару на ноги, и мы бросились к скату.

Справа снова хлопнуло, и еще больше темно-красных дробин, подымая клубы пыли, заскакало перед нами.

— Дерево! — задыхаясь, крикнула Сара. — Это бросает дерево!

Я вскинул голову и увидел множество темных шаров, летящих вниз. Казалось, что они действительно летят с дерева!

— Осторожно! — крикнул я Саре и, толчком повалив ее на землю, упал и сам. Над нами беспорядочно хлопали темные шары, и казалось, весь воздух был наполнен отвратительно свистящими дробинками. Одна из них ударила меня по ребру, и ощущение было такое, будто меня хлестнули кнутом; другая — чиркнула по щеке.

— Быстрее! — крикнул я, поднимая Сару на ноги.

Она оттолкнула мою руку и выказав необычайную резвость, добежала до ската первой.

Глухие хлопки вокруг не прекращались, и весь грунт словно кипел под бесчисленными дробинками. Однако мы ухитрились, ни разу не споткнувшись, взбежать наверх и укрыться наконец в дверях целыми и невредимыми.

Вся компания была там. Перед испуганно теснящимися лошадками бегал туда-сюда Хух, суется, как встревоженная овчарка. Тук сутулился в седле, а коротконогий бочонок Смит сидел невозможно прямо и пугающе сиял.

Снаружи все еще продолжались взрывы шаров, набитых дробинками, которые бились о землю и прыгали, прыгали, прыгали.

Я посмотрел на Сару и нашел ее несколько изменившейся. Всегда безупречный костюм был помят и испачкан. Грязь была даже на щеке. Заметив, что она все еще сжимает свое ружье, я не мог не усмехнуться.

Что-то маленькое метнулось мимо ног, затем еще одно — и я увидел спешивших к двери крысopodobных существ. Каждое из них схватило по одной из прыгавших дробинки и немедленно вернулось назад, крепко сжимая добычу зубами.

Из глубины помещения донесся громкий шорох, сопровождаемый писком, и секунду спустя уже целая река этих тварей вылилась в дверь. Лошадки, перепугавшись еще больше, отступили в сторону — и все мы последовали их примеру.

Твари между тем не обращали на нас ни малейшего внимания. Единственным, что их занимало, были пляшущие дробинки, за которыми они гонялись с таким вдохновением, словно ничего важнее на свете не существовало. Поглощенные этим занятием, они иногда наткнулись друг на друга, но на драки не отвлекались. А темные шары все продолжали падать, разбрасывая свою начинку...

Хух приблизился ко мне и, подогнув ноги, опустился на живот. Затем он коснулся щупальцами пола и сказал:

— Ожидая наступления голодных времен, они делают запасы.

Я кивнул, сочтя это логичным. Темные шары были чем-то вроде стручков, наполненных семенами, и разбрасывание их являлось обычным способом размножения. Но не только! Стручки годятся и для использования в качестве оружия, в чем мы убедились! Дерево как будто знало о нас и, как только мы вошли в пределы его досягаемости, — открыло огонь. Окажись мы чуть ближе к нему или на совершенно открытой местности — нам пришлось бы туго. Мое ребро все еще помнило полученный удар, а на щеке осталась царапина. Нет, это было просто невероятным везением — то, что поблизости оказалось здание!

Сара уселась на пол и положила ружье на колени.

— Как дела? — спросил я.

— Устала всего-навсего... Как я понимаю, — нет причин, по которым мы не могли бы здесь отдохнуть?

Оглядевшись вокруг, я увидел, что Тук уже слез со своей лошадки, а Смит все еще восседал в седле, задрал голову и слегка наклонив ее к плечу, словно прислушивался, — и по лицу его было разлито невероятное счастье.

— Тук, — сказал я. — Не могли бы вы с Джорджем развьючить этих благородных скотин? А я пока поищу чего-нибудь горючего...

У нас, правда, имелся походный обогреватель, но стоило ли тратить драгоценное топливо, когда можно раздобыть дров? К

тому же костер — это такая штука, у которой можно посидеть и поговорить...

— Не могу стащить его, капитан! — чуть не плача, пожаловался Тук. — Он не слушается! Даже внимания не обращает!

— Что с ним?! Не ушибся ли он случайно?

— Не думаю. По-моему, он наконец достиг своей цели. Добрался туда, куда стремился все это время.

— Вы имеете в виду голос?

— Да. Этот голос идет из здания, в котором мы сейчас находимся. Похоже, оно когда-то служило храмом...

Что-то церковное в наружном виде здания действительно было. Об интерьере же судить мы пока не могли. Только небольшая часть пространства, у самой двери, была освещена солнцем — остальное же тонуло в темноте...

— Так или иначе, — сказал я, — мы не можем на всю ночь оставить вашего приятеля в седле. Попробуем-ка стащить его вдвоем...

— А потом? — спросил Тук.

— Что потом?

— Ну снимем мы его сегодня — а завтра?

— Чертовски сложная проблема! А завтра, если он не избавится от своей новой привычки — мы опять посадим его в седло и как следует привяжем, чтоб не свалился!

— Вы хотите сказать, что повезете его дальше? Когда он находится там, куда страстно стремился большую часть своей жизни?

— А по-вашему, — заорал я, — мы должны из-за этого рыдающего идиота обосноваться здесь навсегда?!

— Должен напомнить вам, капитан, — с ядовитой отчетливостью сказал Тук, — что этот рыдающий идиот указал нам дорогу. Если б не он, то...

— Джентльмены! — поднявшись на ноги, перебила его Сара. — Умерьте свой пыл!.. Не знаю, капитан, понимаете ли вы это — но возможно, мы уйдем отсюда не так-то скоро...

— Да? И что же нас задержит?

Она кивнула на дверь.

— Наш новый друг — дерево. Оно держит нас на мушке. Можете убедиться сами. Вся эта дрянь по-прежнему падает на скат. Без промахов причем. Попытка выйти наружу может стоить вам жизни. Даже маленькие, юркие грызуны, собирающие семена — и те несут потери...

Я увидел, что это действительно так. За дверью не утихала дикая пляска дробинки. Казалось, прыгает и дергается сама почва, на которой там и тут неподвижно лежали крошечные тельца.

— Дерево устанет, — сказал я. — Оно выдохнется. У него кончатся боеприпасы.

Сара покачала головой.

— Не думаю, капитан. Какова, по-вашему, высота этого дерева? Четыре мили? Пять? А крона ее начинается уже в нескольких сотнях футов от земли. Представьте себе также и поперечник этой кроны, достигающий, возможно, мили. Сколько же стручков способен произвести такой исполин?..

Она была права в своих выкладках. При желании дерево могло держать нас взаперти как угодно долго...

— Доббин! Может, поведаешь — в чем тут дело? Почему этот чертов куст так разошелся?

— Я ничего вам не скажу, благородный сэръ. Достаточно того, что я иду с вами и несу ваше имущество. На большее не рассчитывайте. Никакой информацией мы вам не поможем. Вы обращаетесь с нами скверно и не должны ждать от нас ни малейшей сердечности...

Из темноты выкатился Хух, помахивая парой щупалец, увенчанных глазами. Последние возбужденно блестели.

— Майк, — прогудел он. — Странные мысли навеваются. О древних таинствах... О бесконечном времени и неизведанном... Здесь присутствует нечто — и оно, это нечто, нуждается в каком-то существе...

— И ты туда же, — вздохнул я и снова посмотрел на Смита.

Тот сидел все так же, как изваяние, со словно примерзшей к лицу гримасой счастья. Его уже не было с нами. Он находился в другом конце Вселенной...

— Место вообще-то спокойное, — продолжил Хух. — Но покой этот очень странного, пугающего свойства... Впрочем, это лишь мое ощущение. У меня, знаете ли, иные представления о местах, предназначенных для отдыха. Так или иначе, считаю своим долгом информировать вас на всякий случай...

— Ну что? — спросила Сара. — Снимаете вы Джорджа или пускай себе сидит?

— Ему-то, конечно, все равно, — ответил я, — но лучше снимем.

Поднатужившись, мы с Туком стащили Джорджа с седла, отволокли к стене и прислонили рядом с дверью. Он был совершенно отключен — не сопротивлялся и не выказывал никакого интереса к происходящему.

Подойдя к одной из лошадок, я снял с нее сумку и, порывшись, извлек оттуда фонарик.

— Пошли, Хух. Поищем дров. Возможно, здесь завалилось что-нибудь из старой мебели...

И мы вступили в темноту, которая, как я скоро убедился, не была беспросветной, а только казалась такой оттуда, где все было залито солнцем. Какой-то неестественный полумрак окружал нас — полумрак, похожий на дым или густой туман.

Разглядеть что-либо было почти невозможно. Неясные очертания предметов ничего не сообщали. Высоко над головой время

от времени вспыхивал свет, проникавший сюда в щель или окно. Чуть в стороне от нас по-прежнему сновали заготовители семян. Я осветил их, и в ответ мне злобно сверкнуло множество маленьких красных глазок. Передернувшись, я направил луч вперед.

Что-то легонько стукнулось о мою руку. Я посмотрел вниз и увидел Хуха, с вытянутым ко мне щупальцем. Еще одно щупальце куда-то указывало.

Посмотрев в предложенную сторону, я обнаружил там нечто похожее на кучу хлама.

— Может быть, дрова? — предположил Хух, и мы решили проверить.

Куча оказалась куда более внушительной и отдаленной от нас, чем можно было подумать. Но мы все же добрались до нее и, осветив, стали рассматривать.

Там лежали просто замечательные дрова! Коротко поломанные доски — мебельные, о которых я и мечтал! Но было и кое-что еще. Были куски металла, ржавые и вполне сверкающие — куски, которые когда-то, до того, как их скомкали, скрутили и разломали — представляли собой инструменты. Кто-то проделал большую разрушительную работу... Кроме досок и исковерканного металла, в куче лежали странной формы деревянные кусочки, обвязанные волоконцами.

— Много ярости израсходовано на неодушевленные предметы, — оценил увиденное Хух. — Загадочно и вряд ли постижимо.

Протянув ему фонарик, который тут же обвился щупальцем, я присел и начал вытаскивать доски, наиболее пригодные для костра. Все они оказались сухими и увесистыми, и было их огромное множество. Случайно подобрав одну из обвязанных деревяшек, я хотел было отбросить ее, но потом передумал: нить могла пригодиться в качестве фитиля.

Охалка получилась нешуточная, и я, медленно поднявшись на ноги, накрыл ее, чтобы не развалилась, свободной рукой.

— Пойдешь с фонариком, Хух... У меня только две руки.

Ответа не последовало, и когда я посмотрел вниз, то обнаружил своего приятеля в полной неподвижности. Он замер в стойке, как охотничья собака, и два щупальца его были направлены прямо вверх, в потолок — если таковой здесь имелся...

Здрав голову, я не увидел ничего, но почувствовал над собой пустоту, простирающуюся от моих ботинок до кончиков самых высоких шпилей. Эта пустота стремительно наполнялась шорохом, все более напоминающим хлопанье крыльев.

Шум неумолимо нарастал. Казалось, что где-то там, наверху, миллионы существ, невидимая их тьма, летят из ниоткуда в никуда, и каждое новое мгновение над нами хлопают уже другие крылья...

Я напряг зрение, чтобы увидеть хоть что-то, но так и не увидел. Они летели слишком высоко, или были невидимками, или

вообще не существовали... Но звук-то был! Обычный — не здесь и не сейчас, и необъяснимый сейчас и здесь — он ведь был!..

И вдруг все прекратилось. Мы стояли среди абсолютной, звенящей тишины.

— Здесь ничего не было, — прогудел Хух, опустив щупальца. — Было — где-то.

Как только он это сказал, я понял, что мы чувствовали одинаково. И что звук этих крыльев был неким пространственно-временным эхом. Но почему я так решил, было непонятно...

— Возвращаемся, — сказал я. — Всем нам уже давно пора подкрепиться. А также вздремнуть... А как же ты, Хух? Устроит ли тебя наше меню?

— Я в своем втором «я», — ответил он, и я вспомнил, что уже слышал об этом.

Его второе «я» было неприхотливо до крайности и еды не признавало.

Вернувшись, мы застали лошадок стоявшими плотным кругом, головами внутрь. Снятая с них поклажа лежала у стены, рядом с упорно счастливым Смитом, похожим на улыбающуюся куклу. Там же лежал и безмозглый Роско. На них двоих было противно смотреть.

Солнце уже закатывалось, и за дверью было чуть светлее, чем внутри. Неутомимые грызуны все еще носились со своими драгоценными шариками.

— Стрельба утихла, — сказала Сара, — но возобновится, стоит вам высунуть нос.

— Вы, конечно, проверили.

— Да. Выглянула и быстро спряталась. Я ведь становлюсь ужасной трусихой, когда дело принимает такой оборот... Дерево способно видеть, капитан. Оно видит нас — я уверена в этом.

Я сбросил на пол принесенные дрова. Кастрюльки, кружки и кофейник, распакованные Туком, стояли наготове.

— Расположимся поближе к двери, — сказал я. — Чтоб не было так дымно.

Сара кивнула.

— Огонь и еда — что может быть лучше... Как я устала, капитан... А где Хух? Разве он...

— Он не ест и не пьет, потому как находится в своем втором «я». И давайте не будем развивать эту тему...

— О, отличные дрова! — воскликнул, присаживаясь на корточки, Тук. — Где вы это нашли?

— В куче хлама.

Я тоже присел и, вынув из кармана нож, расколол тонкую дощечку на щепки. Потянувшись за следующей доской, я снова ух-

ватил ту, особого вида, деревяшку и уже совсем собрался пустить ее в дело — когда Тук удержал мою руку.

— Секундочку, капитан!

Он взял эту ерунду и развернул ее так, чтобы она осветилась бледным светом, пробивавшимся в дверь. И только теперь я увидел — чем была эта деревяшка, с привязанным к ней пучком не то соломы, не то сухой травы.

— Кукла! — удивленно воскликнула Сара.

— Нет, не кукла... — пробормотал Тук. Его руки дрожали, и он, стараясь унять дрожь, все крепче сжимал деревяшку. — Не кукла и не истукан... Вы посмотрите на лицо!

Даже в сумерках это лицо было удивительно различным. Оно не походило на человеческое. На обезьянью мордочку — возможно, хотя и в этом я сомневался. Но, взглянув на него, я испытал настоящее потрясение. Человеческое или не человеческое, но каким это лицо было выразительным! Какая запечатлелась в нем безысходная тоска!.. Ничего себе безделушечка, подумал я... Нет, лицо вообще-то было сработано ничуть не изящней всей куклы, напоминающей кукурузную кочерыжку. Но каким-то непостижимым образом чьи-то руки, движимые Бог знает кем, отразили в грубоватых чертах такое страдание, смотреть на которое без боли было просто невозможно...

Тук медленно поднял куклу и крепко прижал к груди. Он долго смотрел на нас, то на одного, то на другого, а потом закричал:

— Вы что, не видите?! До вас не доходит?!

ГЛАВА 6

Наступила ночь. Магический круг света, отбрасываемого костром, делал темень еще более густой и тяжелой.

За спиной у меня, поскрипывая, тихонько качались лошадки. Смит продолжал сидеть у стены. Мы уже пробовали его растормошить, но безрезультатно. Это был просто мешок, оболочка. Остальное витало неизвестно где... Выпотрошенный Роско поскрикивал металлом. Тук со своей куклой, крепко прижатой к груди, неподвижно смотрел в темноту.

Чертовски удачное начало экспедиции, подумал я. Финиш на старте...

— Где Хух? — спросила Сара.

— Рыщет где-то. Он у нас беспокойный... А не вздремнуть ли вам, Сара?

— А вы будете сидеть, охраняя мой сон?

— Я не такой Ланселот, каким выгляжу, и разбужу вас, чтобы тоже соснуть — можете не сомневаться...

— Хорошо, чуть позже... Вы заметили, капитан, что эти стены из камня?

— Заметил. Ну и что.

— Они не такие, как в городе. Камень — натуральный... Я в этом совершенно не разбираюсь, но он выглядит, как гранит... А как вы думаете: из чего сделан город?

— Уж не из камня, — сказал я. — Это какой-то искусственный материал, химия. Его атомы сцеплены так, что никакая сила их не разорвет. Даже выстрелом из лазерного ружья не поцарапать этой дряни.

— Знаете ли вы химию, капитан?

Я покачал головой.

— Не настолько, чтобы это бросалось в глаза.

— Так вот. Те, кто построил это здание — не строили город. Они жили гораздо раньше.

— Кто знает... Мы же понятия не имеем, как давно стоит этот город. Мало-мальски заметная эрозия надкусит его через миллионы лет, если она вообще соберется...

С минуту мы сидели молча. Взяв щепку, я пошевелил ею горящие доски. Пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну а что утром, капитан?

— А что — утром?

— Что мы станем делать, когда наступит утро?

— Двинемся дальше, если дерево не будет возражать. Потом найдем кентавров, узнаем, имеется ли у них черепная коробка Роско, заполучив которую...

Сара кивнула в сторону Смита.

— Ну а с ним-то как?

— Может быть, он еще очнется к тому времени. Нет — так забросим его на лошадку. А Тука, если он тоже не собирается выходить из своего транса, я уж как-нибудь расшевелю.

— Но ведь Джордж уже нашел то, что искал!

— Давайте-ка вспомним: кто купил наш корабль и оплатил все счета! Кто потащил сюда Смита! И теперь вы хотите опустить лапки? Остановиться на полпути только из-за того, что какой-то придурок решил сойти на этой остановке?

— Не знаю... — сказала Сара. — Если он...

— Ладно! Давайте оставим его здесь, если он приехал!

— Нет, капитан! — испуганно воскликнула она. — Вы никогда не сделаете этого!

— Почему же?!

— Потому что это было бы бесчеловечно... Вы не повернетесь к нему спиной!

— Но он-то уже повернулся? Получил все, что хотел — и повернулся...

— Вы уверены, что он получил?

С этими женщинами не соскучишься. Логика никакой. Только что она мне втолковывала, будто Смит уже завершил свою программу, но стоило мне согласиться — у нее уже другое мнение.

— Я ни в чем не уверен.

— А собираетесь идти дальше и принимать решение за решением...

— Безусловно, — твердо сказал я. — Иначе мы будем сидеть здесь вечно. Ситуация требует действий. Скорее всего, нам предстоит еще долгий путь.

Я поднялся и подошел к двери. Не было видно ни луны, ни звезд. Белизна городских стен едва пробивала темноту. Разглядеть что-то еще было невозможно.

Дерево прекратило свою бомбардировку. Выполнив долг, убралась грызуны. Возможно, это был подходящий момент, чтобы улизнуть отсюда — а возможно, и нет. Вряд ли темнота что-то значила для дерева, и вряд ли оно видело нас. Чувствовало, скорее... Обстрел закончился, как только дерево поняло, что мы боимся выйти — и он возобновится, едва мы осмелеем. Могло оно и догадаться о нашей нелюбви к путешествиям в темноте. Идти вслепую действительно не стоило. Кроме того, мы были совершенно вымотаны и нуждались в отдыхе...

— Почему вы отправились с нами, капитан? — спросила Сара, по-прежнему сидя у костра. — Ведь веры в успех у вас не было с самого начала!

Я подошел к ней и уселся рядом.

— Вы забыли о всученных мне деньгах. Причина — в них.

— Только-то? Что-то не верится... Скорее, вы боялись, что никогда больше не вернетесь в космос. И будете пожизненно прикованы к Земле. Эта мысль терзала вас с первой минуты пребывания там.

— По-моему, вы хотите выведать совершенно другое, — сказал я. — А именно — что заставило меня искать убежища на Земле. Вы жаждете узнать, с каким таким преступником вам приходится странствовать. Как же так вышло, что вы не разнюхали все пикантные подробности? Ведь остальное — даже время моего приземления — было вам известно! Ну и шпики пошли. Дармоеды, самые настоящие.

— Я слышала многое, — невозмутимо ответила она. — И не могла определить — где выдумка, а где правда. Но одна из историй, самая нашумевшая, кажется мне подлинной... Скажите, Росс, это был обман? Лучшее надувательство всех времен и народов?

— Не знаю. Рекорды меня не занимают.

— Тем не менее вы вовлекли в это дело целую планету. Хотя — что же еще вовлекать охотнику вашего профиля... Была ли она действительно так хороша, как рассказывают, капитан?

— Мисс Фостер, — сказал я и вздохнул. — Она была восхитительна. Она была прекрасна, как Земля, еще не изведавшая ледниковый период.

— Тогда отчего же все расстроилось? Слухи, должна вам сказать, были самые противоречивые. Кто-то говорил, что там обнаружен вирус, кто-то нажимал на неустойчивый климат, а некоторые уверяли, будто планеты не существует вообще.

Я усмехнулся. Не знаю, почему — но я усмехнулся. Хотя веселья не ощущал.

— Там был один изъян, — сказал я. — Небольшой... Планету населяли разумные существа.

— Но вы должны были заметить это!

— Не обязательно. Их было совсем немного, и обнаружение почти исключалось... Скажите, Сара, на что нужно обращать внимание, если вы ищете разум?

— Ну, не знаю...

— Я тоже, представьте!

— Но ведь вы...

— Я охотился за планетами, но не исследовал их! Охотник не в состоянии провести исследование планеты! У него нет соответствующего снаряжения! Он может составить лишь некоторое представление об объекте! Более того: результаты исследований, проведенных человеком на им же открытой планете никто и не примет всерьез! Он пристрастен! Планета должна быть зарегистрирована в законном порядке и...

— Вы, конечно, выполнили это требование. Иначе не смогли бы ее продать...

— Конечно, — кивнул я. — Солидная инспекционная фирма выдала мне сертификат. Все было сделано, как полагается... Но я совершил одну ошибку. Я дал им сверху — переплатил, чтобы они как можно быстрее погрузили оборудование, отрядили людей и провернули все дело. Мне не хотелось, чтобы кто-то, открыв планету еще более привлекательную, повредил моему бизнесу.

— Это было маловероятным, не так ли?

— Вообще-то, да. Но вы должны понять, что можно рыскать по космосу десять жизней — и не встретить даже бледного подобия той планеты, на которую я наткнулся! Когда такое случается, ты становишься сам не свой! Ты просыпаешься по ночам весь в поту! Ты знаешь, что это твой первый и последний шанс добиться успеха! Мысль о том, что все может рухнуть, непереносима для тебя!

— То есть вы спешили.

— Чертовски правильно подмечено! Я действительно спешил. Спешили также инспектора, отрабатывающие мою премию. Я не говорю, что они были небрежны, но и не исключаяю этого. Однако будем справедливы... Разумные существа занимали там небольшой участок джунглей, и разумность их отличалась

скромностью. Если б кто-то миллион лет назад обследовал Землю, он бы тоже не обнаружил там людей... Существа моей планеты обладали интеллектом питекантропа и, как и положено питекантропу, держались в стороне от чужого глаза, а также не возводили небоскребов.

— Значит, все это только ошибка?

— Да, — ответил я. — Большая ошибка, всего лишь...

— А разве не так? — продолжала допытываться она.

— Так-то так, но попробуйте объяснить это миллиону поселенцев, понатыкавших там свои фермы и уже оценивших этот уголок по достоинству. Попробуйте объяснить фирме, торгующей недвижимостью, — после того, как этот миллион потребовал от нее возмещения всех убытков!.. А тут еще вспомнили о премии...

— Вы хотите сказать, что вас обвинили в даче взятки?

— Именно, мисс Фостер.

— Но этого не было? Я хотела сказать — это не было взяткой?

— Не знаю, — сказал я, — Для меня — нет. Предложив деньги, я рассматривал их не как взятку, а как доплату за срочность. Хотя, как мне теперь кажется, эти люди могли закрыть кое на что глаза — раз уж я такой славный парень...

— Так или иначе вы перевели вырученные деньги на номерной счет одного из банков Земли. Что-то тут не вполне безупречно...

— За это пока не вешают, насколько мне известно. И в космосе такая операция — обычнейшее дело. Земля — единственная планета, где разрешены номерные счета, и банковская система ее достаточно совершенна. Чек, во всяком случае, там принимают к оплате повсеместно — не то что на других планетах...

Она улыбнулась.

— Возможно... Мне очень многое в вас нравится, капитан, но многое я и терпеть не могу... Что же вы решили насчет Джорджа — брат или не брат?

— Если он намерен продолжать в том же духе — мы похороним его. Без еды и питья он долго не протянет. Я, между прочим, не специалист по принудительному кормлению. А вы?

Она раздраженно мотнула головой и сменила тему разговора.

— Ну а с кораблем как?

— А как с кораблем? — поинтересовался я.

— Может быть, вместо того, чтобы уходить из города, мы должны были вернуться на посадочное поле?

— Чтобы что? Постучать немного по корпусу? Разбить скорлупку кувалдой, которая у нас отсутствует?

— Но ведь, рано или поздно, корабль нам понадобится!

— Да, — сказал я, — Или нет. Узнаем позже, если узнаем... В любом случае не стоит надеяться, что грубый натиск опасен для этой глазури. Было бы так — кто-нибудь давно расковырял бы ее.

— Кто-то, возможно, и расковырял. А потом улетел. Просто мы не знаем этого.

— Не исключено. Но околачиваться в городе мы все равно не должны. Забавные рассказы о вибрации могут оказаться правдой.

— Значит, уходим, даже не попытавшись проникнуть в корабль?

— Мисс Фостер! Мы наконец-то напали на след вашего Лоуренса Найта! Ведь вы этого хотели, если не ошибаюсь?

— Да, разумеется. Но корабль...

— Выбирайте, черт возьми!

— Ищем Найта, — после некоторой паузы твердо сказала она.

ГЛАВА 7

Сара растолкала меня перед самым рассветом.

— Джордж исчез! Он был здесь еще минуту назад! И вот — нет!..

Я поднялся на ноги, стряхивая с себя остатки сна и все глубже проникая в причину такой напористой подачи информации.

Было темновато. Костер еле теплился и освещал чуть больше, чем самого себя. Джордж испарился. Место, куда его прислонили вечером, пустовало. Роско хранил нелепую позу. Сваленные в кучу припасы — остались.

— Может быть, он проснулся, и ему понадобилось выйти? — предположил я.

— Нет! — снова закричала она. — Не забывайте, что этот человек слеп! Он бы позвал Тука, чтобы тот вывел его! Но он никого не звал! И вообще не шевелился! Я бы обязательно услышала это, сидя здесь, у костра! Я оборачивалась и видела его всего за минуту до исчезновения!

— Ага... — сказал я, выслушав эти вопли. — А теперь успокойтесь, хорошо?.. Где, скажите-ка мне, Тук?

— Да вот он. Спит. — Она кивнула в сторону.

За Туком темнели силуэты лошадок. Бодрствующих, вероятно. Вероятно!.. Лошадки не спали наверняка! Зачем им спать! Они стояли и наблюдали!.. Не было видно Хуха.

Сара, конечно, права. Если бы Смит очухался от своей комы и захотел попить воды или облегчиться — он обязательно поднял бы крик, зовя преданного, безотказного Тука. И она услышала бы малейший шорох, произведенный им, — потому что тишина тут гулкая. Чирканье спички о коробок, шуршание одежды слышны с пугающей отчетливостью...

— Ну ладно, — сказал я. — Он исчез. И вы ничего не слышали. Что ж, будем искать! Только, пожалуйста, без паники. Для нее пока нет оснований...

Я зяб и вдобавок чувствовал себя абсолютно сбитым с толку. Мне было совершенно наплевать на Смита. Я почти радовался, что он пропал, и почти желал — чтобы окончательно. Это было бы для нас чудесным избавлением... Согреться никак не удавалось. Ледяной холод, казалось, шел у меня изнутри, и я мерз от собственного дыхания...

— Мне страшно, Майк, — прошептала Сара.

Я подошел к спавшему Туку и, наклонившись, увидел, что он лежит как-то не по-людски — приняв позу эмбриона и сжимая обеими руками куклу, пристроенную между коленями и подбородком. Он спал с этой ерундой, как спит с плюшевым мишкой младенец в своей кроватке!

Протянув руку, чтобы разбудить его, я замер в нерешительности. Как-то неловко было возвращать это свернувшееся калачиком существо в холодную и бессмысленную пустоту чужой планеты.

— В чем дело, капитан? — спросила Сара.

— Все в порядке, — ответил я и стал трясти костлявое плечо Тука.

Он проснулся, вяло потер глаза и еще крепче прижал к себе нелепую свою куклу.

— Исчез Смит, — сказал я. — Мы отправляемся искать его.

Тук сел и потер глаза еще раз. Казалось, он не проникся сказанным.

— Смит исчез! — повторил я энергичней. — Ушел! Понимаете?

Он медленно покачал головой.

— Сомневаюсь, чтобы он мог уйти. Его забрали.

— Забрали?! — закричал я. — Кто, черт побери? Кому он мог понадобиться?

Тук посмотрел на меня так снисходительно, что я едва не придушил его.

— Не понимаете... — сказал он. — Не понимали раньше — не поймете и теперь... Это окружает вас, а вы не чувствуете. Потому что слишком грубы, материальны. Для вас существует лишь сила и сопутствующие ей доблести. Даже здесь вы...

Я ухватил его за край сутаны и поволок. В попытке высвободиться он поднял руки, и кукла упала. Пинком я послал ее в темноту.

— Ну?! Что же такое меня окружает — недоступное пониманию, а?!

От энергичных встряхиваний руки и голова его болтались, как тряпичные, а зубы стучали.

— Оставьте человека в покое! — закричала Сара, вцепившись мне в руку.

И я оставил. Тук, пошатываясь, стоял перед нами.

— Что он вам сделал? — холодно спросила Сара. — Что он такое сказал?

— Вы слышали. Вы не могли не слышать. Он уверяет, что Смита забрали. А я не прочь узнать — кто и как это сделал! А также — куда и с какой целью его забрали!

— Я тоже не прочь узнать это, — сказала Сара.

Черт побери! Она, кажется, приняла мою сторону! И, между прочим, чуть раньше назвала меня «Майк», а не «капитан»...

Тук, скуля, побрел от нас подальше. Вдруг он рванулся и юркнул в темноту.

— Но-но! — крикнул я, бросаясь вслед, и тут же увидел его согнувшимся над своей драгоценной игрушкой. Мне оставалось лишь плюнуть с чувством — и вернуться к костру.

Поворошив угольки, я положил сверху пару досок. Языки пламени принялись их лизать.

Вскоре к костру подошли Сара с Туком и уставились на меня. Воззрился на них и я... Наконец Сара заговорила.

— Так мы будем искать Джорджа или нет?

— А где его искать? — спросил я.

— Там... — И она неуверенно махнула рукой в темную сторону помещения.

— Вы же не слышали, чтобы он уходил. Вы видели его сидящим — а потом это место опустело внезапно. Он исчез без малейшего шороха, хотя не мог просто так взять и уйти на цыпочках. Потому что слеп и даже не знал, где находился... Проснувшись, он немедленно подозревал бы Тука... Ваше мнение, сэр! Вы, кажется, не договорили?

Тук в ответ лишь поджал губы.

— Вы должны мне верить, — сказала Сара. — Я не спала, даже не дремала. И все время была настороже. Все произошло именно так, как я рассказала.

— У меня нет оснований не доверять вам, Сара. Но вот Тук — по-моему, он что-то знает. Давайте-ка выслушаем его, прежде чем отправиться на поиски.

Я умолк. Молчала и Сара. Мы ждали. И вот Тук заговорил...

— Вы ведь знаете об этом голосе, — сказал он. — О голосе человека, которого Джордж называл своим другом. Этот друг был здесь. Прямо здесь. На этом самом месте.

— И вы полагаете, что друг прихватил Джорджа с собой?

Тук кивнул.

— Не знаю, каким образом это произошло, но почти уверен, что произошло именно так. И я рад за Джорджа. Наконец-то в его жизни произошло что-то хорошее, после всех этих лет... Он вам не нравился, я знаю. Он не нравился не только вам. Многие люди приходили в раздражение при одном его виде. Но у Джорджа была прекрасная душа. И врожденная деликатность.

Ах, еще и это, подумал я. Сохрани, Боже, от всех деликатных хлюпиков!..

— Ну что, капитан? — спросила Сара. — Как вам версия?

— Не знаю... Что-то в любом случае произошло. Это ли — я не уверен. Но Джордж не ушел. Он не мог сделать это самостоятельно.

— А кто, по-вашему, этот его друг?

— Он не «кто», а «что»...

И сидя на корточках у костра, я вспомнил о хлопающих крыльях — там, в непроглядной выси пустынного здания...

— Что это? — тревожно спросил Тук. — Вы слышите?

Из темноты донеслось слабое тиканье. Затем оно стало усиливаться, словно приближаясь к нам. Мы напряженно вглядывались в ту сторону. Сара стояла с ружьем наперевес, а Тук — отчаянно прижимая к себе куклу, как спасительный амулет.

Источник тиканья я разглядел первым. И тут же закричал:

— Не стрелять! Это Хух!..

Он приближался к нам, и его многочисленные маленькие ножки, поблескивая в свете костра, дробно стучали по полу. Заметив наше напряженное внимание, он было замер, но тут же подбежал поближе и прогудел:

— Я знаю. Он ушел. Поэтому я поспешил обратно.

— Чего-чего? — заорал я.

— Ваш друг ушел. Он сделался недостижимым для моего сознания.

— То есть тебе известно, в какой именно момент это произошло? Ты почувствовал?

— Все вы, — сказал Хух, — находитесь у меня в сознании. Даже когда я не вижу вас. Он выпал из сознания, и я, решив, что случилось большое несчастье, спешно вернулся.

— Как давно вы это почувствовали? — спросила Сара.

— Совсем недавно.

— Вы можете сказать, куда он ушел? И как?

Хух устало махнул щупальцем.

— Нет. Знаю только, что ушел. И что искать его не имеет смысла.

— Искать здесь? В этом здании?

— Ни в здании, ни вблизи его, ни на самой этой планете, возможно, — сказал Хух. — Он исчез совсем.

Сара посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Почему так трудно, — воскликнул Тук, — поверить в то, что вы не можете потрогать или увидеть? Почему все загадки должны иметь ответ? Вы способны оперировать лишь понятными вам физическими категориями! Большого ваши скудные умишки объять не в состоянии!..

Вообще-то мне следовало поколотить его, но отвлекаться на это ничтожество в такой момент было бы непозволительной роскошью...

— Мы все-таки попробуем, — сказал я Саре. — Я не думаю, что мы обязательно найдем его, но...

— Да, нельзя не попытаться.

— Вы не верите тому, что я говорю? — удивился Хух.

— Не то чтобы не верим... — сказал я. — Ты, несомненно, говоришь правду, но у нашей расы существует такое понятие, как верность. Это трудно объяснить. Даже когда надежда потеряна, мы все равно надеемся. Нелогично, конечно...

— Нелогично, — согласился Хух. — Вне сомнений... Однако любопытное качество. Восхитительное даже. Я отправляюсь на поиски вместе с вами.

— В этом нет нужды, Хух!

— Вы не хотите, чтобы я разделил вашу верность?

— Ну ладно. Так и быть. Пошли.

— Я тоже с вами, — встрепенулась Сара.

— А вот вы как раз-то и не с нами, — сказал я. — Остаетесь часовым.

— Но здесь же Тук! — воскликнула она.

— Неужели вы не понимаете, мисс Фостер, — обиженно заметил Тук, — что мне никогда не доверят ничего подобного! В то время как сами занимаются глупостями. Потому что существо это сказало чистую правду. Искать Джорджа бесполезно.

ГЛАВА 8

Едва мы ступили в темноту, Хух сказал:

— Я вернулся с некоторой информацией, сообщить которую еще не успел. Вероятно, она пустяк в сравнении с печальным фактом исчезновения вашего товарища. Но, может быть, заинтересует вас.

— Выкладывай, — сказал я.

— Информация касается семян... С этим слабо развитым интеллектом связана какая-то тайна...

— Бога ради, без вступлений?

— Я несовершенен в ведении простой беседы, Майк. Вам следует это учитывать... И пожалуйста, поверните меня чуть-чуть...

Он действительно отклонялся куда-то в сторону, и легкая корректировка курса ему не мешала...

Мы подошли к массивной металлической решетке, лежавшей прямо на полу.

— Семена там, внизу, — сказал Хух, щупальцем указывая на решетку.

— Ну и что?

— Посмотрите, посмотрите... Осветите яму и посмотрите.

Я опустился на колени и, прижавшись лицом к металлическим прутьям, стал всматриваться.

Яма оказалась основательной. Луч света не достигал стен. Внизу лежали семена — огромная куча, намного больше, чем все это крысopodobие собрало накануне.

Я терпеливо искал что-нибудь этакое, удивившее Хуха, но не находил.

Поднявшись на ноги и выключив фонарик, я так и сказал:

— Не вижу ничего особенного. Запас продовольствия — больше ничего. Крысы приносят сюда семена и сбрасывают их через решетку.

— Запас, но не продовольствия, — возразил Хух. — Не используемый в качестве продовольствия. Вот я смотрю... Я просовываю свой зрительный орган между прутьями... Я верчу им, исследуя этот колодец... И вижу, что пространство ограничено со всех сторон. Семена, упавшие туда, невозможно вытащить.

— Но там же темно.

— Для вас, но не для меня. Я могу приспособливать свое зрение к темноте. Могу видеть сквозь семена — там глухое каменное дно. Я больше чем просто вижу! И я знаю, что там нет никаких отверстий и подходов! Наши маленькие сборщики урожая просто не смогут воспользоваться продуктами своего труда!.. Тут что-то другое...

Я еще раз прижался к решетке. Внизу лежала многотонная гора семян.

— Кроме этого склада здесь имеется кое-что еще, — протрубил Хух.

— Еще? — не без досады переспросил я. — Ты откопал что-то еще?

— Имеются кучи старых вещей, — невозмутимо продолжил Хух. — Вроде той, в которой вы нашли топливо... Видны также следы от мебели, на полу и стенах. Есть и место для поклонения...

— Алтарь, что ли?

— Об алтаре мне ничего неизвестно. Это место для поклонения. Святыня... А еще есть дверь. Она выходит...

— Куда выходит?

— Наружу.

— Что ж ты сразу не сказал! — заорал я.

— Из уважения к вашей озабоченности к пропаже известного лица.

— Ну-ка, веди меня туда!

— Но ведь прежде мы должны тщательно поискать вашего товарища! Мы прочешем — хотя и без малейшей надежды...

— Хух!

— Да, Майк?

— Ты сказал, что его тут нет! Это точно?

— Я уверен в этом. Но мы должны поискать его...

— Мы не будем искать, — сказал я. — Твоего слова для меня вполне достаточно...

Видел же он дно заполненного бункера, в конце концов! Носил же он нас в своем мозгу и, как только кто-то пропал, почувствовал это!.. И уж если он сказал: Смита здесь нет — значит нет. Приходится согласиться...

— Мне бы не хотелось, чтобы вы...

— А мне хотелось бы побыстрее увидеть эту дверь, Хух!

И он засеменял вперед. Поправив ружье на плече, я поспешил за ним. Мы шли сквозь темень, гулко отвечавшую на самый незначительный звук. Я оглянулся и увидел полосу света, лежавшую перед открытой дверью. Ее пересекла тень...

Вскоре свет позади сузился в желтую соломинку, и на нас всей своей тяжестью навалилась пустота, упавшая из-под самой крыши.

Хух остановился. Я не видел стены, но она была впереди, всего в нескольких шагах. Темнота разорвалась. Хух, навалившись, открывал дверь. Все шире и шире.

Она не была широкой, эта дверь. Футов два. И высокой не была тоже. Пришлось даже нагнуться, чтобы пройти в нее...

Передо мной был снова красно-желтый ландшафт. Слева и справа тянулась ограда, сложенная из того же красного камня, что и все здание. Я видел далекие деревья и не видел того, которое нас обстреляло. Его заслоняло здание...

— Сможем ли мы вновь открыть эту дверь — снаружи? — спросил я.

Хух, придерживая дверь, внимательно осмотрел ее поверхность.

— Исключено, Майк. Не позволяет конструкция.

Отыскав поблизости небольшой булыжник, я выковырял его из грунта и подкатил под дверь — так, чтобы она не могла закрыться.

— Пошли. Разведаем местность. Держись позади меня...

Я направился влево, вдоль стены, и, дойдя до угла, осторожно выглянул. Дерево стояло на месте.

Оно увидело меня или каким-то образом почувствовало мое присутствие — немедленно! И открыло стрельбу.

Черные точки отделялись от него и со свистом неслись в мою сторону, быстро увеличиваясь в размерах.

— Ложись! — крикнул я. — Быстро! — И, отпрянув, рухнул на Хуха, уже припавшего к земле, — рухнул ничком, закрывая руками лицо.

Где-то в ногах уже хлопали долетевшие шары. Некоторые из них ударялись о стену, и освободившаяся начинка тут же начинала свой пронзительно свистящий танец. Меня ужалило в плечо, а потом чувствительно ткнуло в бок.

После первой очереди я попробовал встать, но тут же упал: обстрел продолжался. Одно из семян царапнуло шею, и теперь она немилосердно горела.

— Хух! — заорал я. — Ты умеешь быстро бегать?

— Когда в меня швыряют такие предметы, я передвигаюсь стремительно.

— Тогда слушай!

— Внемлю, Майк!

— Оно стреляет очередями! В паузу, когда я крикну — постарайся добраться до двери! Держись как можно ближе к стене! Слейся с землей! Ты повернут в нужную сторону?

— Нет, в ненужную! Сейчас развернись! — И он энергично закрутился подо мной.

Последовала новая очередь. Дробинки усыпали все вокруг. Одна из них угодила мне в ногу.

— Скажешь мисс Фостер, — продолжал я, — чтоб грузила все вещи на лошадок и немедленно снималась! Пора уносить ноги!

Тут разразился настоящий град. Семена колотили по стене и выбивали в земле воронки. Тугая струя песка едва не попала мне в голову.

— Пошел! — крикнул я Хуху, а сам, переключив лазер на максимальный режим и пригнувшись, бросился к углу здания.

Шквал визжащих дробинок обрушился на меня. Особенно чувствительными оказались удары в челюсть и в голень. Я пошатнулся и едва не упал. Хотелось оглянуться и посмотреть — как там дела у Хуха, но было не до того.

Между мною и деревом — я снова видел его — было мили три. Приклад ружья, нацеленного на черных мошек, слетевших и слетающих с дерева, вжался в плечо. Я спустил курок и стволом рассек воздух по короткой диагонали. Луч сверкнул и исчез.

Казалось, миллионы острых кулачков бьют меня, уже прильнувшего к земле, по голове и по плечам. Это шары, ударившиеся об угол, исправно высыпали свое содержимое...

Я с трудом поднялся на колени и посмотрел в сторону дерева. Раз-другой широко качнувшись, оно стало медленно падать. Протерев глаза от пыли, чтобы тут же их вытаращить, я злорадно наблюдал.

Поначалу дерево валилось очень неохотно, отчаянно пыталось устоять. Но вот верхушка сорвалась со своего поднебесья и торопливой дугой заскользила вниз.

Я встал, потер шею и с удивлением уставился на окровавленную ладонь.

Дерево грохнулось с такой силой, что земля подо мной затряслась. Вверх ударил гигантский фонтан пыли и мелких обломков.

Развернувшись, чтобы идти назад к двери, я споткнулся и вдруг почувствовал, как наполняется туманом и распухает моя

голова. Я видел Хуха, стоявшего у двери, чуть в стороне, и крыс, поток которых заполнил весь проем — в высоту тоже. Гонимые своей безумной страстью к собиранию семян, они били оттуда мощной — как из пожарного рукава — струей...

Я упал, вернее, поплыл по реке пространства и времени. Я чувствовал, что падаю, но падение было удивительно медленным, и твердь, на которую мне полагалось упасть, падала тоже. Она уходила все дальше вниз, и я не успевал за нею... А потом она пропала вовсе, потому что — пока я падал — наступила ночь. Теперь я летел сквозь ужасающую, бездонную черноту... Спустя вечность темнота рассеялась, и я открыл глаза.

Надо мной было синее небо, с солнцем на краю. Рядом стоял Хух. Крысиное племя исчезло, а облако пыли все еще висело над поверженным деревом. Уходила ввысь каменная ограда, и звенела тишина.

Сев, я обнаружил, что на это нехитрое движение ушли почти все мои силы. Ружье валялось рядом, и я, протянув руку, подобрал его. Беглого взгляда было вполне достаточно, чтобы увидеть всю безнадежность повреждений. Защитный экран был донельзя скомкан, а трубка сбита набок. Я пристроил безделушку на коленях — неизвестно зачем. Стрелять из этого ружья не рискнул бы сейчас ни один нормальный человек, а ремонт исключался...

— Я выпил все ваши жидкости! — радостно прогудел Хух. — Но потом вернул! Надеюсь, вы не сердитесь на меня?

— Еще раз, и помедленнее, — раздраженно сказал я.

— В этом нет необходимости! Все уже в порядке!

— А что в порядке?

— Я выпил ваши жидкости, но...

— Минуточку, черт побери! Какие такие жидкости?

— Соприкосновение с этими семенами наполнило вас смертоносным веществом, — объяснил он. — Смертоносным для вас, но не для меня.

— И ты выпил мои жидкости?

— Это единственное, чем можно было помочь... Процедура апробирована.

— Да хранит тебя Господь, аптечка ходячая! — растроганно воскликнул я.

— Не улавливаю смысла ваших слов... — огорчился Хух. — Я опорожнил вас, извлек примесь и вернул жидкости на место. Больше ничего... Ваш внутренний биологический насос едва не остановился. Я был очень обеспокоен. Я думал, что опоздал. Но оказалось — нет!..

Мое раздумье было глубоким, очень глубоким, но... Я не мог этого постичь! Это оставалось невозможным!.. И все-таки, как ни крути — я был хоть и слаб, но жив!.. В памяти всплывали моя распухшая голова и медленное, бесконечное падение... Что-то прои-

зошло... Эти ядрышки попадали в меня бессчетно, но их удары были не слишком серьезны... Один, впрочем, повредил кожу на шее — кровь на руке была именно от этого...

— Хух! — сказал я. — Считаю меня своим должником!

— Ничего подобного! — фанфарно протрубил он. — Это я отдал вам свой долг! Ведь вы первым спасли мне жизнь, не так ли? Теперь же мы в расчете. Я очень боялся, что совершаю какой-то грех. Это могло оскорбить ваши чувства: такое бесцеремонное обращение с телом... Однако теперь я вижу, что происшедшее вас не ужаснуло!

Я поднялся не без усилий. Ружье, соскользнувшее с колен, было откинуто в сторону. Это футбольное движение едва не завершилось падением. Ноги держали меня не лучшим образом.

Хух наблюдал за мной, бодро вертя глазными щупальцами.

— Вы несли меня, Майк, но я не могу сделать того же. Лягте и вцепитесь в меня. У меня очень сильные ноги — я смогу вас тащить.

— Да ладно! — отмахнулся я. — Иди лучше вперед. Я уж как-нибудь своим ходом...

ГЛАВА 9

Тук корчил из себя мужчину. С помощью Сары он подсадил меня на Доббина, а затем настоял на том, чтобы вторую из ненавьюченных лошадок оседлала она. Сам же двинулся пешком.

Спустившись по скату, мы вскоре вышли на тропу. Тук, прижимая к груди куклу, энергично шагал впереди, а замыкалась процессия Хухом...

— Надеюсь, — сказал мне Доббин, — что вы не уцелеете. И я еще спляшу на ваших косточках.

— Взаимно, — буркнул я мрачно, думая больше о том, чтобы удержаться в седле. Слабость давала себя знать...

Тропа вела на небольшой холм, поднявшись на который, мы увидели дерево — то самое, наше. Оно лежало в нескольких милях от нас и было намного крупнее, чем можно было предположить. Могучий ствол, расколотый снизу до середины, перекрывал тропу. Из огромных его трещин выползали мерзкого вида твари, серые, отвратительно гладкие, покрытые слизью. Их выползло уже огромное множество, но множество это не переставало увеличиваться. Часть их, торопливо извиваясь, сползла на тропу и раздражала теперь мой слух пронзительно тонкими воплями.

Доббин, нервно дернувшись, испустил нечто вроде испуганного ржания.

— Вы еще пожалеете об этом! — крикнул он. — Никто не поднимал руку на дерево! Никогда его обитатели не спускались вниз!

— Ты, вонючка! — ответил я сердито. — Чтоб в меня стреляли, и я не ответил!

— Придется идти в обход, — сказала Сара.

— Лучше вот там. — Тук указал на пень, косо срезанный лучом моего лазера.

— Вперед, — скомандовала Сара, кивнув ему.

Тук сошел с тропы, и лошадки последовали за ним. Почва была неровная, усеянная мелкими колючками и валунами с человеческую голову. Из красной, вперемешку с песком, глины торчали острые осколки — как результат работы неких маленьких деятельных существ, целую вечность дробивших здесь камни.

Едва мы пустились в обход, масса серых слизняков, конвульсивно дергаясь, поползла нам наперерез. Они текли единым потоком, на бурлящей поверхности которого время от времени появлялись воронки водоворотов.

Тук, увидев это, прибавил шагу, а потом вовсе побежал, то и дело спотыкаясь и падая на камни и колючки. Выронив в конце концов свою куклу, он остановился, поднял ее и вымазал сочившейся из исколотых пальцев кровью.

Лошадки теперь тоже бежали быстрее, останавливаясь или умеряя свой бег, как только Тук растягивался в очередной раз.

— С этой ланью, — сказала Сара, — нам не успеть. Ну-ка, я спущусь...

— Только не вы! — возразил я и спрыгнул, как мешок, — хорошо еще, что на ноги, — после чего, избежав падения носом в колючки, протрусил вперед и ухватил Тука за плечо.

— Садитесь на Доббина, — сказал я, задыхаясь. — Дальше поведу я.

Когда он повернулся, в глазах его были слезы, а лицо сморщилось в гримасе ненависти.

— Вы никогда не даете мне шанса! Вы не даете его никому! Вы хотите заграбастать все!

— Садись на лошадку, сказано тебе, — ласково отвечал я. — Иначе побыю. — И, не дожидаясь реакции, двинулся вперед, внимательно глядя под ноги и не срываясь на бег, в отличие от Тука.

Ноги подкашивались, в желудке была странная пустота, а голова порывалась взмыть в небо и кружиться, кружиться... При этом мне все же удавалось ступать довольно уверенно, а также не упускать из виду это скользящее серое одеяло, которое продолжало вываливаться из поверженного дерева.

Оно скользило почти с той же скоростью, с какой продвигались мы, делая встречу неизбежной. Правда, еще можно было прорваться сквозь наружные ряды, не дожидаясь подхода основной массы...

Писк, по мере того, как сокращалось расстояние между нами, усиливался, становясь все более похожим на стоны пропадающих душ.

Я оглянулся. Спутники дышали мне в затылок. В попытке оторваться от них, я чуть не сломал шею и вынужден был вернуться к первоначальному темпу.

Мы могли бы вообще-то и вовсе обогнать завывающую орду, увеличив угол отклонения, но такая вероятность была слишком ничтожной, а времени потратилось бы уйма. Так что следовало настраиваться на неприятное...

Какую опасность представляют собой эти существа? Если серьезную, то гораздо больше надежды на наши ноги, нежели на баллистический пугач Сары...

На какое-то короткое время я было совсем поверил, что мы не пересечемся и эти миляги останутся с носом. Но я просчитался. Огромный зыбящийся ковер все-таки дотянулся до нас своим краем.

Они были маленькие, не больше фута в длину, и выглядели, как вынутые из раковин улитки. Однако в отличие от последних имели лица — карикатурные человеческие лица с бессмысленным или жалостливым взглядом. Пронзительный плач их превратился теперь в слова — или в полуслова. Во всяком случае звуки, издаваемые ими, каким-то образом воспринимались именно как слова. Все эти существа вопили и рыдали об одном и том же, и слушать их было невыносимо тяжело...

«Бездомные! — кричали они на множестве наречий. — Вы сделали нас бездомными! Вы разрушили наш дом, и нет больше у нас дома! Что теперь ждет нас? Мы погибли! Мы голые! Мы голодные! Мы умрем! Мы не знаем никаких других мест! Мы не хотим их знать! Мы хотели так мало, нам нужно было так мало — и теперь вы отняли у нас это немногое! Какое право вы имели на то, чтобы лишиться нас этого немногого? Какое право имели вы, имеющие так много? Что вы за существа, если бросаете нас в мир, которого мы не знаем, которого мы не хотим знать и в котором мы даже не можем жить? Вы можете, конечно, не отвечать! Но наступит время, когда вас призовут к ответу! И что вы тогда ответите?..»

Все подавалось, конечно, куда свободнее в структурном отношении — но крики и всхлипы, безжалостно бьющие нас, означали именно это... Истекающие слезью горемыки вовсе не надеялись на какую-то помощь с нашей стороны — им просто хотелось, чтобы мы осознали всю гнусность содеянного нами. Это присутствовало не только в их криках, но и в выражениях лиц — потерянных, безнадежных и сострадающих... Да, они сострадали! Они жалели нас, таких подлых и растленных, громящих чужие дома! И жалость эта была уже совершенно непереносима...

Еле отвяжавшись от них, мы продолжили свой путь. Причитания становились все тише и тише, пока не смолкли совсем — или оттого, что мы ушли достаточно далеко, или действительно прекратились, за окончательной бессмысленностью.

Но они продолжали звучать в моей голове! И сознание того, что простым нажатием курка я убил не только дерево, но и тысячи маленьких, беспомощных существ, сделавших его своим домом, становилось все явственней. Я поймал себя на том, что — вне всякой логики — отождествляю их со сказочными эльфами, которые, как мне рассказывали в детстве, живут в дуплах старых, величественных деревьев, растущих, как правило, за домом. Бог свидетель — эти бедолаги не напоминали эльфов...

Глухая злость поднималась во мне в противовес чувству вины. Я обнаружил, что пытаюсь оправдаться! Задача была из простейших, и все само раскладывалось по полочкам... Дерево пыталось убить меня и убило бы, не окажись рядом Хуха. А так как оно на меня покушалось, то убил я его в целях самозащиты. А выстрелил бы я, зная, что дерево является родным домом этих безутешно плачущих существ?.. Я убеждал себя в том, что нет, не выстрелил бы, но убеждал напрасно. Обмануть себя, не получалось. Я выстрелил бы, выстрелил?..

Мы взбирались по крутому горному склону. Громадный пенёк срезанного мной дерева тоже поднимался из-за гребня... Тогда, стреляя, я стоял лицом к северу и целился в ту часть ствола, которая была обращена на запад. Нисходящая диагональ заставила дерево повалиться на восток. Если бы я в тот момент использовал свои мозги и начал бы резать с восточной стороны, оно, естественно, упало бы на запад. Оставив тропу свободной. О непостижимая способность человека всегда избирать худшие варианты?..

Наконец мы вскарабкались наверх и могли теперь рассмотреть пенёк во всей его красе. Пеньёк был как пенёк, хотя и большой, но вот вокруг этого пня зеленела лужайка, диаметром с милю...

На нее было больно смотреть — такой родной она выглядела, так напоминала любовно ухоженные газоны, которые люди почему-то норовили разбивать везде, куда их только заносило. Я никогда не задумывался над этим прежде, но теперь подумал и удивился: что же заставляет гуманоидов с Земли так настойчиво это делать? Чем так дорога человеку эта аккуратно подстриженная травка? Почему именно она?..

Лошадки растянулись длинной цепью вдоль всего гребня, и Хух, поднявшийся последним, остановился рядом со мной.

— Что там такое, капитан? — спросила Сара.

— Не знаю...

Можно было, конечно, сказать, что это лужайка, и на том закончить. Но некий инстинкт подсказывал мне: ничего подобного...

Глядя на нее, человек хотел побыстрее кинуться на эту травку, вытянуться на ней до хруста, закинуть руки за голову, прикрыть глаза шляпой и сладко вздремнуть. Даже теперь, когда

отсутствующее дерево отбрасывало тень совсем в другом месте — лужайка манила! Что и настораживало... Слишком она манила, уж очень прохладной и знакомой казалась...

— Нам не сюда, — сказал я твердо, и, взяв чуть влево, чтобы зеленая заплатка не мозолила глаза, стал спускаться.

Лужайка никак не реагировала, совершенно никак. Хотя я был готов к тому, что она выпустит в нас какую-то огромную и опасную штуку. Я даже представил себе, как трава свернется в трубочку, и из открывшейся преисподней станут выскакивать чудища на любой вкус.

Однако ничего не произошло. Пень устремлялся в небо, насколько мог. Ствол, он же бывший дом маленьких существ, валялся полурасколотым. Лужайка зеленела.

Перед нами вновь лежала тропа, пыльной ниткой уходящая вдаль, в туманную неизвестность, к новым деревцам, проглядывающим на горизонте.

Я чувствовал, что походка моя становится заплетающейся. Нервное напряжение, все это время поддерживавшее меня, резко спало. И мне теперь приходилось не просто идти, но давать задание сначала одной ноге, потом другой, с трудом сохраняя вертикальное положение, удивляясь такому медленному приближению тропы...

Наконец мы ступили на нее, и я тут же уселся на большой валун. Лошадки замерли в строгом строю, а Тук устремил на меня ненавидящий взгляд, совершенно неуместный.

Это чучело восседало на Доббине в драной сутане и с нелепой куклой в руках. Оно выглядело, как угрюмая девочка-переросток. Если б оно сунуло большой палец в рот — картина была бы почти совершенной. Но лицо, увы, не подходило. Вытянутое, очень смуглое, с огромными, водянистыми глазами... Какая, к черту, девочка?..

— Вы, полагаю, — просипел Тук, — вполне довольны собой.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — ответил я. Это была истинная правда. Я действительно ничего не понял. Этот человек всегда находился вне пределов моего понимания.

— Вот что! — осуждающе воскликнул Тук, указав рукой на срезанное дерево.

— По-вашему, я должен был любоваться его снайперским искусством?

У меня не было никакого желания ругаться с ним: я чувствовал себя совершенно разбитым. Но было совершенно непонятно — отчего же он так скорбит. Ведь дерево стреляло и по нему!

— Вы погубили тех существ! — сказал он. — Вдумайтесь, капитан! Какое блестящее достижение! Уничтожено целое общество!

— Я не знал о них... — Можно было добавить, что, зная, я поступил бы также. Но я не добавил.

— И это все, что вы хотите сказать по этому поводу?

— Да, — кивнул я. — Им просто не повезло.

— Оставьте его, Тук! — вмешалась Сара. — Он действительно не мог знать!

— А кто позволили ему притеснять всех подряд? — вскричал Тук. — Ежеминутно помыкать нами?

— Он не щадит прежде всего себя, — сказала Сара. — А в седло вас посадил только по причине вашей неуклюжести.

— Человек не может воевать с планетой! — возвестил окончательно распалившийся Тук. — Он должен уважать ее! Приспосабливаться к ней! А не переть напролом!

На том и порешим, подумал я... Уязвленные облегчились — жизнь продолжается...

— Тук! Уж и не знаю теперь, как вы к этому отнесетесь — но мне хотелось бы немного прокатиться, — сказал я, с трудом поднимаясь на ноги.

Он слез с Доббина как раз в тот момент, когда я подошел. Наши взгляды встретились. Ненависть, казалось, душила его со все возрастающим усердием... Тонкие губы шевельнулись, и он по-змеиному прошипел:

— Я переживу вас, Росс. После вашей смерти я буду жить еще очень долго. Здесь, на этой планете, вас настигнет то, на что вы напрашивались всю свою жизнь...

Сил, еле теплившихся во мне, хватило на то, чтобы швырнуть его наземь и полюбоваться, как он ползет на четвереньках к своей бесценной куколке. Хватило их и на то, чтобы осторожно взобраться на Доббина.

— А теперь веди нас, — сказал я Туку. — И помни: еще одна такая шуточка — и быть тебе битым...

ГЛАВА 10

Тропа вилась по иссохшей земле, то и дело ныряя в небольшие песчаные низины или лужи с потрескавшейся по краям глиной, в которых неделями, а может быть, и годами копилась дождевая вода... Тропа взбегала на полуискрошенные горки и почтительно огибала странные куполообразные холмы.

К желто-красной земле примешивались черные вкрапления и блестящие выступы вулканических пород. Далеко впереди, на голубом фоне неба, темнело грязно-фиолетовое пятно не то горной гряды, не то чего-то еще.

Растительность оставалась скудной, представленной все тем же чахлым колючим кустарником.

В безоблачном небе сияло солнце, но жарко не становилось — было просто тепло. Солнце выглядело менее ярким по сравнению с земным, быть может, из-за большей удаленности от планеты.

Некоторые горы были увенчаны конусообразными домиками — точнее, сооружениями, похожими на домики. Как будто кому-то понадобилось построить здесь временные жилища из плоских каменных плит, валявшихся вокруг. Домики были сложены всухую, без какого-либо скрепления — камни просто лежали один на другом. Некоторые из этих времянок уже превратились в бесформенную груды. Другие только собирались.

А еще были деревья. Каждое стояло в гордом одиночестве, на расстоянии нескольких миль от другого. Мы не приблизились ни к одному из них.

Жизнь отсутствовала. Или скрывалась. Все выглядело мертвым, застывшим. Даже воздух, не знавший ветра...

Я ехал, крепко вцепившись в луку седла, и старался не свалиться в темноту, подступавшую всякий раз, когда о ней забывалось.

— С вами все в порядке? — тревожно спросила Сара.

Не помню, ответил ли я, увлеченный своим занятием — может, и нет...

Был полдень, когда мы остановились. Не знаю — ел я или не ел. Скорее, ел. Помню другое...

Мы находились у одной из морщин, покрывавших эту странную поверхность, и я прислонился к земляной стене. Напротив была другая стена — быть может, точно такая же. И на ней, этой другой стене, я увидел пласты — различной толщины, от нескольких дюймов до четырех или пяти футов, и различной окраски... И я стал вживаться в эпохи. Я напрягал все свои силы, стараясь раствориться во времени, я надрывался и не мог бросить своего странного занятия. Я был обречен продолжать его, слабо надеясь, что в какой-то момент будет достигнута точка, за которой уже ничего нет и которая научит меня всему или хотя бы даст почувствовать это «все»...

Время стало вещественным. Оно превратилось в конкретный предмет, осязаемый и упоительно бесхитростный. Годы и эры не откатывались назад, но стояли передо мной в виде живой хронологической таблицы. За зыбкими делениями временной шкалы, как сквозь грязное оконное стекло, виднелась планета, какой она когда-то была, — и я расхаживал вдоль этого стекла, вдоль шкалы и вдоль времени...

Следующим из того, что я помню, было пробуждение. Время вдруг выгнулось, и сквозь него пролилась чернота ночи.

Я лежал между двумя одеялами и смотрел в небо. Это было невиданное, незнакомое мне небо. Оно озадачивало и ошеломляло.

А спустя минуту — как если б кто-то подсказал мне ответ — все вдруг стало понятным. Я знал теперь, что смотрю на мою Галактику. Над головой ярко сиял ее центр, а от него шли крученые ответвления и убегали окраинные сектора.

Я повернул голову и увидел над горизонтом сверкающие звезды сферических скоплений — или же, что представлялось маловероятным, более близкие звезды, соседствующие с той, вокруг которой вращалась планета с лежавшим под одеялом мной. Это были отверженные системы, покинувшие ее много эпох назад и обретшие наконец покой на темных задворках галактического пространства...

Всего в нескольких футах от меня догорал костер. Около него лежал кто-то скрюченный и накрытый одеялом. Чуть поодаль мерно качались лошадки. Тусклое пламя отражалось в их полированной шкуре...

Чья-то рука опустилась на мое плечо, и, дернув головой, я увидел Сару.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Великолепно! — ответил я.

И это было правдой. Я чувствовал себя здоровым и свежим. Моя голова была свободна от неприятных воспоминаний — как у первого человека совершенно нового мира...

Я сел.

— Где мы, Сара?

— В сутках пути от города, — ответила она. — Тук требовал, чтобы мы остановились гораздо раньше — из-за вас... Однако я решила иначе, подумав, что вы были бы против такой остановки...

Я покрутил головой.

— Нич-чего не помню... Так значит, Тук требовал привала?

Она кивнула.

— Вы еле держались в седле и выглядели ужасно, хотя и отвечали на вопросы... То место, кстати, было совершенно непригодно для отдыха...

— А где Хух?

— Бродит. И заодно охраняет. Он сказал, что не нуждается в сне.

Я встал и потянулся с собачьей обстоятельностью. Самочувствие было восхитительным! Боже, как чудесно я себя чувствовал!

— А как у нас насчет еды, Сара?

Она поднялась на ноги и рассмеялась.

— Что это вас так развеселило? — спросил я.

— Вы, — ответила она.

— Я?!

— Да. Потому что поправились. А я очень волновалась. Мы все волновались...

— Это чертов Хух виноват. Вылакал мою кровь.

— Я знаю. Он объяснил мне, что иначе было нельзя.

— Непостижимо... — передернувшись, сказал я.

— Хух сам по себе — непостижим...

— Да. И нам крупно повезло, что он с нами. Подумать только! Я чуть не оставил его там, в песках! И собрался уже! Нам ведь и без него было куда как весело...

— Если вы не дадите костру потухнуть, я приготовлю вам поесть, — деловито сказала Сара.

Рядом с костром лежала куча приготовленных веток. Я присел на корточки, подбросил несколько из них в огонь, и пламя ожило.

— Жаль, что у нас больше нет лазерного ружья. Без него мы слишком уязвимы...

— Но у нас есть мое ружье! — возразила она. — Достаточно мощное! В хороших руках...

— Вроде ваших.

— Вроде моих!

Куча одеял рядом с нами не шевелилась.

— Что Тук? — спросил я, кивая на эти одеяла. — Есть ли надежда на выздоровление?

— Вы слишком жестоки по отношению к нему. Нетерпимы... Он другой, поймите! Не такой, как вы или я... Вам, кстати, не приходило в голову, что мы с вами во многом похожи?

— Приходило, — сказал я.

Она принесла сковородку и, присев рядом со мной, поставила ее на угли.

— Мы-то с вами всегда прорвемся, Майк! Но вот Тук... Он может сломаться...

Я подумал о том, что, возможно, с исчезновением Смита, жизнь Тука стала для него самого бессмысленной... Не потому ли он так носится с этой куклой? Лишь бы к чему-то прилепиться, что-то к себе прижать... Хотя куклу-то он полюбил еще при Джордже... А если он знал или подозревал, что Джордж должен исчезнуть? Вполне возможно...

— И еще одна вещь, о которой вам следует знать... — продолжила Сара. — Это касается деревьев. Вы увидите сами, как только рассветет... Наш лагерь разбит на холме, с которого просматривается довольно большая территория. И множество деревьев — двадцать или тридцать. Так вот. Это не какие-нибудь самосейки. Они посажены, вне всяких сомнений.

— Как фруктовый сад, вы хотите сказать?

— Да. Как фруктовый. С безукоризненной регулярностью. В шахматном порядке. Для кого-то когда-то это было действительно садом...

ГЛАВА 11

Мы продвигались все дальше и дальше.

День следовал за днем — а мы все шли и шли, с рассвета до глубоких сумерек. Погода стояла хорошая, без дождя и почти без ветра. Дожди здесь, судя по всему, вообще были редкостью.

Рельеф местности время от времени менялся. Бывали дни, когда нам приходилось то и дело карабкаться на крутые горы, чтобы тут же спуститься на истрескавшуюся, рваную равнину. Случались и другие дни — когда мы шли по земле настолько ровной, что чувствовали себя ползущими по огромному блюдцу с загнутым краешком-горизонтом.

То, что раньше казалось фиолетовым облаком, тяжело опустившимся вниз, стало теперь горной грядой, багровеющей вдали.

Обнаруживалась, хотя и довольно робко, жизнь. С холмов вниз проворно сбегали какие-то мелкие, возбужденно покрикивающие твари. Были и — как мы их прозвали — скороходы, державшиеся от нас на столь почтительном расстоянии, что как следует разглядеть их нельзя было даже в бинокль. Что-то скукоженное передвигалось неверным, но очень широким шагом своих ходуль — с приличной скоростью, но не спеша... Мы видели также зверей (если это были звери) размером с волка, которые, условно говоря, бегали с невероятным проворством. Глаз за ними не успевал. Это походило на какое-то пятно, с тихим свистом рассекавшее воздух и таявшее вдали. Подбираясь к нам иногда очень близко, беспокойства они не причиняли. Как и крикуны со скороходами...

Растительность изменилась тоже. Мы видели вьющуюся траву и жалкие кривульки деревьев, которые прижимались к подножиям холмов. Они напоминали пальмы, но очень отдаленно. Их ветки, подобранные нами для костра, были невероятно тверды и смолисты...

И конечно, никуда не делись исполинские деревья. Они по-прежнему подпирали небо. Теперь мы знали наверняка, что деревья эти были посажены сообразно четкому плану, как сад. Подходить к ним ближе, чем на милю, нам не хотелось. Сама тропа, казалось, избегает их. Иногда было видно, как они стреляют своими шарами — только не в нашу сторону...

— Такое впечатление, — сказала Сара, — что они не решаются напасть на нас. Зная, чем это чревато.

— Теперь — ничем... — заметил я, мысленно проклиная свое легкомыслие: на корабле осталось запасное лазерное ружье с полным комплектом запасных частей...

— Но они-то не знают об этом? — возразила Сара.

Мне бы ее уверенность...

Подчас, глядя в бинокль, мы снова видели множество крысоподобных существ, выныривающих из норок, расположенных в некотором отдалении от деревьев, и торопящихся собрать семена. Они бежали затем куда-то в сторону — очевидно, к своим тайникам, предназначенным для хранения этих запасов... У нас не было возможности исследовать хоть один такой тайник — мешали деревья...

Тропа тянулась вперед — то еле различимая, то широкая, как дорога. Казалось, некоторые ее участки в прошлом использова-

лись с особой интенсивностью... Так или иначе, мы следовали по ней без особых приключений и до сих пор не повстречали ни души...

Однажды тропу пересекло то, что когда-то могло быть брусчаткой. Оставшиеся камни были или расколоты, или выворочены, но располагались по отношению к тропе строго под прямым углом и тянулись дальше, насколько можно было видеть, по идеальной прямой линии...

Мы держали совет. Дорога привлекала и даже казалась более важной, чем тропа, по которой мы шли до сих пор. Было несомненно, что в прежние времена дорога соединяла какие-то немаловажные пункты. Не то что наша петляющая тропка. Но последняя еще хранила следы движения, пусть и давнего! Дорога же ничем подобным не отличалась. Она просто существовала, в полустертом виде. И еще... Тропа вела на север — то есть туда, где, по нашим сведениям, водились кентавры. А дорога тянулась с востока на запад... Опять же, тропа была явно более древней. В некоторых местах — таких, где сжатая с двух сторон, она не могла вилить — грунт был протоптан на четырехфутовую глубину. Тропой пользовались не одно тысячелетие...

С некоторым сожалением мы приняли решение, основанное как на логике, так и на интуиции. Мы выбрали тропу...

Кто-то когда-то здесь жил. Кто-то, построивший город, проложивший дорогу и посадивший деревья... Но теперь город стоял безмолвным и пустым, а дорога превращалась в пыль. Почему?.. Вдобавок к этому, неведомые жители перед уходом позаботились о том, чтобы любой прилетевший на планету не имел возможности ее покинуть... Конечно, посадка за чертой города не имела бы таких роковых последствий, и можно было бы спокойно взлететь снова, но ведь любой корабль наверняка не сядет нигде, кроме города, посылающего свои сигналы далеко в космос?..

В стороне от тропы все еще попадались каменные домики, похожие на ульи. Они по-прежнему лепились у горных вершин. Обследование их не дало ничего. Там не было даже мусора — одна пустота. И ни малейшего признака того, что когда-то в них жили. Ночевали — может быть... При всем невинном облике этих строений, нам никогда не приходило в голову останавливаться в них. Что-то мешало. Какой-то затхлый дух...

Потихоньку мы привыкали к такой бродячей жизни, осваивались в ней. Тук большую часть времени проводил в седле. Он был слишком неловок для хождения пешком. Мы с Сарой попеременно то ехали, то шли. Хух, бессменный замыкающий, подгонял лошадок. Такой порядок установился сам собою, без какой-либо предварительной договоренности.

Лошадки продолжали сердиться, и в конце концов мы прекратили с ними всякое общение. А вот с Туком я уже ладил. Уживался, во всяком случае. Этот тип все так же истово прижимал к груди свою идиотскую куклу и день ото дня все более уходил в себя. После ужина он сидел в сторонке, ни с кем не разговаривая и ничего не замечая...

Мы прошли уже огромный путь, но, казалось, ни к чему еще не приблизились. Мы углублялись и углублялись в неведомое, пока, вроде бы, безопасное...

Однажды, уже вечером, мы вышли на не то чтобы непроходимые, но достаточно развороченные земли, проковыляв по которым до ближайшего плоского места, остановились, хотя до темноты еще было часа два.

Мы развьючили лошадок, которые немедленно отправились побродить, пользуясь счастливой возможностью не видеть нас хоть некоторое время. Хух, как всегда, отправился вместе с ними, чтобы потом пригнать обратно. Он прекрасно справлялся с ролью овчарки все эти дни.

Был разожжен костер, и Сара принялась готовить ужин. Тук и я отправились за хворостом.

Набрав каждый по полной охапке сухих веток, мы уже возвращались назад, когда услышали испуганное ржание и громкий стук качалок. Бросив свою ношу, мы побежали к стоянке и вскоре увидели лошадок, ошалело выскакивавших из узкого оврага. Они неслись как бешеные, не разбирая дороги, через горящие поляны, по сковородкам и котелкам, мимо Сары, еле успевшей отпрянуть — к тропе, назад...

За лошадками следовал Хух. Скорость его была вполне достаточной, чтобы догнать беглецов, но он резко затормозил, поравнявшись с нами, и развернулся боком. Неподвижно стоя на своих крошечных ножках, он сверкнул — точно так же, как тогда, в городе — и голубая дымка окутала его. Все вокруг заплясало, а лошадки, кувырнувшись в воздухе, упали. Но вот они поднялись и побежали по тропе дальше! Хух сверкнул снова — в тот самый момент, когда лошадки уже достигли вершины холма. Их сдуло на ту сторону...

Ругаясь на чем свет стоит, я бросился вслед и, взбежав наверх, увидел... Лошадки были далеко. И ничто не могло их остановить. Они возвращались в город.

Подождав, когда они исчезнут из виду, я спустился назад.

Дымились раскиданные головешки, валялись погнутые котелки. Сара склонилась над Хухом, лежавшим на боку и похожим на бесплотный призрак. Он действительно был теперь призраком! Зыбкие очертания его тела свидетельствовали о том, что он застрял где-то между мирами...

Подбежав, я опустился на колени и протянул к нему руки — хотя, по правде говоря, был уверен, что ухватить мне будет нече-

го. Но было, было чего... Я поднял его, почти невесомого, и крепко прижал к себе.

— Мне так тяжело, Майк... — прогудел он еле слышно.

— Что с тобой, Хух? — закричал я. — Чем мы можем помочь тебе?

Он не ответил, и я посмотрел на Сару, по щекам которой текли слезы.

— О, Майк... — только и могла выдавить она.

Тук стоял в нескольких шагах позади ее, с оброненной куклой у ног и с очень печальным лицом.

— Мне нужна жизнь... — прошелестел Хух, слабо шевельнувшись. — Разрешение взять немного жизни у вас...

После этих слов Тук торопливо вышел вперед и, наклонившись, решительно выхватил у меня Хуха. Затем он выпрямился, прижал свою новую куклу к груди, и его глаза грозно сверкнули.

— Только не вы, капитан! — прокричал он. — Вам нужна вся ваша жизнь! Мне же есть чем поделиться...

— Разрешение? — потусторонне прошептал Хух.

— Да, пожалуйста! — твердо ответил Тук. — Действуйте...

Сара и я, не дыша, наблюдали. Это заняло, наверное, всего несколько минут. Возможно, даже секунд, растянувшихся в часы. Ни один из нас не шевелился, и я чувствовал, что мои мускулы сводит судорогой... Постепенно Хух терял свою бестелесность и становился все более похожим на обычного себя.

Наконец Тук осторожно поставил Хуха на землю, а сам рухнул рядом. Когда я поднял его, он безжизненно повис у меня на руках...

— Одеяла! — крикнул я Саре. — Быстро!

Она разостлала несколько одеял, одно на другое, и я положил на них Тука, тут же хорошенько укрыв его. Затем я поднял валявшуюся в стороне куклу и положил ему на грудь.

Слабая рука медленно поползла вверх, он открыл глаза и улыбнулся мне.

— Спасибо, капитан...

ГЛАВА 12

Мы сидели у костра, и вокруг нас сгущалась тьма.

— Кости... — сказал Хух. — На земле были кости.

— Ты уверен? — спросил я. — Не было ли это чем-то другим? С какой стати лошадки испугаются костей?!

— Я уверен. Они могли видеть только кости, больше ничего.

— Возможно, это были не просто кости, а скелет существа, которого они боятся — даже мертвого? — предположила Сара...

Где-то неподалеку перекликались, порою очень бурно, уже знакомые нам крикуны. Получив очередную порцию смолистых

веток, огонь оживился. Налетевший ветерок раздул его еще больше.

Итак, мы сидели посреди этой унылой местности, понятия не имея, где окажемся завтра, куда выведет нас петляющая тропа — единственный ориентир, и не придется ли нам убегать ею, вслед за лошадками, в огромный белый город, не менее унылый... Но сейчас было лучше не думать об этом и оставить все как есть до утра.

Хух махнул щупальцем в сторону одеял и протрубил:

— Я жадный. Слишком много взял у него. Запас оказался не таким большим, как я предполагал.

— С ним будет все в порядке, — успокоила его Сара. — Он уже выпил чашку бульона и теперь спит.

— Ну зачем? — с досадой воскликнул я. — Зачем чертову остолопу понадобилось это? Ведь я был согласен! И Хух просил именно меня! В конце концов, мы с ним...

— Как вы не можете понять, капитан, — прервала меня Сара, — что Тук впервые получил возможность внести свою лепту в общее дело! До сих пор он чувствовал себя совершенно бесполезным! И вы, надо признать, очень постарались, чтобы он чувствовал себя именно так...

— Но давайте смотреть правде в глаза! — возмутился я. — Ведь от него до последнего времени действительно не было никакой пользы!

— И вы расстроились, когда он ее принес?

— Нет. Конечно, нет. Я лишь обеспокоен тем, что он сказал. «Мне есть чем поделиться...» Какой смысл был вложен в эти слова?

— Не знаю, капитан. И это не так уж важно теперь. Есть проблемы посерьезней... Что нам делать без лошадок? Припасы придется оставить здесь. Мы возьмем лишь небольшую часть, главным образом — воду. Если, конечно, они не вернутся...

— Не вернутся, — сказал я. — Они ждали подходящего момента с тех пор, как мы покинули город. И улизнули бы уже давно, если б не Хух. Он держал их в узде.

— Врасплох застали, — подал голос Хух. — Я ударил по ним два раза, но ничего не добился.

— Жуткая мысль пришла мне в голову... — задумчиво сказала Сара. — Не исключено, что это хорошо отработанная процедура. Завести в глухомань и бросить... Пропадайте...

— С кем-то, возможно, тем бы и завершилось, но не с нами, — успокоил я ее. — Не с сидящими у этого костра.

Она посмотрела на меня очень пристально и серьезно.

— Не понимаю — это шутка или бодрячество?

— Это оптимизм, — ответил я. — Вы даже не представляете, как он бывает важен.

— По-моему, вы уже знаете, что нам делать. Вас озарило, и вы еле удерживаетесь от изложения своего гениального плана.

Конечно, вам приходилось бывать и не в таких переделках! Но вы никогда не паниковали! Вы...

— Сара. Давайте поговорим утром...

Самым ужасным было то, что я оттягивал принятие решения. Такого со мной еще не случалось. Я всегда разбирался со своими проблемами немедленно. Может быть, эти неприветливые пространства со скрюченными деревцами так влияли на меня — подавляя, просачиваясь внутрь своей безысходностью? И я потихоньку растворялся в ландшафте, становясь маленькой, бесстрастной его частичкой?..

— Утром, — сказала Сара, — мы пойдем посмотреть косточки.

ГЛАВА 13

Кости лежали примерно в полумиле от края оврага — там, где он круто поворачивал влево. Я ожидал увидеть несколько разбросанных костей, белеющих на фоне грязновато-коричневой земли. Но их была целая куча, тянувшаяся от склона до склона.

Это были крупные кости, диаметром в фут и больше. А ухмыляющийся череп, который, казалось, смотрит прямо на нас, своими размерами напоминал слоновый.

Все кости были пожелтевшими и полуискрошенными — солнце и непогода сделали свое дело. Часть их валялась чуть в стороне, когда-то, вероятно, обглоданная падальщиками.

За костями овраг резко обрывался. Крутой склон с торчавшими из него, как изюм, камешками и валунами нависал правильным полукругом. Камни лежали и у самого подножия этой земляной стены.

Место было достаточно мрачным. Тягостное чувство, вызываемое мертвой землей, предельно усиливалось этим ужасным скоплением костей.

Я чувствовал себя паршиво. Мне было не по себе — как никогда. Мучительно хотелось бежать отсюда куда глаза глядят. Казалось, что-то, происшедшее здесь, оставило после себя недобрую ауру, соприкасаться с которой не следовало никому.

И тут она подала голос.

«Благородные дамы и господа! — услышали мы громкое и радостное приветствие. — Прошу вас сжалиться надо мной и выволить меня отсюда, из неловкого и стеснительного положения, в котором я пребываю так долго!»

Даже если бы мне заплатили миллион, я не смог бы шевельнуться. Голос парализовал меня.

«Я у стены! За кучей камней, оказавшихся столь плохой крепостью, что все, кроме меня, погибли!»

— Возможно, это западня, — сказала Сара, и в голосе ее слышались металлические нотки. — Лошадки бежали оттого, что учуяли западню.

«Прошу вас! — продолжал пискливо умолять голос. — Здесь уже были другие, но они ушли! Вам нечего бояться!»

Я шагнул вперед.

— Нет, капитан! — закричала Сара.

— Если мы уйдем, — сказал я, — нас замучит любопытство...

У меня вовсе не было желания говорить так. Единственное, что я хотел, — повернуться и убежать. Но решал уже не я, а кто-то другой вместо меня.

Подойдя к горе костей, я стал на нее карабкаться. Ноги скользили, не находя опоры: кости крошились и разъезжались под ними. Но я одолел подъем и перешагнул на другую сторону.

«О великодушное существо! — восторженно рыдал голос. — Исполненное сострадания, ты явилось освободить мою недостойную персону!»

Добежав до груды огромных валунов, каждый из которых был выше человеческого роста, я снова полез вверх. Голос приближался...

И тут я увидел источник писка, так напугавшего нас.

В тени, отбрасываемой стеной, светилась молочно-глянцевая лошадка. Она лежала на спине, зажатая между двумя камнями, и качалки ее были беспомощно устремлены в небо.

— Благодарю вас, любезнейший из любезных, — пропищала лошадка, — что не бросили меня! К сожалению, я не вижу вас, сэр, но по некоторым признакам могу заключить — вы гуманоид. Это лучшее из того, что я встречал. Гуманоиды милосердны и доблестны в равной степени.

Не зная, как еще выразить переполнявшую ее признательность, она помахала качалками...

Лошадка не была единственной вещью, обнаруженной мной у этой баррикады. С земли мне приветливо улыбался череп гуманоида, там и сям валялись кости, куски ржавого металла.

— Давно ты тут? — задал я не самый умный, и, уж во всяком случае, не самый важный вопрос.

— Мой досточтимый господин! — воскликнула лошадка. — Я потерял счет времени! Минуты тянутся, как годы, и мне кажется, что с тех пор, когда я последний раз стоял на качалках, прошла уже целая вечность. Когда лежишь вверх ногами — ощущения притупляются... Здесь было много таких, как я, а также других. Все они или разбежались, или погибли. Перед вами все, что осталось от этой славной компании...

— Ладно, не переживай, — сказал я. — Мы вытащим тебя.

— Да я уж давно успокоился... Все это время я был погружен в свои мысли и фантазии о дальнейшей моей судьбе. Я понимал,

что когда-нибудь камни превратятся в прах, и то, из чего я сделан, переживет их. Но меня никогда не оставляла надежда на иной исход. Я ждал вмешательства доброго существа вроде вас...

Заметив своих спутников, перебиравшихся через первую преграду, и жестом подозвав их, я крикнул:

— Здесь только лошадка, человеческий череп и кой-какие косточки...

Мне даже в голову не приходило задуматься — отчего здесь умерли люди. Я радовался счастливо обретенной лошадке, навьючив которую мы могли теперь покинуть это проклятое место и двинуться дальше. Или вернуться в город...

Потребовалась сила троих — Хух стоял в сторонке и подбадривал нас криками, — чтобы откатить небольшой камень, прижимавший лошадку к валуну. Кроме того, нам пришлось еще перевернуть это незадачливое создание и поставить его на качалки.

Лошадка уставилась на нас чуть ли не надменно — но это, как я знал, означало всего лишь полное отсутствие мимических возможностей.

— Я Пэйт! — представилась она. — Хотя иногда меня называют Старина Пэйт. Второй вариант выходит за пределы моего ничтожного понимания. Ведь я не старше других лошадок. Все мы задуманы и собраны одновременно.

— Эти другие лошадки тоже были здесь? — спросила Сара.

— Нас было десять, — ответил Пэйт. — Все, кроме меня, убежали. Причина, не позволившая мне этого сделать, только что любезно устранена вами... Нас изготовили на далекой планете, название которой мне неизвестно, а потом привезли сюда. Двигаясь по тропе, мы были атакованы стаей хищников — и вот результат...

— Те, кто создал вас и привез сюда, были такими же, как мы?

— Да, такими же. Но они умерли, и говорить о них бесполезно.

— Почему они оказались здесь? — настойчиво продолжала Сара. — Что-нибудь искали?

— Одного из своих. Давно исчезнувшего гуманоидного индивида, о котором много рассказывалось.

— Лоуренса Арлена Найта?

— Я не знаю, — сказала лошадка. — Мне не говорили.

ГЛАВА 14

Мы решили двинуться дальше.

Обсуждение проходило у костра. Обсуждать, собственно, было нечего... Пэйт покачивался рядом с кучей провианта. Тук, которого ничего не волновало, сидел себе, прижимая к груди куклу, и тоже качался из стороны в сторону. Их колебания подтачивали нервную систему.

Мы с Сарой приняли решение почти сразу и без всяких споров. Возвращаться в город не имело никакого смысла. Тропа вела себя довольно сносно и ничем серьезным пока не угрожала. Разве что случившимся с теми людьми. Но сам факт, что кто-то, пусть и давно, — шел по тропе, преследуя сходную с нашей цель, сам этот факт казался Саре доказательством правильности нашего выбора.

Но тут был нюанс, о котором я не мог умолчать.

— Найт наверняка мертв, — сказал я. — И вы это прекрасно знаете. Вы знали еще на Земле.

— Опять, да? — сердито воскликнула она. — Никак не остановитесь? С самого начала вы были против этой идеи! Зачем в таком случае отправились с нами?!

— Я ж объяснял. Деньги.

— Тогда какая вам разница — жив он или мертв? Не все ли вам равно, найдем мы его или не найдем?

— Действительно, — согласился я. — Плевать мне на это...

— Однако вы хотите идти дальше? Я правильно поняла?

— Да, — сказал я. — Потому что впереди мы еще можем что-то обнаружить — но ничего не найдем, идя назад.

— Мы могли бы вернуть себе лошадок.

Я покачал головой.

— Обнаружив, что мы возвратились, они спрячутся вместе со своим гномом. Увидеть и тем более изловить их не будет никакой возможности. В этом городе можно спрятать целую армию.

— Именно эти лошадки, должно быть, и убежали когда-то от Пэйнта... А теперь увидели кости и вспомнили... Что вызвало шок...

— Их всего восемь, — сказал я. — С Пэйнтом получается девять. А он говорит, что их было десять. Где еще одна, спрашивается?

— Этого, возможно, мы не узнаем никогда...

Я не понимал, чего ради обо всем этом нужно болтать. Ведь так или иначе, но мы все равно двинемся дальше, в неизвестность, в надежде найти — быть может, уже скоро — что-то получше той неприветливой местности с ее костями и прочей прелестью... Конечно! сам факт, что люди, останки которых лежали там, в конце оврага, кого-то искали, вовсе не означал, что они шли верной дорогой. Возможно, они, как и мы, тыкались наугад. Возможно, объектом их поисков был вовсе не Найт...

Мы сидели у костра и мозговали. Предполагалось взвалить на Пэйнта бесполезный скелет Роско, а также еду и воду, как можно больше. Тук и я должны были тащить на себе тяжелое снаряжение, а Сара — идти почти налегке, чтобы в любой момент иметь возможность защитить нас при помощи ружья. Хуху отводилась роль разведчика.

Нам пришлось еще раз спуститься в овраг, чтобы тщательно обследовать разрушенное укрепление. Мы обнаружили три человечес-

ких черепа и полдюжины ружей, проржавевших настолько, что определение их типа стало невозможным. По воспоминаниям Пэйнта, людей было восемь. Количество разбросанных костей, казалось бы, подтверждало его слова. Но черепов было только три.

Вернувшись на стоянку, мы упаковали вещи, а также спрятали в расщелине ту часть припасов, которую невозможно было унести с собой. Мы старательно укрыли наш тайник ветками, но меня не оставляло ощущение, что такие меры предосторожности ничем не оправданы: тропа давно заброшена, и мы первые, кто идет по ней за последние сто лет...

День уже был на исходе, когда мы тронулись. Никто не хотел оставаться здесь ни минуты. Мы бежали подальше от этого проклятого места, чувствуя к тому же, что время не терпит.

ГЛАВА 15

На следующий день Хух наткнулся на кентавров.

Мы еще шли по всхолмленной местности и, казалось, будем идти вечно. Тук и я были нагружены тяжелыми тюками, а тропа то взбегала вверх, то ныряла.

Хух все время держался впереди. Видеть его мы могли лишь в те минуты, когда он задерживался на каком-нибудь возвышении, чтобы убедиться, что у нас все в порядке.

Незадолго до полудня мы заметили, что Хух разворачивается и спешит по тропе к нам. Обрадованный возможностью передохнуть, я тут же сбросил с себя ношу и остановился, поджидая его. Сара последовала моему примеру. Тук же, хотя и остановился, но груз с плеч не снял. Согнувшись, он устался в землю. После того как мы лишились лошадок, этот человек безвыходно погрузился в себя и почти не реагировал на внешние раздражители.

Скатившись к нам по тропе, Хух остановился.

— Лошадки, — прогудел он. — Их десять раз по десять. Они без качалок и с такими же, как у вас, лицами.

— Кентавры, — убежденно сказала Сара.

— Они играют, — продолжил Хух. — В низине. Играют в игру. Бьют по шару палками.

— Кентавры, играющие в поло! — радостно вскрикнула Сара. — Что может быть восхитительней!

Она подняла руку, чтобы отбросить со лба непокорный локон, и я вспомнил ту красотку, которая встретила меня в холле старинного дома на далекой Земле — задолго до того, как пыль и усталость приглушили ее красоту...

— Как я понимаю, — сказал Хух, — вы их ищетею Рад был помочь.

— Спасибо тебе! — воскликнула она.

Я снова взвалил на спину тюк и сказал:

— Веди нас туда.

— Вы полагаете, капитан, что мозг Роско по-прежнему находится у них? И они не потеряли его, не разбили, не использовали каким-то образом? — недоверчиво спросила Сара.

— Вот поговорим с ними — и выясним.

— А как насчет памяти? — продолжала любопытствовать она. — Если мы добудем мозг робота и вставим в его голову, вспомнит ли он все, что было с ним раньше?

— Все, что он когда-либо знал, зафиксировано в мозге, — сказал я. — Роботы, в отличие от людей, не забывают ничего.

Была, конечно, вероятность, что на планете существует не одно племя кентавров и что обнаруженные Хухом игроки о мозге Роско даже не подозревают. Но об этом я предпочел не говорить... А еще они могли просто не отдать нам этот мозг, несмотря на то, что пользы им от него — никакой...

Когда мы приблизились к вершине следующего холма, Хух сипло предупредил, что кентавры уже рядом.

Я не знаю — почему, но мы тут же, не сговариваясь, пригнулись и лишь затем осторожно двинулись дальше.

Внизу лежало узкое, очень ровное песчаное пространство, покрытое хилой растительностью, а за ним начиналась красно-желтая пустыня.

Хух ошибся в своих расчетах: кентавров было там гораздо больше, чем десять раз по десять. Большинство их тесно окружало поле, которое было игровым лишь в силу того, что на нем в данный момент играли. Вообще же это был ровный кусочек пустыни с двумя рядами белых камней, служивших воротами.

Дюжина кентавров с длинными клюшками в руках яростно гоняли мяч. Туда-сюда. Это была крайне вульгарная, примитивнейшая версия благородной игры поло...

Вскоре матч завершился. Игроки легкой рысцой убежали с поля. Стали расходиться и болельщики.

За полем стояло несколько тентов — больших квадратов грязной ткани, поддерживаемых воткнутыми в землю палками. Кое-где между этими укрытиями от солнца лежали кучи каких-то узлов — вероятно, с имуществом племени. Кентавры шатались вокруг, изображая что-то вроде праздничного гулянья.

— Что предпримем? — спросила Сара. — Спустимся к ним?

— Не все, — сказал Тук, внезапно вышедший из транса. — Лишь один из нас.

— И этим одним конечно же будете вы? — спросил я полушутливо.

— Конечно, — подтвердил Тук со всей серьезностью. — Если кого-то должны убить, то я первый кандидат.

— По-моему, они вряд ли станут кого-то убивать, — сказала Сара.

— По-вашему, — заметил я.

— Давайте взглянем на вещи трезво, — изрек Тук своим гнусным тоном, за который его следовало бы хорошенько выпороть. — Из всех нас у меня наименьшие шансы быть убитым. Я выгляжу скромным, безобидным и немного тронутым. На мне коричневая сутана и вовсе не ботинки, а сандалии...

— Эта братия, — перебил я его, — понятия не имеет ни о коричневых сутанах, ни о сандалиях! Еще меньше их будет волновать — умный вы или дурак! И если они склонны убивать, то...

— Но почему вы так думаете? — возмутилась Сара. — Они могут оказаться вполне дружелюбными существами!

— Да? Вам кажется, что они дружелюбны?

— Вообще-то не кажется, но ведь нельзя судить лишь по внешнему виду... А Тук, кстати, может подействовать на них умиротворяюще. Ничего не зная о коричневых сутанах и сандалиях, они, возможно, разглядят в нем чистоту души и добрые намерения...

Это звучало так, будто она говорила не о Туке, которого я знал как облупленного, а о ком-то другом.

— Идти мне, — твердо сказал я ей. — И давайте оставим эту бесполезную болтовню. Они просто размажут вашего Тука по земле!

— А с вами это, конечно, исключено!

— Чертовски верно замечено! Исключено! Потому что я умею обращаться с...

— Капитан, — тихо перебил меня Тук. — Почему вы никогда не прислушиваетесь к голосу разума? Почему все время лезете на рожон? Вам хочется быть первым, да? Хорошо. Но учтите следующие два момента. Они, возможно, не тронут меня именно потому, что я отличаюсь от вас. Им просто не доставит такого удовлетворения. Что за радость убить или покалечить жалкого и слабого? А я смогу выглядеть таковым... Во-вторых. Вы нужны больше, чем я. Если что-то стрясется со мной — это не будет иметь такого значения, как если прикончат вас.

Я уставился на него, ошеломленный такой откровенностью.

— Вы действительно имели в виду всю эту ерунду?

— А по-вашему, я бил на эффект? Будучи уверенным, что идти мне все равно не придется?

Я не ответил, потому что он был прав: именно так я и думал.

— Кто бы туда ни отправился, — сказала Сара, — он должен ехать на Пэйнте. Такие, как они, к всаднику отнесутся с гораздо большим уважением. И еще... На Пэйнте можно быстро убраться оттуда, если дела пойдут плохо...

— Майк! — взревел Хух. — В словах святого человека есть смысл!

— Ни черта! — огрызнулся я. — Платят за риск мне! И рисковать тоже мне!

— Майк, — холодно сказала Сара. — Оставьте ваше ребячество. Кто-то должен спуститься туда, и этим кем-то могла бы быть даже я. Нас здесь трое. Хух — не в счет. Обсудим остальных.

— Вы думаете — это так просто? Спустился, поприветствовал — и все? Нужно еще выудить у них коробку! Тук может все испортить!

Мы пристально смотрели друг на друга.

— Ну, хорошо, — буркнул я. — Бросим монетку. Согласны?

— У нее только две стороны.

— Вполне достаточно, Сара. Вы в этом не участвуете. Только Тук и я.

— Никаких монеток, — возразил Тук. — Идти — мне.

Сара снова посмотрела на меня.

— По-моему, мы должны согласиться с ним, капитан. Он хочет это сделать. Жаждет. И он справится.

— А как насчет заключения сделки?

— За эту коробку мы должны отдать все, что они попросят, — решительно сказал Тук.

— Вплоть до ружья, — добавила Сара.

— Ну уж нет! — возмутился я. — Ружье может понадобиться нам самим!

— Но коробка нам тоже нужна! — сказала Сара. — Без нее мы пропадем! Что касается моего ружья, то за все это время я выстрелила из него всего один раз и то безрезультатно!

— Вспомните о людях, оставшихся в овраге.

— Вспомнила. У них, кстати, было оружие. И что это дало?

— Все, что я могу сделать, — встрял Тук, — это выяснить, при них ли коробка и не желают ли они расстаться с ней. Собственно торг начнется позже, и мы все примем в нем участие.

— Ладно, — сказал я, решив, что так будет действительно лучше. Пускай идет и все портит, вынуждая нас прекратить безнадежные поиски Лоуренса Арлена Найта и заняться более важными вещами. Ведь мы еще даже не пытались выяснить, каким образом нам покинуть эту планету...

Подойдя к Пэйнту, я развяючил его и положил на землю флаги с водой, а на них — Роско.

— Давай, приятель, — сказал я Туку.

Взобравшись на Пэйнта, он протянул мне руку. Я пожал ее, почувствовав в этих длинных, тонких пальцах неожиданную силу.

— Удачи, — сказал я, и Пэйнт, перевалив через вершину, галопом пустился вниз. Мы наблюдали.

Желая Туку удачи, я имел в виду именно ее. Мне действительно хотелось, чтобы этому нелепому дурачку повезло. Один Бог знал, сколько удачи тут могло потребоваться...

Маленький и жалкий, он неловко подпрыгивал в седле, в накинута на голову капюшоне и развевавшейся сутане.

Тропа повернула и резко пошла вниз — Тук исчез из виду и появился вновь лишь спустя несколько минут. Он уже приближался к беспорядочно кружившим кентаврам, один из которых поднял по этому поводу крик — и все замерли, повернувшись к пришельцу.

Я смотрел не дыша. В любой момент стадо могло броситься на Тука и растоптать его. Но никто не бросился. Кентавры просто стояли и наблюдали.

Пэйнт все приближался к ним, а Тук подпрыгивал, как кукла, одетая в коричневый лоскут...

— А где же его кукла? — спросил я почему-то шепотом, хотя кентавры не обратили бы внимания даже на мой крик: они были поглощены созерцанием Тука. — Кукла где? Неужели он оставил ее?

— Нет, — ответила Сара. — Кукла при нем. Он заткнул ее за пояс, чтобы руки были свободными.

— Ах ты, Боже мой!

— Вы упорно считаете, что для него это просто кукла и он таскает ее с собой исключительно ради забавы. Но вы ошибаетесь. Он видит в ней то, чего мы с вами разглядеть не в состоянии. Она для него не амулет вроде кроличьей лапки, а что-то гораздо более важное. Он обращается с ней нежно и благоговейно. Как если бы это была фигурка Мадонны...

Я почти не слышал ее последних слов, так как Пэйнт, приближавшийся к кентаврам, уже начал замедлять свой бег.

И вот футах в пятидесяти от стада лошадка замерла. Тук восседал на ней, как истукан. Он даже не поднял руку в знак приветствия. Он ничего не сделал. Казалось, Пэйнт привез кентаврам мешок с подарками.

Я оглянулся. Сара смотрела в бинокль.

— Он разговаривает с ними? — спросил я.

— Непонятно, — ответила она. — Капюшон закрывает лицо.

То, что Тука до сих пор не убили, вселяло надежды...

Два кентавра, отделившись от стада, рысцой выбежали навстречу. Они приблизились к Пэйнту с двух сторон.

— Возьмите, — сказала Сара, протянув бинокль.

Теперь я отчетливо видел капюшон Тука и лица обоих кентавров. Это были грубые, волевые, гораздо более гуманоидные лица, чем можно было предположить. Похоже было, что кентавры слушают Тука, время от времени вставляя короткие реплики... И вдруг они зашлись громким, презрительным хохотом, тут же поддержанным их соплеменниками.

Опустив бинокль и голову, я вслушивался в этот многоголосый, отдающийся эхом смех.

Лицо Сары недоуменно вытянулось.

— Что бы это значило? — спросила она.

— То, что старина Тук в очередной раз сел в лужу, — ответил я.

Смех ослабел, а потом умолк. Два кентавра снова беседовали с Туком. Я вернул бинокль Саре. Все интересующее меня можно было видеть и невооруженным глазом.

Один из кентавров развернулся и что-то крикнул стаду. Спустя мгновение вперед выбежал, неся что-то блестящее, его сородич.

— Что это у него? — спросил я Сару.

— Щит, — сказала она, не отрываясь от бинокля. — И что-то вроде перевязи. Да-да... Перевязь и меч. Все это вручается Туку...

Когда Пэйнт бежал обратно, солнечный свет отражался от оружия, стиснутого руками Тука, и кентавры издевательски гоготали. Он накатывал на нас могучими волнами, этот гогот....

Внезапно Пэйнт рванул бешеным карьером, и, едва он исчез на изгибе тропы — мы с Сарой недоуменно переглянулись.

— Скоро все выяснится, — бодро сказал я.

— Боюсь, что эта ясность не обрадует, — ответила она. — Вероятно, мы совершили ошибку. Идти следовало вам. Но уж очень он хотел этого...

— Не пойму, с какой стати этот несчастный все-таки поперся туда?.. Бравада?.. Неужели он действительно...

— Нет, — мотнув головой, сказала Сара. — Никакая это не бравада... Тут все не так просто. Он вообще не прост — этот Тук...

— По-моему, его что-то гложет, но что?

— Он мыслит иначе, чем мы с вами, — продолжила Сара. — И видит все под другим углом... Что-то явно им движет, и это «что-то» — никак не страх, амбиция или зависть. Оно совсем другого порядка... Я знаю, что вы всегда считали его еще одним святошой, еще одним прохиндеем. Бродягой, прикрывающим свои комплексы мнимой религиозностью. Уверяю вас — он не из таких... Я знакома с ним гораздо дольше, чем вы, и...

Пэйнт, лязгнув качалками, остановился перед нами. На землю тяжело брякнулись меч со щитом, и на нас, полулежа в седле, вытаращился Тук.

— Ну, что с мозгом, — спросила Сара. — Он у них?

Тук кивнул.

— И они согласны продать его?

— Ничего подобного, — прохрипел он. — За него нужно сражаться. Это единственный способ...

— Сражаться?! — воскликнул я. — Мечом?!

— Мне дали его именно для этого, капитан. Я сказал им, что пришел с миром, а они ответили: мир — это трусость... Меня вынуждали вступить в бой немедленно, но я сказал, что должен удалиться для молитвы. Это их очень развеселило, однако уйти мне все-таки позволили...

Тук сполз с Пэйнта и сразу же повалился на землю.

— Я не умею драться! — пронзительно визжал он. — Я никогда этим не занимался! До сегодняшнего дня я не держал в руках оружия! Я не могу, я отказываюсь убивать! Они сказали, что все будет честно — один на один, — но...

— Но ты не мог драться, — закончил я.

— Конечно, не мог! — взвилась Сара. — Потому что не имел понятия о том, как это делается!

— Хватит распускать слюни! — прикрикнул я на Тука. — Поднимайся-ка лучше на ноги и вытряхивайся из своего мешка!

— Вы?! — изумленно воскликнула Сара.

— А кто же еще, черт возьми? — яростно крикнул я. — Напортачено уже достаточно — так что самое время выпускать меня! Ведь вам нужна коробка, не так ли?

— Но ведь вы тоже не умеете обращаться с мечом!

— Конечно, не умею! Хотя вы и держите меня за варвара...

Тук все еще лежал. Я нагнулся, рывком поставил его на ноги и заорал:

— Снимай сутану! Мы не должны заставлять их ждать! — Подавая пример, я стащил с себя куртку и стал расшнуровывать ботинки. — Сандалии тоже! Я должен выглядеть, как ты!

— Они заметят подмену, — сказала Сара. — Вы ничуть не похожи на Тука.

— Я нахлобучу капюшон, и никто ничего не поймет! Да они, наверное, и не помнят уже, как он выглядит. А если и помнят, вряд ли станут возмущаться. Забава-то не отменилась! Жертва-то — перед ними!

Сняв брюки, я увидел, что Тук валяется опять.

— Стащите с него сутану! — приказал я Саре. — Молитва затянулась. Кентаврам это может не понравиться. Они еще, чего доброго, явятся сюда.

— Давайте плюнем на все, — неожиданно предложила она. — Признаем свое поражение и отправимся по тропе назад.

— Они последуют за нами, — сказал я. — И убежать не удастся... Снимайте-ка лучше сутану...

Едва Сара приблизилась к нему, Тук ожил. Быстро развязав пояс, он вытряхнулся из своего облачения и бросил его мне.

Надев сутану и подпоясавшись, я накрыл голову капюшоном.

— Вы же никогда не имели дело с мечом! — продолжала увещевать меня Сара. — А они против вас выставят лучшего бойца!

— У меня есть одно преимущество, — сказал я. — Этот их герой будет уверен, что сражается с неумехой. Он не станет особенно осторожничать. Он, возможно, решит выпендриваться, устроить что-то вроде шоу. И если мне удастся подобраться к нему...

— Но Майк...

— Сандалии! — крикнул я Туку и, немедленно получив их, обулся.

Он стоял в одних грязных трусах и был самым костлявым человеком из когда-либо мной виденных. Впалый живот, казалось, приклеился к позвоночнику, а ребра можно было пересчитать с большого расстояния. Что касается рук и ног, то это были самые настоящие прутики.

Нагнувшись, я поднял перевязь с мечом и надел на себя. Затем, вынув меч из ножен, внимательно его осмотрел. Он был тяжелым, слегка тронутым ржавчиной и не слишком острым. Вложив его обратно, я надел на руку щит.

— Удачи, Майк! — сказала Сара.

— Спасибо, — ответил я, хотя не чувствовал ни малейшей благодарности, одну лишь ярость.

Этот кретин подкинул мне паршивую работенку, справиться с которой было почти невозможно.

Я вспрыгнул на Пэйнта и, когда тот развернулся в нужную сторону, увидел подбежавшего Тука. Стоя по-прежнему в трусах, он протягивал мне свою куклу. Ударом ноги я вышиб у него эту деревяшку, и Пэйнт рванулся вперед.

Кентавры были на прежнем месте. Вопреки опасениям, я не встретил их несущимися по тропе. Мое появление вызвало издевательский приветственный гул.

Спустившись вниз, Пэйнт бодро поскакал к стаду. Один из кентавров рысью выбежал навстречу и остановился прямо перед нами. В руке его был щит, такой же, как мой, а на перевязи, перекинутой через плечо, болтался меч.

— Вернулся? — удивленно сказал он. — Мы думали, что ты этого не сделаешь!

— Мое сердце по-прежнему исполнено миролюбия, — ответил я. — Это единственно достойное его наполнение.

— Мир — трусость, — презрительно возразил кентавр.

— Значит, вы настаиваете на поединке?

— Это единственно достойное занятие.

Он явно издевался надо мной.

— Кстати, о достоинстве, — сказал я. — Где гарантия того, что убив тебя, я получу шар?

— Не забегаешь ли ты вперед?

— Но ведь кто-то из нас должен будет умереть?

— Это так, — согласился кентавр. — Только не кто-то, а ты.

— И все же, — настаивал я, — на случай, если ты ошибаешься — как насчет шара?

— При неблагоприятном исходе поединка, если ты случайно останешься в живых, он — твой.

— И мне будет позволено уйти?

— Ты оскорбляешь меня, — сказал он с нескрываемой злобой. — Ты наносишь оскорбление всей моей расе.

— Я не здешний и потому не знаю ваших нравов.

— Мы благородны, — выдавил он, скрипнув зубами.

— В таком случае, перейдем к делу.

— Правила следующие... Сейчас мы должны разойтись и повернуться лицом друг к другу. Видишь вон тот кусок материи?

Из толпы кентавров торчала палка с привязанной к ней грязной тряпкой. Я кивнул.

— Когда этот флажок упадет — схватка начинается.

Я снова кивнул, отъехал чуть-чуть назад и, развернувшись, остановился. Мы смотрели друг на друга. Палка с тряпкой была все еще поднята. Кентавр обнажил свой меч. То же сделал и я;

— Ну, дружище Пэйнт, держись!

— Досточтимый сэр! — горячо воскликнул он. — Я сделаю все от меня зависящее!

Тряпка опустилась, и мы бросились друг другу навстречу. Копыта кентавра выбивали огромные комья земли, его меч и щит были вскинуты высоко над головой, и он издавал воинственные вопли, слегка напоминавшие тирольское пение, но далеко не такие забавные.

Мы столкнулись уже через две секунды — и всю эту вечность мой мозг лихорадочно перебирал спасительные трюки, ни один из которых не был спасительным. В конце концов я понял, что нужно просто устоять против первого удара и ухитриться нанести ответный. И тут же меня наполнила холодная сосредоточенность. Я думал теперь только об одном: побыстрее прикончить кентавра, пока он не прикончил меня.

Я видел, как неотвратимо опускается его меч, и знал, что мой меч уже занесен над его головой. Глаза кентавра, маленькие и блестящие, были слегка прикрыты, а на лице его застыла маска превосходства. Он не сомневался в победе. Он знал наверняка, что у меня нет ни малейшего шанса. Он не мог не заметить, что перед ним — профан.

Меч ударил по краю моего щита с такой силой, что рука тут же онемела. Соскользнув, он рассек воздух в дюйме от моего плеча. Как только это случилось, кентавр странно дернулся, затем взвился на дыбы, глаза его остекленели, рука, державшая щит, безвольно повисла, и мой меч, со всей силой, которая только у меня нашлась, раскроил его череп надвое и утонул в шее.

Перед этим я успел увидеть во лбу кентавра — прямо посередине — черную дыру, неизвестно откуда взявшуюся. Лезвие прошло точно через нее, — словно она подсказала наиболее уязвимое место.

Черепная коробка робота была потрескавшейся и помятой. Ей досталось как следует.

— Возьмите, — сказал я, протянув ее Саре. — Ваш номер был чертовски опасен, должен сказать...

Ее страшно рассердил мой неласковый тон.

— Никакой опасности не было! Пуля летит туда, куда я целюсь! А целюсь я хорошо! Вы ведь убедились в этом?

— Убедиться-то убедился, — сказал я, еще не вполне пришедший в себя, — но два фута в сторону, и...

— Этого не могло произойти, потому что я целилась в...

— Знаю-знаю... Ему в лоб.

Спрыгнув с Пэйнта, я снял сутану и бросил ее Туку, сиротливо стоявшему у самого уродливого деревца.

— А где, интересно, мои штаны? — спросил я.

— Там, — кивнула Сара в сторону. — Я сложила их поаккуратней.

Пока я одевался, она вертела коробку в руках.

— Не понимаю... — недоуменно сказала она. — Что они делали с ней?

— А что, по-вашему, должны были делать с ней варвары, играющие в поло?

— Неужели они использовали ее в качестве мяча?

Я кивнул.

— Теперь им снова придется гонять камешки. Бедняги ужасно расстроены.

Сверху, покинув свой наблюдательный пункт, спустился Хух.

— Отличное выступление, — похвалил он меня. — Особенно для того, кто впервые держит в руках такое оружие...

— Если кто-то и выступил отлично, так это мисс Фостер, — сказал я. — Это она подстрелила птичку.

— Неважно, Майк, — кто. Дело сделано, и лошадки эвакуируются.

— Ты хочешь сказать, что они уходят?

— В настоящий момент идет построение.

Поднявшись к вершине, я увидел, что кентавры действительно выстроились в неровную колонну и уже движутся на запад. Это было приятное зрелище. Какими бы благородными ни были эти существа — ведь они все же отдали мне обещанную коробку, — их соседство беспокоило бы...

Вернувшись, я застал Тука и Сару за воскрешением робота. Мозг возвращался законному владельцу.

— Не поврежден ли он? — тревожно спросила Сара. — Все-таки столько вмятин...

Я мог только пожать плечами.

— Нам ведь не нужно, чтобы он помнил все, — успокаивала она себя. — Мы зададим ему всего несколько простеньких вопросов...

Тук протянул руку, и Сара отдала ему коробку.

— Вы знаете, как это делается? — недоверчиво спросил я.

— Думаю, что да, — ответил он. — Там есть специальные пазы, в которые она и вставляется.

Он запихнул коробку в голову Роско, для верности легонько прихлопнул ее ладонью и закрыл крышку.

Роско шевельнулся. До сих пор неподвижно лежавший на земле, он выпрямился и попытался встать. Голова его медленно поворачивалась, и взгляд задерживался на каждом из нас. Он осторожно поднял руку, затем другую, словно вспоминая забытые движения. Наконец послышался его скрипучий голос.

— Почему же, уже, ну же, хуже, стуже, — сказал он и посмотрел на нас, желая, вероятно, убедиться в том, что мы все прекрасно поняли.

Заметив на наших лицах некоторое недоумение, он заговорил вновь, теперь уже торжественно и медленно, специально для тупых:

— Кот! Бот! Вот! Год! Крот! Лот! Мот! Плот! Пот! Рот! Тот! Ход!

— Он спятил, — сказал я.

— Дятел, — ответил Роско.

— Он рифмует, — сказала Сара. — Больше ничего... Неужели больше ничего?

Я усмехнулся.

— А вы у него спросите!

— Роско! — крикнула она. — Ты помнишь хоть что-то?

— То-то, фото, нота, хота, рота, шпрота...

— Нет-нет! — остановила она его. — Не это! Ты помнишь, кто твой хозяин?

— Каин, — признался робот.

— О Господи! Нужно было проделать такой путь и пройти через такие испытания, чтобы услышать вот это?!

— Роско! — строго сказал я. — Мы ищем Лоуренса Арлена Найта!

— Знай-то, рай-то, чай-то, дай-то...

— Заткнись! — заорал я. — Мы ищем Найта! Укажи направление, в котором нам следует идти!

— Лети, плети, мети, — ответил Роско и, повернувшись, показал рукой на север.

ГЛАВА 17

Итак, мы снова шли по тропе, все дальше и дальше на север.

Пустыня и холмы давно остались позади, и мы взобрались на огромное плато, за которым вдали, упираясь в небо, голубели горы.

Здесь была вода. Множество ее потоков стремительно и звонко бежало по промытым в камне руслам. Мы спрятали свои ставшие теперь ненужными фляги в одном из каменных домиков, которые по-прежнему попадались на нашем пути.

Все наши тюки были теперь привязаны к могучей спине Роско. Я, слегка стесняясь своего вида, шествовал при мече и щите. Хотя это снаряжение было не очень-то к лицу взрослому человеку, во мне шевелилась какая-то атавистическая гордость — та, которую испытывал древний обладатель этого оружия.

То, что еще недавно было просто затянувшейся прогулкой, теперь обрело хоть какой-то смысл. Конечно, нельзя было утверждать, что Роско указал нам на север сознательно, хотя позже он повторял этот жест в точности, тем не менее мы больше не чувствовали себя слепыми котятками.

Растительность становилась все более разнообразной. Здесь были и трава, и цветы, и множество кустарников, и даже величественные рощи. Вдалеке же по-прежнему возвышались деревья-гиганты.

Становилось все прохладнее, и все сильнее дул колючий ветер.

Тут было множество диковинных грызунов, которые, сидя на задних лапках, приветствовали нас громким свистом. Иногда мы видели небольшие стада травоядных. Сара подстрелила одного из них, и мы, освежевав его и поджарив, бросили жребий — кому пробовать первым. В качестве испытателя я съел несколько кусочков мяса и не умер. Выждав некоторое время, Сара с Туком подкрепились тоже. Затем мы пополнили наши съестные припасы.

В окружающем присутствовало нечто исступленно мистическое, и временами мне казалось, что все происходит во сне. Само плато было здесь ни при чем — влияла каким-то образом вся планета. Я спрашивал себя: кто был здесь до нас и почему ушел? зачем посажен фруктовый сад и построен белый город?..

Порою, сидя у костра, я удивлялся, глядя на Хуха, тем братским чувствам, которые успели нас связать. Он очистил мою кровь от яда, а позже попросил у меня жизнь взаимы — и я дал бы, не опереди меня Тук. Но, скорее всего, предложенная жизнь была воспринята Хухом лишь как заменитель моей...

Этот Тук уже даже не пытался делать вид, что он один из нас. Он разговаривал только со своей куклой и, поужинав, сразу отодвигался от нас, несмотря на холод. Его лицо все больше худело, и весь он ссыхался, становясь бледной тенью. Порой, обернувшись, я видел его и не узнавал. Впрочем, это стирание памяти провоцировалось скорее бесконечностью плато, по которому мы шли. Прошлое и настоящее, воспоминания и надежды нанизывались здесь на вечность, ужасающую и восхитительную...

Итак, мы ползли по плато. Пэйнт двигался почти бесшумно, если не считать случайных ударов его качалок о камни, торчав-

шие посреди тропы. Хух еле различимой точкой бежал впереди, хотя вряд ли мы нуждались теперь в разведчике. Серым привидением, закутанным в коричневую тряпку, плелся Тук. Бодро вышагивал, бормоча бесконечные рифмы, Роско, счастливый идиот. И я со своим бьющим по ноге мечом был, вероятно, под стать всей этой странной компании... А вот Сара держалась неплохо. В ее глазах снова появился тот блеск, который был в глазах хозяйки аристократического дома, встретившей меня в дверях и увлекшей внутрь, а потом — сюда...

Далекие горы постепенно теряли свою туманную голубизну, и мы уже видели их грозные детали — отвесные скалы и глубокие ущелья, поросшие густыми лесами, тянувшимися до самых вершин.

— У меня такое чувство, — сказала однажды Сара, сидя у ночного костра, — что мы почти пришли.

Я кивнул, так как сходное чувство было и у меня. Мне казалось, что мы совсем рядом — неизвестно, правда, с чем. Что где-то в этих приближающихся горах мы найдем то, что ищем. Я вовсе не думал, что мы найдем Лоуренса Арлена Найта, давно, по моим предположениям, умершего, но был почти уверен, что вот-вот тропа оборвется и мы увидим ту вещь, которая нам нужна. Что же такое было нам нужно — я понятия не имел. Но это незнание вовсе не подавляло радостного предвкушения... Вот такую странную логику навевало окружающее. Бесконечная — скорее всего — тропа услужливо заканчивалась чем-то восхитительным.

Над нами мерцало спиральями голубовато-белое галактическое ядро.

— Интересно, — продолжила Сара, — вернемся ли мы когда-нибудь назад? И если вернемся, то сможем ли рассказать обо всем? Найдем ли слова?

— Найдем. Огромный белый город. Пустыня. Плоскогорье. Горы.

— Нет, не то. Исчезает чудесная таинственность...

— Для красоты всегда не хватает слов. Как не хватает их для страха и для счастья.

— Наверное... — согласилась она. — Так как, по-вашему, вернемся мы или нет? Есть ли у вас какие-то соображения на этот счет?

Я покачал головой. Кой-какие мысли у меня, конечно, имелись — но не настолько яркие, чтобы излагать их.

— А знаете, — сказала Сара, — я ведь не очень и беспокоюсь... Мне это кажется чем-то несущественным. Здесь есть то, чего я не находила нигде. Не могу сказать — что именно. Я много думала над этим, но так ничего и не определила.

— Через пару дней все выяснится...

Я чувствовал себя околдованным почти в такой же степени, что и Сара. Хотя она, конечно, могла быть более чувствительной

и видеть все не так, как я. Ведь человек даже не может предположить, какие образы возникают в чужом сознании, как работает чей-то мозг, что запечатлевается в нем и как толкует он эти впечатления...

— Возможно, завтра, — сказала она.

Кивнув, я посмотрел на этого большого ребенка, говорившего: завтра, возможно, будет Рождество.

Но «завтра» не стало ни концом тропы, ни Рождеством. Оно стало днем, когда исчез Тук.

Мы обнаружили его исчезновение уже после полудня и, сколько ни пытались, не могли вспомнить — был ли он с нами на полуденном привале. Мы знали наверняка лишь то, что еще утром он был.

Пришлось возвращаться по тропе назад. Мы искали его, но безрезультатно. Когда наконец стало смеркаться, мы устроились на ночлег.

Это было, конечно, странно, что никто из нас не помнил, когда видел Тука в последний раз. Я очень удивлялся, когда думал об этом. Намеренно ли он покинул нас или заблудился? А может быть, просто растворился, как сделал это Джордж в ту памятную ночь, когда агрессивное дерево загнало нас в здание из красного камня?.. Отчужденность Тука — единственно из-за нее мы не почувствовали его отсутствия сразу. День ото дня он все больше отдалялся от нас, становясь почти невидимым призраком. Это последнее, а также магические чары земли, по которой мы полужили-полуплыли — вот что сделало вполне возможной незаметность исчезновения...

— Нет смысла продолжать поиски, — сказала Сара. — Если бы он был где-то здесь, мы уже нашли бы его. Если бы он только присутствовал здесь...

— По-вашему, он уже не присутствует? — удивленно спросил я.

Она покачала головой.

— Он нашел то, что искал. Как и Джордж.

— Вы имеете в виду куклу?

— Это символ. Точка концентрации. Магический кристалл. Некая пред-Мадонна. Талисман...

— О Мадонне вы уже говорили, — напомнил я.

— Благодаря своей необычайной чувствительности, — продолжала Сара, — Тук воспринимал пространственно-временное запределье. Несносный, гадкий в повседневности — да, я признаю это теперь! — он был вне ее, совершенно другим. Именно о таких говорят, не от мира сего.

— Вы сказали однажды, что он не выдержит пути, сломается.

— Да, я помню. Мне казалось, что он слаб, но так только казалось. В нем была сила...

Слушая ее, я не переставал мучить себя вопросами. Куда же мог уйти Тук? Ушел ли он вообще или просто сохся до критической точки? Не остался ли он рядом — невидимый, неслышимый, дергающий нас за рукава в попытке привлечь к себе внимание?.. Хотя Тук не стал бы дергать. Он бы плюнул на нас и отвернулся. Его могли трогать только собственные тайные мысли. Ну, кукла еще... Исчезновение, вероятно, было для него желанным избавлением от нас...

— Вас теперь только двое, — сказал Хух. — Но не только. С вами друзья.

Я действительно забыл о Хухе, лошадке и роботе. Я думал о том, что нас, свалившихся сюда из бездонного космоса, ищущих здесь непонятно что, нас уже вдвое меньше...

— Хух! — сказал я. — Ты ведь что-то почувствовал, когда нас покинул Джордж? А теперь?

— Я ничего не слышал, Майк. Знаю только, что Тук ушел не сразу. Это тянулось долго, не один день. Ой просто таял, становясь все меньше и меньше...

Вот так, подумал я. Все меньше и меньше. И даже неизвестно, был ли он с нами весь — хоть минуту...

Сара стояла рядом с гордо поднятой головой, словно бросала вызов в темноту кому-то или чему-то. Быть может, обстоятельствам, отнявшим у нас Тука. Мне уже не верилось, что в этом замешаны какие-то посторонние силы. Все сделали Тук и его башка...

Пламя вспыхнуло ярче, и я увидел слезинки, скатывавшиеся по щекам Сары. От прикосновения моей руки она вздрогнула, повернулась ко мне и вдруг — чего уж никак нельзя было предвидеть — уткнулась лицом в мое плечо. Я обнял ее, и она горько разрыдалась.

У костра неподвижно стоял бесстрастный Роско, и в тишине, прерываемой всхлипами Сары, я слышал: «предмет, привет, стилет, скелет, билет, галет...»

ГЛАВА 18

Мы прибыли следующим утром. Именно «прибыли», потому что никто не сомневался, что это место и есть цель нашего многодневного похода.

Поднявшись на небольшой холм, я увидел две огромные скалы, в щель между которыми нырнула наша тропа, и понял: перед нами вожделенные ворота.

Вдали высились горы, те самые, которые не так давно были похожи на размазанное фиолетовое пятно. Фиолетовость все еще

оставалась, и это она отбрасывала на голубую землю, по которой мы шли, свою угрюмую тень.

Во всем — и в этих горах, и в воротах, и в ощущении того, что мы у цели — во всем этом была такая завершенность, что я стал опасаться подвоха.

— Хух! — сказал я громко.

Он не откликнулся, хотя и стоял рядом с нами, так же глядя на всю эту странную правильность.

— Пошли? — вопросительно предложила Сара, и мы двинулись по тропе вниз к огромному каменному portalу.

Приблизившись, мы увидели на одной из скал металлическую пластину с одним и тем же текстом, повторенным на множестве языков. Часть каракулей адресовалась к владеющим космическим арго. И вот что там было написано:

ВСЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. МЕХАНИЧЕСКИЕ, СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ, ЭЛЕМЕНТЫ ЛЮБЫХ ГРУППИРОВОК — ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ИНСТРУМЕНТЫ, ОРУЖИЕ ЛЮБОГО ВИДА НЕ ВНОСИТЬ.

— Ну и ладно, — сказал Пэйт. — Я составлю компанию нашему неуклюжему генератору рифм. И присмотрю за оружием. Только прошу не задерживаться. После этой жизни вверх ногами мне страшно оставаться без биологических персон. Соседство настоящей протоплазмы успокаивает...

— То, — что мы идем туда совершенно беззащитными, мне очень не нравится, — сказал я Саре.

— Но ведь мы уже у цели! — напомнила она. — Вряд ли следует нарушать вполне безобидное предписание! Ведь там мы будем в полной безопасности, Майк! Разве вы не чувствуете?

— Чувствую, чувствую... Но все же мне это не нравится. Я не стал бы так уж доверять своим чувствам. Никто не знает, на что мы там напоремся... Кстати, если бы мы не обратили внимания на табличку, то...

«Би-ип!» — пискнула табличка, или скала, или неизвестно что. И мы прочитали следующее:

ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ УМЫШЛЕННОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕМ.

— Ишь ты! — сказал я. — И какие же, вонючка, могут быть последствия?

Пластина не удостоила меня ответом — на ней остался прежний текст.

— Вы как хотите — а я пошла, — сказала Сара. — Причем соблюдая все правила. Проделав такой путь, я не поверну назад.

— А кто собирается поворачивать?! — удивился я.
«Би-ип!» — пропищало снова, и на пластине появилась надпись:

БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ, ВОНЮЧКА.

Сара прислонила свое ружье к скале, прямо под пластиной, и рядом положила патронташ.

— Идем, Хух! — сказала она.

«Би-ип!» — и пластинá изобразила:

ЭТОТ МНОГОНОГИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БИОЛОГИЧЕСКИЙ?

— Знай же, вонючка! — яростно прогудел Хух. — Я высижен по всем правилам!

НО ТЕБЯ НЕСКОЛЬКО.

— Меня трое! — с достоинством ответил Хух. — Перед тобой мое второе «я». Оно выше первого, но во многом уступает третьему.

Текст исчез. Казалось, кто-то или что-то размышляет.

«Би-ип!» — прозвучало наконец, и появилась надпись:

НАШИ ИЗВИНЕНИЯ, СЭР. ПРОХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Сара вопросительно посмотрела на меня.

— Ну?

Я бросил оружие на землю.

Она шла первой, и я не возражал. В конце концов, это был ее бенефис и ее денежки. Хух легко катился за ней. А я тащился сзади.

Мы спустились по тропе вниз, почти в потемках — так как нависающие над нами скалы заслоняли свет. Мы прошли по канаве шириною около трех футов. Затем канава резко повернула, и впереди вспыхнул свет.

Оставив за собой камни и темноту, мы вступили в обетованные пределы.

ГЛАВА 19

Перед нами был вид Древней Греции, о которой я читал в школе, когда нам прививалась любовь к истории Земли. В те годы я плевал и на колыбель человечества, и на ее содержимое. Но кон-

цепции этого древнего народа поразили меня своим совершенством... Потом я, конечно, забыл о них и никогда больше не вспоминал. И вот теперь передо мной снова лежал школьный учебник...

Тропа не кончилась. Под шум сверкавшего на солнце ручья, который нещадно грохотал по уступам, она бежала по долине.

Ландшафт был довольно суров, но каменистую почву то тут, то там оживляла зеленая заплатка с деревцом-загогулиной.

Тропа то приближалась к ручью, то отдалялась от него, огибая встречные камни. А в вышине, на почти неприступных склонах, виднелись игрушечно маленькие, сложенные из мрамора, поразительные по благородству линий здания.

Даже солнце казалось здесь греческим — во всяком случае, именно таким я представлял его. Исчезла голубизна плато, исчезли мрачные тени, и был только чистый, безудержно льющийся на бесплодную почву солнечный свет.

Это было оно — место, которое мы искали, сами того не зная. Искомое могло оказаться и человеком, и вещью, и даже идеей. Мы тыкались наугад — цвет... Правда, в этой долине можно было обнаружить еще и человека, или могилу его, а может быть, какие-то следы, способные нам поведать о случившемся с этим легендарным странником.

При одном взгляде на долину уже невозможно было подумать, что тропа, приведшая нас сюда, могла иметь какой-то другой конечный пункт.

С тех пор, как мы вышли из холодного полумрака под эти греческие лучи, никто из нас еще не проронил ни слова. Слов просто не было. И когда Сара двинулась дальше, Хух и я молча последовали за ней.

Мы обнаружили узкую тропинку, тянущуюся к первой из виллы, которая стояла на склоне горы, почти нависая над потоком. Чуть в стороне от тропинки стоял столб с прикрепленной к нему дощечкой. На дощечке было что-то написано, но что — мы не могли разобрать.

— Табличка с именем? — остановившись, спросила Сара.

Я кивнул. Это вполне могло быть именем какого-то существа, живущего там, наверху, на вилле.

Табличка-то была, но никаких признаков чьего бы то ни было обитания не обнаружилось. Нигде никто не шевелился, не выглядывал ниоткуда и не летал над нами. Не было слышно жужжания насекомых или насекомоподобных. На вид и на слух единственными живыми существами здесь были мы.

— Да, — сказала Сара. — Скорее всего, это действительно табличка с именем...

— Допустим, — ответил я. — Допустим и пойдем дальше. Поищем табличку с именем Лоуренса Арлена Найта.

— Даже теперь вы не в состоянии отнестись к этому серьезно! — возмутилась она. — То, по-вашему, он уже умер, то и не жил никогда, то еще что-то...

— Я могу, конечно, ошибаться, Сара, но здесь нет ничего, представляющего для нас хоть какой-то интерес. И это была ваша идея.

— Против которой вы были с самого начала!

— Захвачен я ею не был, что правда — то правда...

— Мы проделали такой путь?.. — жалобно воскликнула она.

— Ладно. В конце концов, мы ничего не теряем. Давайте в самом деле пойдем и рассмотрим все надписи.

И мы пошли, то сбегая по скатам вниз, то карабкаясь вверх. Нам попадались столбики с табличками, на которых были начертаны неведомые нам знаки — если это вообще были знаки. Солнце палило, прозрачный поток разбивался о камни, и брызги искрились. Но все остальное сохраняло прежнюю неподвижность.

Очередная табличка крупными печатными и, главное, понятными буквами извещала: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ.

Это было, конечно, форменным безумием. Невозможно пересечь всю Галактику и наткнуться на того, кого искал. Невозможно найти человека, давно умершего. Невозможно оживить легенду... Тем не менее перед нами красовалась надпись: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ...

И тут меня осенило! Это не жилище, а могила! Гробница!

— Сара! — воскликнул я, но она уже карабкалась вверх, возбужденно всхлипывая и радуясь счастливому итогу напряженных поисков...

А потом на крыльцо этого белоснежного строения, сверкавшего перед нами, вышел человек. Это был глубокий, но еще крепкий старик с серебристой бородой и широкими плечами. Белая хламида не вызывала никакого удивления. С такой осанкой можно было носить только хламиду.

— Сара! — снова крикнул я и вместе с Хухом поспешил за ней.

Она ничего не слышала. Она ни на что не обращала внимания.

— Гости?! — воскликнул старик, выкидывая руку в нашу сторону. — Мои соплеменники?! Мог ли я думать, что увижу их вновь!

Его голос рассеял мои последние сомнения. Это не было ни миражем, ни призраком. Это был просто человек, приветствующий нас своим глубоким басом.

Сара протянула ему обе руки, он сжал их — и они оба застыли, глядя друг другу в глаза.

— Вероятно, это был долгий путь, — пророкотал старик. — Очень долгий. Тропа длинна, трудна, и никто ничего не знает... Но вы-то как узнали?!

— Сэр, — все еще тяжело дыша, сказала Сара, — вы, должно быть, Лоуренс Арлен Найт, не так ли?

— Ну да! — подтвердил старик. — Он самый! А кого же вы предполагали тут увидеть!

— Кого?.. — задумчиво повторила Сара. — Конечно, вас. Но мы могли только мечтать об этом...

— А кто эти ваши милые спутники?

— Капитан Росс и Хух, наш преданный друг, — представила нас Сара.

— Весьма польщен, сэр! — отвесив Хуху поклон, сказал Найт, после чего повернулся ко мне, и мы обменялись рукопожатием. Пергаментную кожу его крепкой руки покрывало множество темных пятен.

— Добро пожаловать, капитан! Места хватит для всех! И для молодой леди, имени которой я, к сожалению...

— Сара Фостер, — торопливо сказала Сара.

— Подумать только! — воскликнул Найт. — Я больше не одинок! Как бы прекрасно все ни было, мне всегда не хватало звуков человеческой речи и человеческих лиц! Здесь, конечно, множество существ, добрых и тонко чувствующих, но потребность видеть сородичей неистребима!

— Как давно вы здесь? — спросил я, пытаюсь вспомнить, на какую же глубину уходит в прошлое легенда об этом человеке.

— Когда ты используешь каждый день в полной мере, когда с вечера нетерпеливо ждешь утра — отсчет времени не ведется. Минута становится частью вечности... Я много думал об этом и должен сказать, что не уверен в реальном существовании времени. Это абстрактное понятие, грубая измерительная линейка, перспективная структура, существующая далеко не во всех умах — но в тех лишь, которым необходимо поместить себя в так называемые пространственно-временные рамки. Время как такое прячется в вечности, и невозможно найти ни начала его, ни конца. Они не существовали никогда... Ну, а в моем случае тщательное измерение нелепо нарезанных ломтиков вечности — работа вовсе бессмысленная. Да и не нарезаются ломтики...

Он все говорил и говорил, а я, стоя между двумя мраморными колоннами, бросал рассеянные взгляды вниз, на долину, и думал: уж не тронулся ли старик от своего одиночества?.. Правда, все здесь действительно наводило на мысли о вечном, даже олицетворяло его. Я, конечно, не знал, как должна выглядеть вечность, но казалось, что именно так...

— Простите мне такую бессвязность, — остановился вдруг Найт, — но беда в том, что во мне накопилось слишком много невысказанного... Однако не все сразу. Вы и так, я вижу, утомлены. Не угодно ли зайти в дом?..

И мы вошли, мы погрузились в это классическое, умиротворяющее изящество.

В доме не было окон, и солнечные лучи косо лились сверху, освещая великолепные стулья и софу, письменный стол с деревянной шкатулкой и разбросанными листами бумаги на нем, изысканный чайный сервиз на столике поменьше.

— Прошу вас, садитесь! — сказал Найт. — Я надеюсь, вы сможете уделить мне какое-то время?

«Так ведь его не существует!» — мысленно возразил я.

— Конечно же сможете! — ответил он сам себе. — Ведь вы располагаете всем существующим временем! Пришедшему сюда уже некуда спешить! У него даже не возникает желания уйти куда бы то ни было.

Его монолог был гладким и понятным, как в добротной пьесе. Причина, по которой открылись его речевые шлюзы, не представляла загадки тоже. Одинокий старик нежданно-негаданно получил возможность выговориться. И все же, при всей этой ясности, я чувствовал какое-то смутное беспокойство...

— И для вас здесь, конечно же, места хватит, — продолжал Найт. — Многие жилища пока пустуют, так как добраться сюда не так-то просто. Через пару деньков я покажу вам окрестности, и мы кое-кого навестим. Нанесем, так сказать, официальные визиты. Без этого не обойтись — этикет у нас чтят. Однако в дальнейшем вы будете совершенно избавлены от необходимости делать визиты, если они вам окажутся в тягость... Здесь, должен вам сказать, живет избранная публика, представители самых различных рас Вселенной. Кого-то вы найдете забавными, кого-то — занудливыми, и в их поступках будет очень много непостижимого для вас. Порою вы даже будете неприятно шокированы. Старайтесь в таких случаях быть терпимыми к чужому своеобразию...

— А что это за место? — поинтересовалась Сара. — Как вы узнали о его существовании и как...

— Что это за место?.. — глубоко вздохнув, переспросил Найт и умолк.

— Да, что это за место, собственно? — настойчиво повторила Сара. — Как оно называется?

— Ну-у... Вы знаете, я никогда не интересовался этим. Не думал об этом и никого не спрашивал.

— То есть, прожив здесь столько времени, вы не поинтересовались — где вы находитесь?! — удивился я.

Он посмотрел на меня с таким испугом, будто я призывал его к восстанию.

— А зачем?! Зачем интересоваться?! Что мне в этом названии?!

— Простите, — сказала Сара. — Простите нас. Мы не хотели вас обидеть.

Она-то, может быть, и не хотела его обидеть, а вот я был не прочь. В этом случае, возможно, он разрешился бы хоть чем-то толковым....

— Вы упомянули о наполненности каждого вашего дня, — сказал я. — Какого она рода?

— Майк! — одернула меня Сара.

— Но я хочу знать! — воскликнул я. — Созерцает ли он целыми днями свой пуп — или же...

— Я пишу, — сказал Лоуренс Арлен Найт.

— Снова вынуждена принести свои извинения, сэр, — вмешалась Сара. — Допрос, — не лучшая форма беседы.

— Не для меня, — сказал я. — Не для невежи, желающего получить несколько вразумительных ответов. Он говорит, что никто из попавших сюда не желает никуда уходить! Он говорит также, что его дни заполнены до предела! Так вот. Если нам суждено застрять здесь окончательно, я хотел бы узнать...

— Каждый, — мягко прервал меня Найт, — делает здесь то, к чему имеет склонность. И делает исключительно ради собственного удовлетворения. Других мотивов нет. Лишь радость, доставляемая хорошо сделанной работой. Нет никакого экономического или социального давления. Деньги, признание, слава — все это теряет здесь смысл. Твой судья — ты сам.

— И поэтому, значит, вы пишете?

— Я пишу, — ответил Найт.

— И что же такое вы пишете?

— То, что хочу. Я излагаю свои мысли, стараясь выразить их как можно точнее. Я пишу, и переписываю, и снова пишу. Мне хотелось бы запечатлеть весь опыт моей жизни и понять: что я за существо и почему я именно такой... Мне хотелось бы продолжить...

— Ну, и как успехи? — нетерпеливо спросил я.

Он кивнул на шкатулку.

— Все в ней. Все, что я пока успел. Работа отнимает достаточно много времени, но приносит несравненно больше наслаждения. Конечно, чтобы завершить этот труд — если только я успею его завершить — понадобится не день и не два. Но ведь в моем распоряжении все существующее время?.. Тут у нас и рисуют, и сочиняют музыку, и исполняют ее, и занимаются такими вещами, о которых я и не подозревал прежде! Один из моих ближайших соседей, весьма необычное существо, разрабатывает невероятно сложную игру со множеством фигур и фишек, помещаемых на четырехмерную доску и...

— Перестаньте! — закричала Сара. — Вы не должны отчитываться перед нами!

Умолкнув, она испепелила меня взглядом.

— Ну почему же... — удивился Лоуренс Арлен Найт. — По-моему, это может представлять для вас определенный интерес... Здесь так много удивительного! И я прекрасно понимаю, сколько вопросов может возникнуть у только что прибывшего к нам...

— Майк, — сказал Хух.

— Тихо! — сердито прошептала Сара.

— Это трудно объять сразу, — продолжал Найт. — Очень трудно... Почти невозможно, например, уяснить себе даже то, что время здесь застыло и что — несмотря на регулярное появление и исчезновение света, благодаря которому мы получаем наши искусственные дни — время неподвижно, «вчера» едино с «сегодня» и «завтра». Мы погружены в неподвижный океан вечности, где исключена тирания минут и...

— Майк! — протрубил Хух, уже не сдерживаясь.

Я вскочил. Вслед за мной поднялась Сара. И едва мы это сделали, произошла странная перемена.

Мы стояли в грязной лачуге с дырявой крышей, кривыми стульями и треногим, прислоненным к стене, столом, на котором, среди раскиданных бумаг, стоял деревянный ящик.

— Это за пределами человеческого сознания, — продолжал разглагольствовать Найт. — Это действительно за его пределами... Мне иногда кажется, что кто-то, когда-то и каким-то образом увидел это место, проникся его смыслом и назвал небесами...

Он был стар. Он был невероятно стар. Он был омерзительным живым трупом с ввалившимися щеками и гнилыми зубами. Сквозь огромную дыру его негнувшегося от грязи халата видны были ребра, выпирающие, как у истощенного коня. Руки его стали когтистыми лапами. Борода слиплась от слюны. И только в полузакрытых глазах была странная, неумная живость...

— Сара!! — закричал я испуганно, увидев ее все так же почтительно, благоговейно внимающей звукам, извергаемым грязной развалиной, скукожившейся на колченогом стуле.

— Сейчас, Майк, — бросив на меня недовольный взгляд, сказала она.

Я понял, что перед ней все тот же, прежний Найт! Что она ничего не заметила и все еще находится во власти дурмана, заманившего нас сюда, в эту ловушку!

Теперь я действовал очень быстро, почти не размышляя. Ударив Сару по челюсти, безжалостно и точно, я подхватил ее, уже падающую, и перекинул через плечо. Взглянув мельком на Найта, я увидел, что он отчаянно пытается слезть со своего стула, в то время как рот его продолжает выплевывать слова.

— В чем дело, друзья мои? Может быть, я невольно обидел вас? Так трудно порою понять нравы некоторых людей... Одно неловкое слово и...

Отвернувшись, я увидел на столе все тот же деревянный ящик и протянул к нему руку.

— Майк! — умоляюще прогудел Хух. — Мы не можем медлить! У нас даже нет времени для приличествующих случаю церемоний! Бежим отсюда с максимальным проворством!

И мы побежали с максимальным проворством.

Мы мчались без оглядки. И только перед тем, как нырнуть в каньон, ведущий к воротам, я все же оглянулся...

Сара, уже пришедшая в себя, визжала и молотила меня кулаками по спине. Но я крепко держал ее одной рукой, другой сжимая все же захваченный ящик.

Когда мы выбрались из каньона, Роско и Пэйнт стояли в тех же позах, в которых были оставлены. Прислоненное к скале ружье Сары и мой меч со щитом тоже никуда не делись.

Я сбросил Сару на землю без всякого почтения. Получив столько ударов руками и ногами, я мог себе это позволить.

Бледная от гнева, она так и осталась сидеть. Рот ее открывался и закрывался, но ничего, кроме «ты! ты! ты!», из него не вылетало. Всегда защищенная денежками, она, вероятно, впервые испытала такое унижение.

Я стоял, тяжело дыша от этого бешеного бега и от побоев этой сумасшедшей, стоял и думал о том, что увидел, оглянувшись...

— Ты ударил меня! — сложила наконец слова оскорбленная Сара.

Сложила и выжидающе умолкла. А выжидать было нечего. Я не знал, что ответить, и у меня не было сил на ответ. Наверное, Сара надеялась, что я стану все отрицать, и тогда на меня можно будет накинуться не только как на хулигана, но и как на лжеца.

— Ты ударил меня! — закричала она опять.

— Ты чертовски права. Ударил, — сказал я. — Потому что ты кое-что не видела и стала бы спорить со мной... Оставаться там было нельзя.

— Мы нашли Лоуренса Арлена Найта! — вскочив, возопила Сара. — Мы обнаружили райское место! После долгого пути мы нашли то, что искали! И теперь...

— Вина лежит на мне, благородная леди, — сказал Хух. — Я уловил это краешком моего третьего «я» и показал Майку. Моих сил не хватило на то, чтобы это увидели и вы...

— Ах ты, грязная скотина! — возмутилась она и пнула Хуха ногой.

Удар пришелся в бок — Хух перевернулся и стал беспомощно сучить своими маленькими ножками.

Сара тут же упала перед ним на колени и заплакала:

— Прости меня! Мне стыдно! Мне очень жаль, что так получилось! — А затем поставила пострадавшего на ноги.

— Майк! — жалобно воскликнула она. — О, Майк?.. Что же такое произошло с нами?

— Надули нас, вот что, — сказал я. — Других объяснений быть не может. Околдовали.

— Добрейшая! — воскликнул Хух. — Я не в обиде на вас! Такой реакции мне следовало ожидать!

— Видать, кидать, не дать, рыдать, — добавил Роско.

— Заткнись! — крикнул ему Пэйт. — Свихнуться можно от твоей тарабарщины!

— Это была иллюзия, — сказал я Саре. — Там нет никаких мраморных вилл — одни лишь грязные лачуги. И ручей, который виделся нам прозрачным, на самом деле засорен отбросами. От него поднимается непереносимая вонь. А Лоуренс Арлен Найт — если это действительно он — имеет вид покойника, оживленного неизвестно каким способом...

— Нас совсем не оберегают здесь, — сказал Хух.

— Мы нарушители границы! Мы не должны улететь с этой планеты — потому что иначе расскажем о ней другим! Это же гигантская мухоловка! Как только мы оказались поблизости, она заманила нас своим сигналом! А потом нам подкинули другую мухоловку, поменьше, использовав нашу склонность к серьезному восприятию мифов.

— Но ведь Найт, — сказала Сара, — преследовал свой миф еще там, в пределах Галактики!

— Как и мы! Как и те гуманоиды, чьи кости лежат в овраге! Видишь ли, в ловушках для насекомых иногда используются запахи, имеющие почти неограниченный радиус действия. Здесь же вместо запахов — легенды.

— Но этот человек, Найт или не Найт, был явно счастлив! Полон жизни! Его дни были насыщены делом, и он был уверен, что попал именно туда, куда ему хотелось!.. Может быть, ты все-таки ошибся? Или Хух просто подшутил над тобой?

— Не подшутил, — сказал Хух, — а дал реальное изображение.

— Реальное? Если Найт счастлив, и у него есть дело, и жизнь его полна смысла, и время над ним не властно...

— Ты хочешь сказать, что мы могли остаться? — спросил я. Она кивнула.

— Ведь там было место и для нас... Можно было бы поселиться в одном из этих строений и...

— Сара! Ты действительно хотела бы этого? Ты хотела бы улечься на это воображаемое облачко? И никогда больше не увидеть Землю?..

Она хотела что-то сказать, но передумала.

— Ведь нет же! — продолжал я. — Там, на Земле, тебя ждет твой дом, набитый охотничьими трофеями — ты ведь у нас великий охотник! Гроза свирепых хищников! Эти шкуры и головы, собранные по всей Галактике, давали тебе известное положение, делали тебя романтической фигурой! Но вот беда — людям, в конце концов, это приелось! Они стали зевать! И чтобы их как-то взбодрить, ты решила поохотиться за чем-то совершенно иным...

Рука Сары, описав неотразимую дугу, звонко шлепнула меня по щеке

Я усмехнулся.

— Теперь мы квиты!

ГЛАВА 21

Мы повернули назад и шли по той же тропе, которая привела нас сюда, — через голубое плато. Горы, фиолетовые гиганты, были теперь за нашими спинами.

Шума, который подняла Сара из-за всего случившегося, конечно, следовало ожидать... Я и теперь не был убежден, что она поверила всему, сказанному мной, — скорее всего, не поверила. Мои слова остались для нее только словами, а покинутая долина — чудесным местом с мраморными виллами, весело журчащим ручьем и ярким солнцем. Если бы ей довелось побывать там снова, именно это она и увидела бы. Колдовство все еще действовало на нее...

У нас не было никакого плана, и нам некуда было идти. Желания снова увидеть пустыню не возникало. Огромный белый город тоже не манил. Не знаю, что думали Хух и Сара, но в моей голове была единственная мысль: уйти как можно дальше от этих ворот и от этой долины...

Я уже успел забыть голубизну плато, мшистые холмики, сладко пахнувший кустарник, ледяные ручьи и деревья, воткнутые в небо. То, что планета была закрытой, связывалось у меня каким-то образом именно с этими деревьями. Потому, может быть, что они обнаруживали чью-то работу? Ведь самостоятельно они никак не расположились бы с такой правильностью?.. Вместе с тем я ловил себя на мысли, что смотрю на эту правильность уже без прежнего недоумения, не пытаюсь разгадать ее причину. Мозг защищал себя от непосильных вопросов...

Ночью, сидя у костра, мы вяло размышляли о наших перспективах. Надежды проникнуть в корабль вроде бы не было. Там, на поле, «стояло с дюжину других кораблей, и, вероятно, не первый год. Их, должно быть, тоже пытались взломать, но ничто не говорило о хотя бы одной успешной попытке... Неясной оставалась судьба экипажей этих кораблей. Мы знали — в общих чертах, конечно — о случившемся с гуманоидами, чьи кости лежали в овраге. Мы могли также предположить, что кентавры, — мутировавшие потомки инопланетных существ, прилетевших сюда много веков назад... Планета довольно крупная, с гораздо большей, по сравнению с Землей, площадью суши. Пришельцы вполне могли отыскать на ней пригодную для себя нишу. А некоторые, возможно, поселились в городе, если только эти вибрации

для них не смертоносны... Был еще один вариант. Экспедиции могли состоять только из мужчин — из самцов, точнее говоря. И они просто вымерли...

— Не исключено, — сказала Сара, — что кто-то из них живет там, в долине, как Найт.

Я кивнул. Долина была последней ловушкой. Если только гость не погибал по дороге, она захлопывалась за ним безотказно. Идеальны ловушки, из которых не хочется выбираться... Вряд ли, конечно, все прилетевшие искали то, что искал Лоуренс Арлен Найт, или то, что искали мы. Их могли привести сюда совершенно другие причины...

— Ты уверен, что действительно видел это? — спросила Сара.

— Ну что я должен сделать, чтоб ты мне поверила! — воскликнул я. — По-твоему, я просто хотел насолить тебе, да? Ты думаешь, что самому мне счастье противопоказано? Что после всех этих миль, которые...

— Да, конечно, — согласилась она. — У тебя не могло быть никакой другой причины... Но почему ты все видел, а я не видела?!

— Хух тебе все объяснил! Он мог предупредить только одного из нас. И он предупредил меня...

— Майк — часть меня, — сказал Хух. — Мы обязаны друг другу жизнью. Это нас связало. Его сознание всегда во мне. Мы с ним почти одно...

— Чудно! На дно! — торжественно произнес Роско.

— Уймись! — прикрикнул на него Пэйт. — Перестань пороть эту чушь!

— Туш!

— Этот почти человек хочет поговорить с нами, — сказал Хух.

— Его мозг поврежден, — сказал я. — В этом вся беда. Кентавры...

— Нет, он пытается контактировать, — настаивал Хух.

Повернувшись к Роско, я очень внимательно на него посмотрел. Тот стоял прямо и неподвижно. Пламя костра играло на его металлическом корпусе. И тут я вспомнил, что ведь это он указал нам дорогу на север. Значит, он еще соображает? И возможно, сейчас что-то хочет сообщить нам, но не может?..

— Хух! Не можешь ли ты что-то извлечь из него?

— Не в силах, Майк.

— Да разве не ясно, что ничего из этого не выйдет?! — возмутилась Сара. — И что мы никуда отсюда не улетим... Так и останемся здесь навсегда...

— Можно попробовать еще один вариант, — сказал я.

— Знаю. Другие миры. Вроде песков, в которых мы уже побывали. Их тут, должно быть, сотни...

— И один из этих сотен, возможно...

Она покачала головой.

— Невозможно. Ты недооцениваешь существ, построивших этот город и посадивших деревья. Они знали свое дело. Каждый из миров изолирован не менее надежно, чем этот. Иначе все потеряло бы смысл.

— А не думаешь ли ты, что в одном из миров живут строители города?

— Не знаю. Но даже если живут — что с того? Они раздавят тебя, как букашку!

— Да... — согласился я. — Ну, так что же предпримем?

— Лично я могла бы вернуться в долину. Как не видевшая того, что видел ты. И вероятно, не способная увидеть.

— Если ты мечтаешь о такой жизни, то конечно...

— Конечно! Потому что жизнь в долине была для меня вполне реальной! Кстати, ты уверен, что теперешняя наша жизнь реальна? Тебе известны какие-то критерии реального?

Ответить на этот вопрос было невозможно. Я не знал критериев реальности. Лоуренс Арлен Найт выбрал для себя псевдожизнь в долине, где все было ненастоящим. И эта жизнь виделась ему такой же наполненной, как если бы она была реальной. И все обитатели долины пребывали в том же счастливом заблуждении... Интересно, а как объяснил Найт наш внезапный уход? Наверное, придумал какую-то хитроумно естественную причину, которая не могла бы вывести его из равновесия, не потревожила бы его сладкий сон...

— Пожалуй, ты могла бы там прижиться, — сказал я. — Но мне это не подходит...

Мы сидели у костра и молчали, потому что говорить было уже нечего. Спорить с ней, что-то доказывать мне не хотелось. Я понимал, что все это говорится не всерьез и к утру забудется. Восторжествует здравый смысл, и мы двинемся дальше. Только вот куда?..

— Майк, — тихо сказала она.

— Что?

— У нас с тобой могло бы что-то получиться — там, на Земле... Мы одного типа.

Я пристально вглядывался в ее лицо. Странная мягкость была в нем.

— Ты ничего не говорила, — строго сказал я. — И это не в моих правилах — приставать к нанимателям.

Я ожидал, что она взорвется, но обошлось. Даже не поморщилась.

— Ты прекрасно знаешь, Майк, что я говорила не об этом... Но путешествие все испортило. Мы слишком хорошо узнали друг друга. До отращения хорошо... Прости, Майк.

— И ты прости меня...

Утром она исчезла.

— Ты ведь не спал! — накинулся я на Хуха. — Ты видел, как она уходила! И не разбудил меня!

— Для чего? Для чего я должен был тебя будить? Ты все равно не удержал бы ее!

— Я вбил бы немножко ума в ее голову!

— Ты не удержал бы ее, — повторил Хух. — Это судьба, Майк. Это ее собственная судьба. Вмешиваться нельзя. И у Джорджа своя судьба, и у Тука своя, и у нее. И моя судьба — моя, ничья больше.

— К черту судьбу, — заорал я, — если она такое вытворит! Мало того, что исчезли Джордж с Туком, так теперь я еще должен идти и вытаскивать Сару из...

— Не должен! — зло прогудел Хух. — Не должен ты ее вытаскивать! У тебя мало понимания, Майк... Ты не понимаешь, что это дело — не твое...

— Но она сбежала от нас!

— Тогда Тук с Джорджем — тоже сбежали.

— С Джорджем и Туком было все по-другому...

— Мой друг! Друг мой, — воскликнул Хух. — Я рыдаю по тебе!

— Оставь эти идиотские сантименты, — сказал я раздраженно. — Не заставляй меня снова на тебя орать.

— Разве это так плохо? — удивился Хух.

— Не то слово.

— Я надеюсь дождаться, — сказал он.

— Чего? — спросил я. — Или ты о Саре? Разве не понятно, что я отправляюсь за...

— Не о Саре. О себе. Я надеюсь дождаться, но уже не могу ждать.

— Перестань говорить загадками. Что случилось?

— Сейчас я тебя покину, — сказал Хух. — Мне пора переходить в третье «я».

— Сколько я тебя знаю, Хух, столько ты талдычишь о своих номерных «я»...

— Да! У меня три фазы! — торжественно провозгласил он. — Сначала первая, затем вторая, и в конце — третья...

— Минуточку, минуточку... Ты, значит, у нас вроде бабочки? Гусеница, куколка...

— Я не знаю о бабочке.

— Но за свою жизнь ты бываешь тремя различными существами?

— Мое второе «я» продлилось бы чуть дольше, — грустно сказал он, — если бы я не потревожил третьего — для того, чтоб рассмотреть Найта.

— Прости, Хух!

— Ничего. Третье «я» — это радость. Оно очень желанно. Ожидание его переполняет меня счастьем.

— Ладно, черт побери. Если так, валяй в свое третье. Я не против.

— Третье «я» — это удаленность, Майк. Оно не здесь. Оно где-то... Не знаю, как тебе объяснить. Я горюю по тебе и горюю по себе. Меня печалит расставание. Ты дал мне жизнь, и я дал тебе жизнь. Мы очень сблизились. Мы шли с тобой рядом через все опасности и научились понимать друг друга без слов. Я бы разделил свою третью жизнь с тобой, но это невозможно...

Шагнув к нему, я упал на колени и протянул руки навстречу его щупальцам. Соприкоснувшись, мы стали одним целым. На какой-то миг я увидел потаенные пределы его сущности — то, что он знал, что помнил, на что надеялся, о чем мечтал... А еще на миг мне открылись его предназначение и непостижимая структура его общества... Этот гремящий поток информации и эмоций хлынул в мой мозг, тут же его переполнив...

А потом все исчезло. И рукопожатие тоже. И сам Хух. Я стоял на коленях с протянутыми в пустоту руками. В голове чувствовался холод, а лоб был в испарине. Ко мне возвращался этот голубой мир, этот потухший костер и этот дурацкий робот.

Поднявшись на ноги и оглядевшись вокруг, я попытался вспомнить — чем же таким особенным была только что наполнена моя голова. Но ничего я не вспомнил. Наверное, мозг упрятал это поглубже или вовсе стер. Наверное, он защитил себя от перегрузки...

Пошатываясь и спотыкаясь, я приблизился к темным уголькам и, сев на корточки, поворошил их. Из глубины вскоре выглянула тлеющая головешка. Оставалось только подложить к ней тоненьких щепок — и вот уже закружилась струйка дыма и задрожал маленький огонек. Сидя в тишине у костра, я подбрасывал в него сухие ветки и думал о своем одиночестве. Допрыгались, думал я... Из четырех человек и одной многоножки остался минимум... И никчемный робот в придачу... Я был близок к тому, чтобы пожалеть себя, но вовремя вспомнил, что это не первая передрыга в моей жизни и что одиночество — мое привычное состояние... Из-за исчезновения Тука с Джорджем, конечно, не стоило горевать. Хух — другое дело. О нем можно было и всплакнуть. Не о нем, — вернее, а о себе — ведь он-то переселился во что-то лучшее... Сара, так много значившая для меня, ушла — туда, куда ее тянуло... И тут я понял, что Джордж с Туком — они ведь тоже ушли, куда им хотелось! У каждого было место куда уйти! У всех, кроме меня!

Как быть с Сарой? — думал я. — Вернуться в долину и вытащить ее оттуда, не обращая внимания на брыканье и вопли? Или

сидеть на месте и ждать, когда она одумается и прибежит сама? Как же, прибежит... Или просто послать ее к черту и отправиться по тропе в сторону города?.. Последний вариант можно было избрать с совершенно чистой совестью. Свою работу, оговоренную контрактом, я выполнил. И даже лучше, чем можно было ожидать. Несмотря на всю сумасбродность затеи, мы нашли Лоуренса Арлена Найта. Все оказались правы, а я — не прав. За что и сидел теперь один, как дурак, не зная, куда приткнуться...

Послышалось какое-то позвякивание, и, подняв глаза, я увидел, как ко мне подходит и подсаживается рядом Роско. Словно собирается предложить мне свою дружбу.

Усевшись поудобней, он протянул вперед руку, разровнял плоской ладонью землю перед собой, затем большим и указательным пальцами аккуратно поправил поникшую травку и еще раз провел рукой по только что разглаженной поверхности.

Я зачарованно наблюдал. Мне было интересно, что же он задумал, но спрашивать не имело смысла. Он разразился бы обычной чушью.

Выставив указательный палец, он нарисовал на земле короткую волнистую линию, а потом еще несколько непонятных знаков. Мне показалось, что он пишет какую-то математическую или химическую формулу, вроде тех, что я видел, листая как-то один научный журнал.

Не в силах больше сдерживаться, я крикнул:

— Что это, черт бы тебя побрал?!

— Врал, драл, крал, трал, — традиционно начал он и вдруг продолжил уже не в рифму, но все так же, насколько я мог понять, бессмысленно: — валентная связь функции волны равняется продукту функций асимметрично пространственной волны, а также функциям асимметричной волны, в то время как спин обеих асимметрично волновых функций...

— Стоп! — крикнул я. — В чем дело, Роско? Ты, измучивший нас своими идиотскими рифмами, говоришь теперь, как заправский профе...

— Графе, дрофе, софе! — отозвался он радостно и снова углубился в работу.

Писал он уверенно, не раздумывая, с видимым знанием дела. Заполнив гладкое пространство своими символами, он тут же стер их и принялся писать снова.

Затаив дыхание, я ждал. Ситуация уже не казалась мне такой комичной, как вначале. Тут происходило что-то очень важное.

Внезапно пишущий палец замер.

— Пэйт, — сказал Роско, не подкрепив это слово никакими рифмами. — Пэйт, — повторил он.

Я вскочил на ноги, и робот поднялся тоже. По тропе, грациозно подпрыгивая, к нам спешил Пэйт. Он был один, без Сары.

— Хозяин! — сказал Пэйнт, остановившись перед нами. — Я вернулся и жду ваших приказаний! Она сказала вам «до свидания», она велела передать: «Да благословит вас Всевышний». Не понимаю, что это значит... Она сказала: «Надеюсь, что он благополучно вернется на Землю». Не могли бы вы, сэр, объяснить смиренному существу, что такое Земля?

— Земля — это родная планета нашей расы, — сказал я.

— Не могли бы вы, доблестный сэр, взять меня с собой?

— Почему ты хочешь отправиться на Землю?!

— Вы милосердны, сэр, — ответил он. — Придя в страшное место, вы не убежали прочь. Я был в очень стесненном положении, но вы освободили меня, проявив изысканную любезность. Мне не хотелось бы расстаться с вами по собственной воле.

— Спасибо тебе, Пэйнт, — сказал я.

— Значит, я следую с вами до Земли?

— Нет, не следуешь.

— Но ведь вы сказали, сэр...

— Для тебя здесь есть еще кой-какая работенка, Пэйнт.

— С радостью отплачу вам за ваше доброе дело, сэр, но я так желал бы попасть с вами на Землю!

— Ты отправишься назад, — сказал я, — и будешь ждать Сару.

— Но она сказала «до свидания» очень понятно! Было похоже, что она прощалась!

— Ты будешь ждать ее! — повторил я. — Я не хочу, чтобы она не имела возможности вернуться.

— Вы думаете, что она захочет уйти оттуда?

— Не знаю.

— Но я должен ее ждать?

— Именно так.

— Я буду ждать! — жалобно воскликнул он. — Вы полетите на Землю, а я буду еще ждать! Буду ждать вечно, может быть! Если она вам нужна, добрейший сэр, то почему вы не вернетесь и не скажете ей это?

— Не могу. Хоть она и жуткая дура — у нее должен быть шанс. Как у Джорджа и Тука.

Сказав это, я удивился собственным словам. Решение, конечно, принять следовало. Но я принял его, совершенно не задумываясь, инстинктивно! Как будто это произошло не по моей воле, как будто это сделал некто, стоящий в сторонке. Хух, например... Я вспомнил о его просьбе не вмешиваться, не идти в долину, не вытаскивать Сару оттуда. Как же много оставил мне Хух перед своим уходом?.. Я вновь попытался что-то вспомнить, но кроме руки, обвитой щупальцем, память не предлагала мне ничего...

— Тогда я возвращаюсь, — сказал Пэйнт. — Возвращаюсь, полный грусти, но послушный. Там, конечно, не Земля — однако и не овраг...

Он повернулся, чтоб уже идти, но я, остановив его, приторочил к седлу ружье и патронташ.

— Оружие она оставила для вас, — сказал Пэйнт. — Ей оно не понадобится,

— Если уйдет оттуда — понадобится, — возразил я.

— Не уйдет. Вы знаете, что не уйдет. Когда она подходила к скалам, ее глаза сияли.

Я не ответил ему. Я стоял и смотрел, как он, повернувшись, удаляется по тропе — медленно, чтобы слышать, если его позвуют назад. Но я не позвал его.

ГЛАВА 23

В тот вечер, сидя у костра, я открыл ящик, взятый со стола Найта.

За день мы прошли довольно солидное расстояние, хотя каждый шаг стоил мне немалых усилий. Что-то настойчиво и властно звало меня назад. Сопротивляясь, я пытался понять — кому же так хочется удержать меня. Саре? Или все же это не «кто», а «что»? Может быть, собственная мысль о необходимости вернуться и ждать?.. Я чувствовал вину перед Сарой, хотя прекрасно знал, что вовсе не бросил ее — так же, как мы не бросили Джорджа и Тука. Мне казалось, я предал ее, но ведь не предал же?.. Больше всего меня беспокоило то, что она все-таки не поверила нам с Хухом, когда мы рассказали об увиденном в долине. Я должен был убедить ее не возвращаться туда! Но она предпочла фактам свою иллюзию, она не смогла и не захотела понять нас...

А может быть, это Хух тянет меня назад? Может быть, меня терзает именно то, что он успел перелить в мой мозг?.. Я еще раз попытался вытащить из подсознания хоть какой-то обрывок информации, но тщетно...

А если меня удерживает Пэйнт? Ведь я жестоко с ним обошелся, заставив делать мою работу. Не следует ли вернуться и все отменить?.. Я представил себе бедного Пэйнта, стоящего там, у ворот, тысячу, миллион лет — в ожидании невозможного...

Обуреваемый такими мыслями, я уходил по тропе все дальше и дальше.

Стороннему наблюдателю мы показались бы довольно странной парочкой: один тащился с нелепым мечом, другой с огромным тюком вещей, не переставая бормотать.

Когда мы остановились на ночлег, и я в поисках съестного стал рыться в одной из сумок, на глаза мне попался ящик Найта. Подумав, я отложил его в сторону, решив пока не отвлекаться.

Роско принес сухих веток и, пока я разогревал на костре ужин, без умолку гундосил — не рифмы на этот раз и не терминологическую белиберду.

— Имея глаз один, ты устрями его в молитве к небесам, — сказал он вдруг. — И солнце одноглазо, однако же весь мир обозревает!

— Роско, — сказал я опасаясь, что он вот-вот свихнется окончательно. — Извини, но я ничего не слышал. Задумался. Мне хотелось бы узнать...

— И кроткими они бывают... — продолжил он. — Под гнетом бед душа томится. И мы бы плакали, когда б такой нам груз...

— О, Боже! — закричал я. — Поэзия! Уравнений и бессмысленных рифм тебе было мало!

Медленно поднявшись на ноги, он вдруг запрыгал в лязгающей жиге, весело при этом горланя:

— Сгоряча меня ударив, ты сказала: добрый день! все давно уже остыло! надо раньше приходить! видно, раньше не пришел, потому что не хотел! потому что где-то, видно, пообедать ты успел?..

Внезапно остановившись, он сосредоточенно посмотрел на меня и сказал:

— Пел, сел, мел.

Я облегченно вздохнул. Это было, по крайней мере, что-то привычное.

Сумерки сгустились, и над головой снова расцвела Галактика, сначала центральное ядро, а потом тонкие спиральные нити.

Дым от костра, едва поднявшись, подхватывался ветром и исчезал в темноте. Где-то кто-то кудахтал, а прямо под ногами, в траве, сновала невидимая мелюзга.

А не Шекспира ли декламировал этот Роско? Слова, вроде бы, похожи... Хотя, конечно, я не специалист... А если Шекспира — откуда Роско его знает? Может быть, во время долгого полета, а потом — идучи по тропе, Найт читал это вслух?..

Поужинав, я помыл посуду в ручье и отложил ее в сторонке до утра. Роско, сидя у костра, водил пальцем по земле.

Взяв деревянный ящик Найта, я открыл его. Внутри оказалось множество бумажных листов, взяв первый из которых, я прочитал:

«Голубой и высокий. Чистый. Совершенно голубой. Звук воды. Звезды над головой. Земля оголена. Смех в вышине. Голубой смех. Мы действуем неразумно. Думаем, не размышляя...»

Почерк был неразборчивый и очень мелкий. Я с трудом разбирал слова.

«...мелко. Нет ни начала, ни конца. Бесконечность и более того. Голубая бесконечность. Бегущие ни за чем. Небытие есть пустота. Пустота есть отсутствие. Беседа — пустота. Поступки —

пустота. Где найти то, что не пусто? Нигде, напрашивается ответ. Высокое, голубое, пустое...»

Это было еще почище тарабарщины Роско. Я скользнул взглядом по странице и увидел все то же. Вытащив из ящика целую кипу листов, я поднес к глазам тот, на котором была пометка: «стр. 52», и прочитал следующее:

«...что далекое есть удаленное. Расстояния глубокие. Не малые, не большие, а глубокие. Некоторые без дна. И не могут быть измерены. Нет такой палки, чтоб измерить, фиолетовые расстояния самые глубокие. Никто не преодолевает фиолетовое расстояние. Оно ведет в никуда. Ему некуда вести...»

Я положил листы обратно и закрыл ящик. Я думал об этом психе, живущем в своей заколдованной греческой долине. И о Саре, живущей теперь там же. О Саре, которая ничего не знала и не желала знать.

Мне захотелось вскочить и закричать. Я еле удерживался от того, чтобы не побежать назад. Но я удерживался. Потому что впервые в жизни думал о ком-то, кроме себя... Вернувшись в долину, Сара сделала свой выбор. Ее влекло туда, где она надеялась обрести счастье. Счастье... Найт ведь тоже был счастлив, когда писал эту чушь! Укутанный в кокон своего счастья, он считал жизнь вполне удавшейся и даже не подозревал, что все это — обман...

Был бы сейчас рядом Хух! Хотя можно было не сомневаться, что он посоветовал бы не лезть в чужие дела. И добавил бы что-то о судьбе. А что такое судьба? Заложена ли она в генах или только записана на звездах? И неужели все наши поступки predeterminedены?..

Острое чувство тоски вновь охватило меня, и я придвинулся поближе к костру — словно его тепло могло меня защитить... Из всех моих спутников со мной остался только Роско, и он никак не мог нарушить моего одиночества. Он был по-своему тоже одинок...

Сара, Джордж, Тук и Хух — все они достигли своей еле угадывавшейся цели, осуществили свою мечту. Где-то глубоко внутри они уже знали, где им следует искать, куда идти... А я — знаю?..

Как ни пытался я определить это — ничего не вышло.

ГЛАВА 24

Утром мы нашли куклу Тука. Она лежала футях в шести от тропы, на самом видном месте. Было непонятно, как мы не заметили ее раньше. Я попробовал выяснить, не здесь ли мы искали пропавшего Тука, но в памяти моей не застряло никаких ориентиров.

До сих пор мне как-то не приходилось особо всматриваться в эту куклу. Мой взгляд слегка задержался на ней лишь раз — в ту самую ночь, когда мы оказались загнанными в краснокаменное здание. Теперь же у меня была возможность рассмотреть ее основательно, проникнуться всей печалью этого грубо вырезанного лица.

Сработавший куклу был либо дикарем, совершенно случайно придавшим ее лицу такое выражение, либо искусным мастером, сумевшим простейшими средствами передать болезненную растерянность мыслящего существа перед загадками Вселенной.

Лицо было не совершенно гуманоидным, недостаточно. Его даже можно было принять за человеческое, искаженное, правда, каким-то особым знанием — не тем, к которому стремишься, но тем, что обрушивается на тебя...

Я попытался выбросить ее — и не смог. Кукла как будто приросла ко мне, она явно не собиралась меня отпускать. Прижимая ее к груди одной рукой, другою я пытался отбросить ее в сторону, но обе руки не слушались меня.

Это было так же, как с Туком, если не считать, что он был добровольной жертвой и видел в кукле какую-то привлекательность, какое-то значение... Но я же всего этого не видел! Возможно, она давала ему то, что он искал, возможно, он видел в ней что-то спасительное — Мадонну, как сказала Сара? Но я-то не видел в ней Мадонну!..

И вот я шел теперь, прижав проклятую куклу к себе и лопаюсь от злости на самого себя, уподобившегося презренному Туку...

Мы по-прежнему шагали по голубому плато, и горы позади нас опять превращались в облака. Я размышлял над тем, не была ли зацикленность Найта на голубизне, обнаружившая себя в первых же строках его рукописи, отражением, эхом того, что мозолило сейчас мои глаза. Он шел к долине этой же дорогой, и по ней же Роско, брошенный у ворот, добрался затем до города и стал пленником гнома — на свою голову...

Спустя несколько дней — скорее, от скуки, чем из любопытства, я опять вытащил рукопись. Я начал с первого листа и прочитал ее всю — не залпом, конечно, это не было захватывающим чтением...

Я корпел над ней, как корпит ученый над каким-нибудь древним свитком, обнаруженным в монастыре. Меня занимала не столько информация, сколько стремление понять — что же подвигнуло человека на такой грандиозно бессмысленный труд. Мне хотелось пробраться сквозь весь этот бред к рациональной крупнице, которая все же могла остаться в Найте.

Но там не было ничего. Рукопись была абсолютно непроходимой и непостижимой ни для кого, кроме конгениальных идиотов. Слова в им угодном порядке просто вылезали из Найта, и его несколько не заботило их значение...

Кажется, на десятую ночь, в двух сутках пути от пустыни, я добрался наконец до той части рукописи, в которой брезжил некоторый смысл...

«И эти существа ищут голубое и фиолетовое знание. Они ищут его по всей Вселенной. Они заманивают все, что может быть познано. Не только голубое и фиолетовое, но весь спектр. Они вытаскивают знание с уединенных планет, затерянных в глубинах пространства и времени. Извлекают из голубизны времени. С помощью деревьев они ловят его и хранят до поры золотистого урожая. Огромные фруктовые сады. Мощные деревья, уходящие на мили в голубизну. Впитывающие мысль и знание так же, как где-то впитывается золото солнца. И это знание их плоды. Плод — это не только плод. Плод — питание для тела и для мозга. Он круглый, длинный, твердый и мягкий. Он голубой, золотистый и фиолетовый. Иногда красный. Он созревает и падает. Его собирают. Потому что сбор урожая — это уборка, а плодоношение — это рост. Оба золотисто-голубые...»

И опять он скатывался в бессмыслицу, в которой цвет, форма и размер играли главную роль, как и в большей части рукописи...

Я прочитал этот абзац снова, затем внимательно просмотрел предыдущие листы в надежде найти хоть какое-то разъяснение того, кем являлись упомянутые «эти существа», но не нашел.

Убрав рукопись в ящик, я присел к костру и глубоко задумался. Был ли привлечший мое внимание кусочек всего лишь диковинной фиоритурой помраченного рассудка? Или это просветление, застигшее Найта в момент писания вывихнуто мистических откровений? А что, если Найт вовсе и не сумасшедший, и вся эта белиберда — не более чем камуфляж, под которым скрывается вполне трезвое послание? Вариант, конечно, притянутый за уши — будь Найт настолько в здравом уме, чтобы осуществить такое, он давным-давно ушел бы из долины и попытался бы убраться с самой планеты, унося в Галактику все то, что ему здесь открылось... Но если это все же послание, каким образом он получил такую информацию? Имелась ли в городе запись, которая могла бы что-то поведать ему? Или он разговаривал с кем-то или чем-то, поделившимся знанием истории фруктового сада? А может быть, это Роско все раскопал? Ведь он телепатический робот...

Роско, совсем не похожий на телепата, сидел на корточках рядом со мной и, бормоча, чертил свои бесконечные формулы.

Я хотел было задать ему парочку вопросов, но передумал. Что мог сообщить мне этот контуженный?..

Утром мы двинулись дальше и на второй день подошли к нашему тайнику, откуда, пополнив съестные припасы, продолжили свой путь уже по пустыне..

Мы быстро миновали поле, где я сражался с кентаврами, и овраг, где был обнаружен старина Пэйнт. Нам попадались следы наших костров, и под ногами снова была красно-желтая земля. Вдалеке верещали знакомые крикуны и бегали какие-то странные существа, которых в прошлый раз мы не видели... Никто не мешал нам продолжать свой путь.

Я видел рядом с собой — призрачно — нашу старую компанию: Сару верхом на Пэйнте, Тука, путающегося в своей длинной коричневой сутане и ведущего за руку Джорджа Смита, Хуха, бегущего впереди... Временами я начинал верить, что все они действительно были со мной, но даже тогда, когда я был уверен в обратном, мне хотелось обмануть себя... Смущала, впрочем, одна деталь. Тук нес куклу, прижимая ее к груди — и ту же куклу в кармане своей куртки нес я.

Она не была больше приклеена к моей руке. Я мог избавиться от нее, но не делал этого. Я каким-то образом знал, что должен нести ее... По ночам я сидел и смотрел на это творение — с отвращением и умилением одновременно. С каждым разом отвращения становилось все меньше.

Сидя у костра, я или любовался куклой, стараясь при этом постичь ее тайну, или читал рукопись, все такую же глупую... Но почти в самом конце ее мне попало еще одно откровение.

«Деревья — это высота. Деревья тянутся ввысь. Никогда не удовлетворены. Никогда не останавливаются. Написанное мною о деревьях и поглощенном знании — правда. Вершины туманны, голубой туман. Сказанное мною о деревьях и поглощенном знании — правда...»

Преследовалось ли этим цель подкрепить и подтвердить то, что было сообщено многими страницами раньше? Еще один проблеск здравомыслия? Хотелось верить...

Следующей ночью я закончил чтение. А на третий день после этого мы увидели город. Он был похож на заснеженную гору.

ГЛАВА 25

Дерево по-прежнему лежало там, куда его повалил луч. Пень вздымался вверх, как огромное копьё. Листва на ветвях пожухла, обнажив мертвый скелет сучьев.

Поодаль виднелось здание из красного камня, в которое мы когда-то были загнаны внезапно начавшимся обстрелом. Глядя туда, я почти услышал хлопанье невидимых крыльев.

От дерева разило резким отвратительным запахом, и, когда мы подошли к пню, я увидел, что зеленая лужайка уже осела, превратившись в зловонную яму. В маслянистой жидкости, наполнявшей ее, плавали покрытые слизью скелеты — странного вида, но несомненно скелеты...

Это не были останки тех существ, которые, безутешно рыдая, обвиняли нас в жестокости — но и те, без сомнения, погибли тоже. Усохших, их, вероятно, уже давно унес ветер...

И все это сделал я. Они погибли от моей руки. Убив дерево, я ненароком убил многих... Но ведь не я же первый начал! Дерево напало на нас! И у меня были все законные основания дать ему отпор! Это соответствовало моим убеждениям в конце концов! Если кто-то был груб со мной — я никогда не оставался в долгу?.. Кстати, на протяжении всего дальнейшего пути — туда и обратно — ни одно дерево не попыталось обстрелять нас. Слово их всех предупредили: не связывайтесь с этим парнем, неприятностей не оберетесь?.. Не зная, что я уже безоружен, они вели себя самым примерным образом...

Роско тронул меня за плечо и, обернувшись, я увидел, что он указывает куда-то вдаль.

Их было много там, целое стадо. И они были пугающе узнаваемы. Эти монстры напомнили мне об огромных костях, виденных в овраге.

Они бежали на задних лапах, удерживая равновесие при помощи мощных хвостов, выброшенных назад. Их когтистые передние лапы были угрожающе подняты. На мордах застыла удовлетворенная ухмылка. Возможно, они преследовали нас уже долгое время, до поры до времени держась на расстоянии...

Гигантские уродливые твари стремительно приближались. Я знал, что им ничего не стоит разделаться со мной, и вовсе не хотел дожидаться этого. Я бросился в сторону города.

Щит оттягивал руку, и я отшвырнул его в сторону, после чего, все так же на бегу, принялся расстегивать пояс. Меч больно бил по коленям, и, в конце концов о него же и споткнувшись, я кубарем покатился по тропе вниз.

И тут ко мне протянулась рука, ухватила за перевязь и слегка приподняла. С этого момента я просто висел и смотрел то на зем-

лю, прыгающую у самого носа, то на размытое пятно, каким выглядели ноги Роско. Бог мой, как он бежал!..

Я старался вывернуть голову таким образом, чтобы можно было определить наши быстро меняющиеся координаты. Но что-либо разглядеть было невозможно... Висеть становилось не очень удобно, но я не жаловался. Это было платой за скорость...

И вот под меня влетел тротуар, и я был бережно поставлен на ноги. Немного кружилась голова и пошатывало, но эту узкую улочку, по которой мы шли много дней назад, я узнал сразу же.

За спиной послышался злобный рев, и я увидел, как наши преследователи отчаянно пытаются пролезть между зданиями. Теперь мне стало понятным, отчего в этом городе такие узкие улицы.

ГЛАВА 26

Призрачные корабли по-прежнему стояли на белом посадочном поле, как на дне гигантской чаши, стенками которой был город. Поле было все таким же стерильно чистым и безмолвным. Ничто не шевелилось. Не было ни малейшего ветерка... Ссохшееся тело гнома неподвижно висело на конце веревки, накинутой на толстую балку. Склад выглядел так же, как и прежде: горы ящиков, тюков и пакетов. Лошадки отсутствовали.

В огромной комнате, выходящей на улицу, я обнаружил все те же каменные плиты и рядом с ними — тот же диск управления. Одна из плит светилась изображением какого-то кошмарного мира. Это было похоже на рождение планеты: полурасплавленная, медленно пульсирующая поверхность, лопающиеся пузыри, струи пара, вулканы, извергающие пламя и дым.

Роско снял с себя поклажу и положил ее за дверь. А потом опустился на корточки, и палец его задвигался по полу, не оставляя следов. Сам он, к моему удивлению, хранил молчание.

Я разломал деревянную скамейку, прихваченную со склада, и разжег на полу костер. Я был дикарем, очутившимся в пустом городе исчезнувшей расы. Еще один дикарь болтался на веревке в соседней комнате. А искусственный разум бился над проблемой, никому — в том числе и ему — неизвестной...

Да, это было маловероятно — чтобы Роско осознавал то, что делал. Он не мог быть запрограммирован на все эти вычисления... А что, если кентавры, выбив из его мозга весь здравый смысл, еще и вколотили в него гениальность?..

Солнце уже миновало свой зенит, и нижняя часть улицы стала темной. Лишь закинув голову, можно было видеть освещенные лучами верхние этажи. Слышно было, как там шумит ветер...

Почему же он опустел, этот город? Что произошло, что могло выгнать отсюда его обитателей? А может, они не были изгнаны?

Может быть, город был просто средством для достижения цели, добившись которой все ушли добровольно? На другую планету, скажем, влекомые уже новой целью... Может быть, цель эта заключена в посадке деревьев? Или в посадке и длительном уходе — пока те достигнут определенных размеров? Это могло занимать века, даже тысячелетия. Предварительное исследование почвы, сама посадка, множество вспомогательных работ... Затем рытье ям для хранения семян, разведение маленьких грызунов-сборщиков... Все это стоило бы труда и траты времени, если деревья действительно были посажены с той целью, на которую в своей рукописи намекал Найт. Если каждое дерево — принимающая станция, которая отлавливает информацию — возможно даже на психоволновом уровне — по всей Галактике, обрабатывает ее и хранит до того момента, когда «садоводы» придут и соберут плоды. И все-таки, в каком виде информация хранится в этих семенах? Может быть, она заложена в комплекс ДНК-РНК — причем с совершенно особыми свойствами кислот, позволяющими хранить не только биологическую информацию...

Я даже вспотел от размышлений... Значит, в ямах, куда грызуны сбрасывают семена, хранится уму непостижимое богатство? И любой, овладевший техникой извлечения, может вытащить из этих семян весь интеллектуальный потенциал Галактики?.. Да, если бы кому-то удалось опередить хозяев этого сада, он собрал бы богатый урожай... Видно, такая возможность и побудила садоводов закрыть планету. Утечка информации исключена...

Как часто они сюда приходят?.. Вполне возможно, что раз в тысячу лет. За это время уж наверняка в Галактике выдумается что-то стоящее. А может быть, они уже не приходят? Может быть, с ними что-то стряслось? Или они уже отказались от проекта, сочтя его неэффективным? За тысячелетия, прошедшие, возможно, со времени постройки города, они могли стать достаточно зрелой или дряхлой расой, чтобы взирать теперь на все это садоводство, как на детские шалости...

Устав от долгого сидения на корточках, я протянул руку к полу, чтобы, оперевшись, усесться поудобней. Рука неожиданно наткнулась на куклу. Я не поднял ее — я просто провел ладонью по ее печальному лицу и неожиданно понял, что существа, посадившие на этой планете деревья, не были здесь первыми. До них планету населяла другая раса, построившая храм из красного камня. Тогда же была вырезана и кукла. Это было не меньшим достижением, чем посадка деревьев и строительство города. Большим, возможно...

Но теперь здесь не осталось никого, кроме меня, представителя еще одной расы, не такой, возможно, великой, какие водились в этих местах, но и не самой задрипанной. Я был здесь и знал о со-

кровищах. Я знал о том, что можно было продать! Найт, конечно, тоже знал — раз написал... Но, погруженный в свои иллюзии, на все прочее плюнул... Дурак! Упустить такой шанс!

Может, он просто понял, что с этой планеты невозможно удрать? А я вот не понял. Не понял я, что какая-то садоводческая шайка может меня здесь удержать! Мне вот только перекусить, немного отдохнуть — и я займусь всеми этими мирами. Хоть Сара и утверждала, будто они тоже изолированы — проверить не помешает. А вдруг в одном из них меня поджидает корабль?..

Поразмыслив над тем, что же делать с гномом, я решил не делать ничего. Если б я его снял, было бы неизвестно, что делать дальше. Его последняя воля была мне тоже неизвестна. Может, он хотел висеть вечно?.. Однако я не мог понять, почему он это сделал. Я понимал только, что способ, избранный им, доказывает: он был гуманоидом. Никто, кроме гуманоидов, не вешается... Я посмотрел на Роско. Тот прекратил свои вычисления и теперь просто сидел — вытянув вперед ноги и неподвижно глядя в пространство. Как будто на него вдруг обрушилась какая-то ошеломляющая истина, и он ее переваривал.

ГЛАВА 27

Сара была права: эти миры не предлагали выхода.

Я просмотрел их все. Я спал урывками — и лишь из опасения, что утомленный не смогу правильно оценить увиденное. Я не спешил и потратил гораздо больше времени, чем это было необходимо.

Несколько дней ушло на то, чтобы выяснить принцип работы колеса — при помощи которого вызывался каждый из миров. Закончив с этим, я тут же принялся за дело, ни на что больше не обращающая внимания.

Роско не отвлекал меня. Большую часть времени он отсутствовал. Мне казалось, что он бродит по городу, но о цели этих прогулок я как-то не задумывался...

Нельзя было, конечно, утверждать, что ни в одном из миров не было той техники, которую я искал. Ведь мне был виден только небольшой кусочек каждого. Проникнув же в какой-либо из них, я почти наверняка застрял бы там окончательно. Без Хуха и летающего на колесе существа мы бы никогда не выбрались из мира барханных песков...

Ни на одной из картинок я не увидел даже малейшего признака разумной жизни. Все они были до ужаса примитивными, эти миры. Буйство джунглей, ледяная пустота, а то и вовсе — процесс образования планетной коры.

Некоторые из них демонстрировали мне плотную атмосферу с клубами газов, от одного вида которых я чуть не задохнулся. Были и уныло мертвые — с громадными голыми равнинами, освещенными тусклым кроваво-красным солнцем. А один предстал в виде обугленной черноты — всего, что осталось после вспышки его светила...

С какой целью, спрашивал я себя, были прорублены двери во все эти миры? Ведь если они предназначались для простого перемещения на другие планеты, то наверняка я не увидел бы сейчас ни шлака, ни джунглей. Двери выходили бы, скажем, на окраину города или хотя бы деревеньки... Может быть, они служили лишь для избавления от незваных гостей? Но в таком случае одного или, самое большое, дюжины таких миров было бы вполне достаточно! А тут — сотни?.. Конечно же, в этом была какая-то логика, но я уловить ее не мог. Наверное, она располагалась вне человеческой досягаемости...

Итак, я просмотрел их — и легче мне не стало. Мне стало еще хуже, так как, принимаясь за эту работу, я питал надежду. А теперь надежда испарилась.

Я подошел туда, где должен был гореть костер — но он не горел. Пепел был совершенно холодным. Роско, которого я не видел уже несколько дней, не было...

Может, он ушел от меня? Или просто бродит, не чувствуя необходимости вернуться?

Усевшись перед кучкой холодного пепла, я стал смотреть в темень улицы. Не конец ли это? — подумалось мне. — Или человек еще что-то может сделать?..

Скорее всего, возможности не исчерпались. Где-то в этом городе могла отыскаться дорога или ключ к разгадке всех тайн... Где-то на этой планете, идя на восток или на запад, а может быть, на юг, но никак уж не на север — где-то можно было найти ответ на все вопросы... Но я не хотел ничего искать. Я не хотел даже шевелиться. Я был готов сдаться.

— Вот и все, гном, — сказал я.

Это было не все, конечно. Я знал, что просто малодушничая. Сгущаю краски. Я знал, что поднимусь и пойду, как только придет время... А пока я просто сидел и жалел себя. Себя и всех остальных. Почему я жалел Смита, Тука и Сару, было непонятно. Они получили то, чего хотели...

Снаружи мелькнула тень, черным по серому, и мне стало страшно. Я сидел и ждал нападения. У меня все-таки был меч, и хотя владел я им неважно — сразиться мог...

Это нервы, подумал я тут же. Кто в этом пустом городе может на меня напасть? В городе, где могут двигаться только тени...

Но эта тень двигалась слишком энергично! Свернув с дороги, она поднялась по скату к двери и...

Я увидел перед собой Роско и очень обрадовался. Когда он подошел ближе, я поднялся ему навстречу.

Он остановился в дверях и, тщательно артикулируя, сказал:

— Вы пойдете со мной.

— Роско! — воскликнул я. — Спасибо тебе, что вернулся! Что-нибудь случилось?

Он постоял с минуту, вперив в меня свой глупый взгляд, а потом сказал все так же осторожно:

— Если математика действ... — Тут он запнулся, но вскоре продолжил: — Была неисправность. Я устранил ее. Ее устранение пошло мне на пользу...

Он говорил теперь гораздо лучше, но чувствовалось, что это стоит ему больших усилий.

— Успокойся, Роско, — сказал я. — Не следует так напрягаться. У тебя прекрасно получается!

Но он не собирался успокаиваться. Его переполняло то, что он должен был сказать. Оно наконец-то имело возможность вырваться наружу.

— Капитан Росс, — сказал он. — Все это время я опасался. Я опасался, что никогда не решу эту задачу. На планете существуют две вещи, настолько сходные по интенсивности, что мне никак не удавалось разделить их... тих, чих, лих...

— Ради Бога, успокойся! — воскликнул я, схватив его за руку. — Не нужно торопиться! У тебя есть время! Я выслушаю все!

— Благодарю вас, капитан, — с усилием сказал Роско, — за ваше терпение и уважение.

— Мы проделали большой путь, Роско. Теперь мы отдыхаем. Так что не торопись. Если у тебя есть какие-то соображения насчет этой планеты — выкладывай. Тем более, что у меня они отсутствуют.

— Эта структура, белая структура. Из нее сделан город, ею покрыт космодром и запечатаны корабли...

Он остановился и молчал так долго, что я начал за него беспокоиться. Но он заговорил опять:

— В обычном веществе связь атомов затрагивает только внешние слои, понимаете?

— Смутно, но понимаю, — ответил я.

— В этом белом веществе связь простирается гораздо глубже электронных орбит... Вы улавливаете смысл?

Я открыл рот от изумления, хотя из сказанного понял совсем мало.

— Все силы ада, — сказал я, — не смогли бы разрушить эту связь.

— Совершенно верно, — кивнул Роско. — Именно так и было задумано... А теперь пойдете, капитан, если вы не против...

— Минуточку, — протестующе вскричал я. — Ты еще не все сказал! Ведь речь шла о двух вещах?

Он пристально посмотрел на меня, а потом спросил:

— Что вы знаете о реальности, капитан?

Это был глупый вопрос.

— Когда-то я мог ее отличить. Теперь — не знаю... — туманно ответил я.

— Эта планета, — сказал Роско, — состоит из пластов реальностей. Здесь по крайней мере две реальности. Но может быть, и намного больше.

Он говорил теперь свободно, хотя изредка и запинался.

— Но как, — спросил я, — ты узнал все это?! Про связь и про реальность!

— Я не знаю, — ответил он. — Я только знаю, что я это знаю. А теперь пойдете, пожалуйста!

Развернувшись, он двинулся по скату вниз. Я последовал за ним. Мне нечего было терять. Нельзя было, конечно, исключать, что все им сказанное — вдохновенная чушь, но мне ничего не оставалось, как ухватиться за эту соломинку!

Мысль о более прочной атомной связи, несмотря на необычность, выглядела вполне здоровой. Но эта многослойная реальность была совершенной ерундой...

Выйдя на улицу, Роско повернул в сторону космодрома. Он не бормотал себе под нос и шел таким целеустремленным шагом, что я едва поспевал за ним. Он изменился — в этом не было сомнений, но не являлись ли эти изменения лишь новой фазой его сумасшествия?..

Когда мы вышли на космодром, уже было утро. Солнце находилось в полпути от зенита, и молочно-белое поле блестело так ослепительно, что корабли едва можно было разглядеть.

Роско двигался все быстрее, и я уже перешел на легкую трусцу. Мне хотелось спросить, к чему такая спешка, но я не был уверен, что он ответит.

Долгое время казалось, что в своем марш-броске мы ничуть не продвигаемся вперед, но потом, довольно внезапно, городские стены отступили назад, а корабли приблизились.

У основания нашего корабля я вскоре разглядел какое-то приспособление. Это была несуразного вида штуковина с зеркалом и тем, что я сначала принял за блок питания, а также со множеством проводов и трубок. Довольно небольшая по размерам — фута три в высоту, и примерно столько же в длину и ширину, — издавека она выглядела, как куча хлама. При ближайшем рассмотрении впечатление менялось. Штуковина становилась похожей на нечто, построенное маленькими детьми из опять-таки различного хлама.

Я смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Из всех глупостей, виденных мною когда-либо, эта была вне конкуренции... Значит, пока я в поте лица своего просматривал эти чертовы миры, умница робот носился по городу, подбирая все, что валяется — и вот построил монумент.

Роско между тем опустился на корточки и протянул руку к панели управления, которую я принял за что-то совсем другое.

— А теперь, капитан, — сказал Роско, — если математика права...

Он что-то нажал, что-то повернул — и замерцали стеклянные трубки, и послышался звук, подобный звуку бьющегося стекла. Белое вещество отделялось от корпуса корабля, и множество осколков падало на грунт.

Корабль стоял свободный.

Я замер. Я не мог шевельнуться. Дурацкая машина сработала! Непостижимо! Я не мог в это поверить! Роско не мог этого сделать! Нескладный, бормочущий Роско, которого я знал, не мог этого сделать! Все это мне только снилось...

Роско встал и подошел ко мне. Он взял меня за плечи и посмотрел в глаза.

— Получилось, — сказал он. — И с ним, и со мной. Освободив корабль, я освободил и себя. Я вновь цел и невредим. Я такой, как прежде.

И действительно, он выглядел так, хотя я и не знал, каким он был прежде. Ему уже не было трудно говорить. Он стоял и двигался естественно — как человек, а не как лязгающий робот.

— Мое сознание было помрачено, — продолжал он, — из-за всего случившегося со мной. Из-за изменений в моем мозгу, которых я не мог постичь и не знал, как использовать. Но теперь, используя их и доказав, что они для чего-то пригодны, я стал самим собой...

Мое оцепенение прошло, и я уже изготовился бежать к кораблю, но Роско, вцепившись в плечи, не отпустил меня.

— Хух говорил с вами о судьбе, капитан... Те, кто движет мирами, кем бы они ни были, вершат наши судьбы с безграничным разнообразием. Как еще объяснить то, что грубые удары по моему мозгу так изменили, так усовершенствовали его, дав способность понимать?..

Я стряхнул с себя его руки.

— Капитан, — сказал он.

— Да.

— Вы ведь даже сейчас в это не верите! Вы продолжаете считать меня дурачком! Я, вероятно, был дурачком. Но сейчас — нет?..

— Конечно, нет! — воскликнул я. — Не знаю, как и благодарить тебя, Роско, за...

— Не нужно благодарить, капитан. Мы ведь друзья. Вы освободили меня от кентавров. Я освобождаю вас от этой планеты. Это не может не сделать нас друзьями. Мы не раз сидели у костра. Это должно сделать нас...

— Замолчи! — крикнул я. — Избавь меня от этих чертовых сантиментов! Ты как Хух! Даже хуже!

Обогнув нелепое сооружение, я ступил на трап корабля. Роско шел следом.

Усевшись в кресло пилота, я протянул руку и нежно погладил приборную панель.

Наконец-то. Мы могли взлететь хоть сию же минуту. Мы могли покинуть эту планету, унося с собой секрет ее сокровищ. Каким образом их можно будет превратить в деньги, я еще не знал. Но знал, что найду способ. Когда у человека есть товар, он находит способ продать его.

И это был итог?.. Я мог теперь что-то продать — и все?.. Продать еще одну планету, а также информацию, хранившуюся здесь в виде семян, деревьев, улавливающие знания, маленьких грызунов, огромные ямы с зерном?..

И это все, что здесь было? Это не все. Здесь человек мог просто исчезнуть — или растаять, как растаял Тук... Но исчезнув или растаяв — куда эти люди делись?.. Переместились ли они в другую реальность? А может быть, в другую жизнь, как это сделал Хух?..

Здесь была другая культура — до той, что построила город. Именно эта, более ранняя культура, воздвигла храм и вырезала куклу, торчавшую сейчас из кармана моей куртки. Могла бы эта культура, если б она еще существовала, раскрыть секрет того, как человек может растаять?..

Роско говорил о многослойной реальности. Не в ней ли все дело? И если в ней, то существует ли такая расщепленность только на данной планете? Вообще-то я считал все эти разговоры о многослойной реальности бредом, но Роско мог снова оказаться прав...

Я хотел побыстрее убраться с этой планеты — и я мог это сделать. Мне оставалось только задраить люк и включить двигатели. Это было таким простым делом — и все же я колебался. Сидя в кресле пилота, я продолжал тупо смотреть на приборы... Почему мне не хотелось улетать?

Из-за остальных? Ведь нас было четверо, когда мы прилетели...

Я сидел в этом кресле и пытался быть честным с собой. Но мне было трудно быть честным...

Тук с Джорджем стали недосыгаемы. Хух тоже. Не было смысла разыскивать их. Но оставалась еще Сара. До нее можно было добраться, и я мог, я все еще мог вернуть ее...

Я вновь боролся с собой. Я чувствовал странное жжение в глазах и понимал, что это слезы.

Сара! — думал я. — Зачем ты ушла туда? Почему ты не можешь вернуться и улететь вместе со мной на Землю? Почему я не могу прийти и забрать тебя?

Мне вспоминалась та последняя ночь, когда мы сидели у костра и она сказала, что мы могли бы поладить, не случись этой идиотской сделки... Почему глупая легенда оказалась правдой и все испортила?..

Я вспомнил тот первый день, когда она встретила меня в холле своего дома и мы прошли в комнату, где нас ждали Тук и Джордж.

Тук и Джордж недосыгаемы... Хух тоже... И Сара. Потому что я никогда не решусь на это... Кто еще?..

Поднявшись с кресла, я прошел в заднюю часть кабины, открыл металлический ящик и вынул оттуда запасное лазерное ружье.

- Мы возвращаемся, Роско.
- Возвращаемся? За мисс Фостер?
- Нет. За Пэйнтом.

ГЛАВА 28

Это было чистым безумием. Ведь речь шла всего лишь о лошадке. Пэйнт все еще лежал бы вверх качалками в своем овраге, если бы не я. Сколько раз я мог его спасти?..

Он сказал, что хотел бы отправиться на Землю, но что он знал про Землю? Он никогда там не был! Он даже не знал, что такое Земля. И он не хотел туда, пока я не сказал ему, что это такое.

И все же я не мог стереть воспоминание о нем, медленно спускающемся по тропе и ждущем, что я позову его... Я помнил и то, как храбро вел он себя во время поединка с кентавром. Все лавры, правда, достались потом Саре, изрядно укоротившей эту схватку...

— Я бы хотел, — сказал Роско, шагая рядом со мной, — разобраться наконец с этой концепцией множественно-реального. Она, несомненно, уже сидит в моей голове — но если б можно было туда заглянуть?.. Это как головоломка из миллиона кусочков, составив которую, удивляешься: почему ты не видел всего этого с самого начала?..

Было бы лучше, подумал я, если б он вернулся к бормотанию. Не так отвлекал бы. А то ведь приходится слушать — на случай, если вдруг будет сказано что-то существенное...

— ...Способность эта новая, — не умолкал между тем Роско, — и весьма своеобразная. Чувство окружающего — я бы так

ее назвал... Независимо от того, где находишься — ты чувствуешь и знаешь все, что происходит вокруг...

Я не обращал на него особого внимания, так как мне было о чем подумать...

Уверенности в том, что мы уцелеем и на этот раз, быть не могло. Самым разумным было бы следующее: закрыть входной люк и оставить эту планету далеко позади. Правда, если уж я собрался разбогатеть, мне следовало набрать полный карман семян — чтобы тщательно их исследовать...

А вообще-то я мог улететь с чистой совестью. Я отработал свои деньги. Цель путешествия была достигнута, и каждый получил то, что хотел.

Много раз я готов был вернуться к кораблю, но каждый раз будто кто-то подталкивал меня широкой ладонью в спину.

Когда мы вышли из города, там не было даже следа тех ужасных тварей, которые недавно преследовали нас. Я был почти уверен, что они станут поджидать нас, и почти хотел этого. Имея лазерное ружье, разделаться с ними не составило бы труда. Но никого там не было.

Мы пошли мимо красного здания, спящего на солнце, мимо дерева, протянувшегося по земле на многие мили и мимо зловонной ямы, окружающей косо срезанный пенек.

Путь казался не таким длинным, как во время нашего первого путешествия. Мы шагали очень быстро, хотя никакой необходимости в этом не было.

Ночью у костра Роско разравнивал кусочек земли и решал бесконечные уравнения, бормоча что-то — наполовину для меня, наполовину для себя. И каждый раз, когда он вот так писал и бормотал, я, сидя с ним рядом, пытался понять: почему мы здесь, а не в миллионах миль отсюда, в космосе. И однажды я понял, что виноват в этом не только Пэйт, но и Сара. Это она тащила меня через бесконечные пустынные мили. Это ее лицо с вечно падающим на глаза локоном, с полоской грязи, размазанной по щеке, пристально глядящее на меня, видел я в пламени костра.

Иногда я вытаскивал из кармана куклу и сидел, уставившись на ее лицо — на это страшное, искаженное лицо — для того, возможно, чтобы заслонить другое лицо, или же в безрассудной надежде, что деревянные уста разомкнутся, и я услышу ответ.

Спустя много дней мы поднялись на гребень горы и увидели перед собой унылые всхолмленные земли, на которых нас бросили лошадки, где мы нашли гору костей и Пэйнта.

Тропа сбегала вниз, пересекала равнину и, затейливо покрутившись, терялась среди холмов.

Далеко впереди по тропе навстречу нам двигалась маленькая блестящая точка. Я наблюдал, недоумевая. Вскоре стало видно, что движется она резкими скачками.

— Это Пэйт, — сказал Роско.

— Но Пэйт не вернулся бы без... — И не договорив, я побежал по склону вниз, размахивая руками и кричав Роско следовал за мной.

Она увидела нас тоже и помахала в ответ — маленькая заводная кукла.

Пэйт мчался как ветер. Его качалки едва касались земли. Мы встретились на равнине, и, как только он затормозил, на меня, как в недавние добрые времена, набросилась разъяренная Сара.

— Ты все это сделал! — кричала она. — Из-за тебя я не смогла остаться там! Ты все изгадил! Как я ни старалась, мне не удалось забыть сказанное тобой и Хухом! Ты на это и рассчитывал! Ты был настолько уверен в этом, что заранее прислал мне Пэйнта!

— Сара! — вставил я, наконец, слово. — Ради Бога, будь благоразумна!..

— Молчи! Ты все испортил! Ты разрушил все волшебство и...

Она вдруг умолкла, и лицо ее исказилось так, будто она пыталась сдержать слезы.

— Нет... — выдохнула она. — Не ты один... Все мы, с нашими мелочными ссорами, с...

Шагнув вперед, я обнял ее. Она прижалась ко мне, ненавидя, возможно...

— Майк, — сказала она мне в ключицу, — у нас ничего не выйдет. Не стоит даже пытаться. Они не позволят нам сделать этого.

— Ничего подобного! Корабль в порядке! Роско его почистил! Мы возвращаемся на Землю!

— Если великодушный сэр бросит туда взгляд, — сказал Пэйт, — он поймет, о чем речь... Нас преследуют. Они идут по нашим торопливым следам. Их становится все больше и больше.

Я резко повернулся и увидел на горизонте огромное стадо тех самых тварей, кости которых валялись в овраге.

Их были сотни, тысячи. Они уже не бежали — крались, отпихивая друг друга. Они не шли — текли, появляясь все в новых местах.

— Сзади — тоже, — сказал Роско.

Я обернулся и увидел их на только что покинутом нами гребне.

— Ты нашел куклу... — сказала Сара.

— Какую куклу? — спросил я, думая о другом.

— Куклу Тука. — Она вытащила ее из моего кармана. — Знаешь, пока она была у Тука, я так и не рассмотрела ее...

Мягко оттолкнув Сару, я подняв ружье.

— Здесь их слишком много! — предупредил Роско, хватая меня за рукав.

Я грубо вырвался.

— По-твоему, я должен стоять и хлопать глазами?

Они все прибывали и прибывали. Со всех сторон. Мы были в центре стада.

Эти твари были теперь совершенно спокойны. Они знали, что могут расправиться с нами в любой момент.

Роско вдруг упал на колени и принялся разглаживать землю.

— Какого дьявола?! — заорал я.

Нас окружали монстры-людоеды — Сара любовалась куклой, робот выписывал уравнения...

— Мир порою имеет мало смысла, — сказал Пэйнт, — но когда вы и я начеку...

— Отстань! — крикнул я, так как решал уже сугубо практические вопросы.

Всех их достать, конечно же, было невозможно. Но большую часть — без труда. Я мог сжечь их в хрустящую корочку и отбить у оставшихся весь аппетит. Они ведь никогда не видели лазерного ружья — оттого такие храбрые...

Но понимал я и то, что их слишком много...

— Капитан Росс! — звонко крикнул Роско, — Кажется, получилось!

— Рад за тебя, — сказал я.

Сара, пятясь, приблизилась ко мне вплотную. На плече ее висело ружье, а к груди она прижимала куклу.

— Сара... — сказал я, и у меня, как у стеснительного подростка, перехватило дыхание. — Сара, если мы выберемся отсюда, начнем сначала? Можем мы начать так, словно я все еще вхожу в ту самую дверь? Ты была одета в зеленое платье...

— И ты влюбился в меня, — продолжила она. — А потом обидел и стал насмехаться, а я высмеивала тебя в ответ... И все расстроилось...

— А может быть, не все?

— Ты просто хулиган! — сказала она. — Ох, как я ненавидела тебя! Мне казалось, что я могу проломить тебе череп! И при этом я любила каждую минуту, проведенную с тобой...

— Так, — сказал я решительно. — Когда они бросятся на нас — пригнись. Я буду стрелять во всех направлениях и так быстро, как...

— Есть другой путь, Майк... Путь, которым воспользовался Тук... Кукла... Древняя раса сделала ее. Раса, которая понимала...

— Вздор! — вскричал я. — Тук обыкновенный идиот!

— Нет! Он все разгадал! Он знал, как пользоваться куклой! Джордж тоже кое-что умел — даже без куклы... Хух бы понял...

Хух... Многоногий бочонок с головой в щупальцах и тремя жизнями, исчезнувший навсегда в своей третьей фазе... Да, если бы он был сейчас здесь, он бы знал...

Едва я подумал об этом — он появился, бьющий ключом у меня в мозгу, такой, каким я узнал его в то мгновение, когда руки и щупальца сплелись, и мы стали как одно существо... Все это вернулось сейчас, все это я узнал и почувствовал счастье и страх, который всегда сопутствует постижению... И я был наполовину я, наполовину Хух. Не только Хух, но и все остальные. Ведь Хух дал мне способность сливаться с разумом других... Интересен был мне и я сам — с забытыми гранями, с неизмеримыми глубинами...

Интуиция Сары, символика куклы, философские искания Пэйнта, смысл уравнений. Роско... И тот момент, когда полумертвый-полуживой я увидел пласты и время, проступившее на пластах... Теперь там было иное. Множество миров и множество уровней чувствительности, проявляющихся в определенные пространственно-временные промежутки. Подсчитать их было нельзя, можно было только увидеть и почувствовать, и просто знать, что они там есть... Древние жители этой планеты знали — до того, как были уничтожены садоводами, — знали и чувствовали и вырезали на лице куклы удивление и чуть-чуть ужаса от знания... Джордж Смит знал, возможно, намного лучше, — чем все остальные, а Тук со своим парящим в вышине сознанием был близок к истине задолго до того, как нашел куклу... В Роско знание было вколочено копытами кентавров, и он не подозревал о многом из того, что знал... И теперь все это в моем мозгу сошлось вместе...

Кольцо ужасных тварей все сжималось — и вот в неудержимой атаке они подняли огромное облако пыли... Но все это было не опасно для нас, поскольку происходило в другом мире и в другом времени. Все, что нам понадобилось сделать, — это маленький шаг.

Неизвестно, каким образом, но, исполненные таинственной веры, мы все сделали этот шаг в безграничную неизвестность...

Место напоминало гобелен и вызывало ощущение реальности, хотя и очень доброжелательной.

Казалось, здесь всегда тишина и покой, и населяющие этот мир — молчуны, и лодка на воде никогда не поплывет, и деревня, река, небо, деревья, облака, люди, собачки — все это элементы произведения искусства, созданного столетия назад и не тронутого временем.

Легкая желтизна неба повторялась отражением в воде, домики были коричневыми и красными, зелень деревьев была именно той зеленью, которую ожидаешь увидеть на ковре... И все же мы

чувствовали человеческое тепло и приветливость, а также то, что, спустившись, мы навсегда там и останемся. Перспектива не огорчала.

Мы стояли на горе над деревней и рекой и были тут в полном составе. Не было только куклы. Она осталась позади — возможно, для кого-то еще. Оружия мы тоже не взяли — ни Сара, ни я. В этот мир нельзя было приносить подобные вещи.

— Майк, — тихо сказала Сара. — Вот оно — то место, которое искали мы и искал Найт. Он не нашел его, потому что не нашел куклу. Или по другой причине...

Я привлек ее к себе, обнял и поцеловал. В глазах ее светилось счастье.

— Мы не вернемся, — сказала она. — Мы не будем думать о Земле.

— Мы не можем вернуться, — сказал я. — Отсюда нет выхода...

Деревня и река лежали внизу, поля и леса тянулись до горизонта. Я знал каким-то образом, что этот мир бесконечен и что время здесь не движется.

Где-то тут были Смит с Туком, а может быть, даже и Хух. Но мы вряд ли смогли бы отыскать их. Расстояния здесь были огромными, а путешествовать не хотелось.

Нереальность исчезла, но гобелен все же остался. Лодка с мелькающими веслами плыла по реке. Дети и собаки, вопящие и лающие, бежали нам навстречу. Жители деревни повернули к нам головы, а некоторые приветливо махали рукой.

— Пошли знакомиться? — предложила Сара.

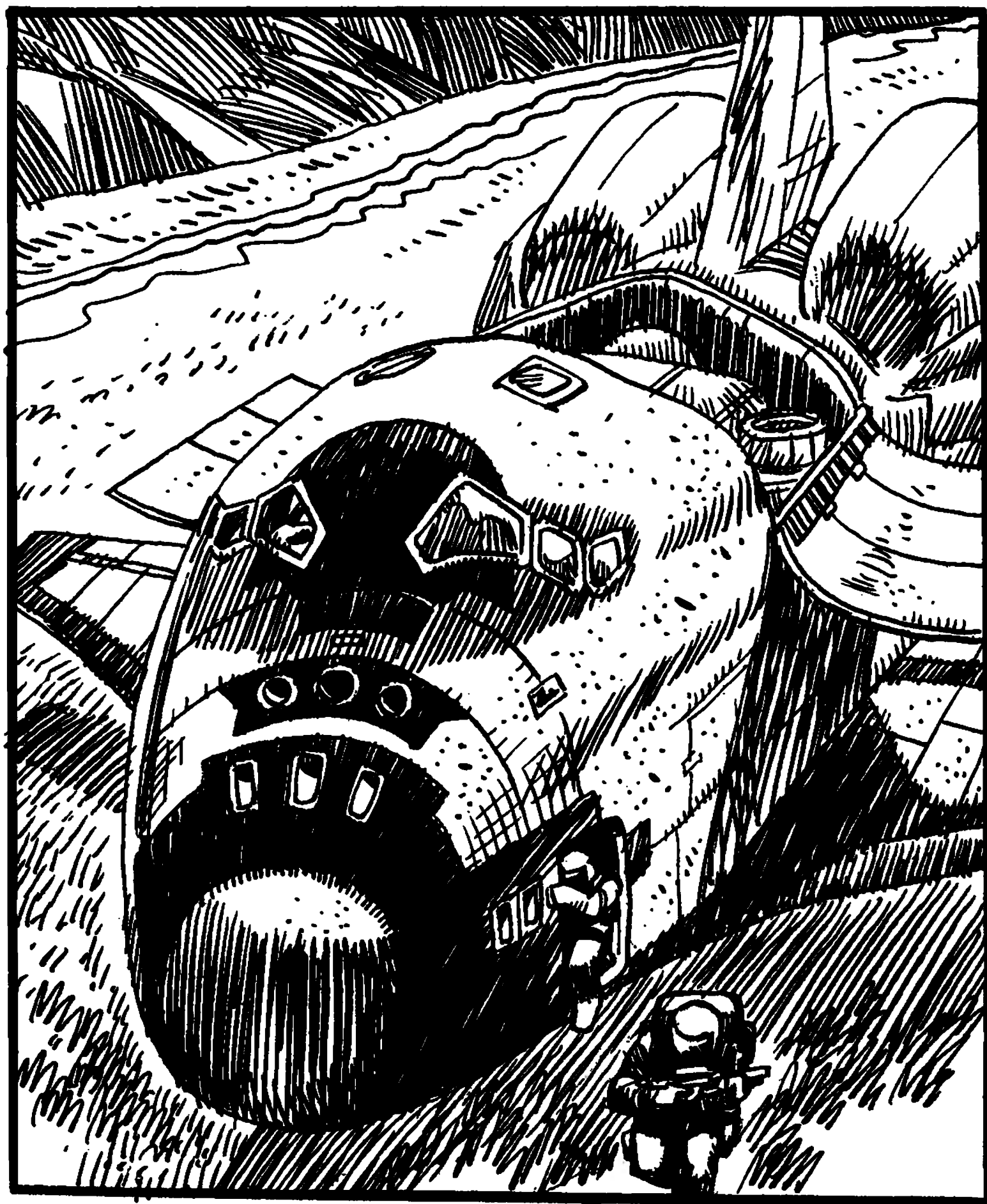
И мы все четверо спустились вниз, к новой жизни.

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Роман

ГЛАВА 1

И вот настал день, когда Человек был готов отказаться от мысли проникнуть в космос. Первые сомнения возникли еще тогда, когда Ван Аллен открыл вокруг Земли пояса радиации.

Но Человек слишком долго мечтал о космосе, чтобы сдаться, не сделав еще одной попытки.

И делалась одна попытка за другой, а астронавты гибли, доказывая, что Человек слишком слаб для космоса. Слишком непрочна держится в его теле жизнь. Он умирает или от первичной солнечной радиации, или от вторичного излучения, возникающего в металле самого корабля.

И в конце концов Человек понял несбыточность своей мечты и стал глядеть на звезды, которые теперь были от него дальше, чем когда-либо, с горечью и разочарованием.

После долгих лет борьбы за космос, пережив сотни миллионов неудач, Человек отступил.

И правильно сделал.

Существовал другой путь.

ГЛАВА 2

Шепард Блэйн чувствовал, что находится в доме, а если не в доме, то во всяком случае в месте, где кто-то живет. Тут присутствовали порядок и пропорции, которые не могли быть созданы природой, пусть даже это чужая природа, природа планеты, вращающейся вокруг неизвестной звезды за тысячи световых лет до Земли.

В отличие от песчаных дюн, по которым до этого двигался Блэйн, на полу странного жилища не оставалось следов. По сравнению с ревом урагана, столько часов оглушавшим Блэйна, пока он пробирался через пустыню, шум ветра здесь казался слабым шорохом.

Пол был сделан из голубого твердого и гладкого материала, и катиться по нему было очень легко. Вокруг стояли предметы, тоже голубого цвета, похожие на мебель или какие-то приспособления. Во всяком случае, их форма не была случайной, естественной, какую

могли бы создать ветер и солнце, а свидетельствовала о том, что эти предметы имеют какое-то предназначение.

Крыши у сооружения не было. В небе светили звезды, а вдалеке мерцало тусклое солнце.

Включив все датчики на полную мощность, Блэйн медленно двинулся вперед. Ощущение, что он находится в доме, усиливалось, а вскоре к нему добавилось ощущение того, что в доме есть жизнь.

Блэйн почувствовал, что начинает волноваться. Жизнь даже в простейших формах удавалось обнаружить крайне редко, а случаи, когда на планетах открывали разумную жизнь, вообще считались исключительным событием.

Блэйн пошел совсем медленно. Датчики работали бесшумно, и тишину нарушали лишь шорох колес и слабое жужжание прибора, фиксирующего информацию о форме, цвете, запахе, размерах, записывающего температуру, время, силу магнитных полей и регистрирующего все, что только можно зарегистрировать на этой планете.

Он издалека заметил живое существо — нечто, развалившееся на полу, как лентяй, которому нечего делать, кроме как просто лежать вот так.

Не прибавляя скорости, Блэйн направился к нему, а датчики тем временем скапливали записывающему устройству информацию о распластавшемся на полу существе.

Оно было розовым; не того омерзительного розового цвета, что так часто встречается, — линиялого, наводящего на мысли об анатомическом театре. Это был жизнерадостно-розовый. Платице такого цвета надела бы семилетняя соседская девочка в свой день рождения.

Оно смотрело на Блэйна. Может, не глазами, но смотрело. Оно знало, что он здесь. И не боялось.

Блэйн приблизился к нему почти вплотную и остановился.

Оно выглядело довольно массивным: высота достигала двенадцати футов, а диаметр не менее двадцати футов. Рядом с небольшим механизмом, которым был сейчас Блэйн, существо казалось гигантом, однако в нем не было ничего угрожающего. Хотя и дружественного тоже. И никаких других эмоций. Просто сгусток живой материи.

Блэйн напомнил себе, что теперь предстоит самое трудное. Теперь надо выбирать: действовать или отступить. От его следующего шага может зависеть, как сложатся дальнейшие взаимоотношения с этим существом.

Он стоял, ничего не предпринимая. Датчики втянулись и почти не работали, катушки записывающего устройства едва вращались.

Но ждать дальше было нельзя, потому что время подходило к концу. В его распоряжении оставалось совсем немного.

В этот момент сложнейшие приборы механизма, который сейчас заменял Блэйну тело, отметили, что по розовой массе пробежала легкая дрожь. Дрожь полусформированной мысли, начало контакта, первый шаг.

Блэйн напрягся, стараясь погасить поднимающуюся радость. Глупо радоваться, еще неизвестно, может, это и не телепатия. Хотя эта вибрация, определенные ощущения...

Ну пробуй же, сказал он себе, пробуй!

Время уходит!

Осталось всего полминуты!

Дрожь снова повторилась, на этот раз отчетливее, как будто существо, лежащее перед Блэйном, мысленно откашливалось перед тем, как начать говорить.

И существо заговорило.

— *Здорово, приятель!* — сказала оно. — *Меняюсь с тобой разумами.*

Разум Блэйна совершенно неожиданно раздвоился. Блэйн был одновременно и собой, и Розовым. На какой-то ужасный миг он ощутил себя им целиком: он так же, как Розовый, видел и чувствовал, знал то же, что знал он. И в то же время оставался Шепардом Блэйном, исследователем из «Фишхука», чей разум теперь находился так далеко от дома, вне Земли.

В этот момент раздался щелчок — время истекло.

Казалось, вся Вселенная вздрогнула и понеслась куда-то с немислимой скоростью. Шепард Блэйн возвращался через пространство в пять тысяч световых лет в один весьма своеобразный уголок на севере Мексики и был бессилен помешать этому.

ГЛАВА 3

Он медленно выбирался из черной пропасти пространства, в которую был погружен, прокладывая себе путь со слепым упорством, ведомый каким-то древним, врожденным инстинктом.

Он знал, где находится, был уверен, что знает, хотя не смог бы сказать где. В эту пропасть он падал уже много раз и столько же раз выбирался из нее, но сейчас происходило нечто особенное, чего никогда прежде не случалось.

Что-то необычное коснулось его самого, он перестал быть самим собой, вернее, остался собой только наполовину, во второй же половине поселилось неведомое Нечто, то самое, что лежало у стены, ничего не боялось и изнывало от скуки.

Он выкарабкивался из пропасти, а мозг продолжал с бездумным упорством бороться с тем странным существом. Бороться, осознавая, что борьба бесполезна, что это неведомое Нечто навсегда поселилось в нем и будет отныне неотъемлемой частью его «я».

На минуту он прекратил сопротивляться и попытался разобраться в себе. Он был одновременно слишком многим и слишком во многих местах, и это сбивало с толку. Он был и человеком (что бы это ни означало), и мчащейся сквозь космос машиной, и непонятым Розовым, распластавшимся на голубом полу, и безумцем, падающим через полную ревущего времени вечность, которая математически не превышала доли секунды.

Он выполз из пропасти, и тьму сменил мягкий свет. Блэйн неподвижно лежал на спине. Его тело снова принадлежало ему, и он испытал давнее, давнее чувство благодарности за то, что опять удалось вернуться.

Наконец он все вспомнил.

Я, Шепард Блэйн, разведчик из «Фишхука», летаю в космос, исследую неизвестные миры. Бывал на планетах за много световых лет от Земли. Иногда открывал что-то интересное, иногда — нет. Но в этот раз обнаружил Нечто, ставшее частью меня самого и вернувшееся вместе со мной на Землю.

Он поискал это Нечто и обнаружил в уголке своего мозга, куда оно в ужасе забилося. Блэйну тоже было страшно, однако он попытался успокоить Его. Он понимал, каково Ему быть в плену у чужого разума. Хотя, с другой стороны, он и сам с радостью избавился бы от этого «пленника», поселившегося в его мозгу.

— *Невеселая ситуация для нас обоих,* — мысленно произнес Блэйн, беседуя одновременно с собой и с этим существом.

Чужой выполз из своего уголка, где все это время прятался, и Блэйн ощутил его прикосновение, заглянул на миг в его чувства, понятия, знания. Блэйну показалось, что кровь чужого существа ледяным потоком вливается в его вены, что он ощущает его затхлый запах и слизистое прикосновение его лап — он хотел закричать и с трудом сдержал безумный вопль. Он заставил себя лежать неподвижно, и Розовый опять забился в свое убежище и улегся, свернувшись в клубок.

Блэйн открыл глаза и увидел, как крышка кабины, в которой он лежал, откинулась. В лицо ударил резкий свет лампы.

Блэйн мысленно ощупал тело, проверяя, в целости ли оно и сохранности. Все было в порядке. Да иначе и быть не могло: все эти тридцать часов тело лежало здесь в полном покое. Он пошевелился, приказал себе подняться и сел. Со всех сторон смотрели расплывающиеся в потоках света лица.

— Ну как, трудно было в этот раз? — спросил кто-то.

— Не легче, чем обычно, — ответил Блэйн.

Он вылез из похожей на гроб кабины и зябко передернул плечами. Вдруг стало холодно.

— Ваш пиджак, сэр, — приблизилось чье-то лицо над белым халатом.

Девушка помогла ему надеть пиджак.

Потом подала стакан.

Блэйн попробовал: молоко. Можно было догадаться. Здесь всем принято по возвращении давать стакан молока. Может, в него что-нибудь кладут? Он никогда не интересовался. Для него и других разведчиков это была одна из многих мелочей, составляющих особую прелесть «Фишхука». Через сто с небольшим лет существования «Фишхук» сумел пронести великое множество полузабытых, в разной степени старомодных традиций.

Он уже стоял, потягивая молоко, и к нему возвращалась большая пусковая комната, в которой блестели ряды звездных машин. Некоторые были открыты, а в закрытых лежали тела товарищей Блэйна, и их разум путешествовал сейчас где-то в космосе.

— Который час? — спросил Блэйн.

— Девять вечера, — ответил человек, державший в руках журнал регистрации.

Существо опять шевельнулось в мозгу, и вновь зазвучали слова:

— *Здорово, приятель. Меняюсь с тобой разумами!*

Пожалуй, по человеческим понятиям, ничего более нелепого быть не могло. Это было приветствие. Что-то вроде рукопожатия. Мозгопожатие! Впрочем, если вдуматься, в нем куда больше смысла, чем в обычном рукопожатии.

Девушка тронула его за руку:

— Ваше молоко, сэр!

Если это расстройство мозговой деятельности, значит, оно еще не прошло. Блэйн снова ощутил Его — этот чуждый, темный сгусток, спрятавшийся где-то в подсознании.

— Машина в порядке? — спросил Блэйн.

Человек с журналом кивнул:

— Все в полном порядке. Записи с информацией уже отправили.

Полчаса, спокойно подумал Блэйн и удивился собственному спокойствию. У него осталось всего полчаса, потому что именно столько потребуется, чтобы обработать информацию. Записи всегда просматриваются сразу после возвращения исследователя. Приборы, конечно, зафиксировали, что произошло. И вскоре все станет известно. Надо выбраться отсюда прежде, чем прочтут записи.

Он оглядел комнату и вновь почувствовал удовлетворение, восторг, гордость — то, что испытал, попав сюда впервые много лет назад. Этот зал — сердце «Фишхука», отсюда отправляются исследователи на далекие планеты.

Блэйн представлял, как тяжело будет расстаться со всем этим, как трудно будет уйти насовсем, — слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Он допил молоко, отдал девушке стакан. Затем пошел к двери.

— Одну минуту, сэр, — мужчина протянул ему журнал. — Вы забыли расписаться.

Проклиная формальности, Блэйн вынул из журнала карандаш и расписался. Столько глупостей, но таков ритуал. Расписывайся, когда приходишь, отмечайся, когда уходишь, а главное, держи язык за зубами. Такое впечатление, что одно лишнее слово — и «Фишхук» рассыплется в прах.

Он вернул журнал.

— Простите, мистер Блэйн, но вы не указали, когда придете на чтение записей.

— Напишите, завтра в девять, — бросил он.

Пусть пишут все, что вздумается, он не собирается возвращаться. У него осталось лишь тридцать минут, даже меньше, и нельзя терять ни мгновения.

С каждой убегающей секундой в памяти все ярче вставал тот вечер три года назад. Он отчетливо помнил не только слова, но и тон, которым они были произнесены. В тот вечер позвонил Годфри Стоун, и в его голосе, прерывистом, словно после очень быстрого бега, звучал панический страх...

— Счастливо! — Блэйн вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. В коридоре никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-за некоторых сквозь щели просачивался свет, стояла полная тишина. Но в этой безлюдности и тишине ощущался пульс гигантского организма «Фишхука». Казалось, огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, заводы и университеты, обширнейшие библиотеки и склады...

Блэйн на мгновение остановился, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничто не мешает. Остается только сесть в машину, которая на стоянке, в пяти кварталах отсюда, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил Блэйн себя, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. В «Фишхуке» наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Блэйна, голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

А те пятеро, после Годфри Стоуна, — что, разве еще недостаточно?

Блэйн быстро зашагал вниз по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно. Но правильность признавал рассудком, а сомнения шли от сердца.

Он понимал, что причина одна: он не хочет бежать из «Фишхука». Ему тут нравится, ему интересно работать в «Фишхуке» и не хочется бежать.

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Потому что Годфри Стоун уже прошел через это и, спасаясь бегством, выбрал момент и позвонил — не для того, чтобы просить о помощи, а чтобы предупредить.

«Шеп! — он выдыхал слова, словно говорил на бегу. — Шеп, слушай и не перебивай. Если когда-нибудь вернешься не таким, каким улетал, уноси ноги. Не жди ни минуты. Сразу же уноси ноги».

Затем в трубке щелкнуло, и все стихло.

Блэйн помнил, как стоял, продолжая сжимать в руке трубку. «Да, Годфри, — сказал он в молчащий телефон. — Да, я запомню. Спасибо. Удачи тебе».

И все. Больше он Годфри Стоуна никогда не видел и не слышал.

«Если ты вернешься не таким», — сказал Годфри. И вот теперь Шеп «не такой». Он ощущает в себе чужой разум, второе «я», прячущееся в мозгу. Вот что, значит, делает человека «не таким». А как же другие? Не может быть, чтобы все повстречали того самого Розового, обитающего в пяти тысячах световых лет от Земли. Сколько же еще способов стать «не таким»?

Скоро в «Фишхуке» узнают, что он прилетел «не таким». Этому невозможно помешать. Узнают, лишь только закончат обрабатывать информацию. Тогда его запрут в лаборатории и приставят «слухача» — человека, ковыряющегося в чужих мыслях. Слухач будет разговаривать дружелюбно и даже с сочувствием, а сам в это время будет извлекать из его мозга Чужой Разум — выковыривать из убежища и исследовать.

Он подошел к лифту и уже собирался нажать кнопку, но тут распахнулась одна из выходящих в холл дверей.

— А, Шеп, это ты, — произнес человек, появившийся в двери. — Слышу, кто-то вышел из пусковой, думаю, кто бы это мог быть.

— Я только что вернулся, — ответил Блэйн.

— Не хочешь зайти ко мне на минутку? — пригласил Кирби Рэнд. — Я как раз собрался открыть бутылочку.

Блэйн знал, что раздумывать некогда. Надо или зайти и выпить пару рюмок, или сразу отказаться. Но отказ вызовет у Рэнда подозрение. Потому что работа Рэнда — подозревать. Не зря он начальник отдела безопасности «Фишхука».

— Ладно, — согласился Блэйн, стараясь говорить как можно спокойнее. — Только ненадолго. Свидание. Нехорошо заставлять девочку ждать.

Это должно избавить от всяких дальнейших предложений, подумал Блэйн. А то этот тип от избытка чувств может пригласить пообедать или что-нибудь посмотреть.

Кабина уже почти подошла к их этажу, но Блэйн заставил себя отойти от лифта. Идиотская задержка, но ничего теперь не поделаешь.

Когда он вошел к Рэнду, тот дружески похлопал его по плечу:

— Ну, как путешествие?

— Все отлично.

— Далеко летал?

— Около пяти тысяч световых.

Рэнд кивнул:

— Этого я мог и не спрашивать. Теперь все летают далеко. Поблизости мы уже почти все закончили. Еще сотня лет — и начнем летать за десять тысяч.

— Разницы большой нет, — сказал Блэйн. — Стоит только вылететь, как ты уже там. Расстояние не имеет значения. Может, когда станем летать еще дальше, до середины Галактики, тогда появятся помехи. И то вряд ли.

— Ученые тоже так считают.

Рэнд пересек кабинет, подошел к массивному столу и взял бутылку. Отбил сургуч и вытащил пробку.

— Знаешь, Шеп, — сказал он, — мы занимаемся фантастическим делом. И, хотя иногда надоедает, в нем есть своя романтика.

— Просто мы дошли до этого очень поздно, — ответил Блэйн. — Умение было в нас всегда, но им не пользовались. Потому что не могли найти ему практического применения. Потому что все это казалось слишком немислимым. Потому что отказывались верить. Древние догадывались об этом умении, но не понимали его и считали колдовством.

— Простые люди и сегодня так думают. — Рэнд достал лед из встроенного в стену холодильника, положил в бокалы и наполнил их почти до краев. — Садись. — Он протянул Блэйну бокал и сел за стол. — Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Блэйн сел. Рэнд положил ноги на стол, устраиваясь поудобнее.

Осталось не более двадцати минут!

А он сидит здесь, сжимая в руке бокал, и ждет, когда Рэнд снова заговорит. И в эту секунду, когда оба молчали, Блэйну почудилось дыхание «Фишхука». «Фишхук» представился ему огромным живым существом, которое лежит здесь, в Северной Мексике, прильнув к закутавшейся в ночь матери-Земле. У этого существа есть сердце, легкие, пульсирующие вены, и он, Блэйн, чувствует этот пульс.

— У вас, исследователей, не жизнь, а одно удовольствие, — сидящий за противоположным концом стола Рэнд изобразил на лице добродушие. — Я иногда вам завидую.

— Для нас это работа, — небрежно заметил Блэйн.

— Вот сегодня ты побывал за пять тысяч световых лет. Наверняка это что-то тебе дало.

— Да, пожалуй, — согласился Блэйн. — Испытываешь какое-то высшее духовное удовлетворение, когда подумаешь, куда летал. А сегодня к тому же было интересней, чем обычно. Кажется, я нашел жизнь.

— Расскажи, — попросил Рэнд.

— Тут нечего рассказывать. Я натолкнулся на это существо, когда время уже кончалось. И не успел ничего сделать, как меня потащило назад. Ты должен что-то придумать, Кирби. Это чертовски мешает.

— Вряд ли это возможно, — Рэнд покачал головой.

— Вы должны позволить нам хоть иногда действовать по собственному усмотрению, — настаивал Блэйн. — Лимит времени не должен быть таким строгим. А то приходится торчать все тридцать часов на планете, где нечего делать, а когда, кажется, что-то находишь, тебя возвращают на Землю.

Рэнд усмехнулся.

— И не пытайся утверждать, что вам это не по силам, — продолжал Блэйн. — Я знаю, что это возможно. В распоряжении «Фишхука» столько ученых...

— Да нет, я не спорю, — ответил Рэнд, — это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

— Бойтесь, кто-нибудь останется?

— Не исключено.

— Зачем? — удивился Блэйн. — Ведь там ты уже не человек. Только человеческий разум, запрятанный в хитроумную машину.

— Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, исследователей. Меры безопасности необходимы. Вдруг за пять тысяч световых лет случится авария? Вдруг что-то произойдет и разведчик не сможет управлять машиной? В этом случае он для нас потерян. А так все делается автоматически. Отправляя вас, мы знаем наверняка, что вы вернетесь.

— Вы слишком высоко нас цените, — сухо заметил Блэйн.

— Вовсе не слишком, — возразил Рэнд. — Ты имеешь представление, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты отдаешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и телепатом, и иметь способности к телепортации, и обладать психикой, способной выдержать все, что бы ни встретилось в космосе. И наконец, он должен быть предан «Фишхуку».

— Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

— Я говорю о другом, — остановил его Рэнд, — ты знаешь о чем.

А каков ты сам, подумал Блэйн, какими человеческими качествами надо обладать, чтобы работать в системе безопасности? Может, надо уметь подслушивать чужие мысли, подглядывать в чужой разум? Но он знал Рэнда много лет и не замечал за ним таких способностей. Если б Рэнд был слухачом, зачем бы ему держать людей, единственная задача которых — подслушивать чужие мысли?

— И все-таки, — сказал Блэйн, — я не вижу необходимости держать нас под контролем постоянно. Мы могли бы...

— Не пойму, чего ты так беспокоишься. Полетишь еще на свою планету и продолжишь, что начал.

— Конечно, полечу. Я ведь ее нашел, так что она в какой-то степени моя.

Он допил виски и поставил бокал.

— Все. Спасибо. Я пошел.

— Ладно, — ответил Рэнд. — Не буду тебя задерживать. Ты завтра работаешь?

— С девяти.

ГЛАВА 4

Блэйн открыл массивную, роскошно украшенную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту-другую, наслаждаясь городом, который в этот час особенно хорош. На площади, залитой мягким светом уличных фонарей, прохожие казались бесплотными тенями. Легкий вечерний ветерок шелестел листвою. Молча, почти бесшумно проносились вечно спешащие автомобили. И все это было слегка подернуто таинственной тонкой дымкой осеннего вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставалось всего восемь минут. Каких-то жалких восемь минут.

Его машина стояла на стоянке всего в пяти кварталах отсюда, но до нее не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

И еще этот Кирби Рэнд. Зачем ему вдруг понадобилось выходить из кабинета и звать меня выпить именно в этот вечер?

Вроде бы все выглядело вполне естественно, но от разговора с Рэндом у Блэйна остался осадок легкого беспокойства, ощущение, будто Рэнд знал, что крадет у него время, будто он о чем-то подозревал.

Но все это позади, успокаивал себя Блэйн. Конечно, ему не слишком повезло, но ничего страшного пока не случилось. Может быть, так даже лучше. Если б он взял машину, «Фишхук» знал бы наверняка, где его искать. Но если уж его вынудили остаться в городе, то он исчезнет за десять минут.

Блэйн зашагал вниз по аллее и свернул в направлении, противоположном стоянке.

Еще бы десять минут, повторял он про себя, как молитву. За эти десять минут он найдет дюжину мест, где можно спрятаться — спрятаться, чтобы прийти в себя, подумать и решить, что делать дальше. Потому что сейчас, без машины, он просто не знает, что предпринять.

У него будут эти десять минут, он не сомневался в этом, только бы ему повезло, только бы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Блэйн шел и чувствовал, как в голове, подобно пене, вскипает страх. Не его страх. Страх нечеловеческий. Бездонный, черный, визжащий, цепляющийся страх, рожденный в разуме, который не может больше выносить ужасов чужой планеты, не может прятаться в чужом мозгу, не в силах приспособиться к угрожающей ситуации, невыносимой оттого, что все в ней непонятно.

Стиснув зубы, Блэйн боролся с этим страхом, сознавая краешком ума, не поддавшись панике, что страшно не ему, а тому другому, кто прячется у него в мозгу.

Блэйн почувствовал, что сейчас не выдержит и побежит. Но напряг остатки воли и сдержался. Ему нельзя бежать: он ни в коем случае не должен привлекать к себе внимание.

Шатаясь от напряжения, Блэйн свернул с аллеи, натолкнулся на толстое дерево и, вытянув руки, обхватил ствол, как будто надеясь, что прикосновение к чему-то земному прибавит ему сил.

Он обнял ствол дерева и замер, прикинув к нему. Страх начал медленно стекать обратно, в глубины мозга. Чужой разум уползал назад в свою нору, жалко отступая и прячась.

— *Все в порядке,* — попытался успокоить его Блэйн. — *Оставайся там, где есть, и не беспокойся. Предоставь все мне. Я все сделаю сам.*

Существо пыталось освободиться. Оно сделало отчаянную попытку вырваться из плена и, потерпев неудачу, вернулось обратно в самый безопасный уголок загона, в котором вдруг оказалось.

«Только бы это не повторилось, — подумал Блэйн. — Больше не выдержу. Случись это еще раз — побегу, не в силах противиться страху. Побегу — с пеной у рта, испуская вопли ужаса. И тогда мне крышка».

Он разжал руки, отпустил дерево и теперь стоял рядом с ним, выпрямившись, оцепенев, с трудом заставляя себя стоять прямо, не поддаваться слабости. Он чувствовал, что его тело покрыто испариной, дыхание — как у бегуна, только что прошедшего дистанцию. Неужели сумею убежать, скрыться? Неужели смогу спастись с этой обузой за пазухой? Даже одному было бы нелегко скрываться от преследования, а если тащить с собой этот скулящий от страха разум...

Но от него не избавиться. По крайней мере, сейчас неизвестно, как это сделать, и придется терпеть его в себе и бороться вместе с ним, как бы трудно ни было.

Он отошел от дерева, но теперь его шаг замедлился, стал менее уверенным. Стараясь унять охватившую его дрожь, придать твердость походке, Блэйн двинулся дальше вниз по аллее. И вдруг почувствовал, что страшно голоден. Удивительно, подумал он, что голод только сейчас дает о себе знать. Ведь, кроме стакана молока, за последние тридцать часов во рту не было ни крошки. Только полный покой для тела, похожий на глубокий, крепкий сон — и ни крошки еды за все это время.

Глухо бормоча атомными двигателями, мимо пронеслись реактивные автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Блэйном, и чье-то лицо показалось в окошке.

— Шеп! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Блэйн испуганно остановился и взглянул на водителя, чувствуя, как чужой страх вновь закипает в нем. Усилием воли Блэйн загнал этот страх обратно и произнес как можно спокойнее:

— Привет, Фредди! Давненько мы с тобой не виделись.

Это был Фредди Бейтс. Никто не знал, чем он занимается, но ходили смутные слухи, что он чей-то представитель в этом городе, где каждый второй или какой-нибудь уполномоченный, или секретный агент.

Фредди открыл дверцу:

— Прыгай. Поедем на вечеринку.

Кажется, это то, что надо, подумал Блэйн. Конечно, лучше и не придумаешь: «Фишхуку» в голову не придет искать его в веселящейся компании. И потом, в случае чего оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И наверняка найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи. Кроме всего, там можно будет поесть — а это необходимо.

— Прыгай, — повторил Фредди. — Сегодня пьянка у Шарлин.

Блэйн быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Фредди влилась в мчащийся поток.

— Я говорю Шарлин, — начал Фредди, — что это за вечер, если нет ни одной души из «Фишхука». И вызвался заманить какую-нибудь важную птицу оттуда.

— Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

— Зато исследователь, разведчик. А разведчикам есть о чем порассказать.

— Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Фредди прищелкнул языком:

— Все тайны!

— Нет, просто правила и инструкции.

— Да, конечно. Потому-то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсасываются все подробности.

— И обычно перевираются.

— Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть дела остается.

Блэйн промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, смотрел через окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это «Фишхук». Удивительно, уже сколько лет он здесь ездит и не перестает каждый раз восхищаться этим видом. Впрочем, подумал он, самый вид тут ни при чем, бывают виды куда красивее и величественнее. Все дело в невероятной, фантастической сути «Фишхука», отблеском лежащей на весь город.

Если судить не по названию, а по значению, то именно здесь расположена настоящая столица Земли, подумал Блэйн. Сюда устремлены надежды миллионов людей, здесь заключено величие будущего. Тут находится звено, связующее человечество с другими мирами, затерянными в глубинах космоса.

«А я ухожу отсюда». До сих пор трудно поверить, что человеку, который так любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно испуганному зайцу.

— Что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Фредди.

— С чем «этим»?

— Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями?

— Не знаю.

— Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. У тысяч инженеров и специалистов кругом идет голова от их невероятных открытий. Как далеко вы ушли от остальных людей? На миллион лет или больше?

— Поговори с кем-нибудь другим. Я не в курсе. Я только выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

— Извини. Я просто одержим этой мыслью.

— Не ты один. На Земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали «Фишхук». Для миллионов людей сегодня это любимое занятие.

— Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. — Голос Фредди звучал серьезно. — Сижу я в стороне и понятия не имею, что делается в каком-то «Фишхуке». И вдруг появляешься ты: сверхчеловек со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, что люди ненавидят «Фишхук» и все, что с ним связано.

— А они и в самом деле ненавидят?

— Шеп, — мрачно произнес Фредди. — Тебе надо самому съездить и посмотреть.

— Не вижу особой надобности. И так достаточно наслышан. Я хочу знать: то, что они испытывают к «Фишхуку», в самом деле ненависть?

— Думаю, да. Может быть, не здесь именно. То, что болтают в нашем городке, просто дань моде. Но поезжай в провинцию и поймешь, что «Фишхук» там действительно ненавидят. Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

— Кто будет у Шарлин? — спросил Блэйн.

— А, все тот же зверинец. Шарлин любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

— Да, я знаю.

Существо слабо, будто во сне, шевельнулось у него в мозгу.

— *Все в порядке*, — сказал ему Блэйн. — *Успокойся и не двигайся. Нам повезло. Мы выбираемся.*

Фредди свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Воздух похолодал. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы — современное здание, прилепившееся, как ласточкино гнездо, к почти отвесной стене каньона.

— Ну вот и прибыли, — весело произнес Фредди.

ГЛАВА 5

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока, но шумной, как бывает в конце концов со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий из каньона в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду, — все, казалось, говорило о том, что уже поздно и гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Герман Дальтон тяжело опустился в кресло, вытянул длинные ноги и, заправив в угол рта сигару, несколько раз провел пятерней по волосам, отчего его голова стала похожа на только что купленную щетку.

— Послушайте, Блэйн, — пробасил он. — С этим надо что-то делать. Если все оставить как есть, то скоро наступит время, когда понятие «бизнес» исчезнет. «Фишхук» прижал нас к стене.

— Мистер Дальтон, — устало произнес Блэйн, — если вам надо обсудить с кем-то этот вопрос, то я не подхожу для этой цели. В бизнесе я не разбираюсь, а о «Фишхуке» просто ничего не знаю, хотя и работаю там.

— «Фишхук» поглощает нас, — сердито продолжал Дальтон. — Лишает нас средств к существованию. Он разрушает стройную систему писаных и неписаных законов, которые на протяжении веков вырабатывались умными людьми, глубоко преданными интересам общества. «Фишхук» разваливает торговлю. Медленно, но неуклонно разоряет нас одного за другим. Взять хотя бы эти «мясные овощи»! Надо же такое выдумать. Сажает в грядку семена, а потом идешь и выкапываешь эдакий картофель, в котором протеина больше, чем в мясе.

— И теперь миллионы людей едят мясо, чего раньше не могли себе позволить, получая, благодаря вашей замечательной «системе писаных и неписаных законов», гроши.

— А фермеры! Подумайте о тех, кто вложил капиталы в торговлю мясом. Я уже не говорю о компаниях по производству тары.

— Конечно, по всем правилам следовало бы поставлять семена только фермерам или владельцам универсамов либо продавать их не по десять центов за штуку, а по доллару или полтора. Тогда, конечно, натуральное мясо смогло бы конкурировать с семенами, а экономика не испытала бы никаких потрясений. Но в таком случае, естественно, эти миллионы людей никогда...

— Простите, — запротестовал Дальтон, — но вы не понимаете, что экономика — движущая сила нашего общества. Уничтожьте экономику, и вы уничтожите человека.

— Очень и очень сомневаюсь.

— Но правоту моих взглядов подтверждает история. Торговля создала мир, который нас сегодня окружает. Торговля открывала новые земли, отправляла корабли в далекие края, строила заводы и...

— Я вижу, мистер Дальтон, вы хорошо знаете историю.

— Да, мистер Блэйн, неплохо. И особенно меня интересует...

— Тогда вы должны были заметить, что мысли, обычаи и убеждения со временем устаревают. Это можно прочесть на каждой странице вашей истории. Меняется мир, и меняются люди и их взгляды. Вам никогда не приходило в голову, что экономика, о которой вы так тревожитесь, устарела и... больше не приносит пользы? Что она сыграла свою роль в развитии человечества, и мир пошел дальше, и теперь экономика — понятие историческое, нечто вроде бронтозавра?

Дальтон даже подскочил в кресле, волосы его стали дыбом, сигара чуть не выпала изо рта.

— Боже мой! — воскликнул он. — Это ужасно. Неужели «Фишхук» в самом деле так думает?

Блэйн сухо усмехнулся:

— Нет, так думаю я, и у меня нет ни малейшего представления о позиции «Фишхука». Я ведь не член Правления.

Вот так всегда, подумал Блэйн. Куда ни пойдешь, всюду одно и то же. Вечно кто-то пытается выудить хоть какой-нибудь намек или крошечный секретик, касающийся «Фишхука». Эта стая стервятников, это сборище соглядатаев, которые жаждут знать, что же происходит, и воображают гораздо больше того, что есть на самом деле.

Дальтон снова откинулся на спинку кресла. Огромная сигара опять надежно держалась у него во рту, а волосы улеглись назад ровными рядами, словно их пригладили расческой.

— Вы утверждаете, что не состоите в Правлении. Значит, вы разведчик?

Блэйн кивнул.

— И вы летаете в космос и посещаете другие звезды и планеты?

— Да, именно.

— Но, в таком случае, вы — парапсих!

— Да, нас так называют. Хотя, простите за прямоту, в приличном обществе это слово стараются не употреблять.

Смутить Дальтона было невозможно.

— Интересно, что вы там видите?

— К сожалению, мистер Дальтон, я не могу ответить вам на этот вопрос.

— Вы летаете один?

— Нет, беру с собой тайпер.

— Тайпер?

— Такой механизм, набитый всякими приборами, которые записывают все, что происходит вокруг.

— Так эта штука летает вместе с вами?

— Да нет же, повторяю вам, я беру ее с собой. Когда я вылетаю, то прихватываю ее с собой, как портфель.

— Значит, только ваш разум и этот механизм?

— Да, мой разум и этот механизм.

— Но это невероятно!

Блэйн промолчал. Дальтон извлек сигару изо рта и внимательно осмотрел ее. Конец сигары был так изгрызен, что изжеванные листья мокрыми прядями свисали вниз. Сосредоточенно сопя, Дальтон покрутил сигару, чтобы завернуть размокшие листья, и отправил ее обратно в рот.

— Давайте вернемся к тому, с чего мы начали, — изрек он с величественным видом. — У «Фишхука» имеются всякие там дьявольские штуки. Ладно. Бог с ним. Думаю, перед поступлением в продажу все тщательно проверяется. И никто не был бы в обиде — да, сэр, никто, — если бы «Фишхук» торговал через различные офи-

циальные организации. Но «Фишхук» не желает, чтобы эти штуки продавал кто-либо другой. Он открыл собственные лавки. Мало того, для вящей обиды назвал эти лавки факториями¹. Можно подумать, что «Фишхук» имеет дело с толпой дикарей.

Блэйн рассмеялся:

— По всей видимости, когда-то в «Фишхуке» работал человек, наделенный чувством юмора. Уверяю вас, мистер Дальтон, в это очень трудно поверить.

Дальтон распался все больше.

— Изобретаются все новые и новые способы, чтобы разорить нас. С каждым годом «Фишхук» все больше прибирает к рукам производство товаров, пользующихся спросом. А то и просто уничтожает спрос. Это не угроза несчастья, которое вот-вот может разразиться, а ржавчина, разъедающая нас уже давно. Недавно я узнал, что «Фишхук» собирается ввести свою систему телепортации, доступную для всех желающих. Вы представляете, какой это будет удар для торговли?

— Видимо, придет конец всем автомобильным фирмам и некоторым авиационным.

— «Видимо»! Вы прекрасно знаете, что так и будет. Ни один способ транспортировки не сможет конкурировать с телепортацией.

— Тогда единственный выход для вас — разработать систему телепортации самим. И за пределами «Фишхука» есть люди, которые могут показать, как это делается.

— Ненормальные! — злобно произнес Дальтон.

— Нет, Дальтон. Это обычные люди с паранормальными способностями. Благодаря им «Фишхук» стал сегодня тем, что он есть. То, что восхищает вас в «Фишхуке», почему-то вызывает отвращение за его пределами.

— Мы не можем пойти на это. Существуют же народные традиции.

— А, народные традиции... Что, улюлюкающие толпы по-прежнему продолжают распинать парасихов?

— Общественное мнение иногда возмущается, — неохотно согласился Дальтон.

— Можно представить, каким образом.

Дальтон вынул изо рта сигару, безглаголиво посмотрел на нее: один конец потух, другой — весь изжеван. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок. Сигара зацепилась за нижние листья растения и закачалась грязным пятном на фоне зелени.

Сложив руки на животе, Дальтон уставился в потолок.

— Мистер Блэйн, — сказал он.

— Да!

---

¹ Ф а к т о р и я — торговая контора или поселение европейских купцов в колониальных странах.

— Вы очень проникательный, человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

— К вашим услугам, — холодно отозвался Блэйн.

— Сколько вам платят?

— Достаточно.

— Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека...

— Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

— Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете «Фишхук», знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Нам очень хотелось бы обсудить...

— Простите, сэр, но я ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

Все, здесь я уже провел целый час, это более чем достаточно. Поел, выпил, поговорил с Дальтоном — просадил на него уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до «Фишхука» дойдет слух, что я здесь, надо быть подальше отсюда.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

— Я рада, что ты пришел, Шеп, — сказала Шарлин Витьер.

Он встал и повернулся к ней.

— Это я рад, что ты пригласила меня.

Ее глаза кокетливо блеснули.

— Я тебя пригласила?

— Нет, по правде, меня притащил Фредди Бейтс. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты же знаешь, я тебе всегда рада, — она слегка сжала ему руку. — Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас, мистер Дальтон.

— Пожалуйста.

— Вышло довольно невежливо, — заметил Блэйн, когда они отошли.

— Надо было тебя спасти. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он здесь взялся. Уверена, что я его не приглашала.

— А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

— ГЛАВА какой-то торговой делегации. Они приехали поплакаться о несчастьях, которые на них обрушил «Фишхук».

— Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

— Ты почему не пьешь?

— Только что выпил.

— А ты поел? Тебе весело? У меня есть дименсино, последняя модель...

— Я посмотрю, только попозже.

— Пойди выпей еще, а я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом? Ты так давно у меня не был.

Блэйн покачал головой:

— Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

— Тогда в другой раз, — сказала она и собралась идти, но Блэйн шагнул вперед и остановил ее.

— Шарлин, — спросил он, — тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

— Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— А теперь иди развлекайся.

Блэйн стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Розовый вопросительно шевельнулся в нем.

— *Подожди*, — сказал ему Блэйн, глядя в толпу. — *Положись на меня и потерпи еще немного. Потом мы вместе все обсудим.*

Он почувствовал, что Розовый благодарен за то, что он помнит о нем, что откликнулся.

— *Мы поладим*, — сказал он. — *Должны поладить. Ведь мы с тобой единое целое.*

Розовый успокоился. Блэйн почувствовал, как он спокойно улегся, предоставив ему действовать. В самом начале он уже испытал страх, и страх снова мог родиться в нем. Пока он сдерживался, хотя ситуация, Блэйн знал, должна была казаться ему ужасающей: чудовищно, невообразимо велика была разница между этим местом и уединенной безмятежностью голубой комнаты на той далекой планете.

Блэйн как бы бесцельно пересек комнату, прошел вдоль бара, заглянул на минуту в зал с новым дименсино и вышел в прихожую. Надо ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться, или быть за много миль отсюда.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

Ему потребуется время, чтобы найти машину, в которой кто-то по забывчивости оставил ключ. А вдруг, пришла ему в голову страшная мысль, такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Шарлин не откажется помочь, но она слишком болтлива, будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью? Ребята из «Фишхука», конечно, помогли бы, но это их скомпрометирует. Нет, до такой крайности он еще не дошел. Многие другие тоже согласились бы оказать помощь, но каждому из них и без того непросто в безумном сплетении интриг и доносов, которым окружен «Фишхук». И потом, никогда не знаешь, кому можно доверять. Некоторые, несомненно, тут же выдали бы его в расчете получить повышение по службе.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое поле: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности, скученности тел и умов, биения чужого пульса, наплыва пустой болтовни и злобных сплетен.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

— Гарриет! — удивился Блэйн. — Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Шарлин. Собираешь всякие интересные истории для текущей хроники...

Ее телепатический шепот обжег ему мозг:

— *Шеп, ты полный, ты законченный кретин! Что ты здесь делаешь? (Изображение кривляющейся обезьяны в бумажном колпаке, лошадиный зад с задраным хвостом.)*

— Разве ты...

— *Конечно. Почему бы нет? (Ряд вопросительных знаков.) Думаешь, только в «Фишхуке»? Только ты один? Да, я держу это в тайне. Но я имею право на тайны. Разве хороший газетчик может обойтись без этого? (Кипы пыльных бумаг: бесконечный поток цифр; губы, нашептывающие что-то в огромное ухо.)*

Вслух Гарриет Квимбй произнесла приятным, певучим голосом:

— О, я никогда не пропускаю вечеринки у Шарлин. Здесь можно встретить таких интересных людей.

— *Дурные манеры,* — упрекнул Блэйн. Телепатией пользоваться вообще считалось дурной манерой, а в обществе и подавно.

— *К черту манеры! Я тут перед ним душу наизнанку выворачиваю, а он... (Лицо, очень похожее на него, перед которым элегантно скрестились в виде решетки красивые тонкие пальцы.) Тебя ищут. Они уже знают, что ты тут. Скоро они будут здесь — если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак... На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.*

— На этот раз ты напрасно потеряла время, — выговорил Блэйн. — Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика. *Слухачи!!*

— *Пусть. Надо попробовать. Ты в опасности. Как Стоун. Как другие после него. Я приехала помочь тебе.*

— Я тут беседовал с одним бизнесменом-лоббистом, — произнес он. — Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха. *Стоун! Что тебе о нем известно?*

— *Сейчас это неважно. Тогда я еду обратно, не стану терять время попусту. Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выведу машину на дорогу, ты поброди еще немного здесь, а потом пробирайся на кухню. (План дома с красной линией, ведущей в кухню.)*

— Я знаю, где кухня.

— Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественной. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки. (Карикатурный человечек с опущенными ресницами. Плечи его согнулись под тяжестью бокала, который он вяло держит в руке. У человечка распухшие от шума уши, а на рожице застывшая улыбка.) Сначала пойдешь на кухню, оттуда — через черный ход на улицу.

— Неужели ты поедешь вот так сразу? — спросил вслух Блэйн. — Вдруг я ошибся? Но зачем? Зачем ты это делаешь? Какой тебе смысл? (Человек, с недоумением и злостью глядящий в пустой мешок.)

— Люблю тебя. (Деревянный забор, на котором вырезано сердце, пронзенное стрелой.)

— Не лги. (Кусок мыла, энергично моющий рот.)

— Не говори им, Шеп, — попросила Гарриет, — а то Шарлин до смерти обидится. Я ведь журналистка, из твоих приключений выйдет неплохой рассказ.

— Но ты забыла, что «Фшихук» может караулить на дороге у выхода из ущелья.

— Не беспокойся, Шеп, я разузнала их планы. Мы их одурачим.

— Хорошо, буду нем как рыба. До встречи. И спасибо.

Она вышла, и каблучки ее застучали вниз по лестнице.

Блэйн медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как в лицо ему ударил жаркий ком разговоров — гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить и с кем, лишь бы говорить, лишь бы отыскать в этом шуме суррогат самоутверждения.

Значит, Гарриет — телепат. Вот чего бы он никогда не подумал. Хотя, если ты журналист и обладаешь способностью к телепатии, самое разумное — никому об этом не говорить.

В болтливости ее не упрекнешь, подумал Блэйн и удивился, как эта женщина смогла так долго хранить свою тайну. Впрочем, напомнил он себе, Гарриет сначала журналист, а потом уже женщина. Пишет она лучше, чем многие известные писаки.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит или куда-то направляется, но и нельзя допустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор, — на это нет времени.

Можно было бы зайти на пару минут в дименсино, но опасно. Слишком быстро там включаешься в сюжет, теряешь чувство времени, растворяешься в происходящем. Потом, включаясь в середине программы, часто рискуешь оказаться в весьма неловком положении.

Лучше не стоит, решил он.

Блэйн обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший

джентльмен, с которым он познакомился дней десять назад; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой набросилась вдруг на него.

И все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнув через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Холодной голубой эмалью сверкала посуда. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Блэйн поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался сделать третий, как в мозгу у него раздался тихий возглас предупреждения. Блэйн оглянулся.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Фредди Бейтс.

— Брось, Шеп, — сказал он, — не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

ГЛАВА 6

Блэйн на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган и не разгневан. Ошеломлен тем, что это оказался именно Фредди Бейтс. Итак, Фредди уже не бездельник, которого мало кто знает и который мало кого интересует, бесцельно прожигающий жизнь в городе, полном таких, как он, а агент «Фишхука», и, по-видимому, весьма способный.

И еще — Кирби Рэнд все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Рэнд уже, сжимая трубку телефона, давал задание Фредди.

«Все было обставлено умно, — вынужден был признать Блэйн, — куда умней, чем мое собственное поведение. — Ни на секунду он не заподозрил, что Рэнд о чем-то догадывается. — И Фредди, приглашая меня в машину, выглядел таким же, как всегда, неудачником».

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Фредди.

— Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда, — сказал Фредди, — и я отвезу тебя обратно побеседовать с Рэндом. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захотим — ни ты, ни я — причинять Шарлин беспокойство.

— Нет, — ответил Блэйн. — Нет, конечно, не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаюсь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Потому что он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Фредди.

Он почувствовал, что Розовый зашевелился в нем, как будто выбираясь из своего уголка.

— *Нет!* — закричал Блэйн. — *Нет!*

Но было уже слишком поздно. Розовый выбрался и заполнил весь его мозг. И хотя он продолжал оставаться собой, он был и еще кем-то. Он стал сразу двумя существами — и это было очень странное ощущение, — и вдруг произошло что-то непонятное.

Комната застыла как мертвая, только на стене стонали часы. И это было тоже непонятно, потому что прежде с часами ничего подобного не случалось, они жужжали, но никогда не издавали ничего похожего на стон.

Блэйн быстро шагнул вперед, но Фредди не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился.

Еще один шаг, и Фредди едва шелохнулся. Его глаза, не мигая, уставились в одну точку. Но выражение лица стало медленно и необычным образом меняться, и рука пошла вверх из кармана, но настолько медленно, что движение лишь угадывалось, как будто и рука, и пальцы, и то, что пальцы сжимают в кармане, пробуждались от глубокого сна.

И вот еще один шаг, и Блэйн подошел к нему почти вплотную. Его кулак, как поршень, рванулся вперед. У Фредди медленно, как на проржавевших шарнирах, отвисла челюсть и веки, видимо моргая, поползли вниз.

Кулак обрушился на челюсть. Блэйн попал точно, куда целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела. Но даже когда боль от удара обожгла ему костяшки пальцев и отдалась в запястье, он знал, что это ни к чему. Потому что Фредди практически не шевельнулся, не сделал ни малейшей попытки защититься.

Фредди падал, но падал как-то странно. Он падал медленно и плавно — так падает дерево после смертельного удара топора. Тело медленно кренилось к полу, и только теперь, в падении, рука с зажатым в ней револьвером выплыла из кармана. Выскользнув из ослабевших пальцев, револьвер со стуком опустился на пол.

Блэйн нагнулся и, прежде чем Фредди ударился об пол, поднял револьвер, и стоял так, сжимая его в руке, и глядел, как Фредди наконец упал — вернее, не упал, а, скорее, улегся на пол и, как бы расслабившись, замер на его поверхности.

Часы по-прежнему стонали на стене, и Блэйн, обернувшись, посмотрел на них и увидел, что секундная стрелка едва ползет по циферблату. Ползет, вместо того чтоб бежать... И этот стон вместо жужжания: часы, наверно, тоже рехнулись, подумал Блэйн.

Что-то произошло со временем. Об этом говорили и едва ползущая секундная стрелка, и почти пропавшая реакция у Фредди.

Ход времени замедлился.

И это было невозможно.

Ход времени не замедлился; время — величина постоянная. Но если это каким-то образом и произошло, то почему время не замедлилось для него?

Если только...

Ну, конечно, если только не время замедлилось, а он сам стал двигаться быстрее, настолько быстро, что Фредди не успел ничего сделать, не сумел защититься и ни при каких обстоятельствах не смог бы достать из кармана револьвер.

Блэйн вытянул руку и взглянул на револьвер. От этой тупорылой уродливой вещицы веяло смертью.

Да, Фредди не шутил. И «Фишхук» тоже. Тот, кто собирается лишь немного поиграть, отделяясь шуточками и улыбками, не станет брать с собой оружие. А если взял, значит, готов был пустить его в ход. Фредди, несомненно, был готов к этому.

Блэйн повернулся и посмотрел на Фредди. Тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Блэйн сунул револьвер в карман и направился к выходу, мимоходом взглянув на часы. За все это время секундная стрелка едва сдвинулась с места.

Открыв дверь, он обернулся и еще раз окинул взглядом кухню. Идеально стерильная кухня по-прежнему безжизненно сияла посудой, единственное, что теперь нарушало порядок, — это тело Фредди, распластавшееся на полу.

Блэйн вышел и зашагал по выложенной плитам дорожке к длинной каменной лестнице, перечеркнувшей склон огромной скалы.

Человек, который, развалившись, сидел на ступени, начал медленно подниматься, увидев, как Блэйн бежит ему навстречу.

Свет одного из окон верхнего этажа падал человеку на лицо, и Блэйн заметил, что оно выражает крайнее недоумение. Казалось, застывшие черты лица высечены на каменной маске.

— Извини, приятель, — Блэйн уперся раскрытой ладонью в эту маску и с силой толкнул ее.

Человек стал медленно отступать осторожными шажками, с каждым шагом наклоняясь назад все больше и больше. Прошло еще несколько времени, и он упал на спину.

Но Блэйн не стал ждать. Он продолжал бежать, перескакивая через ступени. В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала мотором машина с включенными подфарниками.

Это ждет Гарриет, понял Блэйн. Но она повернула машину не в ту сторону — не вниз по дороге, к выходу из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что вверх дорога сужается, и через милю-две проехать уже невозможно.

Блэйн перескочил через последнюю ступеньку и, осторожно пробираясь между автомобилями, вышел на дорогу.

Гарриет сидела в машине. Блэйн обошел вокруг, открыл дверцу с другой стороны и скользнул на сиденье.

На него вдруг обрушилась страшная до ломоты в костях усталость, как после бега. Казалось, он пробежал слишком длинную дистанцию. Откинувшись на спинку сиденья, он посмотрел на лежащие на коленях ладони и увидел, что руки дрожат.

— Как ты быстро, — обернулась к нему Гарриет.

— Представилась возможность, — ответил Блэйн. — И я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге. Эхо подхватило гул реактивного двигателя, разнося его по всему ущелью.

— Надеюсь, — заметил Блэйн, — ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится.

— Не бойся, Шеп, я знаю.

У него не было сил спорить. Он чувствовал полное изнеможение.

«И я имею на это право, — сказал он себе, — потому что двигался в десять (или в сто?) раз быстрее, чем обычно. Человеческий организм просто не рассчитан на такие перегрузки. Я расходовал энергию со страшной скоростью: сердце колотилось как сумасшедшее, легкие готовы были разорваться от напряжения, мышцы сокращались в невероятном темпе».

Он сидел и молчал, размышляя и удивляясь, как могло это произойти. Но удивление было формальным, он удивлялся, потому что должен был удивляться; на самом же деле он знал объяснение происшедшему.

Розовый больше не давал о себе знать. Он поискал его и нашел все в том же убежище.

— *Спасибо*, — поблагодарил он.

Это было несколько забавно — благодарить существо, ставшее частью его самого, ведь оно пряталось у него в голове, в его мозгу. И все-таки оно не стало частью его самого, пока еще нет. Хотя уже и не было просто беглецом, укрывшимся в чужом разуме.

Машина неслась вверх по каньону. Свежий, прохладный ветер, казалось, был напоен брызгами прозрачного горного ручья, и от стен ущелья доносился тонкий и нежный аромат сосен.

— Что-нибудь случилось? — спросила Гарриет.

— Я встретил Фредди.

— Ты имеешь в виду Фредди Бейтса?

— Существует один-единственный Фредди.

— Безобидный дурачок.

— Когда мы встретились, у твоего безобидного дурачка глаза налились кровью и он вынул револьвер.

— Неужели он...

— Гарриет, — сказал Блэйн, — становится слишком жарко. Лучше высади меня.

— И не надейся, — ответила Гарриет. — Я еще никогда не участвовала в столь забавной игре.

— Мы вряд ли куда-нибудь приедем. Дорога скоро кончается.

— Шеп, может, глядя на меня, в это трудно поверить, но голова у меня работает неплохо. Я много читаю, и больше всего мне нравятся книги по истории. Проклятой истории войн. Особенно я люблю изучать карты боевых действий.

— Ну и что из этого?

— А то, что я сделала одно наблюдение. Я пришла к выводу, что всегда, во всех случаях необходимо заранее подготовить путь к отступлению.

— Только не по этой дороге.

— По этой, — сказала Гарриет.

Блэйн повернул голову и взгляделся в ее профиль. Нет, она не похожа на хладнокровную, практичную журналистку, хотя такая она на самом деле. И пишет не сентиментальные статейки, не заметки в колонку светских сплетен, а вместе с дюжиной других репортеров, составляющих элиту своей профессии, дает гигантскую панораму «Фишхука» для одной из крупнейших газет Северной Америки.

И несмотря на это, шикарна, словно сошла с обложки модного журнала. Шикарна, но без вычурности и полна спокойной уверенности в себе, которая в любой другой женщине выглядела бы высокомерием.

Он был уверен, что все, что только можно знать о «Фишхуке», она знает. Ее статьи отличались странной объективностью, можно сказать, даже беспристрастностью, однако и этот необычный для журналиста суховатый стиль она ухитрялась смягчить, добавить в него человеческой теплоты.

Но что из всего этого следует? Зачем она вмешалась в эту историю?

В том, что Гарриет друг, он не сомневался. Он познакомился с ней давно, вскоре после ее приезда в «Фишхук». В маленьком ресторанчике, куда они в тот день пошли обедать, слепая старушка продавала розы. Блэйн вспомнил, как купил ей розу, и Гарриет, вдруг почувствовав себя одинокой и оторванной от родного дома, слегка всплакнула.

Странно. Хотя что теперь не странно, продолжал размышлять Блэйн. Взять тот же «Фишхук», кошмар современности, за сто лет так и не принятый до конца остальным человечеством.

Он попытался представить, как все происходило тогда, эти сто лет назад, когда ученые в конце концов признали, что космос Человеку не под силу, и сдались. Кучка самых упрямых, самых упорных в своей мечте пошла другой дорогой — дорогой, которой Человек отказался идти или, что одно и то же, с которой свернул много лет назад и с тех пор неустанно глумился над ней, заклеив ее словом «колдовство».

Ведь что такое колдовство — чепуха из книжек для детей, бабушкины сказки.

Но всегда были упрямы, которые верили, по крайней мере, в основной принцип того, что люди называли колдовством, поскольку это не было колдовством в том смысле, который за долгие годы приобрело это слово. Скорее, это был закон, такой же непреложный, как и законы, лежащие в основе всех естественных наук. Но, в отличие от них, это была наука, которая изучала возможности человеческого разума и стремилась достичь далеких планет не физически, а лишь силой разума.

Из этой веры, надежды и упорства и родился «фишхук»¹, прозванный так потому, что это был рыболовный крючок, заброшенный в космос, давший возможность разуму совершать путешествия туда, куда никогда не попасть телу.

Дорога впереди делала крутой поворот направо, затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

— Держись, — бросила Гарриет.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона. Из реактивных сопел с ревом било пламя, надсадно визжал мотор, по колпаку крыши скрежетали ветви деревьев. Неожиданно машина сильно накренилась, затем выровнялась.

— Это еще ничего, — сообщила Гарриет. — Дальше будет пара местечек похуже.

— Это и есть тот самый путь к отступлению?

— Совершенно верно.

А зачем, подумал он, Гарриет Квимби мог понадобиться путь к отступлению?

Она осторожно вела машину по пересохшему руслу, прижимаясь к скале, которая каменной стеной уходила ввысь, в темноту. Из кустов испуганно разлетались птицы, трещали ветви, царапая автомобиль.

Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой — огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

---

¹ Fish-hook (англ.) — рыболовный крючок.

Гарриет убрала реактивную тягу, и машина со скрежетом опустилась на гравий. Двигатель замолчал, и над ними сомкнулась тишина.

— Отсюда пойдём пешком? — спросил Блэйн.

— Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами и подъедут сюда. И по шуму двигателя поймут, в какой стороне мы скрылись.

— Мы поедем прямо на вершину?

— Прямо на вершину, — подтвердила она.

— Ты уже здесь ездила? — поинтересовался Блэйн.

— Много раз. Я знала, что если когда-нибудь понадобится воспользоваться этой дорогой, то делать это придется быстро. Не останется времени раздумывать или возвращаться назад.

— Но объясни мне, ради Бога...

— Послушай, Шеп. Ты попал в переplet. Я тебе помогаю выпутаться. Может быть, этого достаточно?

— Конечно, если ты так хочешь. Но ты рискуешь собственной головой. А это не обязательно.

— Мне уже приходилось рисковать ею. Хороший журналист должен быть готов рискнуть головой, когда надо.

Может быть, подумал он, но не до такой степени. В «Фишхуке» полно газетчиков, и почти с каждым из них ему доводилось выпивать. Очень немногих он мог бы считать своими приятелями. И никто... никто, кроме Гарриет, не стал бы делать для него того, что делает она.

Чисто журналистским интересом это не объяснишь. И одной дружбой тоже. Тут что-то большее, чем и то и другое вместе.

А если Гарриет не только журналистка? Она не может быть только репортером. Ее поступками движет что-то другое. Очень любопытно, что?

— В прошлый раз, когда ты рисковала головой, ты рисковала ею для Стоуна?

— Нет, — ответила она. — О нем я знаю только понаслышке.

Далеко, на дне каньона, послышался слабый гул двигателей. Они сели в машину и прислушались. Гул быстро приближался, и Блэйн попытался сосчитать по звуку мчащиеся по дороге автомобили. Ему показалось, что их было три, хотя он не был уверен полностью.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались треск кустов, мужские голоса.

Гарриет взяла Блэйна за руку и крепко сжала ее.

— Шеп, что ты сделал с Фредди? (Изображение ухмыляющегося черепа.)

— Нет, всего лишь нокаут.

— У него был револьвер?

— Теперь револьвер у меня.

(Фредди в гробу, на наруганном лице застывшая улыбка, в сложенных на груди руках — громадная лилия.)

— Нет, не так. *(Фредди с разбитым носом и крестами пластыря на самодовольном прыщавом лице.)*

Они тихо сидели, прислушиваясь к каждому звуку.

Смолкли голоса, и машины двинулись обратно, вниз по дороге.

— Все?

— *Погоди,* — остановила его Гарриет. — *Они приехали на трех машинах. Уехали только две. Одна еще ждет. (Множество вытянувшихся от напряжения, подслушивающих ушей.) Они знают, что мы поднялись по дороге. Они не знают, где мы спрятались. (Яма-ловушка, усеянная рядами острых зубов.) Они ждут, когда мы поверим, что они уехали, и обнаружим себя.*

Они подождали еще. Где-то в лесу закричал енот, разбуженная каким-то лесным бродягой, сонно запротестовала птица.

— *Есть одно место,* — сказала Гарриет. — *Там ты будешь в безопасности. Если захочешь туда поехать.*

— *Куда угодно. У меня нет выбора.*

— *А ты представляешь, что там делается?*

— *Слышал.*

— *В некоторых городах вывешивают предупредительные знаки. (Дорожный столб, на нем доска с надписью: «Тут солнце светит не для парасихов».) Они полны предвзятости и нетерпимости, среди них есть старинного обличья бородатые проповедники, яростно барабанившие кулаком по кафедре; люди в ночных рубашках и колпаках с кнутами и веревками; испуганные, растерянные люди, пытающиеся укрыться в редких зарослях ежевики. До отвратительного грязно и стыдно, — уже не мысленно, а голосом прошептала она.*

С шоссе тронулась оставшаяся машина. Они выждали, пока она отъедет.

— *Уехали наконец,* — сказала Гарриет. — *Они, правда, могли на всякий случай кого-нибудь высадить, но придется рискнуть.*

Она включила мотор, повернула реактивные сопла, и с зажженными фарами автомобиль рванулся вверх по сужающемуся руслу.

Дорога становилась все круче.

Лавируя между кустов, они продолжали взбираться по лезвию хребта. Гора белой стеной уходила вверх, а внизу зияла черная пустота. Потом целую вечность они снова карабкались по круче, подстегиваемые ветром, который становился все более холодным и пронизывающим, и наконец оказались на ровной площадке, залитой светом склонившейся к западу луны.

Гарриет остановила машину, откинулась на спинку сиденья.

— *Дальше граница,* — сказала она. — *Садись за руль. Осталось миль пятьдесят.*

Толпа собралась на улице напротив ресторана и, обступив машину Гарриет, пристально наблюдала за ними со зловещим молчанием. Толпа зловещая, но не шумная. Злобная и, быть может, чуть-чуть испуганная. Или, скорее, злобная потому, что испуганная.

Блэйн прислонился спиной к стене, за которой они только что завтракали. Ничего особенного за едой не заметили. Все шло нормально. Никто на них не глазел. Все шло самым обыкновенным и повседневным образом.

— Как они догадались? — спросил Блэйн.

— Не знаю, — ответила Гарриет.

— Они сняли вывеску.

— А может, она сама упала. Или ее вообще никогда не вешали. Такое бывает. Объявления вывешивают только самые воинственные.

— У этих ребят вид вполне воинственный.

— Может быть, это к нам не относится?

— Может, и нет, — согласился он. Но поблизости, кроме них, не было никого и ничего, что могло бы собрать эту толпу.

— Слушай внимательно, Шеп. Если что-то случится, если мы потеряемся. Отправляйся в Южную Дакоту. Пьер в Южной Дакоте. *(Карта Соединенных Штатов, где Пьер обозначен звездочкой, под которой большими красными буквами подписано его название, а пурпурная дорога ведет от этого крохотного пограничного городка к большому городу на Миссури.)*

— Я знаю, где это, — сказал Блэйн.

— Где меня найти, тебе скажут в этом ресторанчике. *(Каменный фасад здания; большие зеркальные окна, в одном из окон висит красивое, отделанное серебром седло: над дверью — роскошные лосиные рога.) Он стоит над рекой на холме. Там меня почти все знают. Они тебе подскажут, где я.*

— Мы не потеряемся.

— На всякий случай имей это все-таки в виду.

— Обязательно, — ответил Блэйн. — Ты меня вытащила достаточно далеко, чтобы доверять тебе и дальше.

Толпа начала закипать — не кипеть еще, а шевелиться, становиться все более беспокойной, как будто потихоньку вспениваясь. Из толпы донесся ропот — глухое, бессловесное ворчание.

Протиснувшись сквозь толпу, на улицу, еле ковыляя, выбралась древняя старуха. Вся она — лицо, руки, грязные босые ноги, — казалось, была сделана из морщин. Растрепанные волосы свисали с головы грязными седыми космами.

Она с трудом подняла руку в отвратительных складках дряблой плоти и прицелилась скрюченным, костлявым, трясущимся пальцем прямо в Блэйна.

— Вот он, — завизжала она. — Тот, кого я засекала. Он какой-то не такой. Я не могу попасть к нему в мозг. Там как будто сверкающее зеркало. Там...

Ее слова потонули в криках толпы, которая двинулась вперед, медленно, шаг за шагом приближаясь к мужчине и женщине у стены. Казалось, толпа движется как бы нехотя и со страхом, превозмогая свой ужас только сознанием важности гражданского долга, который им предстоит исполнить.

Блэйн опустил руку в карман пиджака, и его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки револьвера, добытого в кухне Шарлин. Нет, револьвер не поможет, решил он, а только все усложнит. Он вынул руку из кармана и расслабленно опустил ее вдоль тела.

На лицах этой человеческой массы, которая переползала улицу, были написаны ярость и отвращение. Толпа не травила жертву под покровом ночи, а, как стая волков, окружала ее неторопливо при свете дня. Впереди, на гребне волны человеческой ненависти, шла сморщенная ведьма, спустившая стаю движением пальца.

— Стой спокойно, — сказал Блэйн Гарриет. — Это наш единственный шанс.

Он понимал, что в любой момент ситуация может достичь критической точки. Толпа или не выдержит и отступит, или какое-то ничтожное происшествие, малейшее движение, слово, произнесенное вслух, заставят ее хлынуть вперед.

А если это случится, он будет стрелять. Не потому что хочет, а потому что у него не будет выбора.

А пока, перед тем как начать расправу, городок замер — сонный маленький городок с давно не крашенными, облупленными зданиями на залитой солнцем улице, где как попало росли чахлые деревья. В окнах верхних этажей виднелись лица, с удивлением глазеющие на дичь, забредшую к ним на улицу.

Толпа подошла еще ближе и окружила их, по-прежнему без слов и сохраняя осторожность; гул голосов стих, лица были неподвижны, как маски ненависти в древнем театре.

По тротуару звонко ударил чей-то каблук, потом еще и еще — ровный бесстрастный звук уверенных шагов.

Шаги приблизились, и Блэйн краем глаза заметил высокого, костлявого, как скелет, мужчину, который вышагивал с таким видом, будто был на утренней прогулке.

Мужчина подошел к Блэйну, встал рядом с ним и повернулся лицом к толпе. Он не произнес ни слова, но толпа остановилась, замерев посреди улицы в жуткой тишине.

Из толпы вышел человек.

— Доброе утро, шериф.

Шериф не шевельнулся, не произнес ни слова в ответ.

— Они парасихи, — сказал человек.

— Откуда известно? — спросил шериф.

— Старая Сара сказала.

Шериф посмотрел на каргу.

— Это так, Сара?

— Том сказал правду, — проскрипела старуха. — Вон тот парень, у него странный мозг. Он отражает.

— А женщина? — спросил шериф.

— А разве она не с ним?

— Мне стыдно за вас, — сказал шериф, как будто читая нотацию напроказившим детям. — Придется вас посадить, всех до одного.

— Но это же парасихи! — раздался возмущенный крик. — Мы не пускаем сюда парасихов, ты ведь знаешь.

— А теперь послушайте меня, — объявил шериф. — Расходитесь и займитесь каждый своим делом. А ими займусь я.

— Обоими? — спросил кто-то.

— Даже не знаю, — ответил шериф. — Похоже, что леди здесь ни при чем. Думаю, мы отправим ее из города, и этого будет достаточно.

— Вы вместе с этим парнем? — спросил он Гарриет.

— И я останусь с ним!

— Нет, — сказал Блэйн. (*Знак молчания — палец, прижатый к губам.*) Сказал быстро, надеясь, что никто не подслушает, потому что в этом городе даже простому телепату не дали бы пощады. Но предупредить надо.

— Это ваша машина на той стороне? — спросил шериф.

Гарриет вопросительно взглянула на Блэйна.

— Да, моя, — ответила она.

— Тогда послушайте меня, мисс. Идите к своей машине и выбирайтесь из этой заварухи. Ребята вас пропустят.

— Но я не собираюсь...

— Лучше не спорь, Гарриет, — сказал Блэйн.

Гарриет стояла в нерешительности, не зная, что делать.

— Езжай, — повторил Блэйн.

Она медленно сошла с тротуара, затем обернулась.

— До встречи, — сказала она Блейну.

Она с презрением оглядела шерифа. «Казак!» — бросила она.

Шериф не возражал. Слово это ему было незнакомо.

— Давайте, леди, езжайте, — сказал он, и в голосе его звучала чуть ли не доброта.

Толпа яростно загудела, но все же расступилась, чтобы пропустить ее. Дойдя до машины, она повернулась и помахала Блэйну рукой. Затем села за руль, включила зажигание. Заревев двигателем, автомобиль рванулся сквозь толпу. Ничего не видя от пыли, поднятой выхлопом сопел, спотыкаясь друг о друга, люди с воплями бросились в разные стороны, спеша освободить дорогу.

С невозмутимым спокойствием шериф наблюдал, как машина помчалась вниз по улице.

— Ты видел, шериф? — в ярости заорал один из пострадавших. — Почему ты ее не арестуешь?

— Это вам по заслугам, — сообщил шериф. — Сами все заварили. Только собрался провести день спокойно, как вы заставляете меня волноваться.

Не заметно было, что он волнуется.

Возбужденно споря и протестуя, толпа придвинулась к тротуару. Как будто отгоняя цыплят, шериф замахал руками:

— Давайте, давайте отсюда. Порезвились, и хватит. А мне теперь пора работать. Пойду посажу этого парня за решетку.

Он повернулся к Блэйну:

— Идем со мной.

Они пошли вместе вниз по улице к зданию суда.

— Ты что, не знал, куда едешь? — спросил шериф. — Этот город — сущий ад для парасихов.

— Откуда я мог знать? — ответил Блэйн. — Объявления не было.

— Его сдуло два года назад, — пояснил шериф. — И ни у кого не хватило ума повесить обратно. Или сделать новое. Старое совсем обветшало. Буквы едва можно разобрать. Песчаные бури обивают краску.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Думаю, ничего особенного, — ответил шериф. — Подержу немного, пока народ не поостынет. Для твоего же блага. А станет безопасней, выпущу.

Он минуту помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Нет, сейчас отпустить не могу, — объявил он. — Ребята пока еще начеку.

Подошли к зданию суда и поднялись по лестнице. Шериф отворил дверь.

— Вперед, — сказал он.

Они вошли в кабинет, и шериф закрыл дверь.

— А знаешь, — сказал Блэйн, — я не верю, что есть основания меня задерживать. Что, если я возьму и попробую просто выйти отсюда?

— Ничего не произойдет. Сразу, по крайней мере. Останавливать тебя я, конечно, не буду, хотя, может, и поспорю немного. Но из города ты не выйдешь. Не пройдет и пяти минут, как сцапают.

— Но я мог уехать на машине.

Шериф покачал головой:

— Я знаю этих людей, сынок. Я с ними вырос. Сам один из них. И знаю, как далеко могу с ними зайти и когда пора остановиться. Я мог отправить леди, но не обоих. Приходилось когда-нибудь видеть толпу в действии?

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Это не самое приятное зрелище.

— А как же Сара? Она ведь тоже парапсих.

— Это другое дело, приятель. Она из хорошего рода. Сейчас плохие времена, но ее семейство живет здесь больше сотни лет. Город с ней просто смирился.

— И потом, удобно иметь собственного наводчика.

Шериф добродушно хмыкнул.

— От нашей Сары, — с провинциальной гордостью сообщил он, — мало что может укрыться. И дел у нее хватает: ей приходится следить за всеми, кто заезжает к нам в городок.

— И много вам попадается парапсихов?

— Средне, — ответил шериф. — Время от времени. Да, пожалуй, средне.

Шериф указал на письменный стол.

— Пойди выверни свои карманы. Так положено по закону. Я тебе напишу расписку.

Блэйн начал рыться в карманах. Бумажник, колода карт, платок, связка ключей, спички и, наконец, револьвер.

Он осторожно вынул его и положил вместе с остальными вещами.

— Он у тебя все время был с собой? — поинтересовался шериф.

Блэйн кивнул.

— И ты ни разу не потянулся за ним?

— Я был слишком напуган, чтобы за ним тянуться. Это было пострашнее, чем путешествовать к звездам...

Он понял, что проговорился.

— Почему ты не сказал мне, что ты из «Фишхука»?

— А какая разница? — Блэйн пожал плечами.

Шериф слегка присвистнул сквозь зубы.

Взяв револьвер, он переломил ствол. Медным блеском засверкали головки гильз.

Шериф открыл ящик стола и бросил туда оружие.

— Теперь, — с видимым облегчением произнес он, — у меня есть законный повод задержать тебя.

Он взял спичечный коробок и передал Блэйну.

— Если нужны сигареты, я принесу, — предложил шериф.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Иногда я ношу их с собой, но обычно я не курю. Они у меня кончаются раньше, чем сам соберусь закурить.

Шериф снял с гвоздя кольцо с ключами.

— Пошли, — сказал он.

Блэйн вышел за ним в коридор, который тянулся вдоль ряда тюремных камер.

Шериф открыл крайнюю, возле самого входа.

— Тебе на одного, — сказал он. — Последнего выпустил вчера вечером. Черномазый перешел границу и угодил за решетку. Вообразил, что он не хуже белых.

Блэйн вошел в камеру, шериф захлопнул дверь и запер на ключ.

— Если что-нибудь понадобится, — сказал шериф, демонстрируя искреннее гостеприимство, — крикни меня. Я тебе это достану.

ГЛАВА 8

Он встал с узкой койки, прикрытой грязным одеялом, и подошел к окну. Улица была залита солнцем, на бульваре покачивались чахлые деревья. У тротуара рядом с убогими, жалкого вида конторами стояли полуразвалившиеся машины, некоторые настолько древние, что были оборудованы колесами, вращаемыми двигателем внутреннего сгорания. Сидящие на ступеньках магазинов мужчины жевали табак и сплевывали на асфальт, образуя липкие янтарные лужицы, похожие на старые пятна крови. Казалось, они просто бездельничают, лениво пожевывая и переговариваясь друг с другом, и не обращают внимания ни на здание суда, ни на что-либо другое.

Но Блэйн знал, что они следят за зданием. Они караулят его — человека с зеркалом в мозгу. Мозг, который, как сказала старая Сара шерифу, отражает.

Вот что заметил Кирби Рэнд, вот что выдало меня и заставило «Фишхук» броситься в погоню. А Рэнд, в таком случае, если не слухач, то, по крайней мере, наводчик. Хотя, какая разница, подумал Блэйн. Будь он даже и слухач, все равно он не смог бы заглянуть в мозг, который отражает.

А это значит, понял Блэйн, что в мозгу у него что-то вроде маячка-мигалки, бросающейся в глаза каждому, кто может видеть. Он нигде теперь не будет в безопасности, никогда не сможет укрыться. Он таскает за собой колокол громкого боя, и его легко обнаружит любой слухач или наводчик, оказавшийся поблизости.

Но раньше он таким не был. В этом нет сомнения. Иначе кто-нибудь сказал бы об этом или это было бы в его психической карте.

— *Эй ты,* — позвал он спрятавшегося у него в мозгу, — *вылезай!*

Тот завилял хвостом. Он заюлил, как довольный пес. Но остался на месте.

Блэйн отошел от окна и сел на край кровати.

Гарриет должна помочь ему. А может, шериф отпустит его раньше, как только все успокоится. Хотя шериф и не обязан его отпускать, ношение оружия — вполне достаточный повод для задержания.

— *Дружище*, — обратился он к своему жизнерадостному спутнику, — *похоже, тебе придется опять поработать. Нам снова может понадобится какой-нибудь финт.*

Ведь существо в его разуме уже продемонстрировало один финт — финт со временем. Или обменом веществ? Неизвестно, то ли он двигался тогда быстрее, чем все остальные, то ли время замедлилось для всего остального, кроме него.

По улице, кашляя, протарахтел допотопный автомобиль. Где-то щебетали птицы. Да, попал в историю, признался себе Блэйн, серьезную историю.

Сидящие на ступеньках мужчины продолжали ждать, изо всех сил стараясь показать, что здание суда их несколько не интересует. Все это начинало Блэйну нравиться все меньше и меньше.

Дверь в кабинете шерифа открылась и снова захлопнулась, послышались шаги. Голоса звучали неразборчиво, и Блэйн не стал прислушиваться. Чем может помочь, если он что-то подслушает? И вообще, может ли ему что-то помочь?

Неторопливой поступью, чеканя шаги, шериф пересек кабинет и вышел в коридор.

Блэйн поднял глаза и увидел его, стоящего перед камерой.

— Блэйн, — сказал шериф, — пришел отец, чтоб поговорить с тобой.

— Какой отец?

— Святой отец, язычник. Пастырь нашего прихода.

ГЛАВА 9

Войдя в камеру, священник замигал, стараясь привыкнуть к полумраку.

Блэйн встал.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он. — К сожалению, самое большое, что я могу предложить, это присесть здесь на нарах.

— Ничего, — ответил священник. — Меня зовут отец Фланаган. Надеюсь, я не помешал?

— Ни в коей мере. Рад вас видеть.

Покряхтывая от натуги, отец Фланаган опустился на край койки. Это был пожилой тучный человек с добрым лицом и морщинистыми, скрюченными артритом руками.

— Садись, сын мой. Надеюсь, что не отвлек тебя. Сразу хочу предупредить, что я постоянно влезаю в чужие дела. Видимо, причина этому — моя паства, большинство из которой, независимо от возраста, большие дети. О чем бы ты хотел побеседовать со мной?

— О чем угодно, — ответил Блэйн, — кроме разве религии.

— Ты не веришь в Бога, сын мой?

— Не особенно, — ответил Блэйн. — Обычно размышления на эту тему приводят меня в замешательство.

Старик покачал головой:

— Наступили безбожные дни. Теперь стало много таких, как ты. Меня это беспокоит. И святую церковь-мать тоже. Мы живем в тяжелые для духа времена. Люди больше предаются боязни зла, чем созерцанию добра. Ходят разговоры об оборотнях, злых духах и чертях, хотя все это еще сто лет назад казалось вздором.

Тяжеловесно развернувшись, он уселся боком, чтобы лучше видеть Блэйна.

— Шериф сказал мне, что ты из «Фишхука».

— Думаю, отрицать это бесполезно, — ответил Блэйн.

— Мне никогда еще не приходилось говорить с людьми из «Фишхука», — слегка запинаясь, как будто беседовал скорее с собой, чем с Блэйном, произнес старый священник. — До меня доходили только слухи, а истории о «Фишхуке», которые я слышал, поразительны и невероятны. Одно время тут жил торговец, его факторию потом сожгли — но я так и не побывал у него. Люди бы меня не поняли.

— Судя по тому, что произошло сегодня утром, я тоже думаю, что не поняли бы, — согласился Блэйн.

— Говорят, что у тебя паранормальные...

— Это называется «парапсих», — поправил его Блэйн. — Будем называть вещи своими именами.

— Ты и правда таков?

— Не понимаю, чем вызван ваш интерес, святой отец.

— Только познавательными соображениями, — ответил отец Фланаган, — уверяю, чисто познавательными. Кое-что из этого интересует лично меня. Ты можешь говорить со мной так же свободно, как на исповеди.

— Когда-то, — сказал Блэйн, — науку подозревали в том, что она скрытый враг всех религиозных догм. Сейчас повторяется то же самое.

— Потому что люди снова боятся, — произнес священник. — Они запирают двери на все запоры. Они не выходят по ночам. На воротах и крышах своих домов рисуют кабалистические знаки — заметь, вместо святого креста — кабалистические знаки. Они шепотом говорят о таких вещах, о которых никто не вспоминал со времен средневековья. В глубине своих невежественных душ они трясутся от страха. От их древней веры мало что осталось. Конечно, они исполняют обряды, но по выражению лиц, по разговорам я вижу, что делается у них в душе. Они потеряли простое искусство верить.

— Нет, святой отец, просто они очень растерянные люди.

— Весь мир растерян; — сказал отец Фланаган.

И он прав, подумал Блэйн: весь мир в растерянности. Потому что лишился кумира и, несмотря на все старания, никак не может

найти другого. Мир лишился якоря, на котором он держался против бурь необъяснимого и непонятного, и теперь его несет по океану, не описанному ни в одной лоции.

Одно время кумиром была наука. Она обладала логикой, смыслом, абсолютной точностью и охватывала все, от элементарных частиц до окраин Вселенной. Науке можно было доверять, потому что она прежде всего была обобщенной мудростью человечества.

А потом настал день, когда Человек со всей его пресловутой техникой и всемогущими машинами был вышвырнут с небес назад на Землю. В тот день божество науки утратило часть своего ослепительного блеска, и чуть ослабла вера в него.

Когда же Человек сумел достичь звезд без помощи каких-либо машин, культ механизмов окончательно рассыпался в прах. Наука, техника, машины все еще существовали, играли важную роль в повседневной жизни, однако им больше не поклонялись.

Человек лишился своего бога. Но Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то абстрактному герою. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота.

В эту пустоту, несмотря на всю свою необычность, идеально вписалась паранормальная кинетика. Наконец-то появилось объяснение и оправдание всем полубезумным культам; наконец пришла надежда на конечное исполнение всех чаяний; наконец родилось нечто достаточно экзотичное, или что можно было сделать достаточно экзотичным, чтобы удовлетворить человеческие эмоции во всей их глубине, — что никогда не было под силу простой машине.

Наконец-то человечество — слава тебе, Господи! — овладело магией.

Мир охватил колдовской бум.

Как обычно, маятник качнулся слишком далеко и теперь несся в обратную сторону, распространяя по земле ужас и панику.

И опять Человек потерял кумира, а взамен приобрел обновленные суеверия, которые, подобно вздымающейся волне, понесли его во мрак второго средневековья.

— Я много размышлял по этому поводу, — сказал отец Фланган. — Мимо подобной темы не может пройти даже такой недостойный слуга церкви, как я. Все, что касается души человеческой, интересуется церковь и папу.

Как бы в признательность за искренность Блэйн слегка поклонился, однако с долей обиды заметил:

— Так, значит, вы пришли меня изучать. Вы пришли меня допрашивать.

— Я молил Бога, чтобы ты так не подумал, — печально произнес старый священник. — Видимо, у меня ничего не вышло. Я шел к тебе, надеясь, что ты сможешь помочь мне, а через меня — церкви. Ведь церкви, сын мой, тоже иногда нужна помощь. А ты

человек, умный человек — часть загадки, которую мы не можем разрешить. Я думал, ты мне в этом деле поможешь.

— Ну что ж, я согласен, — подумав, ответил Блэйн. — Хотя и не думаю, что от этого будет какая-то польза. Вы заодно со всем городом.

— Не совсем так, сын мой. Мы ни благословляем, ни осуждаем. Мы пока слишком мало знаем об этом.

— Я расскажу о себе, — сказал Блэйн, — если это вас интересует. Я путешественник. Путешествовать по звездам — моя работа. Я забираюсь в машину, собственно, даже не в машину, а в своеобразное символическое приспособление, которое позволяет мне высвободить разум, а может, даже подталкивает мой разум в нужном направлении. Она помогает ориентироваться... Нет, святой отец, обычными, простыми словами этого не объяснить, получается бессмыслица.

— Я без усилий слежу за твоим рассказом.

— Так насчет ориентации. Описать это языком слов невозможно. В науке принято объяснять языком математики, но это и не математика. Суть в том, что ты знаешь, куда тебе надо попасть, и там и оказываешься.

— Колдовство?

— Да нет же, черт побери, — простите, святой отец. Нет, это не колдовство. Стоит только раз понять это, ощутить, и оно становится частью тебя, все оказывается легко и просто. Делать это так же естественно, как дышать, и так же просто, как падать со скользкого бревна. Представьте...

— Мне кажется, — перебил отец Фланаган, — не стоит останавливаться на технических деталях. Лучше скажи мне, каково это: быть на другой планете?

— Ничего особенного, — ответил Блэйн. — Обычно я чувствую себя так же, как, скажем, сейчас, когда я сижу и беседую с вами. Только поначалу — самые первые несколько раз — ты ощущаешь себя до непристойности обнаженным: один разум без тела...

— И разум твой бродит повсюду?

— Нет. Хоть это и возможно, конечно, но не бродит. Обычно стараешься не вылезать из механизма, который берешь с собой.

— Механизма?

— Записывающая аппаратура. Этот механизм собирает все данные и записывает их на пленку. Становится ясна вся картина полностью. Не только то, что видишь сам, — хотя ты, в принципе, скорее не видишь, а ощущаешь, — а все, абсолютно все, что только можно уловить. Теоретически, да и на практике тоже, машина собирает информацию, а разум служит только для ее интерпретации.

— И что же ты там видел?

— На это потребовалось бы больше времени, чем есть в моем или вашем распоряжении, святой отец, — рассмеялся Блэйн.

— Но ничего такого, что есть на Земле?

— Редко, потому что планет типа Земли не так уж много. Среди общего числа, естественно. Но планеты земного типа во все не единственная наша цель. Мы можем бывать везде, где может функционировать машина, а она сконструирована так, что работает практически всюду...

— И даже в ядре какого-нибудь солнца?

— Нет, машина бы там не выдержала. А разум, я думаю, смог бы. Но таких попыток еще не делалось. Конечно, насколько знаю я.

— А что ты ощущаешь? О чем думаешь?

— Я наблюдаю, — ответил Блэйн. — Для этого я и путешествую.

— А не кажешься ты себе господином всего мира? Не приходила ли тебе когда-нибудь мысль, что Человек держит всю Вселенную в ладонях рук своих?

— Если вы говорите о грехе гордыни и тщеславия, то нет, никогда. Иногда чувствуешь восторг при мысли о том, куда забрался. Нередко тебя охватывает удивление, но чаще всего ты в растерянности. Все вновь и вновь напоминает о том, сколь ты незначителен. А иногда даже забываешь, что ты — человек. Просто комок жизни — в братстве со всем, что когда-то существовало и когда-либо будет существовать.

— А думаешь ли ты о Боге?

— Нет, — ответил Блэйн. — Такого не было.

— Плохо, — произнес отец Фланаган. — И это меня пугает. Быть где-то в полном одиночестве...

— Святой отец, я ведь с самого начала объяснил, что не склонен исповедовать какую-либо религию. Я сказал об этом откровенно.

Некоторое время они сидели, глядя друг на друга, разделенные пропастью непонимания. Как будто мы из разных миров, подумал Блэйн. Со взглядами, лежащими друг от друга на миллионы километров, и все же оба — люди.

— А ты не колдун?

Блэйн хотел засмеяться — смех уже стоял у него в горле, — но сдержался. Слишком много страха было в заданном вопросе.

— Нет, святой отец, клянусь вам. Я не колдун. И не оборотень. И не...

Поднятием руки старик остановил его.

— Теперь мы квиты, — объявил он. — Я тоже сказал то, что тебе неприятно слышать.

Он с усилием встал с койки и протянул руку со скрюченными артритом или какой-то другой болезнью пальцами.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Да поможет тебе Господь.

— А вы будете сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

— Ну да, когда здешние горожане потащат меня вешать. Или тут принято сжигать у столба?

Лицо старика скривилось, как от удара.

— Ты не должен так думать. Не может...

— Но ведь они сожгли фабрику. И хотели убить торговца, да не успели.

— Они не должны были этого делать, — сказал отец Фланаган. — Я говорил им об этом. Мне известно, что в этом принимали участие и люди из моей паствы. Правда, кроме них там были еще и многие другие. Но от моей паствы я этого не ожидал. Многие годы я читал им проповеди, чтобы отвратить их именно от такого шага.

Блэйн взял руку священника. Искалеченные пальцы ответили теплым, крепким рукопожатием.

— Наш шериф славный человек, — сказал отец Фланаган. — Он сделает все, что от него зависит. А я поговорю с людьми.

— Спасибо, святой отец.

— Ты боишься смерти, сын мой?

— Не знаю. Я всегда думал, что мне не будет страшно. Поживем — увидим.

— Ты должен обрести веру.

— Может быть. Если я когда-нибудь ее найду. Помолитесь за меня.

— Бог с тобой. Я буду молиться весь день.

ГЛАВА 10

Блэйн стоял у окна и наблюдал, как в сумраке снова собиралась толпа — люди подходили не спеша, без шума, спокойно, почти с безразличием, как будто шли на школьный концерт, собрание фермеров или другое привычное, вполне безобидное мероприятие.

Из кабинета через коридор от него доносились шаги шерифа, и он подумал, знает ли шериф, — хотя наверняка знает, он достаточно долго прожил в этом городе, чтобы знать, — чего можно ожидать.

Блэйн стоял у окна, взявшись руками за металлические прутья решетки. Где-то в неухоженных деревьях на тюремном дворе, перед тем, как заснуть, устроившись поудобнее на своей ветке, пела последнюю вечернюю песню птица.

Он стоял и смотрел, а в это время из своего убежища выполз Розовый и стал расти и расширяться, пока не заполнил его мозг.

— *Я пришел к тебе, чтобы остаться,* — сказал он. — *Мне надоело прятаться. Теперь я знаю тебя. Я исследовал все углы и закоулки тебя и теперь знаю, что ты такое есть. А через тебя — мир, в котором ты живешь, мир, в котором живу я, поскольку это теперь и мой мир.*

— *Теперь без глупостей?* — спросила та половина этого странного дуэта, которая продолжала оставаться Блэйном.

— *Теперь без глупостей,* — ответила другая половина. — *Без воплей, без паники, без попыток выбраться или скрыться. Мне только непонятно, что такое смерть. Я не нашел объяснения понятию смерти, потому что прекращение жизни необъяснимо. Такое просто невозможно, хотя в глубине моей памяти есть смутные воспоминания о тех, с кем это, кажется, произошло.*

Блэйн отошел от окна и, сев на койку, погрузился в воспоминания Розового. Однако воспоминания приходили издалека и из глубокого прошлого и были такими размытыми, нечеткими, что трудно было сказать, настоящие ли это воспоминания или просто игра воображения.

Потому что он видел несметное количество планет, и сонмы различных народов, и множество незнакомых понятий, и беспорядочные обрывки знаний о Вселенной, сваленные в кучу из десяти миллиардов соломинок, из которых, как в той игре, практически невозможно вытащить одну соломинку, не потревожив остальных.

— Ну, как ты там? — спросил незаметно подошедший шериф.

Блэйн поднял голову:

— Да вроде бы ничего. Вот только что глядел на твоих приятелей на той стороне улицы.

— Не бойся, — хмыкнул шериф. — Их не хватит, чтобы даже перейти улицу. А если что, я выйду и поговорю с ними.

— А если они узнают, что я из «Фишхука»?

— Ну, этого-то они не узнают.

— Священнику ты сказал.

— Это другое дело, — сказал шериф, — я должен был сказать священнику.

— А он никому не скажет?

— А зачем? — спросил шериф.

Блэйн промолчал, на такой вопрос обычно трудно ответить.

— Ты послал сообщение?

— Но не в «Фишхук». Одному приятелю, а он уже сообщит в «Фишхук».

— Не стоило тратить время, — сообщил Блэйн. — «Фишхук» знает, где я.

Они наверняка уже пустили своих ищеек, и те взяли след много часов тому назад. У него был всего один шанс скрыться от них — двигаться как можно быстрее и никому не попадаться на глаза.

Вполне вероятно, что они сегодня вечером уже будут в городе, подумал он. И в этом его надежда, потому что «Фишхук» вряд ли допустит, чтобы здешняя банда с ним разделалась.

Блэйн поднялся с койки и подошел к окну.

— Вы можете уже выходить, — объявил он шерифу. — Они перешли улицу.

Да, конечно, им надо торопиться. Они должны успеть сделать свое дело, пока не стало совсем темно. Потому что, когда придет настоящая, черная ночь, нужно быть в своем уютном домике с закрытыми на все замки и засовы дверями, запертыми окнами и опущенными шторами. И кабалистическими знаками, охраняющими все входы-выходы. Потому что тогда, и только тогда, можно чувствовать себя в безопасности от жутких сил, притаившихся в темноте, от оборотней, вампиров, гоблинов, эльфов.

Шериф повернулся, прошел по коридору к себе в кабинет. Звякнул металл вынимаемого из пирамиды ружья. Глухо лязгнул затвор: шериф дослал в ствол патрон.

Толпа наплывала как темная, колышущаяся волна и, кроме шарканья ног, не издавала ни единого звука.

Блэйн завороженно наблюдал за ней, как будто это не имело к нему ни малейшего отношения. «Как странно, — подумал он, — ведь я же знаю, что толпа идет за мной».

Но это неважно, смерти же нет. Смерть бессмысленна, и о ней не стоит думать. Это вопиющая расточительность, с которой нельзя мириться.

А кто же это говорил?

— *Эй*, — позвал он существо, которое было уже не существом, а частью его самого, — *это твоя идея. Это ты не можешь поверить в смерть.*

А это истина, в которую не верить нельзя. Смерть — это реальность, она присутствует постоянно, и под ее присмотром проходит короткое существование всего живого.

Смерть есть, и она близко — слишком близко, чтоб позволить себе роскошь отрицать ее. Она притаилась в ропоте толпы перед зданием, толпы, которая уже перестала шаркать ногами и, собравшись перед входом, спорила с шерифом. Толпы не было видно, но гулко разносился голос шерифа, призывающего всех разойтись и отправляться по домам.

— Все, что вы здесь можете получить, — кричал шериф, — это полное брюхо свинца!

Толпа кричала ему в ответ, снова шумел шериф, и так продолжалось довольно долго. А Блэйн стоял у решетки, и страх постепенно охватывал его, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, подобно приливу, поднимаясь по жилам.

Наконец шериф вошел в здание. И за ним трое — злые и испуганные, однако их страх был надежно спрятан за целеустремленным и угрюмым выражением лиц.

Пройдя через кабинет и коридор, шериф остановился у камеры. Ружье безвольно болталось у него в руке. Трое мужчин стояли рядом с ним.

Стараясь не показать свою растерянность, он посмотрел на Блэйна.

— Мне очень жаль, Блэйн, — сказал он, — но я не могу. Эти люди — мои друзья. Я с ними вырос. Я не могу в них стрелять.

— Конечно, не можешь, — ответил Блэйн, — трус, жалкий трус.

— А ну давай ключи! — рявкнул один из тройки. — Пора его выводить.

— Ключи на гвозде за дверью, — сказал шериф.

Он поглядел на Блэйна.

— Я ничего не могу поделаться, — сказал он.

— Можешь пойти и застрелиться, — посоветовал Блэйн. — Усиленно рекомендую.

Вернулся человек с ключом, и шериф отошел в сторону.

— У меня есть одно условие, — обратился Блэйн к отпирающему дверь. — Я выйду отсюда сам.

— Ха! — усмехнулся тот.

— Я сказал, что выйду сам. Я не дам себя тащить.

— Ты выйдешь так, как нам будет удобно, — прорычал человек.

— Это же мелочь, — вмешался шериф. — Какая вам разница?

Мужчина распахнул дверь камеры:

— Ну ладно, выходи.

Блэйн вышел в коридор. Двое мужчин встали по бокам, один сзади. Никто к нему не прикоснулся. Тот, у кого были ключи, швырнул их на пол. Звук их падения наполнил коридор неприятным звоном.

«Вот оно, — подумал Блэйн. — Невероятно, но это все происходит со мной».

— Пошел вперед, парасих проклятый! — идущий сзади пихнул его в спину.

— Ты хотел идти сам, — сказал другой. — Покажи, как ты умеешь ходить.

Блэйн пошел твердо и уверенно, сосредоточиваясь на каждом шаге, чтобы не споткнуться. Он не должен споткнуться, он не должен допустить ничего, что бы могло его унижить.

Еще жива надежда, сказал он себе. Еще есть шанс, что прибыл кто-нибудь из «Фишхука» и ждет, чтоб похитить его. Или Гарриет нашла помощь и возвращается, или уже вернулась. Хотя маловероятно, подумал он. Прошло не так много времени, и она не знает, насколько опасно положение.

Блэйн твердо прошагал через кабинет шерифа и спустился к выходу, неотступно сопровождаемый тремя горожанами.

Кто-то с насмешливой вежливостью распахнул перед ним дверь на улицу.

Охваченный ужасом, Блэйн на секунду замешкался. Как только он выйдет за дверь и окажется перед ожидающей толпой, надежд уже не останется.

— Вперед, грязный ублюдок! — рявкнул идущий сзади. — Там тебя ждут.

Упершись рукой Блэйну между лопаток, он толкнул его. Чуть не упав, Блэйн перескочил через несколько ступенек, затем выровнялся и снова пошел спокойным шагом.

И вот он уже переходит порог, и вот он перед толпой!

Животный крик вырвался из толпы — крик, в котором смешались ненависть и ужас, крик, подобный вою стаи волков, взявших кровавый след, похожий на рев тигра, уставшего поджидать добычу, было в этом звуке и что-то от стога загнанного в угол, затравленного охотниками зверя.

А ведь они, со странной беспристрастностью подумал Блэйн, и есть загнанные звери — люди, убегающие от погони. В них и ужас, и ненависть, и зависть непосвященных, в них обида оставшихся за бортом, в них нетерпимость и ограниченность отказывающихся понять — арьергард старого порядка, удерживающий узкий проход от наступающих из будущего.

Сзади кто-то толкнул его, и он полетел вниз по скользким каменным ступенькам. Поскользнувшись, он упал и покатился, и толпа набросилась на него. Множество рук схватило его, раздирая пальцами мышцы, множество ртов дышало ему в лицо, обдавая горячим зловонным дыханием.

Затем те же руки поставили его на ноги и стали пихать в разные стороны. Кто-то ударил в живот, еще кто-то — по лицу. Сквозь рев толпы прорезался вопль: «А ну-ка, парапсих вонючий, телепортируй себя! Всего-то навсего! Телепортируй себя!»

И это была самая уместная шутка, потому что никто не умел себя телепортировать. Были левитаторы, которые могли летать подобно птицам; другие, как Блэйн, могли телепортировать небольшие предметы; третьи, и Блэйн тоже, умели телепортировать свой разум за тысячи световых лет, но только с помощью хитроумных машин. А настоящая самотелепортация, мгновенный перенос тела из одного места в другое, встречалась исключительно редко.

Толпа, подхватив шутку, скандировала: «Телепортируй, телепортируй, телепортируй себя, грязный, вонючий парапсих!» Толпа смеялась, радуясь собственному остроумию, самодовольно веселилась, осыпая свою жертву градом насмешек. И ни на минуту не переставала перемежать шутки с пинками и ударами.

Теплая струйка бежала у Блэйна по подбородку, губа отекала и распухла, а во рту чувствовался солоноватый привкус. Болел живот, и саднили ребра, а десятки рук и ног продолжали наносить удар за ударом.

Снова чей-то раскатистый голос прорвался через шум: «А ну хватит! Отойдите от него!»

Толпа отхлынула, но не расступилась, и Блэйн, стоя в центре человеческого кольца, повсюду видел горящие в последних сла-

бых лучах заходящего солнца рысиные глаза, выступившую на губах пену, ненависть, поднимаясь со всех сторон, катилась на него, как запах потных тел.

Кольцо разорвалось, и в середину вышли двое мужчин — один маленький и суетливый, скорее всего счетовод или приказчик, другой — детина с физиономией, на которой будто черти горох молотили. На плече у здоровяка висела свернутая в кольцо веревка, а в руке он держал ее конец, искусно завязанный в аккуратную удавку.

Оба остановились перед Блэйном, и маленький повернулся лицом к толпе.

— Джентльмены, — произнес он голосом, которому позавидовал бы любой распорядитель похорон, — мы должны вести себя достойно и соблюдать приличия. Ничего против этого человека мы не имеем, мы протестуем против той мерзкой системы, которую он представляет.

— Всыпь им, приятель! — с энтузиазмом выкрикнул кто-то из задних рядов толпы.

Человек с голосом распорядителя похорон поднял вверх руку, призывая к тишине.

— То, что мы должны сделать, — елейным тоном продолжал он, — наш горький и печальный долг. Но это долг, поэтому исполним его в подобающей манере.

— Верно, — снова заорал энтузиаст, — пора кончать с этим! Вздернем проклятого ублюдка!

Здоровяк подошел к Блэйну вплотную и медленно, почти бережно надел на него петлю так, что она легла Блэйну на плечи. Затем осторожно затянул узел на шее.

Веревка была совсем новая и колючая и жгла, как раскаленное докрасна железо. Оцепенение, в котором находился Блэйн, прошло и схлынуло, оставив его стоять холодным, опустошенным и обнаженным на пороге вечности.

Пока все это происходило, он не переставал подсознательно цепляться за уверенность, что такое невозможно, что он так умереть не может: с другими такое могло случиться и случалось, но не с Шепардом Блэйном.

А сейчас его от смерти отделяли считанные минуты; орудие смерти уже на месте. Эти люди — люди, которых он не знает, которых он никогда не знал, хотят забрать у него жизнь.

Он попробовал поднять руки, чтобы сорвать с себя веревку, но не смог ими даже пошевелить. Он сглотнул — появилось чувство медленного и болезненного удушья.

А его еще не начали вешать!

Холод его опустошенного «я» становился все сильнее, его бил озноб всепоглощающего страха — страха, который охватил его и держал, не давая пошевелиться и замораживая тем временем за-

живо. Казалось, кровь перестала течь по жилам, тело исчезло, а в мозгу громоздятся друг на друга глыбы льда, и череп вот-вот не выдержит и лопнет.

Откуда-то из глубины сознания всплыла мысль о том, что он уже не человек, а просто испуганное животное. Окаменевшее, слишком гордое, чтобы ронять слезы, скованное ужасом, удерживающееся от крика только потому, что отказали язык и горло.

Но если он не мог крикнуть вслух, он закричал внутри себя. Этот крик рос и рос, тщетно пытаюсь найти выход. Еще мгновение, понял Блэйн, и, если выход не будет найден, этот страшный безмолвный крик разорвет его на части.

На какую-то долю секунды все померкло, растворилось, и Блэйн вдруг оказался один, и ему больше не было холодно.

Он стоял на посыпанной кирпичной крошкой старой аллее, ведущей к зданию суда, веревка все еще висела у него на шее, но на площади перед судом не было ни одного человека.

Кроме него, в городе вообще никого не было!

ГЛАВА 11

Сумерки немного рассеялись, стало светлей. Стояла невообразимая тишина.

Не было травы.

Не было деревьев.

Не было людей и даже намек на их присутствие.

Газон или то, что раньше было газоном, обнаженной полосой тянулся к асфальтовой улице. На газоне не было ни одной травинки, только земля и галька. Ни мертвой, ни сухой, вообще никакой травы. Как будто травы вообще никогда не было. Как будто даже понятия такого, как трава, никогда не существовало.

С веревкой, все еще свисавшей с шеи, Блэйн огляделся вокруг. И всюду была та же картина. В последних отблесках дня застыло здание суда. Вдоль тротуара на пустынной и спокойной улице стояли автомобили. Ряды магазинов слепо смотрели прозрачными витринами.

На углу за парикмахерской, одинокое и мертвое, торчало единственное дерево.

И ни одного человека. Ни птиц, ни щебета. Ни собак. Ни кошек. Ни даже жужжания насекомых. Может быть, подумал Блэйн, не осталось ни единой бактерии или микроба.

Осторожно, как будто боясь разрушить заклинание, Блэйн поднес руку к горлу и ослабил узел. Стащив петлю с головы, Блэйн швырнул веревку на землю и стал осторожно массировать шею. Кожу еще покалывало — в ней застряли оторвавшиеся волокна.

Блэйн попробовал сделать шаг и обнаружил, что в состоянии ходить, хотя тело и саднило от побоев. Выйдя на середину улицы, Блэйн посмотрел вперед и назад. Нигде никого не было видно.

Солнце только-только село, еще не наступила темнота, а это значит, сказал он себе, что я вернулся немного назад во времени.

Блэйн замер посреди улицы, ошеломленный пришедшей мыслью. Как же он сразу не догадался? Ведь все ясно. Нет никаких сомнений в том, что именно он совершил. Хотя, видимо, подумал Блэйн, он сделал это не сознательным усилием, а скорее инстинктивно, как будто в минуту опасности сработал условный рефлекс.

Произошло нечто невероятное, чего он сам никогда не смог бы сделать, а минуту назад мог поклясться, что такое невозможно. Подобного никогда еще не совершал ни один человек, и ни один человек даже не помышлял об этом.

Он совершил путешествие во времени. Он ушел в прошлое на полчаса назад.

Несомненно, это было выше его человеческих возможностей, но не выше возможностей инопланетного существа. Как человек, он не мог обладать подобным инстинктом. Такая способность выходила за пределы даже паранормальных возможностей. Да, сомнений не было: ему удалось пройти сквозь это время только посредством или с помощью иного инопланетного разума.

Но этот разум, похоже, оставил его; с ним его больше не было. Блэйн искал его, попробовал позвать — никто не ответил.

Блэйн повернулся и пошел на север, стараясь держаться середины улицы, пересекающей этот город-призрак из прошлого.

Кладбище прошлого, подумал он. Все только мертвое: голые камни, кирпичи, безжизненные глина и доски.

А куда подевалась жизнь?

Почему прошлое должно быть мертвым?

И что стало с тем разумом, который он получил в обмен от существа на другой планете?

Он снова искал его, но не нашел, однако обнаружил его следы: крохотные грязные отпечатки ног, протянувшиеся через мозг; он нашел обрывки и мусор, оставшиеся за ним, — непонятные, хаотичные воспоминания, клочки бессвязных, ни на что не похожих знаний, плавающих подобно обломкам в пене прибоя.

Блэйн не нашел существо, но понял, куда оно делось, — ответ пришел сам собой. Разум существа не исчезал, не уходил. Напротив, он стал его частью. В горниле страха и ужаса, в химической реакции опасности родился тот психологический фактор, который спаял два разума воедино.

Деловая часть улицы перешла в кварталы ветхих жилых домов, и впереди уже виднелась окраина городка — того самого городка, который всего полчаса назад (или полчаса вперед?) так страстно хотел убить его.

Блэйн на минуту остановился, оглянулся и, увидев куполообразную крышу здания суда, вспомнил, что все его имущество осталось там, под замком в столе у шерифа. Некоторое время Блэйн размышлял, не вернуться ли ему. Остаться без цента, с совсем пустыми карманами было ужасно.

А потом, если вернуться, можно угнать машину. Если не будет ключей в замке зажигания, он сумеет замкнуть провода. Надо было раньше сообразить, упрекнул он себя. Машины там стояли, как будто ожидая, чтоб их угнали.

Блэйн двинулся в обратную сторону, но, сделав два шага, остановился и пошел назад.

Он не смел вернуться. Он бежал оттуда, и ни машины, ни деньги — ничто не могло заставить его вернуться в город.

Становилось все темнее. Он шел на север, решив пройти какое-то расстояние — не бегом, а быстрым, широким, свободным шагом, который незаметно съедает дорогу.

Блэйн миновал окраины и оказался среди полей, и здесь чувство одиночества и безжизненности стало еще сильнее. Среди мертвых тополей бежал ручей, неровными рядами выстроились кольца призрачных оград — но земля была абсолютно обнаженной, без единого листа или травинки. А в шуме ветра, проносившегося над пустырем, слышались рыдания.

Темнота сгустилась. Пятнистое лицо луны — зеркало с растрескавшимся и почерневшим зеркальным слоем — отбрасывало бледный свет на пустынную землю.

Он подошел к дощатому мостику, переброшенному через небольшой ручеек, и остановился, чтобы передохнуть и оглядеться. Ничто не двигалось, никто не шел за ним следом. Городок остался в нескольких милях позади, а на пригорке за ручьем стояла полуразвалившаяся заброшенная ферма — амбар, больше похожий на курятник, несколько покосившихся пристроек и сам дом.

Блэйн глубоко вздохнул, и даже воздух показался ему мертвым. У этого воздуха не было ни запаха, ни вкуса.

Блэйн вытянул руку, чтобы взяться за перила моста, и рука, дойдя до деревянного поручня, вошла в него и прошла насквозь, как будто там ничего не было. Не было перил. Не было самого моста.

Блэйн попробовал еще раз. «Ведь я мог ошибиться, — сказал он себе, — мог не довести руку до перил или вообразить, что рука прошла сквозь дерево. Лунный свет обманчив».

На этот раз он действовал крайне внимательно.

Его рука вновь прошла сквозь перила.

Он отступил несколько шагов от моста, который если и не был опасен, то все же требовал особой осторожности. Мост не был реальностью, это был или плод воображения, или галлюцинация; призрак, вставший поперек дороги. Если бы он ступил на него, подумал Блэйн, или решил пройти по нему, то упал бы в воду.

А мертвые деревья, колья заборов — тоже галлюцинация?

Вдруг он замер как вкопанный, пораженный неожиданно пришедшей мыслью: а что если все — галлюцинация? Какое-то время Блэйн стоял, не шевелясь и едва дыша, в страхе, что от малейшего движения может рассыпаться в прах этот хрупкий и нереальный мир, превратиться в бесконечное ничто.

Однако земля под ногами была или по крайней мере казалась вполне твердой. Блэйн топнул ногой, и земля не провалилась под ним. Он осторожно опустился на колени и, широко разведя руки, стал ощупывать землю, чтобы убедиться в ее прочности.

Какой идиотизм, рассердился сам на себя Блэйн, ведь он уже прошел по этой дороге, и она выдержала его шаги, он не провалился.

И все равно здесь ни в чем нельзя быть уверенным; похоже, в этом месте не существует никаких правил. Или существуют, но такие, до которых надо доходить самому, типа: «Дороги реальны, а мосты — нет».

Хотя нет, совсем не то. Все должно как-то объясняться. И объяснение должно быть связано с тем фактом, что в этом мире нет жизни.

Это был мир прошлого, мертвого прошлого; в нем существовали только трупы — и даже не сами трупы, а только их тени. И мертвые деревья, и колья оград, и мосты, и дома на пригорке — все это всего лишь тени. Тут не найти жизни; жизнь ушла вперед. Жизнь расположена в одной-единственной точке времени и движется по мере того, как идет время, вместе с ним. А значит, подумал Блэйн, человечество может распрощаться с мечтой попасть в прошлое и жить, думать, видеть, разговаривать вместе с теми, кто давно уже обратился в пыль. Не существует живого прошлого, а человечество прошлого может жить лишь в записях и памяти. Единственная реальность, в которой возможна жизнь, — это настоящее, и жизнь идет рядом с ним, не отставая, а там, где она уже прошла, все ее следы тщательно уничтожаются.

Вероятно, что-то — скажем, Земля — может существовать во всех точках времени сразу, практически вечно сохраняя свою материальность. И умершее — умершее и сделанное искусственно — остается в прошлом подобно призракам. Заборы с натянутой на них проволокой, сухие деревья, строения фермы и мост — все это лишь тени настоящего, удержавшиеся в прошлом. Удержавшиеся, скорей всего, не по своей воле: просто они не могут двигаться, поскольку лишены жизни. Это длинные, длинные тени, вытянутые сквозь время и прикованные ко времени.

Вдруг Блэйн осознал, что в этот момент на всем земном шаре единственное живое существо — это он. Он, и больше никого.

Блэйн встал с колен и отряхнул пыль с ладоней. Впереди в ярком лунном свете виднелся мост — обычный, нормальный мост. И в то же время он знал, что моста нет.

В западне, подумал Блэйн. Он в настоящей западне, если не узнает, как отсюда выбраться. А он не знает.

Даже если б к его услугам была память всего человечества, такого знания в этой памяти не нашлось бы.

Блэйн молча стоял на дороге и размышлял, человек ли он, сколько в нем осталось от человека. Но если он не только человек, если в нем есть еще разум инопланетного существа, у него остается надежда.

«Я ощущаю себя человеком, — сказал он себе, — однако что из этого следует? Даже если я полностью превратился бы в другое существо, все равно я ощущал бы себя самым собой. Человек, получеловек, совсем нечеловек — в любом случае я — это я. И вряд ли б я заметил разницу. Нельзя посмотреть на себя со стороны, оценить себя с какой-то долей объективности.

Я (кем бы я ни был) в минуту паники и ужаса знал, как ускользнуть в прошлое, и логично предположить, что мне известно, как возвращаться в настоящее, или туда, что было настоящим для меня, в ту точку времени, как бы она ни называлась, где существовала жизнь.

Однако следует признать холодный, жестокий факт: о том, как вернуться, у меня нет ни малейшего представления».

Блэйн огляделся: вокруг лежала залитая лунным светом стерильно-холодная земля. Он почувствовал, как где-то в глубине его зародилась дрожь. Он попытался унять ее, поняв, что это лишь прелюдия к необузданному ужасу, но дрожь не проходила.

Он мысленно напрягся, борясь со все нарастающей дрожью, и вдруг вспомнил, зацепил знание краешком разума.

В следующий момент он услышал шум ветра в тополиных кронах — но ведь только что тополей здесь не было. Куда-то исчезла дрожь. Он снова был самым собой.

Из травы и кустов доносилось стрекотание насекомых, огненными капельками мелькали в ночи светлячки. А сквозь ставни дома на холме пробивались тонкие, почти задушенные полоски света.

Блэйн свернул с дороги прямо в ручей, по колени в воде перебрел на тот берег и вошел в тополиную рощу. Он вернулся. Вернулся обратно, из прошлого в настоящее, и сделал это сам. На какую-то долю секунды он было ухватил способ такого перехода, но тот снова ускользнул от него, и теперь он опять не знал. Но это было уже неважно. Блэйн был снова в своем мире.

ГЛАВА 12

Когда он проснулся, было еще темно, и только первые трели птиц говорили о приближении утра. Он взобрался на холм и на огороде неподалеку от дома сорвал три початка кукурузы, взял из кучи

несколько картофелин. Затем выкопал стебель мясник-травы и с радостью отметил, что на нем росло целых четыре бифштекса.

Вернувшись в тополиную рощу, Блэйн отыскал в карманах коробок спичек — единственное, что ему разрешил оставить шериф. В коробке было только три спички.

Угрюмо глядя на три спички, он вспомнил тот далекий день, когда, сдавая экзамен на юного следопыта, надо было разжечь костер одной спичкой. Забавно, сдаст ли он этот экзамен сейчас?

Он нашел сухой ствол и из сердцевины достал несколько горстей сухой, как порох, трухи. Затем наломал сухих мертвых веток и собрал несколько более толстых сучьев, внимательно следя, чтобы среди них не оказалось ни одного сырого — костер должен быть по возможности бездымным. Рекламирывать собственное присутствие явно не было никакого смысла.

По дороге наверху проехала первая машина. Где-то в отдалении мычала корова.

Огонь занялся со второй спички. С тоненьких прутиков, бережно подкладываемых Блэйном, пламя перешло на толстые ветки, и костер загорелся ясным, бездымным пламенем. Поджидая, пока появятся угли, Блэйн присел у огня.

Солнце еще не взошло, но проблески света на востоке становились ярче, а от земли веяло прохладой. Внизу, журча по камням и гальке, бежал ручей. Блэйн с удовольствием набрал полную грудь утреннего воздуха, наслаждаясь его вкусом. Он был еще жив, снова был не один на Земле, имел еду — но что дальше? У него не было денег — у него не было ничего, кроме единственной спички и одежды, что на нем. Да еще мозг, который его может выдать, который, по словам старой ведьмы, «как сверкающее зеркало». Для первого же встречного слухача или наводчика он будет легкой добычей.

Правда, можно днем прятаться, а идти ночью — ночью сравнительно безопасно, потому что все прячутся по домам. Еду можно брать в садах и огородах. Можно остаться в живых и каждую ночь проходить по несколько миль, но это слишком медленно.

Должен быть другой выход.

Он подбросил дров в огонь. Костер по-прежнему горел ярко и без дыма. Блэйн спустился к ручью и, улегшись на живот, напился прямо из поющего потока.

А может, не надо было бежать из «Фишхука»? Что бы его там ни ждало, теперешнее положение вряд ли лучше. Потому что теперь надо скрываться ото всех; доверять нельзя никому.

Лежа на животе, Блэйн глядел на устланное галькой дно. Взгляд его остановился на одной гальке рубинового цвета. Мысленно взяв этот камень, он видел, из чего тот состоит, как расположены его кристаллы, он знал, откуда этот камень появился и где он перебивал за долгие тысячелетия.

Затем он также мысленно отбросил его и взял другой камень, сверкающий кусочек кварца...

«Это что-то новенькое!

Такого я раньше никогда не делал!

Однако я сделал это так, словно всегда этим занимался, словно это привычное дело».

Блэйн заставил себя подняться и сесть на корточки у ручья. То, что он сделал, для человека было поразительным, однако он чувствовал себя не таким уж ошеломленным — кем бы он ни был, он был самим собой.

Он снова попробовал отыскать в себе разум Розового, но не нашел; несмотря на это, Блэйн знал, что он в нем. В нем, со всеми своими бессмысленными воспоминаниями, невозможными способностями, дурацкой логикой и поставленными с ног на голову ценностями.

В мозгу вдруг возникла странная картина: процессия пурпурных геометрических фигур, нетвердой походкой бредущих через пустыню цвета червонного золота; в ядовито-желтом небе висит кроваво-багровое солнце, и больше ничего... И в тот же ускользящий момент Блэйн вдруг понял, где находится это место, он знал его координаты в незнакомой ему космографической сети и представлял, как туда попасть. Потом все так же неожиданно прошло — исчезли и цифры, и информация.

Блэйн медленно встал на ноги и вернулся к костру. Углей уже было достаточно. Палочкой он выкопал в углях ямку, заложил туда картофелины и не очищенный от листьев початок кукурузы и вновь засыпал углями. Насадив мясо на раздвоенный конец ветки, зажарил бифштекс.

С теплом костра, приятно греющим руки и ноги, к Блэйну пришла расслабляющая, неуместная умиротворенность — умиротворенность человека, готового ограничиться самым малым. Вместе с умиротворенностью пришла еще более неуместная уверенность. У него было такое ощущение, будто он заглянул в будущее и убедился, что все будет хорошо. Но это не было ясновидением. Существовали предсказатели, обладающие даром ясновидения или чем-то похожим, но у него такой способности никогда не было. Он скорее ощущал благополучность будущего, не представляя ни каких-то конкретных деталей, ни как там все будет, ни того, чем все кончится. Только уверенность в том, что все будет хорошо, простое старомодное предчувствие — и не больше.

Бифштекс уже шипел, а из костра доносился аромат картофеля. Блэйн усмехнулся: хорошенькое меню на завтрак — бифштекс с печеным картофелем. Хотя и не так уж плохо. Пожалуй, все пока не так уж плохо.

Ему вспомнился Дальтон с сигарой в зубах, с прической ежи-ком, который, развалясь в кресле, проклинал мясник-траву как

очередное посягательство на бизнесменов со стороны злокозненного «Фишхука».

А кроме мясник-травы, подумал он, сколько еще? Интересно бы подсчитать все, что появилось благодаря «Фишхуку».

Прежде всего, с далеких звезд на Землю были привезены новые лекарства — совершенно другая фармакопея, способная облегчить страдания Человека и вылечить его от болезней.

Появились новые ткани, новые металлы, множество новых продуктов. Родились новые архитектурные стили и материалы; люди получили новый тип литературы, узнали новые запахи, постигли новые принципы искусства. И еще к людям пришло дименсино — развлечение, которое вытеснило обычное телевидение, радио и кино.

В дименсино зритель не просто видит и слышит — он участвует. Он становится частью изображаемой ситуации. Зритель отождествляет себя с одним из героев или сразу с несколькими персонажами и живет их чувствами, действиями. На время он перестает быть самим собой, а выбирает себе личность из действующих в дименсино-постановке лиц.

И все это — и продукты, и материалы, и дименсино — монополия «Фишхука».

И потому, подумал Блэйн, все и ненавидят «Фишхук» ненавистью непонимающих, ненавистью оставшихся за чертой, ненавидят за помощь, равной которой человечество еще не знало.

Бифштекс поджарился. Положив самодельный вертел из зеленой ветки на куст, Блэйн стал отрывать в углях картофель и кукурузу.

Сидя у костра, Блэйн принялся за еду.

Взошло солнце, замер ветерок, и казалось, весь мир затаил дыхание, стоя на пороге нового дня. На кроны тополей упали первые солнечные лучи, превратив листья в золотые монеты; затих ручей, уступая дневным звукам — мычанию стада на холме, рокоту машин на дороге, отдаленному гулу самолета высоко в небе.

На шоссе ниже моста остановился автофургон. Из кабины вышел водитель, поднял капот и наполовину скрылся под ним. Затем вылез, вернулся в кабину, поискал что-то и, найдя, что искал, снова вышел. До холма отчетливо донеслось звяканье инструментов о бампер.

Грузовик был настоящей древностью — с бензиновым двигателем и колесами, но с дополнительной реактивной тягой. Такую колымагу редко где теперь встретишь, разве что на свалке.

Частный владелец, решил Блэйн. Перебивается как может, стараясь выдержать конкуренцию крупных фирм по автоперевозкам за счет заниженных цен и до предела срезанных накладных расходов.

Краска на фургоне выцвела и местами облупилась, но поверх ее тянулись свеженамалеванные замысловатые кабалистические

знаки, которые, несомненно, должны были отвести прочь все зло мира.

По номеру Блэйн определил, что машина из Иллинойса.

Разложив инструменты, шофер снова полез под капот. На холм обрушился шум ударов молотка и ржавый скрип отворачиваемых болтов.

Блэйн закончил завтрак. У него осталось еще два бифштекса и две картофелины. Он перемешал уже начавшие остывать угли, наколот оба бифштекса на палочку и аккуратно обжарил.

Из-под капота по-прежнему доносились удары и скрип. Пару раз водитель выбирался, чтобы передохнуть, и опять принимался за работу.

Когда бифштексы как следует прожарились, Блэйн положил картофелины в карман и, держа бифштексы на палочке перед собой, как боевое знамя, стал спускаться к дороге.

Заслышав звук шагов, водитель вылез из-под капота и обернулся.

— Доброе утро, — как можно радушнее поздоровался Блэйн. — Завтракаю и вдруг вижу: кто-то подъехал.

Шофер глядел на него с откровенной подозрительностью.

— У меня осталась еда, — сказал Блэйн, — и я ее для вас приготовил. Хотя, может быть, вы уже поели.

— Нет, еще не успел, — оживившись, произнес водитель. — Собираюсь перекусить в городке там, внизу, но все еще было закрыто.

— Тогда прошу, — Блэйн протянул ему палочку с нанизанными бифштексами.

Водитель взял палочку, держа ее так, будто она может ужалить его в любую секунду. Порывшись в карманах, Блэйн извлек две картофелины.

— Была еще кукуруза, три початка, — сообщил он, — но я все съел.

— Ты что, это мне даешь?

— Конечно, — подтвердил Блэйн. — Впрочем, можешь швырнуть их мне в физиономию, если тебя это больше прельщает.

Водитель нерешительно улыбнулся.

— Пожалуй, я поел бы. До следующего городка еще миль тридцать, а на нем, — он ткнул пальцем в фургон, — неизвестно, когда я туда доберусь.

— Нет соли, — сказал Блэйн, — но и так неплохо.

— Спасибо. Я не знаю, чем...

— Садись и ешь, — прервал его Блэйн. — Что там с двигателем?

— Не знаю, кажется, карбюратор.

Блэйн снял пиджак, аккуратно положил его на бампер и закатал рукава.

Усевшись на камень на обочине, водитель принялся за еду. Блэйн взял гаечный ключ и полез на радиатор.

— А где ты взял бифштексы? — поинтересовался водитель.

— Да там, на холме. У фермера их целое поле.

— То есть ты их украл?

— А что делать, если нет ни работы, ни денег и надо пробираться в родные места?

— Куда это?

— Туда, в Южную Дакоту.

Водитель, набив полный рот едой, замолчал.

Блэйн заглянул под капот и увидел, что водитель уже ослабил все болты крепления карбюратора, кроме одного. Блэйн наложил на этот болт ключ и потянул. Болт протестующе заскрежетал.

— Черт побрал бы эту ржавчину, — выговорил водитель, не спуская глаз с Блэйна.

Справившись наконец с болтом, Блэйн снял карбюратор и сел рядом с жующим шофером.

— Скоро эта колымага вообще развалится, — заметил тот. — Впрочем, и с самого начала это был не подарочек, мучаюсь с ней всю дорогу. Сроки летят к чертям.

Блэйн подобрал ключ к болтам карбюратора и начал борьбу с проржавевшей резьбой.

— Пробовал вести машину по ночам, — сообщил водитель, — но после того раза — хватит. Такой риск не для меня.

— Что-нибудь привиделось?

— Если б не знаки на кузове, мне бы крышка. Правда, у меня есть ружье, но от него мало толку. Я не могу одновременно стрелять и крутить баранку.

— Даже если б и мог, вряд ли бы это помогло.

— Ну нет, приятель, — процедил водитель, — я бы им показал. У меня полный карман патронов с серебряной дробью.

— А не дорого?

— Еще как дорого. Но ничего не поделаешь.

— Наверное, — согласился Блэйн.

— И что ни год, то становится все хуже. Но там, на севере, появился наконец этот проповедник.

— Проповедников везде хватает.

— Точно, хватает. И все они только и могут разводить болтовню. А этот призывает заняться делом.

— Ну вот, — Блэйн отвернул последний болт, вскрыл карбюратор и заглянул внутрь. — Нашел. Видишь, в чем дело?

Водитель наклонился и посмотрел, куда показывал Блэйн.

— Будь я проклят, если это не так!

— Все, через пятнадцать минут будет готово. У тебя есть чем смазать резьбу?

Водитель встал, вытер руки о штаны:

— Пойду посмотрю.

Он направился к машине, но вдруг вернулся.

— Меня зовут Бак, — он протянул руку, — Бак Райли.

— Блэйн. Можешь называть меня Шеп.

Они обменялись рукопожатием.

Райли постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом решился:

— Ты, кажется, двигаешься в Дакоту?

Блэйн кивнул.

— Я скоро рехнусь, если и дальше все буду делать один.

— Я как-то могу помочь?

— Согласен вести ночью?

— Черт побери! — сказал Блэйн. — Конечно.

— Ты за рулем, а я буду держать ружье наготове.

— Тебе не мешало бы выспаться.

— В общем, вдвоем как-нибудь справимся. Лишь бы колеса крутились, не останавливаясь. Я и так потерял уже слишком много времени.

— А ты едешь в сторону Южной Дакоты?

Райли кивнул:

— Ну что, присоединяешься?

— Судовольствием. В любом случае лучше, чем идти пешком.

— Кстати, подзаработаешь. Немного...

— Забудь о деньгах. Главное, что ты меня подвезешь.

ГЛАВА 13

Они ехали с юго-запада на северо-восток, ведя машину и днем и ночью, но тем не менее половину времени стояли. Грузовик и вправду оказался чуть лучше ржавой консервной банки. Им приходилось воевать с громоздким двигателем, сражаться со старыми, лысыми шинами, ухаживать за рахитичным шасси, чтобы продвинуться еще на несколько миль.

Дороги были плохими, как и все дороги теперь. Эра гладких, твердых, чуть ли не с зеркальным покрытием шоссе давно кончилась. Пришло время нового транспорта: полуавтомобилей-полусамолетов; хорошие дороги не нужны машинам, которые вовсе не касаются земли.

Чуть живые шины со стоном прыгали по неровному, выщербленному асфальту. С новыми шинами было бы легче, подумал Блэйн, но даже если бы Райли мог позволить себе заплатить за них, он вряд ли бы их достал. Спрос на шины обычного типа упал почти до нуля, и увидеть их где-то в продаже было почти невозможно.

И еще одна постоянная проблема — бензин. Заправочных станций не было; последние заправочные станции закрылись лет пятьдесят назад. Транспорту, работающему на атомной энергии,

заправляться не надо. Поэтому в каждом городке и приходилось искать магазин сельскохозяйственных товаров или кооперативную фермерскую лавку, поскольку большинство сельскохозяйственных машин по-прежнему работало на бензине.

Они спали урывками, используя для сна каждый удобный момент; они ели на ходу, запивая бутерброды и пирожки кофе из старой жестяной фляги.

Так они пробирались древними дорогами, по которым современный транспорт ходил лишь по той причине, что в старину умели строить и знали, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

— В жизни б не взялся за такую работу, — сказал Райли, — но мне обещали хорошо заплатить. А деньги, сам понимаешь, не помешают.

— Ничего, все будет нормально, — успокоил его Блэйн. — Может, опоздаешь на день-другой, но доехать мы доедем.

Райли вытер лицо вылинявшим, когда-то красным платком.

— Тут не только грузовик угробишь, — сказал он. — Тут и сам рехнешься от страха.

Это верно, подумал Блэйн, Райли весь пропитан страхом, страх проник ему в кровь и плоть.

И притом он не производит впечатления человека, который просто с детства запуган зверинцем ужасов и кошмаров и продолжает и в зрелом возрасте с легкостью вызывать в своем воображении все эти древние ужасы. Нет, тут что-то более реальное, чем отзвуки детских ночных кошмаров.

Блэйну его попутчик казался причудливым экспонатом из средневекового паноптикума. Человек, который боится темноты и существ, по его представлению обитающих в ней! Человек, который верит, что его защитят намалеванные кабалистические знаки и дробовик, заряженный серебряной картечью! Блэйну приходилось слышать о подобных людях, но воочию до сих пор он их не видел. А если таковые и были среди его знакомых по «Фишхуку», то они искусно и тщательно скрывали свои взгляды.

Но как Блэйн поражался Райли, так и Райли не переставал удивляться Блэйну.

— Тебе не страшно? — допытывался он.

Блэйн качал головой.

— Ты что, не веришь в нечистую силу?

— Всегда считал это детскими сказками, — отвечал Блэйн.

Тогда Райли начинал убеждать его:

— Это не сказки, приятель, можешь мне поверить. Я встречал столько людей и слышал столько историй, что знаю наверняка. Когда я был еще мальчишкой, у нас в Индиане жил один старик. Однажды его нашли висящим на заборе, у него было перерезано горло, а вокруг тела были следы копыт, и стоял запах серы...

Если не поверишь в эту сказку, найдется другая, не менее жуткая, загадочная, окутанная мраком древности.

— Тебе хорошо, — сказал Блэйн Райли. — Ты их не боишься, и, может быть, они тебя не тронут. Собака кусает бегущего, но лижет руку тому, кто ее не боится.

— Тогда все просто, — заметил Блэйн. — Перестань бояться. Но давать такой совет человеку вроде Райли было бесполезно. Каждую ночь, когда Блэйн вел машину, Райли, дрожа от страха и судорожно сжимая ружье с серебряной картечью, вглядывался в темноту.

Все, что им встречалось по пути, — перебегающая дорогу лиса, сова, пролетевшая рядом, любая мелькнувшая у обочины тень, — все превращалось в ночные призраки, а вой койотов становился завыванием нечисти, вышедшей на поиски жертвы.

Но не все было только плодом больной фантазии Райли. Однажды им встретилась тень в форме человека, но уже не человек, — она вращалась и изгибалась в ленивом танце на высокой ветке над лесной порослью; они проехали обугленные развалины фермы, черный дымоход которой, как вытянутый обвиняющий палец, указывал в небо. Как-то раз, когда Райли возился с поржавевшими свечами, Блэйн отправился вверх по ручью, чтоб найти родник, и заметил вдали дымок небольшого костра. Они слишком поздно услышали его шаги, и Блэйн успел заметить их тени, взмывшие вверх по заросшему лесом откосу скалы.

На вытоптанной лужайке рядом с костром лежала опрокинутая сковорода, четыре наполовину поджаренные форели валялись на примятой траве рядом со стегаными ватными одеялами.

На случай дождя стоял грубо сложенный шалаш.

Блэйн опустился на колени рядом с костром и поправил сковороду. Затем положил на сковороду рыбу, предварительно очистив ее от приставших веточек и травинок.

Сначала он думал позвать беглецов, сказать, что не надо прятаться, потом понял, что это бесполезно, — доверия от них ждать уже поздно.

Потому что они — дичь. Загнанная дичь в тех самых Соединенных Штатах, где когда-то так ценили свободу, где в свое время столько говорилось о правах человека!

Он стоял на коленях, разрываясь от гнева и жалости, чувствуя, как начинает щипать в глазах. Он потер глаза кулаком, и мокрые костяшки оставили на лице грязные полосы.

Он постоял так еще немного, затем поднялся и пошел обратно, позабыв, что искал родник, который был наверняка уже совсем рядом.

Райли о тех, кого он встретил, Блэйн не стал говорить.

Они пересекали пустыни, пробирались через горы и наконец выехали на бескрайние просторы плоскогорья, где но-

сился только ветер, не встречая на пути своем ни деревца, ни холма.

Блэйн, расслабившись, отдыхал на сиденье рядом с Райли. Солнце разогревало сухой ветер, и к северу, над пересохшим руслом реки, песчаные духи кружили смерчи.

Крепко вцепившись в руль, ссутулившись, Райли вел фургон. На лице у него было написано напряжение, временами его щеку подергивал нервный тик.

Этот человек, подумал Блэйн, боится даже днем, даже при свете дня он не прекращает свою схватку с темнотой.

«А не связано ли это с грузом, который мы везем?» — предположил Блэйн. Ни разу за весь путь Райли не обмолвился о своем грузе, ни разу не проверил его. На задней двери фургона висел тяжелый амбарный замок, издающий угрюмое бряцанье каждый раз, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Раз или два Блэйн уже собирался спросить Райли, но что-то останавливало его. О том, что этой темы лучше не касаться, говорили ему не поступки или слова Райли, а какая-то его подчеркнутая небрежность.

«А потом, — решил Блэйн, — меня это не касается. Какое мне дело, что там, в фургоне. Для меня главное — сам грузовик, каждый поворот колеса которого приближает к цели».

— Если сегодня ночью мы поднажмем, к утру будем на реке, — сказал Райли.

— На Миссури?

Райли кивнул:

— Если не сломаемся. И если сможем держать скорость.

Но в эту ночь они повстречали ведьм.

ГЛАВА 14

Сперва они заметили что-то темное, мелькнувшее над дорогой в пучке света фар, потом увидели их, летящих в лунном свете. Собственно, они не летели, поскольку у них не было крыльев, а двигались по воздуху, как рыба плышет в воде, с грациозностью, свойственной только летающим существам.

В первый момент это можно было принять за мельтешение бабочек в луче света или бесшумный бросок на добычу ночного крылатого хищника, но только в первый момент, когда разум не мог преодолеть убеждения, что этого не может быть; но тут же не осталось никаких сомнений в том, что они увидели.

Они увидели летающих людей. Левитаторы, подумал один. Ведьмы, летящие на шабаш, решил другой.

Увидев, что Райли высунул ствол ружья в открытое окно, Блэйн ударил по тормозам.

Райли спустил курок, и звук выстрела в кабине прозвучал оглушительной грома.

Машину занесло, и она остановилась поперек дороги. Дернув Райли за плечо, Блэйн вывел его из равновесия, а другой рукой вырвал у него ружье.

Он взглянул на Райли: на лице у того был написан смертельный ужас. Его челюсть ходила беззвучно вверх-вниз, как у марионетки, в углах рта выступила пена. Глаза его бешено вращались, а лицо превратилось в уродливую маску от сведенных судорогой мышц. Скрюченные пальцы тянулись к ружью.

— Прекрати! — заорал Блэйн. — Это всего лишь левитаторы.

Слово ничего не значило для Райли. Страх грохотал у него в мозгу, заглушая разум и логику.

Уже обращаясь к Райли, Блэйн понял, что слышит голоса, беззвучный хор голосов, обращающихся к нему из ночи.

— *Друг, один из нас ранен (алая струйка по мускулисту плечу) — не сильно. А где ружье? (Ружье с печально обвислым стволом.) Все в порядке — ружье у нашего друга. Теперь займемся этим. (Загнанная в угол, рычащая собака; скунс с поднятым хвостом; готовая к броску, свернувшаяся в кольцо гремучая змея.)*

— *Стойте!* — закричал Блэйн. — *Подождите! Опасности больше нет. Он не будет стрелять.*

Нажав локтем на ручку замка, он распахнул дверь и, оттолкнув Райли, вывалился из кабины, держа в руках ружье. Блэйн переломил дробовик, и патроны выпали; отбросив ружье на дорогу, он облокотился на автомобиль.

Ночь вдруг стала абсолютно беззвучной, не считая стонов и воя Райли, доносящихся из кабины.

— Все, — сказал Блэйн, — больше нечего бояться.

Они нырнули с неба, как будто стояли там на невидимой платформе, и мягко приземлились на ноги.

Медленно и бесшумно они приблизились к нему и остановились, ничего не произнося.

— *По-идиотски ведете себя,* — сказал им Блэйн. — *В следующий раз кому-нибудь из вас отстреляют голову. (Безголовое тело, прогуливающееся небрежной походкой, клубы пены, вскипающей из обрубка шеи.)*

Блэйн заметил, что все они были молоды, не старше восемнадцати, а одеты в подобие купальных костюмов. Блэйн уловил исходящее от них чувство веселья и озорства.

Они подошли еще ближе. Блэйн попытался прочесть еще что-либо по их виду, но больше ничего не увидел.

— *Ты кто?* — спросил один из них.

— *Шепард Блэйн, из «Фишхука».*

— *Куда ты едешь?*

— *В сторону Южной Дакоты.*

— *На этом грузовике?*

— *И с этим человеком,* — добавил Блэйн. — *Не трогайте его.*

— *Он стрелял в нас. Он ранил Мари.*

— *Пустяки,* — сказала Мари, — *царапина.*

— *Он боится,* — сказал Блэйн. — *У него патроны с серебряной картечью.*

Блэйн почувствовал, что мысль о серебряной картечи их развеселила.

И ощутил необычность сложившейся ситуации: лунная ночь, заброшенная дорога, машина поперек шоссе, заунывный вой ветра над прерией и они двое, он и Райли, окруженные не индейцами из племени сиу, или команчей, или черноногих, а группой паранормальных подростков, вышедших ночью повеселиться.

И кто вправе осудить их, спросил он себя, или мешать им? Если эти небольшие акции протеста помогают им самоутвердиться в их полной унижений жизни, если этим путем они отстаивают какую-то долю своего человеческого достоинства, тогда их поступки — вполне нормальное человеческое поведение, за которое их нельзя винить.

Он всматривался в лица, которые мог разглядеть в расплывчатом свете луны и фар, и видел, что идет борьба между вспыльчивостью и нерешительностью. Из машины по-прежнему доносились стоны водителя, бьющегося в истерике.

— *«Фишхук»? (Башни зданий на холме, квадратные километры зданий, массивные, величественные, вдохновляющие...)*

— *Верно,* — подтвердил Блэйн.

От группы отделилась девушка, подошла к Блэйну и протянула ему ладонь.

— *Друг,* — сказала она, — *мы не ждали встретить здесь друга. Нам всем очень жаль, что мы причинили тебе неприятности.*

Блэйн взял ее руку и ощутил пожатие сильных, молодых пальцев.

— *На дорогах редко кого встретишь ночью,* — сказал один из ребят.

— *Мы просто веселились,* — сказал другой, — *в жизни так мало веселого.*

— *Мало,* — согласился Блэйн. — *Я сам знаю, как мало.*

— *Мы ряженые — ведь скоро канун Дня святых,* — добавил еще один.

— *Ряженые? День святых? А, ну тогда все понял. (Рука, стучащая в закрытые ставни, повешенная на дерево калитка, перевернутая вверх ногами табличка с заклинанием.)*

— *Им это полезно. Сами напрашиваются.*

— *Пусть так,* — сказал Блэйн. — *но ведь это опасно.*

— *Не очень. Они слишком боятся.*

— *Но этим положению не поможешь.*

— *Мистер, положению ничем не поможешь.*

— А «Фишук»? — спросила стоящая перед Блэйном девушка.

Блэйн внимательно посмотрел на нее и вдруг понял, как она красива: голубые глаза, золотистые волосы и фигура, которая в древние времена сделала бы ее победительницей всех конкурсов красоты, — идол, благополучно позабытый человечеством, увлекшимся парапсихологией.

— Не знаю, — сказал Блэйн. — Прости, но я не знаю.

— Что-то случилось? Тебе грозит опасность?

— Пока нет.

— Тебе нужна помощь?

— Ни к чему, — как можно беззаботнее произнес Блэйн.

— Мы можем полететь с тобой куда скажешь.

— Я не умею летать.

— И не надо. Мы сами. (Он в воздухе, поддерживаемый за руки двумя левитаторами.)

Блэйн передернул плечами:

— Нет уж, благодарю, лучше не надо.

Кто-то открыл дверцу машины, кто-то вышвырнул Райли на землю.

Рыдая, водитель пополз на четвереньках.

— Оставьте его! — закричал Блэйн.

Девушка обернулась. Мысли ее прозвучали резко и властно:

— Отойдите! Не трогайте его! Чтоб никто пальцем его не тронул!

— Но, Анита...

— Даже пальцем, — повторила она.

— Это же подонок. Стреляет серебряной картечью.

— Нет!

Они отошли.

— Нам пора, — сказала Анита Блэйну. — Думаешь, все будет нормально?

— С этим?

Она кивнула.

— Ничего, с ним я справлюсь, — успокоил ее Блэйн.

— Меня зовут Анита Эндрюс. Я живу в Гамильтоне, мой телефон — 276. Запиши в память.

— Записано, — Блэйн показал ей слова и цифры.

— Если понадобится помощь...

— Я позвоню...

— Обещаешь?

— Клянусь! (Крест на бьющемся сердце.)

Неожиданно прыгнув, Райли схватил ружье и теперь, пошатываясь, стоял и шарил в кармане в поисках патрона.

Блэйн бросился ему в ноги, ударив его плечом со всего размаха чуть выше колен; одной рукой он обхватил Райли за пояс, другой попытался поймать ствол ружья, но промахнулся.

Падая, он крикнул:

— *Быстрее! Быстрее все убирайтесь!*

Затрещала одежда; Блэйн почувствовал, как шершавый асфальт обдирает ему кожу, но Райли не выпустил, увлекая его за собой.

Когда скольжение по асфальту прекратилось, Блэйн снова попытался нащупать ружье. Ствол блеснул в темноте и опустился ему на ребра. Блэйн охнул; попробовал ухватиться за него, но Райли еще раз взмахнул ружьем, как дубинкой. В отчаянии Блэйн наугад нанес удар и почувствовал, как его кулак погрузился в живот водителя. Раздался возглас боли, и тяжелый ствол прошел в дюйме от лица Блэйна.

Его рука рванулась вперед, поймала ствол и дернула на себя, одновременно выкручивая.

Завладев ружьем, Блэйн откатился в сторону и вскочил.

Райли, как носорог, склонив голову, расставив руки, несся на него. На лице его жутко застыл ревуший оскал.

Блэйн едва успел отбросить ружье. Он попытался увернуться от приближающегося Райли, но Райли сумел ухватить его своей окорокообразной лапой за бедро. Не давая ему убрать руку, Блэйн резко повернулся. Райли попробовал затормозить, но было поздно. С оглушительным грохотом его тело по инерции врезалось в грузовик.

Райли обмяк и свалился. Блэйн, выжидая, смотрел на него: тот не двигался.

Из ночи не доносилось ни звука. Все исчезли, кроме них, вокруг никого не было. Только он, и Райли, и потрепанный фургон.

Блэйн отвернулся, поглядел на небо, но там тоже ничего не было, кроме луны, звезд и одинокого степного ветра. Он опять посмотрел на Райли и увидел, что тот жив. Райли уже сидел, держась за передний борт. Удар о кузов рассек ему лоб, и больше драться он явно не собирался. Он тяжело пыхтел, стараясь отдышаться, и в глазах у него стоял дикий блеск.

Блэйн сделал шаг в его сторону.

— Дурак проклятый, — сказал он. — Если бы ты еще раз выстрелил, нам бы конец. Они нас на куски бы разорвали.

Райли глядел на него вытаращенными глазами, силясь что-то сказать, но из его рта раздавалось только: «Ты-ты-ты».

Блэйн шагнул к нему и протянул руку, чтобы помочь встать, но Райли отпрянул от него, прижавшись изо всех сил к кузову, как бы пытаясь раствориться в металле.

— Ты один из них! — взвизгнул он. — Я давно понял...

— С ума сошел!

— Я тебя раскусил! Ты не хочешь, чтоб тебя видели. Не отходишь от машины. За едой и кофе всегда хожу я. Ты не ходишь. И насчет бензина договариваюсь я. А не ты.

— Машина твоя, а не моя, — ответил Блэйн. — И деньги у тебя. А у меня, ты знаешь, ни гроша.

— А как ты появился, — скулил Райли. — Вышел прямо из лесу. Ты, наверное, всю ночь там с ними провел. И ты не как все, ты ни во что не веришь.

— Потому что я не дурак, — сказал Блэйн. — Вот и все. Я не больший парасих, чем ты. Думаешь, если б я был колдуном, стал бы я трястись с тобою на этой жестянке?

Он подошел к Райли, схватил его и рывком поднял на ноги. И встряхнул так, что у него закачалась голова.

— Хватит! — заорал на него Блэйн. — Нам ничто не грозит. Поехали отсюда.

— Ружье! Ты выбросил ружье!

— К чертям ружье. Пошли в машину.

— Но ты с ними разговаривал! Я сам слышал!

— Ни слова не сказал.

— Ты не ртом разговаривал, — сказал Райли. — Не языком. Но я слышал. Не все. Только отрывки. Но ты разговаривал.

Прижимая его одной рукой к грузовику, Блэйн открыл дверцу.

— А ну заткнись и забирайся, — процедил Блэйн. — Подумаешь, ружье у него есть! Серебряная картечь! Он слышал, надо же!

Поздно, решил он. Объяснять бессмысленно. И показывать ему или пытаться помочь тоже бессмысленно. Скорей всего, если ему рассказать правду, он утратит последние остатки логики и совсем сойдет с ума.

Блэйн обошел фургон с другой стороны, сел, завел мотор и развернул машину вдоль дороги.

Целый час они ехали молча. Скрючившись в углу, Райли не спускал с Блэйна испытующих глаз.

— Извини, Блэйн, — наконец произнес он. — Наверное, я был не прав.

— Конечно, не прав. Если бы ты открыл стрельбу...

— Я не об этом, — перебил его Райли. — Если бы ты был одним из них, ты бы не остался. Они могли бы тебя домчать куда надо в сто раз быстрее.

Блэйн рассмеялся:

— Чтоб тебя совсем успокоить, завтра за кофе и продуктами пойду я. Конечно, если ты мне доверишь деньги.

ГЛАВА 15

Блэйн сидел на стуле в закусочной и ждал, пока ему завернут сэндвичи и нальют во флягу кофе. В зале, кроме него, было еще два посетителя, и на Блэйна они никакого внимания не обращали. Один только что закончил трапезу и теперь читал газету. Другой, склонившись над тарелкой, метал в рот густую массу, которая ра-

ныше была яичницей с жареным картофелем, а сейчас, от тщательного перемешивания, видом напоминала собачий корм.

Блэйн повернулся лицом к мощной стеклянной стене здания.

На улице было по-утреннему тихо, брел один-единственный пешеход, и мимо него время от времени проносились автомобили.

Наверное, было глупо, подумал Блэйн, вот так рисковать лишь для того, чтобы попытаться развеять сомнения Райли, успокоить его. Хотя ясно: что бы водитель ни говорил, подозрения у него остались.

Правда, осталось немного, скоро должна быть река, а в нескольких милях к северу — Пьер. Кстати, любопытно: за всю дорогу Райли ни разу не обмолвился, куда он едет. Впрочем, ничего странного: Райли явно боится и не касается тем, связанных с его грузом.

Блэйн отвернулся от окна, получил сверток с сэндвичами и кофе, отдал бармену пятидолларовую купюру, а сдачу положил в карман.

Выйдя, Блэйн направился к заправочной станции, где его ждал Райли со своим фургоном. Было слишком рано, и заправщики на станцию еще не пришли. Блэйн и Райли договорились перекусить, потом, когда станция откроется, заправиться и двинуться дальше. Возможно, рассчитывал Блэйн, это будет последний день их совместного пути.

Стоит им доехать до реки, и он пойдет сам, на север, в Пьер.

Утро было свежим, почти холодным, и воздух обжигал ему ноздри. Начался еще один хороший день — еще один миг октября, когда небо затянуто дымкой, а воздух пьянит, как вино.

Блэйн вышел к бензоколонке. Грузовика там не было.

А может, подумал Блэйн, он отъехал за угол. Но еще предполагая это, Блэйн уже знал, что не прав. Он понял, что его провели.

Для того чтобы избавиться от Блэйна, Райли пришлось пожертвовать пятью долларами и поискать другое место для заправки.

Блэйна это особенно не поразило, он понимал, что втайне был готов к этому. Так или иначе, с точки зрения Райли это было простейшее разрешение сомнений предыдущей ночи.

На всякий случай Блэйн обошел квартал.

Машины он не нашел. Приходилось рассчитывать на себя.

Еще немного, и городок начнет просыпаться. Надо успеть уйти до этого. Найти какое-нибудь место, где переждать день.

Минуту он стоял, ориентируясь.

Ближняя окраина лежит к востоку, решил он, так как мы въехали с юга и проделали милю-две по городу.

Блэйн тронулся в путь, стараясь двигаться как можно быстрее и в то же время не привлекать внимания. Проехало неско-

лько машин, кто-то вышел на порог за газетой, прошел человек — в руке корзинка с завтраком. На Блэйна никто не обращал внимания.

Дома стали реже, началась последняя улица города. Здесь плоскогорье кончалось, и рельеф пошел под уклон — поросшие лесом бугры и холмы, каждый чуть ниже, чем предыдущий. Впереди Миссури, понял Блэйн. Где-то впереди, за последним холмом, шумит могучая река с ее песчаными отмелями и ивняковыми островами.

Он пересек поле, перелез через ограду и спустился в крутой овраг, где между кустов бежал крохотный ручеек.

Опустившись на четвереньки, Блэйн заполз в кустарник. Он нашел идеальное укрытие. За пределами города, и ничего такого, что могло бы привлечь людей: рыбу ловить слишком мелко, а купаться слишком холодно. Здесь его не найдут.

Здесь никто не учует сверкающее зеркало у него в мозгу; никто не крикнет: «Парапсих!»

А ночью он двинется дальше.

Он съел три сандвича, запил кофе.

Взошло солнце. Просачиваясь сквозь кусты, его лучи разбивались на мозаику света и тени.

Из городка слабо доносились звуки — рычание грузовика, лай собак, голос женщины, скликающей детей.

«Как я уже далеко забрался после той ночи в «Фишхуке», — думал Блэйн, сидя под ивами и ковыряя веточкой в песке. — Далеко от виллы Шарлин, от Фредди Бейтса. А до сих пор у меня не было времени поразмыслить над этим. То, что было неясно тогда, неясно и сейчас: правильно ли я поступил, убежав из «Фишхука»; не лучше ли было, несмотря на слова Годфри Стоуна, остаться и испытать все, что ни уготовил бы ему «Фишхук»».

Мысли вернули его к залитой светом голубой комнате, откуда все началось. Он видел ее, как будто был в ней только вчера — лучше, чем если бы был вчера. Чужие звезды мерцали над этой комнатой без крыши, колеса легко катились по гладкому голубому полу, а вокруг стояли странные предметы, которые могли быть и мебелью, и произведениями искусства, и всем, чем угодно.

Все предстало перед ним как реальное — неправдоподобно реальное, без резких контрастов и без расплывчатости, со всеми без исключения деталями и подробностями.

— *Вот ты и вернулся!* — приветствовал его, приподнявшись, лениво распластавшийся Розовый.

Он действительно был там.

Без машины или тела, без каких-либо приспособлений, только силой разума Шепард Блэйн вернулся к Розовому, в его голубую комнату за пять тысяч световых лет от Земли.

Разум увидеть нельзя.

И все же Розовый видел его или чувствовал — во всяком случае, о присутствии разума Блэйна он знал.

А Блэйна это не удивляло и не пугало. Он чувствовал себя так, как будто вернулся домой, и голубая комната казалась ему более знакомой и близкой, чем в первое посещение.

— *Н-да,* — удовлетворенно хмыкнул Розовый, оглядывая его разум. — *Неплохая получилась парочка.*

Ну конечно, подумала та часть разума, которая еще оставалась Шепардом Блэйном, ведь я, или, по крайней мере, часть меня, или даже половина и в самом деле вернулась домой. Потому что на сколько-то процентов (возможно, мне никогда не узнать, на сколько) я и есть сидящее перед ним существо. Я одновременно и Шепард Блэйн, путешественник с Земли, и дубликат обитателя этой голубой комнаты.

— *Ну и как дела?* — любезно осведомилось существо. Как будто не знает само!

— *Есть одна просьба!* — торопливо сказал Блэйн, спеша объяснить все до того, как ему придется покинуть эту планету. — *Одна-единственная. Ты сделал нас как зеркало. Мы отражаем чужие мысли.*

— *А как же иначе?* — удивился Розовый. — *Разве можно по-другому? На чужой планете приходится экранироваться от чересчур любопытных разумов. Конечно, здесь, дома, нет нужды...*

— *Ты не понял,* — запротестовал Блэйн. — *Твой экран нас не защищает. Он только привлекает к нам внимание. Из-за него мы чуть не погибли.*

— *Этого не может быть,* — сердито оборвало его существо. — *Погибнуть невозможно. Нет такого понятия, как смерть. Смерть бессмысленна. Хотя, может, я и ошибаюсь. Кажется, очень давно была планета...*

Стало почти слышно, как существо перебирает пыльные архивные папки в заваленной знаниями памяти.

— *Да,* — подтвердило оно. — *Было несколько таких планет. Это позор. Для меня это непонятно. Непостижимо.*

— *На моей планете,* — сказал Блэйн, — *умирает все, поверь мне. Абсолютно все.*

— *Неужели все?*

— *Ну, точно не скажу. Возможно...*

— *Вот видишь. Даже у тебя на планете смерть не обязательна.*

— *Не знаю,* — сказал Блэйн, — *кажется, существуют и бессмертные вещи.*

— *То есть нормальные.*

— Смерть не бессмысленна, — настаивал Блэйн. — Смерть — процесс, благодаря которому на моей планете стали возможными развитие и дифференциация видов. Она не дает зайти в тупик. Это ластик, который стирает ошибки и открывает путь новым началам.

Розовый уселся поудобнее. Чувствовалось, как он устраивается, собираясь с мыслями, подтягиваясь, готовясь к долгому и плодотворному обсуждению и, может быть, спору.

— Может, ты и прав, — сказал он, — но такой путь слишком примитивен. Это кончится первоначальным хаосом. Есть лучшие решения. Существует даже этап, когда совершенствование, о котором ты говоришь, перестает быть нужным. Но прежде всего скажи, ты доволен?

— Доволен?

— Ты ведь стал более совершенен. Ты больше, чем обычный разум. Ты — это частично ты, частично я.

— Ты ведь тоже частично я.

Существо удовлетворенно хмыкнуло:

— Видишь ли, тебя сейчас двое — ты и я; а я — даже трудно сказать сколько всего одновременно. Я так много путешествовал и нахватался всякого — и разумов в том числе. Кстати, многие из них, откровенно говоря, можно было и не брать. Но, знаешь, хотя я сам странствую очень много, у меня в гостях почти никто не был. Ты не представляешь, как я признателен тебе за твой визит. Когда-то у меня был знакомый, который частенько меня навещал, но это было так давно, что и не вспомнишь. Кстати, ведь у вас измеряют время, то есть поверхностное время?

Блэйн объяснил, как люди измеряют время.

— М-м, сейчас прикинем, — существо начало быстро подсчитывать что-то в уме. — По вашему счету выходит приблизительно десять тысяч лет назад.

— Когда у тебя был твой приятель?

— Да, — подтвердил Розовый. — С тех пор ты мой первый гость. И ты сам пришел ко мне. Не дожидаясь, пока к тебе приду я. Ты был в машине...

— А почему, — поинтересовался Блэйн, — ты спросил меня про наш счет времени? Ведь у тебя есть мой разум. Ты знаешь все, что знаю я.

— Естественно, — пробормотал Розовый. — Все твои знания во мне. Но я еще не разобрался в них. Ты не представляешь, что у меня там творится!

Еще бы, подумал Блэйн. Тут с одним-то лишним разумом не знаешь, как разобраться. Интересно...

— Ничего, — успокоил его Розовый. — Со временем все образуется. Потерпи немного, и вы станете единым разумом. Вы поладите, как ты считаешь?

— Но с отражателем ты и устроил нам...

— Я вовсе не хочу вам неприятностей. Я стараюсь как лучше. И делаю ошибки. И исправляю их. Снимать экран?

— Снимай, — поспешил согласиться Блэйн.

— Я путешествую, — рассказывало существо, — не сходя с этого места. Здесь сидя, я бываю где захочу, и ты не поверишь, как мало встречается разумов, стоящих обмена.

— Ну, за десять тысяч лет ты их, думаю, набрал немало.

— За десять тысяч лет? — озадаченно спросило существо. — Мой друг, десять тысяч лет — это только вчера.

Существо покопалось в памяти, но, опускаясь в глубины воспоминаний все ниже и ниже, так и не дошло до начала.

— Иди сюда, — пригласил Розовый, — садись рядом со мной.

— Вряд ли в таком виде, — объяснил Блэйн, — я могу сидеть.

— Конечно, как я не сообразил. Тогда придвинься поближе. Ты ведь пришел ко мне в гости?

— Само собой, — пробормотал Блэйн, не понимая, о чем идет речь.

— Тогда, — произнесло существо, — давай поболтаем о путешествиях!

— Давай, — Блэйн пододвинулся к нему.

Они сидели в голубой комнате, залитой светом неизвестных звезд, и под отдаленный рокот бушующей пустыни Розовый рассказывал. Не только о цивилизации машин. О племени насекомых, которые тысячелетиями накапливали неисчерпаемые запасы пищи, им не нужной, и стали рабами собственной слепой жадности. О расе, сделавшей искусство объектом религиозного поклонения. О станциях подслушивания, обслуживаемых гарнизонами одной галактической империи, о которой давно забыли все, кроме самих гарнизонов. О фантастически сложных сексуальных традициях одной расы, которая практически все усилия направляла на разрешение воспроизводства. О бесплодных, голых планетах, никогда не знавших жизни. И о других планетах, где, как в колбах и ретортах алхимика, шли такие химические реакции, какие разум не в состоянии не то что понять, но даже представить, и где, в результате этих химических реакций, зарождалась шаткая, эфемерная жизнь, чтобы через доли секунды опять уйти в небытие.

Об этом и о бесконечно многом еще.

Слушая, Блэйн в полной мере осознал, насколько фантастичен случайно повстречавшийся ему Розовый, который не может вспомнить начала и не представляет конца; существо со странствующим разумом, за миллионы лет посетившее миллионы звезд и планет на расстоянии миллионов световых лет в этой и соседней галактиках. Перед ним было существо, которое принесло бы человеческому племени неисчерпаемую пользу. То, что говори-

лось сейчас, стоило всех усилий, затраченных когда-либо человечеством. Человечество встретилось с расой, у которой, похоже, не было других эмоций, кроме дружелюбия; если у нее и существовали когда-то эмоции, то за бесконечные годы мысленных путешествий они износились в прах. Потому что, наблюдая, подглядывая в окна соседей по галактике, эта раса научилась терпимости и пониманию по отношению не только к себе подобным или человечеству, но и ко всем созданиям, пониманию жизни во всем разнообразии ее проявлений. Научилась принятию любой мотивации, любой этики, любой культуры, какой бы чужеродной она ни казалась.

Вдруг до Блэйна дошло, что все знания, о которых он думает, находятся в равной степени и в мозгу одного человеческого существа — некоего Шепарда Блэйна; если только тот сможет разобрать знания, систематизировать их и аккуратно сложить, ими можно будет пользоваться.

В беседе Блэйн потерял чувство времени, утратил ощущение того, кто он, где находится и зачем; он позабыл обо всем на свете, как мальчик, самозабвенно слушающий невероятные истории старого матроса, вернувшегося из дальних, неведомых стран.

Комната стала родной, Розовый уже был другом, а далекие звезды не казались чужими; завывания пустынного ветра звучали как с детства знакомая колыбельная.

Он не сразу понял, что рассказы о далеком и давнем уже прекратились, и он слушает только ветер.

Он потянулся, как после сна, и существо сказало:

— *Мы отлично провели время. Не помню, чтоб я когда-либо получал столько удовольствия.*

— *Подожди,* — попросил Блэйн, — *еще один вопрос...*

— *Насчет экрана не беспокойся. Я его убрал. Теперь тебя никто не выдаст.*

— *Я не о том. Я про время. Я — то есть мы каким-то образом управляем временем. Дважды это спасло мне жизнь...*

— *Знание у тебя. В твоём разуме. Надо только найти его.*

— *Но ведь время...*

— *Время,* — сказал Розовый. — *Что может быть проще времени!*

ГЛАВА 17

Блэйн долго лежал, наслаждаясь чувством тела, — у него опять было тело. Он ощущал прикосновение воздуха к коже, теплую влагу, выступившую на руках, лице и груди.

Он уже не был в голубой комнате, потому что там у него не было тела, и потом исчез шелест пустынного ветра. Вместо этого

он слышал равномерное хриплое всхлипывание. Густой, резкий запах антисептики наполнял ноздри, горло, легкие.

Медленно, готовый тут же закрыть глаза при первой необходимости, Блэйн поднял веки. И не увидел ничего, кроме безразличной белизны потолка.

Голова его лежала на подушке, под ним была простыня, а сам он был одет в накрахмаленную рубашку.

Он повернул голову и увидел рядом другую кровать, на которой лежала мумия.

«Что может быть проще времени», — сказало существо из другого мира. Оно собиралось рассказать ему о времени, но он не смог остаться еще, чтобы дослушать.

Мумия из соседней кровати была полностью замотана бинтами, и только на месте ноздрей и рта оставались отверстия. Мумия дышала, и каждый вздох сопровождался всхлипыванием.

Белые, как потолок, стены, кафельный пол, стерильность обстановки не оставляли сомнений относительно того, куда он попал.

Блэйн лежал в больничной палате рядом с хрипящей мумией.

Страх волной накатил на него, но Блэйн не шевелился, давая страху прекратиться и схлынуть. Потому что, даже испытывая страх, он чувствовал себя в безопасности. По какой-то причине — он не мог вспомнить, по какой, — Блэйн был уверен, что ему ничто не грозит.

Где же он был, подумал Блэйн, до голубой комнаты? Он мысленно вернулся в прошлое: овраг за городом, ручей, ивняк...

В коридоре слышались шаги, и в палату вошел человек в белом халате.

Он остановился в дверях и поглядел на Блэйна.

— Пришел в себя наконец, — сказал доктор. — Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил Блэйн. Он и в самом деле чувствовал себя отменно. Что же он здесь тогда делает? — А где меня подобрали?

— А раньше с тобой это случалось? — вместо ответа задал вопрос доктор.

— Что «это»?

— Потеря сознания. Кома.

— Что-то не припомню, — покачал головой Блэйн.

— Можно подумать, что ты стал жертвой заклинания.

— Колдовство, доктор? — засмеялся Блэйн.

— Ну, я в это не верю, — скривился кисло врач. — Хотя кто знает? Больные иногда думают так.

Он подошел к Блэйну и сел на край кровати.

— Меня зовут доктор Уитмор, — сказал он. — Ты здесь уже два дня. Мальчишки охотились на кроликов, залезли в кусты и там нашли тебя. Они решили, что ты мертв.

— А что со мной?

— Не знаю, — покачал головой Уитмор.

— У меня нет денег, доктор. Я не смогу заплатить.

— Это не самое главное, — успокоил его доктор. — Правда, я хотел спросить. При тебе не нашли никаких документов. Ты помнишь, как тебя зовут?

— Конечно. Шепард Блэйн.

— А где ты живешь?

— Нигде. Болтаюсь где придется.

— А как ты попал в этот город?

— Не помню.

Блэйн сел на кровати:

— Доктор, я зря занимаю койку.

— Лучше бы ты полежал еще. Надо сделать несколько анализов...

— Не хочу причинять вам беспокойство.

— Дело в том, — признался Уитмор, — что я никогда не сталкивался с подобным случаем. Я был бы признателен, если бы ты задержался. Мы не нашли никаких отклонений, когда тебя привезли. Чуть замедленный пульс. Несколько поверхностное дыхание. Температура на пару градусов ниже обычной. И все. Остальное в норме. Кроме того, что ты был без сознания. Пробудить тебя ничем не удалось.

— Вот кому не повезло, — Блэйн кивнул в сторону мумии.

— Дорожное происшествие.

— В наше время это редкость.

— Да и обстоятельства необычные, — пояснил доктор. — Он вел старый фургон. На полном ходу лопнула шина. И прямо на повороте над рекой.

Блэйн внимательно посмотрел на забинтованного шофера, но под повязкой узнать его было невозможно.

— Я могу перевести тебя в другую палату, — предложил доктор.

— Не стоит. Я долго тут не задержусь.

— Лучше полежи. А то снова отключишься. И на этот раз тебя не найдут.

— Ладно, я подумаю, — пообещал Блэйн.

Доктор поднялся, подошел к соседней койке и, наклонившись над больным, прислушался к его дыханию. Ватным тампоном вытер ему губы, пошептал что-то на ухо, затем выпрямился.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? — спросил он Блэйна. — Ты, наверное, проголодался.

Блэйн кивнул. Вспомнив о еде, он действительно почувствовал голод.

— Хотя я могу подождать, — сказал он.

— Я распоряжусь на кухне, тебя покормят.

Доктор повернулся и быстро вышел из комнаты. Блэйн лежал, вслушиваясь в его удаляющиеся шаги.

И он вдруг понял — он вспомнил, — почему так спокоен. Существо с далекой планеты сняло экран, освободило его от сверкающего зеркала в мозгу, теперь нечего бояться, ни к чему прятаться.

Рядом с ним мумия издавала стоны, хрипы и всхлипывания.

— Райли, — шепотом позвал Блэйн.

Дыхание не изменилось.

Блэйн сел на кровати, свесив ноги, потом встал. Стоять босиком на узорчатом кафеле было холодно. Ежась в жесткой больничной рубашке, он подошел к напоминающему белый кокон существу.

— Райли! Это ты? Райли, ты слышишь меня?

Мумия шевельнулась.

Она попыталась повернуть голову к нему, но не смогла. С трудом задвигались губы. Язык силился произнести что-то.

— Передай... — выговорил шофер, от усилия растягивая слово.

Напрягшись, он попробовал еще раз.

— Передай Финну...

Блэйн понял, что это не все, он хочет еще что-то добавить. Губы мучительно шевельнулись. В хлюпающем отверстии тяжело поворачивался язык. Беззвучно.

— Райли! — позвал Блэйн, но ответа не получил.

Блэйн стал пятиться назад, пока край кровати не уперся ему под колени. Тогда он сел.

Ну вот, подумал он, страх и догнал этого парня, страх, от которого Райли пытался убежать, прятаясь от которого он пересек полконтинента. Хотя, возможно, не тот, от которого он убегал, а другой страх и другая опасность.

Райли с шумом, судорожно вздохнул.

Вот лежит человек, думал Блэйн, которому надо что-то передать некоему Финну. Кто такой этот Финн, откуда? Как он связан с Райли?

Финн?

Он знал одного Финна.

Когда-то, очень давно, имя Финна было ему знакомо.

Блэйн напрягся, пытаясь вспомнить все, что ему известно о Финне.

Не исключено, что это не тот Финн.

Потому что он слышал о Ламберте Финне, который тоже был исследователем в «Фишхуке», и он тоже бесследно исчез, но задолго до исчезновения Годфри Стоуна, задолго до того дня, когда сам Блэйн пришел работать в «Фишхук».

Он превратился в призрак, чье имя произносят шепотом, в легенду, в жуткий персонаж жуткой истории, в одну из немногих фишхуковских сказок ужасов.

Потому что, говорилось в этой сказке, однажды Ламберт Финн вернулся со звезд визжащим от ужаса маньяком!

ГЛАВА 18

Уставившись в потолок, Блэйн лежал на кровати. За окошком шуршал ветерок; на стене напротив весело играли тени листьев одинокого дерева. Упрямое дерево, подумал Блэйн, уже кончается октябрь, а оно никак не хочет расставаться с листьями.

Из коридора доносились все те же приглушенные шаги, а в воздухе по-прежнему едко пахло антисептиком.

Надо выбираться отсюда, решил Блэйн, пора двигаться. Но куда? В Пьер, конечно, в Пьер к Гарриет, если Гарриет там. Сам по себе Пьер не больше чем тупик, и делать там нечего. Но пока его задача — добраться туда.

Ведь я все еще беглец, совершивший отчаянный, неподготовленный побег. Я бегу с того момента, как вернулся из последнего путешествия на звезды. И, что хуже всего, бегу бесцельно, лишь для того, чтобы укрыться, обрести безопасность.

Из-за отсутствия цели становилось не по себе. Как будто он пустышка. Перекати-поле, которое катится туда, куда подует ветер.

Он лежал, давая боли впитаться, впуская горечь и сомнение: а надо ли было бежать из «Фишхука», имело ли это смысл? Затем ему вспомнился Фредди Бейтс, его натянутая улыбка, и блески в глазах, и револьвер в его кармане. И сомнения рассеялись сами собой: он поступил правильно.

Райли всхлипнул, захрипел и затих.

Нет, сказал себе Блэйн, хоть доктор и просит, оставаться не следует. Все равно врач ничего не обнаружит, а Блэйн ничего ему не расскажет, так что для них обоих это будет только потеря времени.

Он встал с постели, пересек комнату и подошел к двери, ведущей, по всей видимости, в гардеробную.

Он открыл дверь — его одежда действительно была там. Правда, он не видел нижнего белья, но его рубашка и брюки висели на вешалке, а под ними стояли его туфли. Пиджак, свалившись с вешалки, лежал на полу.

Скинув больничную рубаху, он сунул ноги в штанины, натянул брюки и туго затянул их на поясе.

Он потянулся за рубашкой, как вдруг остановился, пораженный тишиной — мирным, тихим спокойствием осеннего полдня. Покой желтого листка, свежесть дымки на далеких холмах, винный аромат осени.

Но в этом спокойствии что-то было не так.

Исчезли стоны и всхлипывания с соседней койки.

Пригнувшись, как в ожидании удара, Блэйн прислушался, но ничего не услышал.

Он повернулся, сделал шаг в сторону кровати, но остановился. К Райли подходить уже поздно. Его забинтованное тело лежало неподвижно, а на губах застыла пузырем пена.

— Доктор! — закричал Блэйн. — Доктор!

Сознавая, что поступает глупо и нерационально, он бросился к двери.

У порога он остановился. Опершись о косяки, он высунул голову в коридор.

Доктор шел по коридору быстрыми шагами, но не бегом.

— Доктор, — прошептал Блэйн.

Подойдя к двери, тот впихнул Блэйна в комнату и направился к кровати Райли.

Доктор достал стетоскоп, прислонил к мумии, наклонившись, затем выпрямился.

— А ты куда собрался? — спросил он.

— Он умер, — сказал Блэйн. — У него остановилось дыхание. Прошло уже...

— Да, он мертв. Он был безнадежен. Даже с гобатианом не было никакой надежды.

— Гобатиан? Вам пришлось применять даже гобатиан? Вот почему его так забинтовали...

— В нем не осталось ни одной целой кости, — сказал доктор. — Будто кто-то бросил игрушку на пол и прыгнул на нее двумя ногами. У него...

Доктор замолчал и пристальным взглядом уставился на Блэйна.

— А что ты знаешь о гобатиане? — осведомился он.

— Так, слышал, — ответил Блэйн.

Еще бы мне об этом не слышать, подумал он.

— Это инопланетное лекарство, — сообщил доктор. — Им пользуется одна насекомовидная раса. Раса воинствующих насекомых. Оно творит чудеса. Оно может слепить обратно разодранное по частям тело. Сращивает кости и органы. Регенерирует ткани.

Он поглядел на забинтованный труп, потом опять на Блэйна:

— Читал где-нибудь?

— Да, в научно-популярном журнале, — солгал Блэйн.

В его памяти всплыло зеленое безумие планеты джунглей, где он наткнулся на лекарство, которым пользовались насекомые, хотя на самом деле они вовсе не были насекомыми, а лекарство было вовсе не лекарством.

Впрочем, сказал он себе, к чему играть в слова. Терминология всегда вызывала трудности, а со звездными путешествиями стала и вовсе невозможной. Берешь то, что хоть немного подходит по смыслу. И то хорошо.

— Тебя переведут в другую палату, — сказал доктор.

— Не стоит, — сказал Блэйн. — Я как раз собрался уходить.

— Нет, — ровным голосом возразил доктор. — Я не позволю. Не собираюсь брать что-то на свою совесть. Ты чем-то болен, и очень серьезно. А за тобой некому ухаживать — у тебя нет ни друзей, ни родственников.

— Ничего, обойдусь. Как обходился до сих пор.

— Мне кажется, — придвинулся к нему доктор, — ты чего-то не договариваешь.

Блэйн повернулся к нему спиной и молча направился к гардеробной. Надел рубашку, натянул туфли. Поднял с пола пиджак, прикрыл дверцу и только тогда обернулся к доктору:

— А теперь, если вы посторонитесь, я выйду.

По коридору кто-то шел. Наверное, доктор успел распорядиться, и это несут еду, подумал Блэйн. Может, мне следует сперва подкрепиться, мне это нужно.

Но он слышал шаги по крайней мере двух пар ног. А может, услышали, как он звал врача, и решили посмотреть, не нужна ли помощь?

— Было бы лучше, — сказал доктор, — если б ты передумал. Кроме того, что ты нуждаешься в лечении, есть еще некоторые формальности...

Дальше Блэйн его уже не слышал, потому что те, кто шагал по коридору, уже стояли в дверях, заглядывая в комнату.

— Как ты сюда попал, Шеп? Мы тебя повсюду ищем, — ледяным голосом произнесла Гарриет Квимби.

Одновременно, как удар бича, его стегнуло телепатическим шепотом: «Ну, быстро! Что говорить?»

— Просто забирай меня, и все. (Разъяренная женщина, волоочащая за собой заблудшего шалопаю.) Тогда меня выпустят. Меня нашли под ивняком...

(Пьяница, каким-то образом залезший в урну для мусора и не знающий, как ему оттуда выбраться. Цилиндр у него сполз на ухо, нос, пощелкивая, вспыхивает, как неоновая реклама, а в окосевшем взгляде — мягкое недоумение.)

— Нет, не то, — остановил ее Блэйн. — Просто лежал под ивой, отключившись от мира. Он считает, я болен...

— А не...

— Не то, что он думает...

— Опять с тобой старая беда, — с улыбкой, в которой было и беспокойство и облегчение, дружеским тоном произнес Годфри Стоун. — Перебрал, наверно. Забыл, что советовал тебе доктор...

— Ну о чем ты, — запротестовал Блэйн. — Каких-то пара глотков...

— Тетя Эдна с ума сходит, — сказала Гарриет. — Чего она только не воображала. Ты же знаешь, какие у нее нервы. Она уже решила, что никогда тебя больше не увидит.

— *Годфри, Годфри! О Господи, целых три года...*

— *Спокойно, Шеп. Сейчас не время. Сначала надо тебя вытащить.*

— Вы что, знаете этого человека? — спросил доктор Уитмор. — Он ваш родственник?

— Не родственник, а друг, — пояснил Стоун. — Его тетка Эдна...

— Ладно, пошли отсюда, — прервал его Блэйн.

Стоун вопросительно поглядел на доктора, тот кивнул головой:

— Только задержитесь у дежурной и возьмите выписку. Я им сейчас позвоню. Вам придется сообщить ваши имена.

— Конечно, — заверил его Стоун. — Мы вам так признательны.

— Не стоит благодарности.

У порога Блэйн остановился и повернулся к доктору.

— Извините, — сказал он. — Я скрыл правду. Мне было стыдно.

— У всех бывают моменты, когда нам стыдно. Ты не исключение.

— Прощайте, доктор.

— Всего хорошего. Впредь будь осторожнее.

И вот они уже шли рядом — втроем — по коридору.

— А кто лежал в соседней кровати? — спросил Стоун.

— Некий Райли.

— Райли!

— Водитель фургона.

— *Райли! Его-то мы и искали. На тебя мы натолкнулись совсем случайно.*

Стоун собрался вернуться в палату, но Блэйн его остановил:

— *Поздно, он мертв.*

— *А его фургон?*

— *Разбился. Упал с откоса.*

— *О Годфри,* — вырвалось с ужасом у Гарриет.

Стоун покачал головой, глядя на нее.

— *Не вышло,* — сказал он. — *Не вышло.*

— *Эй, в чем дело?*

— *Подожди, все узнаешь. Сначала давай выйдем отсюда.*

Стоун взял его под локоть и потащил рядом с собой.

— *Хотя бы скажите, при чем здесь Ламберт Финн?*

— Ламберт Финн, — вслух произнес Стоун, — сегодня самый опасный человек в мире.

ГЛАВА 19

— А может, нам отъехать подальше? — спросила Гарриет. — Если доктор что-нибудь заподозрит...

Но Стоун уже свернул с шоссе к мотелю.

— Почему он должен что-то заподозрить?

— Задумается. Он озадачен случаем с Шепом и наверняка начнет размышлять. А в нашей легенде полно слабых мест.

— Для импровизации все было разыграно не так уж плохо.

— Но мы и десяти миль не отъехали от города.

— Мне ночью надо будет вернуться. Хочу посмотреть, во что превратился фургон Райли.

Перед домиком с вывеской «Управляющий» он затормозил.

— Сам хочешь засунуть голову в петлю, — сказала Гарриет.

Человек, подметавший ступени, подошел к ним.

— Добро пожаловать в «Равнины»! — сердечно приветствовал он их. — Могу быть чем-нибудь вам полезен?

— У вас найдутся два смежных номера?

— У нас как раз освободились два смежных. Какая чудесная стоит погода!

— Да, отличная погода.

— Но со дня на день может похолодать. Все-таки поздняя осень. Помню, однажды снег выпал на...

— В этом году так не будет, — перебил его Стоун.

— Да, вряд ли. Кажется, вы сказали, что желаете два смежных?

— Если вы не возражаете.

— Езжайте прямо вперед. Номера десять и одиннадцать. А я сейчас возьму ключи и приду.

Приподняв машину на малой тяге, Стоун соскользнул в проезд. Около номеров стояли уютно припаркованные автомобили. Люди выгружали вещи из багажников. Некоторые отдыхали в креслах в маленьких внутренних двориках. В самом конце стоянки четверо чудаковатых стариков с громкими криками метали подкову¹.

Перед номером десять их машина плавно опустилась на землю.

Блэйн вышел, открыв дверцу Гарриет.

Как хорошо, подумал он. Он чувствовал себя так, как будто попал домой, встретив двух друзей — потерянных и вновь обретенных. Что бы теперь ни случилось, он со своими.

Мотель располагался на обрывистом берегу реки; на север и восток тянулись бескрайние равнины — голые, бурые холмы, поросшие лесом трещины оврагов; толпясь все плотнее, чтобы уместиться вдоль речной долины, леса выстраивались неровным гребнем у мутно-шоколадного потока, который, как бы не зная, куда направить свое течение, задумчиво извивался, оставляя следы своего непостоянства — лужи, болота, старицы, еще более прихотливой формы, чем русло самой реки.

---

¹ Метание подковы — народная игра, немного напоминающая городки.

Позвякивая связкой ключей, пришел управляющий. Он отпер и широко распахнул двери.

— Здесь все в полном порядке, — сообщил он. — Мы ничего не упускаем. На всех окнах — ставни, а замки самые лучшие из имеющихся. В шкафу вы найдете подборку кабалистических знаков и заклинаний. Раньше мы их вывешивали сами, но оказалось, что некоторые клиенты предпочитают их располагать по собственной системе.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — похвалил Стоун.

— Клиентам приятно чувствовать себя в тепле и заботе, — похвастался управляющий.

— Ну, все, теперь ты нам все рассказал, — остановил его Стоун.

— А в первом корпусе у нас ресторан...

— Обязательно там побываем, — заверила его Гарриет, — я умираю с голоду.

— Зарегистрироваться вы можете у дежурного по пути в ресторан.

— Непременно, — пообещала Гарриет.

Управляющий передал ей ключи и веселой подпрыгивающей походкой пошел обратно, с любезной оживленностью кланяясь гостям из других номеров.

— Зайдем, — предложил Стоун.

Пропустив Гарриет и Блэйна вперед, он вошел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Гарриет бросила ключи на туалетный столик, оглядела комнату.

— Рассказывай, — повернулась она к Блэйну. — Что было с тобой? Когда я возвратилась в тот пограничный городок, он весь кипел. Там произошло что-то жуткое, не знаю только что. Мне пришлось так быстро убраться оттуда, что некогда было расспрашивать.

— Мне удалось бежать, — сказал ей Блэйн.

Стоун протянул ему руку:

— Тебе это удалось лучше, чем мне. Ты от них оторвался сразу.

Рука Блэйна утонула в громадной ладони Стоуна.

— Я рад тебя видеть, — сказал Стоун.

— Если бы не твой звонок тогда, меня бы наверняка поймали. Я запомнил твои слова и не стал дожидаться.

Стоун выпустил его руку, и они стояли, глядя друг на друга. Блэйн видел, как изменился Стоун: он и раньше был крупным, сильным мужчиной, но теперь сила чувствовалась не только в его внешности — в нем ощущалась сила духа, целеустремленность. И еще жесткость, которой Блэйн раньше в нем не знал.

— Боюсь, что мое неожиданное появление еще доставит тебе хлопот, — сказал Блэйн. — Я удирал слишком медленно и не без приключений. Наверняка «Фишхук» уже напал на мой след.

Как бы отбрасывая опасения, Стоун махнул рукой, причем сделал это так небрежно, как будто «Фишхук» здесь ничего не значит, как будто «Фишхук» больше вообще нигде ничего не значит.

— А что с тобой произошло, Шеп? — спросил Стоун, усаживаясь в кресло.

— Я заразился.

— Я тоже, — кивнул Стоун.

Он минуту помолчал, как будто уходя мыслями во времена своего побега из «Фишхука».

— Когда я вышел из телефонной будки, меня уже ждали. Мне не осталось ничего другого, как пойти с ними. Меня отвезли... *(Огромный пансионат на берегу моря; над ним — до боли в глазах голубое небо, настолько голубое, что слепит глаза, и в то же время в эту голубизну можно глядеть и глядеть, утопая в бесконечности. Вокруг гигантского здания — домики пониже, поменьше главного корпуса, но тоже не маленькие. Зеленый ковер газона, настолько пышный, что тут же становится ясно: его постоянно поливают. За зеленью травы — ярко-белая полоса песчаного пляжа и зеленовато-синий океан, с пенными брызгами разбивающийся о рифы за пределами лагуны. А на пляже — калейдоскоп зонтиков...)*

— Как я узнал позже, это место расположено в Южной Калифорнии. Идеально изолированное место, потрясающий курорт среди глуши... *(Развешаемые океанским бризом флажки площадок для гольфа, ровные прямоугольники теннисных кортов, сад, где гости в безупречных вечерних туалетах, лениво переговариваясь, поджидают тележки с напитками и сандвичами.) Там такая рыбалка, что тебе и не снилось, в горах — охота, а купаться можно круглый год...*

— Ах, как там тяжело! — улыбнулась Гарриет.

— Нет, — возразил Стоун, — вовсе не тяжело. Первые шесть недель. Или даже шесть месяцев. Там есть все, что нужно мужчине. Отличная еда, выпивка и женщины. Любое желание тут же исполняется. Богат ты или беден — это не важно. Все бесплатно.

— Я представляю, — произнес Блэйн, — что там начинаешь вскоре ощущать...

— Ну конечно! Абсолютная бесцельность. Будто кто-то взял тебя, взрослого мужчину, превратил в маленького мальчика, которому остается только забавляться разными играми. Но все же «Фишхук» поступает с нами щедро и великодушно. Даже презирая, ненавидя «Фишхук», надо отдать им должное. Лично против нас они ничего не имеют. Ведь мы не совершили преступления,

не нарушили долга — по крайней мере, не все. Они не могут рисковать, оставляя нас работать; они не могут отпустить нас, поскольку, как ты понимаешь, репутация «Фишхука» должна быть безупречной. Нельзя допустить, чтобы их обвинили в том, что они пустили в мир человека, у которого в мозгу появилось какое-то инопланетное качество или который хоть на волос отклоняется от общепринятого человеческого стандарта. Так что они отправляют нас в отпуск — бессрочный отпуск — в заведение для миллионеров.

Это гениальное решение. Человек ненавидит этот вечный праздник и все же не может уехать, поскольку здравый смысл ему шепчет, что надо быть круглым дураком, чтобы бросить все это. Здесь безопасно и весело. Здесь не о чем тревожиться. Тебе ни в чем нет отказа. Трудно серьезно думать о побеге — какой может быть побег, если тебя никто не держит. Правда, стоит попробовать, и вдруг узнаешь, что все вокруг патрулируется, стоят сторожевые вышки. Потом выясняется, что контролируется каждая дорога, каждая тропа. Да и пытаться уйти пешком через пустыню равносильно самоубийству. Постепенно замечаешь, что за тобой постоянно ведется наблюдение; агенты «Фишхука», замаскированные под гостей, не спускают с тебя глаз, чтоб не упустить, когда ты решишься на побег или хотя бы только подумаешь об этом.

Но настоящие цепи, которые удерживают тебя, — роскошь и беззаботность. От такого трудно отказаться. И в «Фишхуке» это понимают. Поверь мне, Шеп, это самая крепкая тюрьма, когда-либо построенная человеком.

Но, как любая тюрьма, она ожесточает и закаляет. Узнав о шпионах и охране, становишься хитрым и изворотливым. Собственно, сами шпионы и охранники придают смысл твоему существованию. Ошибка «Фишхука» в том, что он перестарался: не нужно было вообще никакой системы безопасности. Предоставленный самому себе, любой мог бы совершать «побег» каждый месяц. И приплетаться назад, почувствовав, каково за пределами этого рая. Но когда ты узнаешь о патрулях, винтовках, собаках, ты принимаешь это как вызов и вступаешь в игру, где ставка — собственная жизнь...

— Наверняка, — заметил Блэйн, — побегов было немного. Даже попыток. Иначе бы «Фишхук» придумал что-нибудь новое.

— Ты прав, — хищно ухмыльнулся Стоун. — Побег мало кому удался. И мало кто пытался бежать.

— Только ты и Ламберт Финн.

— Ламберт, — сухо ответил Стоун, — все это время был мне примером. Его успех вдохновил меня. Он бежал за несколько лет до моего появления. Кроме того, задолго до Ламберта был еще один побег. Что стало с тем человеком, до сих пор никому не известно.

— Ну, хорошо, — спросил Блэйн, — а что будет с тем, кто убежал, кто скрывается от «Фишхука»? Что его ждет? Вот у меня в кар-

мане пара долларов, принадлежащих даже не мне, а Райли, у меня нет ни документов, ни специальности, ни работы. Что будет...

— Ты как будто жалеешь, что убежал.

— Бывают моменты, что и жалею. Если б начать сначала, то я бы не дал застать себя врасплох. Я бы перевел деньги в какую-нибудь соседнюю страну. Подготовил бы новые документы. Зазубрил бы пару учебников, чтобы работать кем-то вроде счетовода и ждать.

— Мы не можем ждать! — выкрикнул Стоун.

— Вспомни старые религиозные распри, — предложил Блэйн. — Войны между протестантами и католиками, между христианством и исламом. Где они теперь?

— Они прекратились благодаря «Фишхуку».

— Все всегда прекращается благодаря чему-то. Иначе не было бы надежды. Ситуации и события упорядочиваются, и вчерашние бури становятся чисто академическими вопросами для историков.

— Неужели ты будешь ждать? — спросил Стоун. — Ждать сотню лет?

— Ждать незачем, — сказала Гарриет, — все уже началось. А Шеп подключится.

— Я?

— Да, ты.

— Шеп, выслушай меня, — попросил Стоун.

— Я слушаю, — ответил Блэйн, и, чувствуя опасность, в нем колыхнулось что-то чужое, и дрожь прокатилась по телу.

— Я создал организацию — можно назвать ее подпольем. У меня есть группа паракинетиков, или штат, или комитет, который разрабатывает первоначальные планы и тактику некоторых экспериментов и исследований. С их помощью мы продемонстрируем, что паранормальные люди могут быть полезными человечеству и без «Фишхука».

— Пьер! — воскликнул Блэйн, глядя на Гарриет.

Она кивнула.

— Так вот что ты имела в виду с самого начала. А тогда, на вечеринке у Шарлин, ты мне говорила: «Старый приятель, старый друг...»

— Ты считаешь, что я поступила неверно?

— Да нет, почему же.

— Скажи, ты бы согласился, если б я тебе тогда все рассказала?

— Не знаю, Гарриет, честное слово, не знаю.

Стоун поднялся из кресла и сделал несколько шагов в сторону Блэйна. Вытянув руки, он положил их на плечи Блэйну. Его пальцы напряглись.

— Шеп, — твердо произнес он. — Шеп, это очень серьезно и важно. Нельзя, чтобы вся связь человека со звездами шла только

через «Фишхук». Человечество не может быть наполовину приковано к Земле, наполовину свободно.

В тусклом комнатном освещении его взгляд не казался жестким. Он казался вдохновенным, а в глазах поблескивали непролитые слезы.

Когда он снова заговорил, голос его уже звучал мягко.

— Есть звезды, — почти шепотом, будто разговаривая с самим собой, сказал он, — где люди должны побывать. Чтобы увидеть, каких высот способна достичь человеческая раса. Чтобы спасти свои души.

Гарриет с деловым видом взяла сумочку, перчатки.

— Вы как хотите, а я с голоду умирать не собираюсь. Идете со мной или нет?

— Я иду, — объявил Блэйн.

И вдруг вспомнил.

Она перехватила мысль и рассмеялась:

— За наш счет. За это пригласишь нас как-нибудь двоих.

— А зачем? — вмешался Стоун. — Он уже в штате и получает жалованье. У него есть работа. Не так ли, Шеп?

Блэйн промолчал.

— Шеп, ты ведь со мной? Ты мне нужен. Без тебя мне не справиться. Мне не хватало как раз тебя.

— Хорошо, я с тобой, — просто ответил Блэйн.

— Ну, раз с этим наконец разобрались, — сказала Гарриет, — пошли обедать.

— Вы идите, — сказал Стоун, — а я буду стоять на страже.

— Но, Годфри...

— Мне надо кое о чем поразмыслить. Есть пара вопросов.

— Пошли, — Гарриет повернулась к Блэйну. — Пусть сидит и думает.

Блэйн последовал за ней несколько озадаченный.

ГЛАВА 20

— Теперь рассказывай, — потребовала Гарриет. Они сделали заказ, и Гарриет, устроившись поудобнее за столом, приготовилась слушать. — Что произошло в том городке? Что было после того? Как ты попал в больницу?

— Об этом позже, — отказался Блэйн. — Еще будет время обо всем тебе рассказать. Прежде ответь, что с Годфри?

— Ты имеешь в виду, что он остался в номере подумать?

— Да. Но не только. Выражение его глаз. Эта навязчивая идея. Как он говорит, что спасение людей — побывать на звездах, словно старый отшельник, которому явилось знамение.

— Ты прав, — сказала Гарриет, — все именно так.

Блэйн ошеломленно уставился на нее.

— Это произошло во время того последнего путешествия, — продолжала Гарриет. — Он там тронулся. Что-то он там увидел, что потрясло его.

— Я знаю, — сказал Блэйн. — Иногда в путешествиях встречаешь такое...

— Жуткое?

— Да, конечно, жуткое. Но это не все. Скорее, непостижимое. Процессы, причинно-следственные связи, совершенно невероятные с позиций человеческой логики и этики. Явления, в которых не видно смысла, которые не укладываются в голове. Рассудок человека оказывается бессильным. И это страшно. Нет точки опоры, ориентира. Ты один, абсолютно один, и вокруг — ничего из знакомого тебе мира.

— У Годфри было другое. Нечто, что он понял и постиг. Это было совершенство.

— Совершенство?!

— Я знаю, фальшивое слово. Выспреннее. Надуманное. И все же единственно подходящее.

— Совершенство, — повторил Блэйн, как будто пробуя слово на вкус.

— На той планете не было ни злобы, ни алчности, ни извращенного честолюбия, которое кует злобу и алчность. Совершенная планета, планета для совершенного народа. Социальный рай.

— Не вижу...

— Задумайся на минуту. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть предмет, картину, скульптуру, пейзаж, настолько прекрасный и совершенный, что ты испытываешь физическую боль?

— Приходилось, раз или два.

— Разумеется. Но картина или скульптура — это предмет вне жизни человека, твоей жизни. Это всего лишь эмоциональное переживание. Практического значения оно не имеет. Ты можешь прожить прекрасно всю остальную жизнь, так и не увидев эту вещь снова, ты только изредка будешь вспоминать ее и, вспоминая, снова чувствовать боль. А теперь представь этику, культуру, образ жизни, который мог быть твоим. И это настолько прекрасно, что испытываешь боль, как от гениального полотна, только в тысячу раз сильнее. Вот что увидел Годфри. Вот почему он вернулся «тронутым». Он чувствует себя оборванным мальчишкой из трущоб, из-за ограды увидевшим сказочную страну — настоящую, живую сказку, до которой можно дотянуться, потрогать, но в которую он никогда не попадет.

Блэйн глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Вот оно что. Вот чего он хочет.

— А ты бы на его месте?

— Наверное. Если б я это увидел.

— А ты спроси Годфри. Он тебе расскажет. Или лучше не спрашивай. Пускай он сам.

— Тебе он рассказал?

— Да.

— На тебя это произвело впечатление?

— Я же здесь, — ответила она.

Официантка принесла заказ: огромные сочные бифштексы с картофелем и салатом. На середину стола она поставила кофейник.

— Выглядит аппетитно, — сказала Гарриет. — Всегда хочу есть. Помнишь, Шел, как ты впервые пригласил меня пообедать?

Блэйн улыбнулся:

— Конечно, помню. Ты тогда тоже была страшно голодна.

— И ты купил мне розу.

— Кажется.

— Ты такой милый, Шеп.

— Если я не ошибаюсь, ты журналистка. Как же...

— А я и занимаюсь одной историей.

— И эта история — «Фишхук».

— В какой-то мере, — пробормотала она, принимаясь за бифштекс.

Некоторое время они ели молча.

— Послушай, — прервал молчание Блэйн. — При чем здесь Финн? Годфри считает его очень опасным.

— А что ты знаешь о Финне?

— Немного. Из «Фишхука» он исчез до того, как я там появился. Но слухи остались. Когда он вернулся, он начал визжать. Что-то с ним случилось.

— Случилось, — подтвердила Гарриет. — И теперь он ходит повсюду со своими проповедями.

— Проповедями?

— Изгнатель дьявола, экзорсист, потрясающий Библией. Только без Библии. Доказывает, что звезды — зло, что человеку место на Земле. Здесь он в безопасности, а там его поджидает зло. И что ворота исчадью зла открыли парапсихи.

— И его проповеди слушают?

— Слушают, — подтвердила Гарриет. — Люди в восторге от них. Они в них купаются. Ведь для них-то звезды недосягаемы. Поэтому анафема звездам им по вкусу.

— В таком случае анафема и парапсихам. Ведь это они — призраки и оборотни...

— И гоблины. И колдуны. И злые духи. И все прочее.

— Он просто шарлатан.

Гарриет покачала головой:

— Он не шарлатан. Он так же искренен, как Годфри. Он верит в зло. Потому что он видел Зло.

— А Годфри видел Совершенство.

— Именно. Ни больше ни меньше. Финн убежден, что человеку в космосе делать нечего, равно как Стоун убежден, что спасение человечества — звезды.

— И оба борются против «Фишхука».

— Годфри хочет положить конец монополии, но сохранить основу. Финн идет дальше. «Фишхук» для него — не главное. Его цель — паракинетика, ее он собирается уничтожить.

— Финн считает Стоуна врагом?

— Он стоит у него на пути. А поделаться Финн ничего не может: Годфри старается не подставлять себя. Однако Финн знает его планы и считает его основной фигурой, способной объединить паракинетиков. Естественно, при первой возможности он попытается от него избавиться.

— Похоже, тебя это не слишком страшит?

— Годфри не боится. Для него Финн лишь еще одна проблема, еще одно препятствие.

Они вышли из ресторана и двинулись вниз по асфальтированной дорожке, тянущейся вдоль фасадов номеров.

В свете умирающего дня долина переливалась черными и пурпурными бликами, отражаясь в мрачной бронзе реки. Последние солнечные лучи освещали верх обрыва на противоположном берегу; серебристой молнией по синеве в небе все еще носился ястреб.

Они дошли до своего блока. Блэйн толкнул дверь, пропуская Гарриет вперед, затем вошел сам. Не успел он пересечь порог, как столкнулся с Гарриет.

Гарриет коротко вскрикнула, и он почувствовал, как она напряглась, прижавшись к нему.

Он поглядел через плечо. Вытянувшись, лицом вниз на полу лежал Годфри Стоун.

ГЛАВА 21

Уже наклоняясь над ним, Блэйн знал, что Стоун мертв. Он как будто сжался, стал меньше, утратив наполнявшую раньше большое тело жизнь. А теперь он превратился в обернутое мятыми тряпками тело, и в его неподвижности было что-то страшное.

Гарриет закрыла наружную дверь. И в клацанье задвижки Блэйну послышалось рыдание.

Наклонившись ниже, Блэйн заметил под головой Стоуна лужицу крови.

Нажав рычаг, Гарриет опустила жалюзи на окнах.

— Может, зажжем свет? — предложил Блэйн.

— Погоди, Шеп, сейчас.

Щелкнул выключатель, с потолка брызнул свет, и они увидели, что у Стоуна разmozжен череп. Щупать пульс не имело смысла, — после такого удара по голове выжить невозможно.

Покачиваясь на корточках, Блэйн пораженно думал, какой надо обладать свирепостью и, возможно, отчаянием, чтобы нанести подобный удар.

Он поглядел на Гарриет и покачал головой, удивляясь ее хладнокровию, затем вспомнил, что в репортерской практике насильственная смерть не такая уж редкость.

— Это Финн, — произнесла она тихим ровным голосом, настолько ровным, что почувствовалось, с каким трудом она сдерживается. — Не сам Финн, конечно. Кто-то из его подручных. Или доброволец. Один из его фанатиков-последователей. Многие готовы выполнить любое его приказание.

Она подошла и присела рядом с трупом напротив Блэйна. Рот ее был сжат в прямую, суровую линию. Лицо натянуто и жестко. И только маленький потек там, где сбежала единственная слеза.

— Что будем делать? — спросил Блэйн. — Наверное, надо вызвать полицию.

Она сделала предостерегающий жест.

— Только не полицию. Мы не должны оказаться замешанными. Финн и его банда только этого и ждут. Держу пари, в полицию уже сообщили.

— Думаешь, убийца?

— А почему нет? Звонок, неизвестный голос сообщает, что в «Равнинах», в номере 10, убит человек. Затем быстро вешается трубка.

— Чтобы подставить нас?

— Чтобы подставить того, кто был с Годфри. Они могут не знать, кто мы такие. А тот врач не мог...

— Не знаю. Наверное, мог.

— Слушай, Шеп, по тому, что произошло, я уверена: Финн в Бельмонте.

— В Бельмонте?

— Так называется городок, где мы тебя нашли.

— Буду знать.

— Что-то происходит, — сказала она. — Что-то важное. И не где-нибудь, а здесь. Здесь и Райли, и его грузовик, и...

— Что делать?

— Нельзя допустить, чтобы полиция обнаружила Годфри.

— Мы можем вытащить его через заднюю дверь и отнести в машину.

— Не исключено, что за нами следят. Тогда нам не выкрутятся.

Она в отчаянии всплеснула руками.

— Если у Финна теперь будут развязаны руки, он сможет добиться всего, что задумал. Мы не можем дать вывести себя из игры. Мы обязаны остановить его.

— Мы?

— Ты и я. Теперь тебе тянуть лямку Годфри. Тебе решать.

— Но я...

Ее глаза вдруг яростно вспыхнули:

— Ты был его другом. Он тебе все рассказал. Ты обещал быть с ним.

— Конечно, я обещал. Но я начинаю с нуля. Я ничего не знаю.

— Останови Финна, — сказала она. — Выясни, что он затеял, и помешай ему. Найди сковывающий маневр...

— Ох, это твое военное мышление. Сковывающие маневры и линии отступления. (*Пышная дама в генеральском мундире, огромных сапогах и с гроздьями медалей на высокой груди.*)

— Прекрати!

— Журналистка! Трезво мыслящая!

— Замолчи, Шеп, — сказала Гарриет. — Как я могу сейчас трезво мыслить? Я верила в Годфри Стоуна. Верила в его дело.

— Мне кажется, я тоже верю. Но все так необычно, так быстро...

— Может, нам лучше всего убежать, скрыться.

— Нет! Подожди. Если мы убежим, мы выбываем из игры, как если бы нас поймали.

— Но у нас нет выхода, Шеп.

— А вдруг есть, — задумчиво произнес он. — Здесь есть поблизости городок с названием Гамильтон?

— Есть, пару миль отсюда. Вниз по реке.

Блэйн вскочил на ноги и огляделся вокруг.

Телефон стоял на ночном столике между кроватями.

— Кому?

— Другу. Человеку, который нам может помочь. Говоришь, мили две отсюда?

— Если Гамильтон, то да. Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

Блэйн подошел к аппарату, снял трубку и вызвал коммутатор.

— Я могу заказать Гамильтон?

— Номер в Гамильтоне, пожалуйста.

— 276.

— Сейчас соединю.

Блэйн повернулся к Гарриет:

— На улице темнеет?

— Когда я закрывала ставни, уже темнело.

Он слышал в трубке гудки вызова.

— Темнота — это хорошо. Днем они бы не смогли.

— Не пойму, что ты задумал, — недоумевающе сказала Гарриет.

— Алло, — произнес голос в трубке.

— Попросите, пожалуйста, Аниту.

— Одну минутку, — ответил голос. — *Анита, тебя. Какой-то мужчина.*

Это невозможно, ошеломленно подумал Блэйн. Так просто не может быть. Наверное, ему показалось.

— Алло, — сказала Адита Эндрюс. — Кто это?

— *Блэйн. Шепард Блэйн. Я ехал с человеком, у которого было ружье с серебряными зарядами.*

— *Да, я помню тебя.*

Значит, все верно. Ему не показалось. Телепатия возможна по телефону!

— *Ты сказала, я могу обратиться за помощью.*

— *Да, я сказала это.*

— *Помощь мне нужна сейчас. (Тело на полу; полицейская машина с включенной сиреной и красной мигалкой; спидометр и часы на длинных ногах, несущиеся по беговой дорожке; вывеска «Равнины», цифры на двери номера.) Клянусь, Анита, я не пытаюсь скрыть преступление. Поверь мне. Сейчас я не могу все тебе объяснить. Так надо. Полиция не должна его здесь найти.*

— *Мы заберем его.*

— *Вы доверяете мне?*

— *Доверяем. В ту ночь ты помог нам.*

— *Тогда спешите.*

— *Сейчас. Я только соберу еще несколько человек.*

— *Спасибо, Анита.*

Но она уже повесила трубку.

Некоторое время он продолжал стоять, уставившись на зажатую в руке трубку, затем опустил ее на рычаги.

— Я уловила кое-что, — сказала Гарриет. — Невозможно.

— Конечно, нет, — подтвердил Блэйн. — Телепатическая связь по проводу. Попробуй Расскажи кому-нибудь!

Он поглядел на распростертое на полу тело.

— Так вот что он имел в виду, говоря о «возможностях, которые «Фишхуку» и не снились».

Гарриет промолчала.

— Хотел бы я знать, что они еще умеют, — пробормотал Блэйн.

— Она сказала, что придут за Годфри. Каким образом? Когда? В ее голосе звучали истерические нотки.

— Они прилетят, — пояснил Блэйн. — Это левитаторы. Ведьмы.

И он горько рассмеялся.

— Но ты...

— Откуда я их знаю? Они напали на нас как-то ночью. Просто дурачились. У Райли был дробовик...

— Райли!

— Тот, что лежал в моей палате в больнице. Он умер. Разбился в катастрофе.

— Но как ты оказался с Райли, Шеп?

— Я попросил его подвезти меня. А он боялся ехать по ночам в одиночку. Мы вместе латали его развалинуфургон...

Они пристально и озадаченно смотрели друг на друга.

— Постой. Что ты сказала в больнице? Что вы его...

— Искали. Его нанял Годфри, он задерживался, и...

— Но...

— Что такое, Шеп?

— Я разговаривал с ним за минуту до его смерти. Он пытался что-то передать, но не смог. Но передать это «что-то» он просил Финну. Тогда я впервые и услышал о Финне.

— Все пошло не так, как надо, — с отчаянием произнесла Гарриет. — Абсолютно все. Райли вез звездную машину. Годфри каким-то образом добыл ее, и надо было доставить машину в Пьер. И он нанял Райли...

— «Левая» звездная машина! — потрясенно воскликнул Блзйн. — А ты знаешь, что в каждой стране мира есть закон, запрещающий владение ими. Их разрешается иметь только «Фишхуку».

— Все это Годфри было известно. Но машина была ему необходима. Он пытался собрать ее, но безуспешно. У него не было чертежей.

— Еще бы, откуда им взяться!

— Что с тобой, Шеп?

— Не знаю. Наверное, все нормально. Просто растерян немного. Как я незаметно оказался втянутым...

— Ты в любой момент можешь бежать.

— Нет, Гарриет. Сколько можно бегать. Мне бежать некуда.

— Ты бы мог поступить на работу в какую-нибудь фирму. Тебя с удовольствием взяли бы и хорошо платили бы за информацию о «Фишхуке».

— Это не для меня. И потом, я же дал слово. Я обещал Годфри помощь. К тому же меня не устраивает, чтобы меня хватили и тащили вешать за то, что я «парапсих». Меня не устраивает многое из того, что я видел по пути и...

— Ты озлоблен, — сказала Гарриет. — И ты имеешь на это право.

— А ты?

— Я не озлоблена. Я просто напугана. До мозга костей.

— Ты, журналистка со стальными нервами, напугана...

Он повернулся к ней, и в памяти всплыла слепая старушка, торгующая розами. В тот вечер впервые маска упала с лица Гарриет Квимби. Сегодня маска упала во второй раз.

Ее лицо больше не скрывало, что и бесстрашная журналистка временами бывает просто испуганной женщиной.

— *Все будет хорошо*, — успокаивающе прошептал он. — *Все будет хорошо.*

Вдалеке послышался голос сирены, похожий на вой ветра в прериях. Гарриет резко отодвинулась от него.

— Они едут, Шеп!

— К задней двери, быстро, — приказал Блэйн. — Беги к реке. Спрячемся в оврагах.

Он подскочил к двери и взялся за засов. В это время в дверь легонько постучали несколько раз.

Блэйн откинул засов, распахнул дверь — и в потоке света, льющемся из комнаты, возникла Анита Эндрюс, а за ней стояли ее юные приятели.

— Как раз вовремя, — приветствовал их Блэйн.

— Где тело?

— Вот оно.

Они вбежали в комнату. Сирена приближалась.

— Он был нашим другом, — нетвердо сказала Гарриет. — Это так ужасно...

— Не беспокойтесь, мисс, — заверила ее Анита. — Мы похороним его как положено.

Сирена выла уже совсем близко, наполняя комнату ровным гулом.

— *Быстро*, — скомандовала Анита, — *летим низко, чтобы на фоне неба не было видно силуэтов.*

Она еще не договорила, а в комнате уже не было ни ее друзей, ни тела.

Анита посмотрела на Блэйна и, секунду поколебавшись, спросила:

— *Когда-нибудь расскажешь мне, что все это значило?*

— *Когда-нибудь расскажу*, — пообещал Блэйн. — *Спасибо тебе.*

— *Всегда рада помочь. Нам надо держаться вместе. Иначе нас, паракинетиков, сотрут с лица земли.*

Она мысленно обняла Блэйна, и он почувствовал прикосновение ее разума к его разуму и как будто увидел светлячков, мерцающих в сумерках, и ощутил аромат сирени, плавающий в мягком речном тумане.

Потом Анита улетела, и тут же в дверь номера забарабанили.

— *Сядь*, — велел Блэйн Гарриет, — *старайся держаться естественно. Спокойно. Беззаботно. Мы с тобой просто сидим и болтаем. Годфри был с нами, потом уехал в город. За ним кто-то зашел, и они поехали вдвоем. Кто это был, мы не знаем. Годфри обещал вернуться через час-два.*

— *Ясно*, — ответила Гарриет.

Она уселась в кресло, расслабленно сложила руки на коленях.

Блэйн пошел открывать блюстителям закона.

Бельмонт начал готовиться ко сну. В домах, мимо которых они проезжали, окна и двери были уже наглухо закрыты; они въехали в деловой район, и там тоже уже один за другим гасли огни в витринах.

Впереди в двух кварталах все еще ярко светились вывески на отеле, и реклама сообщала, что бар «Дикий Запад» открыт для посетителей.

— Вряд ли полицейские поверили в наше вранье, — заметила Гарриет.

— Может, и не поверили, — согласился Блэйн. — Но они ничего не могут поделать. Им не к чему прицепиться.

— В какой-то момент мне показалось, что нас арестуют.

— Мне тоже. Но ты так тонко издевалась над ними. Они, должно быть, чувствовали себя такими идиотами, что рады были поскорее убраться.

Он показал на мигающую рекламу бара:

— Может, начнем отсюда?

— А почему бы нет? Тем более, что выбирать тут не из чего.

В баре было совсем пусто. Облокотившись на стойку, бармен лениво оттирал несуществующее пятно.

Блэйн и Гарриет уселись напротив него.

— Что будете пить?

Они объяснили.

Он поставил бокалы, потянулся за бутылками.

— Не слишком оживленный вечерок, — начал разговор Блэйн.

— Скоро закрываем. Народ здесь ночью не разгуливает. В этом городе все, как стемнеет, прячутся.

— Скверный городишко?

— Не особенно. Это все комендантский час. Повсюду патрули, полицейские хватают, не разговаривая. Пропади они пропадом.

— А как же вы? — спросила Гарриет.

— О, со мной все в порядке, мисс. Меня тут знают. И понимают, что ко мне может зайти поздний клиент вроде вас. А потом надо еще прибрать, выключить свет. Мне разрешают чуть-чуть задержаться.

— Все равно не сладко, — посочувствовал Блэйн.

— Для нашего же собственного блага, мистер, — покачал головой бармен. — Люди ничего не соображают. Если б не комендантский час, они бы и ночью ходили, а ночью сами знаете, что может случиться.

— В городе немало народа, — начал наобум Блэйн. — Наверное, бывают всякие происшествия.

Бармен устроился поудобнее, готовясь к долгому разговору.

— А вы разве ничего не слышали? — доверительно зашептал он.

— Нет, ничего. Мы лишь два часа как приехали.

— Тогда... Хотите верьте, мистер, хотите нет, у нас в городе обнаружили звездную машину.

— Что?

— Звездную машину. Такая штукавина, в которой парапсихи летают на другие планеты.

— В первый раз слышу.

— Ничего удивительного. Ими разрешается пользоваться только в «Фишхуке».

— Выходит, машина, которую нашли, противозаконна?

— Противозаконней не бывает. Полицейские наткнулись на нее в старом гараже у дороги. На западной окраине. Вы, наверное, проезжали это место по дороге в город.

— Не заметил.

— Неважно, в любом случае ее там нашли. И знаете еще, кто приехал в наш городок? Ламберт Финн!

— Неужели тот самый Ламберт Финн?

— Собственной персоной! Он сейчас в гостинице. Собирает завтра большой митинг у того гаража. Говорят, полиция согласилась выставить звездную машину, чтобы он прочитал о ней проповедь на виду у всех. Советую завтра послушать его, мистер. Завтра он даст жару! Он покажет этим парапсихам! Под орех их разделает. После этого они и носу высунуть не посмеют.

— Вряд ли в таком городке много парапсихов.

— Ну, в самом городе немного, — неохотно согласился бармен. — Зато неподалеку отсюда есть город Гамильтон. Вот там сплошные парапсихи. Они сами его построили. Собрались отовсюду и построили. Есть какое-то слово для этого — только не помню. Так называли место, куда в свое время в Европе сгоняли евреев.

— Гетто.

Бармен расстроено хлопнул ладонью по стойке:

— Как я мог забыть? Ну, конечно, гетто. Только то гетто делали в худшей части города, а это — в самой дрянной дыре, что есть в штате. Земля у реки никуда не годится. Разве там построишь настоящий город! Но парапсихам там нравится. Ладно. Пока они никого не трогают, и их не тронут. Ведут себя тихо, и мы их не беспокоим. Они знают, что мы за ними приглядываем. И если где что, нам известно, в какой стороне искать.

Он взглянул на часы:

— Можете пропустить еще по стаканчику, время есть.

— Спасибо, нам хватит, — отозвался Блэйн. И положил на стойку две купюры. — Сдачи не надо.

— О, спасибо, мистер, большое спасибо.

Они поднялись и бармен вышел из-за стойки:

— Советую вам вернуться к себе как можно быстрее. Если полиция вас поймает, вам не поздоровится.

— Да, надо спешить, — кивнула Гарриет. — Спасибо за беседу.

— Всегда к вашим услугам.

Выйдя из бара, Блэйн открыл дверцу автомобиля Гарриет, потом обошел машину и сел с другой стороны.

— Ну что, в гараж у дороги? — спросил он.

— Зачем тебе это надо, Шеп? Попадем только в неприятность.

— Мы не можем допустить, чтобы Финн прочел у машины проповедь.

— Ты что, собираешься ее куда-нибудь оттащить?

— Пожалуй, нет. Она слишком тяжелая и громоздкая. Но выход должен быть. Мы обязаны помешать Финну. Хотя бы ради Годфри...

— Машину, наверно, охраняют.

— Вряд ли. Заперли на дюжину замков, но не охраняют. В этом городишке едва ли найдется храбрец, чтобы ночью стоять в карауле.

— Вы с Годфри как две капли воды, — сказала Гарриет. — Так и мечтаете остаться без головы.

— А ты чуть-чуть заглядывалась на Годфри, а?

— Чуть-чуть, — сказала Гарриет.

Блэйн завел мотор и выехал на улицу.

Из черного старого гаража у шоссе не доносилось ни звука. Похоже, ни в нем, ни поблизости не было ни души. Они дважды медленно проехали мимо, присматриваясь, но каждый раз видели одно и то же; обыкновенный большой гараж для дорожной техники — память о тех днях, когда автомобили катились по шоссе и приходилось следить за дорожным покрытием с помощью специальных машин.

Блэйн свернул с дороги, легко проскользнул в заросли кустарника, опустил машину на землю и погасил огни.

Тишина опустилась на них; было что-то тревожное в молчании темноты.

— Гарриет, — позвал Блэйн.

— Да, Шеп.

— Оставайся тут. Не выходи из машины. Я схожу один.

— Ты недолго? Все равно ты ничего не сделаешь.

— Я скоро вернусь. У тебя есть фонарик?

— Где-то был.

Она подняла дверцу отделения для перчаток, и в свете крохотной лампочки среди дорожных карт, бумаг, солнцезащитных очков и прочего хлама нашла фонарик.

Блэйн проверил его и, убедившись, что фонарь в исправности, погасил его и вышел из машины.

— Сиди тихо! — еще раз предупредил он.

— А ты будь поосторожнее, прошу тебя, — шепнула Гарриет.

Гараж был больше, чем казался с шоссе. Вокруг от малейшего дуновения ветра шелестела высокая сухая трава. Гараж был сделан из гофрированных металлических листов, которые лет шестьдесят назад, до того как с Альдебарана-VII завезли суперпласт, часто использовались для такого рода сооружений. Монотонность гладкой поверхности металла нарушали грязные пятна немых, затянутых паутиной окон. Почти во весь фасад растянулись огромные, открывающиеся вверх ворота.

На востоке темный силуэт спящего города виднелся на фоне неба, освещенного белесым светом восходящей луны.

Блэйн осторожно обошел здание, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. Но подъемные ворота были на замке. Снизу, правда, отошло несколько листов, но металл был слишком прочен, чтобы Блэйн мог отогнуть его вверх и пролезть снизу.

Есть только один способ, понял он.

Он зашел за ближний к дороге угол, прислушался. Кроме шелеста травы, он ничего не услышал. По шоссе никто не ехал и вряд ли поедет. Нигде не светилося ни единого огонька — казалось, что в мире вообще нет никого, кроме него и этого гаража.

Еще некоторое время Блэйн смотрел на шоссе, но ничего подозрительного не заметил.

Тогда он быстро подошел к ближайшему окну и, сняв свой рваный пиджак, обмотал его вокруг руки.

Затем резким ударом выбил стекло, выбрал из рамы осколки, сбросил их с подоконника.

Вернулся к углу, подождал. Ночь по-прежнему была тихой и безжизненной.

Блэйн осторожно влез в окно. Ощувив под ногами пол, он достал фонарик и осветил зал гаража.

У самых ворот, рядом с нашедшим наконец покой фургоном, сверкала полированной поверхностью звездная машина.

Стараясь ступать как можно мягче, Блэйн пересек зал и подошел к машине. Это была та самая машина, которую он досконально изучил в «Фишхуке». В ней есть какая-то загадочная красота, подумал Блэйн, глядя на ее поверхность и видя в ней отражение далеких миров, куда она помогает попасть человеку.

Блэйн почувствовал возрастающее уважение к Стоуну, представляя, чего стоило добыть звездную машину. Для этого потребовались и деньги, и надежные агенты, и безукоризненно отработанный план действия.

Интересно, какое участие принимала в этом Гарриет, подумал он. По крайней мере, когда она помогала ему скрыться от «Фишхука», она действовала решительно. У нее есть спокойствие, самообладание, она прекрасно знает все внутренние механизмы

«Фишхука». И мозг у нее работает с точностью лучших швейцарских часов.

Да, решил Блэйн, такая женщина могла организовать похищение машины.

Стоун возлагал на эту машину большие надежды, и теперь они развеяны. Стоун погиб, машина лежит в заброшенном гараже, и ею собирается воспользоваться человек, в котором столько ненависти, что он готов любыми средствами искоренить паранормальную кинетику. Ну что ж, подумал Блэйн, раз исчезла надежда, машина тоже должна исчезнуть. Это самое меньшее, что он обязан сделать для Стоуна. Он в долгу перед Стоуном хотя бы за ночное предупреждение.

Он знал, что это возможно, возможно, если он сумеет выудить необходимое знание из пенящегося океана чужого разума.

Он поискал и нашел нужную информацию, а заодно убедился, что все остальные знания аккуратно уложены и рассортированы в мысленных архивах, как будто там поработал старательный клерк.

Открытие потрясло Блэйна, потому что все это время он даже не догадывался, что в нем происходит. Типичный человеческий подход, подумал он, — бунт его человеческой сути против беспорядочного, обрывочного знания, выплеснутого в его разум существом с далекой планеты.

Он протянул руку, машинально ища опору, и оперся на угол звездной машины.

Итак, выход есть, он теперь знает, что можно сделать. Осталось выяснить как. Время, сказал тогда Розовый, — что может быть проще времени. Но Блэйн еще не научился так легко манипулировать временем.

Сомнений в том, что надо делать, не оставалось.

Идти в прошлое не имело смысла — машина уже была в прошлом. И оставила в нем длинный глубокий след.

Другое дело — будущее.

Если ее удастся перенести в будущее, то настоящий момент и все последующие моменты превратятся для машины в прошлое и от нее останется только призрак, над которым будут смеяться, которого будут пугаться, но который человек по имени Ламберт Финн не сможет использовать для разжигания истеричной толпы.

Более того, пришло на ум Блэйну, скорее всего, Финн сам перепугается до смерти.

Он мысленно обволок машину разумом, но ничего не получилось. Разум никак не мог вместить всю машину, сомкнуться вокруг нее. Блэйн передохнул и попробовал еще раз...

Незаметно для себя он оказался в огромном и напряженном пространстве. Опасность чувствовалась и в шуршании за разбитым окном, и в непривычном холоде воздуха, и в острых запахах — казалось, что земля, на которой он стоит, воздух, которым

он дышит, и тело, в котором он, Розовый, находится, абсолютно незнакомо ему. И это ощущение, при перемещении из известного, которое он не помнил, в неизвестное, местоположение которого он не знал, пугало. Но все будет нормально, все образуется, только ради этого он оставил темноту, и тепло, и безопасность, и когда он сделает, что задумал, то вернется обратно, к своим воспоминаниям, к постепенному накапливанию новых знаний; он, как скупец, будет подсчитывать каждую новую крупицу знания и аккуратно складывать все в ровные стопки.

Поднять это искусственное тело, несмотря на его необычность, оказалось нетрудно. Корни его не уходили слишком глубоко, а координаты оказались очень удобными. И он готов был все сделать. Но торопиться было нельзя, несмотря на отчаянное желание закончить все как можно скорее. И он набрался терпения и подождал, пока координаты не окажутся четко заданными, и тогда не спеша и точно подсчитав необходимую темпоральную нагрузку, и точно, на сколько требуется, крутнув предмет, отправил его туда, куда хотел.

А затем Розовый нырнул обратно, где его ждали темнота и тепло, а на его месте в туманной пустоте оказался Блэйн — отрезанный от своего мира, но вновь в своем человеческом обличье...

Вокруг не было ничего, только он сам и звездная машина. Он протянул руку и убедился, что машина по-прежнему реальна. И, насколько он видел, она была единственной реальной вещью там, где он очутился.

Потому что даже туман казался каким-то ненастоящим, он словно старался скрыть сам факт своего существования.

Блэйн замер, боясь пошевелиться, боясь, что при малейшем движении он может свалиться в какой-нибудь бесконечный черный колодец, из которого возврата не будет.

Вот оно, будущее, понял Блэйн. Место, не обладающее ни одной из черт того пространства-времени, которое он знал. Место, где еще ничего не произошло — полная пустота. Где нет ни света, ни темноты, одна лишь пустота. Где никогда ничего не было и не должно было быть до того, как здесь оказались он и машина — незваные гости, переступившие через время.

Он медленно сделал выдох и хотел вздохнуть, но не смог — дышать было нечем!

В глазах у него потемнело, а в висках застучало. Он инстинктивно попытался схватиться за что-либо — что-либо в мире, где ничего нет.

И тут снова вернулся Розовый — напуганный и растерянный пришелец в странном узоре цифр и символов. Даже в агонии Блэйн осознал, что его мозг затопило потоком неземной математики.

И вдруг снова стало чем дышать, а под ногами был твердый пол, и запахло плесенью заброшенного дорожного гаража.

Он снова был дома. И чужой разум тоже, поскольку он больше не ощущался. «Дома, в тепле и уюте — у меня в мозгу», — подумал Блэйн.

Блэйн выпрямился и мысленно ощупал себя. Все было в порядке. Он медленно открыл глаза, которые почему-то были закрыты. Было темно, и он вспомнил, что в руке у него все еще зажат фонарик. Хотя стало несколько светлее — в разбитое окно лилось сияние взошедшей луны.

Блэйн включил фонарь, и луч осветил стоящую машину, теперь странную и нереальную — не машину, а призрак машины, ушедшей в будущее, ее след.

Подняв свободную руку, он вытер со лба пот. Все. Он сделал, что хотел. Он нанес удар вместо Стоуна. Он помешал Финну.

Наглядного пособия для проповеди больше не было. Вместо него — с насмешкой высунуло язык самое колдовство, против которого так много лет воюет Финн.

Позади что-то шевельнулось, и Блэйн так резко повернулся, что от неожиданности выпустил фонарь, и тот с шумом покатился по полу.

— Шеп, — с глубокой сердечностью произнес голос из темноты. — Как ловко у тебя все получилось!

Блэйн замер, охваченный чувством безнадежности.

Он понял, что это конец. Он сделал все, что мог. Дистанция пройдена, финиш.

Он узнал проникновенный голос. Он не мог его забыть.

В темноте гаража стоял его давний приятель — Кирби Рэнд!

ГЛАВА 24

В темноте Рэнд казался черным пятном.

Он шагнул к фонарику, поднял его, включил и направил свет на звездную машину. Луч света насквозь пронзил машину, и в нем заплясали пылинки.

— Да, — повторил Рэнд, — чистая работа. Не знаю, как ты это сделал, и не знаю зачем, но сработано чисто.

Он погасил фонарик, и с минуту они молча стояли в темноте, видя лишь силуэты друг друга.

— Я, видимо, должен тебя поблагодарить от имени «Фишхука».

— Перестань, — оборвал его резко Блэйн. — Ты прекрасно знаешь, что я сделал это не для «Фишхука».

— Тем не менее в данном конкретном случае наши интересы совпали. Мы не можем терять машины. Они не должны попадать в чужие руки. Сам понимаешь.

— Отлично понимаю, — подтвердил Блэйн.

Рэнд вздохнул:

— Я ожидал скандала, а скандалы меньше всего нужны «Фишхуку». Особенно скандалы на периферии.

— Пока не произошло ничего такого, о чем «Фишхуку» стоило бы волноваться, — сообщил Блэйн.

— Рад слышать это. Ну а как ты, Шеп? Как живешь?

— Неплохо, Кирби.

— Очень приятно. Ты успокоил меня. А теперь, я думаю, нам пора уходить отсюда.

Он подошел к окну с выбитым стеклом и сделал шаг в сторону.

— Давай вперед, — сказал он Блэйну. — Я следом. И прошу тебя по-дружески, не пытайся убежать.

— Не бойся, — сухо ответил Блэйн и быстро вылез в окно.

Можно побежать, но, сказал он себе, это будет глупостью, поскольку у Рэнда, несомненно, есть пистолет и он сумеет им воспользоваться и в лунном свете. Потом, если начнется стрельба, Гарриет может броситься на помощь, а если возьмут и ее, то у него вообще не останется друзей. А так, размышлял он, Гарриет останется в зарослях, увидит, что случилось, и что-нибудь придумает. Теперь она — единственная надежда.

Выпрыгнул Рэнд и, приземлившись, тут же повернулся к нему. Может, даже слишком быстро, слишком по-охотничьи. Потом расслабился и ухмыльнулся.

— Потрясающий трюк, — сказал он. — Когда-нибудь расскажешь мне, как ты это делаешь. Надо же, утащить звездную машину!

Блэйн даже поперхнулся от удивления, но понадеялся, что при лунном свете Рэнду не удалось разглядеть выражение его лица.

Рэнд дружелюбно взял его за локоть.

— Машина вон там, у дороги.

Они вместе зашагали по шуршащей траве, и вокруг все выглядело уже по-другому, не казалось больше мрачным и угрожающим; лунный свет как бы превратил все в расписанное волшебными красками полотно. Справа от них лежал город — массив темных зданий, больше похожих на курганы, чем жилища, среди которых едва просматривались обнаженные деревья, похожие на поставленные вертикально разлохмаченные кисти. К западу и северу серебрились прерии, размах которых подчеркивали их монотонность и безликость.

А у самой дороги были заросли кустарника. Блэйн бросил в ту сторону быстрый взгляд, но ничего — ни блика на металле, ни линии корпуса — не увидел. Пройдя еще несколько шагов, он снова посмотрел туда. Ошибки быть не могло. Автомобиля в кустах не было. Гарриет уехала.

Молодец, подумал Блэйн. Разумное решение. Скорее всего, она уехала сразу, как появился Рэнд. Поняла, что правильнее будет скрыться и подумать, что делать, в спокойной обстановке.

— Вряд ли ты где-то остановился, — сказал Рэнд.

— Да, пока не успел.

— Неприятный городок, — пожаловался Рэнд. — Слишком серьезно относятся ко всякому колдовству-ведовству. Меня уже дважды останавливала полиция. Сделали мне предупреждение. Мол, чтобы я обязательно укрылся, это для моего же блага.

— Тут сейчас все бурлит. Приехал Ламберт Финн.

— А, Финн, — небрежно бросил Рэнд. — Наш старый друг.

— Но не мой. Я с ним не знаком.

— Милейший человек. Очаровательнейший.

— Очень мало о нем слышал. Только слухи.

Рэнд вздохнул.

— Знаешь, — предложил он, — давай-ка заночуй в фактории. Наш посредник найдет, где тебя положить. А может, он и бутылочку откопает. Что-то мне захотелось вмазать как следует.

— Я бы тоже не отказался, — поддержал его Блэйн.

Потому что бороться сейчас, равно как и бежать, было бессмысленно. Надо не спорить и ждать удобного случая. Они пытаются застать врасплох тебя, ты пытаешься застать врасплох их. И при этом и ты и они знают, что эта с виду беспечная игра пахнет смертью.

Рэнд сел за руль, Блэйн влез в машину следом...

Рэнд завел мотор, но фары не включил. Вырулив на дорогу, Рэнд тронулся в сторону города.

— Полиция ничего особенного сделать не может, разве что засадить на ночь в кутузку, — объяснил он, — но зачем с ними связываться, когда можно обойтись без этого?

— Совершенно незачем, — согласился Блэйн.

Через центр Рэнд не поехал, а обогнул его переулками, затем проскользнул в узкую улочку, опустил на стоянку и выключил мотор.

— Вот мы и приехали, — произнес он. — Пора и выпить.

На его стук им открыли дверь черного хода, и они вошли в заднюю комнату фактории. Большая часть комнаты, заметил Блэйн, использовалась как склад, и только один угол служил жильем. Там стояли кровать, плита и стол. В массивном камине пылал огонь, а перед ним стояли удобные кресла. Рядом с дверью, ведущей в переднюю часть фактории, висела большая, похожая на холодильник коробка. И хотя Блэйн видел ее впервые, он тут же узнал трансо — машину для телепортации материи, благодаря которой «Фишхуку» стало экономически выгодно иметь фактории по всему земному шару. Любой товар, который мог потребоваться посреднику, мгновенно оказывался в этом ящике, стоило лишь сделать заказ.

Об этой-то машине и говорил Дальтон на вечере у Шарлин. Он сказал, что если «Фишхук» надумает внедрять эту машину повсеместно, то все транспортные сети мира будут уничтожены.

Рэнд указал на кресло:

— Устраивайся. А Грант нам сейчас откроет бутылочку. Найдешь для нас бутылочку, Грант?

— Вы же знаете, что у меня всегда есть запас, — ухмыльнулся посредник. — Разве иначе продержишься в такой дыре?

Блэйн уселся ближе к огню, а Рэнд сел перед ним и оживленно потер руки.

— Когда мы расставались, мы тоже сидели за бутылочкой, — напомнил он Блэйну. — А теперь за бутылочкой возобновляем знакомство.

Блэйн ощутил в себе растущее напряжение, чувство, что он в ловушке, но усмехнулся в ответ.

— А знаешь, сколько тогда было в моем распоряжении времени? — спросил он. — Каких-то восемь паршивых минут. И все.

— Ты ошибаешься, Шеп. У тебя было целых двенадцать минут. Ребята немного замешкались, вынимая пленку с записью.

— А Фредди! Ну кто бы мог подумать, что Фредди работает на тебя?

— Ты бы не поверил, если б тебе назвали еще кое-кого, кто на меня работает, — мягко произнес Рэнд.

Они грелись у камина, где трещали яблоневые дрова, и изучали друг друга.

— Рассказал бы ты мне, Шеп, — сказал наконец Рэнд. — Я не все еще понял. Концы с концами не сходятся. Ты влип в районе Плеяд и как-то ухитрился запереть эту штуку...

— Запереть?

— Конечно. Ты ее запер. Причем первоклассно запер. Мы знали, ты что-то нашел, и послали туда других. Твоя тварь сидит и глазеет на них, и больше ничего. С ней пытались разговаривать, но она не реагирует. Делает вид, что ничего не слышит. Это совершенно непонятно...

— Братство, — сказал Блэйн. — Мы с ним побратались. Тебе не понять.

— Думаю, что пойму. Насколько ты не человек, Шеп?

— Проверь меня и увидишь.

Рэнд передернул плечами:

— Нет, спасибо. Знаешь, я ведь все время шел по твоему следу. А он начался с Фредди и становился чем дальше, тем запутаннее.

— Ну а что дальше?

— Черт меня побери, если я знаю.

Посредник вошел, неся бутылку и два бокала.

— А сам не выпьешь? — спросил Рэнд.

Грант покачал головой:

— Надо еще разобрать товар. Так что, если вы позволите...

— Хорошо, хорошо, — разрешил Рэнд. — Можешь идти работать. Только скажи...

— Да, сэр?

— Нельзя ли мистеру Блэйну переночевать здесь сегодня?

— Буду рад. Правда, тут не слишком уютно.

— Ничего, — заверил его Блэйн. — Меня это устроит.

— Я должен был бы предложить вам свою постель, но, откровенно говоря...

— Об этом не может быть и речи.

— Я принесу вам несколько одеял, и вы сможете постелить себе на полу. Получится не хуже, чем в кровати.

— Все, что угодно. Буду только признателен.

Рэнд откупорил бутылку. Грант вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

Рэнд налил в бокалы.

— Да, — заметил он, — в принципе, если ты не хочешь, можешь здесь не оставаться.

— Неужели?

— Я возвращаюсь в «Фишхук». Через трансо. Хочешь, присоединяйся.

Блэйн промолчал. Рэнд подал ему бокал.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Блэйн рассмеялся:

— Как у тебя все просто получается.

— А может, и в самом деле все просто, — ответил Рэнд.

Он осушил бокал и откинулся на спинку кресла.

— Ну, ладно, неземной разум — это я понимаю. Профессиональный риск любого исследователя. Но как ты впутался в дело со звездной машиной? Наверняка ты связался со Стоуном.

— Ты же знаешь, что Стоун мертв.

— Впервые слышу, — неубедительно удивился Рэнд.

И вдруг, по каким-то ноткам в голосе Рэнда, интуитивно Блэйн понял, что Рэнду все равно, умер ли Стоун и в городе ли Финн. Для него это не имело никакого значения. Или более того. Возможно, Рэнда устраивала смерть Стоуна, равно как и политика Финна. Потому что монополия «Фишхука» зиждется на «непарасихах», на «нормальном» мире, вынужденном обращаться к нему за инопланетными товарами. Так что «Фишхук» и Рэнд, естественно, с горечью осознал Блэйн, могут даже быть заинтересованы в том, чтобы крестовый поход Финна состоялся и достиг поставленной цели.

А если так, то убийцей Стоуна вполне мог оказаться не Финн, а «Фишхук».

Блэйн ужаснулся пришедшей мысли и попытался отбросить ее, но она не уходила — ситуация вырисовывалась куда сложнее, чем просто борьба между Финном и Стоуном.

— А вы не так уж быстро меня нашли, — сказал Блэйн. — Теряешь хватку, Рэнд? Или играешь со мной в кошки-мышки?

— Мы почти потеряли твой след, — нахмурился Рэнд. — Ты оторвался от нас в том городке, где тебя чуть не повесили.

— Ты и там был в ту ночь?

— Не я. У меня там есть люди.

— И вы собирались позволить меня повесить?

— Честно говоря, мнения тогда разделились. Но ты избавил нас от необходимости принимать решение.

— А если бы...

— Думаю, скорее всего, мы дали бы тебя повесить. Конечно, был шанс взять тебя и попытаться с твоей помощью выйти на звездную машину. Но в тот момент мы не сомневались, что сами сумеем ее найти.

Он пристукнул бокалом по столу.

— С ума сойти! — заорал он. — Таковую машину везти в такой ржавой мышеловке! Как только...

— Все очень просто, — за Стоуна ответил Блэйн. — Никому бы и в голову не пришло. Ведь все живут по принципу: украл что-то очень ценное — тащи как можно быстрее, как можно дальше...

— И дураку ясно, — сказал Рэнд.

Он взглянул на Блэйна, увидел ухмылку на его лице и улыбнулся в ответ.

— Давай начистоту, Шеп, — предложил он. — Когда-то мы были друзьями. Я не исключаю, что мы и сейчас — хорошие друзья.

— Что ты хочешь узнать?

— Только что ты перенес куда-то машину.

Блэйн кивнул.

— И ты можешь вернуть ее обратно?

— Нет. Уверен, что не смогу. Это — своего рода шутка.

— Не надо мной ли?

— Над Ламбертом Финном.

— Ты его недолюбливаешь, а?

— Я с ним даже не знаком.

Рэнд снова наполнил бокалы. Отпил из своего половину и поставил его на стол.

— Мне пора, — он посмотрел на часы. — Очередной вечер у Шарлин. Не хочется лишать себя удовольствия. Уверен, что не хочешь со мной? Шарлин будет тебе рада.

— Спасибо, я лучше останусь. Передай привет Фредди.

— Фредди у нас больше не работает.

Блэйн встал и подошел с Рэндом к трансю. Рэнд открыл дверцу. Изнутри трансю походило на грузовой лифт.

— Как жаль, что их пока нельзя использовать в космосе. Столько рук освободилось бы.

— Наверняка над этим уже работают, — заметил Блэйн.

— Конечно. Осталось только отработать систему управления.

Он протянул руку:

— Счастливо, Шел. До встречи.

— До свиданья, Кирби. Но я бы предпочел не встречаться.

Рэнд ухмыльнулся, вошел в аппарат и закрыл дверь. Не загорелись огни, ничто не загудело, машина будто бы не работала.

И в то же время Рэнд уже находился в «Фишхуке».

Блэйн повернулся к трансо спиной и направился назад, к креслу у камина.

В комнату вошел Грант, держа под мышкой полосатую накидку.

— То, что надо, — объявил он. — Совсем забыл о ней.

Он приподнял накидку и встряхнул ее.

— Потрясающе, а? — восторженно спросил он.

Накидка действительно была потрясающая. Из какого-то необыкновенного меха, она переливалась в отблесках камина, будто осыпанная алмазной пылью. Золотисто-желтого цвета, с черными полосами по диагонали, накидка казалась скорее не меховой, а шелковой.

— Уж сколько лет валяется без дела, — сообщил Грант. — Один турист, живший у реки, в свое время заказал ее. «Фишхук» ее сразу не сумел найти, а когда доставил мне, было поздно. У них всегда так, сэр, вы, наверное, знаете.

— Знаю, — подтвердил Блэйн.

— Тот человек так и не появился. А у меня рука не поднялась отослать такой чудесный мех обратно. Он у меня проходит по накладной, я делаю вид, что смогу его продать. Хотя, конечно, это не так. Такому задрипанному городишке этот мех не по карману.

— А что это?

— Самый теплый, легкий и мягкий мех во Вселенной. Туристы берут его вместо спальных мешков.

— Меня устроило бы обычное одеяло, — запротестовал Блэйн. — Мне неудобно...

— Прошу вас, — настаивал Грант. — Сделайте мне одолжение, сэр. Мне так неловко, что я не могу устроить вас как следует. Но если я буду знать, что вы укрыты этим роскошным мехом...

Блэйн рассмеялся и взял накидку. Она почти ничего не весила.

— Мне еще надо поработать, — сказал посредник. — Так что, с вашего позволения, я пойду. А вы устраивайтесь, где удобно...

— Спасибо, — поблагодарил Блэйн. — Сейчас выпью еще и лягу. Не выпьете со мной?

— Позже, — сказал посредник. — Я всегда пропускаю рюмочку перед сном.

— Тогда я оставлю бутылку.

— Спокойной ночи, сэр. Утром я зайду к вам.

Блэйн уселся обратно в кресло, положив накидку на колени. Он провел по меху рукой — мех был такой нежный и теплый, что казался живым.

Потягивая виски, Блэйн пустился в размышления о Рэнде.

Рэнд, по всей видимости, был самым опасным человеком на всем земном шаре — хотя Стоун самым опасным человеком считал Финна. Рэнд был опасен как личность, гладкий бульдог с мертвой хваткой, человек-ищейка, претворяющий политику «Фишхука» как божественные предначертания. Каждому, кого «Фишхук» объявлял врагом, Рэнд становился смертельно опасен.

И все же он не стал заставлять Блэйна возвращаться с собой. Его приглашение было светским и мимолетным, а отказ Блэйна не вызвал у него ни раздражения, ни видимого неудовольствия. Он не попытался применить силу. Впрочем, решил Блэйн, причиной тому, скорее всего, что Рэнд просто не знал, с чем имеет дело. Идя по следу, он узнал достаточно для того, чтобы понять, что у того, кого он преследует, есть способности, «Фишхуку» совершенно неизвестные.

Поэтому каждый шаг он делал медленно и осторожно, стараясь изобразить незаинтересованность. Однако Блэйн знал, что Рэнд не такой человек, чтобы отступить.

Да, Рэнд припрятал какой-то козырь. Но какой?

В том, что ловушка уже готова, а приманка положена, сомнений не оставалось.

Тихо сидя в кресле, Блэйн допил бокал.

А не глупость ли — остаться на ночь в фактории? Может, лучше встать и уйти? Хотя Рэнд мог именно на такой шаг и рассчитывать, и ловушка поджидает не здесь, а на улице. Возможно, эта комната — самое безопасное место сегодня ночью.

Ему нужен кров, но ведь спать необязательно. Что, если быть здесь, но не спать? Можно завернуться в накидку, лечь на пол и притвориться спящим. И в это же время следить за Грантом. Поскольку если западня именно в этой комнате, то захлопнуть ее должен только Грант.

Он опустил свой бокал на столик рядом с недопитым бокалом Рэнда. Затем пододвинул к ним бутылку — получился набор из двух бокалов и бутылки. Блэйн взял накидку под мышку, подошел к камину и кочергой пошевелил поленья, которые начали уже затухать.

«Я лягу здесь, — решил Блэйн, — у огня, чтобы свет падал за меня, в комнату».

Он аккуратно расстелил накидку, сложил пиджак под голову и улегся, скинув туфли. Лежать на накидке было мягко и удобно, как на перине. Он завернул края на себя, и накидка плотно облегла его, как спальный мешок. Блэйн почувствовал себя так уютно, как в детстве, когда он нырял в теплую постель под одеяло, укрываясь в своей комнатке от ночного зимнего мороза.

Он лежал на полу, вглядываясь в темноту складского помещения, различая очертания бочек, мешков и коробок. И, лежа в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня в камине, он вдруг уловил в воздухе какой-то слабый аромат — тот самый, неопиcуемый слова-

ми запах, свойственный неземным вещам. Не резкий и не экзотический, ничем вроде бы не выделяющийся, и все же запах, которого на Земле нет: сочетание пряности и ткани, дерева и пищи, всего того, что привозится со звезд. И только малая толика — тут, на маленьком складе небольшой фактории. Но за этой факторией — грандиозные склады «Фишхука», откуда в считанные мгновенья, благодаря стоящему в углу трансо, может быть доставлен любой товар.

Но это лишь часть привозимого со звезд — незначительная часть, которую можно купить, которой можно владеть.

Основная же доля операций «Фишхука» — сбор и хранение идей и знаний из глубин космоса — проходила почти незаметно для большинства. А в фишхуковских университетах ученые со всего света изучали эту информацию, пытаясь ее связать, обобщить и найти ей применение, с тем чтобы в будущем эти понятия и знания определили ход развития и даже судьбу всего человечества.

А кроме этой, предоставленной ученым информации, существовали еще секретные архивы, скрытые за дверцами неприступных сейфов, доступ куда имели в лучшем случае лишь самые доверенные группы людей и отдельные лица...

Позади, прогорев, с треском рассыпались обугленные поленья. Блэйн повернулся поглядеть на них...

Вернее, попытался повернуться.

И не смог.

Что-то было не так.

Каким-то образом он оказался закутанным в накидку слишком туго.

Он попробовал вытащить руки и ослабить ее, но не сумел сделать ни того ни другого.

Накидка держала его мягкой, но неослабевающей хваткой.

Никакой веревкой нельзя было связать его более надежно. Совсем неожиданно для него накидка превратилась в смирительную рубашку и намертво спеленала его.

Блэйн замер на спине, холодея от страха и чувствуя, как пот скатывается по лбу ему на глаза.

Да, ловушка была расставлена.

Он ждал ее.

Он был настороже.

И все же, не подозревая, что делает, он сам, собственными руками обернул ловушку вокруг себя!

ГЛАВА 25

Перед тем как войти в трансо, Рэнд сказал: «До встречи». Сказал весело и с уверенностью. У него были на то основания, с горечью подумал Блэйн, он все рассчитал. Рэнд предусмотрел

каждый шаг и спланировал все до мельчайших деталей. Нашел идеальный способ арестовать человека, которого немного побаиваешься и от которого не знаешь, чего ожидать.

Вытянувшись, Блэйн лежал на полу без движений — лишенный возможности пошевелиться сковавшей его накидкой. Вернее, не накидкой — это было одно из тех открытий, которые «Фишхук» придерживает для особых случаев. Не сомневаясь, что такие случаи представятся.

Блэйн порылся в памяти, но ничего хотя бы отдаленно связанного с подобным созданием не нашел — а это, конечно, было какое-то существо-паразит, способное бесконечно долго лежать тихо и расслабленно, как накидка, и пробуждаться, ощутив под собой что-либо живое и теплое.

В данном случае добычей стал он, и, возможно, скоро этот мех начнет пожирать его или усваивать его любым другим образом. Что пытаться освободиться силой бесполезно, было ясно — при каждом его движении хватка становилась еще крепче.

Он снова заглянул в память и вдруг нашел — увидел: мрачная, хаотичная планета, переплетающаяся растительность, непонятные, колышущиеся, ползающие, вьющиеся обитатели. Жуткое место, смутно просматривающееся сквозь туман памяти. Но самое поразительное заключалось в другом: даже извлекая информацию из памяти, Блэйн точно знал, что эти воспоминания не его. Он никогда не был на той планете и никогда ни с кем о ней не разговаривал. Правда, он мог видеть это когда-то по дименсiono и теперь вспомнить давно забытое.

Картина перед его мысленным взором становилась все четче, будто некий киномеханик у него в мозгу регулировал резкость изображения, и теперь он с необычайной ясностью мог разглядеть каждую леденящую кровь подробность из жизни обитателей инопланетных джунглей. Эти ползущие, извивающиеся существа были ужасны и омерзительны, и от них веяло лютой, холодной яростью, жестокостью безразличия и непонимания, руководимой только первобытными чувствами голода и ненависти.

Блэйн замер, пораженный тем, что увидел. Ему казалось, что он действительно там, будто часть его лежит на полу у камина, а другая половина в самом деле находится в этих жутких джунглях.

Ему послышался шорох, вернее, та половина в джунглях услышала шум, и та половина поглядела на дерево, слишком, впрочем, уродливое, колючее и гадкое, чтобы называться деревом. Над ним, приготовившись упасть на него, висел мерцающий алмазной крошкой мех.

Блэйн закричал, или ему показалось, что он закричал, и планета с ее обитателями тут же растаяла, будто чья-то рука у него в мозгу вывела объектив проектора из фокуса.

Он опять — весь, полностью — лежал в своем мире, где были и камин, и склад, и транс в углу. Дверь из склада открылась, и в комнату вошел Грант.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и, повернув свое массивное, широкое тело, уставился на лежащего на полу человека.

— Мистер Блэйн, — тихо позвал он. — Мистер Блэйн, вы спите?

Блэйн промолчал.

— У вас открыты глаза, мистер Блэйн. Что-нибудь случилось?

— Ничего, — ответил Блэйн. — Просто лежу и думаю.

— И приятные мысли, мистер Блэйн?

— Великолепные.

Двигаясь по-кошачьи осторожно, Грант подошел к столу, взял бутылку, вставил горлышко в рот и забулькал.

— Может, вы встанете, мистер Блэйн, — опустив бутылку, предложил он. — Посидим, поболтаем, выпьем. Мне не часто выпадает случай поговорить с кем-то. Конечно, сюда заходят покупатели, но со мной они разговаривают не больше, чем необходимо.

— Спасибо, я лучше полежу. Мне удобно.

Грант отошел от окна и сел в одно из кресел у камина.

— Как жаль, — сказал он, — что вы отказались вернуться в «Фишхук» вместе с мистером Рэндом. «Фишхук» — потрясающее место.

— Да-да, вы правы, — не слушая, автоматически ответил Блэйн,

Он понял — наконец понял, — откуда взялось воспоминание о планете. Он получил ее из систематизированного архива, подаренного ему Розовым. Конечно же, не он, а Розовый побывал на той планете.

В памяти были не только цветные картинки с видами планеты. Там также хранилась полная информация о ней и жизни на ее поверхности. Но данные эти еще не были разобраны и подобраться к ним никак не удавалось.

Самодовольно улыбаясь, Грант откинулся на спинку кресла.

Он протянул руку и постучал пальцами по накидке. Раздался приглушенный барабанный звук.

— Как вам это нравится, мистер Блэйн? — осведомился он.

— Я тебе расскажу, когда освобожу руки, — пообещал Блэйн.

Грант встал с кресла и направился к столу, делая вид, что старается обойти Блэйна подальше. Взяв бутылку, он сделал еще глоток.

— Вам не удастся освободить руки, — сообщил он, — потому что ровно через минуту я запихну вас в транс, и вы окажетесь в «Фишхуке».

Он хлебнул еще и опустил бутылку.

— Не знаю, что вы натворили. И не знаю, зачем вы им понадобились. Но у меня есть приказ.

Он опять приподнял бутылку, затем передумал и поставил ее на середину стола. Потом подошел к Блэйну.

Блэйн увидел новую картину: другая планета, дорога, по которой идет существо, непохожее ни на что, им когда-либо виденное. Нечто вроде ходячего кактуса, только не кактус и вообще вряд ли растение. Но ни существо, ни дорога не имели значения. Значение имело то, что по пятам за существом неуклюже припрыгивало с полдюжины «накидок».

Охотничьи собаки, подумал Блэйн. Кактус — охотник, а они — его охотничьи собаки. Или ловец и ловушка. «Накидки», вывезенные с планеты джунглей каким-то бродячим торговцем, выдержавшие космическую радиацию и нашедшие применение на этой планете.

В мозгу у него пульсировало еще что-то — какая-то фраза, фраза на неземном языке, возможно, на языке кактусовидного существа. Она казалась бессмысленной, можно было сломать язык, воспроизводя ее, однако, когда Грант склонился над ним, чтобы поднять его, Блэйн что было сил выкрикнул эту фразу.

И сразу же мех отпустил его. Освободившись, Блэйн рывком катнулся под ноги наклонившемуся над ним посреднику.

Взревев от ярости, Грант рухнул лицом об пол. Блэйн вскочил на ноги и забежал за стол.

Грант медленно встал с пола. Кровь капала из разбитого носа и сочилась с ободранных костяшек руки.

Он сделал быстрый шаг вперед, и лицо его исказила гримаса двойного страха — страха перед человеком, который сумел освободиться от мертвых объятий «накидки», и страха за проваленное задание.

Наклонив голову, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, он бросился на Блэйна. Отчаяние удвоило его и без того достаточную силу и мощь, заставив его забыть о собственной безопасности.

Блэйн уклонился, но немного не рассчитал, и вытянутая рука Гранта скользнула по его плечу, и толстые пальцы судорожно вцепились в его рубашку. Рывок чуть было не вывел Блэйна из равновесия, но тут материал не выдержал и с громким треском разорвался.

Грант пролетел мимо, затем, хрипло рыча, снова бросился на Блэйна. Вкладывая в удар весь свой вес, Блэйн взмахнул кулаком и услышал хрустящий лязг челюсти. По крупному телу Гранта пробежала дрожь, и он пошатнулся.

Блэйн наносил удар за ударом, чувствуя, как немеют руки, как перестающие ощущать боль кулаки сотрясают Гранта, отбрасывая его все дальше и дальше.

Хотя в нем был и гнев, вовсе не гнев заставлял его безжалостно избивать Гранта, и не страх, и не самоуверенность. Им руководил простой и трезвый расчет: или он добьет стоящего перед ним человека, или ему конец.

От беспощадного удара в голову Грант дернулся назад. Тело обмякло, как будто из него враз исчезли все кости и мышцы. С глухим стуком Грант рухнул на пол и так и остался лежать тряпичной куклой, из которой вытряхнули опилки.

Блэйн позволил рукам расслабленно повиснуть и тут же ощутил саднящую боль в костяшках пальцев и перенапряженных мускулах.

«Как же у меня получилось, — недоуменно подумал Блэйн, — голыми руками превратить такого громилу в окровавленное месиво? Просто повезло, и я нанес первый и точный удар. А то, что нашел ключ, отпирающий «накидку», — это тоже везение?»

Нет, то была не удача, а нужная и своевременная информация из архива, вложенного в его мозг за пять тысяч световых лет отсюда существом, обменявшимся с ним разумами.

Блэйн взглянул на Гранта. Тот по-прежнему не шевелился.

А что делать теперь?

Конечно, надо как можно скорей уходить. Еще немного, и из трансо выйдет какой-нибудь сотрудник «Фишхука», чтоб узнать, почему не приходит столь замечательно упакованная посылка.

«Ничего, я снова убегу, — с горечью подумал Блэйн. — Что-что, а убегать научился. Уже почти месяц бегу, и конца этому не видно. Но однажды, он знал это, бег придется прекратить. Где-то надо будет остановиться, пусть хотя бы для того, чтобы не потерять самоуважения».

Это время еще не пришло. Сегодня он снова убежит, но это будет побег во имя цели. Сегодня побег ему кое-что принесет.

Он шагнул к столу, чтобы взять бутылку, и наткнулся на валяющуюся на полу «накидку». Он со злостью пнул ее, и она, легко взмыв в воздух, упала бесформенным комом прямо в камин.

Схватив бутылку, Блэйн направился к сложенным кипам товаров.

Он потрогал один из мешков и убедился, что в нем что-то сухое и мягкое. Затем он вылил на него содержимое бутылки и отбросил ее на середину комнаты.

Из камина Блэйн совком достал горящие угли и высыпал их на смоченный виски мешок.

Заплясали маленькие синеватые язычки пламени. С треском огонь начал расти и расползаться.

Теперь не погаснет, подумал Блэйн.

Еще пять минут, и загорится фактория. Склад превратится в ад, и пожар уже никакими силами нельзя будет остановить. Трансо оплавится и деформируется, и дорога в «Фишхук» будет закрыта.

Наклонившись, он ухватил Гранта за воротник, подтащил его к двери и выволок во двор, футов за тридцать от здания.

Грант застонал, попытался встать на четвереньки, но снова рухнул на землю. Блэйн оттащил его еще на десяток футов и бросил. Грант что-то пробормотал и зашевелился, но встать не смог.

Блэйн вышел на дорогу и минуту постоял, приглядываясь. Окна фабрики все больше озарялись красными отблесками.

Блэйн отвернулся и зашагал вперед.

А сейчас, сказал он себе, самое время нанести визит Финну. Скоро в городке заметят горящую фабрику, начнется паника, и полиции будет не до нарушителей комендантского часа.

ГЛАВА 26

На ступеньках отеля, глядя на ревущее пламя пожара всего в двух кварталах от них, толпились люди. На Блэйна внимания никто не обратил. Полиции видно не было.

— Опять «гориллы» поработали, — обронил кто-то.

— Не понимаю их, — поддержал его другой. — Днем они идут туда и покупают что им надо, а ночью возвращаются и устраивают пожар.

— Ума не приложу, — продолжил первый, — как «Фишхук» мирится с этим. Нельзя же просто смотреть и ничего не делать.

— «Фишхуку» наплевать, — возразил ему его собеседник. — Я пять лет провел в «Фишхуке». Там вообще ничего нельзя понять.

Репортер, решил Блэйн. Завтра должна состояться проповедь Финна, и поэтому отель забит репортерами. Он поглядел на того, кто провел пять лет в «Фишхуке», но не узнал его.

Блэйн поднялся по ступеням и вошел в пустое фойе. Чтобы никто не обратил внимания на его ободранные кулаки, он засунул руки в карманы пиджака.

Отель явно был не из новых, а мебель в фойе, по всей видимости, не менялась с незапамятных времен. И вообще отель производил впечатление увядающего, старомодного заведения, кислотовато пахнущего сотнями людей, которые провели недолгие часы под его крышей.

Несколько человек сидели в креслах, читая газеты или просто со скучающим видом глядя в пустоту.

Блэйн взглянул на часы над окошком администратора. Было одиннадцать тридцать.

Блэйн прошел мимо, направляясь к лифту.

— Шеп!

Блэйн резко повернулся.

С трудом подняв из огромного кожаного кресла грузное тело, через фойе к нему направился человек.

Блэйн стоял на месте, ожидая, пока тот подойдет к нему, и все это время по спине у него бегали мурашки.

Толстяк протянул ему руку.

Блэйн показал ему свою, вынув ее из кармана. «Споткнулся впотьмах».

— Надо бы промыть ссадину, — посоветовал толстяк.

— Я как раз собирался этим заняться.

— Забыл меня, что ли? Боб Коллинз, — напомнил свое имя толстяк. — Мы несколько раз встречались в «Фишхуке». В баре «Красный призрак».

— Ну как же, — смущенно ответил Блэйн. — Вспомнил. А то смотрю — что-то знакомое. Как поживаешь?

— Нормально. Правда, злой, как черт, что меня выдернули из «Фишхука» на эту ерунду, но — такое ремесло. Газетчик должен быть ко всему готов.

— Будешь писать про Финна?

Коллинз утвердительно кивнул.

— А ты?

— А я хочу поговорить с ним.

— Считай, что тебе дико повезло, если к нему прорвешься. Он в двести десятом. А у его дверей сидит здоровенный мордово-рот.

— Думаю, он меня примет.

Коллинз наклонил голову набок:

— Я слышал, ты сбежал. Пустили такую утку.

— Все верно.

— Ты неважно выглядишь, — сказал Коллинз. — Не сочти за обиду, но если тебе нужно одолжить немного денег...

Блэйн рассмеялся.

— Ну, может, выпьем?

— Нет. Я спешу к Финну.

— Ты что, теперь с ним?

— Не совсем...

— Слушай, Шеп, в «Фишхуке» мы с тобой считались приятелями. Скажи, что тебе известно. Хотя бы что-то. Хороший репортаж — и я опять в «Фишхуке». А это для меня — все.

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Шеп, я слышал много разных сплетен. Будто бы у реки под откос полетел фургон. Будто в этом фургоне везли нечто чрезвычайно для Финна важное. Он сам заявил, что сделает перед прессой сенсационное сообщение. И что-то продемонстрирует. Говорят, это будет звездная машина. Неужто звездная машина, Шеп? Никто не знает наверняка.

— Я тоже ничего не знаю.

Коллинз подошел к нему поближе и, снизив голос до хрипловатого шепота, сказал:

— Дело очень серьезное, Шеп. Если Финн получил то, что хотел. Он уверен, что теперь у него есть то, что поможет ему разгромить парасихов, всех и каждого в отдельности, всю паракигетику вообще. Он ждал этого момента не один год. Не просто ждал, а делал свое дело. Подлое дело, конечно. Проповедуя повсюду ненависть. Это провокатор первого класса. Ему не хватало только этого «чего-то». Дай ему это «что-то», и он победит. А на то, как он это сделает, весь мир будет смотреть сквозь пальцы. Еще немного, и с парасихов начнут живьем сдирать шкуры.

— Не забывай, что я тоже парасих.

— И Ламберт Финн тоже. Был.

— Сколько же вокруг ненависти, — устало произнес Блэйн. — Сколько презрительных ярлыков и оскорблений. Реформисты называют паранормальных людей парасихами, а тех их в свою очередь зовут гориллами. А таким, как ты, плевать. Тебе все равно. Сам ты охотиться на людей не пойдешь, но напишешь об этом. И размажешь человеческую кровь по газетной странице. И тебе неважно, чья это кровь, лишь бы кровь.

— Господь с тобой, Шеп...

— Хорошо, я скажу тебе кое-что. Можешь написать, что Финну нечего показывать и нечего сказать. Можешь написать, что он трясется от страха. Напиши, что его как следует щелкнули по носу...

— Шеп, ты меня разыгрываешь!

— Он не осмелится показать то, что у него есть.

— А что это?

— Нечто такое, что превратит Финна в круглого идиота. Он ни за что этого не покажет. Завтра утром в мире не будет человека испуганней Ламберта Финна.

— Я не могу этого написать. Ты же знаешь, что не могу...

— Завтра в полдень, — сказал Блэйн, — об этом будут писать все. Если ты начнешь немедленно, то успеешь в последний утренний выпуск. Ты обскачешь всех — если у тебя хватит смелости.

— Ты абсолютно уверен? Ты не...

— Решайся. Я ручаюсь за каждое слово, которое сказал. Остальное — твое дело. А мне пора.

Но Коллинз еще колебался.

— Спасибо, Шеп, — поблагодарил он. — Огромное спасибо.

Блэйн обошел лифт и стал подниматься по лестнице пешком.

Выйдя на второй этаж, по левой стороне в конце коридора он увидел у двери номера сидящего в кресле человека.

Блэйн двинулся прямо к нему. Когда он приблизился, телохранитель встал.

— Минуточку, мистер, — преградил он рукой дорогу Блэйну.

— Мне срочно нужен Финн.

— Вам туда нельзя, мистер.

— Тогда передайте ему...

— Сейчас я ничего не передам.

— Скажите, что я от Стоуна.

— Но ведь Стоун...

— Просто скажите, от Стоуна.

Некоторое время телохранитель стоял в нерешительности, потом опустил руку.

— Ждите здесь, — сказал он. — Я пойду спрошу. И без фокусов.

— Не волнуйтесь. Я подожду.

Он остался один, размышляя, правильно ли поступил. В сумраке плохо освещенного коридора вновь всплыли старые сомнения. Не лучше ли, подумал он, дать задний ход, пока не поздно.

Появился телохранитель.

— Стойте спокойно, — приказал он. — Я должен вас обыскать.

Опытные руки быстро заскользили вдоль тела Блэйна в поисках ножа или пистолета.

Наконец охранник удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. Можете заходить. Я останусь за дверью.

Охранник открыл дверь, и Блэйн вошел.

Комната была обставлена как гостиная. Спальня располагалась за ней.

В углу комнаты стоял стол, за которым сидел высокий человек в одеждах траурно-черного цвета с белым шарфом на шее. Его по-лошадиному вытянутое, костлявое лицо могло бы показаться измученным, если б не пугающее выражение одержимости.

Блэйн твердой походкой шел вперед, пока не оказался у самого стола.

— Так ты Финн, — сказал он.

— Ламберт Финн, — поправил его тот низким голосом профессионального оратора, который, даже отдыхая, не может не быть оратором.

Блэйн достал руки из карманов и положил их на край стола. Он увидел, что Финн глядит на запекшуюся кровь и грязь.

— Тебя зовут, — произнес Финн, — Шепард Блэйн, и я знаю о тебе все.

— И даже то, что я собираюсь тебя убить?

— Даже и это, — подтвердил Финн. — По крайней мере, я это могу предположить.

— Но не сегодня, — сказал Блэйн, — потому что завтра я хочу посмотреть на твое лицо. Хочу видеть, как ты все завтра проглотишь и переваришь.

— И это все, зачем ты пришел? Больше тебе нечего сказать?

— Странно, — признался Блэйн, — но в данный момент никакого другого повода мне на ум не приходит. Я даже не могу объяснить, зачем, собственно, я пришел.

— Может, предложить сделку?

— Это мне и в голову не приходило. У тебя нет ничего, что бы ты мог мне дать.

— Может, и так, мистер Блэйн, но зато у вас есть то, что нужно мне. За что я готов прилично заплатить.

Не отвечая, Блэйн смотрел на него.

— Ты участвовал в похищении звездной машины, — сказал Финн. — Я хочу знать цели и задачи. Мне нужно сложить куски воедино. Твой рассказ может стать отличным свидетельством.

— Однажды я уже был в твоих руках, — хмыкнул Блэйн, — но ты дал мне ускользнуть.

— Все этот трусливый доктор! — яростно воскликнул Финн. — Испугался шума, побоялся за репутацию своей больницы.

— Лучше надо подбирать людей, Финн.

— Ты мне не ответил, — нахмурился Финн.

— Это насчет сделки? Дорого обойдется. Слишком дорого.

— Я могу заплатить. А тебе деньги необходимы. У тебя нет ни гроша, а «Фишхук» висит на пятках.

— Всего час назад, — сказал Блэйн, — «Фишхук» меня связал и собирался убить.

— Но ты убежал, — произнес Финн, кивая. — И убежишь в следующий раз. И еще раз, может быть. Но «Фишхук» никогда не остановится. При теперешнем положении вещей у тебя нет никакой надежды.

— Разве только у меня? А у кого она есть? Может быть, у тебя?

— Я говорю только о тебе. Ты знаком с некоей Гарриет Квимби?

— Очень близко.

— Так вот, — ровным голосом сказал Финн, — она агент «Фишхука».

— Ты с ума сошел! — закричал Блэйн.

— Успокойся и обдумай это. Думаю, ты согласишься, что это правда.

Они стояли, глядя через стол друг на друга, и молчание стояло между ними словно живое существо.

Вдруг в мозгу Блэйна вспыхнула мысль: а не убить ли его сейчас?

Убить его будет совсем нетрудно. Такого убивать легко. Не только за его убеждения, но и его самого как личность.

Для этого надо только вспомнить о расползающейся по земле ненависти. Для этого надо только закрыть глаза и представить качающееся среди ветвей тело, покинутый лагерь, где вместо кроватей — растянутое на кольях одеяло и на обед — рыба на сковородке; указывающие в небо обгорелые пальцы печных труб.

Он поднял руки со стола, затем опустил их обратно.

И, не задумываясь, неожиданно для себя, совершенно непредвиденно он сделал то, чего никогда не сделал бы. И уже делая это,

он знал, что это делает не он, а тот, другой, спрятавшийся у него в мозгу.

Потому что то, что он сделал, никогда не сделал бы ни один человек на свете.

Очень спокойно Блэйн произнес:
— Меняюсь с тобой разумами.

ГЛАВА 27

Высоко в небе луна плыла над обрывами, а в речной долине беспокойно ухала сова, временами перемежая уханье с самодовольным хихиканьем, и ее крики гулко разносил свежий от начинающегося морозца ночной воздух.

На краю кедровой рощи Блэйн остановился. Деревья, вцепившись корнями в землю, скрючились, изогнулись и были похожи на старых, горбатых гномов. Блэйн замер, прислушиваясь, но слышно было только уханье совы и слабый шелест упрямых листьев, никак не желающих облетать с ветвей стоящих под холмом тополей. И еще один звук, настолько слабый, что трудно было решить, действительно ли он слышится или нет, — далекий, едва различимый шепот эльфа, а на самом деле голос могучей реки, несущей свои воды вдоль подножий залитых лунным светом обрывов.

Блэйн присел на корточки, укрывшись под разлапистыми кедррами, и снова сказал сам себе, что погони за ним нет, что никто его не преследует. «Фишхук» временно выведен из строя, потому что сгорела фактория. А Ламберт Финн... В данный момент — кто угодно, только не Ламберт Финн.

Без малейшей жалости Блэйн вспомнил выражение глаз Финна, когда он обменялся с ним разумами, остекленевший, полный ужаса взгляд, ошеломленный этим непрошеным вторжением, этим сознательным осквернением могущественного жреца и великого пророка, рядящего свою ненависть в тогу религии или того, что Финн пытался выдать за религию.

— Что ты сделал! — закричал он тогда, охваченный страхом. — Что ты со мной сделал!

Потому что его коснулись и обжигающий холод чужого разума, и его абсолютная бесчеловечность, и ненависть, исходящая от самого Блэйна.

— Все! — объявил ему Блэйн. — Отныне ты уже не Финн. И человек ты тоже только отчасти. Теперь ты частично я, частично — существо, которое я нашел в пяти тысячах световых лет отсюда. И я очень надеюсь, что теперь придет конец тебе и твоим проповедям.

Финн открыл рот и снова закрыл его, не произнеся ни звука.

— А сейчас я уйду, — сказал ему Блэйн, — и ты, во избежание недоразумений, меня проводишь. Ты обнимешь меня, как

вновь обретенного брата. И по дороге будешь говорить со мной, как с наилюбимейшим другом детства, а если это у тебя не получится, я сумею объяснить, во что ты превратился.

Финн стоял в нерешительности.

— Во что ты превратился, — повторил Блэйн. — И репортеры внизу запишут каждое слово.

Этого довода для Финна оказалось достаточно, более чем достаточно.

И они вместе прошли по коридору, спустились по лестнице, пересекли фойе, а репортеры ошарашенно глядели на нежно держащих друг друга под руки, оживленно беседующих друзей.

Они вышли на улицу, озаренную все еще полыхающей факторией, и двинулись, будто прогуливаясь и обмениваясь пожеланиями напоследок, по тротуару.

А затем Блэйн скользнул в переулок и побежал в сторону обрывистого берега реки.

«И снова я бегу, — подумал Блэйн, — просто бегу, не имея никакого плана. Правда, были и передышки, и я все же нанес пару ударов по планам Финна. Лишил его наглядного пособия, с помощью которого он собирался доказать злонамеренность и вредоносность паракинетиков; влил в его разум новые сознания; и теперь, что бы Финн ни делал, он уже никогда не сможет быть узколобым эгоманьяком, как раньше».

Блэйн присел и прислушался, но, кроме голосов реки, совы и тополиных листьев, ничего не было слышно.

Он медленно встал на ноги и тут услышал новый звук — вой хищника, голос клыков и когтей. Блэйн застыл, не в силах пошевелиться. Этот вой разбудил в нем страх, который люди пронесли через столетия — из пещер каменного века до дней нынешних.

Собака, наверное, попытался он успокоить сам себя, или кой-от. Не оборотень же. Обратней не бывает.

И все же инстинкт, которому он с трудом сопротивлялся, кричал ему: беги, не раздумывай, спрячься, спрячься где угодно, лишь бы укрыться от крадущейся сквозь лунную ночь опасности.

Он стоял напрягшись, в ожидании, что вой повторится, но больше тишину ничто не нарушало. Он расслабил окаменевшие мышцы и стянутые в узлы нервы и снова стал почти самим собой.

Если бы он верил, если хотя бы наполовину верил, он бы побежал. Что может быть проще — поверил и побежал. Это-то и делает людей наподобие Финна столь опасными. Они играют на инстинктах, которые лежат почти на поверхности, под самой кожей, — на страхе, следом за которым идет ненависть.

Выйдя из кедровой рощи, он осторожно пошел низом вдоль обрыва. Идти здесь при свете луны, как он вскоре понял, оказалось непросто. Он то и дело натыкался на камни, попадал в ямы, где ничего не стоило сломать ногу.

Он снова подумал о том, что не давало покоя с тех пор, как он поговорил с Финном.

Финн сказал, что Гарриет Квимби — агент «Фишхука».

Нет, этого не может быть — кто как не Гарриет помогла ему бежать из «Фишхука».

И все же... Она была с ним в том городке, где его чуть не повесили. Она была с ним, когда убили Стоуна. Она была, когда он залез в дорожный гараж, где его поймал Рэнд.

Блэйн пытался загнать эти мысли в подсознание, но они продолжали вылезать наружу, преследуя его.

Чепуха. Гарриет — и вдруг агент. Журналистка высшего класса; надежный товарищ; когда нужно, решительна и хладнокровна. Конечно, если б она захотела, из нее вышел бы отличный шпион — но ей это просто чуждо. Вероломство не в ее характере.

Берег пересекал глубокий овраг, уползающий вниз, к реке. На краю оврага росло несколько изогнутых деревьев.

Блэйн обогнул рожицу понизу и сел на землю.

Внизу под ним неслась река, и в ее черных водах поблескивали серебряные искры, а лес в долине казался еще чернее. По обоим берегам белесыми горбатыми призраками выстроились холмы.

Сова замолчала, но рокот стал громче, и, если прислушаться, можно было различить, как журчит вода, омывая песчаные отмели и прорываясь сквозь кроны рухнувших деревьев, чьи корни еще цеплялись за берег.

«А здесь неплохо будет заночевать, — подумал Блэйн. — Правда, у меня нет ни одеяла, ни пледа, но деревья и согреют меня и спрячут. И потом, за весь день я впервые оказался действительно в безопасном месте».

Забравшись в густую поросль, он стал устраиваться. Пришлось вывернуть несколько камней, убрать в сторону обломленный сук. Потом, орудуя на ощупь в темноте, он сгреб в кучу несколько охапок листьев и, только закончив все приготовления, подумал о гремучих змеях. Хотя, сказал он себе, для гремучих змей стало слишком прохладно.

Он сжался в комок на куче листьев. Оказалось совсем не так удобно, как он рассчитывал. Впрочем, ему не так долго здесь лежать. Скоро взойдет солнце.

Блэйн тихо лежал в темноте, а его сознание, как на экране, снова и снова прокручивало события прошедшего дня — мысленно подводило итоги, чему он тщетно пытался положить конец.

Отдельные кадры и сюжеты истекших, наполненных событиями суток непрерывно сменяли друг друга, теряя реальность, превращаясь в видения.

Как же их остановить, мучился Блэйн, как заставить себя думать о чем-то другом?

Но помимо воспоминаний в нем было еще нечто — разум Ламберта Финна.

Он осторожно попытался заглянуть в него и тут же отпрянул, словно наткнувшись на тугий змеиный клубок ненависти, страха и коварства. А в самом центре этой массы — голый ужас, превративший наблюдателя с Земли в визжащего маньяка, который вышел из своей звездной машины с пеной у рта, выпученными глазами и скрюченными пальцами, ужас другой планеты.

Планета была отвратительной и мерзкой. Он увидел нечто абсолютно враждебное чему-либо человеческому. Оно кричало, выло, визжало. Оно жадно тянулось к нему своей мертвой головой. Все было нерезко, расплывчато; нельзя было разобрать деталей, и лишь волной накатывалось чувство всепоглощающего бездонного зла.

Блэйн отшатнулся, вскрикнув, и его крик оттолкнул, заслонил это средоточие ужаса.

Но он успел ухватить другую, какую-то неуместную, мимолетную мысль.

Мысль о Дне всех святых.

Блэйн взялся за нее покрепче, стараясь отделить бесконечную ленту воспоминаний от дорожки с инопланетным кошмаром.

День всех святых — мягкий октябрьский вечер; по улицам, освещенным уличными фонарями или необычно огромной полной лунной, будто специально подплывшей к Земле поближе, чтобы ничего не пропустить, стелется дым сжигаемых листьев. Раздаются высокие, звонкие детские голоса и топот бегущих ног — будто веселые гоблины, пища и повизгивая от удовольствия, водят шумные хороры. Огни над дверьми гостеприимно приглашают ряженых, и то заходят, то выходят закутанные в накидки фигуры, таща с собой все распухающие мешки с подношениями.

Все вспомнилось Блэйну до мельчайших деталей, будто это было только вчера, когда он, счастливый мальчишка, с криками носился по городу. И как же давно это было на самом деле, подумал он.

Это было еще до того, как страх загустел и разросся, когда к магии относились еще с улыбкой и находили ее забавной и когда еще умели веселиться в День всех святых. А родители не боялись вечером выпускать детей из дома.

Сегодня такое даже трудно себе представить. Теперь в День всех святых на двери ставят двойные запоры, закупоривают дымоход, а на окна вывешивают самые надежные заклинания против злых духов.

Жаль, подумал Блэйн. Сколько было радости! Однажды в канун Дня святых они с Чарли Джоунсом приделали постукалочку к окну старика Чендлера. Притворяясь донельзя разгневанным, старик выбежал с воплями на крыльцо и сделал вид, что заряжает

свой дробовик. Они с такой скоростью помчались прочь, что свалились в канаву за домом Льюиса.

А еще был случай — такой случай... Больше ни о чем Блэйн подумать не успел...

ГЛАВА 28

Блэйн проснулся от холода и судорог в затекших мышцах и растерялся, не понимая, где он. Глядел на переплетенные над собой ветви, которые никак не мог вспомнить. И лишь постепенно начал осознавать, кто он и где находится.

И почему.

И то, что скоро День всех святых.

Он резко выпрямился и ударился головой о ветки.

С Днем всех святых была связана не просто случайная мысль.

С Днем всех святых был связан целый заговор!

Он застыл, обуреваемый негодованием и ужасом.

Как просто и в то же время дьявольски хитро — именно такой гамбит и должен был разыграть человек, подобный Ламберту Финну.

Нет, этого допустить нельзя. В противном случае произойдет очередная вспышка гнева против паранормальных, а когда схлынет первая волна террора и реакции, будут приняты новые ограничительные законы. Хотя законы, не исключено, уже и не понадобятся — погром может принять такой размах, что будут уничтожены тысячи паракинетиков. Операция «День всех святых» вызовет невиданную до сих пор бурю ярости против них.

Есть только одна надежда, решил Блэйн. Надо попасть в Гамильтон — ближайшее место, где можно рассчитывать на помощь. Там ему не могут не помочь, ведь в Гамильтоне живут только паракинетики, и никто из них не может быть уверен в завтрашнем дне. Если случится то, чего он боится, Гамильтон будет уничтожен в первую очередь.

И если он не запутался в днях, то День всех святых — послезавтра. Хотя нет, «завтра» уже наступило. Значит, у него меньше двух дней, чтобы предотвратить несчастье.

Он выбрался из кустов и увидел, что солнце только-только показалось над холмами, просвечивая звонкий утренний воздух. Откос под ним, покрытый жухлой травой, плавно спускался к бурному речному потоку. Он поежился от холода и похлопал руками, чтобы согреться.

Он вышел на уходящую в реку песчаную косу. Коричневая от песка и глины стремнина с яростным бурлением перекатывалась через отмель. На краю косы Блэйн присел на корточки, зачерпнул в ладони воды и поднес к губам. Вода отдавала илом, глиной, гни-

ющими водорослями. Когда он закрыл рот, на зубах у него захрустел песок.

Но все же это была вода. Он снова зачерпнул, но, как крепко он ни прижимал края ладоней, вода убегала между пальцев, едва оставляя ему маленький глоток.

Вокруг было покойно и мирно, и Блэйн подумал, что таким, наверное, был первый день после сотворения мира, когда Земля не была еще заражена алчностью, завистью и всем тем, что на протяжении стольких лет отравляет жизнь человечества.

Неожиданно тишину разорвал всплеск. Блэйн вскочил на ноги. Ни на берегу, ни в реке, ни на ивняковом островке за косою никого не было видно. Какой-нибудь зверек, решил Блэйн. Норка, или ондатра, или выдра, или бобр, а может, рыба.

Всплеск повторился, и из-за острова показалась лодка. На корме сидел закутанный в плащ человек, работая веслом так неуклюже, что на него было неловко смотреть. Нос лодки высоко торчал из воды, перевешенный тяжестью гребца и подвесного мотора на корме.

Когда лодка с трудом приблизилась к косе, Блэйн вдруг обнаружил, что фигура человека кажется ему удивительно знакомой. Где-то, когда-то их пути так или иначе пересекались.

Он прошел дальше на отмель, поймал лодку за борт и вытащил ее на песок.

— Благослови тебя Господь, — изрек сидящий в лодке. — Какое сегодня чудесное утро.

— Отец Фланаган! — воскликнул Блэйн.

Старый священник улыбнулся очень доброй, даже светлой улыбкой.

— Вы далеко забрались от дома, — заметил Блэйн.

— Я иду туда, куда ведет меня Бог. — Отец Фланаган похлопал ладонью по сиденью перед собой: — Хочешь, посиди со мной немного. Да простит меня Господь, но я жутко устал.

Блэйн вытащил лодку еще дальше на берег, сел в нее и протянул священнику руку. Отец Фланаган взял ее в свои скрюченные артритом ладони и осторожно пожал ее.

— Рад видеть вас, святой отец.

— А я, — ответил священник, — повергнут в смущение. И, должен признать, искал тебя.

— Странно, — удивился Блэйн, отчасти озадаченный, отчасти напуганный этим признанием. — Такой человек, как вы, наверняка имеет более важные дела.

Священник выпустил его руку, не забыв успокаивающе погладить ее.

— Это не так, сын мой, — сказал он. — Для меня нет более важного дела, чем идти следом за тобой.

— Простите, святой отец, но я не понимаю.

Отец Фланаган наклонился вперед, уперевшись искалеченными руками в колени.

— Ты обязательно должен понять. Слушай меня внимательно. И не впадай в гнев. И не торопи меня.

— Конечно, — согласился Блэйн.

— Ты, наверное, слышал, что говорят о святой церкви. Что она косная и негибкая, что она придерживается старых правил и древнего образа мыслей, что она если и меняется, то очень медленно. Что она сурова и догматична...

— Да, я слышал все это.

— Дело в том, что это не так. Церковь не отстает от времени, она меняется. Ибо в противном случае она не смогла бы существовать во всем своем блеске и величии. Ей не страшны ветры и сквозняки людской молвы, она не боится потрясений меняющихся нравов. Она приспособливается, хотя и не слишком быстро. И эта медлительность вызвана тем, что церковь не должна ошибаться.

— Не хотите же вы сказать...

— Именно хочу. Если помнишь, я тебя спрашивал, оборотень ли ты, а тебе это показалось ужасно забавным.

— Но это действительно забавно.

— То был ключевой вопрос, — сказал священник, — упрощенный до предела, с тем чтобы на него можно было ответить простым «да» или «нет».

— Тогда я отвечу еще раз. Я не оборотень.

Старик вздохнул.

— Ты хочешь, — с обидой произнес он, — затруднить мне мой рассказ.

— Продолжайте, — сказал Блэйн. — Я постараюсь сдерживаться.

— Церковь должна знать, что такое паракинетика: естественная человеческая способность или колдовство? Когда-нибудь, может, через много лет, ей придется принимать решение. Ей, как и по всем проблемам человеческой этики, придется определить свою позицию. И я не раскрою секрета, если скажу, что учрежден специальный комитет теологов, изучающих этот вопрос.

— И вы? — спросил Блэйн.

— Я лишь один из многих, которым поручено расследование. Мы только собираем факты, которые в должный момент будут представлены на рассмотрение теологам.

— И я — один из собранных вами фактов?

Отец Фланаган утвердительно наклонил голову.

— Мне только одно неясно, — произнес Блэйн. — Почему у вашей веры вообще возникают сомнения? У вас же есть доказательства «святых чудес». Ответьте мне, что такое любое ваше «чудо», как не проявление паракинетики?

— Ты так считаешь?

— Да, я в этом не сомневаюсь.

— Мне трудно согласиться с тобой. Это слишком похоже на ересь. Но я хотел спросить тебя вот о чем: в тебе есть что-то необычное, чего я не видел в других?

— Я — наполовину нечеловек, — с горечью ответил Блэйн. — Вряд ли кто еще может сказать о себе то же самое. Сейчас вы беседуете не только со мной, но и с созданием, даже отдаленно не похожим на человека, — существом, которое сидит на планете за пять тысяч световых лет отсюда. И оно живет там уже миллион лет, а может, больше. И проживет еще не один миллион лет. Оно отправляет свой разум путешествовать по другим мирам, но, несмотря на все путешествия, ему очень одиноко. Тайны времени для него не существуют. И не знаю, есть ли для него вообще тайны. И все, что знает оно, знаю я. Мне надо только, если у меня будет время, все разобрать, пронумеровать и разложить по полочкам. У себя в мозгу.

Священник медленно втянул в себя воздух:

— Нечто подобное я и предполагал.

— Так что можете приступать к работе, — сказал Блэйн. — Где у вас святая вода? Окропите меня, и я исчезну в облаке дыма.

— Ты неверно думаешь обо мне, — ответил отец Фланаган. — И о моей цели. И о моем отношении. Если не от дьявола сила, пославшая тебя к звездам, то не более чем несчастный случай то, что с тобой там стряслось.

Его скрюченная рука вдруг вцепилась в Блэйна с силой, которую в ней нельзя было предположить.

— Тебе дана великая сила, — сказал он, — и великое знание. Ты обязан применить их во славу Бога и на пользу человечеству. Не часто бремя столь огромной ответственности ложится на человека. Не утрать дарованное тебе. И не используй его во зло. Но и не дай ему пролежать бесплодно. То, что ты получил, пришло к тебе в силу божественного умысла, который мы не можем ни понять, ни оценить. Я уверен, что это не простая случайность.

— Перст Божий, — вырвалось насмешливо у Блэйна.

— Да, перст Божий обратился на тебя.

— Я не просил его. И если б меня спросили заранее, я бы отказался.

— Расскажи мне, — попросил священник. — С самого начала. Прошу тебя.

— Хорошо. Если и вы мне расскажете кое-что.

— Что ты хочешь знать? — спросил отец Фланаган.

— Вы сказали, что шли за мной следом. Откуда вам было известно, где проходит мой след?

— Как же так, сын мой, — изумился отец Фланаган. — Я думал, ты давно понял. Видишь ли, я один из вас. У меня отличное паракинетическое чутье.

За рекой показался еще спящий Гамильтон. Несмотря на свой небольшой возраст, город в дымке легкого, мягкого тумана был похож на все соседние старые речные города. Над ним возвышались рыжевато-коричневые холмы, а под холмами, простираясь до самого города, тянулись шахматные клетки полей. Из дымоходов поднимался ленивый утренний дымок, и за каждой оградой обязательно рос розовый куст.

— Все выглядит очень мирно, — сказал отец Фланаган. — Ты уверен в том, что делаешь?

Блэйн кивнул:

— А вы, святой отец? Куда пойдете вы?

— Чуть дальше вниз по реке есть аббатство. Меня там примут.

— Я вас еще увижу?

— Может быть. Я должен вернуться в мой пограничный городок. На мой одинокий пост на границе с «Фишхуком».

— Поджидать других беглецов.

Священник кивнул, включил мотор и направил лодку к берегу. Когда днище зашуршало по песку и гальке, Блэйн выпрыгнул.

Отец Фланаган, повернув голову в сторону запада, принялся:

— Меняется погода, — сообщил он, — я перемены чую, как овчарка.

По щиколотку в воде Блэйн приблизился к нему и протянул руку.

— Спасибо, что подбросили меня, — поблагодарил он. — Пешком мне бы еще идти и идти.

— Всего доброго, сын мой. Господь с тобой.

Блэйн толкнул лодку с мели. Священник завел мотор, круто развернулся и помчался вниз по течению, махнув Блэйну рукой. Блэйн помахал в ответ.

Затем Блэйн вышел на берег и направился в сторону городка.

Вскоре он шагал по улице, чувствуя, что пришел домой.

Не к себе домой, не домой к друзьям и даже не в дом, о котором он всю жизнь мечтал, а просто в дом, подходящий для всех живущих на Земле. Тут было мирно и надежно, от городка веяло спокойствием и каким-то душевным уютом. В таком месте можно поселиться и жить, просто отсчитывая дни, принимая каждый новый день во всей его полноте и не думая о том, что будет завтра.

На улице, тянущейся меж аккуратных чистеньких домиков, никого не было, но Блэйн чувствовал, что на него устремлены взгляды из каждого окна и что в этих взглядах не настороженность или опаска, а обыкновенное любопытство.

Из одного из дворов выбежала собака — грустная, симпатичная гончая — и побежала рядом с ним, как старый добрый товарищ.

Блэйн вышел на перекресток и слева увидел группу небольших торговых зданий. У порога одного из них сидели несколько человек.

Он и гончая свернули в их сторону. Когда они приблизились, сидящие молча подняли на него глаза.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он. — Не подскажете ли, где я могу найти человека по имени Эндрюс?

— Я Эндрюс, — ответил один из них после секундного молчания.

— Я хотел бы побеседовать с вами.

— Садись и разговаривай со всеми, — сказал Эндрюс.

— Меня зовут Шепард Блэйн.

— Кто ты, мы знаем, — остановил его Эндрюс. — Нам стало это известно, как только лодка причалила к берегу.

— Ну, да, конечно, — согласился Блэйн, — я мог догадаться.

— Вон того зовут Томас Джексон, рядом с ним сидит Джонсон Картер, а вон тот — Эрни Эллис.

— Рад со всеми вами познакомиться, — сказал Блэйн.

— Присаживайся, — пригласил Томас Джексон. — Ты ведь пришел, чтобы нам что-то сказать.

— Наверное, мне следует начать с того, что я убежал с «Фиш-хука».

— Мы немного знаем о тебе, — произнес Эндрюс. — Моя дочь познакомилась с тобой несколько дней назад. Ты был с человеком по имени Райли. А прошлой ночью сюда принесли тело твоего друга...

— Его похоронили на холме, — сказал Джексон. — С похоронами пришлось поторопиться, но все же это были похороны. Видишь ли, мы его тоже немного знали.

— Спасибо вам, — поблагодарил Блэйн.

— А еще прошлой ночью, — продолжил Эндрюс, — что-то произошло в Бельмонте...

— Нам не нравится такой ход дел, — перебил Картер. — Нас слишком легко втянуть в любые беспорядки.

— Очень жаль, если это так, — ответил Блэйн. — Но, боюсь, я несу вам еще беспокойства. Вам знакомо имя Финн?

Все кивнули.

— Я говорил с ним вчера ночью. И узнал от него нечто, чего сам он, надо заметить, никогда в жизни мне бы не сообщил.

Все ждали, что он скажет дальше.

— Завтра ночью — канун Дня всех святых, — продолжил Блэйн. — Вот тогда-то все и должно начаться.

Он увидел, как люди напряглись, и быстро заговорил дальше:

— Не знаю, как ему это удалось, но тем или иным способом Финн создал среди паранормальных людей что-то вроде небольшого подполья. Те, конечно, не подозревают, кто за всем стоит.

Для них это псевдопатриотическое движение, своеобразный протест. Не слишком большого размаха, без особенных успехов. Но успехи Финну и не нужны. Все, что ему нужно, — это создать еще парочку прецедентов, продемонстрировать еще несколько «ужасных» примеров. Это его метод: с помощью примеров будить ярость у толпы.

И это подполье, действуя через паранормальных подростков, готовит к этой ночи несколько паракинетических демонстраций. Удобный случай, сказали им, показать, что такое паракинетика. Удобный случай свести кое-какие счета. Могу себе представить, сколько накопилось неоплаченных счетов.

Он сделал паузу и взглянул на окаменевшие от страха лица.

— Вы должны представлять, как подействует дюжина — всего дюжина — подобных демонстраций на воображение обывателей всего земного шара, если Финн преподнесет их должным образом.

— Их будет не дюжина, — тихо произнес Эндрюс. — По всему миру их, может быть, сотни, а может, даже несколько тысяч. И на следующее утро нас сметут с лица земли.

— А как тебе это стало известно? — взволнованно наклонился к нему Картер. — Такое Финн мог рассказать только своему сообщнику.

— Я обменялся с ним разумами, — объяснил Блэйн. — Есть такой прием, я ему научился на другой планете. Я вложил в него матрицу моего разума, а взамен взял копию его. Вроде копировальной бумаги. Трудно себе представить, но это осуществимо.

— Вряд ли Финн тебе благодарен за это, — заметил Эндрюс. — Заполучить себе в мозг такой беспокойный разум, как твой!

— Да, Финн выглядел несколько огорченным, — согласился Блэйн.

— Подростки будут изображать из себя чертей, — произнес Картер. — Они будут распахивать двери. Переносить автомобили. Разломают какие-нибудь сараи. Ну и всякие потусторонние вопли, разумеется.

— На этом и строится расчет, — подтвердил Блэйн. — Вроде бы обычные, традиционные шалости на День всех святых. Но для пострадавших это будет не просто озорство. Они решат, что все силы ада вышли из тьмы и обрушились на мир. Повсюду им будут видеться призраки, черти и оборотни. И так хорошего мало, а если учесть больное воображение напуганных обывателей... Наутро будут рассказывать о кишках, намотанных на забор, о перерезанных глотках, о похищенных девочках. И всякий раз это будет не там, где рассказывают, а где-то неподалеку. И люди будут верить. Верить в любую небылицу.

— Тем не менее, — заметил Джексон, — мы не можем слишком сурово осуждать наших детей, решившихся на это. Вы представить

себе не можете, мистер, что им пришлось повидать. Их презирают и унижают. Едва вступив в жизнь, они уже знакомятся с сегрегацией и знают, что повсюду на них будут показывать пальцем...

— Я все понимаю, — прервал его Блэйн, — и тем не менее их необходимо остановить. Можно же им как-то помешать. Телепатически по телефону или еще как-нибудь... Вы же умеете.

— Телепатию по телефону открыли пару лет назад, — сказал Эндрюс. — Чрезвычайно просто и в то же время гениально.

— Так воспользуйтесь этим. Свяжитесь с кем только можно. Пусть они предупредят других. Пусть передают по цепочке...

Эндрюс покачал головой:

— Мы не сможем связаться со всеми.

— Но хоть попытайтесь! — закричал Блэйн.

— Естественно, попытаемся, — сказал Эндрюс. — Мы сделаем все от нас зависящее. Не сочти нас неблагодарными. Наоборот. Мы тебе очень признательны. Мы в неоплатном долгу перед тобой. Но...

— Что?

— Тебе нельзя здесь оставаться, — произнес Джексон. — За тобой гонится Финн. А может, и «Фишхук». Нетрудно догадаться, где станешь искать убежища.

— О Господи! — воскликнул Блэйн. — Я пришел к вам...

— Нам очень жаль, — сказал Эндрюс. — Мы понимаем, что ты испытываешь сейчас. Мы могли бы попробовать тебя спрятать, но если тебя найдут...

— Что ж, хорошо. Вы дадите мне машину?

Эндрюс отрицательно покачал головой:

— Тоже рискованно. Финн будет контролировать дороги. А по номеру они смогут узнать, откуда машина.

— Тогда что же? В горы?

Эндрюс кивнул.

— Найдете мне еды?

Джексон поднялся на ноги.

— Пойду соберу чего-нибудь.

— Когда все успокоится, можешь приходить, — сказал Эндрюс. — Мы будем тебе рады.

— Спасибо и на этом, — ответил Блэйн.

ГЛАВА 30

Блэйн сидел под одиноким деревом на небольшом уступе одного из самых высоких холмов и смотрел на реку. По небу черным пунктиром чиркнула стайка спускающихся в долину уток.

А когда-то, подумал он, в это время года небо чернело от стай, улетающих с севера, от первых неистовых вестников зимних мете-

лей. Теперь их осталось совсем мало — часть перебита охотниками, а многие погибли от голода, из-за того, что места, где они обычно делали свои гнезда, пересохли и превратились в пустыню.

В свое время по этой земле ходили стада бизонов и в каждом ручье можно было поймать бобра. Сейчас же бобров почти нет, а бизоны исчезли вообще.

Вот так человек и истребляет жизнь, думал Блэйн, иногда делая это из ненависти и страха, иногда — просто ради забавы.

А если план Финна осуществится, все повторится, только истреблены будут не животные, а паранормальные люди. Конечно, в Гамильтоне приложат силы, чтобы сделать все от них зависящее, но много ли они успеют? У них есть тридцать шесть часов, чтобы передать предупреждение. Допустим, сократить число происшествий удастся, но предотвратить все случаи? Вряд ли.

«Впрочем, мне какое дело, — сказал себе Блэйн. — Что о них беспокоиться, когда они меня просто выгнали. Люди, которых я считал своим народом, город, где почувствовал себя дома, — они от меня отказались»..

Он наклонился и подтянул лямки рюкзака, куда Джексон сложил еду и фляжку с водой.

Позади послышался шелест, и Блэйн, напряжинившись, резко повернулся.

Над травой, приземляясь, зависла девушка, грациозная, как птица, и прекрасная, как утро.

Блэйн глядел на нее, захваченный ее красотой, потому что до этого он ее фактически не видел. Только однажды, в тусклом свете автомобильных фар, и еще раз, прошлой ночью, в полумраке гостиничного номера — не более минуты.

Вот ее ноги коснулись земли, и она подошла к нему.

— Я только что узнала, — произнесла она. — Мне так стыдно за них. Вы пришли к нам, чтобы помочь...

— Ничего, — сказал Блэйн. — Не стану спорить, это больно, но я могу их понять.

— Они всю жизнь старались, чтобы на нас не обращали внимания. Они мечтали жить по-человечески. Они не могут рисковать.

— Да, это так, — согласился Блэйн. — Но я видел и таких, кто не боится риска.

— Мы, молодежь, доставляем им столько беспокойства. Нам не следовало бы устраивать развлечения на День всех святых, но ничего нельзя поделать — мы и так почти не выходим из дома. А праздники бывают так редко.

— Я очень обязан тебе за ту ночь, — сказал Блэйн. — Если бы не ты, мы с Гарриет оказались бы в ловушке...

— Мы сделали все, что могли, для мистера Стоуна. Надо было торопиться, и мы не смогли соблюсти все формальности. Но на похороны пришли все. Он похоронен на вершине холма.

— Твой отец рассказал мне.

— Мы не могли сделать надпись или поставить плиту. Мы просто срезали дерн, а потом положили его на место. Догадаться невозможно. Но у всех нас место записано в памяти.

— В свое время мы со Стоуном были друзьями.

— Когда работали в «Фишхуке»?

Блэйн кивнул.

— Расскажите мне о «Фишхуке», мистер Блэйн.

— Меня зовут Шеп.

— Хорошо, Шеп. Расскажи.

— Это целый огромный город, огромный и высокий. (Башни на холме, площади и тротуары, деревья и мощные здания, магазины и лавки, и погребки, люди...)

— Шеп, а почему нас туда не пускают?

— Не пускают?

— Некоторые из нас писали туда и в ответ получили бланки заявлений. Только бланки, и больше ничего. Мы их заполнили и отправили. На этом все кончилось.

— Тысячи людей хотят попасть в «Фишхук».

— Ну и что? Почему не пустить нас всех? Пусть «Фишхук» будет нашей страной. Где все униженные наконец найдут покой.

Блэйн не ответил. Он закрыл от нее свой мозг.

— Шеп! Шеп, что случилось? Я что-то сказала не то?

— Послушай, Анита. Вы не нужны «Фишхуку». «Фишхук» уже не тот, каким вы его считаете. Он изменился. Он превратился в корпорацию.

— Да, но мы же всегда...

— Знаю. Знаю. Знаю. Земля обетованная. Единственная надежда. Эльдорадо. Все совсем не так. «Фишхук» — это гигантская бухгалтерия. Там подсчитывают убытки и прибыли. О, он, несомненно, помогает человечеству; он дает ему прогресс. Теоретически и даже практически. «Фишхук» — самое грандиозное предприятие за всю историю. Но не надо искать там человечности. Или родственного чувства к остальным паранормальным. Если мы хотим обрести свою «землю обетованную», нам ее надо строить собственными руками. Нам надо драться и драться, чтобы останавливать финнов и срывать операции типа «Дня всех святых»...

— Собственно, я ведь для этого и пришла. Чтобы сказать, что ничего не получается.

— А телефон...

— Мы позвонили в два города — Детройт и Чикаго. Попробовали в Нью-Йорк, но нас не соединили. Можешь себе представить: не соединили с Нью-Йорком. Потом мы попытались связаться с Денвером, но нам сказали, что линия не работает. И мы испугались и прекратили попытки...

— Прекратили! Вы не можете прекращать!

— У нас есть несколько дальних телепатов, мы сейчас пытаемся наладить связь через них. Но у них пока не получается. В дальней телепатии нужда возникает редко, поэтому она не слишком отлажена.

Блэйн застыл, не веря собственным ушам.

Не могли дозвониться в Нью-Йорк! Нет связи с Денвером!

Неужели Финн держит все это в руках?

— Не держит в руках, — поправила его Анита, — а только расставил своих людей в стратегических точках. Не исключено, что в его силах нарушить систему связи во всем мире. А поселения вроде нашего находятся под его постоянным наблюдением. В другие города мы звоним не чаще, чем раз в месяц. А тут три звонка за пятнадцать минут. Финн почувствовал неладное и блокировал нас.

Блэйн снял со спины рюкзак и опустил его на землю.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

— Нет смысла. Все, что можно, мы уже делаем.

— Да, конечно. Возможно, ты права. Хотя есть один шанс, надо только успеть в Пьер.

— Пьер — это город, где жил Стоун?

— Да, но... Ты что, знала Стоуна?

— Только слышала о нем. Для паранормальных людей он был вроде Робин Гуда. Он боролся за них.

— Если я сумею связаться с его организацией, а мне кажется, это возможно...

— Та женщина тоже там живет?

— Гарриет? Только она может вывести меня на группу Стоуна. Но ее может там не оказаться. Я не знаю, где она.

— Если ты подождешь до вечера, мы сможем отвезти тебя по воздуху. Но днем это слишком опасно. Чересчур много глаз, даже в таком месте, как Гамильтон.

— Туда не больше тридцати миль. Дойду пешком.

— По реке было бы проще. Ты умеешь управлять каноэ?

— Когда-то умел. Надеюсь, еще не забыл.

— Так даже безопаснее, — сказала Анита. — Суда по реке сейчас почти не ходят. Выше по реке, недалеко от города, живет мой двоюродный брат. У него есть каноэ. Давай я тебе объясню.

ГЛАВА 31

Непогода пришла неожиданно. Ничто не предсказывало ее приближения, кроме постепенно сереющего неба. В полдень тучи лениво напоззли на солнце, а к трем часам все небо от горизонта до горизонта было затянуто серыми барашками.

Блэйн изо всех сил налегал на весло, покрывая милю за милей. Много лет ему не приходилось грести, и много лет его тело не знало таких изнурительных нагрузок. Руки у него задеревенели и потеряли чувствительность, плечи ломило, а верх спины обхватило стальным обручем, который сжимался с каждым гребком. Ладони превратились в один сплошной волдырь.

Но он не снижал темп, зная, что дорога каждая минута. В Пьере ему еще предстояло найти группу паракинетиков, работавших со Стоуном, но, даже если он их найдет, те могут отказаться ему помочь. Они могут начать проверять его и его объяснения и вполне резонно станут подозревать в нем шпиона Финна. Если бы Гарриет была там, она смогла бы поручиться за него, хотя он и не знал, какое положение она занимает в организации и много ли весит ее слово. Да и там ли она?

Но это хоть и слабый, но единственный шанс. Последний, который нельзя упускать. Он должен приплыть в Пьер, он должен найти группу, он должен заставить их поверить себе.

А если он не сумеет, то это будет означать гибель Гамильтона и еще сотен таких гамилтонов по всему свету. И это будет означать гибель тех паранормальных, что живут не в гамилтонах, а обитают, боясь сделать лишний шаг, среди людей, считающих себя нормальными.

Обыкновенные люди считают их чокнутыми, колдунами, нечистой силой, и кто может на это возразить? У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом и не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается и из предубеждений, и из непонимания, и из извращенной логики, столь свойственных человеческому разуму.

А сам ты кто, спросил себя Блэйн. Уж если называть кого-то чокнутым, то в первую очередь тебя самого. Потому что ты даже не человек.

Он вспомнил Гамильтон и Аниту Эндрюс, и его — больно кольнуло в сердце — имел ли он право требовать, чтобы кто-либо, неважно, город или женщина, принял его как своего?

Он навалился на весло, стараясь оборвать невыносимые раздумья, прекратить в изнемогающем мозгу бешеную пляску вопросов.

Вместо легкого ветерка задул резкий северо-западный ветер, и на закручивающейся волнами поверхности реки стали появляться белые пенистые гребешки.

Небо, тяжелое и серое, навалилось на землю и темной крышей повисло над рекой. В прибрежном ивняке суетливо защебетали птицы, обеспокоенные ранним приходом сумерек.

Блэйн вспомнил старого священника, принюхивающегося к небу. Погода портится, предупредил он тогда. Нет, погода его не

остановит, стиснул зубы Блэйн, яростно работая веслом. Его ничто не остановит. Никакая сила на земле.

Первые мокрые хлопья снега стегнули его по лицу, и всю реку ниже по течению накрыло приближающимся серым занавесом. Все скрылось из виду, и только снег шелестел, падая на воду, и ветер, словно огромный хищник, от которого ускользает добыча, зло скулил за спиной.

Берег был не более чем в сотне ярдов, и Блэйн решил, что продолжать путешествие придется пешком. Как бы он ни спешил, выгадывая время, плыть дальше было невозможно.

Он сделал резкий гребок, чтобы направить каноэ к берегу, и тут на него обрушился новый порыв ветра. Дальше вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Вокруг метались лишь снежные хлопья, и река, объединившись с ветром, ритмично подбрасывала каноэ. И берег, и холмы над ним исчезли. Остались лишь вода, ветер и снег.

Каноэ резко дернуло и закружило, и Блэйн на мгновение потерял всякое чувство направления. Всего несколько секунд — и он безнадежно заблудился на реке, не имея ни малейшего представления, в какой стороне лежит берег. Все, что ему оставалось, — это стараться удерживать лодку от вращения.

Ветер стал еще резче и холодней и ледяным ножом врезался в его вспотевшее тело. По лицу бежали струйки воды от запорошившего волосы и брови снега. Каноэ беспомощно приплясывало в волнах. Не зная, что делать дальше, подавленный этой пришедшей с реки атакой, Блэйн растерянно подгребал веслом.

Вдруг из серого тумана всего в нескольких метрах от него вынырнули заснеженные ивовые кусты; каноэ несло прямо на них.

Блэйн только успел напрячься, ухватиться за борта и приготовиться к удару.

Каноэ со скрежетом, заглушаемым ветром, врезалось в кусты, приподнялось и опрокинулось.

Очувшись в воде, Блэйн ухватился за ветви, нащупал мягкое скользкое дно и, отфыркиваясь, выпрямился. На каноэ рассчитывать больше не приходилось: подводная коряга разодрала полотно вдоль всего борта, и теперь лодка медленно погружалась.

Спотыкаясь и падая, Блэйн выбрался сквозь заросли ивняка на твердую землю и только тут понял, что в воде было теплей. Пронизывая его мокрую одежду, ветер впился в него миллионом ледяных игл.

Весь дрожа, Блэйн устался на сотрясаемые штормом кусты. Надо найти закрытое место. И там разжечь огонь. Иначе ночь не продержаться. Он поднес руку к самым глазам: часы показывали только четыре.

Светло будет еще не больше часа, прикинул он, и за это время надо успеть найти, где укрыться от бури и холода.

Он было двинулся вдоль берега и вдруг замер — он не сможет разжечь огонь. У него нет спичек. А может, есть? Все равно они мокрые. Впрочем, их можно бы высушить. Он лихорадочно обшарил промокшие карманы. Но спичек не нашел.

Блэйн зашагал дальше. Если он найдет хорошее укрытие, сумеет выжить и без костра. Какую-нибудь яму под корнями упавшего дерева или дупло, куда сможет втиснуться, — любое закрытое от ветра место, где тепло его тела хотя бы частично просушит одежду и не даст замерзнуть самому.

Деревьев не было. Одни только бесконечные ивы, хлопающие, как бичи, в порывах ветра.

Он пошел дальше, скользя и спотыкаясь на обломках и топляках, выброшенных на берег в половодье. От частых падений его костюм покрылся грязью и замерз, превратившись в ледяной панцирь, и все же он шел. Остановившись было нельзя; ему необходимо было укрытие; если он перестанет двигаться, не сможет двигаться, то погибнет.

Он снова споткнулся, упал на колени. Там, у самого берега, в воде, зажатое ивовыми ветвями, плавало полузатопленное каноэ, тяжело покачиваясь в волнах наката.

Каноэ!

Он провел по лицу грязной ладонью, чтобы взглянуть получше.

Это было то же самое каноэ, другого и быть не могло!

Именно от этого каноэ он отправился вдоль берега.

И снова к нему вернулся!

Он напряг уставший разум в поисках ответа — ответ мог быть только один, один-единственный.

Он в западне — на крохотном речном островке.

И вокруг ничего, кроме ивняка. Ни одного нормального дерева — вывернутого, с дуплом или еще какого-либо. У него нет спичек, а если б они и были, то костер все равно не из чего было бы сделать.

Штанины стали фанерными и похрустывали всякий раз, как он сгибал колени. Казалось, что с каждой минутой становилось все холоднее — хотя он слишком замерз, чтобы судить о температуре.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и пошел прямо на обжигающий ветер. По кустам шелестел падающий снег, разгневанно гудела исхлестанная бурей река, и наступающая темнота несла ответ пока еще не заданному вопросу.

Ночь на острове он не выдержит, а покинуть его нет возможности. Он понимал, что до берега не может быть более полусотни метров, но что толку? Десять против одного, что на берегу будет не легче, чем здесь.

«Я должен найти выход, — приказал себе Блэйн. — Я не умру на этом затхлом клочке недвижимого имущества, на этом идиотском островке. И не потому, что моя жизнь представляет великую ценность. Я единственный, кто может получить в Пьере помощь.

Какое издевательство! Ведь я никогда не попаду в Пьер. Я не выберусь с этого острова. Я так и останусь на этом месте, и, скорее всего, меня даже не найдут.

А когда начнется весеннее половодье, течение потащит меня вместе с прочим смытым с берегов мусором».

Он повернулся и отошел подальше от края воды. Нашел место, где ивы хоть немного защищали от ветра, и осторожно сел, вытянув ноги. Механическим жестом поднял воротник. Потом плотно сложил на груди руки, спрятал полузамерзшие пальцы в едва различимое тепло подмышек и уставился взглядом в призрачные сгущающиеся сумерки.

Но так нельзя, сказал он себе. В такой ситуации обязательно надо двигаться. Чтобы кровь не застыла в жилах. Надо отгонять сон. Махать руками. Топать ногами. Надо цепляться за жизнь.

Впрочем, зачем, подумал он. Можно пережить все унижения борьбы за жизнь и все же погибнуть в конце концов.

Нет, должен быть лучший путь.

Если у меня в голове мозги, а не солома, я обязан придумать что-то получше.

Главное, решил он, суметь отрешиться от ситуации, чтобы беспристрастно обдумать проблему: как перенести себя, свое тело, с этого острова, и не только с острова, но и в безопасное место.

Но разве есть для меня безопасное место?

И вдруг он понял, что есть.

Есть такое место. Он может вернуться в голубую комнату, где живет Розовый.

Но нет! Это то же самое, что остаться на острове, потому что к Розовому может полететь лишь его разум, а не тело. А когда он вернется, тело, скорее всего, будет уже не пригодно к употреблению.

Вот если бы он мог взять с собой тело, то все было бы в порядке.

Но тело взять нельзя.

Он все же решил проверить это, но никак не находил нужных данных о той далекой планете. Когда же наконец нашел то, что искал, и заглянул в сведения, то ужаснулся.

Если бы он оказался там во плоти, он не прожил бы и минуты! Планета была абсолютно не пригодна для человека.

Но должны же быть другие места. Конечно же, есть другие планеты, куда он мог бы отправиться и во плоти, если бы смог.

Он сидел, сгорбившись от холода и уже не ощущая ни стужи, ни сырости.

Он попробовал позвать Розового, но тот не откликнулся. Он звал его снова и снова, но безуспешно. Он пытался найти его в себе, нащупать, поймать, но не нашел и следа его. И тогда до него дошло — будто чей-то голос сказал ему, — что искать бесполезно. Он никогда не найдет его, потому что существо превратилось в часть его самого. Они слились воедино, и больше не существовало ни Розового, ни человека, а был странный сплав их обоих.

Отныне ему самому предстоит делать все, что потребуется, используя навыки того, кем он стал.

В нем были все исходные данные, в нем было знание, в нем были способы и методы, и еще в нем было грязноватое пятно — Ламберт Финн.

Он углубился в свой разум, заглядывая во все укромные уголки, просматривая каждую полочку, не пропуская ни одного ящика, или пакета, или коробки, где были распиханы невероятные по объему и все еще не разобранные сведения — биллионы обрывков информации, бестолково собранные безалаберным существом.

Он находил то, что озадачивало, и то, что вызывало в нем отвращение, и то, что восхищало, но ничто не могло быть применено в данном случае.

И все время под ногами у него назойливо путался разум Ламберта Финна, который еще не успел слиться и, возможно, никогда не сольется с его разумом, а будет постоянно бегать из угла в угол, мешая и отвлекая.

Блэйн оттолкнул его в сторону, сбросил с дороги, засунул под ковер и продолжил поиски, но грязные мысли, и планы, и представления Финна, порожденные средоточием ужаса, по-прежнему выскакивали на поверхность его сознания.

В сотый раз отбросив этот мусор прочь, он уловил что-то похожее на то, что ищет, и бросился за этим в погоню, продираясь через всю мерзость, гнездящуюся в разуме Финна. Потому что он нашел, что было нужно, но не на свалке знаний, унаследованных от Розового, а в мусорной куче, доставшейся от Финна.

Это было неземное, извращенное, гнусное знание, и Блэйн понял, что Финн получил его на той самой планете, откуда вернулся умалишенным. Мысленно держа это знание в руках, Блэйн рассмотрел совсем простое устройство, усвоил логику понятий, разобрался, как им пользоваться, и отчасти понял чувство вины и страха, толкнувшие Финна на путь ненависти и преступлений.

Это знание раскрывало дорогу к звездам, физически открывало ее для всех жизненных форм во всей Вселенной. Но неустойчивая психика Финна сделала единственный вывод: Земля тоже досягаема. И прежде всего для планеты, которая владеет этим знанием. Он не подумал обо всех открывающихся возможностях, не понял, какую пользу это знание может принести

человеческой расе, для него оно было лишь мостом между планетой, которую он открыл, и планетой, которую он считал родной. Он начал беспощадную борьбу за то, чтобы родная планета вернулась к доброму старому прошлому, чтобы она порвала всякую связь с космосом; он поставил себе цель обескровить и задушить «Фишхук», а для этого уничтожить всех паранормальных людей, тем самым лишая «Фишхук» будущего пополнения.

По логике Финна, Вселенная не обратит внимания на Землю, если Земля останется маленькой тихой планеткой и не станет привлекать к себе внимания, и тогда за человечество можно не опасаться.

Но как бы то ни было, в его разуме лежали сведения о том, как путешествовать по космосу во плоти, и эти сведения могли сейчас спасти Блэйну жизнь.

Блэйн снова заглянул в свой разум, и там на полочках, где стояли уже извлеченные из хаоса информации знания, нашел каталог тысяч планет, на которых побывал Розовый. Они были сотен различных типов и все — одинаково губельны для незащищенного человеческого организма. Страх снова стал возвращаться к Блэйну: неужели теперь, зная, как перемещать не только разум, но и тело, он не найдет подходящей планеты?

Яростный вой ветра, прорываясь сквозь барьер его сконцентрированного на поиске сознания, сбивал с мысли и напоминал о холоде. Блэйн попробовал согнуть ногу, но едва сумел пошевелить ею. Буря злорадно хохотала над ним, кружась над рекой и барабаня сухими зернами снега по ивняку.

Он отрешился от ветра, и снега, и холода, и воя, и стука — и вдруг нашел, что искал.

Он дважды перепроверил данные и остался удовлетворенным. Он мысленно нарисовал сетку координат и расположил там найденную планету. Затем медленно, этап за этапом, выполнил прием дальнего скачка. И стало тепло.

Он лежал лицом вниз, а под ним была трава, и пахло травой и землей. Исчезли завывания бури и всхлипы снегопада.

Он перевернулся на спину и сел.

И от того, что он увидел, у него перехватило дух.

Потому что если и существовало во Вселенной райское место, то это было оно!

ГЛАВА 32

Солнце уже перевалило через полуденную отметку и скатывалось на запад, когда Блэйн, хлюпая по раскисшей после первой осенней бури земле, спустился в городок Гамильтон.

Вот он снова здесь, подумал Блэйн, и опять почти поздно — надо было прийти раньше, потому что, как только солнце скроется за горизонтом, наступит канун Дня всех святых.

Интересно, сколько паранормальных городов успели предупредить гамилтонцы, спросил себя Блэйн. Не исключено, что они успели куда больше, чем он даже мог предположить. Возможно, им повезло, возможно, и нет.

На ум ему вдруг пришел старик священник: «Перст Божий обратился на тебя...»

Когда-нибудь мир оглянется назад, и ему станет стыдно за сегодняшнее сумасшествие — за слепоту, глупость, нетерпимость. Когда-нибудь мир станет честным и мудрым. Когда-нибудь паранормальных людей перестанут считать исчадием ада. Когда-нибудь исчезнет барьер, отделяющий их от «нормальных» людей, — если таковые к тому времени еще останутся. Когда-нибудь станет ненужным «Фишхук». Может быть, даже Земля когда-нибудь станет ненужной.

Потому что он нашел выход. Он не дошел до Пьера, но нашел решение. Он был вынужден найти решение.

И его решение было лучше, чем решение Стоуна. Его метод путешествия превосходил что-либо известное в «Фишхуке». Этот метод полностью исключал любые механизмы. Он превращал человека в полного хозяина своего разума и своего тела и открывал перед ним всю Вселенную.

По небу все еще плыли обрывки облаков — арьергард пронесшейся над долиной бури. По обочинам стояли натаившие из снега лужи, а ветер, несмотря на яркое солнце, еще не утратил своей порывистой остроты.

Блэйн поднялся по улице, ведущей в центр города; в нескольких кварталах, на площади перед магазинами, он увидел ожидающих его жителей — не группу людей, как в прошлый раз, а целую толпу народа. Наверное, большая часть Гамильтона, прикинул Блэйн.

Он пересек площадь и всмотрелся в молчащую толпу, стараясь найти Аниту, но ее там не было.

На ступеньках сидело четверо мужчин — все та же четверка. Блэйн остановился перед ними.

— Мы слышали, ты решил вернуться, — произнес Эндрюс.

— Я не добрался до Пьера, — сказал Блэйн. — Я хотел просить там помощи. Но на реке меня застигла буря.

— Они перекрыли телефонную связь, — сказал Джексон, — и мы использовали дальнюю телепатию. Нам удалось связаться с некоторыми группами, а те передадут дальше. Не знаю, далеко ли.

— Да и за четкость трудно ручаться, — добавил Эндрюс.

— Ваши телепаты все еще поддерживают связь? — спросил Блэйн. Эндрюс кивнул.

Снова заговорил Джексон:

— Людей Финна так и не было. И это настораживает. У Финна что-то случилось...

— Они должны были прийти искать тебя и перевернуть здесь все вверх дном, — подтвердил Эндрюс.

— А может, они не хотят меня искать?

— А может, — холодно заметил Джексон, — ты не тот, за кого себя выдаешь?

Блэйн не выдержал:

— Да пропадите вы пропадом! — выкрикнул он. — А я-то чуть не подох ради вас. Все. Сами себя спасайте.

Он круто повернулся и пошел прочь, задыхаясь от гнева.

Нет, это не его война. Она чужая ему, как и эти люди. Но все же он считал ее своей войной. Он вступил в нее из-за Стоуна, из-за Рэнда и Гарриет, из-за гонявшегося за ним по всей стране сыщика. И может быть, еще из-за чего-то неопределенного, неясного в нем самом — какого-то дурацкого идеализма, жажды справедливости, желания бросить вызов всем негодьям, мошенникам и реформистам.

Он пришел в этот город не с пустыми руками, он спешил вручить им удивительный дар. А его стали допрашивать, словно шпиона и самозванца.

Ну и черт с ними, сказал он себе. Он достаточно сделал. С него хватит.

Осталось единственное дело, которое ему предстоит закончить, а потом на все наплевать.

— Шеп!

Он продолжал идти.

— Шеп!

Блэйн остановился и посмотрел назад.

К нему шла Анита.

— Нет, — сказал он.

— Но они — это же еще не все, — произнесла она. — Нас здесь много, и мы готовы слушать тебя.

И она, конечно, была права.

Их было много.

Анита и все остальные. Женщины, и дети, и мужчины, не наделенные властью. Ибо власть делает людей подозрительными и мрачными. Власть и ответственность мешают людям быть самими собой и из личностей превращают их в коллективный орган.

И в этом паранормальный человек или сообщество паранормальных людей не отличаются от обыкновенного человека или сообщества обыкновенных людей. Собственно, паранормальность не меняет личности. Она только дает ей возможность стать полнее.

— У тебя ничего не получилось, — сказала Анита. — Трудно было рассчитывать на успех. Но ты старался, и этого достаточно.

Он сделал шаг в ее сторону.

— Ты не права. У меня все получилось.

Теперь они, вся толпа, медленно и безмолвно шли к нему.

А впереди всех шла Анита Эндрюс.

Она приблизилась к нему, остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Где ты был? — тихо спросила она. — Мы искали тебя на реке и нашли каноэ.

Протянув руку, он поймал ее за локоть и крепко прижал к себе сбоку.

— Я расскажу тебе, — сказал он, — чуть позже. Чего хотят эти люди?

— Они напуганы. Они ухватятся за любую надежду.

В двух шагах от него толпа остановилась, и мужчина в переднем ряду спросил:

— Это ты человек из «Фишхука»?

Блэйн кивнул:

— Да. Раньше я служил в «Фишхуке», но не теперь.

— Как Финн?

— Как Финн, — согласился Блэйн.

— И как Стоун, — вмешалась Анита. — Стоун тоже был из «Фишхука».

— Вы боитесь, — сказал Блэйн. — Вы боитесь меня, и Финна, и всего света. Но я нашел место, где вы забудете, что такое страх. Я открыл для вас новый мир, и, если он вам нужен, берите его.

— А что это за мир? Чужая планета?

— Эта планета не хуже, чем лучшие уголки Земли. Я только что вернулся оттуда...

— Но ты же спустился с горы. Мы сами видели, как ты спускался...

— Да замолчите же вы, идиоты! — закричала Анита. — Дайте ему рассказать.

— Я нашел способ, — продолжал Блэйн, — или, скорее, украл способ путешествовать в космосе и разумом, и телом. Сегодня ночью я был на одной из планет. А утром прилетел обратно. Безо всякой машины. Это нетрудно, стоит только понять.

— Но где гарантии...

— Их нет. Ваше дело — верить мне или нет.

— Но даже «Фишхук»...

— С этой ночи, — медленно произнес Блэйн, — «Фишхук» — это вчерашний день. «Фишхук» нам больше не нужен. Мы можем летать куда нам вздумается. Без машин, только силой разума. А это и есть цель всех паракинетических исследований.

Машина всегда была только костылем, на который опирался прихрамывающий разум. Теперь этот костыль можно отбросить.

Сквозь толпу протиснулась женщина с изможденным лицом.

— Давайте кончать болтовню, — сказала она. — Ты говоришь, что нашел планету?

— Нашел.

— И можешь взять нас туда?

— Мне незачем брать вас. Вы сами можете полететь.

— Ты один из нас, сынок. У тебя честные глаза. Ты же не станешь нам лгать?

— Я не стану вам лгать, — улыбнулся Блэйн.

— Тогда рассказывай, что надо делать.

— А что можно взять с собой? — выкрикнул кто-то.

— Немного, — покачал головой Блэйн. — Мать может взять на руки ребенка. Можно надеть на плечи рюкзак. Перебросить через спину узел. Захватите с собой вилы, топоры и еще какие-нибудь инструменты.

Из толпы вышел мужчина и произнес:

— Если уж лететь туда, то надо спешить. И нужно решать, что мы берем с собой. Нам понадобятся продукты, семена растений, одежда, инструменты...

— Вы в любой момент сможете вернуться, — сказал Блэйн. — В этом нет ничего сложного.

— Ладно, — остановила его женщина с измученным лицом. — Хватит терять время. Ближе к делу. Рассказывай, сынок.

— Погодите, еще момент. Есть среди вас дальние телепаты?

— Есть. Я, например, а вон Мертль, и Джим в том ряду, и...

— Вы должны все передавать. Всем, кому сможете. А те пусть передают другим и так далее. Пусть как можно больше людей узнают туда дорогу.

— Хорошо, — кивнула женщина, — можешь объяснить.

Шурша ногами по площади, люди плотным кольцом встали вокруг Блэйна и Аниты.

— Готовы? — спросил Блэйн. — Тогда смотрите.

И он почувствовал, как они смотрят, деликатно заглядывая в его разум и словно сливаясь с ним в одно целое.

И он тоже сливается с ними. Здесь, в этом кругу, десятки разумов объединились в один — один большой разум, полный теплоты, человечности и доброты. В нем был аромат весенней сирени, и запах речного тумана, нависшего ночью над землей, и осенние краски багряных холмов. В нем было потрескивание поленьев в очаге, рядом с которым дремлет старый пес, и пение ветра в карнизах. В нем было чувство дома и друзей, хорошего утра и добрых вечеров, соседа из дома напротив и перезвон колоколов маленькой церквушки.

Блэйн с сожалением отвернулся от этих ощущений, среди которых он мог жить бесконечно долго, и произнес:

— *А теперь запомните координаты планеты, куда вы отправитесь.*

Он передал им координаты, на всякий случай показав их им несколько раз.

— *А делается это вот так.*

И он извлек это омерзительное неземное знание и некоторое время держал перед ними, чтобы дать им привыкнуть, затем шаг за шагом объяснил им принцип и логику, хотя в этом практически не было нужды: раз увидев суть знания, они автоматически усвоили и принцип и логику.

Чтобы быть уверенным до конца, он еще раз все им повторил.

И их разумы отшатнулись от него, и только Анита осталась рядом.

— *Что случилось?* — спросил он Аниту, увидев, с каким выражением глаз они отступились от него.

Анита повела плечами.

— *Это было ужасно.*

— *Естественно. Но я видел вещи и похуже.*

Ну, конечно, в этом-то и дело. Он видел, а они — нет. Эти люди всю жизнь прожили на Земле, и ничего, кроме Земли, не знали. Им никогда не приходилось сталкиваться с неземными понятиями. Знание, которое он им показал, собственно, не было мерзким. Оно было неземным. В чужих мирах много вещей, от которых волосы встают дыбом, но которые для своего мира вполне естественны и нормальны.

— *Они им воспользуются?* — спросил он.

И услышал голос изможденной женщины:

— *Я услышала твой вопрос, сынок. То, что мы увидели, мерзко, но мы им воспользуемся. У нас нет выбора.*

— *Вы можете остаться здесь.*

— *Мы воспользуемся,* — повторила женщина.

— *И передадите информацию дальше?*

— *Сделаем все, что можем.*

Люди начали расходиться. Они выглядели смущенными и растерянными, словно кто-то рассказал непристойный анекдот на церковном собрании.

— *А ты что скажешь?* — спросил он Аниту.

Она медленно повернулась, чтобы стать с ним лицом к лицу:

— *Ты должен был сделать это, Шеп. Ты не мог поступить по-другому. Ты не знал, как они все воспримут.*

— *Да, я не знал. Я так долго общался с неземным. Я сам теперь отчасти неземной. Я не совсем человек...*

— *Тс-с,* — остановила его Анита. — *Я знаю, кто ты.*

— *Ты уверена, Анита?*

— *Еще как уверена,* — ответила она.

Он привлек ее к себе и крепко обнял на минуту, затем отпустил и заглянул ей в лицо и за улыбкой в глазах увидел слезы.

— Я должен идти, — сказал он. — У меня осталось еще одно дело.

— Ламберт Финн?

Блэйн кивнул.

— Нет! — закричала она. — Ты не станешь!

— Не то, что ты подумала, — ответил Блэйн. — Хотя, Бог свидетель, я бы сделал это с удовольствием. До этого момента я действительно хотел убить его.

— Но разве не опасно возвращаться туда?

— Не знаю. Посмотрим. Я попытаюсь выиграть время. Я единственный, кто может это. Финн меня боится.

— Возьмешь машину?

— Если можно.

— Мы начнем уходить, как только стемнеет. Успеешь вернуться?

— Не знаю, — ответил он.

— Ты ведь вернешься? Ты ведь поведешь нас?

— Я не могу обещать, Анита. Не заставляй меня обещать.

— Но если ты увидишь, что мы ушли, ты полетишь за нами?

Блэйн промолчал.

Он не знал, что ответить.

ГЛАВА 33

В фойе отеля было тихо и почти безлюдно. Один человек дремал в кресле. Другой читал газету. За окошечком клерк со скучающим видом глядел на улицу и рассеянно щелкал пальцами.

Блэйн пересек фойе и по короткому проходу направился к лестнице.

— Лифт, сэр? — услужливо предложил лифтер.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Мне всего один этаж.

Он обошел лифт и начал подниматься пешком, чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Выйдет ли он отсюда живым, Блэйн не знал.

Но он вынужден был рискнуть.

Дорожка на каменных ступеньках заглушала его шаги, и он поднимался в полной тишине, в которой слышен был только нервный присвист его дыхания.

На втором этаже все было по-прежнему. Так же, прислонив кресло к стене, сидел охранник. Увидев Блэйна, он наклонился, не вставая с кресла и широко раскинув ноги, и стал ждать, когда он подойдет поближе.

— К нему сейчас нельзя, — сообщил он Блэйну, — Он только что всех выгнал. Сказал, постарается заснуть.

Блэйн сочувственно кивнул:

— Да, несладко ему приходится.

— Никогда не видел, чтобы люди так расстраивались, — доверительно шепнул телохранитель. — Кто его так, по-вашему?

— Опять это проклятое колдовство.

Охранник глубокомысленно кивнул:

— Правда, он и до того, как это случилось, был не в себе. Когда вы в тот раз пришли к нему, с ним было все нормально, а после вас его словно подменили.

— Я в нем перемен не заметил.

— Я же говорю, при вас он был еще в порядке. И вернулся нормально. А где-то через час я заглянул, вижу: он сидит в кресле и на дверь уставился. Станный такой взгляд. Как будто внутри что-то болит. Он даже меня не заметил, когда я вошел. И так и не замечал, пока я с ним не заговорил.

— Может, он думал?

— Наверное. Но вчера было ужасно. Собрался народ, все приготовились его слушать, репортеров полно, а когда пошли в гараж за звездной машиной...

— Меня там не было, — прервал Блэйн, — но я слышал. Для него это, должно быть, был удар.

— Я думал, он там на месте и кончится, — сказал охранник. — Он весь побагровел...

— А не заглянуть ли нам к нему, — предложил Блэйн. — Если он уже спит, я уйду. А если не спит, мне ему надо сказать пару слов. Крайне важных.

— Ну что ж, раз вы его друг... Давайте попробуем.

Вот как неожиданно оборачивается эта фантастическая игра, подумал Блэйн. Финн не осмелился сказать о нем ни слова. Он сделал вид, что Шеп его старый приятель, лишь бы самому отгородиться от подозрений. Поэтому его и не преследовали. Потому молодчики Финна и не перевернули вверх дном Гамильтон, разыскивая его.

Это хороший сюрприз — если не западня.

Он почувствовал, как невольно напрягаются мышцы, и заставил себя расслабиться.

Охранник уже стоял на ногах и перебирал ключи.

— Эй, погоди, — остановил его Блэйн. — Ты же меня не обманывай.

— Да ладно, — ухмыльнулся верзила. — Вы уже прошли проверку. Я видел, как вы выходили с Финном рука об руку. Он мне сказал, что вы его старый друг и не виделись много лет.

Он нашел нужный ключ и вставил его в замочную скважину.

— Я пойду вперед, — предупредил он, — и погляжу, не спит ли он.

Охранник осторожно открыл дверь и тихо шагнул через порог. Блэйн вошел за ним.

И вдруг натолкнулся на спину неожиданно остановившегося охранника. Из рта у того раздавались странные, булькающие звуки.

Блэйн протянул руку и оттолкнул его в сторону.

Финн лежал на полу.

В его позе было что-то неестественное.

Тело Финна было невероятно изогнуто, словно его скрутили руки великана. На лице, прижатом к полу, было написано выражение человека, заглянувшего в ад и почувствовавшего запах поджариваемых на вечном огне грешников. Его черное одеяние отливало неприятным блеском в свете настольной лампы, которая стояла недалеко от тела. А около груди и головы по ковру разползлось темное пятно. На горло, перерезанное от уха до уха, было жутко смотреть.

Охранник по-прежнему стоял, застыв у дверей, только издаваемое им бульканье перешло в хрипы.

Блэйн подошел ближе к Финну и рядом с отброшенной рукой увидел инструмент смерти: старинную опасную бритву, которая могла бы вполне спокойно лежать где-нибудь на музейной полке.

Все, понял Блэйн, ушла последняя надежда. Договариваться больше не с кем. Ламберт Финн предпочел уйти от всех переговоров.

Он до последней минуты играл свою роль — роль жестокого, непреклонного аскета. И для собственного самоубийства выбрал самый тяжелый способ.

Но все-таки, с ужасом глядя на красную прорезь поперек горла, думал Блэйн, для чего он так старался, продолжая пилить себя бритвой, даже умирая?

На такое способен только человек, полный ненависти, больной ненавистью к себе — такому, каким он стал.

Блэйн повернулся и вышел из комнаты. В коридоре, в углу стоял, перегнувшись пополам, охранник. Его рвало.

— Будь тут, — сказал Блэйн. — А я схожу за полицией.

Охранник вытер подбородок и широко раскрытыми глазами посмотрел на Блэйна.

— Господи, — выговорил он, — в жизни такого не видел...

— Сядь и успокойся, — велел Блэйн. — Я скоро вернусь.

Только не сюда, подумал он про себя. Довольно испытывать судьбу. Ему нужно несколько минут, чтобы скрыться, — он их имеет. Охранник слишком потрясен, чтобы что-либо предпринимать какое-то время.

Но как только весть разойдется, начнется невообразимое.

Пощады парасихам сегодня ночью не будет.

Он быстро пересек коридор и сбежал по ступеням. В фойе по-прежнему было пустынно, и он дошел до выхода незамеченным.

Но прежде чем он успел взяться за ручку двери, дверь распахнулась, и кто-то быстро шагнул ему навстречу.

Звякнув, на пол упала дамская сумочка. Блэйн, расставив руки, перегородил женщине дорогу.

— *Гарриет! Быстрее уходи отсюда! Быстро!*

— *Моя сумочка!*

Блэйн нагнулся, взял сумочку, но тут у нее расстегнулся замок, и что-то черное глухо стукнулось о пол. Блэйн быстро поднял тяжелый короткий предмет и спрятал его в ладони.

Гарриет уже повернулась и выходила. Блэйн поспешил за ней, взял за локоть и повел к своей машине.

Подойдя к машине, он открыл дверцу и втолкнул ее внутрь.

— *Но, Шеп... Моя машина за углом.*

— *Некогда. Надо быстрее убираться.*

Он обежал вокруг машины и сел за руль. Двигаясь куда медленнее, чем ему хотелось бы, Блэйн проехал квартал и свернул на перекрестке по направлению к шоссе.

Впереди стояло обгорелое здание фабрики.

Сумочка все еще лежала у него на коленях.

— Зачем тебе пистолет? — спросил он, отдавая сумочку.

— Я хотела убить его! — выкрикнула она. — Пристрелить, как собаку.

— Ты опоздала. Он мертв.

Она быстро повернулась к нему.

— Ты!

— Да, видимо, можно сказать, что я.

— Подожди, Шеп. Или ты убил его, или...

— Хорошо, — сказал он. — Я убил его.

И это было правдой. Чья бы рука ни убила Ламберта Финна, убийцей был он, Шепард Блэйн.

— У меня для этого был повод. А у тебя? — спросил он.

— Но он убил Годфри. Разве этого недостаточно?

— Ты любила Годфри?

— Я думаю, да. Ты знаешь, какой это был человек, Шеп.

— Знаю. В «Фишхуке» мы были с ним лучшими друзьями.

— Мне так больно, Шеп, так больно!

— Но в ту ночь...

— Тогда было не до слез. Вообще, мне всегда было не до них.

— Ты все знала...

— Давно. Это моя работа — знать все.

Блэйн выехал на шоссе и двинулся в сторону Гамильтона. Солнце уже село. Сочились сумерки, и на востоке, над прерией, зажглась первая вечерняя звезда.

— И что теперь? — спросил Блэйн.

— Теперь у меня собран материал. Весь, какой смогла.

— Ты хочешь написать об этом. Думаешь, твоя газета напечатает?

— Не знаю, — ответила она. — Но написать я должна. Ты сам понимаешь, что я не могу не написать. Я возвращаюсь в Нью-Йорк...

— Нет. Ты возвращаешься в «Фишхук». И не машиной, а самолетом из ближайшего аэропорта.

— Но, Шеп...

— Здесь слишком опасно, — объяснил Блэйн. — Они будут срывать зло на всех, кто хоть немного паранормален. Даже на обычных телепатах вроде тебя.

— Я не могу, Шеп. Я...

— Послушай меня, Гарриет. Финн подготовил провокацию — выступление части паранормальных на День всех святых. Это дело рук его контрразведки. Остальные паракинетики, узнав об этом, попытались помешать этому. Некоторых им удалось остановить, но не всех. И неизвестно, что будет сегодня ночью. Если б он был жив, он использовал бы волнения, чтобы подтолкнуть репрессии, затянуть гайки законодательства. Конечно, были бы и убийства, но не они были главной целью Финна. Но теперь, со смертью Финна...

— Они же теперь нас уничтожат, — охнула Гарриет.

— По крайней мере, постараются. Но есть выход...

— И понимая все это, ты тем не менее убил Финна?

— Это не совсем убийство, Гарриет. Я пришел, чтобы договориться с ним. Я нашел способ увести паранормальных с Земли. Я собирался пообещать ему освободить всю Землю от паранормальных, если он еще неделю-другую продержит своих псов на цепи...

— Но ты сказал, что убил его.

— Наверное, будет лучше, если я тебе объясню все подробно. Чтобы, когда будешь писать, ты ничего не упустила.

ГЛАВА 34

В Гамильтоне было тихо. И пустынно — так пустынно, что пустота ощущалась физически.

Блэйн затормозил на площади и вышел из машины.

Не светило ни единого огонька, и мягкий шум реки монотонно отдавался у него в ушах.

— Они улетели, — сказал он.

Гарриет тоже вышла и подошла к нему.

— Все в порядке, дружище, — произнесла она, — забирайся на своего коня.

Он отрицательно покачал головой.

— Но ты должен. Ты обязан отправиться вслед за ними. Твое место — среди них.

— Не сейчас. Может, когда-нибудь, через несколько лет. А пока много дел на Земле. Есть еще много паранормальных, которые дрожат от страха и прячутся по своим норам. Я должен отыскать их. Я обязан спасти всех, кого смогу.

— Но тебя убьют раньше. Ты для них — главная мишень. Люди Финна не оставят тебя в покое...

— Если станет совсем туго, я полечу. Я не герой, Гарриет. Я в принципе трус.

Она уселась за руль и обернулась сказать ему «до свиданья».

— погоди, — остановил ее Блэйн. — А что произошло тогда с тобой, когда я был в гараже?

Она засмеялась резковатым смехом:

— Когда появился Рэнд, я решила уехать. Чтобы вызвать подмогу.

— Но?

— Меня арестовала полиция. На следующее утро меня выпустили, и с тех пор я повсюду тебя разыскиваю.

— Храбрая девочка, — сказал Блэйн, и тут в воздухе раздался слабый пульсирующий звук, он доносился издалека.

Блэйн замер, прислушиваясь. Звук все усиливался, и Блэйн скоро узнал в нем шум приближающихся автомобилей.

— Быстро, — скомандовал он. — Свет не включай. Скатись под горку и выедешь на шоссе.

— А ты, Шеп?

— За меня не бойся. Поезжай.

Она включила зажигание.

— До встречи!

— Поезжай, Гарриет! И спасибо тебе. За все спасибо. Привет Шарлин!

— До свиданья, Шеп, — сказала она, и машина тронулась в сторону холмов.

Ничего, она доедет, сказал себе Блэйн. Тот, кто сумел перебраться через скалы вокруг «Фишхука», здесь затруднений не встретит.

Оставшись один на площади, он слушал приближающийся рев двигателей. Вдалеке уже засветились точки фар. С реки прилетел прохладный ветерок и забился ему в штанины и рукава.

И так — повсюду, подумал он. Повсюду сегодня ночью гудят машины, ревет разъяренная толпа и бегут люди.

Он сунул руку в карман пиджака и ощутил тяжесть пистолета, выпавшего у Гарриет из сумочки. Он сжал рукоятку — понимая, что воевать с ними надо не оружием.

Против них нужна другая стратегия: изолировать их и дать им задохнуться от собственной посредственности. Пусть получают что хотят — планету, полную абсолютно нормальных людей. Пусть они разлагаются здесь, не зная космоса, не летая к другим мирам, вообще никуда не летая и ничего не делая. Как человек, всю жизнь просидевший в кресле-качалке на пороге своего дома в каком-нибудь старом, умирающем городке.

Без пополнения извне «Фишхук» разладится через какую-то сотню лет, а еще через сто рассыплется вообще. Наоборот, паралюди станут прилетать с других планет, чтобы забрать себе подобных из «Фишхука».

Впрочем, через сто лет это будет уже не важно, потому что человеческая раса уже обоснуется на других планетах и станет строить такую жизнь и цивилизацию, которую ей помешали построить на Земле.

Но пора идти. Нужно покинуть город, пока не приехали машины.

«И снова я в одиночестве, — подумал Блэйн. — Но уже не так одинок — у меня есть цель. Цель, — с неожиданной гордостью повторил про себя Блэйн, — которую я сам создал».

Он расправил плечи, не обращая внимания на холодный ветер, и зашагал быстрее. У него еще есть дела. Много дел.

Слева от него, в тени деревьев, что-то шевельнулось, и Блэйн, уловив движение, резко повернулся.

— Это ты, Шеп? — раздался неуверенный голос.

— Анита! — воскликнул он. — Глупышка моя! Анита!

Она выбежала из темноты и бросилась к нему на грудь.

— Я не могла, не могла лететь без тебя. Я знала, что ты вернешься.

Он обнял ее изо всех сил и осыпал поцелуями, и не было силы в мире и во всей Вселенной, способной разъединить их. И не было ничего, только стремительный бег их крови, и сирень, и сверкающая звезда, и ветер с холмов, и они.

И еще — рев машин на шоссе.

Блэйн с трудом оторвал ее от себя.

— Бежим! — выкрикнул он. — Бежим, Анита!

— Как ветер! — отозвалась она.

И они побежали.

— Вверх, на гору, — сказала она. — Там машина. Я ее отогнала туда, как стемнело.

Поднявшись на холм до половины, они посмотрели назад.

Первые языки пламени лизнули густую черноту городка, и до них донеслись крики бессильной ярости. Глухо затрещали ружейные выстрелы.

— По теням стреляют, — сказала Анита. — Там никого не осталось, даже кошек и собак. Их взяли с собой дети.

Но в других городах, подумал Блэйн, остались не только тени. И там будут пожары, и дымящиеся стволы, и веревочные петли, и окровавленный нож. А может — и топот быстрых ног, и темный силуэт в небе, и жуткий вой в горах.

— Анита? — спросил он. — Скажи, оборотни бывают?

— Да, — ответила она. — Оборотни сейчас там, внизу.

И она права, подумал Блэйн. Темнота разума, расплывчатость мыслей, мелкость целей — вот они, настоящие оборотни этого мира.

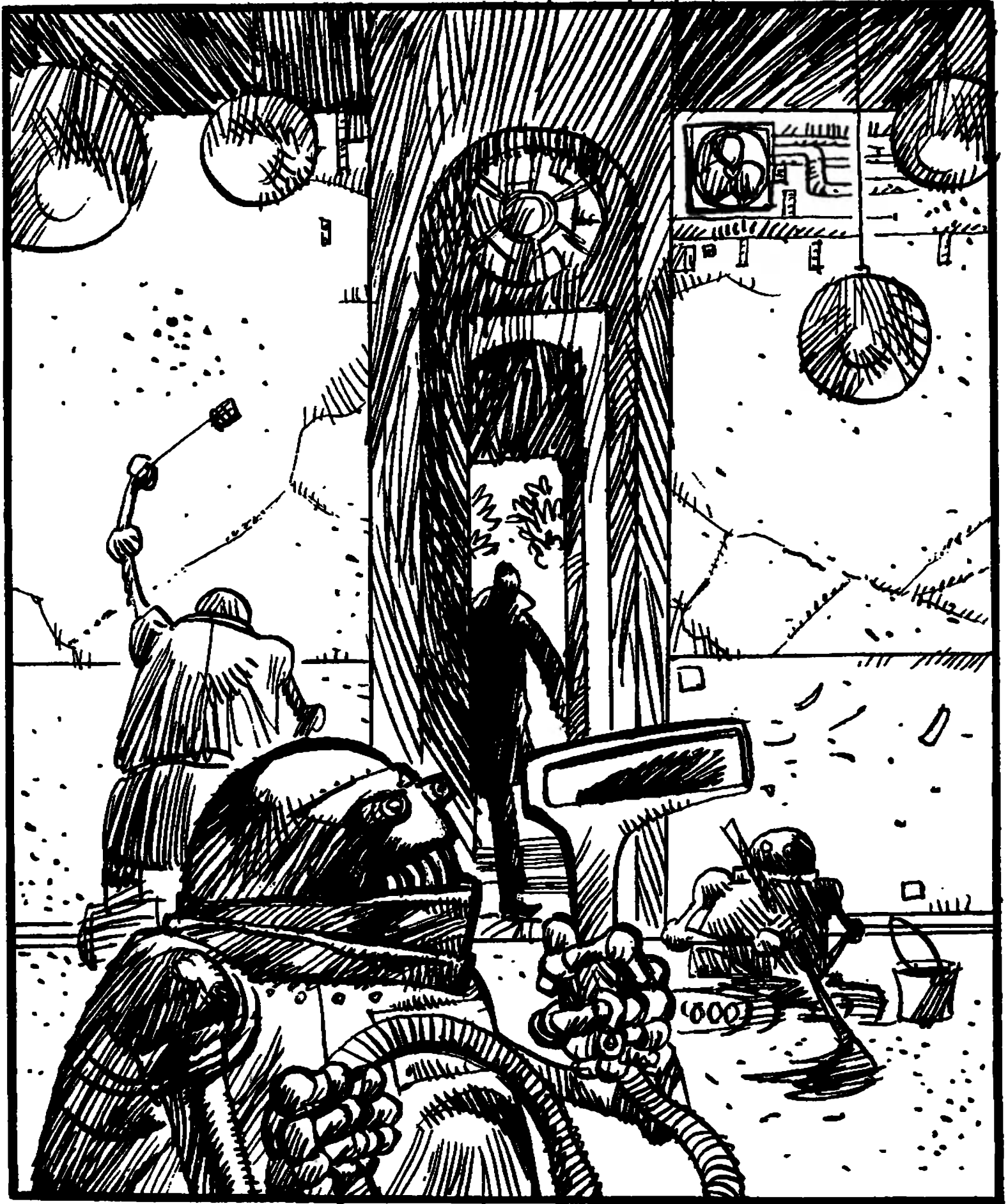
Они повернулись спиной к поселку и пошли дальше вверх.

Позади все жарче и яростней разгоралось пламя ненависти. Но впереди, над вершиной холма, в блеске дальних звезд светилась надежда.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ИСТИНА

1

Едва они вышли из корабля, все сразу стало ясным и понятным. Разумеется, они не могли предугадать, что их ждет, ибо откуда им было знать, на что рассчитывать; тем не менее осознание пришло словно само собой. Трое из них просто стояли и смотрели, а четвертый даже подплыл поближе. Рассудок, сердце или интуиция — назвать можно как угодно — подсказывали каждому из них, что они наконец-то добрались до последнего приюта или одного из последних приютов той прославленной в легендах группы людей, которая сумела разорвать путы обыденности и вырвалась в темные просторы Галактики. Однако о том, от чего они бежали — от посредственности, ответственности или чего-то еще, — можно было только догадываться; ученые, пытавшиеся разгадать эту загадку, разделились в итоге на несколько культов и до сих пор вели между собой весьма жаркие, насквозь научные споры.

Впрочем, четверо исследователей ни на мгновение не усомнились в том, что перед ними место, поиски которого продолжались более или менее успешно на протяжении сотни тысяч лет. Название «место» подходило к нему как нельзя лучше, поскольку на город оно явно не тянуло, хотя, возможно, в былые времена здесь и впрямь возвышался город. Это было место обитания, учености и работы, место, застроенное множеством зданий, которые, однако, с течением лет превратились в детали ландшафта и уже не нарушали целостности картины своими размерами или нарочитым пренебрежением по отношению к окружающей природе. Тут ощущалось величие, но не такое, что присуще громоздящимся друг на друга гигантским валунам, не подавляющее величие архитектуры, даже не грандиозность несокрушимости. По правде сказать, архитектура была ничем не примечательной, какая-либо монументальность начисто отсутствовала, некоторые здания разрушились, а другие спрятались за деревья, укутались в мох и как бы слились в единое целое с холмами, на которых стояли. Тем не менее в них ощущалось величие — величие смирения, целесообразности и упорядоченной жизни. Стоило лишь взглянуть на них, как воз-

никало понимание: это был, конечно, никакой не город, а большой поселок, деревня, причем обладавшая в избытке всем тем, что обычно связывается с подобным словом.

Главным же было то, что в поселении чувствовалось присутствие человека, этакий налет человечности, благодаря которому у наблюдателя не оставалось ни малейшего сомнения в том, что здания спроектированы и возведены людьми. Не то чтобы можно было ткнуть во что-то пальцем и сказать: «Се человек», поскольку любая архитектурная деталь могла оказаться творением иной расы. Но общая панорама позволяла заявить с полной уверенностью: здесь жил человек.

Существа, искавшие поселение, пытались обнаружить хотя бы намек на то, куда ушла легендарная раса; придя в отчаяние от бесплодных поисков, некоторые засомневались в том, существует ли оно вообще, и стали все с большим недоверием воспринимать свидетельства, подтверждающие факт его существования. Находились и такие, кто утверждал, что искать бессмысленно, ибо, если вдуматься, что ценного могли оставить после себя ничтожества вроде людей? «Кто такие люди? — спрашивали эти вольтодумцы и сами же отвечали на свой вопрос, не дожидаясь отклика собеседников: «Машинники, заурядные машинники, выделявшиеся разве что эмоциональной неустойчивостью». Им не было равных в создании машин, но что касается собственного интеллекта, тут не о чем и говорить. Уровень его был настолько низок, что людей едва-едва приняли в галактическое братство. Они застыли в своем развитии. Да, в мастерстве им не откажешь, но по сути они — дикари, совершенно справедливо оттесненные на задворки империи.

Место искали тысячелетиями, многожды терпя неудачи, не постоянно, поскольку раз за разом выяснялось, что есть другие, более важные дела, которые не терпят отлагательства. Постепенно оно превратилось в исторический курьез, где-то даже в миф. Проект его поисков никогда не числился среди тех, что требовали немедленного осуществления. Однако вот оно — под сенью холма, на вершине которого приземлился корабль. Почему его не нашли раньше? Что же тут непонятного: звездных систем слишком много, все обыскать невозможно...

— Оно! — мысленно воскликнул Пес и искоса поглядел на Человека, гадая, что тот чувствует; ведь для него это место, несомненно, значило гораздо больше, нежели для остальных. — Я рад, что мы нашли его, — продолжал Пес, обращаясь напрямую к Человеку, и Человек уловил оттенки его мысли: искренность Пса, близость и чисто собачью преданность.

— Теперь-то мы узнаем, — заявил Паук, и все без слов догадались, что он имел в виду: «Узнаем, отличались ли здешние люди от всех других или были ничуть не лучше прочих».

— Они были мутантами, — сказал Шар, — по крайней мере, так предполагалось.

Человек молча смотрел на деревню.

— Если бы мы специально пытались отыскать ее, у нас ничего бы не вышло, — заметил Пес.

— Времени мало, — напомнил Паук, — а дел в избытке.

— Достаточно того, что мы знаем наверняка: оно существует, — проговорил Шар. — Передадим координаты, а там пускай присылают специалистов.

— Случайно, — пробормотал Человек, судя по всему ошеломленный открытием, — мы натолкнулись на него совершенно случайно.

Паук издал неопределенный звук, похожий на фырканье, и Человек замолчал.

— Тут никого нет, — сказал Шар. — Они опять сбежали.

— Или деградировали, — прибавил Паук. — Притаились небось в укромном уголке и таращатся на нас, не соображая, что происходит. Если мы найдем их, наверняка окажется, что они напичканы всякими небылицами и глупыми предрассудками.

— Не уверен, — возразил Пес.

— У нас мало времени, — повторил Паук.

— Нам вообще нечего тут делать, — решительно произнес Шар. — Нас посылали не за этим, так что пошли отсюда.

— Раз мы здесь, — сказал Пес, — будет некрасиво просто взять и уйти.

— Тогда за работу, — буркнул Паук. — Давайте разгрузим корабль.

— Если вы не против, — сказал Человек, — я хотел бы побродить по окрестностям. Пройдусь, погляжу, что и как.

— Я с тобой, — вызвался Пес.

— Спасибо, — отозвался Человек, — но в том нет никакой необходимости.

Товарищи отпустили его. С вершины холма они наблюдали за тем, как он спустился по склону и направился к таинственным зданиям, а потом принялись за активацию роботов. Когда на закате они вернулись на холм, Человек поджидал их: он сидел на гребне и смотрел на деревню. Он не стал спрашивать о том, что им удалось отыскать. Казалось, ему все известно и так, хотя он всего лишь прошелся по деревне и никуда не ездил.

— Странно, — проговорил Пес. — Ни намека на что-либо необычное, ни единого свидетельства прогресса. Скорее они регрессировали. Ровным счетом ничего оригинального.

— Я видел машины, — сказал Человек, — домашние приспособления, бытовая техника.

— Больше ничего и нет, — откликнулся Паук.

— Людей тоже нет, — добавил Шар. — Ни следа сколько-нибудь разумной жизни.

— Специалистам, когда они прилетят, может повезти больше нашего, — заметил Пес.

— Сомневаюсь, — бросил Паук.

Человек отвел взгляд от поселения и посмотрел на товарищей. Пес как будто извинялся, что находки, пустяковые сами по себе, не сулили ничего утешительного. Да, Пес и впрямь извинялся, потому что в его сознании сохранилась некая толика былой верности человеку. Беспрекословное послушание и всепрощающая любовь остались в далеком прошлом, однако у собак из поколения в поколение передавалась привязанность к существам, перед которыми преклонялись их предки. Паук, похоже, был доволен, доволен тем, что не обнаружил каких-либо следов человеческого величия, что теперь на человечестве можно поставить крест и загнать людей туда, откуда они будут с замиранием сердца следить за возвышением пауков и прочих разумных тварей. Шару же, очевидно, было все равно. Он парил в воздухе рядом с головой Пса и всем своим видом выказывал равнодушие к участи человечества. Его заботило только одно: чтобы выполнялись намеченные планы, достигались поставленные цели, а развитие шло по нарастающей. Вне сомнения, он уже стер из памяти эту деревню и сведения о людях-мутантах, наверняка перестал считать их фактором, способным повлиять на прогресс.

— Пожалуй, я задержусь здесь, — сказал Человек, — если вы, конечно, не возражаете.

— Не возражаем, — отозвался Шар.

— Темнеет, — предостерег Паук.

— Скоро появятся звезды, — проговорил Человек, — может статься, даже луна. Вы не заметили, у планеты есть луна?

— Не заметили, — ответил за троих Паук.

— Пора готовиться к отлету, — сказал Пес. — Я позову тебя, когда мы соберемся улетать.

На западе еще догорал закат, а небосвод уже усыпали звезды. Сперва проступили самые яркие, за ними те, что потусклее, и, наконец, в небе засверкали мириады огней. Луны, к сожалению, не было, а если она и была, то предпочитала не показываться.

Сумерки принесли с собой прохладу. Человек набрал дровишек — обломившихся сучьев, сухого кустарника и кусков, которые выглядели так, словно их когда-то обрабатывали — и развел костер. Тот получился небольшим, но вполне достаточным, чтобы разогнать мрак; Человек подсел поближе к огню, ища не столько тепла, сколько дружеского участия. Он сидел у костра и глядел на деревню. Что-то не так, твердил он себе, величие чело-

веческой расы не могло исчезнуть бесследно. Ему было грустно, он страдал от одиночества, навеянного пребыванием на чужой планете, под незнакомыми созвездиями, а еще тем, что надежда, манившая в неизведанную даль, оказалась призрачной, упования рассыпались в прах: его сородичи так и не сумели подняться над собой. Машинники на задворках империи, основанной не людьми, а Псами, Пауками, Шарами и прочими созданиями, которых поистине невозможно описать! Но ведь человечество славилось не одними машинами! Оно шло к своей судьбе, а машины просто помогали перекинуть мост к тому времени, когда эта судьба станет доступной восприятию. Да, в борьбе за выживание машины были, можно сказать, необходимы, но суть-то не в них; вовсе не они — конечная цель развития, идеал, к которому стремились люди.

Пес возник из темноты, уселся рядом с Человеком и тоже стал смотреть на деревню, кипение жизни в которой затихло в незапамятные времена. Блики пламени отражались на его лоснящейся шкуре, он был прекрасен, и в нем по-прежнему ощущалась некая первобытная, унаследованная от предков дикость. В конце концов он нарушил тишину, нависшую над миром и как бы проникающую в его естество.

— Хорошо, — сказал он. — Я редко развожу огонь.

— Огонь был первым шагом, — отозвался Человек, — первой ступенькой. Он для меня как символ.

— У нас, псов, свои символы. Они есть даже у пауков. А вот Шар не знает, что это такое.

— Мне жаль его, — проговорил Человек.

— Не растравляй себя, — посоветовал Пес. — Между прочим, Шар жалеет тебя. Он жалеет всех, кто не похож на него.

— Когда-то мы испытывали подобные чувства, — сказал Человек, — но теперь уже нет.

— Пора улетать, — сообщил Пес. — Я знаю, ты хотел бы остаться, но...

— Я остаюсь, — перебил Человек.

— Ты не можешь, — возразил Пес.

— Я остаюсь, — повторил Человек. — Вы вполне обойдетесь без меня.

— Я предполагал, что ты останешься, — произнес Пес. — Принести твои вещи?

— Будь настолько добр, — ответил Человек. — Мне не хочется идти самому.

— Шар рассердится, — предупредил Пес.

— Знаю.

— Тебя накажут. Пройдет много времени, прежде чем тебя снова допустят к работе.

— Знаю.

— Паук скажет, что люди все чокнутые. Он постоянно говорит всякие гадости.

— Мне все равно, — откликнулся Человек, — почему-то мне все равно.

— Ну ладно, — проговорил Пес. — Пойду за вещами. Значит, одежда, книги и маленький саквояж, верно?

— И еда.

— Разумеется. Уж про еду-то я не забуду.

После того как корабль улетел, Человек стал разбирать вещи, которые принес Пес, и обнаружил, что тот оставил ему часть собственного продовольственного рациона.

2

Обитатели деревни жили спокойной, размеренной жизнью, не отказывая себе в удобствах. Многие устройства в домах разрушились от времени, все они давным-давно перестали действовать, однако догадаться, для чего предназначалось то или иное приспособление, не составляло труда. Люди прошлого любили красоту: у каждого из домов был разбит садик, тут и там попадались цветы или деревья, за которыми, по всей видимости, ухаживали, как за детьми, ибо они отличались либо изяществом форм, либо богатством и прозрачностью красок. Впрочем, вся забота канула в прошлое вместе с хозяевами домов, и теперь красота растений поблекла и приобрела ностальгический оттенок.

Деревенские жители были образованными людьми, о чем свидетельствовали ряды книг на полках. Увы, стоило лишь прикоснуться к книгам, как они рассыпались в пыль, и оставалось только гадать, какие сокровища мудрости хранили их страницы.

Среди зданий встречались такие, что, судя по всему, служили в старину театрами; имелись в поселении и громадные форумы, где, должно быть, проводились торжества и устраивались различные общественные мероприятия. Словом, несмотря на царившее вокруг запустение, в деревне ощущались мир и покой, упорядоченность и счастье, составлявшие некогда основу здешней жизни.

Но вот величия не чувствовалось. Не было ни огромных машин, ни мастерских по их производству, ни стартовых платформ, ни каких-либо иных указаний на то, что местные жители стремились к звездам, притом что они должны были кое-что знать о космосе — ведь их предки пересекли пространство, чтобы обосноваться здесь. Не было ни оборонительных сооружений, ни дорог, ведущих в другие поселения.

Улицы навевали покой, призрачный покой, балансировавший, если можно так выразиться, на лезвии ножа, покой, в котором хотелось закончить свои дни, но который отпугивал полной неопределенностью будущего.

Человек заходил в дома, продирался сквозь обломки мебели, смахивал пыль, разводил костры, ночевал под крышей, а перед тем как лечь спать, обыкновенно усаживался на покосившуюся скамейку или прямо на камень крыльца, глядел в небо и размышлял о том, что незнакомые созвездия над головой были некогда добрыми друзьями жившим тут счастливым. Он позволял рассудку отвлекаться на частности в надежде, что это приведет однажды к открытию истины, но сам не прилагал чрезмерных усилий к ее обнаружению, ибо что-то подсказывало ему, что торопиться и беспокоиться не следует, поскольку спешка и волнение несовместимы с подобными поисками.

Он думал о том, что здесь когда-то обитали его сородичи, мутанты, превзошедшие в своем развитии всех прочих людей. Здесь зрели упования на прекрасное будущее, так и оставшиеся невоплощенными. Здесь ощущались мир и покой, интеллект и комфорт, но все остальное словно пряталось от любопытных глаз, хотя оно необходимо должно было присутствовать — некий урок, некое послание, некая цель. Человек снова и снова твердил себе, что не все пути заканчиваются тупиками, что где-то есть, наверняка есть выход, который, если постараться, можно отыскать.

На пятый день своего пребывания в деревне он набрел на дом, отличавшийся от других большим количеством архитектурных украшений и известной солидностью внешнего вида. Окон в доме не было, внутрь вела одна-единственная, запертая на ключ дверь, и Человек понял, что наконец нашел то, что искал. Три дня подряд он пытался проникнуть в здание, а на четвертый отступился, вышел за пределы деревни и направился к холмам, продолжая размышлять по дороге, как ему справиться с неподатливым замком. Он бродил по холмам, мерил шагами долины, как ученый или писатель — свой кабинет, будто гулял по саду, ожидая, пока прояснится голова.

И так он натолкнулся на людей.

Сначала он заметил дым, поднимающийся над одним из тех распадков, что выводили к долине, по которой текла река, серебристая лента, отороченная зеленой травой лугов.

Человек пошел осторожнее, для того чтобы не оказаться застигнутым врасплох, а вовсе не из страха. На этой планете, с ее прозрачным небосводом, бояться было нечего; о том, казалось, говорили и песня птицы, и задувавший с запада ветерок. Какое-то время спустя он различил впереди, под могучими деревьями, дом, увидел сад, где спели на ветках многочисленные плоды, ус-

лышал мысли людей. Он неторопливо спустился по склону; чуть подсказывало ему, что торопиться некуда; и внезапно он испытал такое чувство, будто возвратился домой, что было совсем уж необъяснимо, поскольку его собственный дом ничуть не походил на этот.

Его заметили, но спешить навстречу никто, похоже, не собирался. Обитатели дома сидели, где сидели, и просто ждали, пока он подойдет, словно он был не чужаком, а другом, заранее известившим о своем прибытии. Людей было трое. Первая — седовласая женщина в строгом платье с глухим воротником, скрывавшим от постороннего взгляда возрастные морщины на шее. Ее лицо наводило на мысль об ангельском лике; оно было красиво умиротворенной красотой старости, сознающей, что жизнь близится к концу и что этот конец не будет отягощен никакими грехами. Рядом с женщиной сидел мужчина немногим старше среднего возраста. Кожа на его лице и шее почернела от загара, скрюченные от тяжелой работы пальцы рук покрывали мозоли и шрамы. Его черты несли отпечаток той же покойной красоты, однако им не хватало завершенности, должно быть, оттого, что он не успел еще насладиться сполна всей прелестью дней на склоне лет. Третьей была молодая девушка, и даже она разделяла со старшими умиротворение здешней природы. Она обернулась; Человек увидел правильные, словно выточенные рукой искусного мастера черты ее лица и понял, что она гораздо моложе, чем ему почудилось с первого взгляда.

Он остановился у ворот. Мужчина поднялся и медленно подошел к нему.

— Милости просим, незнакомец, — сказал мужчина. — Мы услышали тебя, едва ты вошел в сад.

— Я был в деревне, — проговорил Человек, — а потом решил пройтись...

— Ты издалека?

— Да, издалека. Меня зовут Дэвид Грэм.

— Входи, Дэвид, — мужчина распахнул калитку. — Входи и будь как дома. Мы накормим тебя, и у нас найдется свободная постель.

В сопровождении мужчины Дэвид приблизился к скамейке, на которой сидела пожилая женщина.

— Меня зовут Джед, — сказал мужчина. — Это моя матушка Мэри, а это — моя дочь Элис.

— Наконец-то ты добрался до нас, молодой человек, — проговорила женщина. Она поманила Дэвида к себе. — Садись рядом и давай поболтаем. У Джеда еще достаточно работы по дому, а Элис предстоит готовить ужин. Одна я бездельничаю, потому что слишком стара. — Ее глаза будто посветлели, но на лице со-

хранялось прежнее выражение. — Мы знали, что ты придешь, знали, что кто-то рано или поздно должен прийти, ибо те, кто далеко, не могли забыть о своих сородичах-мутантах.

— Мы нашли вас по чистой случайности.

— Мы? Так ты не один?

— Остальные улетели. Они не люди, и им было неинтересно.

— Они улетели, а ты остался, — протянула женщина. — Ты верил, что остаться стоит, что тебе откроются великие тайны.

— Я остался потому, что должен был остаться.

— А как же тайны? Как же слава и могущество?

— Я не думал об этом, — признался Дэвид. — Слава и могущество меня не привлекают. Я надеялся отыскать нечто другое, чувствовал его, когда бродил по деревне и заглядывал в дома. Да, я чувствовал истину.

— Истину, — повторила женщина. — Ты прав, мы открыли Истину. — Последнее слово она выделила голосом, словно утверждая: оно пишется с большой буквы.

Дэвид кинул на нее быстрый взгляд, и она ответила на не высказанный вслух вопрос:

— Нет, не религию, а просто Истину, самую обыкновенную Истину.

Он поверил ей, ибо в ее словах ощущалась уверенность. Непоколебимая убежденность того, кто знает, что говорит.

— Истину о чем? — спросил он.

— Ни о чем, — отозвалась женщина. — Просто Истину.

3

Как ни крути, простой, обыкновенной истина не получалась. Разумеется, она не имеет никакого отношения ни к машинам, ни к могуществу или славе. Она — внутреннего свойства, духовная, возвышенная, психологическая истина, обладающая глубоким, вечным смыслом, та истина, которой люди алчут даже в мирах, созданных их собственным воображением.

Человек лежал на кровати в комнате под самой крышей и прислушивался к колыбельной, которую напевал ветер, обдувавший карнизы и черепичную кровлю. В доме, как и во всем мире, было тихо, если не считать ветра. Мир затих; Дэвид Грэм представил себе, как постепенно затихнет Галактика, очарованная тем, что удалось открыть его гостеприимным хозяевам. Их истина должна быть грандиозной, величественной, потрясающей воображение и отвечающей на все вопросы, иначе почему они отвернулись от прогресса, почему обратились к идиллической жизни на лоне природы, почему возделывают почву инопланетной долины, собирают хворост, топят камин и как будто вполне довольствуются

тем малым, что имеют? Ведь чтобы довольствоваться малым, нужно обладать чем-то неизмеримо большим, неким мистическим знанием, которое наполнило бы жизнь, как нельзя более прозаическую, глубочайшим смыслом.

Дэвид закутался в одеяло и улегся поудобнее.

Человека оттеснили в закуток галактической империи, терпят лишь потому, что он умеет изготавливать машины и никто не знает, что он придумает в следующий раз. Поэтому его терпят и швыряют ему крохи с барского стола, чтобы он не чувствовал себя обделенным, но особого внимания не уделяют и уделять не собираются. А Человек тем временем обзавелся кое-чем, что позволит ему добиться уважения Галактики, ибо истину уважают повсеместно.

Грэмом овладел покой. Минуту или две он сопротивлялся, не желая терять нить размышлений. Сперва ему показалось, что вот она, истина, о которой говорили мутанты, но потом он отказался от этой мысли в пользу другой, куда более привлекательной. В конце концов заунывный ветер, чувство покоя и физическая усталость возобладали над рассудком, и Грэм заснул. Последним, что он подумал, было: «Надо спросить у них. Надо узнать».

Однако прошло несколько дней, прежде чем он отважился задать свой вопрос. Он ощущал, что за ним наблюдают и решают, достоин ли он того, чтобы доверить ему истину. Он хотел остаться, но из вежливости сказал, что должен уйти, после чего хозяева попросили его задержаться, и он с радостью согласился. Все словно соблюдали некий ритуал, который нельзя было нарушить ни в коем случае, и все, похоже, испытали искреннее облегчение, когда обряд завершился.

Грэм стал на пару с Джедом работать в поле, познакомился с соседями, вечерами принимал участие в разговорах, которые затевались в доме. Он ожидал, что его будут расспрашивать, но обманулся в своих ожиданиях. Впечатление было такое, будто Джед, его семья и соседи настолько довольны жизнью в укромной долине, что их совершенно не интересуют события, происходящие в Галактике, той самой, которую избороздили в поисках этого мира и лучшей участи для себя предки нынешних поселенцев.

Он тоже ни о чем не спрашивал, поскольку чувствовал, что за ним наблюдают, и опасался, что вопросы оттолкнут новопробретенных друзей.

Однако они относились к нему вовсе не так, как обычно относятся к чужаку. Минул лишь день или два, и Грэм понял, что может стать одним из них, и постарался сделаться таковым, и часами напролет добросовестно — и добродушно — сплетничал с соседями. Он узнал много полезного: что долин, где живут лю-

ди, несколько; что покинутая деревня никого не беспокоит, невзирая на то, что все, по-видимому, знают о том, что она такое; что местные жители вполне удовлетворены своей жизнью и отнюдь не стремятся за пределы собственного мирка. Постепенно он и сам научился довольствоваться серым предрассветным сумраком, радостью труда, гордостью за дело своих рук. Однако он сознавал, что его довольство — временное, что он должен отыскать истину, которую открыли мутанты, и донести ее до заждавшейся Галактики. Ведь скоро прилетит корабль с археологами, которые примутся изучать деревню, а до тех пор ему обязательно нужно найти ответ, чтобы он мог встретить коллег на вершине холма не с пустыми руками.

— Ты останешься с нами? — спросил однажды Джед.

— Мне необходимо вернуться, — ответил Дэвид, покачав головой. — Я рад был бы остаться, но увы...

— Ты ищешь Истину? — спросил Джед. — Правильно?

— Ты дашь ее мне? — воскликнул Дэвид.

— Бери, — произнес Джед, — она твоя.

Вечером Джед сказал дочери:

— Элис, научи Дэвида нашему алфавиту. Пришла пора узнать.

Из угла, в котором стояло кресло-качалка, раздался голос старухи:

— И впрямь, и впрямь пора ему узнать Истину.

4

За ключом, который хранился у сторожа, жившего в пятой по счету долине отсюда, послали гонца. Тот возвратился, передал ключ Джеду, и теперь Джед вставил его в замок на двери того самого солидного здания посреди покинутой деревни.

— В первый раз, — провозгласил он, — эта дверь открывается не для совершения обряда. Обычно мы отпираем ее единожды в столетие, чтобы прочесть Истину тем, чьи уши могут ее услышать. — Он повернул ключ, и замок негромко щелкнул. — Таким образом она не утрачивает своей злободневности. Мы не можем допустить, чтобы она превратилась в миф. Она слишком важна для нас, чтобы мы могли допустить такое.

Джед откинул засов, и дверь приотворилась на дюйм или два.

— Я сказал «обряд», — продолжал он, — наверное, зря. В чтениях нет ничего ритуального. Мы выбираем троих человек, которые приходят сюда в назначенный день и читают Истину, а потом расходятся по домам, унося с собой то, что запомнили. Никаких церемоний, все, как сейчас.

— Спасибо, что согласились помочь мне, — сказал Дэвид.

— Мы сделали бы то же самое для любого, кто усомнился бы в Истине, — ответил Джед. — Мы люди простые и не верим в законы и правила, живем как живется. Скоро ты поймешь почему.

Он распахнул дверь настежь и отступил в сторону, пропуская Дэвида вперед. За дверью оказалось одно-единственное просторное помещение, пол которого тонким слоем устилала пыль. Половину помещения занимала машина, корпус которой поблескивал в тусклом свете, проникавшем внутрь откуда-то сверху. Высота устройства составляла примерно три четверти расстояния от пола до потолка.

— Вот наша машина, — сказал Джед.

Все-таки машина, механизм, пускай умнее, толковее прочих, но механизм! Выходит, все вернулось на круги своя?

— Ты наверняка задумывался над тем, почему у нас нет машин, — проговорил Джед. — Потому что нам хватает одной этой.

— Одна машина!

— Она отвечает на вопросы, — пояснил Джед. — С такой машиной остальные нам ни к чему.

— На любые вопросы?

— Вполне возможно. Мы не знаем, как ею пользоваться, но даже если бы знали... Однако дальше спрашивать незачем.

— Вы так уверены в ее правоте? — удивился Дэвид. — С чего вы взяли, что она говорит правду?

— Сын мой, — произнес Джед сурово, — наши предки потратили тысячелетия на то, чтобы убедиться, что она будет говорить правду. Ничем другим они не занимались. Это было дело жизни не только отдельных личностей, но целых поколений. А когда они убедились, что все в порядке, что машина не допустит даже незначительной ошибки, то задали ей два вопроса.

— Два?

— Два, — подтвердил Джед, — и открыли Истину.

— Какова же она?

— Прочти сам, — сказал Джед. — Истина откроется тебе такой, какой предстала столетия назад.

Он подвел Дэвида к столику, что приткнулся к одной из панелей огромной машины. На столике бок о бок лежали две бумажные ленты, покрытые прозрачной предохранительной пленкой.

— Первый вопрос, — объявил Джед, — звучал так: «Какова цель Вселенной?» Прочти ответ на верхней ленте.

Дэвид наклонился над столиком и прочитал:

«Вселенная не имеет ни цели, ни смысла. Она возникла случайно».

— Второй вопрос...

Джед не закончил фразы, поскольку суть второго вопроса легко можно было уловить из ответа на него:

«Жизнь не имеет ценности. Жизнь — дело случая».

— Вот наша машина и наша Истина, — сказал Джед. — Вот почему мы живем как живется.

Дэвид взглянул на Джеда, потомка мутантов, которые должны были вернуть пробавляющемуся созданием машин человечеству славу и могущество, почет и уважение. Взгляд его выражал душевную муку.

— Извини, сынок, — проговорил Джед. — Ничего не попишешь.

Они вышли на улицу. Джед запер дверь и сунул ключ в карман.

— Они вот-вот прилетят, — сказал он, — ну, те, кто будет изучать деревню. Ты, верно, дождешься их?

Дэвид покачал головой.

— Пошли домой, — пробормотал он.

УТРАЧЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ

М-р Ривз. По моему убеждению, возникшая ситуация требует разработки хорошо продуманной системы мер, препятствующих тому, чтобы продление жизни попало в зависимость от политических или каких-либо иных влиятельных организаций.

Председательствующий м-р Леонард. Вы опасаетесь, что продление жизни может стать средством политического шантажа?

М-р Ривз. И не только этого, сэр. Я опасаясь, что организации начнут продлевать сверх разумных пределов жизнь отдельным деятелям старшего поколения лишь потому, что такие фигуры нужны ради престижа, ради того, чтобы организация сохраняла вес в глазах общественного мнения.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Посетители явились неспроста. Сенатор Гомер Леонард чувствовал, как они нервничают, сидя у него в кабинете и потягивая его выдержанный виски. Они толковали о том о сем — по обыкновению своему с многозначительным видом, — но ходили вокруг да около того вопроса, с которым пришли. Они кружили, как охотничьи собаки подле енота, выжидая удобного случая, подбываясь к теме исподтишка, чтоб она, едва выдастся повод, всплыла как бы экспромтом, словно только что вспомнилась, словно они добивались встречи с сенатором вовсе не ради этой единственной цели.

«Странно», — подумал сенатор. Ведь он знаком с ними обоими давным-давно. И их знакомство с ним ничуть не короче. Не должно бы оставаться ничего, просто ничего такого, что они постеснялись бы сказать ему напрямик. В прошлом они, обсуждая с ним политические дела, не раз бывали прямолинейны до жестокости.

«Наверное, скверные новости из Америки», — решил он. Но и скверные новости для него тоже отнюдь не новость. «В конце концов, — философски поучал он себя, — никто, если он в здравом уме, не вправе рассчитывать, что пробудет на выборной должности вечно. Рано или поздно придет день, когда избиратели — просто со скуки, если не подвернется других причин, — проголодают против того, кто служил им верой и правдой». И сенатор был достаточно честен с самим собой, чтобы признать, хотя бы в глубине души, что подчас не служил избирателям ни верой, ни правдой.

«И все равно, — решил он, — я еще не повержен. До выборов еще несколько месяцев, чтобы сохранить за собой сенаторское кресло, и в запасе есть еще парочка трюков, каких я раньше не пробовал. Стоит лишь точно рассчитать время и место удара, и победа не уплывет из рук. Точный расчет, — сказал он себе, — вот и все, что от меня требуется».

Крупный, неповоротливый, он покойно утонул в кресле и на какое-то мгновение прикрыл глаза, чтобы не видеть ни комнаты, ни солнечного света за окном. «Точный расчет», — повторил он про себя. Да, точный расчет и еще знание людей, умение слышать пульс общественного мнения, способность угадывать наперед, к чему избиратель склонится с течением времени, — вот компоненты тактического мастерства. Угадывать наперед, обгонять избирателей в выводах, чтобы через неделю, через месяц, через год они твердили друг другу: «Послушай, Билл, а ведь старый сенатор Леонард оказался прав! Помнишь, что он заявил на прошлой неделе — или месяц, или год назад — в Женеве? Вот именно, будто в воду глядел. Такого старого лиса, как Леонард, не проведешь...»

Он чуть приподнял веки, чтобы дать посетителям понять, что его глаза не смеживались, а лишь оставались все время полуприкрыты. Это было неучтиво и просто глупо — закрывать глаза на виду у посетителей. Они могли вообразить, что ему неинтересно. Или воспользоваться случаем и перерезать ему глотку.

«Все потому, что я опять старею, — сказал себе сенатор. — Старею и впадаю в дрему. Но соображаю я четко, как никогда. Да, сэр, — повторил сенатор, беседуя сам с собой, — соображаю я четко, и голыми руками меня не возьмешь».

По напряженному выражению лиц посетителей сенатор понял, что они наконец решились вымолвить то, с чем явились к не-

му. Они примеривались, приносивались — не помогло. Теперь приходится хочешь не хочешь выложить карты на стол.

— Есть одно дело, — сказал Александр Джиббс, — одна проблема, вставшая перед нашей организацией уже довольно давно. Мы надеялись, что все утрясется и обстоятельства позволят нам не привлекать к ней вашего внимания, сенатор. Однако позавчера на заседании исполнительного комитета в Нью-Йорке принято решение довести суть дела до вашего сведения.

«Плохо, — подумал сенатор, — даже хуже, чем мне представлялось, раз Джиббс заговорил в такой окольной манере».

Помогать гонцам сенатор не стал. Он невозмутимо откинулся в кресле, твердой рукой сжимая стакан с виски, и не спрашивал, о чем речь, словно ему это было совершенно безразлично. Джиббс слегка запнулся, потом выдавил из себя:

— Дело касается лично вас, сенатор.

— Продления вашей жизни, — выпалил Эндрю Скотт.

Воцарилась неловкая тишина, все трое были потрясены, и Скотт в том числе: ему не следовало бы называть вещи своими именами. В политике ни к чему идти напролом, куда удобнее выбирать уклончивые, нечеткие формулировки.

— Понятно, — произнес сенатор в конце концов. — Организация полагает, что избиратели предпочли бы видеть меня обычным человеком, которому суждено умереть обычной смертью.

Джиббс кое-как стер с лица выражение растерянности.

— Простые люди, — объявил он, — не любят тех, кто живет дольше предначертанного природой.

— Особенно, — перебил сенатор, — тех, кто ничем не заслужил подобной чести.

— Я не стал бы выражаться так резко, — запротестовал Джиббс.

— Может, и нет, — согласился сенатор. — Но в какую бы форму вы ни облекли свою новость, в виду-то вы имели именно это.

Кабинетные кресла вдруг стали казаться чертовски жесткими. А в окна по-прежнему било яркое солнце Женевы.

— Итак, — сказал сенатор, — организация пришла к выводу, что делать ставку на меня более не стоит, и решила не возобновлять ходатайства о продлении моей жизни. Таков смысл того, что вам поручено мне сообщить.

«С тем же успехом можно и не тянуть волынку, — подумал он мрачно. — Теперь, когда все окончательно прояснилось, что толочь воду в ступе...»

— Да, сенатор, примерно так, — согласился Скотт.

— Именно так, — подтвердил Джиббс.

Сенатор оторвал отяжелевшее тело от кресла, потянулся за бутылкой, наполнил стаканы.

— Вы огласили смертный приговор с большим искусством, — сказал он. — За это следует выпить.

«Интересно, — мелькнула мысль, — а чего они ждали? Что я паду перед ними на колени? Или примусь крушить мебель в кабинете? Или стану проклинать тех, кто их послал?..»

«Марионетки, — подумалось ему. — Мальчики на побегушках. Глупенькие мальчики на побегушках, перепуганные до дрожи в поджилках...»

Посетители пили виски, не сводя с него глаз, а он сотрясался от беззвучного хохота, представляя себе, как горек для них сейчас каждый глоток.

Председательствующий м-р Леонард. Значит, мистер Чэпмен, вы согласны с другими ораторами в том, что никому не должно быть дано права просить о продлении жизни для себя лично, что такое продление может иметь место лишь по ходатайству третьих лиц и что...

М-р Чэпмен. Продление жизни должно рассматриваться как дар общества тем индивидуумам, деяния которых весомо облагодетельствовали человечество в целом.

Председательствующий м-р Леонард. Весьма удачно сказано, сэр.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

В приемной Института продления жизни сенатор неспешно погрузился в кресло, устроился поудобнее, развернул свежий номер «Норт Америкэн трибюн».

Заголовок первой колонки гласил, что, по данным Всемирной коммерческой палаты, мировая торговля развивается нормально. Далее следовало подробное изложение доклада секретаря палаты. Вторая колонка начиналась с ехидного сообщения в рамочке: на Марсе, возможно, обнаружена новая форма жизни, но, поскольку обнаружил ее астронавт, пьяный более обыкновенного, к его заверениям отнеслись с изрядной долей скептицизма. Ниже рамки был помещен список мальчиков и девочек — чемпионов страны, отобранных Финляндией для участия в предстоящем международном конкурсе здоровья. Третья колонка излагала последние сплетни о самой богатой женщине мира.

А четвертую колонку венчал вопрос: Какая участь постигла д-ра Карсона? Смерть документально не доказана.

Заметив, что под колонкой стоит подпись — Энсон Ли, сенатор сухо усмехнулся. Опять этот Ли что-то затеял. Вечно он что-нибудь пронюхает, выудит какой-нибудь фактик, и уж можете не сомневаться, что фактик этот кому-то встанет поперек горла. Ли неумолим, как стальной капкан, — не дай Бог, если такой

вцепится именно в вас. Что далеко ходить за примерами — достаточно вспомнить историю с космическим фрахтом.

«Энсон Ли, — изрек сенатор про себя, — паразит. Самый настоящий паразит».

Но доктор Карсон — кто такой доктор Карсон?

Сенатор вступил в невинную тихую игру с самим собой — постараться сообразить, кому принадлежит это имя, сообразить до заглядывания в текст.

Доктор Карсон...

«Ну конечно, — обрадовался сенатор, — помню! Только это было давным-давно. Биохимик или что-то в том же роде. Весьма незаурядный человек. Ставил какие-то опыты с колониями почвенных бактерий, выращивал их для каких-то медицинских нужд».

Да, да, — повторил сенатор, — весьма незаурядный человек. Меня с ним даже познакомили. Правда, я не понял и половины того, о чем он толковал тогда. Но это было давно. Лет сто назад.

Лет сто назад — а может, много больше.

Значит, Господи прости, — воскликнул сенатор, — он же должен быть одним из нас!..»

Сенатор поник головой, газета выскользнула у него из рук и упала на пол. Вздвогнув, он выпрямился. «Ну вот опять, — упрекнул он себя. — Задремал. Опять подкрадывается старость...»

Он сидел в кресле, сидел очень спокойно и очень тихо, как испуганный ребенок, не желающий признаваться, что он испуган. Мыслями все отчетливее завладевали давние, давние кошмары. «Слишком поздно, — упрекал он себя. — Я слишком долго тянул, куда дольше, чем следовало. Ждал, что организация возобновит ходатайство, и дождался, что она передумала. Вышвырнула меня за борт. Бросила на произвол судьбы как раз тогда, когда я сильнее всего в ней нуждаюсь».

«Смертный приговор», — так сказал он у себя в кабинете, и это был действительно смертный приговор: долго он теперь не протянет. У него почти не осталось времени. А ему нужно время — на то, чтобы предпринять какие-то шаги, чтобы хотя бы придумать, что предпринять. Нужно действовать, действовать с величайшей осторожностью и ни при каких обстоятельствах не поскользнуться. Иначе — кара, ужасная, жесточайшая кара.

— Доктор Смит вас примет, — сообщила секретарша.

— Что? — встрепенулся сенатор.

— Вы хотели видеть доктора Дейну Смита, — напомнила секретарша. — Он согласен вас принять.

— Благодарю вас, мисс, — сказал сенатор. — Я что-то слегка задремал.

Он тяжело поднялся на ноги.

— Вот сюда, в эту дверь, — подсказала секретарша.

— Сам знаю, — пробормотал сенатор раздраженно. — Бывал здесь не раз и не два.

Доктор Смит встретил его как почетного гостя.

— Располагайтесь, сенатор, — пригласил он. — Хотите выпить? Тогда, быть может, сигару? Что привело вас ко мне?

Сенатор не торопился отвечать, устраиваясь в кресле. Удовлетворенно хмыкнув, обрезал кончик сигары, перекатил ее из одного угла рта в другой.

— Да просто зашел без особого повода. Шел мимо и решил заглянуть. Давно и искренне интересуюсь вашей работой. Всегда интересовался. Ведь я с вами с самого начала.

Директор института кивнул.

— Да, я знаю. Вы проводили самые первые обсуждения кодекса продления жизни.

Сенатор усмехнулся.

— Тогда все казалось легко и просто. Конечно, были какие-то сложности, но мы не уклонялись от них, а боролись с ними, как могли.

— Вы справились со своей задачей удивительно хорошо, — заявил директор. — Кодекс, выработанный вами пять веков назад, настолько справедлив, что его никто никогда не оспаривал. Отдельные поправки, внесенные позже, касаются второстепенных деталей, которые вы никак не могли предусмотреть.

— Однако дело слишком затянулось, — заметил сенатор.

Лицо директора приобрело жесткое выражение.

— Не понимаю вас.

Сенатор зажег сигару, сосредоточив на этом ответственном процессе все свое внимание, старательно окуная ее кончик в огонь, чтобы табак занялся ровно. Затем поерзал в кресле, устраиваясь еще прочнее.

— Видите ли, — произнес он. — Мы полагали, что продление жизни явится первым шагом, первым робким шагом к бессмертию. Мы разрабатывали кодекс как временную меру, необходимую на тот период, пока наука не добьется бессмертия — не для избранных, для всех. Мы рассматривали тех немногих, кому даруется продление жизни, как служителей человечества, которые помогут приблизить день, когда оно обретет бессмертие — не отдельные люди, все человечество в целом.

— С этим и сегодня никто не спорит, — холодно откликнулся доктор Смит.

— Однако люди теряют терпение.

— И очень плохо. Все, что от них требуется, — немного подождать.

— Как представители человечества они готовы ждать сколько угодно. Но не как отдельные личности.

— Не понимаю, к чему вы клоните, сенатор.

— Да, наверное, ни к чему не клоню. В последние годы я частенько обсуждал сам с собой правомерность принятого нами решения. Продление жизни без бессмертия — это бочка с динамитом. Заставьте людей ждать слишком долго — и она взорвет всю мировую систему.

— Что вы предлагаете, сенатор?

— Ничего. Боюсь, что мне нечего предложить. Но мне нередко сдается, что лучше бы играть с людьми в открытую, знакомить их со всеми результатами поисков и исследований. Держать их в курсе событий. Информированный человек — разумный человек.

Директор не отвечал, и сенатор ощутил, как тягостный холод уверенности капля за каплей просачивается в подсознание.

«Смиту все известно, — понял сенатор. — Ему известно, что организация решила не возобновлять ходатайства. Ему известно, что я мертвец. Ему известно, что мне почти крышка и помощи от меня больше ждать не приходится, вот он и вычеркнул меня из своих расчетов. Смит не скажет мне ничего. Тем более не скажет того, что я хочу знать».

Но ни один мускул не дрогнул у сенатора на лице — этого он себе не позволил. Его лицо не предаст его. Оно прошло слишком долгую выучку.

— А ответ существует, — произнес сенатор. — И всегда существовал. Ответ на любой вопрос о бессмертии. Бессмертия не может быть, пока нет жизненного пространства. Пространства, достаточного, чтоб отселить всех лишних, и чтоб его было больше, чем нам понадобится во веки веков, и чтоб его можно было еще расширить в случае нужды.

Доктор Смит снова кивнул.

— Вы правы, это ответ. Единственный, какой можно вам дать. — Он помолчал и добавил: — Разрешите, сенатор, заверить вас в одном. Как только корабли Межзвездного поиска обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие.

Сенатор выбрался из кресла и встал — твердо, не качаясь.

— Приятно было услышать это от вас, доктор. Ваше мнение очень обнадеживает. Благодарю вас за длительную беседу.

Выйдя на улицу, он сказал себе с горечью: «У них оно уже есть. Они открыли секрет бессмертия. Теперь они ждут только жизненного пространства — и дождутся в ближайшие сто лет. Ближайшие сто лет решат и эту проблему, иначе просто не может быть...»

Еще сто лет, — повторил он себе, — еще одно-единственное продление, и я остался бы жить навсегда».

М-р Эндрюс. Мы обязаны четко отделить продление жизни от отношений купли-продажи. Нельзя позволить тому, у кого есть

деньги, покупать себе дополнительные годы жизни — ни путем прямых денежных выплат, ни используя свое финансовое влияние, в то время как другие вынуждены умереть естественной смертью лишь потому, что они бедны.

Председательствующий м-р Леонард. Но разве кто-нибудь ставит эти положения под сомнение?

М-р Эндрюс. Тем не менее надо подчеркивать их снова и снова. Продление жизни ни при каких обстоятельствах не должно стать товаром, который можно купить в определенной лавке — столько-то долларов за каждый добавочный год.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Сидя за шахматной доской, сенатор притворялся, что решает задачу. Притворялся, потому что мысли его были заняты отнюдь не шахматами.

Итак, они знают секрет бессмертия, знают, но выжидают, сохраняя в тайне до поры, когда будут уверены, что в распоряжении человечества есть достаточное жизненное пространство. Причем это держится в тайне и от народа, и от правительства, и от тех ученых, мужчин и женщин, что поколение за поколением тратят свои жизни на поиски давно открытого.

Да, сомнений нет: Смит не просто обнадеживал, он был уверен в том, что говорит. «Как только корабли Межзвездного поиска, — заявил он, — обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие». И это означает, что бессмертие у них в кармане. Ведь его нельзя предсказать. Нельзя заранее определить, что секрет будет найден в нужный момент. Уверенность такого рода можно испытывать только в том случае, если он уже найден.

Сенатор сделал ход слоном и тут же увидел, что ход неверен. Он медленно вернул слона на прежнее место.

Жизненное пространство — вот ключ, и не всякое пространство, а экономически замкнутое, способное обеспечить людей пищей и сырьем, в особенности пищей. Ведь если бы речь шла просто о жизненном пространстве, то пространством в этом смысле человечество располагает. Взять хотя бы Марс, Венеру, спутники Юпитера. Но ни один из этих миров не может существовать самостоятельно. И потому не решает проблемы.

Остановка только за жизненным пространством, и ста лет с лихвой хватит на то, чтобы его обнаружить. Еще сто лет — и каждый, кем бы он ни был, вступит во владение благом бессмертия, доступным всему человечеству.

«Еще одно продление даст мне эти сто лет, — сказал сенатор, беседуя сам с собой. — Сто лет, и даже с запасом, ведь на сей раз я стал

бы щадить себя. Я вел бы более праведную жизнь. Ел бы в меру, отказался бы от спиртного, от курева и от охоты за женщинами».

Разумеется, есть способы добиться своего. Их не может не быть. И он их отыщет, поскольку знает все ходы и выходы. Недавно же он провел в сенате пятьсот лет — для него не осталось тайн. Иначе он просто-напросто столько не продержался бы.

Мысленно он принялся перебирать возможности, оценивая их одну за другой.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРВАЯ: устроить разрешение на продление жизни кому-то еще, а потом заставить этого кого-то передать разрешение ему, Леонарду. Обойдется, конечно, недешево, да что поделаешь.

Надо найти кого-то, кому можно довериться, — и вполне вероятно, что довериться до такой степени нельзя никому. Продление жизни, — прямо скажем, не та поблажка, от которой легко отказаться. Нормальный человек, получив разрешение, его уже не отдаст.

Впрочем, если разобраться, из этого, наверное, вообще ничего не выйдет. Ведь есть еще и юридическая сторона дела. Продление жизни — дар общества конкретному человеку, лично ему и никому другому. Разрешение нельзя передать. Его нельзя рассматривать как юридическую собственность. Оно не может быть предметом владения. Его нельзя ни купить, ни продать, следовательно, передать его также нельзя.

Однако если тот, кому даровано продление, умрет, прежде чем воспользуется разрешением, — умрет, конечно же, естественной смертью, и чтобы ее естественность не вызывала ни малейших сомнений, — тогда, быть может... Да нет, все равно ничего не получится. Раз продление жизни нельзя рассматривать как собственность, оно не есть часть состояния. Его нельзя унаследовать. Разрешение, по всей вероятности, подлежит автоматическому возврату ходатайствовавшей организации.

«Ну что ж, — сказал себе сенатор, — вычеркнем этот путь как бесперспективный».

ВОЗМОЖНОСТЬ ВТОРАЯ: съездить в Нью-Йорк и поговорить с ответственным секретарем организации. В конце концов Джиббс и Скотт — всего-навсего пешки-посыльные. Они выполняют чужие приказы, передают волю власть имущих, но не более того. Если бы потолковать с кем-то из боссов...

«Нет, — осадил себя сенатор, — не строй воздушных замков. Организация вышвырнула тебя за борт. По-видимому, боссы выжали из Института продления жизни все, что только посмели, нахватили разрешений больше, чем могли надеяться. Теперь они уже ни на что претендовать не могут, и мое разрешение понадобилось им для кого-то еще — для кого-то, кто идет на подъем и способен привлечь избирателей.

А я, — сказал себе сенатор, — отживший свое старый лис. Хоть и хитрый лис, и опасный, коли загонят в угол, и увертливый: как-никак пять столетий на виду у публики прожиты не даром.

Пять столетий, — заметил сенатор мимоходом, — срок достаточно долгий, чтобы не питать иллюзий, даже по отношению к себе.

Нет, — решил сенатор, — этому не бывать. Я перестану уважать себя, если поползу на коленях в Нью-Йорк. Уж видит Бог, я сумел бы вынести унижение, но все же не такое. Я никогда не ползал на коленях и сейчас не поползу — даже во имя добавочной сотни лет и прыжка к бессмертию.

Вычеркнем и этот путь», — приказал себе сенатор.

ВОЗМОЖНОСТЬ ТРЕТЬЯ: а что если подкупить кого-нибудь?

Из всех возможностей эта представлялась самой надежной. Всегда найдется кто-то, кого можно купить, и еще кто-то, согласный выступить посредником. Естественно, что член Всемирного сената может ввязываться в дела подобного сорта лишь через подставных лиц.

Да, услуги такого рода, вероятно, кусаются — но для чего же деньги, в конце концов? Вот подходящий случай напомнить себе, что он вел в общем-то экономную жизнь и сумел отложить известную сумму на черный день.

Сенатор сделал ход ладьей, и этот ход выглядел умным, тонким ходом, так что он оставил ладью на новом поле.

Разумеется, после нелегального продления жизни ему придется скрыться. Как бы ни хотелось бросить свой триумф в лицо боссам, об этом нечего и мечтать. Нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь вздумал поинтересоваться, каким же образом он добился продления. Ему придется раствориться в толпе, стать невидимкой, поселиться в каком-нибудь глухом углу и постараться не привлекать к себе внимания.

Надо повидаться с Нортонем. Если вам позарез необходимо проверить какое-то дельце, надо повидаться с Нортонем. чем бы ни возникла нужда: обеспечить тайну делового свидания, убрать кого-то с дороги, получить концессию на Венере или зафрахтовать космический корабль, — Нортон возьмется за все. И выполнит любое поручение шито-крыто и без лишних вопросов. При одном условии: если у вас есть деньги. Если денег нет, обращаться к Нортону — пустая трата времени.

Мягко ступая, в комнату вошел Отто.

— К вам джентльмен, сэр, — произнес он.

Сенатор вздрогнул и окаменел в кресле.

— Какого черта ты шпионишь за мной? — заорал он. — Вечно подкрадываешься, как кошка. Норовишь испугать меня. С ны-

нешнего дня изволь сначала покашлять, или зацепиться за стул, или что хочешь, но чтоб я знал, что ты тут.

— Извините, сэр, — ответил Отто. — К вам джентльмен. И у вас на столе письма, которые надо прочесть.

— Прочту позже, — отрезал сенатор.

— Не позабудьте это сделать, сэр. — Отто был непреклонен.

— Я никогда ничего не забываю. Ты что, думаешь, я окончательно одряхлел, и мне нужно обо всем напоминать таким манером?

— Вас хочет видеть джентльмен, — повторил Отто терпеливо. — Некий мистер Ли.

— Случайно не Энсон Ли?

Отто шумно засопел, потом ответил:

— Кажется, так. Он газетчик, сэр.

— Проси его сюда, — распорядился сенатор.

Флегматично утонув в кресле, он подумал: «Ли что-то пронюхал. Каким-то образом проведал, что организация вышвырнула меня за борт. И вот пожаловал, чтобы четвертовать меня.

Ну нет, — поправился сенатор тут же, — он мог заподозрить что-то, но не более. Мог подцепить слушок, но уверенности ему взять негде. Организация будет держать язык за зубами, она вынуждена держать язык за зубами — не может же она открыто признать, что продление жизни тоже стало предметом политического расчета! И вот Ли, подцепив слушок, явился ко мне, чтобы выжать из меня правду, взять меня на испуг и поймать на неосторожном слове.

А я ему этого не позволю, — решил сенатор. — Ведь если правда выплывет наружу, вся стая окажется тут как тут и растерзает меня в клочья».

Как только Ли появился на пороге, сенатор поднялся и пожал ему руку.

— Извините за беспокойство, сенатор, — сказал Ли, — но я надеялся, что вы не откажетесь мне помочь.

— Ну о чем речь! — дружелюбно откликнулся сенатор. — Для вас — что угодно. Присаживайтесь, мистер Ли.

— Вы читали мою статью в утреннем выпуске? Об исчезновении доктора Карсона?

— Нет, — ответил сенатор. — Боюсь, что...

Он запнулся, ошеломленный.

Он не прочел газету!

Он забыл ее прочесть!

Он читал ее всегда. Он не пропускал ни одного номера. Это был торжественный ритуал — начать с самого начала и дочитать до конца, исключая лишь те рубрики, которые, как он убедился годы назад, и читать-то не стоит.

Он развернул газету в институте, но потом его отвлекла секретарша, оповестившая, что доктор Смит согласен его принять. А выйдя из кабинета, он так и оставил газету в приемной.

Случилось нечто ужасное. Ни одна новость, ни одно событие в целом свете не могли бы расстроить его в такой степени, как тот злополучный факт, что он забыл прочесть газету.

— Боюсь, я пропустил вашу статью, — промямлил сенатор. Это было выше его сил — признать во всеуслышание, что он забыл про газету.

— Доктор Карсон, — сказал Ли, — был биохимик, и довольно известный. Согласно официальной версии, он умер десять лет назад в Испании, в маленькой деревушке, где провел последние годы жизни. Но у меня есть основания думать, что он вовсе не умирал и, вполне возможно, жив-живехонек до сих пор...

— Прячется? — предположил сенатор.

— Не исключено. Хотя, с другой стороны, зачем ему прятаться? Репутация у него была безупречная.

— Тогда почему вы сомневаетесь, что он умер?

— Потому что нет свидетельства о смерти. И он далеко не единственный, кто ухитрился умереть без свидетельства.

— Мм? — отозвался сенатор.

— Гэллоуэй, антрополог, скончался пять лет назад. Свидетельства нет. Гендерсон, знаток сельского хозяйства, умер шесть лет назад. Свидетельства опять-таки нет. Могу перечислить еще добрую дюжину подобных случаев — и, вероятно, есть множество других, до которых я не докопался.

— А есть между ними что-нибудь общее? — осведомился сенатор. — Что-то связывало этих людей между собой?

— Одно-единственное. Всем им продлевали жизнь, хотя бы однажды.

— Вот оно что, — отозвался сенатор. Чтобы руки не выдали предательской дрожи, он сжал подлокотники до боли в пальцах. — Интересно. Весьма интересно.

— Понимаю, что как должностное лицо вы не вправе мне ничего сообщить, но не могли бы вы поделиться со мной какой-нибудь догадкой, соображениями не для протокола? Естественно, вы не разрешите мне сослаться на вас, но дайте мне ключ, помогите хотя бы намеком...

Он замолк в ожидании ответа.

— Вы обратились ко мне потому, что я был близок к Институту продления жизни?

Ли ответил кивком.

— Если об этом хоть кому-то что-то известно, то в первую очередь вам, сенатор. Вы возглавляли комиссию, где велись первоначальные слушания о продлении жизни. С тех пор вы занима-

ли различные посты, связанные с той же проблемой. Только сегодня утром вы были у доктора Смита.

— Ничего я вам не скажу, — пробормотал сенатор. — Да я ничего толком и не знаю. Тут, понимаете, замешаны политические интересы...

— А я-то надеялся, что вы поможете мне.

— Не могу, — признался сенатор. — Вы, конечно, ни за что не поверите, но мне и вправду ничего не известно. — Помолчав немного, он спросил: — Вы говорите, что всем, кого вы упомянули, продлевали жизнь. Разумеется, вы проверяли — возобновлялись ли ходатайства о продлении?

— Проверял. Не возобновлялись ни для кого, — по крайней мере, это нигде не зафиксировано. Некоторые из этих людей приближались к своему смертному часу и действительно могли к настоящему времени умереть, только я очень сомневаюсь, что смерть настигла их там и тогда, где и когда это якобы произошло.

— Интересно, — повторил сенатор. — И, несомненно, весьма таинственно.

Ли, намеренно меняя тему, показал на шахматную доску.

— Вы хорошо играете, сенатор?

Сенатор покачал головой.

— Игра мне нравится, вот и балуюсь иногда. Она привлекает меня своей логикой и своей этикой. Играя в шахматы, вы волей-неволей становитесь джентльменом. Соблюдаете определенные правила поведения.

— Как и в жизни, сенатор?

— Как должно бы быть и в жизни. Когда положение безнадежно, вы сдаетесь. Вы не заставляете противника играть до унижительного для вас обоих конца. Так требует этика. Когда выигрыша нет, но и резервы защиты не исчерпаны, вы продолжаете бороться за ничью. Так требует логика.

Ли засмеялся, пожалуй, чуть-чуть натянуто.

— Вы и в жизни придерживаетесь таких же правил, сенатор?

— Стараюсь по мере сил, — ответил сенатор с напускным смирением.

Ли поднялся на ноги.

— Мне надо идти, сенатор.

— Посидите еще, выпейте рюмочку.

Репортер отказался.

— Спасибо, меня ждет работа.

— Выходит, я должен вам выпивку, — заметил сенатор. — Напомните мне об этом при случае.

Когда Ли ушел, сенатор Гомер Леонард долго сидел в кресле, будто оцепенев. Потом протянул руку, хотел сделать ход конем, но пальцы дрожали так, что он выронил фигуру, и она со стуком покатила по доске.

«Каждый, кто добьется продления своей жизни нелегальными или полунелегальными методами, без надлежащих рекомендаций, утвержденных установленным порядком в соответствии с законной процедурой, подлежит фактическому отчуждению от человечества. Как только его виновность будет доказана, это должно быть оглашено всеми доступными средствами по всей Земле до самых дальних ее уголков, чтобы каждый человек Земли мог без труда опознать виновного. В целях большей точности и безошибочности подобного опознания виновный приговаривается к пожизненному ношению позорного жетона, публично оглашающего его вину и заметного на значительном расстоянии. Нельзя отказать виновному в удовлетворении основных жизненных потребностей, как-то: в пище, одежде, скромном жилище и медицинской помощи, однако он лишается права пользоваться в какой бы то ни было форме иными достижениями цивилизации. Виновному не разрешается делать приобретения, превышающие минимально необходимые для поддержания жизни, здоровья и благопристойности; он не допускается к участию в любых предпринимаемых людьми начинаниях и учреждаемых ими объединениях; он лишается права пользования услугами библиотек, лекционных залов, увеселительных и прочих заведений, как общественных, так и частных, действующих ради просвещения, отдыха или развлечения других людей. В равной степени воспрещается всем жителям Земли, во избежание сурового наказания, сознательно вступать с виновным в беседу или какие-либо иные отношения, принятые между людьми. Виновному дозволяется прожить незаконно продленную жизнь до ее естественного завершения в рамках человеческого общества, но с лишением фактически всех прав и обязанностей, общих для человеческих существ. И все перечисленные выше санкции в полной мере налагаются на пособника или пособников, которые с сознательно обдуманым намерением так или иначе помогли виновному добиться продления своей жизни иными, нежели законные, средствами».

Из Кодекса продления жизни

СОСЕД

Места у нас в Енотовой долине — краше не сыщешь. Но не стану отрицать, что лежит она в стороне от больших дорог и не сулит легкого богатства: фермы здесь мелкие, да и земли не слишком плодородные. Пахать можно только в низинах, а склоны холмов годны разве что для пастьбы, и ведут к ним пыльные проселки, непроходимые в иное время года.

Понятное дело, старожилам вроде Берта Смита, Джинго Гарриса или меня самого выбирать не приходится: мы в этих краях выросли и давно распрощались с надеждой разбогатеть. По правде говоря, мы чувствуем себя не в своей тарелке, едва высунемся за пределы долины. Но попадаются порой и другие, слабохарактерные: чуть приехали, года не прожили — и уже разочаровались, снялись и улепетнули. Так что по соседству у нас непременно найдется ферма, а то и две на продажу.

Люди мы простые и бесхитростные. Возимся себе в одиночку в грязи, не помышляя ни о сложных машинах, ни о племенном скоте, а впрочем, что ж тут особенного: обыкновенные фермеры, каких немало в любом конце Соединенных Штатов. И раз уж мы живем обособленно и знаем друг дружку по многу лет, то, пожалуй, можно сказать, что мы теперь стали как бы одной семьей. Хотя из этого вовсе не следует, что мы чураемся посторонних, — просто живем мы вместе так давно, что научились понимать и любить друг друга и принимать вещи такими, каковы они есть.

Мы, конечно, слушаем радио — музыку и последние известия, а некоторые даже выписывают газеты, но, боюсь, по натуре мы все-таки бирюки — уж очень трудно расшевелить нас какими-нибудь мировыми событиями. Все наши интересы — здесь, в долине, и нам, если говорить откровенно, недосуг беспокоиться о том, что творится за тридевять земель. Чего доброго, вы решите, что мы к тому же еще и консерваторы: голосуем мы обычно за республиканцев, даже не утруждая себя вопросом «почему», и сколько ни ищите, не найдется среди нас такого, у кого хватило бы времени отвечать на адресованные фермерам правительственные анкеты и тому подобную дребедень.

И всегда, сколько я себя помню, в долине у нас все шло хорошо. Я сейчас не про землю, я про людей говорю. Нам всегда везло на соседей. Новички появляются что ни год, а вот поди ж ты: ни одного подонка среди них не попало, а это для нас куда как важно.

Но, признаться, мы всякий раз тревожимся, когда кто-нибудь из нетерпеливых снимается с места и уезжает, и гадаем промеж себя, что за люди купят или арендуют опустевшую ферму.

Ферма, где жил когда-то старый Льюис, была заброшена так давно, что все постройки обветшали и порушились, а поля заросли травой. Правда, года три или четыре подряд ее арендовал зубодер из Гопкинс-Корнерс. Держал там кой-какую скотину, а сам навывался только по субботам. А мы в своем кругу все гадали, захочет ли там еще кто-нибудь пахать, но в конце концов даже думать перестали: ферма пришла в такое запустение, что мы решили — охотников на нее больше не сыщется. И вот однажды я заглянул в Гопкинс-Корнерс к тамош-

нему банкиру, представлявшему интересы владельцев, и заявил, что если зубодер не станет продлевать аренду, то я, пожалуй, не против арендовать ее сам. Но банкир ответил, что хозяева фермы, проживающие где-то в Чикаго, желали бы не сдавать ее, а продать совсем. Хотя лично он ни на что подобное не надеется: кто же ее в таком виде купит!

Однако смотрим — весной на ферме объявились новые люди. А спустя какой-то срок узнаем, что ее все-таки продали и нового владельца зовут Хит, Реджинальд Хит. И Берт Смит сказал мне:

— Реджинальд, подумать только! Ну и имечко у нового фермера!..

Больше он, правда, ничего не сказал. А Джинго Гаррис, возвращаясь как-то из города, увидел, что Хит вышел во двор, и завернул к нему на часок. Сами знаете, такое меж добрыми соседями водится, и Хит вроде обрадовался, что Джинго завернул к нему, только тот все равно нашел, что новичок мало похож на фермера.

— Иностранец он, вот кто, — втолковывал мне Джинго. — С лица весь темный. Вроде как испанец или из какой другой южной страны. И откуда он только выкопал имя Реджинальд! Имя английское, а он никакой не англичанин...

Позже мы услышали, что Хит и не испанец даже, а откуда-то с самого края света. Но англичане, испанцы или кто там еще, а только он и его домашние показали себя работягами всем на зависть. Их было всего-то трое: он, жена да дочка лет четырнадцати, зато все трое трудились от темна до темна — умело, старательно, ни к кому попусту не приставая. И мы стали их за это уважать, хотя наши дорожки пересекались не так уж часто. Не то чтобы мы того не хотели или они нас отваживали. Просто в таких общинах, как наша, новых соседей признают не сразу, а постепенно: они вроде как должны сами вращаться в нашу жизнь.

У Хита был старый-престарый, латаный-перелатаный трактор, весь подвязанный проволочками, а уж тарахтел этот трактор — не приведи Бог! Но едва земля подсохла достаточно, чтобы пахать, сосед принялся поднимать поля, совсем заросшие за долгие годы. Я частенько диву давался — уж не пашет ли он всю ночь напролет, потому что не раз слышал тарахтенье и тогда, когда уже собирался ко сну. Хоть это было не так поздно, как, может, покажется горожанину: мы здесь, в долине, ложимся рано, зато и встаем ни свет ни заря.

И вот как-то вечером пришлось мне выйти из дому в поисках двух пропавших телок — из тех неумных, кому любой забор ни почем. Только представьте себе: время позднее, человек пришел с работы усталый, да еще и дождик моросит, и на дворе темно —

хоть глаз выколи, а тут выясняется, что эти две телки опять куда-то запропастились, и хочешь не хочешь, а надо подниматься и идти их искать. И на какие только хитрости я с ними ни пускался, а все без толку. Если уж телка пошла выкидывать номера, то хоть тресни, а ничего с ней не поделаешь.

Засветил я фонарь и отправился на поиски. Промучился часа два, а телки как сквозь землю провалились. Я было совсем отчаялся и решил возвращаться домой, как вдруг понял, что нахожусь чуть выше западной межи прежнего Льюисова поля. Теперь, чтобы попасть домой, мне короче всего было идти вдоль поля, а значит, можно и подождать чуток, пока трактор воротится с дальнего конца борозды, и заодно спросить Хита, не видал ли он этих чертовых телок.

Ночь выдалась темная, звезды попрятались за облаками, в верхушках деревьев шумел ветер, и в воздухе пахло дождем. Я еще сказал себе, что, наверное, Хит решил поработать сегодня лишний часок, чтобы закончить вспашку до дождя. Хотя нет, я уже тогда подумал, что он, пожалуй, усердствует через край. Он и так успел обогнать с пахотой всех остальных в долине.

Ну вот, спустился я с крутого склона и перешел ручеек, благо знал, где мелко. Но пока я искал это мелкое место, трактор сделал полную ходку и ушел. Я поискал глазами, не мелькнет ли где свет от фар, но ничего не разглядел и рассудил, что света, должно быть, не видать за деревьями.

Потом я добрался до поля, пролез меж жердями ограды и зашагал через борозды трактору наперерез. Было слышно, как он повернул в конце поля и затарахтел обратно в мою сторону. Но странно: шум я слышал явственно, а света по-прежнему не было и в помине.

Я нашел последнюю свежую борозду и встал, поджидая, — и не то чтобы сразу встревожился, но все же подивился, как это Хит умудряется держать борозду, не зажигая огней. Помнится, я еще подумал тогда, что, может, у него глаза как у кошки и он умеет видеть в темноте. Теперь-то, когда вспоминаю про это, мне и самому смешно становится: с чего я, в самом деле, взял, что у Хита глаза как у кошки, — но тогда мне было не до смеха.

Трактор тарыхтел все сильнее, все ближе с каждой секундой — и вдруг как выскочит из темноты прямо на меня! Я испугался, как бы не попасть под колеса, и отпрыгнул ярда на два, если не на три. Да что там испугался — душа в пятки ушла, а только мог бы и не прыгать: стой я столбом, я тоже не оказался бы на дороге.

Трактор прошел мимо, и тогда я замахал фонарем и крикнул Хиту, чтобы притормозил. Но когда я махал фонарем, то поневоле осветил кабину — и обнаружил, что она пуста.

Сотня разных предположений пронеслась у меня в голове, но запала одна ужасная мысль: не иначе как Хит сверзился с трактора и лежит где-нибудь в поле, истекая кровью.

Я помчался вдогонку за трактором, чтоб успеть заглушить его прежде, чем он сойдет с борозды и врежется в дерево или еще куда-нибудь, да только чуточку припоздал, и он достиг поворота раньше меня. И что бы вы думали — пошел на поворот сам собой, и так точно, словно вокруг был ясный день и за рулем сидел тракторист.

Вскочив на заднюю тягу, я уцепился за сиденье и кое-как влез наверх. Потом протянул руку и взялся за рычаг газа, хотел было заглушить двигатель, но, едва рука коснулась рычага, передумал. Трактор уже завершил поворот и сам собой пошел по новой борозде — но дело было не только в этом.

Возьмите вы любой старый трактор, который чихает, кашляет и гремит на ходу, угрожая развалиться на части, и полезайте в кабину — да у вас зубы тут же сведет от тряски! Этот трактор тоже чихал и кашлял честь по чести, а никакой вибрации не возникало. Он катился вперед плавно, как дорогой лимузин, и лишь слегка подрагивал, когда колеса наезжали на бугор или попадали в рытвину.

Так я и стоял, одной рукой придерживая свой фонарь, а другой сжимая рычаг газа — и не предпринимая больше ничего. А когда доехал до места, где трактор нацелился на новый разворот, то просто спрыгнул на землю и отправился домой. Искать соседа, лежащего бездыханным на поле, я не стал, потому что понял: Хита на поле не было и нет.

Мне бы сразу задаться вопросом, как же это все получается, только я не позволил себе тогда мучиться в поисках ответа. Должно быть, поначалу я был слишком ошарашен. Можно волноваться сколько влезет обо всяких пустяках, если они идут не так, как надо, но, когда напорешься на что-то по-настоящему большое и непонятное, вроде этого трактора без тракториста, лучше уж сразу, без долгих слов поднять руки вверх: все равно тебе с твоим умишком с такой загадкой не совладать, на это нет ни единого шанса из тысячи. Пройдет какое-то время — ты и вовсе позабудешь про встречу с загадкой. Раз ее нельзя решить, остается только выкинуть ее из головы.

Я вернулся домой и еще постоял немного на дворе, прислушиваясь. Ветер разошелся не на шутку, и снова стал накрапывать дождь, но как только ветер чуть-чуть стихал, до меня по-прежнему доносилось тархтенье трактора.

Когда я вошел в дом, Элен с ребятами уже крепко спали, так что я не мог никому ничего рассказать. А на следующий день, обдумав все хорошенько, и подавно не стал ничего рассказывать. Как сам теперь понимаю, главным образом потому, что мне все

равно никто бы не поверил и я только навлек бы на себя кучу насмешек — уж соседи не упустили бы случая проехаться насчет автоматических тракторов.

Хит закончил пахоту, а затем и сев гораздо раньше всех остальных в долине. Всходы появились дружно, погода выдалась как по заказу. Правда, в июне вдруг зачастили дожди, и никак не удавалось прополоть кукурузу — разве выйдешь в поле, когда земля вся насквозь сырая! Мы слонялись по своим усадьбам, подправляли заборы, занимались разной другой ерундой, поносили погоду и бессильно смотрели, как зарастают сорняками непрополотые поля.

То есть слонялись все, кроме Хита. У него кукуруза была как на выставке — сорняки разве что в лупу и углядишь. Джинго не утерпел, завернул к нему и полюбопытствовал, как это у него получается, а Хит только усмехнулся в ответ тихой такой, беззлобной усмешечкой и заговорил о другом.

Наконец, подошло время яблочных пирогов — яблоки хоть и были еще зеленые, но на пироги в самый раз, — а надо сказать, во всей долине никто не печет их лучше, чем Элен. Она у меня что ни год берет за свои выпечки призы на окружной ярмарке и очень этим гордится.

И вот как-то раз напекла она пирогов, завернула их в полотенце и отправилась к Хитам. У нас в долине так заведено — женщины частенько отправляются к соседям в гости со своей стряпней. Каждая со своим фирменным блюдом — такую они завели особенную, но в общем-то безобидную манеру хвастовства.

Вышло все как нельзя лучше, словно она с Хитами век была знакома. Даже домой припоздала, и мне пришлось самому собирать к ужину, а то ребятня уже крик подняла: «Мы голодные! Дадут нам когда-нибудь поесть?» — и всякое такое. Тут только она и заявила.

Разговоров у нее теперь было — не остановишь. И про то, как Хиты обновили дом: кто бы мог подумать, что можно так прибраться в такой развалюхе, и про то, какой они завели огород. Особенно про огород. Большой огород, рассказывала Элен, и прекрасно ухоженный, а главное — полный овощей, каких она в жизни не видела. Уж такие диковинные, рассказывала Элен, совсем не похожи на наши.

Мы поговорили про эти овощи еще чуть-чуть: наверное, мол, Хиты привезли семена оттуда, откуда сами приехали. Хотя, насколько мне известно, овощи есть овощи, где бы вы ни жили. Огородники выращивают одно и то же что в Испании, что в Аргентине, что в Тимбукту. То же самое, что и мы здесь. Да и вообще меня начали одолевать сомнения насчет новых соседей — кто они и откуда взялись.

Но на серьезные раздумья у меня тогда не хватило времени, даром что по округе уже поползли разные слухи. Подошел сенокос, потом поспел ячмень, и работы было по горло. Травы поднялись хорошо, и ячмень не подкачал, зато с видами на кукурузу, похоже, предстояло проститься. Началась засуха. Так уж оно случается, как нарочно: слишком много дождей в июне, слишком мало в августе.

Мы грустили, глядя на посевы, и вздыхали, глядя на небо, и с надеждой встречали любое облачко, только проку ни от одного из них не дождались. Бывают годы, когда Бог словно отворачивается от фермеров.

И тут в одно прекрасное утро заявляется ко мне Джинго Гаррис — и ну болтать о том о сем. Переминается с ноги на ногу, а от меня ни на шаг. Я себе работаю — чиню изношенную сноповязалку. Хоть и не похоже было, что она мне в этом году понадобится, а починить все равно не мешало.

— Джинго, — спросил я наконец, дав ему помаяться часок или чуть побольше, — признавайся, что у тебя на уме?

Тут-то он мне и выложил:

— А у Хита ночью выпал дождь.

— Как так? — откликнулся я. — Ни у кого другого дождя не было.

— Ты прав, — подтвердил Джинго. — Ни у кого не было, только у него одного...

А вышло так: возвращался он от Берта Смита, куда ходил одолжить бечевки для снопов, и решил махнуть напрямик через северное кукурузное поле Хита. Пролез сквозь ограду, глядь — а поле-то мокрое, как после сильного дождя.

«Ночью он, что ли, прошел?» — спросил себя Джинго. Подумал, что тут что-то не так, но в конце концов дождь мог пролиться и узкой полосой поперек долины, хоть обычно дожди движутся у нас снизу вверх или сверху вниз, а уж никак не поперек. Но когда Джинго, пройдя поле краем, перелез через ограду на другой стороне, то увидел, что там тоже не было никакого дождя. Тогда он повернул и обошел все поле вокруг — и что бы вы думали? — дождь выпал лишь на самом поле и больше нигде. На поле — пожалуйста, а за оградой — ни-ни.

Обогнув все поле по меже, он присел на моток бечевки и стал гадать, что бы это значило. Но сколько ни гадай, тут все равно не было ни малейшего смысла, да что там — в такую минуту собственным глазам не поверишь.

Джинго у нас человек дотошный. Прежде чем делать выводы, он любит взвесить все «за» и «против» и вообще узнать все, что можно узнать. Он не стал пороть горячку, а отправился на другой участок, где Хит высеял кукурузу. Этот участок — на западной стороне долины, но и там тоже прошел дождь. То есть на самом участке прошел, а вокруг и не подумал.

— Ну и что ты на это скажешь? — спросил Джинго, и я ответил: не знаю, мол, что и сказать. Чуть было не сболтнул ему про трактор без тракториста, да вовремя удержался. Сами посудите: что за выгода переполошить всю округу? Но только Джинго за ворота, я завел свою колымагу — и к Хиту, попросить на день-другой копалку для лунок. Нет, конечно, копать лунки я и в мыслях не держал, но должен же найтись какой-то предлог, чтобы наведаться к соседу без приглашения...

Говоря по правде, мне так и не привелось спросить про эту копалку. Когда я приехал к Хитам, я про нее и не вспомнил.

Хит сидел на крыльце, на ступеньках, и вроде бы очень обрадовался, завидев меня. Подошел прямо к машине, протянул мне руку и сказал:

— Рад тебя видеть, Кэлвин.

Сказал таким тоном, что я сразу почувствовал его дружеское расположение и свою значительность, что ли. Ведь он назвал меня Кэлвин, а все в долине зовут меня попросту — Кэл. Если честно, я не очень-то уверен, что кто-нибудь, кроме Хита, помнит мое полное имя.

— Пойдем, покажу тебе, что мы тут понаделали, — пригласил он. — Подлатали кое-что слегка...

«Подлатали» — явно не то слово. Все на ферме блестело и сверкало. Ну совсем как на тех фермах в Пенсильвании или Коннектикуте, про которые пишут в журналах. Раньше дом и все надворные постройки были старые, облезлые, того и гляди рухнут. А теперь они выглядели солидно, прочно, так и лоснились от свежей краски. Разумеется, они не стали новыми, но приобрели такой вид, будто за ними всегда ухаживали на совесть и красили каждый год. Заборы были выправлены и выкрашены, сорняки выполоты, а безобразные кучи мусора расчищены или сожжены. Хит ухитрился даже собрать со всей фермы лом — бросовые ржавые железки — и рассортировать их.

— Работы была пропасть, — похвалился он, — но дело того стоило. Я привык к порядку. Люблю, чтоб везде была чистота...

Так-то оно, может, и так, но ведь он успел все это меньше чем за полгода! Приехал к нам в начале марта, а сейчас еще август не кончился, и за это время он не только засеял несколько сотен акров и выполнил на них все работы, но и обновил ферму. Ей-ей, говорил я себе, такого не бывает. Одному человеку такое просто не под силу, даже с помощью жены и дочери, даже если вкалывать двадцать четыре часа в сутки, не прерываясь ни на обед, ни на ужин. Разве что он научился растягивать время, чтобы каждый час стал равен трем или четырем.

Я плелся за Хитом, а сам все думал про то, как бы тоже научиться растягивать время, и мне чертовски нравилось думать про это — а согласитесь, не часто случается, что глупые мимолетные

мыслишки доставляют удовольствие. Ну, во-первых, думалось мне, с такими-то талантами можно любой день растянуть настолько, чтобы переделать всю работу, какая только найдется. А во-вторых, если время можно растягивать, то, верно, можно его и сжимать, и тогда визит к зубному врачу, например, пролетит в одно мгновение.

Хит повел меня в огород — и точно, Элен не соврала. Были там, конечно, и обыкновенные овощи — капуста, помидоры, кабачки и все остальные, какие есть в любом огороде, — но в придачу к ним было столько же других, каких я до того не видывал. Хит говорил мне, как они называются, и тогда эти названия были мне в диковинку. Теперь-то странно и предположить, что они были нам в диковинку. Теперь эти овощи растут у каждого фермера в долине, и нам сдается, что они росли здесь всегда.

Мы ходили по огороду, а Хит выдергивал и срывал свои диковинные овощи и складывал их в корзинку, которую таскал с собой.

— Постепенно ты их все перепробуешь, — говорил он. — Одни тебе сперва, наверное, придутся не по вкусу, зато другие понравятся сразу. Вот эту штуку едят в сыром виде, нарезав ломтиками, как помидор. А эту лучше сварить, хотя можно и запечь...

Мне хотелось спросить, где он раскопал эти овощи и откуда они родом, только он не давал мне и рта раскрыть: все говорил и говорил про то, как их готовить и какие можно держать всю зиму, а какие консервировать. А потом он дал мне погрызть какой-то корешок сырым, и вкус у корешка оказался отменный.

Мы дошли до самого конца огорода и повернули назад, и тут из-за угла дома выбежала жена Хита. Меня она видимо, сначала не заметила или позабыла обо мне, потому что назвала мужа не Реджинальд и не Реджи, а каким-то другим, совсем иностранным именем. Я даже и пытаться не стану вспоминать, все равно не смогу — я и тогда-то не сумел бы повторить это имя, хоть оно и прозвучало всего секунду назад. Оно было просто ни на что не похоже.

Тут женщина заметила меня, перешла на шаг и перевела дыхание, а потом сказала, что сию минуту услышала по телефону ужасную новость: младшая дочка Берта Смита, Энн, очень тяжело больна.

— Они позвонили доктору, — сказала она, — а он уехал по вызовам и теперь нипочем не успеет вовремя. Понимаешь, Реджинальд, симптомы напоминают...

И она произнесла еще одно слово, какого я никогда не слышал и, наверное, больше не услышу.

Я смотрел на Хита — и, клянусь, лицо у него побелело, даром что кожа была с оливковым оттенком.

— Скорее! — крикнул он, и — хватать меня за руку.

Мы побежали — он к своей древней, выдавшей виды машине, я следом. Корзинку с овощами Хит швырнул на заднее сиденье, а сам прыгнул за руль. Я уселся рядом и хотел закрыть дверцу, только она не закрывалась. Замок отщелкивался, хоть плачь, и пришлось придерживать дверцу, чтоб не гремела.

Машина выскочила за ворота, словно ее кто наскипидарил, а уж шума она издавала столько, что впору оглохнуть. Как я ни тянул дверцу к себе, она упорно лязгала, и крылья дребезжали, и вообще я различал все шумы, каких можно ждать от древнего драндулета, и еще какие-то совершенно непонятные.

Меня опять подмывало задать соседу вопрос — теперь о том, что он собирается предпринять, — но никак не удавалось найти нужные слова. А если бы и удалось, то сомневаюсь, расслышал ли бы он мой вопрос за грохотом и дребезжаньем машины. Так что оставалось лишь цепляться за сиденье, а другой рукой пытаться удержать дверцу. И признаюсь, мне вдруг стало сдаваться, что машина громыкает сильнее, чем должна бы. В точности как старый расхлябанный трактор Хита — тот тоже тарахтит сильнее, чем положено любому трактору. Ну разве может издавать столько шума машина, обладающая таким ходом? Как на тракторе, так и здесь я не ощущал никакой вибрации от мотора, и, несмотря на грохот и лязг, мчались мы дай Боже. Я уже упоминал, что дороги у нас в долине — далеко не сахар, и все же ручаюсь, что временами Хит выжимал не меньше семидесяти миль в час. При такой скорости мы должны были бы, говоря по чести, вылететь в кювет на первом же крутом повороте, а машина вроде бы только приседала и крепче вжималась в дорогу, и нас ни разу даже не занесло.

Мы затормозили перед домом Берта. Хит выскочил из машины и бросился бегом по дорожке, я за ним.

Эми Смит вышла нам навстречу, и было заметно, что она недавно плакала, а вообще-то она сильно удивилась при виде нас.

Какой-то миг мы стояли на крылечке молча, потом Хит заговорил — и странная вещь: на нем были обтрепанные джинсы и ковбойка в пятнах пота, вместо шляпы — колтун нечесаных волос, и тем не менее мне вдруг почудилось, что он одет в дорогой костюм и, приподняв шляпу, отвешивает Эми поклон.

— Мне передали, — сказал он, — что ваша девочка заболела. Не могу ли я ей помочь?

Уж не знаю, почудилось ли Эми то же, что и мне, только она отворила дверь и посторонилась, чтобы мы прошли.

— Сюда, пожалуйста.

— Благодарю вас, мадам, — ответил Хит и вошел в комнату.

Я остался с Эми, она повернулась ко мне, и на глаза у нее опять набежали слезы.

— Знаешь, Кэл, ей очень-очень плохо, — сказала она.

Я печально кивнул. Чары рассеялись, здравый смысл начал возвращаться ко мне, и я поразился безумию фермера, возомнившего, будто он может помочь маленькой девочке, которой очень-очень плохо. И своему безумию тоже — почему я застрял на крыльце и даже не вошел в комнату вслед за ним?

Но тут Хит снова вышел на порог и тихонько прикрыл за собой дверь.

— Она заснула, — обратился он к Эми. — Теперь все будет в порядке.

И, не прибавив больше ни слова, зашагал прочь. Я поколебался, глядя на Эми и не представляя себе, что делать дальше. Потом до меня дошло, что я не в силах ничего предпринять. И я решил уйти вместе с Хитом.

Обратно мы ехали с умеренной скоростью, но машина все равно брэнчала и громыхала, как прежде.

— А бегают вполне прилично, — крикнул я, стараясь перекрыть грохот.

Он слегка улыбнулся и крикнул в ответ:

— Два дня вожусь — день езжу...

Когда мы добрались до фермы Хита, я вылез из его машины и пересел в свою.

— погоди, ты забыл овощи, — бросил он мне вдогонку.

Пришлось вернуться за овощами.

— Большое спасибо.

— Не за что.

Тогда я поглядел ему прямо в глаза и сказал:

— Знаешь, было бы очень здорово, если бы нам сейчас дожждаться дождя. Для нас это было бы просто спасение. Один хороший дождь — и кукуруза уцелеет...

— Заходи еще, — пригласил он. — Очень рад был потолковать с тобой.

И в ту же ночь над всей долиной прошел дождь, хороший проливной дождь, и кукуруза уцелела.

А маленькая Энн выздоровела.

Доктор, когда он наконец доехал до фермы Берта, объявил, что кризис миновал и дело идет на поправку. Какая-то вирусная инфекция, сообщил он. Столько их теперь развелось! Не то что в старые добрые времена, когда люди еще не баловались со всякими чудотворными снадобьями и вирусы не наловчились поминутно перерождаться. Раньше врачи по крайней мере знали, от чего они лечат, а теперь сплошь и рядом — черта с два...

Неизвестно, говорили ли Берт и Эми доктору про Хита, только, по-моему, вряд ли. С какой стати признаваться, что вашего ребенка вылечил сосед? Не дай Бог, сыщется какой-нибудь умник, который выдвинет против Хита обвинение в незаконной меди-

цинской практике, хотя такое обвинение всегда чертовски трудно доказать. Но разговорчики по долине поползли все равно. Мне, например, рассказывали по секрету, что Хит до того, как осесть у нас, был известнейшим врачом в Вене. Разумеется, я ни во что подобное не верю. Да, наверное, и тот, кто придумал эту версию, сам в нее не верил, но так уж у нас в провинции ведется, ничего не попишешь.

На время эти рассказы взбудоражили всю долину, а потом все улеглось. И само собой получилось, что Хиты стали для нас своими, словно жили рядом испокон веков. Берт взял за правило беседовать с Хитом на разные темы, а женщины принялись что ни день звать миссис Хит к телефону, чтоб она могла вставить словечко в круговой разговор, каким вечно заняты провода у нас в долине: чешут языки с утра до ночи, так что, если приспичило вызвать кого-нибудь по делу, сначала надо еще отогнать от аппарата этих балаболок. Осенью мы пригласили Хита поохотиться на енотов, а кое-кто из молодых парней стал помаленьку приударять за его дочкой. Все пошло так, как если бы Хиты и вправду были здесь сторожилами.

Я уже говорил — нам всегда везло на соседей.

А когда все хорошо, то и время течет незаметно, и в конце концов его вообще перестаешь ощущать. Именно так и случилось у нас в долине. Год шел за годом, а мы не обращали на них внимания. На хорошее никогда не обращаешь внимания, принимаешь его как нечто само собой разумеющееся. Нужно, чтобы настали другие, скверные времена — вот тогда оглянешься и поймешь, что раньше-то все было хорошо на удивление.

Но вот однажды, примерно год назад или, может, чуть больше, только-только я покончил с утренней дойкой, откуда ни возьмись у ворот — машина с нью-йоркским номером. В наших краях дальний номер встретишь нечасто, так я на первых порах подумал, что кто-то заблудился и притормозил спросить дорогу. Смотрю — на переднем сиденье мужчина и женщина, а сзади трое детишек и пес, и машина новехонькая, блестит как на картинке.

Я как раз нес молоко из коровника и, когда хозяин выбрался из-за баранки, поставил ведра наземь и подождал, пока он подойдет.

Он был моложавый, с виду интеллигентный и держал себя как полагается. Сказал, что его фамилия Рикард и что он газетчик из Нью-Йорка, что сейчас он в отпуске, а к нам в долину завернул по пути на запад с целью кое-что уточнить.

Насколько мне помнится, газеты до сих пор никогда не проявляли к нам интереса. Так я ему и ответил. И еще добавил: у нас, мол, никогда и не случалось ничего такого, о чем стоило бы сообщить в газете.

— Да нет, я не ищу скандалов, — заверил меня Рикард, — если вы этого испугались, то зря. Просто меня занимает статистика.

Признаться, со мной частенко бывает, что я соображаю туже, чем следовало бы. Человек я по природе, пожалуй, неторопливый, но тут, едва он произнес «статистика», я сразу почувствовал, что дело табак.

— Я недавно работал над статьями о положении фермеров, — пояснил Рикард, — и в поисках материала копался в правительственных статистических сводках. Ну и скучища — в жизни, кажется, так не уставал...

— И что же? — спросил я, а у самого сердце оборвалось.

— А то, что я узнал занятные вещи об этой вашей долине, — продолжал он. — Сначала я чуть было не проморгал самого главного. Прошел мимо цифр и, в общем-то, не понял их смысла. Потом все-таки вернулся вспять, перепроверил цифры и взглянул на них новыми глазами. Никаких подробностей в сводке, разумеется, нет, просто намек на что-то непонятное. Пришлось покопаться еще и выяснить кое-какие факты.

Я попробовал отшутиться, только он мне не позволил.

— Начнем с погоды, — сказал он. — Вы отдаете себе отчет, что на протяжении последних десяти лет у вас стояла идеальная погода?

— Да, погода была что надо, — согласился я.

— А ведь раньше было не так. Я проверял.

— Ваша правда, — опять согласился я. — За последнее время погода улучшилась.

— И урожаи у вас десять лет подряд самые высокие во всем штате.

— Высеваем кондиционные семена. Используем лучшие агротехнические приемы.

Он усмехнулся.

— Ну это вы бросьте. Агротехника у вас не менялась по меньшей мере четверть века.

Спору нет, тут он меня припер к стенке.

— Два года назад весь штат пострадал от нашествия ратных червей, — продолжал он. — Весь штат, кроме вас. Вас и эта напасть обошла стороной.

— Нам повезло. Помню, в тот год мы сами удивлялись, как нам повезло.

— Я заглянул в медицинскую статистику, — не унимался он. — Та же история. Десять лет подряд. Никаких болезней — ни кори, ни ветрянки, ни воспаления легких. Вообще ничего. За десять лет один-единственный случай смерти, и то по причине весьма преклонного возраста.

— Дедушка Паркс, — отозвался я. — Ему вот-вот стукнуло бы девяносто. Почтенный был старикан.

— Сами видите, — сказал Рикард.

Спорить не приходилось. У него в руках были точные данные. Мы не сознавали толком своей удачи, а он проследил все до истоков — и поймал нас с поличным.

— Ну и чего же вы от меня хотите? — спросил я.

— Хочу, чтобы вы рассказали мне про одного из ваших соседей.

— Я не сплетничаю про соседей. Если вас интересует кто-то из них, почему бы вам не обратиться к нему самому?

— Я и собирался, да не застал его дома. На ферме, что ниже по дороге, мне сказали, будто он уехал в город. Укатил со всей семьей.

— Реджинальд Хит, — сказал я. Играть дальше в молчанку было бессмысленно: Рикард и без меня был достаточно осведомлен.

— Он самый. Я беседовал кое с кем в городе. И оказалось, что он ни разу не ремонтировал ни одну из своих машин: ни трактор, ни прицепные орудия, ни автомобиль. Так и пользуется ими с тех самых пор, как поселился на ферме. А ведь они и тогда были уже не новыми.

— Ухаживает за ними на совесть, — ответил я. — Сам латает, сам смазывает.

— Еще одно обстоятельство. С самого своего приезда сюда он не купил ни капли бензина.

Все остальное я, конечно, знал и без Рикарда, хоть никогда не давал себе труда задуматься над этим. А вот про бензин даже не догадывался. Видно, я не сумел скрыть удивления, потому что приезжий усмехнулся.

— Чего вы хотите? — повторил я.

— Чтобы вы рассказали мне, что вам известно.

— Поговорите с Хитом. Ничем не могу быть вам полезен.

И в тот же миг, как я произнес эти слова, пришло облегчение. Должно быть, я инстинктивно верил, что Хит выкрутится: уж он-то сообразит, как тут поступить.

Но после завтрака я нипочем не мог взяться за работу. Я собирался подрезать деревья в саду — я и так откладывал это дело чуть не два года, и дольше оно терпеть не могло. А вместо подрезки я принялся размышлять о том, почему это Хит не покупает бензина, и вспомнил ту ночь, когда встретил трактор без тракториста. И еще мне вспомнилось, как необычайно ровно движутся трактор и машина Хита, невзирая на весь немислимый шум, какой издают.

В общем, отложил я ножницы и припустил напрямик через поля. Я же знал, что Хит со всем семейством подался в город, — впрочем, не думаю, что сумел бы остановиться, даже будь они дома. Нет, я все равно не усидел бы на месте. Потому что нако-

нец-то понял, что этот самый трактор не давал мне покоя целых десять лет. Пришла пора разобраться, что к чему.

Трактор стоял на месте, в гараже, и я вдруг забеспокоился: а как залезть к нему в нутро? Но задача оказалась легче легкого. Я снял захваты и приподнял капот. И увидел, в сущности, то, что и ожидал увидеть, хотя, по правде сказать, не представлял толком, что именно откроется мне под капотом.

Там лежал брусок блестящего металла, чем-то напоминающий, пожалуй, куб из тяжелого стекла. Брусок был не слишком велик, но выглядел массивно, и поднять его было бы, наверное, очень не просто.

Видны были и отверстия от болтов, которыми прежде крепился обычный двигатель внутреннего сгорания, а чтобы установить новый движок, поперек рамы была наварена прочная металлическая полоса. Поверх блестящего куба громоздился еще какой-то аппаратик. Я не стал тратить время и разбираться, как именно он работает, однако заметил, что он соединен с выхлопной трубой, и понял, что эта штука служит для маскировки. Знаете, как на ярмарочных аттракционах переделывают электрические вагончики под древние локомотивы, чтоб они пытели и выбрасывали клубы пара? Вот и это устройство было того же рода. Оно выбрасывало колечки дыма и тарахтело, как положено трактору.

Оставалось только диву даваться: если Хит придумал движок, работающий лучше, чем двигатель внутреннего сгорания, зачем же пускаться во все тяжкие, чтобы скрыть от людей свое изобретение? Да если бы у меня вдруг родилась такая идея, уж я бы своего не упустил! Нашел бы кого-то, кто согласился меня финансировать, наладил бы производство таких движков и в два счета разбогател бы до одури. Что мешало Хиту поступить точно так же? Да ничто не мешало. А вместо этого он маскирует свой трактор, чтобы тот выглядел и тарахтел как самый обыкновенный, и машину свою нарочно заставляет шуметь и греметь, чтобы никто не заметил мотора нового типа. Только он, честно говоря, перестарался. И машина и трактор у него гремят куда больше, чем надо. И самую существенную промашку он сделал, что не покупал бензина. На месте Хита я бы непременно покупал горючее, как простые смертные, а потом сливал бы его на помойку или сжигал...

Мне уже стало казаться, что Хит и вправду все время что-то скрывает, намеренно держится в тени. Словно он действительно сбежал из какой-то другой страны — или откуда-нибудь еще.

Я опустил капот и застегнул захваты, а выйдя из гаража, старательно прикрыл за собой ворота.

Вернувшись домой, я все-таки принялся за подрезку, а между делом обдумывал то, что увидел. И вдруг до меня дошло, что помаленьку я думал об этом с того самого вечера, как встретил трак-

тор без тракториста. Правда, думал я урывками, не стараясь сосредоточиться, и потому ни до чего особенного не додумывался. А теперь додумался, и, если начистоту, мне бы обмереть от страха.

Но я не обмер. Реджинальд Хит был мой сосед — и хороший сосед. Мы вместе ходили на охоту и на рыбалку и помогали друг другу в пору сенокоса и молотьбы, и мне он нравился, по крайней мере, ничуть не меньше, чем многие другие. Да, конечно, он немного отличался от остальных, у него были странный трактор и странная машина, он вроде бы даже умел растягивать время — и с тех пор, как он поселился у нас в долине, нам везло на погоду и болезни обходили нас стороной. Все точно, но чего тут бояться? Если хорошенько знаешь человека, бояться нечего.

Ни с того ни с сего вдруг вспомнилось, как года два-три назад я однажды заехал к Хитам летним вечером. Было жарко, и вся семья вынесла стулья на лужайку — там казалось чуть-чуть прохладнее. Мне тоже предложили стул, и мы сидели и болтали ни о чем, вернее, обо всем, что приходило в голову.

Луна еще не взошла, зато звезд высыпало видимо-невидимо, и такие они были в тот вечер красивые, просто как никогда. Я показал Хиту на звезды и от нечего делать выложил ему все, что знал из астрономии.

— Они так далеко, — говорил я, — так далеко, что свет от них идет до нас годами. И каждая — солнце, совсем как наше. А многие даже больше, чем наше солнце...

На этом мои познания о звездах заканчивались.

Хит задумчиво кивнул.

— Есть одна звездочка, — сказал он, — на которую я часто поглядываю. Вон та, голубая. Ну вроде как голубая, видишь? Видишь, как она мерцает? словно подмигивает нам с тобой. Славная звездочка, дружелюбная...

Я сделал вид, будто понимаю, о какой звездочке речь, хотя на самом деле ничуть не был в этом уверен: их была на небе тьма-тьмущая, и почти все мерцали.

Тут мы заговорили о чем-то еще и забыли про звезды. По крайней мере, я начисто забыл.

После ужина ко мне заявился Берт Смит и рассказал, что Рикард навевывался к нему и задавал всякие каверзные вопросы, и к Джинго тоже навевывался, а теперь намерен встретиться с Хитом, как только тот вернется из города. Берт от всего этого слегка расстроился, и я постарался его утешить.

— Горожане всегда нервничают по пустякам, — высказался я. — Не стоит беспокоиться.

Сам я если и беспокоился, то не слишком — чувствовал, что Хит как-нибудь осилит такую задачу. Даже если Рикард и тиснет

статейку в нью-йоркских газетах, нам от этого особой беды не будет. Енотовая долина от Нью-Йорка куда как далеко.

Я, признаться, считал, что больше мы Рикарда не увидим и не услышим. Только никогда я так жестоко не ошибался.

Около полуночи я проснулся оттого, что Элен трясла меня за плечо.

— Там кто-то стучится. Пойди узнай, что ему надо.

Пришлось натянуть штаны и обуться, зажечь лампу и спуститься вниз. Пока я одевался, в дверь стукнули еще два-три раза, но, как только я зажег свет, утихомирились.

Я подошел к двери и отомкнул засов. На крыльце стоял Рикард, и держался он теперь отнюдь не так самоуверенно, как поутру.

— Извините, что разбудил, — сказал он, — но я, кажется, заблудился.

— Тут нельзя заблудиться! — отвечал я. В долине одна-единственная дорога. Одним концом она упирается в шоссе номер шестьдесят, другим — в шоссе номер восемьдесят пять. Езжайте по дороге, и она выведет вас на то или другое шоссе.

— Но я еду уже четыре часа, — сказал он, — и не могу найти ни того шоссе, ни другого!

— Послушайте, — отвечал я, — все, что от вас требуется, — это ехать прямо в любую сторону. Здесь просто некуда свернуть. Четверть часа — и вы на шоссе...

Я не скрывал своего раздражения — уж очень все это глупо звучало. И кроме того, я не люблю, когда меня среди ночи вытаскивают из постели.

— Поверьте, я действительно заблудился, — воскликнул он с отчаянием. Пожалуй даже, он был на грани паники. — Жена перепугана до смерти, дети просто падают с ног...

— Ладно, — отвечал я, — дайте только надеть рубаху и завязать шнурки. Так и быть, провожу вас.

Он сказал, что предпочитает попасть на шоссе номер шестьдесят. Я вывел свою калымагу из гаража и велел ему ехать за мной. Может, я и был раздражен, но все-таки рассудил, что надо ему помочь. Он нам взбаламутил всю долину, и чем скорее он уберется восвояси, тем лучше.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем я начал догадываться, что дело и впрямь нечисто. Полчаса — это вдвое дольше, чем требуется, чтобы выбраться на шоссе. Но дорога выглядела как обычно, и вообще кругом не было ничего подозрительного — если не смотреть на часы. Я поехал дальше. И через сорок пять минут очутился у порога собственного дома.

Как это получилось, я и сам не мог взять в толк, хоть убей. Я вылез из-за баранки и подошел к машине Рикарда.

— Теперь вы поняли, что я имел в виду? — спросил он.

— Мы, похоже, нечаянно повернули назад, — отвечал я. Жена Рикарда, казалось, вот-вот забьется в истерике.

— Что происходит? — повторяла она пронзительным, визгливым голосом. — Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?..

— Попробуем еще раз, — предложил я. — Поедем медленнее, чтобы не сделать снова ту же ошибку.

Я поехал медленнее. На этот раз мне потребовался час — и тем не менее я вернулся к воротам собственной фермы. Потом мы попытались выехать на шоссе номер восемьдесят пять — и через сорок минут были там же, откуда тронулись в путь.

— Сдаюсь, — сказал я Рикардам. — Вылезайте и заходите в дом. Сейчас сообразим, где вам постелить. Вы переночуете, а с рассветом, глядишь, и дорога отыщется...

Я сварил кофе и нашел разной снеди для сэндвичей, а Элен тем временем приготовила постели на пятерых.

— Пес пусть ночует на кухне, — распорядилась она.

Я достал картонный ящик из-под яблок и уложил в него подстилку.

Пес был жесткошерстный фокстерьер, чистенький, маленький и очень забавный, а дети — такие же славные, как любые другие дети. Миссис Рикард, правда, опять было сорвалась на истерику, но Элен заставила ее выпить кофе, а я просто не позволил продолжать разговор о том, почему им не выбраться из долины.

— При дневном свете, — уверял я их, — от ваших страхов и следа не останется...

И действительно, после завтрака гости совершенно успокоились и как будто уже не сомневались в том, что сумеют отыскать шоссе номер шестьдесят. Они уехали без провожатых — и через час вернулись. Тогда я снова сел в машину и двинулся впереди них, и не стыжусь признаться, что по спине у меня бежали мурашки.

Я внимательно следил за дорогой и внезапно понял, что мы едем не к шоссе, а от шоссе обратно в долину. Я, конечно, тут же затормозил, мы развернулись и покатали в правильную сторону. Но минут через десять поняли, что нас опять развернуло. Сделали еще одну попытку — теперь мы буквально ползли, пытаюсь заметить ту точку, где нас разворачивает. Напрасный труд — мы ничегошеньки не заметили.

Когда мы вернулись на ферму, я позвонил БERTУ и Джинго и попросил их подъехать ко мне. Они в свою очередь пробовали вызволить Рикарда, сначала порознь, потом оба вместе, но добились не большего, чем я. Тогда я попытался выбраться сам, без журналиста, следующего за мной по пятам, и — что бы вы думали? — выбрался без всяких приключений. Смотался на шоссе номер шестьдесят и обратно за полчаса. Я решил, что лед сломан, и

сделал новую попытку вывести машину Рикарда, но не тут-то было...

К полудню мы установили все с полной точностью. Любой из старожиллов мог преспокойно выехать из долины — любой, только не Рикард.

Элен уложила миссис Рикард в постель и дала ей успокоительного, а я отправился к Хиту. Он обрадовался мне и выслушал меня, но вот ведь незадача: пока я говорил, мне все вспоминалась догадка, что он умеет растягивать и сжимать время. Когда я закончил, он помолчал минутку, словно взвешивал, верное ли решение принял.

— Странная это история, Кэлвин, — сказал он наконец. — Вроде бы и несправедливо, что Рикарды заперты в нашей долине помимо собственной воли. А если разобраться, для нас самих это удача. Рикард собирался написать про нас в газетах, и, если бы он исполнил свое намерение, мы сразу оказались бы в центре внимания. Сюда набежала бы куча народу — другие газетчики, чиновники, умники из университетов и просто любопытные. Они исковеркали бы всю нашу жизнь, а то еще стали бы предлагать нам за наши фермы большие деньги — много больше того, что они стоят на самом деле, — и погубили бы нашу долину. Не знаю, как тебе, а мне долина нравится как она есть. Она напоминает мне... ну, в общем, дорогое для меня место.

— Рикард может передать свою статью по телефону, — возразил я, — или переслать почтой. К чему задерживать его здесь, если статью все равно напечатают?

— Думаю, что не напечатают, — ответил он. — Да нет, я совершенно уверен, что он не станет ни передавать статью по телефону, ни посылать по почте.

Я ехал к Хиту, чтоб, если понадобится, замолвить за Рикарда словечко, но поразмыслил хорошенько над тем, что услышал, и не стал ничего говорить.

В самом деле, если существует некий принцип или некая сила, которые поддерживают жителей долины в добром здравии, гарантируют им хорошую погоду и вообще облегчают жизнь, то, разумеется, все остальные на белом свете ничего не пожалеют, лишь бы заполучить такое чудо в свое распоряжение. Пусть это эгоизм, но я не верю, что подобный принцип или силу можно распределить так, чтобы хватило на всех. И если кому-то суждено использовать эту силу в своих интересах, то лучше уж пусть она останется на веки вечные здесь, в долине, где проявила себя впервые.

И еще одно: если мир услышит, что мы владеем такой силой либо принципом и не можем или не хотим ими поделиться, все затаят на нас злобу, да что там злобу, просто возненавидят нас, как лютых врагов.

Вернувшись домой, я поговорил с Рикардом и даже не пытался скрыть от него правду. Он вскипел и хотел было тут же двинуться к Хиту выяснять отношения, но я ему отсоветовал. Ведь у него не будет никаких доказательств, и он окажется в идиотском положении: Хит, вероятно, станет вести себя так, словно вообще не понимает, о чем речь. Рикард сначала ерепенился, спорил, но в конце концов согласился, что я прав.

Заезжее семейство прожило у меня на ферме дней пять, и от случая к случаю мы с Рикардом делали пробные выезды, просто чтобы попытать счастья, но все было по-прежнему. Убедившись в этом, мы снова позвали Берта и Джинго и держали военный совет. К тому времени миссис Рикард немного оправилась от потрясения, дети вошли во вкус жизни на вольном воздухе, а что касается пса, тот определенно поставил себе целью загнать и облаять каждого кролика, сколько бы их ни нашлось в долине.

— Чуть повыше на склоне есть бывшая ферма Чендлера, — додумался Джинго. — Там давненько никто не живет, но она в приличном состоянии. Можно кое-что подновить, и будет очень удобно.

— Но я не хочу оставаться здесь! — запротестовал Рикард. — Не могу же я в самом деле переселиться сюда!

— Кто сказал «переселиться»? — вмешался Берт. — Вам просто надо немного переждать. Придет день, обстоятельства переменятся, и вы свободно уедете, куда захотите.

— Но моя работа!.. — воскликнул Рикард.

И тут слово взяла миссис Рикард. Нетрудно было догадаться, что происходящее нравится ей ничуть не больше, чем мужу, но в ней внезапно проснулся тот практический здравый смысл, каким подчас отличаются женщины. Она усвоила, что им суждено на время оставаться в долине, и постаралась выискать в таком повороте событий свои преимущества.

— А книга, которой ты вечно угрожал разродиться? — сказала она, — Вот тебе самый подходящий случай...

Это и решило дело.

Рикард послонялся еще немного, вроде бы собираясь с духом, хотя, право же, все было ясно и так. Потом он начал поговаривать о том, как хорошо у нас в долине: мир, тишина и никакой суеты, здесь, мол, только книги и писать...

Соседи сообща подновили ферму Чендлера, а Рикард позвонил в свою газету и под каким-то предлогом попросил отпуск. Еще он послал письмо в свой банк, чтоб ему перевели его сбережения, и засел за книгу.

Очевидно, ни в телефонных разговорах, ни в письмах он не позволил себе и намека на истинную причину, почему остался в долине, — и то сказать, это было бы попросту глупо. Так или

иначе, никто не поднял вокруг его исчезновения ни малейшего шума.

А долина вернулась к обычным повседневным заботам, и после всех треволнений это было куда как приятно. Соседи делали за Рикардов все покупки, привозили им из города крупы, сахар и всякую всячину, а иногда глава семьи садился в машину и предпринимал очередную попытку выбраться на шоссе.

Но обычно он сидел за столом и писал и год спустя успешно продал свою первую книгу. Вы, возможно, даже читали ее — она называется «Прислушайтесь к тишине». Принесла ему немалые денежки. Правда, его нью-йоркские издатели чуть не рехнулись — никак не могли взять в толк, отчего он упорно отказывается высунуть нос из долины. Отказывается от лекционных турне, отвергает приглашения на званые вечера и обеды, короче, не принимает никаких почестей, вроде бы положенных автору нашумевшей книги.

И вообще успех не вскружил ему голову. К той поре, как книгу напечатали, Рикарда у нас знали и любили все от мала до велика. И он жаловал всех, кроме, пожалуй, Хита. С Хитом он держался подчеркнуто холодно. Что ни день он подолгу бродил по округе — уверял, что ради моциона, но мне сдается, что именно во время прогулок он сочинил большую часть своей книги. А то остановится у ограды и заведет с хозяином разговор о жизни — так с ним, собственно, все в долине и познакомились. Охотнее всего он рассуждал о тех временах, когда сумеет наконец вырваться из заточения, и мы, случалось, тоже подумывали, что, не ровен час, Рикарды нас и вправду покинут. Думали мы об этом с горечью, потому что из них получились хорошие соседи. Наверное, в нашей долине действительно есть что-то особенное, раз она заставляет людей поворачиваться к другим лучшей своей стороной. Я уже говорил — нам спокон века не попадались скверные соседи, а многие ли сегодня могут похвастаться тем же?

Как-то раз, по пути из города, заглянул я на минутку к Хиту поболтать, и, пока мы с ним стояли, на дороге показался Рикард. По нему было сразу видно, что никуда он особенно не торопится, а просто гуляет. Он тоже остановился, мы потолковали на разные темы, а потом он возьми да и скажи:

— А знаете, мы решили никуда отсюда не уезжать.

— Ну что ж, прекрасно, — отозвался Хит.

— Вчера вечером, — продолжал Рикард, — мы с Грейс стали, как обычно, обсуждать, что будем делать, когда уедем отсюда. И вдруг запнулись, переглянулись и поняли, что вовсе не хотим никуда уезжать. Здесь такой покой, и ребятишкам здешняя школа нравится гораздо больше, чем в городе, и люди вокруг такие славные, что об отъезде и думать противно...

— Рад слышать это от вас, — отозвался Хит. — Только зря вы, право, сидите здесь неотлучно, надо бы и встряхнуться. Свозите жену и детишек в город, в кино...

Вот и вся недолга. Легко и просто.

Жизнь течет у нас по-прежнему хорошо, быть может, даже лучше, чем прежде. В долине все здоровы. Обыкновенный насморк и тот теперь, кажется, обходит нас стороной. Когда нам нужен дождь, идет дождь, а когда нужно солнце, то, естественно, светит солнце. Мы не разбогатели — разве разбогатеешь, когда Вашингтон то и дело вмешивается в фермерские дела, — но живем мы, грех пожаловаться, сносно. Рикард работает над своей второй книгой, а я время от времени выхожу вечерами на крыльцо и пытаюсь отыскать на небе ту звездочку, которую Хит показывал мне однажды многие годы назад.

И все-таки мы не в силах полностью избежать огласки. Вчера вечером слушал я по радио своего любимого комментатора, а он вдруг ни с того ни с сего решил потешить публику на наш счет.

«Да полно, есть ли на свете эта Енотовая долина? — спросил он, и за его вопросом явно слышался ехидный смешок. — Если да, правительству не мешало бы в этом удостовериться. Географические карты настаивают, что такая долина есть на самом деле, статистика утверждает, что там идеальный климат и нет ни болезней, ни неурожая — прямо-таки молочные реки и кисельные берега. И окрестные жители уверены, что долина существует, но, едва кто-нибудь из официальных лиц решит расследовать факты на месте, она исчезает, ее не удастся найти. Пытались звонить по номерам, которые числятся за обитателями долины, — телефонные звонки не проходят. Пытались писать — письма возвращаются к отправителям под тем или иным предлогом, изобретенным в недрах почтового ведомства. А если те, кто ведет расследование, выжидают в соседних торговых центрах, люди из Енотовой долины отсиживаются дома и не делают покупок. Допустим на минуту, что статистика не врет, тогда властям, право же, не грешно бы изучить факторы, отличающие эту долину, и распространить их воздействие на все другие районы. Пока что мы не знаем даже, доходят ли до долины наши передачи, способны ли радиоволны проникнуть туда, куда не проникают ни письма, ни звонки, ни должностные лица. Но если да, если есть на свете Енотовая долина и кто-нибудь из ее обитателей слушает нас сейчас, быть может, он не откажется подать голос?..»

Комментатор еще раз хмыкнул и перешел к свежим сплетням про Хрущева.

Я выключил радио и сидел, покачиваясь в кресле, а сам все думал о том, почему же это иногда ни один из нас по три-четыре дня подряд не может добраться до города, а в другие дни те-

лефоны вдруг смолкают разом безо всякой на то причины. Честно сказать, мы не раз обсуждали такие случаи между собой и советовались, не поговорить ли нам про это с Хитом, но каждый раз решали, что лучше не надо. Он наверняка соображает, что делает, и нам остается только надеяться на его здравый смысл.

Наше положение причиняет нам, конечно, известные неудобства, зато имеет и свои преимущества. Вот уже добрых лет десять у нас в долине не бывало ни зазывал, навязывающих подписку на дешевенькие журнальчики, ни страховых агентов.

ПЛАЦДАРМ

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки, этот четкий, отлаженный механизм, созданный и снаряженный для одной лишь цели — занять на чужой планете плацдарм, уничтожить вокруг корабля все живое и основать базу, где было бы достаточно места для выполнения задачи. А если придется, удерживать и защищать плацдарм от кого бы то ни было до самого отлета.

Как только на планете появляется база, приступают к работе ученые. Исследуется все до мельчайших деталей. Они делают записи на пленку и в полевые блокноты, снимают и замеряют, картографируют и систематизируют до тех пор, пока не создается стройная система фактов и выводов для галактических архивов.

Если встречается жизнь, что в Галактике не редкость, ее исследуют так же тщательно, особенно реакцию на людей. Иногда реакция бывает яростной и враждебной, иногда почти незаметной, но не менее опасной. Однако легионеры и роботы всегда готовы к любой ситуации, и нет для них неразрешимых задач.

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки.

Том Деккер сидел в пустой рубке и вертел в руках высокий стакан с кубиками льда, наблюдая, как из трюмов корабля выгружается первая партия роботов. Они вытянули за собой конвейерную ленту, вбили в землю опоры и приладили к ним транспортер.

Дверь за его спиной открылась с легким щелчком, и Деккер обернулся.

— Разрешите войти, сэр? — спросил Дуг Джексон.

— Да, конечно.

Джексон подошел к большому изогнутому иллюминатору.

— Что же нас тут ожидает? — задумчиво прошептал он.

— Еще одно обычное задание, — пожал плечами Деккер. — Шесть недель. Или шесть месяцев. Все зависит от того, что мы обнаружим.

— Похоже, здесь будет посложнее, — сказал Джексон, усаживаясь рядом с ним. — На планетах с джунглями всегда трудно.

— Это работа. Просто еще одна работа. Еще один отчет. Потом сюда пришлют либо эксплуатационную группу, либо переселенцев.

— Или, — возразил Джексон, — поставят отчет на пыльную полку архива и забудут.

— Это уже их дело. Наше дело — его подготовить. Что с ним будет дальше, нас не касается.

За иллюминатором первые шесть роботов сняли крышку с контейнера и распаковали седьмого. Затем, разложив рядом инструменты, собрали его, не тратя ни одного лишнего движения, вставили в металлический череп мозговой блок, включили и захлопнули дверцу на груди. Седьмой встал неуверенно, постоял несколько секунд и, сориентировавшись, бросился к транспортеру помогать выгружать контейнер с восьмым.

Деккер задумчиво отхлебнул из своего стакана. Джексон зажег сигарету.

— Когда-нибудь, — сказал он, затыкаясь, — мы наверняка встретим что-то такое, с чем не сможем справиться.

Деккер фыркнул.

— Может быть, даже здесь, — настаивал Джексон, разглядывая кошмарные джунгли за иллюминатором.

— Ты романтик, — отрезал Деккер. — Кроме того, ты молод: все еще мечтаешь о неожиданностях. Десяток раз слетаешь, и это у тебя пройдет.

— Но все-таки то, о чем я говорю, может случиться.

Деккер сонно кивнул:

— Может. Никогда не случалось, но, наверное, может. Впрочем, стоять до последнего — не наша задача. Если нас ждет тут что-нибудь такое, что нам не по зубам, мы долго на этой планете не задержимся. Риск — не наша специальность.

Корабль покоился на вершине холма среди маленькой поляны, буйно заросшей травой и экзотическими цветами. Рядом лениво текла река, неся свои сонные темно-бурые воды сквозь опутанный лианами огромный лес. Вдаль, насколько хватал глаз, тянулись джунгли, мрачная сырая чаща, которая даже через стекло иллюминатора, казалось, дышала опасностью. Животных не было видно, но никто не мог знать, какие твари прячутся в темных норах или в кронах деревьев.

Восьмой робот включился в работу. Теперь уже две группы по четыре робота вытаскивали контейнеры и собирали новые механизмы. Скоро их стало двенадцать — три рабочие группы.

— Вот так! — возобновил разговор Деккер, кивнув на иллюминатор. Никакого риска. Сначала роботы. Они распаковывают и собирают друг друга. Затем все вместе устанавливают и подключают технику. Мы даже не выйдем из корабля, пока вокруг не будет надежной защиты.

Джексон вздохнул:

— Наверное, вы правы. С нами действительно ничего не может случиться. Мы не упускаем ни одной мелочи.

— А как же иначе? — Деккер поднялся с кресла и потянулся. — Пойду займусь делами. Последние проверки и все такое...

— Я вам нужен, сэр? — спросил Джексон. — Я бы хотел посмотреть. Все это для меня ново...

— Нет, не нужен. А это... это пройдет. Еще лет двадцать, и пройдет.

На столе у себя в кабинете Деккер обнаружил стопку предварительных отчетов и неторопливо просмотрел их, запоминая все особенности мира, окружавшего корабль. Затем принялся читать отчеты внимательно, складывая прочитанные справа от себя лицевой стороной вниз.

Давление атмосферы чуть выше, чем на Земле. Высокое содержание кислорода. Сила тяжести немного больше земной. Климат жаркий. На планетах-джунглях всегда жарко. Снаружи слабый ветерок. Хорошо бы он продержался... Продолжительность дня тридцать шесть часов. Радиации местных источников нет, но случаются вспышки солнечной активности. Обязательно установить наблюдение... Бактерии, вирусы: как всегда, на таких планетах много. Но, очевидно, никакой опасности. Команда напичкана вакцинами и гормонами по самые уши. Хотя до конца, конечно, уверенным быть нельзя. Минимальный риск есть, ничего не поделаешь. И если вдруг найдется какой-нибудь настырный микроб, способы защиты придется искать прямо здесь... Растительность и почва наверняка просто кишат микроскопической живностью. Скорее всего вредной. Но это уже будничная работа. Полная проверка. Почву необходимо проверять, даже если на планете нет жизни. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что ее действительно нет...

В дверь постучали, и вошел капитан Карр, командир легионеров. Деккер ответил на приветствие, не вставая из-за стола.

— Разрешите доложить, сэр! — четко произнес Карр. — Легион готов к высадке!

— Отлично, капитан. Отлично, — ответил Деккер.

«Какого черта ему надо? Легион всегда готов и всегда будет готов — это естественно. Зачем такие формальности?»

Наверное, виной тому характер Карра. Легион, с его жесткой дисциплиной, давними традициями и гордостью за них, всегда привлекал людей, давая им возможность отшлифовать врожденную педантичность.

Оловянные солдатики высшего качества. Тренированные, дисциплинированные, вакцинированные против любой известной и неизвестной болезни, натасканные в инопланетной психологии земляне с огромным потенциалом выживаемости, выручающим их в самых опасных ситуациях...

— Повременим, капитан, — сказал Деккер. — Роботы только начали сборку.

— Жду ваших приказаний, сэр!

— Благодарю, капитан. — Деккер дал понять, что хочет остаться один. Но когда Карр подошел к двери, он снова окликнул его.

— Да, сэр!

— Я вот подумал... — медленно проговорил Деккер. — Просто подумал... В состоянии ли вы представить себе ситуацию, с которой Легион, не смог бы справиться?

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, сэр.

Глядеть на Карра в этот момент было сплошное удовольствие. Деккер вздохнул:

— Я и не предполагал, что вы поймете.

К вечеру все роботы и кое-какие механизмы были собраны, появились первые автоматические сторожевые посты. Огнеметы выжгли вокруг корабля кольцо футов пятьсот диаметром, а затем в ход пошел генератор жесткого излучения, заливший землю внутри кольца безмолвной смертью. Ужасное зрелище: почва буквально вскипала живностью, корчившейся в последних бесплодных попытках избежать гибели. Роботы собрали огромные батареи ламп, и на вершине холма стало светлее, чем днем. Подготовка к высадке продолжалась, но ни один человек еще не ступил на землю новой планеты.

В тот вечер робот-официант установил столы в галерее, чтобы люди во время еды могли наблюдать за ходом работ снаружи. Вся группа — разумеется, кроме легионеров, которые оставались в своих каютах, — уже собралась к ужину, когда в отсек вошел Деккер.

— Добрый вечер, джентльмены.

Он сел во главе стола, после чего расселись по старшинству и все остальные.

Деккер сложил перед собой руки и склонил голову, собираясь произнести привычные, заученные слова. Он задумался и, когда заговорил, сам удивился своим словам.

— Отец наш, мы, слуги твои в неизведанной земле, находимся во власти греховной гордыни. Научи нас милосердию и приведи нас к знанию. Ведь люди, несмотря на дальние их путешествия и великие дела, все еще дети твои. Благослови хлеб наш, Господи. И не оставь без сострадания. Аминь.

Деккер поднял голову и скользнул взглядом по столу. Кого-то, он заметил, его слова удивили, кого-то позабавили. Возможно, они думают, что старик совсем выдохся. Может быть, и так. Хотя до полудня он чувствовал себя в полном порядке... Все этот молодой Джексон...

— Прекрасные слова, сэр, — сказал наконец Макдональд, главный инженер группы. — Среди нас есть кое-кто, кому не мешало бы прислушаться и запомнить их. Благодарю вас, сэр.

Через стол начали передавать блюда и тарелки, и постепенно галерея оживилась домашним звоном хрусталя и серебра.

— Похоже, здесь будет интересно, — начал разговор Уолдрон, антрополог по специальности. — Мы с Диксоном стояли на наблюдательной палубе как раз перед заходом солнца, и нам показалось, что мы видели у реки какое-то движение. Что-то живое...

— Было бы странно, если б мы здесь никого не нашли, — ответил Деккер, накладывая себе в тарелку обжаренного картофеля. — Когда сегодня облучали площадку, в земле оказалось полно всяких тварей.

— Существа, которых мы с Уолдроном видели, походили на гуманоидов.

Деккер посмотрел на биолога с интересом.

— Вы уверены?

Диксон покачал головой:

— Видно было неважно, но мне показалось, что их было двое или трое. Этакие спичечные человечки.

— Как дети рисуют, — кивнул Уолдрон. — Одна черточка — туловище, две — ножки, еще две — ручки, кружок — голова. Угловатые такие, тощие...

— Но двигаются красиво, — добавил Диксон. — Мягко, плавно, как кошки.

— Ладно, скоро узнаем, кто такие. Через день-два мы их найдем, — ответил Деккер.

Забавно. Почти на каждой планете кто-нибудь сразу «находит» гуманоидов, и почти всякий раз они оказываются игрой воображения. Люди часто выдают желаемое за действительное. Что ж, вполне понятное желание — вдали от своих, на чужой планете найти жизнь, которая хотя бы на первый взгляд напоминала что-то знакомое. Но, как правило, представители гуманоидной

расы, если таковая встречалась, оказывались настолько отталкивающими и чужими, что по сравнению с ними даже земной осьминог кажется родным и близким.

— Я все думаю о том горном массиве к западу, — вступил в разговор Фрейни, начальник георазведки, — который мы видели при подлете. Похоже, горы образовались сравнительно недавно, а это всегда удобнее для работы: легче добраться до того, что скрыто внутри.

— Разведку начнем в том направлении, — неожиданно решил Деккер.

Яркие огни снаружи вселяли в ночь новую жизнь. Собирались огромные механизмы. Четко двигались роботы. Машины помельше суетились, как напуганные жуки. С южной стороны все полыхало, а небо то и дело озарялось новыми всплесками пламени, вырывающегося из огнеметов.

— Доделывают посадочное поле, — произнес Деккер. — Там осталась полоса джунглей, но она ровная, как пол. Еще немного, и поле тоже будет готово.

Робот принес кофе, бренди и сигары. Расположившись поудобнее, Деккер и все остальные продолжали наблюдать за работой снаружи.

— Ненавижу это ожидание, — нарушил молчание Фрейни.

— Часть работы. Ничего не поделаешь, — ответил Деккер и подлил в кофе еще бренди.

К утру все машины были собраны. Одни уже выполняли какие-то задания, другие стояли наготове. Огнеметы закончили свою работу, и по их маршрутам ползали излучатели. На подготовленном поле стояло несколько реактивных самолетов. Примерно половина от общего числа роботов, закончив порученные дела, построилась в аккуратную прямоугольную колонну.

Наконец опустился наклонный трап, и по нему сошли на землю легионеры. Колонной по два, с блеском и грохотом, с безукоризненной точностью, способной посрамить даже роботов. Конечно, без знамен и барабанов, поскольку пользы от них никакой, а Легион, несмотря на пристрастие к блеску и показухе, организация чрезвычайно эффективная. Колонна развернулась, вытянулась в линию и разбилась по взводам, которые тут же направились к границам базы. Машины, роботы и легионеры заняли посты. Земля подготовила плацдарм еще на одной планете.

Роботы быстро и деловито собрали открытый павильон из полосатого брезента, разместили в тени столы, кресла, втащили туда холодильник с пивом и льдом.

Теперь и обычные люди могли покинуть безопасные стены корабля.

«Организованность, — с гордостью произнес про себя Деккер, окидывая базу взглядом. — Организованность и эффективность! Ни одной лазейки для случайностей! Любую лазейку заткнуть еще до того, как она станет лазейкой! Подавить любое сопротивление, пока оно не выросло! Абсолютный контроль на плацдарме!»

Конечно, позже может что-то случиться. Всего не предусмотреть. Будут выездные экспедиции, и даже под защитой роботов и легионеров остается какой-то риск. Будет воздушная разведка, картографирование, и все это несет в себе элемент риска. Однако опасность сведена к минимуму.

И всегда будет база. Абсолютно надежная и неприступная база, куда при случае можно отступить и откуда, если понадобится, можно контактировать или присылать подкрепление.

Все продумано! Неожиданностей быть не должно!

И что на него такое вчера нашло?.. Наверное, это из-за молодого Джексона. Способный биохимик, конечно, не для межпланетной разведки. Видимо, что-то где-то не сработало: отборочная комиссия должна была выявить его эмоциональную неустойчивость. Не то чтобы он мог помешать делу, но на нервы действует.

Деккер выложил на стол в павильоне целую кучу документов, затем нашел среди них карту, развернул ее и разгладил большим пальцем сгибы. На карте была нанесена лишь часть реки и горного хребта. Базу обозначал перечеркнутый крестом квадрат, а все остальное пространство оставалось пустым.

Но это ненадолго. Через несколько дней у них будут полные карты.

С поля рванулся в небо самолет, плавно развернулся и ушел на запад. Деккер выбрался из павильона и посмотрел ему вслед. Должно быть, это Джарвис и Доннели, назначенные в первый полет в юго-западный сектор между базой и горным хребтом.

Еще один самолет поднялся в воздух, выбрасывая за собой огненный хвост, набрал скорость и скрылся вдали. Фриман и Джонс.

Деккер вернулся к столу, опустился в кресло и, взяв карандаш, принялся рассеянно постукивать по почти пустой карте. За спиной взмыл в небо еще один самолет.

Он снова окинул базу взглядом, и теперь она уже не казалась ему выжженным полем. Что-то теперь чувствовалось здесь земное. Эффективность, здравый смысл, спокойно работающие люди.

Кто-то с кем-то спорил, кто-то готовил приборы, обсуждая с роботами возникшие по ходу дела вопросы. Другие просто осматривались, привыкали.

Деккер удовлетворенно улыбнулся. Способная у него команда. Большинству из них придется подождать возвращения первой разведки, но даже сейчас они не выглядели праздно.

Позже будут взяты пробы почвы. Роботы поймают и доставят животных, которых потом сфотографируют и подвергнут изучению по полной программе. Деревья, травы, цветы — все будет описано и классифицировано. Вода в реке, ее обитатели...

И все это только здесь, в районе базы, пока не поступят новые данные разведки, указывающие, на что еще следует обратить внимание.

Когда придут эти данные, начнется настоящая, большая работа. Геологи и минералоги займутся полезными ископаемыми. Появятся метеорологические станции. Ботаники и биологи возьмутся за сбор сравнительных образцов. Каждый будет выполнять работу, к которой его готовили. Отовсюду пойдут доклады, и со временем из них сложится стройная, точная картина жизни планеты.

Работа. Много работы днем и ночью. И все это время база будет маленьким кусочком Земли, неприступным для любых сил чужого мира.

Деккер сидел, развалясь в кресле. Легкий ветер шевелил полог павильона, шелестел бумагами на столе и ерошил волосы. «Хорошо, — подумалось Деккеру, — но, наверное, это ненадолго».

Когда-нибудь он найдет себе уютную планету, райский уголок с неизменно прекрасной погодой, где все, что нужно, растет на деревьях, а местные жители умны и общительны. Он просто откажется улетать, когда корабль приготовится к старту, и проживет свои последние дни вдали от проблем этой проклятой Галактики, истощенной голодом, свихнувшейся от дикости и такой одинокой, что трудно передать словами...

Деккер очнулся от своих странных мыслей и увидел перед собой Джексона.

— В чем дело, Джексон? — с неожиданной резкостью спросил он. — Почему ты не...

— Местного привели, сэр! — выдохнул Джексон. — Из тех, кого видели Диксон и Уолдрон.

Абориген оказался человекоподобным, но на людей Земли он походил мало. Как сказал Диксон, спичечный человечек. Живой рисунок четырехлетнего ребенка. Весь черный, совершенно без одежды, но в глазах, смотревших на Деккера, светился огонек разума.

Глядя в эти глаза, Деккер чувствовал себя неуютно и скованно, но вокруг молча стояли в ожидании его люди, и он медленно потянулся к одному из шлемов ментографа. Когда пальцы Декке-

ра коснулись гладкой поверхности, на него снова накатило смутное, но сильное нежелание надевать шлем. Контакт или попытка контакта с чужим разумом всегда вызывали у него это тревожное чувство. Что-то каждый раз боязливо сжималось у него внутри, видимо потому, что такой непосредственный, близкий контакт был чужд человеческой природе.

Деккер медленно взял шлем в руки, надел на голову и жестом предложил «гостю» второй. Пауза затягивалась, глаза аборигена внимательно следили за его действиями. «Он нас не боится, — подумал Деккер. — Настоящая первобытная храбрость. Вот так стоять посреди незнакомого, которое расцвело почти за одну ночь на его земле... Стоять, не дрогнув, в кругу существ, которые, должно быть, кажутся ему пришельцами из кошмара».

Наконец абориген сделал шаг к столу, взял шлем и неуверенно пристроил прибор на голову, ни на секунду не отрывая взгляда от человека.

Деккер попытался расслабиться, одновременно внушая себе мысли о мире и спокойствии. Надо быть очень внимательным, чтобы не испугать это существо, и сразу продемонстрировать дружелюбие. Малейший оттенок резкости может испортить все дело.

Уловив первое дуновение мысли спичечного человечка, Деккер почувствовал ноющую боль в груди. Что-то снова сжалось у него внутри, но ему вряд ли удалось бы передать свои ощущения словами — слишком все было чужое, предельно чужое.

— Мы друзья, — заставил он себя думать, борясь с подступающей чернотой отвращения. — Мы друзья. Мы друзья. Мы...

— Вам не следовало сюда прилетать, — слышалась ответная мысль.

— Мы не причиним вам зла, — думал Деккер. — Мы друзья. Мы не причиним вам зла. Мы...

— Вы никогда не улетите отсюда.

— Мы предлагаем дружбу, — продолжал Деккер. — У нас есть для вас подарки. Мы вам поможем...

— Вам не следовало прилетать сюда, — настойчиво звучала мысль аборигена. — Но раз вы уже здесь, теперь вам не улететь.

— Ладно, хорошо, — Деккер решил не спорить с ним. — Мы останемся и будем друзьями. Будем учить вас. Дадим вам вещи, которые привезли с собой, и останемся здесь с вами.

— Вы никогда не улетите отсюда, — звучало в ответ, и было в этой мысли что-то холодное, окончательное. Деккеру стало не по себе. Абориген действительно верил в то, что говорил. Не пугал и не преувеличивал. Он даже не сомневался, что им не удастся улететь с планеты... — Вы умрете здесь!

— Умрем? — переспросил Деккер. — Как это понимать?

В ответ он почувствовал лишь презрение. Спичечный человек снял шлем, аккуратно положил, повернулся и вышел. Никто не сдвинулся с места, чтобы остановить его. Деккер бросил свой шлем на стол.

— Джексон, сообщите легионерам из охраны, чтобы его выпустили. Не пытайтесь помешать ему уйти.

Он откинулся в кресле и посмотрел на окружавших его людей.

— Что случилось, сэр? — спросил Уолдрон.

— Он приговорил нас к смерти, — ответил Деккер. — Сказал, что мы не улетим с этой планеты, что мы здесь умрем.

— Сильно сказано.

— И без тени сомнения, — произнес Деккер, потом небрежно махнул рукой. — Видимо, он просто не понимает, что им не под силу остановить нас, если мы захотим улететь. Он убежден, что мы здесь умрем.

В самом деле, забавная ситуация. Выходит из лесу голый гуманоид и угрожает всей земной разведывательной группе. Причем так в себе уверен... Но на лицах, обращенных к Деккеру, не было ни одной улыбки.

— Они ничего не могут нам сделать, — сказал Деккер.

— Тем не менее, — предложил Уолдрон, — следует принять меры.

— Мы объявим готовность номер один и усилим посты, — кивнул Деккер. — До тех пор, пока не удостоверимся...

Он запнулся и умолк. В чем, собственно, они должны удостовериться? В том, что голые аборигены без всяких признаков материальной культуры не смогут уничтожить группу землян, защищенных стальным периметром, машинами, роботами и солдатами, знающими все, что положено знать для немедленного и безжалостного устранения любого противника?

Чертовщина какая-то!

И все же в этих глазах светился разум. Разум и смелость. Он выстоял, не дрогнув, в кругу совершенно чужих для него существ. Сказал, что должен был сказать, и ушел с достоинством, которому землянин мог бы позавидовать. Очевидно, он догадался, что перед ним существа с другой планеты, поскольку сам сказал, что им не следовало прилетать...

— О чем ты думаешь? — спросил Деккер Уолдрона.

— Раз мы предупреждены, надо вести себя со всеми возможными предосторожностями. Но пугаться нечего. Мы в состоянии справиться с любой опасностью.

— Это блеф, — вступил в разговор Диксон. — Нас хотят испугать, чтобы мы улетели.

— Не думаю, — покачал головой Деккер. — Он был так же уверен в себе, как и мы.

Работа продолжалась. Никто не атаковал. Самолеты вылетали по графику, и постепенно экспедиционные карты заполнялись многочисленными подробностями. Полевые партии делали осторожные вылазки. Роботы и легионеры сопровождали их по флангам, тяжелые машины прокладывали путь, выжигая дорогу в самых недоступных местах. Автоматические метеостанции, разбросанные по окрестностям, регулярно посылали доклады о состоянии погоды для обработки на базе.

Несколько полевых партий вылетели в дальние районы для более детального изучения местности.

По-прежнему не происходило ничего особенного.

Шли дни. Недели. Роботы и машины несли дежурство. Легионеры всегда были наготове. Люди торопились сделать работу и улететь обратно.

Сначала нашли угольный пласт, затем месторождение железной руды. В горах обнаружили радиоактивные материалы. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. База кишела животными, пойманными для изучения и со временем ставшими чьими-то любимцами.

Нашли деревню спичечных людей. Маленькая грязная деревенька с примитивными хижинами. Жители казались мирными.

Экспедицию к местным жителям возглавил Деккер.

С оружием наготове, медленно, без громких разговоров люди вошли в деревню. Местные сидели около своих домов и молча наблюдали за людьми, пока те не дошли до самого центра поселения. Там роботы установили стол и поместили на него ментограф. Деккер сел за стол и надел шлем ментографа на голову. Остальные встали в стороне. Деккер ждал.

Прошел час. Аборигены сидели, не шевелясь.

Наконец Деккер снял шлем и устало произнес:

— Ничего не выйдет. Займитесь фотографированием. Только не тревожьте местных и ничего не трогайте.

Он достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. Подошел Уолдрон.

— И что вы обо всем этом думаете?

Деккер покачал головой:

— Меня постоянно преследует одна мысль. Мне кажется, что они уже сказали нам все, что хотели сказать. И больше разговаривать не желают. Странная мысль... Наверное, ерунда.

— Не знаю, — ответил Уолдрон. — Здесь вообще многое не так. Я заметил, что у них совсем нет металла. Кухонная утварь каменная, инструменты — тоже. И все-таки это развитая культура.

— Они, безусловно, развиты, — сказал Деккер. — Посмотри, как они за нами наблюдают. Совершенно без страха. Просто

ждут. Спокойны и уверены в себе. И тот, который приходил на базу, он знал, что нужно делать со шлемом...

— Уже поздно. Нам лучше вернуться на базу, — помолчав немного, произнес Уолдрон и взглянул на запястье. — Мои часы остановились. Сколько на ваших?

Деккер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал судорожный удивленный вздох. Деккер медленно поднял голову и посмотрел на Уолдрона.

— Мои... тоже, — голос его был едва слышен.

Какое-то мгновение они сидели неподвижно, напуганные явлением, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать лишь раздражение. Затем Уолдрон вскочил и повернулся лицом к людям.

— Общий сбор! — закричал он. — Возвращаемся! Немедленно!

Земляне сбежались тут же. Роботы выстроились по краям, и колонна быстрым маршем покинула деревню. Аборигены проводили их взглядами, но никто не тронулся с места

Деккер сидел в своем походном кресле, прислушиваясь к шелесту брезента на ветру. Лампа, висевшая над головой, раскачивалась, тени бегали по павильону, и временами казалось, что это живые существа. Рядом с павильоном неподвижно стоял робот.

Деккер протянул руку и потрогал пальцем маленькую кучку колесиков и пружинок, лежавших на столе.

Все это странно. Странно и зловеще.

На столе лежали детали часов. Не только его и Уолдрона, но и всех остальных участников экспедиции. Ни одни из них не работали.

Наступила ночь, но на базе продолжалась лихорадочная деятельность. Постоянно двигались люди, то исчезая во мраке, то снова появляясь на освещенных участках под ярким светом прожекторов. В суетливых действиях людей чувствовалась какая-то обреченность, хотя все они понимали, что им решительно нечего бояться. Во всяком случае, пока не появится нечто конкретное, на что можно указать пальцем и крикнуть: «Вот — опасность!»

Известен лишь простой факт. Все часы остановились. Простой факт, для которого должно быть простое объяснение.

Но только на чужой планете ни одно явление нельзя считать простым и ожидать простого объяснения. Поскольку здесь причины, следствия и вероятность событий могут быть совершенно иными, нежели на Земле.

Есть всего одно правило — избегать риска. Единственное правило, которому надо повиноваться в любой ситуации. И, по-

винуясь ему, Деккер приказал вернуть все полевые партии и приготовить корабль к взлету. Роботам — быть готовыми к немедленной погрузке оборудования. После этого оставалось только ждать. Ждать, когда вернутся из дальних лагерей полевые партии. Ждать, пока не появится объяснение странному поведению часов.

Панике, конечно, поддаваться не из-за чего, но явление нужно признать, оценить, объяснить. Нельзя же, в самом деле, вернуться на Землю и сказать: «Вы понимаете, наши часы остановились, и поэтому...»

Рядом послышались шаги, и Деккер резко обернулся.

— В чем дело, Джексон?

— Дальние лагеря не отвечают, сэр, — произнес Джексон. — Мы пытались связаться с ними по радио, но не получили ответа.

— Они ответят, обязательно ответят через какое-то время, — сказал Деккер, хотя совсем не чувствовал в себе уверенности, которую пытался передать подчиненному.

На мгновение он ощутил подкативший к горлу комок страха, но быстро с собой справился.

— Сядь. Я прикажу принести пива, а затем мы вместе сходим в радиоцентр и посмотрим, что там происходит, — сказал он и, повернувшись к стоявшему неподалеку роботу, потребовал: — Пива сюда. Два пива.

Робот не отвечал.

Деккер повысил голос, но робот не тронулся с места.

Пытаясь встать, Деккер оперся сжатыми кулаками о стол, но вдруг почувствовал слабость в ногах и упал обратно в кресло.

— Джексон, — выдохнул он. — Пойди постучи его по плечу и скажи, что мы хотим пива.

С побледневшим лицом Джексон подошел к роботу и легонько постучал того по плечу. Потом ударил сильнее, и робот, не сгибаясь, рухнул на землю.

Снова послышались торопливые, приближающиеся шаги. Деккер, вжавшись в кресло, ждал. Оказалось, это Макдональд, главный инженер.

— Корабль, сэр... Наш корабль...

Деккер, глядя в сторону, кивнул:

— Я уже знаю, Макдональд. Корабль не взлетит.

— Крупные механизмы в порядке, сэр. Но вся точная аппаратура... инжекторы... — Он внезапно замолчал и пристально посмотрел на Деккера. — Вы знали, сэр? Как? Откуда?

— Я знал, что когда-нибудь это случится. Может быть, не так, как сейчас, но этого следовало ожидать. Рано или поздно мы должны были споткнуться. Я говорил гордые и громкие слова, но

все время знал, что настанет день, когда мы чего-то не предусмотрим, какой-то мелочи, и она нас прикончит...

Аборигены... У них совсем не было металла. Каменные инструменты, утварь... Металла здесь хватало, огромные залежи руды в горах на западе. И возможно, много веков назад они пытались делать металлические орудия труда или оружие, но спустя считанные недели все это рассыпалось в прах.

Цивилизация без металла. Культура без металла. Немыслимо. Отбери у человека металл, и он не сможет оторваться от Земли, он вернется в пещеры. У него ничего не останется, кроме его собственных рук...

В павильон тихо вошел Уолдрон.

— Радио не работает. И роботы мрут как мухи. Они валяются бесполезными кучами металла уже по всей базе.

— Сначала портятся точные приборы, — кивнул Деккер. — Часы, радиоаппаратура, роботы. Потом сломаются генераторы, и мы останемся без света и электроэнергии. Потом наши машины, оружие легионеров. Потом все остальное.

— Нас предупреждали, — сказал Уолдрон.

— А мы не поняли. Мы думали, что нам угрожают. Нам казалось, мы слишком сильны, чтобы бояться угроз... А нас просто предупреждали...

Все замолчали.

— Из-за чего это произошло? — спросил наконец Деккер.

— Точно никто не знает, — тихо ответил Уолдрон. — По крайней мере пока. Позже мы, очевидно, узнаем, но нам это уже не поможет... Какой-то микроорганизм пожирает железо, которое подвергали термообработке или сплавляли с другими металлами. Окисленное железо в руде он не берет. Иначе залежи, которые мы обнаружили, исчезли бы давным-давно.

— Если это так, — откликнулся Деккер, — то мы привезли сюда первый чистый металл за долгие-долгие годы. Как этот микроб выжил?

— Не знаю. А может, я ошибаюсь, и это вовсе не микроб. Что-нибудь другое. Воздух, например.

— Мы проверяли атмосферу... — Деккер тут же понял, как глупо это прозвучало. Да, атмосферу анализировали, но как они могли обнаружить что-то такое, чего никогда раньше не встречали? Опыт человеческий ограничен. Человек бережет себя от опасностей известных или представимых, но нельзя предсказать непредсказуемое.

Деккер поднялся и увидел, что Джексон все еще стоит около неподвижного робота.

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказал он. — Помнишь первый день на этой планете? Наш разговор?

— Я помню, сэр, — кивнул Джексон.

Деккер вдруг осознал, как тихо стало на базе.

Лишь налетевший ветер тормозил брезентовые стены павильона.

И только сейчас Деккер впервые почувствовал запах ветра этого чужого мира.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Когда подошло время спускаться за почтой, старый Клайд Паккер оторвался от своих марок и прошел в ванную — расчесать седые волосы и бороду. Как будто и без того забот мало, подумал он в который раз, однако никуда не денешься: на лестнице ему наверняка встретится кто-нибудь из соседей, а им до всего есть дело. Паккер не сомневался, что они сплетничают, обсуждают его между собой, и хуже всех была вдова Фоше, что жила в квартире напротив. Хотя, в общем-то, его мало трогало, что о нем думают.

Прежде чем отправиться за почтой, он открыл ящик стола в центре захлавленной гостиной — на столе в полном беспорядке грудями лежали нужные и ненужные бумаги — и достал маленькую коробочку, присланную с одной из планет системы Унук-аль-Хэй. Паккер отщипнул кусочек от хранившегося в коробке высушенного листка и отправил в рот.

Он замер на несколько секунд у выдвинутого ящика, наслаждаясь сочным диковинным вкусом: не мята и не виски — лишь привкус и того и другого, но к ним примешивалось и что-то еще, совершенно особенное, присущее только этим странным листьям. Ни одному человеку на Земле не доводилось пробовать ничего подобного. Паккер подозревал, что отвыкнуть от них будет очень трудно, хотя ни о чем таком ПугАльНаш его не предупреждал.

Впрочем, даже если бы ПугАльНаш решил сделать это, Паккер, скорее всего, ничего бы не понял: пытаюсь расшифровать записки ПугАльНаша, Паккер всякий раз поражался, до чего же унукские представления о земном языке и земной грамматике далеки от истинной картины.

Коробочка, заметил он, почти опустела. Оставалось только надеяться, что его странный, но верный корреспондент, на которого он так привык рассчитывать, не подведет и теперь. Хотя повода сомневаться в нем у Паккера не было: за те двенадцать лет, что они переписывались, ПугАльНаш никогда его не подводил. Когда содержимое предыдущей бандероли подходило к концу, обязательно прибывала новая коробочка листьев с короткой дружеской запиской — и вся в самых новых унукских марках.

Ни днем раньше, ни днем позже, а именно тогда, когда кончался последний листок — словно ПугАльНаш каким-то не постижимым для землянина образом узнавал, когда у того кончаются эти листья.

«Надежный парень, — говорил себе Клайд Паккер. — Не гуманоид, конечно, но на него вполне можно положиться».

И он снова задумался, как все-таки Пут выглядит. Почему-то ему всегда представлялось, что это маленькое существо, но на самом деле он не знал ни его размеров, ни внешнего вида. Унук относился к числу тех планет, где землянам просто не выжить, поэтому все коммерческие операции и прочие контакты — как и со многими другими цивилизациями — осуществлялись при помощи посредников.

Что, интересно, делал Пуг с теми сигарами, которые Паккер посылал ему в обмен на коробочки с листьями? Ел? Курил? нюхал? Валялся на них или втирал в волосы? Если у него вообще есть волосы...

Паккер потряс головой и, закрыв дверь, вышел на лестничную площадку. Затем дважды проверил, сработал ли замок. Кто их знает, этих соседей и особенно вдову Фоше: может, они только и ждут, как бы пробраться к нему в квартиру, пока его нет.

На лестничной площадке никого не оказалось, что Паккера очень обрадовало. Чуть не крадучись, он подошел к лифту и нажал кнопку, надеясь, что удача не оставит его и никто так и не появится.

Увы.

В конце длинного коридора показался сосед, развязный, горластый тип из тех, что бесцеремонно — в их понимании, по-дружески — хлопают людей по спине и думают, что это нормально.

— Доброе утро, Клайд! — радостно заорал он издалека.

— Доброе утро, мистер Мортон, — ответил Паккер довольно прохладным тоном. С какой стати этот Мортон обращается к нему по имени? Никто никогда его так не называет — разве что изредка племянник, Антон Кампер, который зовет его «дядя Клайд» или чаще — просто «дядюшка». А Тони — просто никчемный болтун. Вечно он что-то затевает, строит грандиозные планы. Послушать его, так он на днях миллионером станет, только все его планы превращаются в пшик. А еще он — пройдоха, каких свет не видывал.

«Как и я, в точности, — подумалось Паккеру, — не то что эти, теперешние. Одни только разговоры... Будь я помоложе, — решил он, с гордостью и теплотой вспоминая прошлое, — я бы их всех ощипал как цыплят».

— Как сегодня марочный бизнес? — поинтересовался Мортон, подойдя ближе, и от души хлопнул Паккера по спине.

— Должен вам напомнить, мистер Мортон, что я не занимаюсь филателистическим бизнесом, — резко ответил Паккер, — Хотя действительно интересуюсь марками, увлечен ими и настоятельно рекомендую...

— Я не то имел в виду, — пояснил Мортон несколько смущенно. — Я не то хочу сказать, что вы продаете марки или там...

— Строго говоря, продаю, — перебил его Паккер. — Но изредка и в небольших количествах. Это едва ли можно назвать бизнесом. Просто некоторые коллекционеры знают о моих обширных связях и время от времени...

— Вот я и говорю! — радостно заорал Мортон и от избытка чувств снова хлопнул Паккера по спине. — Все дело в связях! Если есть связи, тогда в любом деле не пропадешь. Вот я, например...

От продолжения тирады Паккера спасло лишь то, что прибыл наконец лифт.

Спустившись вниз, он сразу направился к стойке дежурного.

— Доброе утро, мистер Паккер, — сказал клерк, вручая ему стопку писем. — Тут для вас посылка, и довольно тяжелая. Может быть, вам помочь?

— Нет, благодарю вас, — ответил Паккер. — Я уверен, что справлюсь сам.

Клерк выложил посылку на стойку. Паккер взял ее в руки и тут же опустил на пол — весил пакет, должно быть, фунтов тридцать. А адресную наклейку почти всю покрывали марки с такими высокими номиналами, что аж дух захватывало.

Паккер взглянул на наклейку повнимательнее: его фамилия и адрес были выведены печатными буквами и так старательно, словно земной алфавит представлялся отправителю непостижимым таинством. Вместо обратного адреса — мешанина из точек, закорючек и черточек: понять ничего невозможно, но вроде бы что-то знакомое. Марки, сразу определил Паккер, выпущены в системе девятой звезды созвездия Рака — за всю его жизнь ему доводилось видеть такие лишь один раз. Некоторое время он просто стоял, пытаясь сообразить, сколько они могут стоить.

Затем сунул стопку писем под мышку и поднял посылку с пола. Теперь она показалась Паккеру еще тяжелее, и он тут же пожалел, что отказался от помощи. Но сказанного не воротишь. Да и в конце концов, не такой уж он еще старый и дряхлый.

Доковыляв до лифта, он опустил пакет на пол и остановился лицом к двери, ожидая кабинку. Неожиданно у него за спиной раздался голос, похожий на птичье щебетание, и Паккер вздрогнул, узнав голос вдовы Фоше.

— О, мистер Паккер, — затараторила она, — я так рада, что вас встретила.

Паккер обернулся, ибо ничего другого ему не осталось — нельзя же и в самом деле стоять к ней спиной, словно ее там нет.

— О, какие вы тяжести носите... — пожалела его вдова Фоше. — Позвольте, я вам помогу.

С этими словами она выхватила у него из-под руки стопку писем и добавила:

— Бедняжка. Я помогу вам их донести.

Паккер с удовольствием бы ее придушил, но вместо этого лишь улыбнулся. Улыбка, правда, вышла несколько натянутая, даже зловещая, но на большее его не хватило.

— Как мне повезло, что я вас встретил, — ответил он. — Один бы я ни за что не справился.

Не заметив скрытой иронии, вдова Фоше продолжала молотить языком как ни в чем не бывало:

— Сегодня к ленчу я собиралась приготовить бульон, и у меня всегда получается слишком много. Может, вы присоединитесь?

— Нет, к сожалению, это невозможно, — встревоженно сказал Паккер. — Прошу меня извинить, но сегодня у меня очень много работы. — Кивнув на стопку писем у нее в руках и на посылку, он, словно рассерженный морж, выпустил воздух через усы, но вдова Фоше ничего не заметила.

— Как это, должно быть, романтично и увлекательно! — снова затрещала она. — Все эти письма и пакеты с разных концов Галактики! С таких далеких и странных планет! Вы непременно должны как-нибудь просветить меня, рассказать, что такое собирание марок!

— Видите ли, мадам, — несколько раздраженно ответил Паккер, — я занимаюсь марками больше двадцати лет и едва только начинаю понимать, что такое филателия, так что едва ли возьмусь объяснить это кому-либо еще.

Она продолжала болтать.

«Черт бы ее побрал, — подумал Паккер. — Когда же она замолчит?»

Старая перечница! Он снова с шумом выпустил воздух через усы. Теперь она три дня будет носиться по всем соседям и рассказывать, как они «странно» встретились и какой он «странный» старикашка. Письма, мол, получает со всяких чужих планет, и бандероли, и посылки. И уж наверняка здесь дело не только в марках. Здесь, мол, что-то нечисто, можете не сомневаться даже...

У его двери вдова Фоше неохотно отдала письма и спросила:

— Вы уверены, что не передумали насчет бульона? Это не просто бульон. Я его готовлю по особому рецепту.

— К сожалению, я вынужден отказаться.

Паккер отпер замок и открыл дверь. Она все не уходила.

— Я бы с удовольствием пригласил вас зайти, — соврал он, вежливо улыбаясь, — но у меня немного не прибрано.

«Немного не прибрано» — это было, конечно, мягко сказано.

Оказавшись наконец за надежно запертой дверью, Паккер пробрался мимо бесконечных штабелей из кляссеров, ящичков, коробок к столу и поставил посылку рядом. Первым делом он просмотрел письма; одно оказалось с Дахиба, другое — из системы Лиры, третье — с Муфрида, а четвертое — с Марса — просто рекламный проспект какого-то концерна.

Паккер откинулся на спинку громоздкого кресла и обвел комнату взглядом.

«Надо все-таки взяться как-нибудь и привести квартиру в порядок», — сказал он себе. Без сомнения, здесь полно барахла, которое можно просто выбросить, а все ценное надо рассортировать по коробкам и надписать, чтобы всегда можно было найти то, что нужно. Может быть, есть смысл даже составить генеральный каталог — тогда он, по крайней мере, будет знать, что у него уже есть, а чего нет и сколько все это стоит.

Хотя это, конечно, не самый главный вопрос.

Возможно, ему пора специализироваться. Большинство коллекционеров так и поступают. Галактика слишком велика, чтобы собрать все галактические марки. Даже два тысячелетия назад, когда коллекционерам приходилось беспокоиться только о земных марках, их печатали так много, что филателисты придумали специализацию.

Однако на чем-же все-таки специализироваться, если сознательно хочешь ограничить свои интересы? Может быть, на марках с одной какой-то планеты или звездной системы? Может, на планетах за пределами определенного радиуса, скажем в пятьсот светолет? Или на конвертах? Например, было бы очень интересно составить коллекцию конвертов с гашениями и почтовыми отметками, демонстрирующую различия и тонкости почтового сообщения в глубине космоса, среди далеких звезд.

Но в том-то и дело, что тут все интересно. Можно потратить три жизни, но так и не добраться до конца.

Хотя за двадцать лет можно, если постараться, собрать огромное количество материала. А уж он-то старался! Он отдавал коллекционированию всего себя и наслаждался каждой минутой, проведенной с марками. В некоторых областях, не без гордости подумал Паккер, ему удалось стать своего рода экспертом. Время от времени он писал статьи для филателистических журналов, и едва ли не каждую неделю кто-нибудь из знаменитейших коллекционеров обращался к нему за помощью или просто заходил поболтать.

Марки, чего уж там говорить, способны доставить огромное наслаждение, признавал Паккер, словно извиняясь. Огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но само собирание материала — лишь часть коллекционирования, своего рода начальная стадия. Гораздо важнее были контакты. И без них просто не обойтись, особенно без контактов в дальних пределах Галактики. Если вы не хотите полагаться на жуликоватых дельцов в филателистических магазинах, которые предлагают лишь то, что легко достать, контакты просто необходимы. Контакты с другими коллекционерами, которые желают обмениваться марками, контакты с одинокими людьми на одиноких форпостах и на самом краю Галактики, где, скорее всего, и можно найти редкий, экзотический материал, с людьми, которые готовы отыскать его, сохранить и переслать вам за вполне приемлемую цену, или с каким-нибудь Богом забытыми организациями, что приторговывали наборами различных марок в попытках хоть немного пополнить свой скудный бюджет.

В системе Енотовой Шкуры, например, жил человек, которому в обмен на его марки нужны были лишь последние музыкальные записи с Земли. А один бесстрашный миссионер на пустынном Агустроне собирал пустые жестянки из-под табака и бутылки, которые по какой-то причине ценились на этой безумной планете очень высоко. Но среди многих других — землян и инопланетян — самым важным для Паккера корреспондентом всегда был ПугАльНаш.

Паккер перекатил размокший и почти уже лишенный вкуса листок на языке, с наслаждением всасывая последние капли божественного нектара.

Если бы кому-нибудь удалось раздобыть крупную партию этих листьев, подумалось ему, человек мог бы сказочно разбогатеть. Расфасовать их в маленькие пакетики наподобие жевательной резинки, и здесь, на Земле, листья будут разметать как горячие пирожки. Он как-то пытался поднять этот вопрос в переписке с ПугАльНашем, но только запутал беднягу унукийца, который почему-то просто не видел смысла в коммерческих операциях, выходящих за рамки личных потребностей самих участников обмена.

Позвонили в дверь, и Паккер пошел открывать.

Оказалось, это Тони Кампер.

— Привет, дядя Клайд, — беззаботно произнес он.

Паккер неохотно открыл дверь пошире.

— Ладно, заходи уж, раз пришел.

Тони шагнул через порог, сдвинул шляпу на затылок и окинул квартиру оценивающим взглядом.

— Честное слово, дядюшка, тебе нужно взять как-нибудь и выкинуть весь этот хлам. Просто не представляю, как ты тут живешь.

— Нормально живу, — осадил его Паккер. — Но может быть, я при случае разберу здесь немного.

— Хотелось бы верить.

— Мальчик мой, — горделиво произнес Паккер, — думаю, я без всякого преувеличения могу сказать, что у меня одна из лучших коллекций галактических марок на Земле. Когда-нибудь я помещу их все в альбомы...

— Этого никогда не произойдет, дядюшка, ты просто будешь складывать их в кучи, как и раньше. Твоя коллекция растет так быстро, что ты не успеваешь сортировать даже новые поступления.

Он пнул носком ботинка стоящую у стола коробку

— Вот, например? Опять новая посылка?

— Только что пришла, — признал Паккер. — И пока я не выяснял, откуда она.

— Отлично! — сказал Тони. — Что ж, развлекайся. Ты еще всех нас переживешь.

— И переживу! — запальчиво ответил Паккер. — Однако зачем ты все-таки пришел?

— Да ни за чем, дядюшка. Просто заскочил проведать и напомнить, что выходной ты обещал провести у нас. Энн настояла, чтобы я непременно зашел и напомнил. Дети всю неделю дни считали...

— Я помню, — соврал Паккер, поскольку напрочь забыл о данном обещании.

— Я могу заехать за тобой. Скажем, в три пополудни?

— Нет, Тони. Спасибо. Не беспокойся. Я вызову стратотакси. В три будет очень рано, а у меня еще полно дел.

— Надо думать, — сказал Тони и двинулся к выходу, потом добавил с порога: — Не забудь.

— Разумеется, не забуду, — резко ответил Паккер.

— Энн обидится, если ты не приедешь. Она запланировала на вечер все твои любимые блюда.

Паккер проворчал что-то в ответ.

— Ужин в семь, — напомнил Тони жизнерадостно.

— Хорошо, Тони. Я приеду.

— Ладно, дядюшка, до вечера.

«Молокосос, — подумал Паккер. — Опять неизвестно что затеял, наверно. Всю жизнь проворачивает какие-то делишки, а толку никакого. Еле на жизнь хватает...»

Он вернулся к столу.

«Наверно думает, что получит в наследство мои деньги. Хоть там и не Бог весть сколько... Что же, пусть думает. Я, пока не потрачу все до последнего цента, помирать не собираюсь».

Паккер сел за стол, взял один из конвертов, вскрыл его перочинным ножом и высыпал содержимое на маленький расчищен-

ный в середине стола пяточок. Затем включил лампу, пододвинул плафон ближе и склонился над марками.

Очень даже неплохая подборка, оценил он сразу. Вот, например, марка с ро Близнецов-ХII — или это ХVI? — отличный образчик современной классики: сколько изящества, сколько фантазии, какая тонкая работа гравера и сколько здесь чувствуется любви и внимания, бумага высочайшего качества и превосходная печать.

Паккер принялся искать пинцет, но на столе его не оказалось. Он порылся в ящике, содержимое которого и без того напоминало разоренное крысиное гнездо, но тоже безрезультатно. Тогда он опустил на колени и искал под столом.

Пинцета нигде не было.

Отдуваясь, он забрался обратно в кресло. Настроение было испорчено.

«Куда они вечно деваются? — подумал он сердито. — Наверно, уже двенадцатый пинцет... Черт бы их побрал, никогда не помню, куда в последний раз положил...»

В дверь снова позвонили.

— Войдите! — в сердцах крикнул Паккер.

Вошел небольшого роста человек, чем-то похожий на мышь, мягко прикрыл за собой дверь и остановился у порога, нервно теребя в руках шляпу.

— Прошу прощения... Мистер Паккер?

— Ну, разумеется, это я, — нетерпеливо произнес Паккер. — Кого еще вы ожидали тут увидеть?

— Э-э-э... сэр... — незнакомец сделал несколько шажков и остановился. — Меня зовут Джейсон Пикеринг. Возможно, вы обо мне слышали...

— Пикеринг? — Паккер на мгновение задумался. — Пикеринг? О, конечно же, я слышал о вас! Вы собираете систему Полярной звезды.

— Верно, — признал Пикеринг чуть жеманно. — Я весьма польщен, что вы...

— Напротив, — перебил его Паккер, поднимаясь и протягивая гостю руку. — Это большая честь для меня!

Он наклонился и скинул со стула два кляссера и три обувные коробки. Одна из них опрокинулась, и на пол посыпались марки.

— Прошу вас, садитесь, мистер Пикеринг, — галантно предложил Паккер.

Гость несколько ошарашенно присел на край стула.

— Боже, — произнес он, окидывая взглядом царивший в квартире беспорядок, — у вас тут огромное количество материала. Но вы, без сомнения, всегда можете отыскать то, что вам нужно...

— Чаще всего, нет, — ответил Паккер, опускаясь в кресло. — Я по большей части даже не знаю, что у меня есть.

Пикеринг хихикнул.

— Тогда, сэр, вас ждет в будущем множество замечательных сюрпризов.

— Едва ли. Я никогда ничему не удивляюсь, — заносчиво произнес Паккер.

— Однако к делу. Я бы не хотел отнимать у вас время попусту. Нет ли у вас случайно марки «Поларис-176» на конверте? Это довольно редкий номер, даже сам по себе, и я ни разу не слышал, чтобы кому-то марка встречалась вместе с конвертом. Однако мне посоветовали обратиться к вам: возможно, у вас есть то, что я ищу...

— Подождите, дайте вспомнить. — Паккер откинулся на спинку кресла и мысленно перелистал страницы каталога. Есть: вспомнил! «Поларис-176» — маленькая марка, можно даже сказать, крошечная, ярко-голубая с алым пятнышком в нижнем левом углу, а по всему полю — плотный орнамент из тонких завитков.

— Да, — сказал он, открывая глаза. — Похоже, у меня есть такая марка. Помнится, много лет назад...

Пикеринг, затаив дыхание, наклонился вперед.

— Вы хотите сказать, что у вас действительно...

— Да, я уверен, она где-то здесь. — Паккер неуверенно обвел рукой сразу полкомнаты.

— Если вы найдете ее, я готов заплатить десять тысяч.

— Насколько я помню, это была полоска из пяти марок. Письмо шло с Полариса-VII на Бетельгейзе-XII через... Нет, похоже, я уже не вспомню, через какую планету.

— Полоска из пяти марок!!!

— Насколько помню. Но может быть, я и ошибаюсь.

— Пятьдесят тысяч! — выкрикнул Пикеринг, чуть не пуская слюну, — Пятьдесят тысяч, если вы их отыщете!

Паккер зевнул.

— Всего за пятьдесят тысяч, мистер Пикеринг, я даже не стану искать.

— Сто!

— Я подумаю.

— Но вы начнете розыски прямо сейчас? Должно быть, вы помните хотя бы приблизительно...

— Мистер Пикеринг, чтобы накопить эти груды материала, которые вы видите вокруг, мне потребовалось двадцать лет, и память у меня уже не та. Честно говоря, я понятия не имею, где они могут лежать.

— Назначайте вашу цену, — взмолился Пикеринг — Сколько вы хотите?

— Если я найду их, — сказал Паккер, — возможно, мы сойдемся на четверти миллиона. Но если найду.

— Вы поищете?

— Посмотрим. Может быть, я рано или поздно наткнусь на них случайно. Надо будет как-нибудь привести все это в порядок. Если они мне попадутся, то я о вас не забуду.

Пикеринг резко встал.

— Вы надо мной смеетесь, — обиженно произнес он.

Паккер махнул рукой.

— Я никогда ни над кем не смеюсь.

Пикеринг двинулся к двери. Паккер поднялся с кресла.

— Позвольте, я вас провожу.

— Не стоит. И извините за беспокойство.

Паккер снова опустился в кресло, глядя, как гость закрывает за собой дверь.

Довольно долго он сидел, пытаясь вспомнить, где же у него лежит конверт из системы Полярной звезды, но в конце концов сдался: это было так давно.

Затем он снова принялся искать пинцет, но тоже безуспешно. Видимо, утром придется пойти и купить новый. Тут Паккер вспомнил, что утром его дома не будет, поскольку он обещал навестить семью Тони в их летнем коттедже на берегу Гудзонова залива.

Черт, и как только он умудряется терять столько пинцетов?

Паккер сидел, погрузившись в какое-то полудремотное-полудумчивое состояние, размышляя о самых разных вещах. В основном о марках с клейким слоем и о том, как из многочисленных идей, возникших на Земле, именно эту жители Галактики подхватили быстрее всего и за две тысячи лет распространили до самых дальних пределов обитаемого пространства.

Становилось все труднее уследить за новинками; да и самих планет, что выпускали марки, становилось все больше. Марки множились с невероятной быстротой, и чтобы не отстать, не пропустить что-то, приходилось тратить огромные усилия.

А марок, в том числе и очень необычных, навывпускали множество. Взять хотя бы марки с Манкалинена, у которых номинал определялся запахом. Не пятицентовые, скажем, или пятидолларовые, или даже стодолларовые марки, а марки с запахом роз — для местной почты, марки с запахом сыра — для межпланетной корреспонденции внутри звездной системы, и еще один вид для межзвездных пересылок — эти воняли так, что человеку за сорок шагов становилось дурно.

Или выпуски с Альгейба, отпечатанные цветами, которые человеческому глазу не дано видеть — хуже всего то, что номиналы на них были напечатаны этими же цветами. А взять ту знаменитую классическую серию, выпущенную — разумеется, нелегально — пиратами с Леониды; вместо бумаги они использовали обработанную кожу землян, попавших некогда в их лапы...

Паккер сидел, уронив подбородок на грудь и прислушиваясь к нарушающему тишину тиканью часов, безнадежно утерянных где-то в завалах коллекционного материала.

Марки дали ему новую жизнь, причем жизнь, которой он был вполне доволен. Двадцать лет назад, когда умерла Мира и он продал свою долю акций экспортной компании, ему казалось, что жизнь кончилась, что ничего хорошего у него уже не будет. Однако сейчас марки увлекали его даже больше, чем в свое время экспортный бизнес — и это просто благословение, да, именно благословение.

Продолжая сидеть, Паккер с теплой признательностью вспоминал свою коллекцию, спасшую его от пучины одиночества, вернувшую ему интерес к жизни и словно бы омолодившую его.

А затем он уснул.

Разбудил его звонок в дверь, и Паккер, протирая глаза, пошел открывать.

У порога стояла вдова Фоше с маленькой кастрюлькой в руках. Она протянула ее Паккеру и затараторила:

— Я все-таки подумала: наверно, бедняжке это понравится. Тут немного бульона, что я приготовила. У меня всегда получается больше, чем нужно. Для одной так неудобно готовить...

Паккер взял кастрюльку у нее из рук.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны.

Вдова бросила на него пристальный взгляд.

— Вы больны! — заявила она и шагнула через порог, заставив Паккера попятиться.

— Я вовсе не болен, — попытался отбиться Паккер. — Я просто заснул в кресле, а так со мной все в порядке.

Она протянула пухлую руку и потрогала его лоб.

— Да у вас температура! Вы просто горите!

— Ничего у меня нет! — не выдержал Паккер. — Говорю же я вам: я просто уснул.

Вдова Фоше обогнула его и, пробравшись между стопками коробок, ворвалась в комнату. Паккер только успел подумать: «Боже, она таки проникла в квартиру! Как же ее теперь выдворить?»

— Ну-ка, идите сюда и садитесь, — приказала вдова. — Термометра, надо полагать, у вас нет?

Паккер, уже покоровшись судьбе, покачал головой.

— И не было. Я никогда не болел.

Вдова Фоше вдруг взвизгнула, подпрыгнула и неуклюжим галопом понеслась к выходу. На полпути она споткнулась о тяжелую картонную коробку и растянулась на полу, но торопливо

вскочила и, что-то проверещав напоследок, вылетела на лестничную площадку.

Паккер захлопнул за ней дверь и в некотором недоумении устоялся на кастрюльку: он по-прежнему держал ее в руках и за это время не пролил ни капли.

Однако что же так напугало вдову Фоше?

И тут он увидел: по полу бегала маленькая мышка.

Паккер приподнял кастрюльку, салютуя своей спасительнице и серьезным тоном произнес:

— Спасибо, дружок!

Мыши... Одно время ему казалось, что мыши здесь действительно есть — то сыр обгрызут на кухонной полке, то кто-то шуршит по ночам — и это его беспокоило: вдруг они устроили себе гнездо где-нибудь в завалах филателистического материала?

Но нет худа без добра, подумалось Паккеру.

Он взглянул на часы; оказалось, уже пять вечера. Каким-то образом он забылся и пропустил ленч, а до отъезда оставалось совсем немного. «Что же, похлебаю бульона, — решил он, — и заодно просмотрую содержимое пакета...»

Паккер взял со стола несколько полных коробок и переставил их на пол: места стало побольше — как раз чтобы разложить новые поступления.

Он пошел на кухню, отыскал ложку и, попробовав бульон, счел, что готовить вдова Фоше действительно умеет. Кастрюлька была еще теплая, и для полировки на столе это, конечно, плохо, но Бог с ней, с полировкой: еще об этом не хватало беспокоиться.

Паккер подтащил пакет к столу и прежде всего расшифровал загадочный обратный адрес. Эту новую знаковую систему начали несколько лет назад использовать в созвездии Волопаса, а посылка пришла от одного из его загадочных корреспондентов из созвездия Лебедя. Время от времени Паккер посылал ему в обмен ящик лучшего шотландского виски.

Прикинув, сколько весит посылка, он решил, что на этот раз нужно будет отправить, по крайней мере, два.

Вскрыв пакет, Паккер взял его за низ, перевернул, и на стол хлынул поток конвертов. Он отшвырнул пустой пакет в угол и в самом приятном расположении духа уселся в кресло, затем, прихлебывая бульон, принялся неторопливо разбирать свои новые сокровища. Даже на первый взгляд это была великолепная подборка. Отправитель взял на себя труд систематизировать конверты по месту выпуска и рассортировать их в маленькие стопки, перетянутые резинками.

Стопка конвертов с Расальхейга, еще одна с Челеба, с Нунки, с Каус-Бореалис и множество других из различных далеких миров.

Одну из них Паккер даже не распознал. В стопке оказалось двадцать пять или тридцать конвертов, но на всех была одна и та же марка — маленький желтый квадратик без единой надписи, довольно толстый и шершавый на ощупь. Он провел по ней пальцем, и ему показалось, что марка крошится, стирается, словно поверхность ее покрывал толченый мел.

Несколько озадаченный, Паккер вытащил один конверт из-под резинки и бросил стопку на стол. Порывшись в ящике, он отыскал увеличительное стекло и склонился над маркой. Да, действительно, никаких надписей или пометок — просто маленький желтый квадратик — толстый, с зернистой поверхностью, словно на бумаге были наклеены песчинки.

Он выпрямился, проглотил еще ложку бульона, затем долго пытался сообразить, что это могут быть за марки. Увы, хранящийся в памяти каталог ничего не подсказывал. Похоже, он такую марку никогда еще не видел и даже не слышал о ней.

Часть почтовых штемпелей он узнал сразу, другие оказались совершенно незнакомыми. Впрочем, это не важно: позже можно будет отыскать их в справочниках. Однако у Паккера и без того складывалось впечатление, что планеты или звездная система, откуда отправили конверты, лежали где-то в направлении созвездия Весов. На это указывали те штемпели, которые ему удалось распознать.

Отложив увеличительное стекло в сторону, он вновь принялся за бульон. Главное, напоминал себе Паккер, поднося ко рту очередную ложку, не замочить усы; даже если человек не носит усы, есть все равно нужно аккуратно...

Но тут рука как назло дрогнула; немного бульона пролилось на бороду, немного капнуло на стол, и почти полная ложка выплеснулась на конверт с желтой маркой.

Паккер выхватил из кармана платок и попытался стереть расплзающееся жирное пятно, но было уже поздно. Конверт промок почти мгновенно, марка потемнела от влаги, и он в сердцах выругался, проклиная собственную неуклюжесть.

Затем взял мокрый конверт за уголок, отыскал мусорную корзину и разжал пальцы.

После выходных, проведенных с семьей Тони на берегу Гудзонова залива, Паккеру не терпелось вернуться домой.

«Тони совсем рехнулся, — подумал он. — Надо же всадить столько денег в роскошный загородный дом! Шансов разбогатеть у него, считай, никаких, все его грандиозные планы рушатся один за другим, однако он по-прежнему строит из себя большого дельца и цепляется за эту дорогую виллу. Впрочем, может быть, так сейчас и надо; если удастся одурачить кого-нибудь, заставить поверить, что

ты чего-то стоишь, тогда у тебя может появиться реальный шанс влезть в большое дело. Может быть, так и надо, кто его знает...»

Паккер остановился в холле забрать почту, надеясь, что бандероль от ПугАльНаша уже прибыла. Со всей этой суетой он забыл прихватить коробочку с листьями, и за три дня успел понять, насколько сильно к ней привык. Каждый раз, когда он вспоминал, как мало у него осталось листьев, Паккера охватывало беспокойство: а вдруг ПугАльНаш забудет о нем?

За три дня накопилось множество писем, но от ПугАльНаша ничего не было.

Впрочем, этого следовало ожидать, напомнил себе Паккер: новые бандероли ни разу не приходили, пока листья не кончались совсем. Поначалу он нередко задумывался, что за пророческий дар позволяет его другу точно угадывать, когда у него кончается запас, и как тот рассчитывает время отправки, чтобы бандероли приходили именно в тот день, когда в них возникнет необходимость. Теперь он об этом не думал; все равно бесполезно, чудо оно и есть чудо.

— С возвращением! — радостно приветствовал его дежурный клерк. — Как отдохнули, мистер Паккер?

— Сносно, — проворчал он и направился к лифту.

Однако на полпути его перехватил управляющий Элмер Ланг.

— Мистер Паккер, — заверещал он, — мне непременно нужно с вами поговорить.

— Ну так говорите.

— Это насчет мышей, мистер Паккер.

— Каких еще мышей?

— Миссис Фоше сказала мне, что у вас в квартире мыши.

Паккер расправил плечи и выпрямился, чтобы казаться выше, хотя при его сложении это было непросто.

— Это ваши мыши, Ланг. Вы ими и занимайтесь.

— Но как же я могу, мистер Паккер? — произнес Ланг, заламывая руки. — Ваша квартира... Там столько всякого хлама... надо бы все это разобрать.

— Должен вам заметить, сэр, что этот хлам является одной из самых полных коллекций марок во всей Галактике. Я действительно несколько запустил разборку новых поступлений, но я никому не позволю называть свою коллекцию хламом.

— Но может быть, я попрошу Майлса, уборщика, помочь вам разобрать с коллекцией?

— Помочь мне мог бы только человек, имеющий определенный опыт работы с филателистическим материалом, — строго сказал Паккер. — Ваш уборщик, надо полагать, такого опыта не...

— Но, мистер Паккер, — взмолился Ланг, — все эти горы бумаги и коробки — идеальное место для мышей. Я не смогу вывести мышей, если вы не вычистите свои завалы.

— Вычистить?! — взорвался Паккер. — Да вы хоть понимаете, о чем говорите? Где-то в огромной массе материала есть, например, конверт — для вас это просто конверт с марками и штемпелями, — за который мне несколько дней назад предлагали четверть миллиона долларов — если только я его отыщу. И это лишь малая толика от всего накопленного. Вы что, Ланг, все это предлагаете мне «вычистить»?

— Но, мистер Паккер, так больше продолжаться не может. Я вынужден настаивать...

Тут прибыл лифт, и Паккер с видом оскорбленного достоинства шагнул в кабину, оставив управляющего с его проблемами в холле.

— Сует свой нос, куда не просят... — пробормотал он, отдуваясь сквозь усы.

— Что вы говорите, сэр? — спросил лифтер.

— Миссис Фоше. Сует свой нос, куда ее не просят

— Возможно, вы правы, сэр, — рассудительно ответил лифтер.

Паккер надеялся, что в коридоре никого не будет, и на этот раз ему повезло. Он отпер дверь, шагнул вперед...

И замер, услышав странный булькающий звук.

Какое-то время он стоял неподвижно, прислушивался — с недоверием и чуть-чуть испуганно.

В комнате по-прежнему булькало.

Паккер опасливо прошел дальше и сразу же увидел, в чем дело.

Мусорная корзина у стола была до краев заполнена какой-то булькающей желтой массой. В нескольких местах масса даже сползла по стенке корзины и растеклась лужицами по полу.

Готовый в случае чего повернуться и броситься наутек, Паккер медленно подошел ближе, но ничего не произошло. Желтая масса в корзине продолжала булькать, и только.

Это была густая, похоже, клейкая масса без пены, и хотя она булькала, ни пузырьков, ни бурления не было заметно.

Паккер подошел совсем близко и протянул к корзине руку. Никто его не схватил, да и вообще, масса никак не отреагировала.

Он ткнул ее пальцем: на ощупь поверхность оказалась довольно плотной, чуть теплой, и у него вдруг возникла мысль, что это нечто живое.

Паккер тут же подумал о вымоченном бульоном конверте, который бросил перед отъездом в мусорную корзину. Он даже не удивился своей догадке: масса в корзине была такого же цвета, что и марка на конверте.

Обогнув стол, он положил туда почту и тяжело опустился в кресло.

«Выходит, марка ожила, — подумал Паккер, — и это очень странно...» Впрочем, чего уж там. На самом деле она не страннее

некоторых марок, что ему доводилось видеть раньше. Хотя Земля и передала Галактике идею их использования, многие развили ее гораздо дальше — порой с очень необычными результатами.

«А мне теперь, — подумал он вяло, — придется выносить эту дрянь в корзине. Не хватало еще, чтобы Ланг увидел...»

Его немного беспокоило то, что Ланг требовал привести квартиру в порядок, и в какой-то степени задевало: он заплатил за нее немалые деньги, причем заплатил вперед, и никогда никому не мешал. А кроме того, он живет здесь уже двадцать лет, и с этим Лангу тоже придется считаться.

Потом он наконец встал, обошел стол сбоку и наклонился. Осторожно, чтобы не вляпаться, где желтая масса перетекла через край, взялся за корзину и попытался ее поднять. Не тут-то было. Он тянул изо всех сил, но корзина оставалась на месте. Паккер выпрямился и двинул ее ногой — она даже не шелохнулась.

Он шагнул назад и устоялся на корзине, сердито отдуваясь сквозь усы. Как будто ему и без того забот мало! Надо разбирать все эти завалы и избавляться от мышей. Надо искать конверт из системы Полярной звезды. Кроме того, куда-то подевался пинцет, и придется идти покупать новый, а значит, опять тратить время.

Но прежде всего нужно будет убрать отсюда корзину. Очевидно, она просто прилипла: эта желтая дрянь затекла под дно и засохла. Нужно будет взять ломик или еще что-нибудь длинное, поддеть и отодрать от пола.

Желтая масса в корзине по-прежнему весело булькала.

Паккер вновь надел шляпу, вышел на лестницу и запер за собой дверь.

Стоял чудный летний день, и он решил немного прогуляться, а заодно подумать о своих бесчисленных проблемах. Однако о чем бы Паккер ни думал, мысли его возвращались к корзине с ползущим через край желтым киселем, и он понимал, что не сможет заниматься ничем другим, пока от нее не избавится.

Отыскав магазин, где продавали скобяные изделия, Паккер купил средних размеров ломик и направился к дому. Возможно, он поцарапает немного пол, но зато уж точно отдерет приклеившуюся корзину.

В холле первого этажа на него снова напустился Ланг.

— Мистер Паккер, — спросил он строго, — куда это вы направляетесь с таким ломом?

— Я его купил специально, чтобы вывести мышей.

— Но, мистер Паккер...

— Вы ведь хотите, чтобы я от них избавился?

— Да, разумеется.

— Ситуация складывается критическая, и от меня могут потребоваться решительные действия, — сурово произнес Паккер.

— Но... лом!

— Не беспокойтесь, я буду осторожен и не стану бить слишком сильно, — пообещал Паккер.

Он поднялся на лифте к себе. Написанная на лице Ланга растерянность немного улучшила ему настроение, и, двигаясь по коридору, Паккер даже насвистывал какую-то мелодию.

Однако, ковыряясь ключом в замке, он услышал за дверью шорох и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок: шорох казался таинственным и зловещим.

«Боже, — подумал он, — там не может быть столько мышей».

Сжав ломик покрепче, Паккер отпер замок и распахнул дверь.

В квартире бушевал бумажный шторм.

Паккер быстро шагнул через порог и захлопнул за собой дверь, чтобы ни одна бумажка не улетела на лестницу.

«Должно быть, оставил окно открытым», — мелькнула мысль. Но нет, не оставлял. Да и на улице — ни ветерка.

А тут... тут не то что ветерок — самый настоящий шторм.

Паккер стоял, прислонившись спиной к двери, и испуганно наблюдал за происходящим в квартире, затем перехватил ломик ненадежнее.

Ливень конвертов, шквал пакетов, снегопад танцующих в воздухе марок... На полу тут и там стояли раскрытые коробки, куда, укладываясь аккуратными рядами, сыпались пакеты, марки и конверты, а вдоль стены стояли ровными штабелями другие коробки, что само по себе уже вызывало беспокойство: меньше двух часов назад, когда он уходил, в квартире не было абсолютно ничего ровного и аккуратного.

Однако прямо на глазах шторм стихал. В воздухе кружилось уже меньше бумаг, коробки закрывались, словно невидимой рукой, и, взлетая сами по себе, укладывались вместе с другими у стены.

«Полтергейст!» — в ужасе подумал Паккер, лихорадочно припоминая, что он читал или слышал об этом явлении, и пытаюсь отыскать хоть какое-то объяснение.

Но тут все закончилось.

По воздуху уже ничего не летало. Коробки стояли ровными штабелями у стены. Все замерло.

Паккер шагнул в комнату и ошарашенно обвел взглядом свое жилище.

Письменный и обеденный стол сияли полировкой. На окнах висели желтые ровные шторы. Ковер выглядел как новый. Кресла, журнальные столики, лампы и множество других вещей, давно похороненных под горами филателистического материала и забытых, вновь стояли на своих местах — вычищенные и отполированные до блеска.

В центре всего этого упорядоченного благообразия весело булькала мусорная корзина.

Паккер выронил ломик и двинулся к столу.

Окно перед ним распахнулось. Ломик просвистел у него над головой, вылетел на улицу и с треском продрался сквозь крону ближайшего дерева, затем окно захлопнулось, и Паккер потерял ломик из виду.

Он снял шляпу и швырнул ее на стол.

Шляпа немедленно поднялась в воздух и поплыла к шкафу в прихожей. Дверцы шкафа распахнулись, шляпа скользнула внутрь, и дверцы мягко закрылись.

Паккер в задумчивости надул щеки и выпустил воздух сквозь усы. Затем достал платок и промокнул лоб.

— Странные творятся дела, — пробормотал он себе под нос.

Медленно, настороженно Паккер принялся осматривать квартиру. Все коробки стояли вдоль одной из стен — от пола до потолка по три в ряд. У противоположной стены стояли три картотечных шкафа, и Паккер удивленно потер глаза: за долгие годы он успел про один забыть и думал, что у него их только два. А вся квартира была аккуратно прибрана, вычищена и только что не светилась.

Паккер переходил из комнаты в комнату — везде царил полный порядок.

Сковородки и кастрюли на кухне стояли на своих местах, в буфете высились аккуратные стопки тарелок. Плита и холодильник сияли чистотой, и даже в раковине не оказалось ни одной грязной тарелки, а Паккер не сомневался, что они должны быть. Кастрюлька миссис Фоше, уже без бульона и оттертая до блеска, стояла на кухонном столе.

Паккер вернулся к письменному столу и там, словно кто-то выложил все это для обозрения, обнаружил:

Десять мертвых мышей.

Восемь филателистических пинцетов.

Стопку конвертов со странными желтыми марками.

Два — не один, а сразу два — конверта с марками «Поларис-176», на одном четыре марки, на другом — пять.

Паккер устало опустился в кресло и снова взглянул на стол.

Как же это могло случиться, черт побери? И что вообще происходит?

Он наклонился и посмотрел на корзину, стоявшую сбоку от стола. Ему даже показалось, что она булькала специально для него. Видимо, все дело в ней, решил Паккер, иначе просто и быть не может. Ничего другого в квартире не появилось, ничего нового — только эта мусорная корзина с желтой кашей.

Он взял со стола стопку конвертов с желтыми марками и открыл ящик стола, чтобы найти увеличительное стекло. В ящике

тоже был полный порядок, а увеличительных стекол оказалось сразу пять штук. Паккер выбрал самое сильное.

При таком увеличении поверхность марки превратилась в равнину с ровно уложенными вплотную друг к другу маленькими шариками — вовсе не песчинки, как ему показалось раньше. Склонившись над увеличительным стеклом, Паккер вдруг понял, что это споры.

Крохотные безжизненные оболочки, способные тем не менее возродить жизнь — что в данном случае и произошло. Он пролил на марку бульон, споры ожили, и возникла эта странная колония микроорганизмов в корзине.

Паккер положил увеличительное стекло на место и встал, собрал дохлых мышей за хвостики, отнес к люку мусоросжигателя и выбросил.

Затем прошел к книжному шкафу: книги тоже были расставлены по тематике; нашлись даже те, что он давным-давно потерял и не мог отыскать долгие годы. Длинные ряды каталогов марок, подборка справочников по галактическим гашениям, огромный том по разновидностям почтовых отметок, путеводители по Галактике, целая полка словарей экзотических языков — книги, совершенно необходимые для распознавания марок — и множество изданий, посвященных тонкостям филателии.

От книжного шкафа он перешел к сложенным у стены коробкам. Взял одну из них и поставил на пол, Коробка оказалась заполненной конвертами и прозрачными пакетами с отдельными марками, блоками, марками в листах и полосах. С растущим чувством радостного удивления Паккер продолжал перебирать содержимое коробки.

Все марки и конверты в ней оказались из системы Тубана. Он закрыл коробку и собрался поставить ее на место, однако, не дожидаясь его, коробка сама поднялась над полом и установилась туда, откуда он ее взял.

Паккер проверил еще три, что стояли рядом. В одной коробке хранился материал с Корефороса, в другой — из системы Антареса, а в третьей — с Джуббы. Споры не только привели в порядок квартиру, но и рассортировали всю его коллекцию!

Он вернулся на дрожащих ногах к креслу и сел. Просто невероятно! Слишком невероятно!

Споры впитали бульон и ожили. И теперь у него в мусорной корзине поселилась неземная форма жизни — или колония различных форм жизни — короче, существа с явным пристрастием к порядку, неудержимым стремлением работать и умением направить свое стремление в нужное русло.

Но самое главное — эта чертовщина в корзине делала именно то, что человеку нужно.

Корзина навела порядок в квартире, рассортировала марки и конверты, извела мышей и отыскала конверты из системы Полярной звезды вместе со всеми потерявшимися пинцетами.

Откуда эти существа узнали, что ему нужно? Может быть, они читают мысли?

От этой догадки по спине у него пробежали мурашки, но до его возвращения корзина и в самом деле ничего не делала, лишь весело побулькивала. Возможно, она не знала, что делать, а затем он вернулся и каким-то образом ей передались его мысли. Да, пожалуй, так: едва он вернулся, корзина узнала, какую работу надо выполнять, и сделала ее.

Зазвенел звонок в прихожей, и Паккер пошел открывать. Оказалось, это Тони.

— Привет, дядюшка, — сказал он. — Ты забыл свою пижаму, и я решил забежать вернуть. Ты оставил ее на кровати.

Он протянул Паккеру небольшой сверток и только тут заметил, что произошло в квартире.

— Боже, дядюшка! Что случилось? Ты никак навел здесь порядок?

Паккер в смущении покачал головой.

— Да нет, Тони. Тут произошло нечто необъяснимое...

Племянник прошел в гостиную и остановился, восхищенно и несколько ошарашенно оглядывая комнату.

— Ты славно потрудился, дядюшка.

— Я палец о палец не ударил.

— А! Понятно. Нанял кого-то, чтобы здесь убрали, пока ты гостил у нас.

— Нет, что ты. Все случилось сегодня утром. И всю работу сделала вот эта штуковина. — Паккер указал на корзину.

— Да ты, видимо, рехнулся, дядюшка, — без тени сомнения заявил Тони. — Совсем крыша поехала.

Тони настороженно обошел вокруг корзины, затем протянул руку и ткнул пальцем в желтую булькающую массу.

— Похоже на тесто, — сообщил он, выпрямился и посмотрел Паккеру в глаза: — А ты меня не разыгрываешь?

— Я понятия не имею, что это такое, — ответил Паккер, — и не знаю, как и зачем оно навело у меня порядок, но клянусь, все это — чистая правда.

— А знаешь, дядюшка, — задумчиво сказал Тони, — тут, кажется, что-то есть...

— Не сомневаюсь.

— Нет, я серьезно. Не исключено, что это величайшее открытие за всю историю человечества... Так значит, ты говоришь, эта чертовщина делает то, что тебе нужно?

— В общем, да, — сказал Паккер. — Только я не понимаю — как. У нее определенно есть ощущение порядка, и она делает ту

работу, которую тебе нужно. Она словно понимает тебя — даже предвидит твои желания. Может быть, на самом деле это мозг с огромным пси-потенциалом. Видишь ли, я тут перед отъездом разглядывал один конверт с желтой маркой...

И он рассказал ему все, что с ним произошло.

Тони задумчиво слушал, теребя себя за подбородок.

— Так, ладно, дядюшка, — произнес он наконец, — все ясно. Мы не знаем, что это такое и как оно действует, но давай пораскинем мозгами. Представь себе ведерко этой вот чертовщины в какой-нибудь конторе — в большой, серьезной конторе. Они смогут добиться такой эффективности, какая им и не снилась. Эта штуковина будет сортировать и хранить бумаги, регистрировать документацию и вообще поддерживать полный порядок в делах. У них никогда ничего не потеряется! Все будет лежать на своих местах, а найти нужный документ можно будет в считанные секунды. Скажем, босс или еще кто хочет посмотреть какое-нибудь досье; хлоп! — и оно уже на столе. Да с такой штуковиной можно вообще уволить всех клерков! Или, например, библиотека: она может работать даже без библиотекарей, и еще как! Но больше всего пользы эта чертовщина принесет в крупных конторах — в страховых фирмах, в промышленных корпорациях или транспортных компаниях. Тут ей просто цены нет.

Паккер немного растерянно покачал головой.

— Может быть, Тони, может быть, но кто тебе поверит? Кто обратит внимание? Это слишком фантастичный план. Ты просто станешь посмешищем.

— Ну, это все ты оставь мне, — сказал Тони. — Я знаю, что надо делать, и тебе без меня не обойтись.

— Ага! Значит, мы уже деловые партнеры.

— У меня есть друг... — Послушать его, так у Тони везде друзья. — Он разрешит мне провести проверку. Мы поставим ведерко с этой штуковиной у него в конторе и посмотрим, что получится. Он огляделся, уже готовый действовать. — У тебя есть ведро?

— На кухне должно быть.

— А мясной бульон? Ты ведь облил марку мясным бульоном?

Паккер кивнул.

— Кажется, есть банка консервированного.

Тони почесал в голове.

— Значит, так, дядюшка: прежде всего нам нужен стабильный источник поставок.

— У меня осталось еще несколько таких конвертов. Все — с марками. Мы можем использовать один из них.

Тони нетерпеливо отмахнулся.

— Нет, так не пойдет. Эти конверты — наш резервный фонд. Их нужно спрятать куда-нибудь в сейф — на крайний случай. Но сдается мне, мы сможем вырастить не одно ведро этой штуковины из того, что у нас уже есть. Отчерпнем немного, подкормим бульоном и...

— Но откуда ты знаешь?..

— А тебе не кажется странным, дядюшка, что спор на марке и бульона, который ты пролил, оказалось ровно столько, чтобы заполнить желтой массой одну мусорную корзину до краев?

— Да, в общем-то, но...

— По-моему, эта чертовщина разумна. Или, во всяком случае, она знает, что делает. Так сказать, сама себе устанавливает правила. Ты ей дал корзину, и она живет в ней, никуда не выползает. Разрослась как раз до краев и немного вытекла, но лишь для того, чтобы приклеить корзину к полу. И все. Она не прет через край, не заполняет комнату — короче, знает свое место.

— Может быть, ты и прав, но это не объясняет.

— Подожди секунду, дядюшка. Вот смотри.

Тони сунул руку в корзину и вырвал кусок желтой массы.

— Теперь следи за корзиной.

Прямо у них на глазах споры расплзлись и заполнили пустое пространство. Спустя несколько минут корзина снова была полна до краев.

— Видишь, что я имею в виду? — сказал Тони. — Дашь ей больше места — она вырастет. Нужно только кормить. А уже место мы ей дадим — много-много ведер — и пусть растет сколько душе угодно...

— Черт, дашь ты мне сказать, наконец?! Я тебя хочу спросить, что мы будем делать, чтобы она не приклеивалась к полу? Ну, разведем мы еще ведро этой чертовщины или несколько ведер, а они возьмут и приклеятся тут к полу, как первое.

— Очень хорошо, что ты об этом подумал. Но я знаю, что надо делать — мы просто подвесим ведро за ручку. Подвесим, и ей не к чему будет приклеиваться.

— Хм-м... Ладно. Похоже, мы все предусмотрели. Пойду разогрею бульон.

Они разогрели бульон, нашли ведро и подвесили его на рукоятку швабры, уложенной на спинки двух стульев. Затем бросили туда кусок желтой массы, вырванной из мусорной корзины, и приготовились наблюдать. Однако масса лежала куском и, похоже, совсем не собиралась расти.

— Выходит, я был прав, — заявил Тони. — Чтобы она начала расти, ей нужно немного бульона.

Он плеснул в ведро бульон, но спустя несколько секунд масса растаяла, расплзлась и превратилась в тягучую черную жижу.

— Что-то здесь не так, — обеспокоенно сказал Тони.

— Да уж, — согласился Паккер.

— Знаешь, у меня есть идея, дядюшка. Очевидно, ты в первый раз облил марку другим бульоном. У разных фирм, что производят консервы, наверняка и разная рецептура. Дело, скорее всего, не в самом бульоне, а каком-то ингредиенте, который побуждает споры к росту. Похоже, у нас не тот бульон.

Паккер смущенно шаркнул ногой.

— Тони, я не помню, какой был бульон.

— Но ты должен вспомнить! — закричал Тони. — Думай! Ты должен вспомнить, что это была за фирма!

С несчастным видом Паккер шумно выдохнул через усы и признался:

— По правде говоря, Тони, я его не покупал. Этот бульон приготовила миссис Фоше.

— Вот, уже кое-что! Кто такая миссис Фоше?

— Любопытная старуха, что живет на этой же лестничной площадке.

— Отлично! Тебе надо лишь попросить, чтобы она приготовила еще немного.

— Я не могу, Тони.

— Но нам нужна всего одна порция. Мы отдадим бульон на анализ, чтобы узнать состав, и дело сделано!

— Она захочет узнать, зачем мне бульон. И всем расскажет, как я ее попросил. Возможно, она даже догадается, что здесь дело нечисто.

— Вот этого допустить нельзя, — озабоченно произнес Тони. — Все должно остаться между нами. Зачем нам делиться с кем-то еще?

Он сел и задумался.

— А кроме того, она, наверно, на меня злится, — добавил Паккер. — Перед моим отъездом она таки пробралась в квартиру и до смерти перепугалась, когда увидела мышь. После чего понеслась к управляющему жаловаться.

Тони щелкнул пальцами.

— Придумал! — воскликнул он. — Я знаю, как мы это обтяпаем. Ты иди и ложись в постель, а...

— Еще чего! — проворчал Паккер.

— Послушай, дядюшка, другого выхода нет. Тебе придется мне подыграть.

— Что-то мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Иди ложись в постель и притворяйся больным. Сделай вид, что тебе плохо. А я отправлюсь к этой миссис Фоше и распишу ей, как ты переживаешь из-за того, что ее напугала мышь. Скажу, что ты, мол, весь день вкалывал и приводил квартиру в порядок, только чтобы это не повторилось. Скажу, ты так, мол, работал, что...

— Ни в коем случае, — взвизгнул Паккер. — Она же сюда пулей прилетит! Очень мне это нужно!

— А парочку миллиардов тебе не нужно, а? — сердито спросил Тони.

— Да не особенно, — ответил Паккер. — Душа как-то не лежит.

— Ладно, я скажу ей, что ты совсем не встаешь — сердце, мол, слабое — но ты очень просил приготовить тебе еще такого же бульона.

— Я запрещаю тебе говорить это! — не выдержал Паккер. — Не смей ее приплетать!

— Но, дядюшка, — попытался уговорить его Тони, — если ты не хочешь сделать это ради себя, подумай обо мне. Я у тебя один родственник на всем свете остался. И это первый случай, когда мне выпала возможность действительно разбогатеть. Может быть, я много хвастаюсь и делаю вид, что процветаю, но на самом деле... — Он понял, что это не довод и сменил тактику: — Ну хорошо, если не ради меня, то сделай это хотя бы ради Энн, ради ребятшек. Тебе же не хочется, чтобы маленьким бедняжкам пришлось...

— Ладно, заткнись, а то ты еще расплачешься сейчас, — сказал Паккер. — Черт с тобой, я согласен.

Вышло еще хуже, чем он предполагал. Знал бы он заранее, что так получится, — в жизни бы не согласился на такую авантюру.

Вдова Фоше сама принесла кастрюльку с бульоном. Затем села на край кровати, приподняла ему голову и, суюкая, принялась кормить его с ложки.

Он чуть не провалился от стыда.

Но то, что им было нужно, они все-таки получили.

Когда вдова Фоше решила, что ему уже достаточно, в кастрюльке осталось еще примерно столько же, и она оставила бульон им. «Бедняжке он еще пригодится», — сказала она.

Время приближалось к трем, и с минуты на минуту должна была явиться вдова Фоше с бульоном.

При мысли о бульоне у Паккера сдавило горло.

«В один прекрасный день, — пообещал он себе, — я разобью Тони башку». Если бы не этот проныра, ничего бы и не началось.

Прошло уже полгода, и каждый божий день она приносила свой бульон, садилась рядом и начинала без умолку трещать, а он тем временем должен был через силу вливать в себя целую тарелку. И хуже всего то, что приходилось делать вид, будто бульон ему нравится.

А она-то как радовалась! Боже, ну откуда в ней столько веселости и энергии? *Toujours gai*¹, припомнилось ему французское

¹ *Toujours gai* (фр.) — всегда веселый. (Примеч. пер.)

выражение. Как тот ненормальный кот, которого древний писатель описал в своих глупых стишках¹.

«И надо же до этого додуматься! Чеснок в говяжьем бульоне! Ну кто о таком слышал?» — беспомощно сокрушался Паккер. Ведь это просто... варварство! Особый рецепт, называется... Однако именно чеснок подействовал на споры, именно эта питательная среда пробудила их к жизни и заставила расти.

А возможно, чеснок в бульоне пошел на пользу и ему самому, признавал Паккер. Уже долгие годы он не чувствовал себя так славно. В походке появилась упругость, да и уставать он стал гораздо меньше. Раньше его всегда клонило после полудня в сон, и он ложился вздремнуть, а теперь об этом и не вспоминал. Работал как обычно, нет, даже больше обычного и — если не принимать в расчет вдову с бульоном — считал себя очень счастливым человеком. Да, именно так — очень счастливым.

И если Тони не станет отрывать его от марок, ему этого счастья надолго хватит. Тони молодой, шустрый, вот пусть и тащит на себе корпорацию «Эффективность». В конце концов, он сам на этом настаивал. Хотя, надо признать, дела у него идут отлично: множество промышленных предприятий, страховых компаний, банковских контор и прочих организаций уже сделали заказы. Пройдет какое-то время, утверждал Тони, и ни одному деловому человеку даже в голову не придет, что можно обойтись без услуг корпорации «Эффективность».

Прозвенел звонок, и Паккер пошел открывать. Наверняка вдова Фоше со своей кастрюлькой.

Оказалось, нет.

— Мистер Клайд Паккер? — спросил человек, стоявший на лестничной площадке.

— Да, сэр, — ответил Паккер. — Проходите, пожалуйста.

— Меня зовут Джон Гриффин, — сказал гость, сев в предложенное кресло. — Я представляю Женеву.

— Женеву? Вы имеете в виду правительство?

Гриффин предъявил свои документы.

— Хорошо. Чем могу быть полезен? — спросил Паккер несколько прохладным тоном, поскольку большой любви к правительству не испытывал.

— Насколько я понимаю, вы являетесь старшим партнером в корпорации «Эффективность», верно?

— Кажется, так оно и есть.

— Вы не уверены?!

— Не на все сто. Я, безусловно, партнер, а вот старший или еще как, утверждать не стану. Всеми делами заправляет Тони, и я в них не вмешиваюсь.

---

¹ Имеется в виду книга детского писателя Доктора Сюсса «Кот в шляпе». (Примеч. пер.)

— Вы и ваш племянник — единственные владельцы фирмы?

— Вот это абсолютно точно. Мы никого не хотим брать в долю.

— Мистер Паккер, в течение определенного времени правительственные службы вели переговоры с мистером Кампером... Он ничего вам об этом не рассказывал?

— Ни слова. Я занят своими марками, и он старается меня не беспокоить.

— Мы заинтересованы в ваших услугах, — сказал Гриффин, — и пытались их купить.

— Пожалуйста. Платите деньги и...

— Но вы не знаете сути проблемы. Мистер Кампер настаивает на отдельных контрактах для каждого подразделения правительственных служб. Получается чудовищная сумма...

— Оно того стоит, — заверил гостя Паккер. — Можете не сомневаться.

— Но это несправедливо, — твердо сказал Гриффин. — Мы готовы заключить соглашения по каждому департаменту, хотя и это — уступка с нашей стороны, поскольку правительство положено бы рассматривать как одного заказчика.

— Послушайте, — не выдержал Паккер. — Зачем вы со мной об этом говорите? Я не занимаюсь делами корпорации. Этими вопросами ведает Тони. Вам придется вести переговоры с ним. Я лично в мальчишку верю: у него голова варит. А меня «Эффективность» мало интересуется — только марки.

— Вот именно, — обрадованно произнес Гриффин. — Я об этом и хотел поговорить.

— В смысле?

— Дело в том, — Гриффин перешел на доверительную интонацию, — что наше правительство получает ежедневно вместе с почтой множество марок. Не помню точную цифру, но это несколько тонн филателистического материала в день со всех планет Галактики. В прошлом мы реализовывали их через несколько филателистических компаний, но теперь администрация склоняется к тому, чтобы предложить весь филателистический материал оптом — и весьма недорого — в качестве условия заключения сделки.

— Отлично. Но что я буду делать с марками, если они будут поступать по несколько тонн в день?

— Не знаю. Но ведь вы так интересуетесь марками, а это великолепная возможность первому покопаться в превосходном материале. Думаю, что вам вряд ли кто предложит такой богатый источник.

— И вы хотите уступить все это мне, если я уговорю Тони пойти вам на уступки?

Гриффин расплылся в счастливой улыбке.

— Вы прекрасно меня понимаете.

Паккер хмыкнул.

— Понимаете?! Да я вас насквозь вижу!

— О, я бы не хотел, чтобы у вас создалось неверное представление о правительстве. Это деловое предложение, чисто деловое.

— Надо полагать, за эти горы бумаги, от которых я вас избавлю, вы рассчитываете получить лишь небольшую номинальную плату?

— Чисто условную, — заверил его Гриффин.

— Хорошо. Я подумаю и сообщу вам свое решение. Но сейчас, разумеется, ничего обещать не буду.

— Конечно, мистер Паккер. Я не стану вас торопить.

Когда Гриффин ушел, Паккер задумался о его предложении, и чем больше он думал, тем привлекательнее оно ему казалось.

Можно будет арендовать большое складское помещение, установить там «Корзину эффективности» и просто сваливать туда все новые поступления — «Корзина» рассортирует их сама.

У него не было уверенности, что одна корзина справится с подробной классификацией — разве что разберет материал по планетарным группам — но если так, он просто установит еще одну, и уж с двумя-то корзинами он сможет добиться любой точности. А после того как они отберут для него наиболее цепные экземпляры, он передаст весь хлам специально созданной торговой организации — продавать по таким ценам, что все остальные дельцы от филателии просто вылетят в трубу.

Паккер удовлетворенно потер руки, представляя, как он «разденет» всех этих жуликов. Сами они такое вытворяют, что им только поделом будет.

Радужные перспективы омрачала только одна маленькая деталь. Конечно, предложение Гриффина — это почти то же самое, что взятка, хотя чего еще ожидать от правительства? В администрации полно взяточников, вымогателей, лоббистов, «борцов за особые интересы» и прочих жуликов. Возможно, никто ничего и не подумает, если он согласится на сделку с марками — кроме оптовых торговцев, разумеется, но они-то уж никак не могут помешать: им останется только сесть на задние лапы и выть на луну.

Однако имеет ли он право вмешиваться в дела Тони? Ему, конечно, несложно будет упомянуть об этом при случае, и Тони скажет «да». Но вот стоит ли?

Паккер мучился, не находя ответа и даже не приближаясь к нему, пока в дверь снова не позвонили.

На этот раз пришла вдова Фоше, но с пустыми руками. Без бульона.

— Добрый день, — сказал Паккер. — Сегодня вы несколько позже.

— Я было уже собралась, но увидела, что у вас посетитель. Он уже ушел?

— Да, не очень давно.

Она шагнула через порог, и Паккер закрыл за ней дверь.

— Мистер Паккер, — сказала вдова Фоше, когда они прошли в гостиную, — я должна извиниться: сегодня без бульона. По правде говоря, мне немного надоело варить его каждый день.

— В таком случае, — галантно произнес Паккер, — угощение сегодня за мной.

Он открыл ящик стола и достал новую коробочку с листьями, присланную ПугАльНашем всего днем раньше. Почти благоговейно Паккер открыл крышку и протянул коробочку вдове Фоше. Та невольно шагнула назад.

— Попробуйте, — предложил Паккер. — Возьмите щепотку. Только не глотайте, а жуйте.

Вдова осторожно отщипнула пальцами кусочек высушенного листка.

— Это слишком много, — предостерег ее Паккер, — нужно совсем чуть-чуть. Да и достать их нелегко.

Она сунула щепотку зелени в рот. Паккер, улыбаясь, следил за выражением ее лица. Поначалу вдова выглядела так, словно он предложил ей яд, но вскоре откинулась на спинку кресла и успокоилась — видимо, решила, что смертельная опасность ей не угрожает.

— У меня такое впечатление, — произнесла она, — что я за всю свою жизнь ничего похожего не пробовала.

— Наверняка не пробовали. Возможно, кроме меня самого, вы — единственный человек на Земле, кто попробовал это лакомство. Я получаю его от своего друга, который живет на планете у очень далекой звезды. Его зовут ПугАльНаш. Он регулярно присылает мне бандероли с этими листьями и всегда прикладывает небольшие записки.

Паккер поискал в ящике и нашел последнюю.

— Вот послушайте, — сказал он и прочел записку вслух:

Дараго друг: я в огромный щастье твой последний посылка с табак. Пжалста еще тот самый. Ты неznать что я прарочиский и смотреть вперед тебе. Но так как это есть и я огромный радость сделает такой задача для друг. Я заверить ты это все к лучший. Можетбыт ты скоро богатеть много.

*Твой добрый друг
ПугАльНаш.*

Паккер бросил записку на стол.

— И что вы об этом думаете? — спросил он. — Особенно о том, что он пророк и видит мое будущее?

— Наверно, ничего страшного. Он же утверждает, что вы скоро разбогатеете.

— А по-моему, это очень напоминает цыганские предсказания, мне поначалу даже как-то не по себе стало.

— Почему же?

— Потому что я не хочу знать, что со мной случится. А он как-нибудь возьмет и напишет. Если бы человек мог видеть будущее, он бы знал, например, когда умрет, и как, и прочие...

— Мистер Паккер, — перебила вдова, — я думаю, вам еще рано об этом беспокоиться. Готова поклясться, вы с каждым днем выглядите все моложе и моложе.

Паккер зарделся от удовольствия.

— Вообще-то говоря, я и чувствую себя гораздо лучше. Давно уже такого не было.

— Может быть, это листья так действуют?

— Нет, я думаю — дело здесь, скорее, в вашем бульоне.

Короче, время за беседой протекло легко и приятно — более приятно, признал Паккер, чем можно было ожидать, но когда вдова Фоше ушла, в мыслях вдруг всплыл вопрос, от которого ему стало даже как-то не по себе: с чего это он так расщедрился и предложил ей — ей! — попробовать листья?

Паккер спрятал коробочку в ящик стола и снова взял в руки письмо ПугАльНаша, разгладил и прочитал.

Ошибки невольно заставили его улыбнуться, но улыбка быстро погасла. Как бы там ни было, ПугАльНаш все же его опередил, освоил — пусть даже и так — земной язык, тогда как самому Паккеру язык Пуга оказался не по силам.

Я пророчиский и сматреть вперед тебе.

С ума можно сойти! Хотя не исключено, что это просто шутка — или нечто такое, что на планете Пуга заменяет шутки.

Паккер отложил письмо в сторону. Смутное беспокойство, вызванное всеми накопившимися проблемами, необходимостью что-то решать, не давало сидеть на месте. Расхаживая по квартире, он продолжал думать.

Как ответить на предложение Гриффина?

Почему он угостил листьями вдову Фоше?

Что кроется за этой фразой в письме Пуга?

Он подошел к книжному шкафу, провел пальцем по широким корешкам «Галактического обзора» и, выбрав нужный том, отнес тяжелую книгу на стол.

Долго искал и наконец отыскал звезду Унук-аль-Хэй. Пуг, он помнил, жил на десятой планете системы.

Наморщив лоб, Паккер принялся расшифровывать сжатые фразы и дикие, порой загадочные сокращения Неудобно, конечно, но смысл здесь тоже есть: в Галактике слишком много планет, которые необходимо включить, и даже в таком виде

справочник занимал несколько толстенных томов, а уж с полным текстом и подробными описаниями он стал бы просто неподъемным.

Х — м. изуч. пл., раз. обит., непр. д. л. (Т-67), торг. поср. (Т-102), леч. тр., лег. прор., тр. яз...

Секундочку!

Лег. прор.

Может быть, это «легенда о пророчестве»?

Он снова перечитал абзац, переводя текст на привычный язык:

Х — мало изученная планета, разумные обитатели, непригодна для людей (см. таблицу 67), торговля через посредников (см. таблицу 102), лечебные травы, легенда о пророчестве или «легализованное пророчество»? , трудный язык...

«Насчет языка — это точно», — подумал Паккер. За долгие годы он научился разбираться во многих галактических языках — во всяком случае, для его целей этих знаний хватало — но язык Пуга так и остался для него полной загадкой.

Лег. прор.?

Ни в чем нельзя быть уверенным, но кто знает, может, это и правда...

Он захлопнул справочник и отнес книгу на место.

«Значит, смотришь в будущее? Почему бы это? Для чего? — подумал он, мысленно обращаясь к своему другу, и, ухмыльнувшись, добавил: — Ох и дождешься ты у меня, сверну я тебе твою длинную, тощую шею, чтоб не лез, куда не просили».

Последнее, разумеется, в шутку: слишком уж далеко ПугАль-Наш жил, да и неизвестно еще, какая у него шея, если она вообще есть.

Когда пришло время укладываться на ночь, Паккер переоделся в ярко-красную с желтыми попугаями пижаму и сел на краю кровати, шевеля пальцами ног.

«Ничего себе денек выдался», — подумал он.

Нужно будет поговорить с Тони насчет сделки, предложенной правительством. Может быть, даже настоять на своем мнении — несмотря на то что при этом несколько упадут доходы корпорации «Эффективность». Зачем же отказываться от того, что хочется, если оно само идет в руки? Тони еще, того и гляди, обдерет его как липку. Пора бы уже, но, видимо, он пока слишком занят делами, чтобы всерьез планировать, как обжулить своего компаньона. Хотя это и странно: нечестный доллар всегда радовал его гораздо больше, чем законный.

Паккер вспомнил, как сказал Гриффину, что верит в Тони. Что ж, похоже, он сказал правду. Верит и даже гордится. Спору

нет, Тони еще тот тип... Подумав об этом, Паккер самодовольно улыбнулся. «Ну прямо как я в молодости».

Вспомнить хотя бы ту тройную сделку с поддельной старинной мебелью в английском стиле, с картинами с Антареса и местной разновидностью самогона из системы Крысы! Боже, как он их всех тогда обобрал!

Зазвонил телефон, и Паккер двинулся в гостиную, шлепая босыми ногами по полу.

Телефон продолжал трезвонить.

— Иду уже! — сердито крикнул Паккер. — Иду!

Он подошел к телефону и снял трубку.

— Это Пикеринг, — сказал голос в трубке.

— Пикеринг... О да. Рад вас слышать.

— Мы договаривались насчет конверта из системы Полярной звезды.

— Да, Пикеринг, я вас помню.

— Вы случайно не отыскиали тот конверт?

— Отыскал, но, извините, там полоска только из четырех марок. Я говорил тогда о пяти, но, сами понимаете, память. Годы идут, и...

— Мистер Паккер, вы согласны продать этот конверт?

— Продать? Да, ведь я обещал. Дал слово, сами понимаете... Хотя теперь об этом жалею.

— Он в хорошем состоянии?

— Мистер Пикеринг, учитывая, что это единственный конверт...

— Могу я подъехать в ближайшее время взглянуть на него?

— Пожалуйста. Когда вам угодно.

— Вы подержите его для меня?

— Разумеется, — согласился Паккер. — В конце концов, никто кроме вас, и не знает еще, что у меня есть этот конверт.

— А цена?

— М-м-м... Я говорил о четверти миллиона, но речь тогда шла о полоске из пяти марок. Поскольку их только четыре, можно несколько снизить цену. Я же не вымогатель, и со мной всегда можно договориться.

— Да уж, — сказал Пикеринг с ноткой обиды в голосе.

После того как они распрощались, Паккер долго сидел в кресле, положив ноги на стол, шевелил пальцами и удивленно разглядывал их, словно никогда раньше не видел.

Сначала он продаст Пикерингу конверт с полоской из четырех марок за двести тысяч. А затем пустит слух, что существует конверт с полоской из пяти. Пикеринг, когда узнает, будет вне себя. Конечно, он испугается, что кто-нибудь его опередит и купит конверт с пятью марками, тогда как у него есть только четыре. Такого позора коллекционер вроде Пикеринга просто не вынесет.

Паккер усмехнулся и произнес вслух:

— Ключнул.

За конверт с пятью марками он, возможно, выручит сразу полмиллиона. И Пикеринг никуда не денется, выложит. Нужно будет только назначить цену повыше и позволить ему сбить ее до пяти-сот тысяч...

Часы на столе показывали десять — обычно он в девять уже лежал в постели.

Паккер пошевелил пальцами ног. Странное дело — не то что спать, но даже ложиться не хотелось. Он и разделся-то только по привычке.

Девять часов, надо же. В такую рань — и ложиться спать. Но ведь было время, когда он раньше полуночи об этом даже и не думал. А то, случилось, и вовсе не ложился, вспомнил Паккер, добродушно усмехаясь.

Однако в те годы ему было чем заняться, куда пойти, с кем встретиться. И елось тогда славно, и пилося в удовольствие... Не то что сейчас. Теперь и выпивку-то делают какую-то не ту, и повара хорошие перевелись. А что касается развлечений... Эх, да что там говорить. Друзья тоже — кого-то уже нет, с другими, просто жизнь развела в стороны. Все ушли.

«Ничто не вечно», — подумал Паккер.

Он сидел, шевелил пальцами ног и смотрел на часы. Непонятно почему, но его вдруг охватило странное будоражащее чувство.

Тишину квартиры нарушали только два звука — мягкое тиканье часов и неторопливое бульканье корзины со спорами.

Паккер наклонился над краем стола и взглянул на корзину: стоит как вкопанная — полная корзина небывальщины, пробудившейся вдруг к жизни.

Когда-нибудь, подумалось ему, кто-нибудь наверняка узнает, откуда взялись эти споры, с какой далекой планеты в туманных далях у окраины Галактики. Может быть, даже сейчас нетрудно определить, где выпускаются марки — если только он поделится с кем-нибудь своей информацией, если покажет кому-нибудь в правительстве эти конверты. Но и конверты, и информация стали теперь коммерческой тайной — слишком ценной, чтобы делиться ею с кем-то посторонним, а потому конверты заперты сейчас в надежном банковском сейфе.

Разумные споры — отличное средство для доставки почты. Наносишь немного этой желтой каши на конверт или бандероль, пишешь адрес — и готово! А когда письмо доставлено, споры покрываются оболочками и ждут, пока снова кому-нибудь не понадобятся.

Сегодня они работают на Земле, и, может быть, наступит день, когда они возьмут на себя заботу о порядке на всей планете; будут мыть улицы и собирать мусор — в конце концов они уста-

новят на Земле эру чистоты и порядка, какой еще не знала ни одна галактическая раса.

Паккер пошевелил пальцами и еще раз взглянул на часы. Стрелки показывали почти половину одиннадцатого, но спать совсем не хотелось.

«А чего я сижу? — подумал Паккер. — Может быть, переодеться и пойти погулять, как говорится, при луне?» На небе действительно светила полная луна, он видел ее в окно. «Совсем сдурел», — тут же сказал он себе, отдуваясь сквозь усы, однако снял ноги со стола и направился переодеваться.

По пути в спальню он невольно хмыкнул, представив себе, как обдерет этого беднягу Пикеринга...

Склонившись перед зеркалом, он пытался завязать галстук, и тут настойчиво зазвонили в дверь.

«Если это Пикеринг, — подумал Паккер, — я его спущу с лестницы. До утра не мог подождать...»

Оказалось, это не Пикеринг. На визитной карточке, которую протянул посетитель, значилось, что его зовут Фредерик Хазлитт и что он президент торговой корпорации.

— И чего же вы от меня хотите, мистер Хазлитт?

— Я хотел бы поговорить с вами, — ответил он, воровато оглядываясь. — Мы здесь одни?

— Одни, не беспокойтесь.

— Дело, которое привело меня к вам, носит довольно деликатный характер и очень меня тревожит. Я обратился именно к вам, а не к мистеру Камперу, потому что наслышан о ваших деловых качествах. Я чувствую, что вы сможете понять мои затруднения, тогда как мистер Кампер...

— Что ж, выкладывайте, что произошло, — добродушно предложил Паккер. У него вдруг возникло ощущение, что разговор доставит ему удовольствие. Гость был явно чем-то расстроен и очень напуган.

Хазлитт наклонился вперед, и голос его упал почти до шепота:

— Дело в том, мистер Паккер, — признался он с содроганием, — что я становлюсь честным.

— Это ужасно, — сказал Паккер сочувственно.

— Вот именно. Человек в моем положении — да и любой бизнесмен — просто не может быть честным. Могу сказать вам по секрету, мистер Паккер, что на прошлой неделе я потерял колоссальную сумму на одной из самых больших своих операций — и все потому, что стал честным.

— Но может быть, если вы сделаете над собой усилие, постараетесь, так сказать, от души, вам удастся хотя бы частично сохранить бесчестность?

Хазлитт удрученно покачал головой.

— Поверьте, сэр, я пытался, но ничего не выходит. Вы и не представляете, как я старался. Но несмотря ни на что, я теперь всем говорю правду. Мне никого не удастся обмануть, даже заказчиков. А на днях дошло до того, что я сам срезал свои показатели чистого дохода до более реалистичных цифр.

— Какой кошмар! — воскликнул Паккер.

— И все это из-за вас! — взвизгнул Хазлитт.

— Из-за меня? — Паккер возмущенно запыхтел сквозь усы. — Поверьте, мистер Хазлитт, я просто не понимаю, откуда у вас могла появиться такая мысль. Я не имею к вашим проблемам никакого отношения.

— А эти ваши комплекты? «Эффективность»? Это они во всем виноваты!

— Мистер Хазлитт, продукция нашей компании тут совершенно ни при чем, — рассерженно заявил Паккер. — Комплекты «Эффективность» всего лишь...

Тут он умолк.

Боже правый, а ведь они и в самом деле могли...

Сам он уже много лет не чувствовал себя так хорошо; даже перестал спать днем, а теперь вот собрался посреди ночи идти гулять.

— Давно это началось? — спросил Паккер, борясь с накатывающим страхом.

— Месяц назад, по крайней мере, — ответил Хазлитт. — Думаю, первые признаки я заметил месяц назад, может быть, полтора.

— Почему вы просто не выкинули наш комплект?

— Выкинул! — взвизгнул Хазлитт. — Но толку никакого.

— Ничего тогда не понимаю. Если вы выкинули комплект «Эффективность», все должно было кончиться.

— Я тоже поначалу так думал, но ничего не вышло. Эта желтая чертовщина теперь везде. В трещинах пола, в воздухе; от Нее невозможно избавиться.

Паккер сочувственно хмыкнул.

— Вы можете перебраться на новое место.

— А вы представляете, во сколько мне обойдется переезд, Паккер? И кроме того, это бесполезно. Споры уже у меня внутри! — Он постучал себя по груди. — Я чувствую, что они там — делают из меня честного, порядочного человека, у которого все разложено по полочкам, как в наших картотеках. А я не хочу быть порядочным, Паккер! Я хочу делать деньги! Много денег!

— Возможно, вас утешит, что то же самое происходит и с вашими конкурентами.

— Пусть даже и так, — возразил Хазлитт, — но будет уже неинтересно жить. Зачем, вы думаете, люди занимаются бизнесом? Только лишь для того, чтобы открыть новые возможности, счита-

ться предпринимателями и делать деньги? Совсем нет — это азарт, игра: или ты оставишь конкурента без штанов, или потеряешь последнее...

— Аминь, — громко произнес Паккер.

Хазлитт бросил на него недоуменный взгляд.

— Вы что, тоже?

— Боже упаси, — самодовольно ответил Паккер. — Я каким был пройдохой, таким и остался.

Хазлитт устало откинулся на спинку кресла. Теперь его голос звучал резко, холодно:

— Я хотел было разоблачить вас, предупредить мир, но потом понял, что не могу...

— Разумеется, не можете, — отрезал Паккер. — Зачем же вам становиться посмешищем? Вы ведь из тех людей, кому даже мысль об этом кажется совершенно невыносимой.

— Что вы задумали, Паккер?

— Задумал?

— Вы распространили эту чертовщину по всему миру, и, видимо, вам с самого начала было ясно, что произойдет. Однако на вас споры вроде бы не повлияли. Что вы замыслили? Подмять под себя всю планету?

Паккер надул щеки и выпустил воздух через усы.

— Вообще-то я об этом не думал. Но идея интересная. — Он встал, выпрямился и добавил: — Пожалуй, я немного стар для этого, но несколько лет у меня все же осталось. Я еще в отличной форме. Давно уже так себя...

— Вы куда-то собирались, — сказал Хазлитт, поднимаясь. — Не смею вас задерживать.

— Благодарю вас, сэр. Я заметил, какая сегодня луна, и решил прогуляться. Может быть, вы ко мне присоединитесь?

— У меня есть дела поважнее, чем прогулки при луне, Паккер.

— Не сомневаюсь, — ответил Паккер, отвесил сдержанный поклон. — У такого честного, порядочного бизнесмена наверняка полно дел.

Уходя, Хазлитт громко хлопнул дверью.

Паккер вернулся в спальню и снова занялся галстуком.

Хазлитт — и вдруг честный человек! Подумать только. Сколько их еще стало честными к сегодняшнему вечеру? А сколько будет через год? Как скоро станет честной вся Земля? Если споры прячутся в трещинах и разносятся ветром и реками, то, возможно, очень скоро.

Наверно, именно поэтому Тони его еще не надул. Видимо, Тони тоже становится честным. «Жаль, — подумал Паккер без всякой иронии. — Если это случится — он уже не будет так интересен».

А что же станет с правительством? С правительством, которое само просит продать споры — можно сказать, просит сделать их честными, хотя на самом деле они еще ничего об этом не знают.

«Честное правительство! Вот это фокус, — подумал Паккер. — Впрочем, так им, паразитам, и надо! Вот у них у всех физиономии вытянутся!»

Он оставил наконец попытки завязать галстук, сел на кровать и несколько минут трясся от неудержимого раскатистого смеха. Затем стер выступившие слезы и все-таки справился с галстуком.

Завтра утром он первым делом свяжется с Гриффином и договорится о поставках марок. Нужно будет поторговаться, конечно, а под конец предложить чуть больше той суммы, на которой они сойдутся — за долгосрочный контракт. Честное правительство будет слишком честным, чтобы пойти на попятную, даже если, обретя это новое качество, они сообразят, как их нагрели. Честность, к счастью, подразумевает выполнение обязательств и в неудачной сделке, как бы ее ни заключали.

Паккер надел пиджак и прошел в гостиную. Остановился у стола, выдвинул ящик и открыл коробочку с листьями от ПугАльНаша. Затем взял щепотку, но не успел поднести ее ко рту и застыл, пораженный новой мыслью. Все фрагменты головоломки встали на свои места, и он неожиданно понял, хотя и не задавался еще таким вопросом, почему на всей Земле лишь ему одному удалось остаться нечестным.

Я прарочиский и сматреть вперед тебе!

Паккер сунул щепотку листьев в рот и почувствовал их успокаивающее действие.

«Противоядие», — подумал он и тут же понял, что прав.

Но откуда ПугАльНаш знал? Как он предугадал длинную, запутанную вереницу случайных событий, что должны привести к этому вот мгновению?

Лег. прор.?

Паккер закрыл коробочку, задвинул ящик и направился к двери.

Единственный нечестный человек на всей Земле, это надо же! Человек с иммунитетом против порядочности, которую прививают желтые споры, с иммунитетом, что выработался в нем за долгие годы употребления этих листьев.

Он уже приготовил ловушку для Пикеринга, завтра займется правительством. И одному Богу известно, на что он еще способен. Хазлитт говорил что-то насчет всей планеты... В общем-то, неплохая идея, хватило бы только времени.

Паккер усмехнулся, представив себе, как все честные простаки безропотно ждут своей очереди быть надутыми и ничего не

могут поделаться — жертвы одного-единственного нечестного человека на всей планете. Ну прямо волк среди овец!

Он расправил плечи и старательно натянул белые перчатки, взмахнул тростью, затем стукнул себя в грудь — лишь один раз — и вышел на лестничную площадку, даже не заперев за собой дверь.

Выходя в холле из лифта, Паккер увидел вдову Фоше. Она, видимо, возвращалась из гостей и, остановившись в дверях, прощалась с друзьями, которые провожали ее до дома.

Паккер по-стариковски учтиво снял шляпу, хотя ему казалось, что он уже давно забыл, как это делается.

Вдова Фоше с деланным удивлением всплеснула руками и воскликнула:

— Мистер Паккер, что с вами случилось? Куда это вы собрались в такое время, когда все порядочные люди спят?

— Минерва, — сказал он совершенно серьезным тоном, — я, знаете ли, собрался прогуляться и вот сейчас подумал, не составите ли вы мне компанию.

Она колебалась всего секунду — просто ради приличия изображая неуверенность и нерешительность.

Паккер шумно выдохнул через усы.

— А кроме того, с чего вы решили, что я порядочный человек? — спросил он и галантно предложил ей руку.

ПОКОЛЕНИЕ, ДОСТИГШЕЕ ЦЕЛИ

Тишина царила много поколений. Потом тишина кончилась. Рано утром раздался Грохот.

Разбуженные люди прислушивались к Грохоту, затаившись в своих постелях. Они знали, что когда-нибудь он раздастся. И что этот Грохот будет началом Конца.

Проснулся и Джон Хофф, и Мери Хофф, его жена. Их было только двое в каютке: они еще не получили разрешения иметь ребенка. Чтобы иметь ребенка, нужно было, чтобы для него освободилось место; нужно было, чтобы умер старый Джошуа, и, зная это, они ждали его смерти. Чувствуя свою вину перед ним, они все же про себя молились, чтобы он поскорее умер, и тогда они смогут иметь ребенка.

Грохот прокатился по всему Кораблю. Потом кровать, в которой, затаив дыхание, лежали Джон и Мери, поднялась с пола и привалилась к стене, прижав их к гудящему металлу. Вся остальная мебель — стол, стулья, шкаф — обрушилась с пола на ту же стену и там осталась, как будто стена стала полом, а пол — стеной. Священная Картина свесилась с потолка, который только

что тоже был стеной, повисела, раскачиваясь в воздухе, и рухнула вниз.

В этот момент Грохот прекратился и снова наступила тишина. Но уже не та тишина, что раньше: хотя нельзя было явственно различить звуки, но если не слухом, то чутьем можно было уловить, как нарастает мощь машин, вновь пробудившихся к жизни после долгого сна.

Джон Хофф наполовину выполз из-под кровати, уперся руками, приподнял ее спиной и дал выползти жене. Под ногами у них была теперь стена, которая стала полом, а на ней — обломки мебели. Это была не только их мебель: ею пользовались до них многие поколения.

Ибо здесь ничто не пропадало, ничто не выбрасывалось. Таков был закон, один из многих законов: здесь никто не имел права расточать, не имел права выбрасывать. Все, что было, использовалось до последней возможности. Здесь ели необходимое количество пищи — не больше и не меньше; пили необходимое количество воды — не больше и не меньше; одним и тем же воздухом дышали снова и снова. Все отбросы шли в конвертор, где превращались во что-нибудь полезное. Даже покойников — и тех использовали. А за многие поколения, прошедшие с Начала Начал, покойников было немало. Через некоторое время, может быть скоро, покойником станет и Джошуа. Он отдаст свое тело конвертору на пользу товарищам, сполна вернет все, что взял от общества, заплатит свой последний долг — и даст право Джону и Мери иметь ребенка.

«А нам нужно иметь ребенка, — думал Джон, стоя среди обломков, — нам нужно иметь ребенка, которого я научу Читать и которому передам Письмо».

О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом. Это зло существовало еще с Начала Начал. Но люди давным-давно, еще во времена Великого Пробуждения, уничтожили его, как и многое другое, и решили, что оно не должно существовать,

Зло он должен передать своему сыну. Так завещал его давно умерший отец, которому он поклялся и теперь должен сдерживать клятву. И еще одно завещал ему отец — беспокойное ощущение того, что закон несправедлив.

Хотя законы всегда были справедливыми. Ибо все они имели какое-то основание. Имел смысл и Корабль, и те, кто населял его, и их образ жизни.

Впрочем, если на то пошло, может быть, ему и не придется никому передавать Письмо. Он сам может оказаться тем, кто должен его вскрыть, потому что на конверте написано: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ». А это, возможно, и есть крайняя необходимость, сказал себе Джон Хофф. И Гро-

хот, нарушивший тишину, и стена, ставшая полом, и пол, ставший стеной.

Из других кают доносились голоса: испуганные крики, вопли ужаса, тонкий плач детей.

— Джон, — сказала Мери, — это был Грохот. Теперь скоро Конец.

— Не знаю, — ответил Джон. — Поживем — увидим. Мы ведь не знаем, что такое Конец.

— Говорят... — начала Мери, и Джон подумал, что так было всегда.

Говорят, говорят, говорят...

Все только говорилось; никто ничего не читал, не писал...

И он снова услышал слова, давным-давно сказанные отцом:

— Мозг и память ненадежны; память может перепутать или забыть. Но написанное слово вечно и неизменно. Оно не забывает и не меняет своего значения. На него можно положиться.

— Говорят, — продолжала Мери, — что Конец наступит вскоре после Грохота. Звезды перестанут кружиться и остановятся в черном небе, и это будет верным признаком того, что Конец близок.

«Конец чего? — подумал Джон. — Нас? Или Корабля? Или самих звезд? А может быть, Конец всего — и Корабля, и звезд, и великой тьмы, в которой кружат звезды?» Он содрогнулся, когда представил Конец Корабля или людей, — не столько из-за них самих, сколько из-за того, что тогда придет конец и замечательному, так хорошо придуманному, такому размеренному порядку, в котором они жили. Просто удивительно: ведь людям всегда всего хватало, и никогда не было ничего лишнего. Ни воды, ни воздуха, ни самих людей, потому что никто не мог иметь ребенка, прежде чем кто-нибудь не умрет и не освободят для него место.

В коридоре слышались торопливые шаги, возбужденные голоса, и кто-то забарабанил в дверь, крича:

— Джон! Джон! Звезды остановились!

— Я так и знала! — воскликнула Мери. — Я же говорила, Джон. Все так, как было предсказано.

Кто-то стучал в дверь.

И дверь была там, где она должна была быть, там, где ей полагалось быть, чтобы через нее можно было выйти прямо в коридор, вместо того чтобы подниматься по лестнице, теперь бесцельно висящей на стене, которая раньше была полом.

Почему я не подумал об этом раньше, спросил он себя. Почему я не видел, что это глупо: подниматься к двери, которая открывается в потолке? А может быть, подумал он, так и должно было быть всегда? Может быть, то, что было до сих пор, было неправильно? Но, значит, и законы могли быть неправильными...

— Иду, Джо, — сказал Джон.

Он шагнул к двери, открыл ее и увидел: то, что было раньше стеной коридора, стало полом; двери выходили туда прямо из кают, и взад и вперед по коридору бегали люди. И он подумал: теперь можно снять лестницы, раз они не нужны. Можно спустить их в конвертор, и у нас будет такой запас, какого еще никогда не было.

Джо схватил его за руку и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в наблюдательную рубку. Звезды стояли на месте.

Все было так, как предсказано. Звезды были неподвижны.

Это пугало, потому что теперь было видно, что звезды — не просто кружащиеся огни, которые движутся на фоне гладкого черного занавеса. Теперь было видно, что они висят в пустоте; от этого дух захватывало, начинало сосать под ложечкой. Хотелось крепче схватиться за поручни, чтобы удержаться в равновесии на краю головокружительной бездны.

В этот день не было игр, не было прогулок, не было шумного веселья в зале для развлечений. Везде собирались кучки возбужденных, напуганных людей. Люди молились в церкви, где висела самая большая Священная Картина, изображавшая Дерево, и Цветы, и Реку, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался. Люди убрали и приводили в порядок на ночь каюты, вешали на место Священные Картины — самое дорогое достояние каждой семьи, — снимали лестницы.

Мери Хофф вытащила Священную Картину из кучи обломков на полу. Джон, стоя на стуле, прилаживал ее к стене, которая раньше была полом, и размышлял, как это получилось, что каждая Священная Картина немного отличается от других. Это впервые пришло ему в голову.

На Священной Картинае Хоффов тоже было Дерево, и еще были Овцы под Деревом, и Изгородь, и Ручей, а в углу — несколько крохотных Цветов. Ну, и, конечно, Трава, уходившая вдаль до самого Неба.

Когда Джон повесил Картину, а Мери ушла в соседнюю каюту посудачить с другими перепуганными женщинами, он пошел по коридору, стараясь, чтобы его походка казалась беззаботной, чтобы никто не заметил, как он спешит.

А он спешил: неожиданная для него самого необыкновенная торопливость, как сильная рука, толкала его вперед.

Он старательно притворялся, будто ничего не делает, просто убивает время. И это было легко, потому что он только это и делал всю жизнь; и никто ничего другого не делал. За исключением тех — счастливцев или неудачников, — у которых была работа,

переданная по наследству: уход за скотом, за птицей или за гидроропными оранжереями.

Но большинство из них, думал Джон, медленно шагая вперед, всю жизнь только и делали, что искусно убивали время. Как они с Джо с их бесконечными шахматами и аккуратной записью каждого хода и каждой партии. Многие часы они проводили, анализируя свою игру по этим записям, тщательно комментируя каждый решающий ход. А почему бы и нет, спросил он себя. Почему не записывать и не комментировать игру? Что еще делать? Что еще?

В коридоре уже никого не было и стало темнее, потому что здесь горели только редкие лампочки. В течение многих лет лампочки из коридоров переставляли в каюты, и теперь их здесь почти не осталось.

Он подошел к наблюдательной рубке, нырнул в нее и притаился, внимательно осматривая коридор. Он ждал, — а вдруг кто-нибудь станет следить за ним, — хотя и знал, что никого не будет; но все-таки вдруг кто-то появится, — рисковать он не мог.

Однако позади никого не было, и он пошел дальше, к сломанному эскалатору, который вел на центральные этажи. И здесь тоже было что-то новое. Раньше, поднимаясь с этажа на этаж, он все время терял вес, двигаться становилось все легче, он скорее плыл, чем шел, к центру Корабля. На этот раз потери веса не было, плыть не удавалось. Он тащился, преодолевая один неподвижный эскалатор за другим, пока не миновал все шестнадцать палуб.

Теперь он шел в темноте, потому что здесь все лампочки были вывернуты или перегорели за эти долгие годы. Он поднимался на ощупь, держась за перила. Наконец он добрался до нужного этажа. Это была аптека; у одной из стен стоял шкаф для медикаментов. Он отыскал нужный ящик, открыл его, сунул туда руку и вытащил три вещи, которые, как он знал, были там: Письмо, Книгу и лампочку. Он провел рукой по стене, вставил в патрон лампочку; в крохотной комнате зажегся свет и осветил пыль, покрывавшую пол, умывальник с тазом и пустые шкафы с открытыми дверцами.

Он повернул Письмо к свету и прочел слова, напечатанные на конверте прописными буквами: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Некоторое время он стоял в раздумье. Раздался Грохот. Звезды остановились. Да, это и есть тот случай, подумал он, случай крайней необходимости. Ведь было предсказано: когда раздастся Грохот и звезда остановятся, значит, Конец близок. А когда Конец близок, это и есть крайний случай.

Он держал Письмо в руке, он колебался. Если он вскрыет его, все будет кончено. Больше не будет передаваться от отца к сыну

ни Письмо, ни Чтение. Вот она — минута, ради которой Письмо прошло через руки многих поколений.

Он медленно перевернул Письмо и провел ногтем по запечатанному краю. Высохший воск треснул, и конверт открылся.

Он вынул Письмо, развернул его на столике под лампочкой и стал читать, шевеля губами и шепотом произнося слова, как человек, с трудом отыскивающий их значение по древнему словарю.

«Моему далекому потомку.

Тебе уже сказали — и ты, наверное, веришь, что Корабль — это жизнь, что началом его был Миф, а конном будет Легенда, что это и есть единственная реальность, в которой не нужно искать ни смысла, ни цели.

Я не стану пытаться рассказывать тебе о смысле и назначении Корабля, потому что это бесполезно: хотя мои слова и будут правдивыми, но сами по себе они бессильны против извращения истины, которое к тому времени, когда ты это прочтешь, может уже стать религией.

Но у Корабля есть какая-то цель, хотя уже сейчас, когда я пишу, цель эта потеряна, а, по мере того как Корабль будет двигаться своим путем, она окажется не только потерянной, но и похороненной под грузом всевозможных разъяснений.

Когда ты будешь это читать, существование Корабля и людей в нем будет объяснено, но эти объяснения не будут основаны на знании.

Чтобы Корабль выполнил свое назначение, нужны знания. И эти знания могут быть получены. Я, который буду уже мертв, чье тело превратится в давно съеденное растение, в давно сношенный кусок ткани, в молекулу кислорода, в щепотку удобрения, — я сохранил эти знания для тебя. На втором листке Письма ты найдешь указание, как их приобрести.

Я завещаю тебе овладеть этими знаниями и использовать их, чтобы жизнь и мысль людей, отправивших Корабль, и тех, кто управлял им и кто сейчас живот в его стенах, не пропали зря, чтобы мечта человека не умерла где-то среди далеких звезд.

К тому времени, когда ты это прочтешь, ты будешь знать еще лучше меня: ничто не должно пропасть, ничто не должно быть истрачено зря, все запасы нужно беречь и хранить на случай будущей нужды. А если Корабль не выполнит своего назначения, не достигнет цели, то это будет огромное, невообразимое расточительство. Это будет означать, что зря потрачены тысячи жизней, пропали знания и надежды.

Ты не узнаешь моего имени, потому что к тому времени, когда ты это прочтешь, оно исчезнет вместе с рукой, что сейчас дер-

жит перо. Но мои слова будут жить, а в них — мои знания и мой завет.

Твой предок».

Подписи Джон разобрать не смог. Он уронил Письмо на пыльный столик. Слова Письма, как молот, оглушили его.

Корабль, началом которого был Миф, а концом будет Легенда. Но письмо говорило, что это ложь. Была цель, было назначение.

Назначение... Что это такое? Книга, вспомнил он. Книга скажет, что такое назначение.

Дрожащими руками он вытащил книгу из ящика, открыл ее на букве «н» и неверным пальцем провел по столбцам: «Наземный... назидание... назначать... назначение...»

«Назначение (сущ.) — место, куда что-л. посылается, направляется; предполагаемая цель путешествия».

Значит, Корабль имеет назначение. Корабль куда-то направлялся. Придет день, когда он достигнет цели. И, конечно, это и будет Конец.

Корабль куда-то направляется. Но как? Неужели он движется?

Джон недоверчиво покачал головой. Этому невозможно поверить. Ведь движется не Корабль, а звезды. Должно быть какое-то другое объяснение, подумал он.

Он поднял второй листок Письма и прочел его, но понял плохо: он устал, и в голове у него все путалось. Он положил Письмо, Книгу и лампочку обратно в ящик.

Потом закрыл ящик и выбежал из комнаты.

На нижнем этаже не заметили его отсутствия, и он ходил среди людей, стараясь снова стать одним из них, спрятать свою неожиданную наготу под покровом доброго товарищества, но таким, как они, он уже не был.

И все это было результатом знания — ужасного знания того, что Корабль имеет цель и назначение, что он откуда-то вылетел и куда-то направляется и, когда он туда придет, это будет Конец, но не людей, не Корабля, а просто путешествия.

Он вышел в зал и остановился в дверях. Джо играл в шахматы с Питом, и Джон внезапно загорелся гневом при мысли, что Джо играет с кем-то еще, потому что Джо уже много-много лет играл только с ним. Но гнев быстро остыл, Джон посмотрел на фигурки и в первый раз увидел их по-настоящему — увидел, что это просто резные кусочки дерева и что им нет места в его новом мире Письма и цели.

Джордж сидел один и играл в солитер. Кое-кто играл в покер на металлические кружочки, которые все звали деньгами, хотя почему именно деньгами — никто сказать не мог. Говорили, что это просто их название, как Корабль было название Корабля, а звезды назывались звездами. Луиза и Ирма сидели в углу и слушали старую, почти совсем заигранную пластинку. Резкий, сдавленный женский голос пел на весь зал:

Мой любимый к звездам уплыл,
Он не скоро вернется назад...

Джон вошел, и Джордж поднял глаза от доски.

— Мы тебя искали.

— Я ходил гулять, — ответил Джон. — Далеко — на центральные этажи. Там все наоборот. Теперь они вверху, а не внутри. Всю дорогу приходится подниматься.

— Звезды весь день не двигались, — заметил Джордж. Джо повернулся к нему и сказал:

— Они больше не будут двигаться. Так сказано. Это — начало Конца.

— А что такое Конец? — спросил Джон.

— Не знаю, — ответил Джо и вернулся к игре.

Конец, подумал Джон. И никто из них не знает, что такое Конец, так же как они не знают, что такое Корабль, или деньги, или звезды.

— Сегодня мы собираемся, — сказал Джордж.

Джон кивнул. Он так и думал, что все соберутся. Соберутся, чтобы почувствовать облегчение, уют и безопасность. Будут снова рассказывать Миф и молиться перед Картиной. «А я? — спросил он себя. — А я?»

Он резко повернулся и вышел в коридор. Лучше бы не было никакого Письма и никакой Книги, потому, что тогда он был бы одним из них, а не одиночкой, мучительно думающим, где же правда — в Мифе или в Письме?

Он разыскал свою каюту и вошел. Мери лежала на кровати, подложив под голову подушки; тускло светила лампа.

— Наконец-то, — произнесла она.

— Я прогуливался, — сказал Джон.

— Ты прогулял обед, — заметила Мери. — Вот он.

Он увидел обед на столе, придвинул стул и сел.

— Спасибо.

Мери зевнула.

— День был утомительный, — сказала она. — Все так возбуждены. Сегодня собираемся.

На обед были протеиновые дрожжи, шпинат с горохом, толстый кусок хлеба и миска супа с грибами и травами. И бутылочка воды, строго отмеренной. Наклонившись над миской, он хлебал суп.

— Ты совсем не волнуешься, дорогой. Не так, как все.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Вдруг он подумал: а что, если сказать ей? Но тут же отогнал эту мысль, боясь, что в своем стремлении поделиться с кем-нибудь он в конце концов расскажет ей все. Нужно следить за собой, подумал он. Если он расскажет, то это будет объявлено ересью, отрицанием Мифа и Легенды. И тогда она, как и другие, отшатнется от него и он увидит в ее глазах отвращение.

Сам он — дело другое: почти всю жизнь он прожил на грани ереси, с того самого дня, как отец сказал ему про Книгу. Потому что сама Книга уже была ересью.

— Я думаю, — сказал он, и она спросила:

— О чем тут думать?

И, конечно, это была правда. Думать было не о чем. Все объяснено, все в порядке. Миф говорил о Начале Начал и о Начале Конца. И думать не о чем, абсолютно не о чем.

Когда-то был хаос, и вот из него родился порядок в образе Корабля, а снаружи остался хаос. Только внутри Корабля был и порядок, и закон, вернее, много законов: не расточай, не возжелай, и все остальные. Когда-нибудь настанет Конец, но, каков будет этот Конец, остается тайной, хотя еще есть надежда, потому что на Корабле есть Священные Картины и они — символ этой надежды. Ведь на картинах запечатлены символические образы иных мест, где царит порядок (наверное, еще больших кораблей), и все эти символические образы снабжены названиями: Дерево, Ручей, Небо, Облака и все остальное, чего никогда не видишь, но чувствуешь, например Ветер и Солнечный Свет.

Начало Начал было давным-давно, так много поколений назад, что рассказы и легенды о могущественных людях тех далеких эпох были вытеснены из памяти другими людьми, тени которых все еще смутно рисовались где-то позади.

— Я сначала испугалась, — сказала Мери, — но теперь я больше не боюсь. Все происходит так, как было сказано, и мы ничего не можем сделать. Мы только знаем, что это все — к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре. Теперь эти шаги уже не были такими поспешными, а в голосах не звучал ужас. «Немного же им понадобилось, — думал он, — чтобы привыкнуть. Их Корабль перевернулся вверх ногами — и все же это к лучшему».

А вдруг в конце концов правы они, а Письмо лжет?

С какой радостью он подошел бы к двери, окликнул кого-нибудь из проходивших мимо и поговорил бы об этом! Но на всем Корабле не было никого, с кем бы он мог поговорить. Даже с Мери. Разве что с Джошуа.

Он продолжал есть, думая о том, как Джошуа возится со своими растениями в гидропонных оранжереях.

Еще мальчишкой он ходил туда вместе с другими ребятами: Джо, и Джордж, и Херб, и все остальные. Джошуа был тогда человеком средних лет, у него всегда была в запасе интересная история или умный совет, а то и тайно сорванный помидор или редиска для голодного мальчишки. Джон помнил, что Джошуа всегда говорил мягким, добрым голосом и глаза у него были честные, а его чуточку грубоватое дружелюбие внушало симпатию.

Джон подумал, что уже давно не видел Джошуа. Может быть, потому, что чувствовал себя виноватым перед ним...

Но Джошуа мог понять и простить вину.

Однажды он понял. Они с Джо как-то прокрались в оранжерею за помидорами, а Джошуа поймал их и долго говорил с ними. Они с Джо дружили еще с пеленок. Они всегда были вместе. Если случалась какая-нибудь шалость, они обязательно были в нее замешаны.

Может быть, Джо... Джон покачал головой. Только не Джо. Пусть он его лучший друг, пусть они друзья детства и остались друзьями, когда поженились, пусть они больше двадцати лет играют друг с другом в шахматы, — все-таки Джо не такой человек, которому можно это рассказать.

— Ты все еще думаешь, дорогой? — сказала Мери.

— Кончаю, — ответил Джон. — Теперь расскажи мне, что ты сегодня делала.

Она поведала ему, что сказала Луиза, и что сказала Джейн, и какие глупости говорила Молли. И какие ходили странные слухи, и как все боялись, и как понемногу успокоились, когда вспомнили, что все к лучшему.

— Наша Вера, — сказала она, — большое утешение в такое время.

— Да, — сказал Джон, — действительно большое утешение.

Она встала с кровати.

— Пойду к Луизе. Ты остаешься здесь?

Она нагнулась и поцеловала его.

— Я погуляю до собрания, — сказал Джон.

Он кончил есть, медленно выпил воду, смакуя каждую каплю, и вышел.

Он направился к оранжереям. Джошуа был там. Он немного постарел, немного поседел, чуть больше хромал, но вокруг его глаз были те же добрые морщины, а на лице — та же неспешная улыбка. И встретил он Джона той же старой шуткой:

— Опять пришел помидоры воровать?

— На этот раз нет.

— Ты тогда был с другим парнем.

— Его звали Джо.

— Да, теперь я вспомнил. Я иногда забываю. Старею и начинаю забывать. — Он спокойно улыбнулся. — Немного мне теперь осталось. Вам с Мери не придется долго ждать.

— Сейчас это не так уж важно, — сказал Джон.

— А я боялся, что ты ко мне теперь уже не придешь.

— Но таков закон, — сказал Джон. — Ни я, ни вы, ни Мери тут ни при чем. Закон справедлив. Мы не можем его изменить.

Джошуа дотронулся до руки Джона.

— Посмотри на мои новые помидоры. Лучшие из всех, что я вырастил. Уже совсем поспели.

Он сорвал один, самый спелый и красный, и протянул Джону. Джон взял его в руки и почувствовал гладкую, теплую кожицу и под ней — переливающийся сок.

— Они вкуснее всего прямо с куста. Попробуй.

Джон поднес помидор ко рту, вонзил в него зубы и проглотил сочную мякоть.

— Ты что-то хотел сказать, парень?

Джон помотал головой.

— Ты так и не был у меня, с тех пор как узнал, — сказал Джошуа. — Это потому, что ты считал себя виноватым: ведь я должен умереть, чтобы вы могли иметь ребенка. Да, это тяжело — и для вас тяжелее, чем для меня. И ты бы не пришел, если бы не произошло что-то важное.

Джон не ответил.

— А сегодня ты вспомнил, что можешь поговорить со мной. Ты часто приходил поговорить со мной, потому что помнил наш первый разговор, когда ты был еще мальчишкой.

— Я тогда нарушил закон, — сказал Джон, — я пришел воровать помидоры. И вы поймали нас с Джо.

— А я нарушил закон сейчас, — сказал Джошуа, — когда дал тебе этот помидор. Это не мой помидор и не твой. Я не должен был его давать, а ты не должен был его брать. Но я нарушил закон потому, что закон основан на разуме, а от одного помидора разум не страдает. Каждый закон должен иметь разумный смысл, иначе он не нужен. Если смысла нет, то закон не прав.

— Но нарушать закон нельзя.

— Послушай, — сказал Джошуа. — Помнишь сегодняшнее утро?

— Конечно.

— Посмотри на эти рельсы — рельсы, идущие по стене.

Джон посмотрел и увидел рельсы.

— Эта стена до сегодняшнего утра была полом.

— А как же стеллажи? Ведь они...

— Вот именно. Так я и подумал. Это первое, о чем я подумал, когда меня выбросило из постели. Мои стеллажи! Мои чудные стеллажи, висящие там, на стене, прикрепленные к полу! Ведь во-

да выльется из них, и растения вывалятся, и все химикаты зря пропадут! Но так не случилось.

Он протянул руку и ткнул Джона пальцем в грудь.

— Так не случилось, и не из-за какого-нибудь определенного закона, а по разумной причине. Посмотри под ноги, на пол.

Джон посмотрел на пол и увидел там рельсы — продолжение тех, что шли по стене.

— Стеллажи прикреплены к этим рельсам, — продолжал Джошуа. — А внутри у них — ролики. И, когда пол стал стеной, стеллажи скатились по рельсам на стену, ставшую полом, и все было в порядке. Пролилось немного воды, и пострадало несколько растений, но очень мало.

— Так было задумано, — сказал Джон. — Корабль...

— Чтобы закон был справедлив, — продолжал Джошуа, — он должен иметь разумное основание. Здесь было основание и был закон. Но закон — это только напоминание, что не нужно идти против разума. Если бы было только основание, мы бы могли его забыть, или отрицать, или сказать, что оно устарело. Но закон имеет власть, и мы подчиняемся закону там, где могли бы не подчиниться разуму. Закон говорил, что рельсы на стене — то есть на бывшей стене — нужно чистить и смазывать. Иногда я думал, зачем это, и казалось, что этот закон не нужен. Но это был закон — и мы слепо ему подчинялись. А когда раздался Грохот, рельсы были начищены и смазаны и стеллажи скатились по ним. Им ничто не помешало, а могло бы помешать, если бы мы не следовали закону. Потому что, следуя закону, мы следовали разуму, а главное — разум, а не закон.

— Вы хотите мне этим что-то доказать, — сказал Джон.

— Я хочу тебе доказать, что мы должны слепо следовать закону, до тех пор пока не узнаем его основание. А когда узнаем — если мы когда-нибудь узнаем — его основание и цель, тогда мы должны решить, насколько они справедливы. И если они окажутся плохими, мы так и должны смело сказать. Потому что если плоха цель, то плох и закон: ведь закон — это всего-навсего правило, помогающее достигнуть какой-то цели.

— Цели?

— Конечно, цели. Должна же быть какая-то цель. Такая хорошо придуманная вещь, как Корабль, должна иметь цель.

— Сам Корабль? Вы думаете, Корабль имеет цель? Но говорят...

— Я знаю, что говорят. «Все, что ни случается, к лучшему». — Он покачал головой. — Цель должна быть даже у Корабля. Когда-то давно, наверное, эта цель была простой и ясной. Но мы забыли ее. Должны быть какие-то факты, знания...

— Знания были в книгах, — сказал Джон. — Но книги сожгли.

— Кое-что в них было неверно, — сказал старик. — Или казалось неверным. Но мы не можем судить, что верно, а что неверно, если у нас нет фактов, а я сомневаюсь, что эти факты были. Там были другие причины, другие обстоятельства. Я одинокий человек. У меня есть работа, а заходят сюда редко. Меня не отвлекают сплетни, которыми полон Корабль. И я думаю. Я много передумал. Я думал о нас и о Корабле. И о законах, и о цели всего этого. Я размышлял о том, почему растут растения и почему для этого нужны вода и удобрения. Я думал, зачем мы должны включать свет на столько-то часов, — разве в лампах есть что-то такое, что нужно растениям? Но, если не включать их, растение погибает. Значит, растениям необходимы не только вода и удобрения, но и лампы. Я думал, почему помидоры всегда растут на одних кустах, а огурцы — на других. На огурце никогда не вырастет помидор, и этому должна быть какая-то причина. Даже для такого простого дела, как выращивание помидоров, нужно знать массу фактов. А мы их не знаем. Мы лишены знания. Я думал: почему загораются лампы, когда повернешь выключатель. И что происходит в нашем теле с пищей? Как твое тело использует помидор, который ты только что съел? Почему нужно есть, чтобы жить? Зачем нужно спать? Как мы учимся говорить?

— Я никогда обо всем этом не думал, — сказал Джон.

— А ты вообще никогда не думал, — ответил Джошуа. — Во всяком случае, почти никогда.

— Никто не думает, — сказал Джон.

— В том-то и беда, — сказал старик. — Никто никогда не думает. Все просто убивают время. Они не ищут причин. Они даже ни о чем не задумываются. Что бы ни случилось — все к лучшему, и этого с них хватает.

— Я только что начал думать, — сказал Джон.

— Ты что-то хотел у меня спросить, — сказал старик. — Зачем-то ты все же ко мне пришел.

— Теперь это неважно, — сказал Джон. — Вы мне уже ответили.

Он пошел обратно между стеллажами, ощущая аромат тянувшихся вверх растений, слыша журчание воды в насосах. Он шел длинными коридорами, где в окнах наблюдательных рубок светили неподвижные звезды.

Основание, сказал Джошуа. Есть и основание, и цель. Так говорилось в Письме — основание и цель. И, кроме правды, есть еще неправда, и, чтобы их различить, нужно кое-что знать.

Он расправил плечи и зашагал вперед.

Когда он подошел к церкви, собрание давно уже было в разгаре; он тихо скользнул в дверь, нашел Мери и встал рядом с ней. Она взяла его под руку и улыбнулась.

— Ты опоздал, — прошептала она.

— Виноват, — отвечал он шепотом. Они стояли рядом, взявшись за руки, глядя, как мерцают две большие свечи по бокам огромной Священной Картины.

Джон подумал, что раньше она никогда не была так хорошо видна; он знал, что свечи зажигают только по случаю важных событий.

Он узнал людей, которые сидели под Картиной, — своего друга Джо, Грега и Френка. И он был горд тем, что Джо, его друг, был одним из троих, кто сидел под Картиной, потому что для этого нужно было быть набожным и примерным.

Они только что прочли о Начале Начал, и Джо встал и повел рассказ про Конец.

«Мы движемся к Концу. Мы увидим знаки, которые будут предвещать Конец, но о самом Конце никто не может знать, ибо он скрыт...»

Джон почувствовал, как Мери пожала ему руку, и ответил тем же. В этом пожатии он почувствовал утешение, которое дают жена, и Вера, и ощущение Братства всех людей.

Когда он ел обед, оставленный для него Мери, она сказала, что Вера — большое утешение. И это была правда. Вера была утешением. Она говорила, что все хорошо, что все к лучшему. Что даже Конец — тоже к лучшему.

А им нужно утешение, подумал он. Больше всего на свете им нужно утешение. Они так одиноки, особенно теперь, когда звезды остановились и сквозь окна видна пустота, окружающая их. Они еще более одиноки, потому что не знают цели, не знают ничего, хотя и утешаются знанием того, что все к лучшему.

«...Раздастся Грохот, и звезды прекратят свое движение и будут висеть, одинокие и яркие, в глубине тьмы, той вечной тьмы, которая охватывает все, кроме людей в Корабле...»

Вот оно, подумал Джон. Вот оговорка, которая их утешает. Сознание того, что только они одни укрыты и защищены от вечной ночи. А впрочем, откуда взялось это сознание? Из какого источника? Из какого откровения? И он выругал себя за эти мысли, которые не должны появляться во время собрания в церкви.

Он как Джошуа, сказал он себе. Он сомневается во всем. Думает о таких вещах, которые всю жизнь принимал на веру, которые принимали на веру все поколения.

Он поднял голову и посмотрел на Священную Картину — на Дерево, и на Цветы, и на Реку, и на Дом вдалеке, и на Небо с Облаками; Ветра не было видно, но он чувствовался.

Это было красиво. На Картине он видел такие цвета, каких нигде не видел, кроме как на Священных Картинах. Где же такое

место, подумал он. А может, это только символ, только воплощение того лучшего, что заключено в людях, только изображение мечты всех запертых в Корабле?

Запертых в Корабле! Он даже задохнулся от такой мысли. Запертых! Они ведь не заперты, а защищены, укрыты от всяких бед, от всего, что таится во тьме вечной ночи. Он склонил голову в молитве, сокрушаясь и раскаиваясь. Как это ему только могло прийти в голову!

Он почувствовал руку Мери в своей и подумал о ребенке, которого они смогут иметь, когда Джошуа умрет. Он подумал о шахматах, в которые он всегда играл с Джо. О долгих, темных ночах, когда рядом с ним была Мери.

Он подумал о своем отце, и снова слова давно умершего застучали у него в голове. И он вспомнил о Письме, в котором говорилось о знаниях, о назначении, о цели.

Что же мне делать, спросил он себя. По какой дороге идти? Что значит Конец?

Считая двери, он нашел нужную и вошел. В комнате лежал толстый слой пыли, но лампочка еще горела. На противоположной стене была дверь, о которой говорилось в Письме: дверь с циферблатом посередине. «Сейф», — было сказано в Письме.

Он подошел к двери, оставляя следы в пыли, и встал перед ней на колени. Стер рукавом пыль и увидел цифры. Он положил Письмо на пол и взялся за стрелку. «Поверни стрелку сначала на 6, потом на 15, обратно на 8, потом на 22 и, наконец, на 3». Он аккуратно все выполнил и, повернув ручку в последний раз, услышал слабый щелчок открывающегося замка.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь медленно открылась: она оказалась очень тяжелой. Войдя внутрь, он включил свет. Все было так, как говорило Письмо. Там стояла кровать, рядом с ней — машина, а в углу — большой стальной ящик.

Воздух был спертый, но не пыльный: комната не соединялась с системой кондиционирования воздуха, которая в течение веков разнесла пыль по всем другим комнатам.

Стоя там в одиночестве, при ярком свете лампы, освещавшей кровать, и машину, и стальной ящик, он почувствовал ужас, леденящий ужас, от которого вздрогнул, хотя и старался стоять прямо и уверенно, — остаток страха, унаследованного от многих поколений, закосневших в невежестве и безразличии.

Знания боялись, потому что это было зло. Много лет назад так решили те, кто решал за людей, и они придумали закон против Чтения и сожгли книги.

А Письмо говорило, что знания необходимы.

И Джошуа, стоя у стеллажа с помидорами, среди других стеллажей с тянущимися вверх растениями, сказал, что должно быть основание и что знания раскроют его.

Но их было только двое, Письмо и Джошуа, против всех остальных, против решения, принятого много поколений назад.

Нет, возразил он сам себе, не только двое, а еще мой отец, и его отец, и отец его отца, и все отцы перед ним, которые передавали друг другу Письмо, Книгу и искусство Чтения. И он знал, что он сам, если бы он имел ребенка, передал бы ему Письмо и Книгу и научил бы его читать. Он представил себе эту картину: они вдвоем, притаившись в каком-нибудь углу, при тусклом свете лампы разбираются в том, как из букв складываются слова, нарушая закон, продолжая еретическую цепь, протянувшуюся через многие поколения.

И вот наконец результат: кровать, машина и большой стальной ящик. Вот наконец то, к чему все это привело.

Он осторожно подошел к кровати, как будто там могла быть ловушка. Он пощупал ее — это была обычная кровать.

Повернувшись к машине, он внимательно осмотрел ее, проверил все контакты, как было сказано в Письмо, отыскал шлем, нашел выключатели. Обнаружив два отошедших контакта, он поджал их. Наконец после некоторого колебания включил первый тумблер, как было сказано в инструкции, и загорелась красная лампочка.

Итак, он готов.

Он сел на кровать, взял шлем и плотно надел его на голову. Потом лег, протянул руку, включил второй тумблер — и услышал колыбельную.

Колыбельную песню, мелодию, зазвучавшую у него в голове, — и он почувствовал легкое покачивание и подступающую дремоту.

Джон Хофф уснул.

Он проснулся и ощутил в себе знания.

Он медленно оглядывался, с трудом узнавая комнату, стену без Священной Картины, незнакомую машину, незнакомую толстую дверь, шлем на голове.

Он снял шлем и, держа его в руке, наконец-то понял, что это такое. Понемногу, с трудом он вспомнил все: как нашел комнату, как открыл ее, как проверил машину и лег на кровать в шлеме.

Он знал, где он и почему он здесь. И многое другое. Знал то, чего не знал раньше. И то, что он теперь знал, напугало его.

Он уронил шлем на колени и сел, вцепившись в края кровати.

Космос! Пустота. Огромная пустота с рассеянными в ней сверкающими солнцами, которые назывались звездами. И через

это пространство, сквозь расстояния, такие безмерно великие, что их нельзя было мерить милями, а только световыми годами, неслась вещь, которая называлась корабль — не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из многих.

Корабль с планеты Земля — не с самого солнца, не со звезды, а с одной из многих планет, кружившихся вокруг звезды.

Но может быть, сказал он себе. Этого просто не может быть. Ведь Корабль не двигается. Не может быть космоса. Не может быть пустоты. Мы не можем быть крохотной точкой, странствующей пылинкой, затерянной в огромной пустоте, почти невидимой рядом со звездами, сверкающими в окнах.

Потому что если это так, то мы ничего не значим. Мы просто случайный факт во Вселенной. Меньше, чем случайный факт. Меньше, чем ничто. Шальная капелька странствующей жизни, затерянная среди бесчисленных звезд.

Он спустил ноги с кровати и сел, уставившись на машину.

Знания хранятся там, подумал он. Так было сказано в Письме, знания, записанные на мотках пленки, знания, которые вбиваются, внушаются, внедряются в мозг спящего человека.

И это только начало, только первый урок. Это только первые крупинцы старых, мертвых знаний, собранных давным-давно, знаний, хранившихся на черный день, спрятанных от людей. И эти знания — его. Они здесь, на пленке, в шлеме. Они принадлежат ему — бери и пользуйся. А для чего? Ведь знания были бы ненужными, если бы не имели цели.

И истинны ли они? Вот в чем вопрос. Истинны ли эти знания? А как узнать истину? Как распознать ложь?

Конечно, узнать нельзя. Пока нельзя. Знания проверяются другими знаниями. А он знает пока еще очень мало. Больше, чем кто бы то ни было на Корабле за долгие годы, но все же так мало. Ведь он знает, что где-то должно быть объяснение звезд, и планет, кружащихся вокруг звезд, и пространства, в котором находятся звезды, и Корабля, который несется среди этих звезд.

Письмо говорило о цели и назначении, и он должен это узнать — цель и назначение.

Он положил шлем на место, вышел из комнаты, запер за собой дверь и зашагал чуть более уверенно, но все же чувствуя за собой гнетущую вину. Потому что теперь он нарушил не только дух, но и букву закона — и нарушил во имя цели, которая, как он подозревал, уничтожит закон.

Он спустился по длинным эскалаторам на нижний этаж. В зале он нашел Джо, сидевшего перед доской с расставленными фигурами.

— Где ты был? — спросил Джо. — Я тебя ждал.

— Так, гулял, — сказал Джон.

— Ты уже три дня «так гуляешь», — сказал Джо и насмешливо посмотрел на него. — Помнишь, какие штуки мы в детстве выкидывали? Воровали и все такое...

— Помню, Джо.

— У тебя всегда перед этим бывал такой чудной вид. И сейчас у тебя тот же чудной вид.

— Я ничего не собираюсь выкидывать, — сказал Джон. — Я ничего не ворую.

— Мы много лет были друзьями, — сказал Джо. — У тебя есть что-то на душе.

Джон посмотрел на него и попытался увидеть мальчишку, с которым они когда-то играли. Но мальчишки не было. Был человек, который сидел под Картиной во время собраний, который читал про Конец, — набожный, примерный.

Он покачал головой.

— Нет, Джо, ничего.

— Я только хотел помочь.

Но, если бы он узнал, подумал Джон, он бы не захотел помочь. Он посмотрел бы на меня с ужасом, донес бы на меня в церкви, первый закричал бы о ереси. Ведь это и есть ересь, сомнений быть не может. Это значило отрицать Миф, отнять у людей спокойствие незнания, опровергнуть веру в то, что все к лучшему; это значило, что они больше не должны сидеть сложа руки и полагаться на Корабль.

— Давай сыграем, — решительно сказал он.

— Значит, так, Джон? — спросил Джо.

— Да, так.

— Ну, твой ход.

Джон пошел с ферзевой пешки. Джо уставился на него.

— Ты же всегда ходишь с королевской.

— Я передумал. Мне кажется, что такой дебют лучше.

— Как хочешь, — сказал Джо.

Они сыграли, и Джо без труда выиграл.

Целые дни Джон проводил на кровати со шлемом на голове: убаюканный колыбельной, он пробуждался с новыми знаниями. Наконец он узнал все.

Он узнал о Земле и о том, как земляне построили Корабль и послали его к звездам, и понял то стремление к звездам, которое заставило людей построить такой Корабль.

Он узнал, как подбирали и готовили экипаж, узнал о тщательном отборе предков будущих колонистов и о биологических исследованиях, которые определили их спаривание, с тем чтобы сороковое поколение, которому предстояло достигнуть звезд, было отважной расой, готовой встретить все трудности.

Он узнал и об обучении, о книгах, которые должны были сохранить знания, и получил некоторое представление о психологической стороне всего проекта.

Но что-то оказалось неладно. И не с Кораблем, а с людьми.

Книги спустили в конвертор. Земля была забыта, и появился Миф, знания были утеряны и заменены Легендой. На протяжении сорока поколений план был потерян, цель — забыта, и люди всю жизнь жили в твердой уверенности, что они — это все, что Корабль — Начало и Конец, что Корабль и люди на нем созданы каким-то божественным вмешательством и что вся их упорядоченная жизнь направляется хорошо разработанный божественным планом, по которому все идет к лучшему.

Они играли в шахматы, в карты, слушали старую музыку, никогда не задаваясь вопросом, кто изобрел карты и шахматы, кто написал музыку, подолгу сплетничали, рассказывали старые анекдоты и сказки, переданные предыдущими поколениями, и убивали так по просто часы, а целые жизни. У них не было истории, они ни о чем не задумывались и не заглядывали в будущее, так как, что бы ни произошло, все к лучшему.

Из года в год они не знали ничего, кроме Корабля. Еще при жизни первого поколения Земля стала туманным воспоминанием, оставшимся далеко позади, и не только во времени и пространстве, но и в памяти. В них не было преданности Земле, которая не давала бы им о ней забыть. В них не было и преданности Кораблю, потому что Корабль в ней не нуждался.

Корабль был для них матерью, которая давала им приют. Корабль кормил их, укрывал и оберегал от опасности.

Им было некуда идти, нечего делать, не о чем думать. И они приспособились к этому.

Младенцы, подумал Джон. Младенцы, прижимающиеся к матери. Младенцы, бормочущие старые детские стишки. И некоторые стишки правдивее, чем они думают.

Было сказано, что когда раздастся Грохот и звезды остановятся в своем движении, то это значит, что скоро придет Конец.

И это правда. Звезды двигались потому, что Корабль вращался вокруг продольной оси, создавая искусственную силу тяжести. Но, когда Корабль приблизится к месту назначения, он должен будет автоматически прекратить вращение и перейти в нормальный полет, а сила тяжести тогда будет создана гравитаторами. Корабль уже падал вниз, к той звезде, к той солнечной системе, к которой он направлялся. Падал на нее, если — Джон Хофф покрылся холодным потом при этой мысли, — если он уже не промахнулся.

Потому что люди могли измениться. Но Корабль не мог. Он не приспособивался. Он все помнил даже тогда, когда его пассажиры обо всем забыли. Верный записанным на пленку указани-

ям, которые были заданы больше тысячи лет назад, он держался своего курса, сохранил свою цель, не потерял из виду точку, куда был направлен, и сейчас приближался к ней.

Автоматическое управление, но не полностью.

Корабль мог выйти на орбиту вокруг планеты без помощи человеческого мозга, без помощи человеческих рук. Целую тысячу лет он обходился без человека, но в последний момент человек понадобится ему, чтобы достигнуть цели.

И я, сказал себе Джон Хофф, — я и есть этот человек.

Один человек. А сможет ли один человек это сделать?

Он подумал о других людях. О Джоне, и Хербе, и Джордже, и обо всех остальных, — и среди них не было такого, на кого он мог бы положиться, к кому он мог бы пойти и рассказать о том, что сделал.

Он держал весь Корабль в голове. Он знал, как Корабль устроен и как управляется. Но, может быть, этого мало. Может быть, нужно более близкое знакомство и тренировка. Может быть, человек должен сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. А у него нет на это времени.

Он стоял рядом с машиной, которая дала ему знания. Теперь вся пленка была прокручена и цель машины достигнута, так же как цель Письма, так же как будет достигнута цель Человечества и Корабля, если голова Джона будет ясной, а рука — твердой. И если его знаний хватит.

В углу еще стоял ящик. Он откроет его — и это будет все. Тогда будет сделано все, что для него могли сделать, а остальное будет зависеть от него самого.

Он медленно встал на колени перед ящиком и открыл крышку. Там были свернутые листы бумаги, много листов, а под ними — книги, десятки книг, и в одном из углов — стеклянная капсула, заключавшая в себе какой-то механизм. Он знал, что это не что иное, как пистолет, хотя никогда еще не видел пистолета. Он поднял капсулу, и под ней был конверт с надписью: «КЛЮЧИ». Он разорвал конверт. Там было два ключа. На одном было написано: «Рубка управления», на другом: «Машинное отделение».

Он сунул ключи в карман и взялся за капсулу. Быстрым движением он разломил ее пополам. Раздался слабый хлопок: в капсулу ворвался воздух. В руках Джона был пистолет.

Он был не тяжелый, но достаточно увесистый, чтобы почувствовать его власть. Он показался Джону сильным, мрачным и жестоким. Джон взял его за рукоятку, поднял, прицелился и почувствовал прилив древней недоброй силы — силы человека, который может убивать, — и ему стало стыдно.

Он положил пистолет назад в ящик и вынул один из свернутых листов. Осторожно разворачивая его, он услышал слабое протестующее потрескивание. Это был какой-то чертеж, и Джон склонился над ним, пытаясь понять, что бы это могло быть, разобрать слова, написанные печатными буквами вдоль линий.

Он так ничего и не понял и положил чертеж, и тот сразу же свернулся в трубку, как живой.

Он взял другой чертеж, развернул его. Это был план одной из секций Корабля. Еще и еще один — это тоже были секции Корабля, с коридорами и эскалаторами, рубками и каютами.

Наконец он нашел чертеж, который изображал весь Корабль в разрезе, со всеми каютами и гидропонными оранжереями. В переднем его конце была рубка управления, в заднем — машинное отделение.

Он расправил чертеж, взгляделся и увидел, что там что-то неправильно. Но потом он сообразил, что если отбросить рубку и машинное отделение, то все верно. И он подумал, что так и должно было быть, что много лет назад кто-то запер рубку и машинное отделение, чтобы уберечь их от вреда, — специально для этого дня. Для людей на Корабле ни рубки, ни машинного отделения просто не существовало, и поэтому чертеж казался неправильным.

Он дал чертежу свернуться и взял другой. Это было машинное отделение. Он изучал его, наморщив лоб, пытаясь сообразить, что там изображено, и хотя о назначении некоторых устройств он догадывался, но были и такие, которых он вообще не понимал. Джон нашел конвертор и удивился, как он мог быть в запертом помещении, — ведь все эти годы им пользовались. Но потом он увидел, что конвертор имел два выхода: один в самом машинном отделении, а другой — за гидропонными оранжереями.

Он отпустил чертеж, и тот свернулся в трубку, так же как и остальные. Он продолжал сидеть на корточках около ящика, чуть покачиваясь взад и вперед и глядя на чертежи, и думал: если мне были нужны еще доказательства, то вот они.

Планы и чертежи Корабля. Планы, созданные и вычерченные людьми. Мечты о звездах, воплощенные в листах бумаги. Никакого божественного вмешательства. Никакого Мифа. Просто обычное человеческое планирование.

Он подумал о Священных Картинах: а что они такое? Может быть, они тоже были ложью, как и Миф? Жаль, если это так. Потому что они были таким утешением. И Вера тоже. Она тоже была утешением.

Сидя на корточках над свитками чертежей в этой маленькой комнате с машиной, кроватью и ящиком, он съежился и обхватил себя руками, чувствуя почти жалость к себе.

Как бы он хотел, чтобы ничего не начиналось. Чтобы не было Письма. Чтобы он по-прежнему был невеждой, уверенным в своей безопасности. Чтобы он по-прежнему продолжал играть с Джо в шахматы.

Из двери раздался голос Джо:

— Так вот где ты прячешься!

Он увидел ноги Джо, прочно стоящие на полу, поднял глаза и увидел его лицо, на котором застыла полуулыбка.

— Книги! — сказал Джо.

Это слово было неприличным. И Джо произнес его, как неприличное слово. Как будто человека поймали за каким-то постыдным делом, уличили в грязных мыслях.

— Джо... — сказал Джон.

— Ты не хотел мне сказать, — сказал Джо. — Ты не хотел моей помощи. Еще бы!

— Джо, послушай...

— Прятался и читал книги!

— Послушай, Джо! Все ложь. Корабль сделали такие же люди, как мы. Он куда-то направляется. Я знаю теперь, что такое Конец...

Удивление и ужас исчезли с лица Джо. Теперь это было суровое лицо. Лицо судьи. Оно возвышалось над ним, и в нем не было пощады. В нем не было даже жалости.

— Джо!

Джо резко повернулся и бросился к двери.

— Джо! Постой, Джо!

Но он ушел.

Джон услышал звук его шагов по коридору, к эскалатору, который приведет его на жилые этажи.

Он побежал, чтобы созвать толпу. Послать ее по всему Кораблю охотиться за Джоном Хоффом. И когда они поймают Джона Хоффа...

Когда они поймают Джона Хоффа, это будет настоящий Конец. Тот самый неизвестный Конец, о котором говорят в церкви. Потому что уже не будет никого — никого, кто знал бы цель, основание и назначение.

И получится, что тысячи людей умерли зря. Получится, что труд, и гений, и мечты тех, кто построил Корабль, пропали зря.

Это было бы огромное расточительство. А расточать — преступление. Нельзя расточать. Нельзя выбрасывать. И не только пищу и воду, но и человеческие жизни и мечты.

Рука Джона потянулась к ящику и схватила пистолет. Его пальцы сжали рукоятку, а ярость все росла в нем, ярость отчаяния, последней надежды, моментальная, слепая ярость человека, у которого намеренно отнимают жизнь.

Впрочем, это не только его жизнь, а жизнь всех других: Мери, и Херба, и Луизы, и Джошуа.

Он бросился бежать, выскочил в дверь и поскользнулся, поворачивая направо по коридору. Он помчался к эскалатору. В темноте неожиданно наткнулся на ступеньки и подумал: как хорошо, что он много раз бывал здесь, нащупывая дорогу в темноте. Теперь он чувствовал себя как дома, и в этом было его преимущество перед Джо.

Он пронесся по лестницам, чуть не упав, свернул в коридор, нашел следующий пролет — и впереди услышал торопливые, неверные шаги того, за кем гнался.

Он знал, что в следующем коридоре только одна тусклая лампочка в самом конце. Если бы поспеть вовремя...

Он катился вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, едва касаясь ногами ступеней.

Пригнувшись, он наконец влетел в коридор и там, впереди, при тусклом свете лампочки увидел бегущую темную фигуру. Он поднял пистолет и нажал кнопку; пистолет дернулся у него в руке, и коридор осветила яркая вспышка.

Свет на секунду ослепил его. Он сидел на полу скорчившись, и в голове у него билась мысль: я убил Джо, своего друга.

Но это не был Джо. Это не был мальчишка, с которым он вырос. Это не был человек, сидевший напротив него по ту сторону шахматной доски. Это не был Джо — его друг. Это был кто-то другой — человек с лицом судьи, человек, побежавший созвать толпу, человек, который всех обрекал на неведомый Конец.

Джон чувствовал, что прав, но все же дрожал.

Минутное ослепление прошло, и он увидел на полу темную массу.

Его руки тряслись, он сидел неподвижно и ощущал тошноту и слабость во всем теле.

Не расточай! Не выбрасывай! Эти неписанные законы известны всем. Но были и такие законы, о которых даже никогда не упоминалось, потому что в этом не было необходимости. Не говорили, что нельзя украсть чужую жену, что нельзя лжесвидетельствовать, что нельзя убивать, потому что эти преступления исчезли задолго до того, как звездный Корабль оторвался от Земли.

Это были законы благопристойности, законы хорошего поведения. И он нарушил один из них. Он убил человека. Убил своего друга.

Правда, сказал он себе, он не был мне другом. Он был врагом — врагом всем нам.

Джон Хофф выпрямился и напряг все тело, чтобы остановить дрожь. Он сунул пистолет за пояс и на негнущихся ногах пошел по коридору к темной массе на полу.

В полумраке это было легче, потому что он плохо видел, что там лежит. Тело лежало ничком, и лица не было видно. Было бы хуже, если бы лицо было обращено вверх, к нему.

Он стоял и думал. Вот-вот люди хватятся Джо и начнут его искать. А они не должны его найти. Не должны узнать, что произошло. Самое понятие убийства давно исчезло, и оно не должно появиться вновь. Потому что если убил один человек — неважно, почему и зачем, — то могут найтись и другие, которые будут убивать. Если согрешил один, его грех должен быть скрыт, потому что один грех приведет к другому греху, а, когда они достигнут нового мира, новой планеты (если они ее достигнут), им понадобится вся внутренняя сила, вся сила товарищества, на которую они способны.

Он не мог спрятать тело, потому что не было такого места, где бы его не нашли. И не мог спустить его в конвертор, потому что для этого нужно было пройти через гидропонные оранжереи.

Впрочем, нет, зачем? Ведь есть другой путь к конвертору — через машинное отделение.

Он похлопал себя по карману. Ключи были там. Он наклонился, дотронувшись до еще теплого тела. Он отступил к металлической стене. Его опять затошнило, и в голове непрерывно билась мысль о том, что он виновен.

Но он подумал о своем старом отце с суровым лицом, и о том давно умершем человеке, который написал Письмо, и обо всех других, кто передавал его, совершая преступление ради истины, ради знания и спасения.

Сколько мужества, подвигов и дерзаний, сколько одиноких ночей, проведенных в мучительных раздумьях! Нельзя, чтобы все это пропало из-за его нерешительности или сознания вины.

Он оторвался от стены, поднял тело Джо и взвалил его на плечи. Оно безжизненно повисло. Раздалось бульканье. И что-то теплое и мокрое потекло по его спине.

Он стиснул зубы, чтобы не стучали, и, пошатываясь, побрел по мертвым эскалаторам, по темным коридорам к машинному отделению.

Наконец он добрался до двери и положил свою ношу на пол, чтобы достать ключи. Он нашел нужный ключ и повернул в замке, налег на дверь, и она медленно отворилась. В лицо ему пахнул порыв теплого воздуха. Ярko горели огни, и раздавалось жужжание и повизгивание вращающегося металла.

Он поднял Джо, внес его, запер дверь и встал, разглядывая огромные машины. Одна из них вертелась, и он узнал ее: гироскоп-стабилизатор тихо жужжал, подвешенный на шарнирах.

Сколько времени понадобится ему, чтобы понять все эти массивные, сложные машины? Насколько люди отстали от знаний тысячелетней давности?

А ноша давила ему на плечи, и он слышал, как на пол падают редкие, теплые, липкие капли.

Ликуя и содрогаясь от ужаса, он возвращался в прошлое. Назад, сквозь тысячу лет, к знанию, которое могло создавать такие

машины. Даже еще дальше — к неуравновешенности чувств, которая могла заставить людей убивать друг друга.

Я должен от него избавиться, с горечью подумал Джон Хофф. Но это невозможно. Даже когда он исчезнет, станет чем-то совсем другим, когда вещества, из которых он состоит, превратятся во что-то еще, — даже тогда я не смогу от него избавиться. Никогда!

Джон нашел люк конвертора, уперся ногами в пол. Люк заело. Джон дернул, и он открылся. Перед ним зияло жерло, достаточно большое, чтобы бросить туда человеческое тело. Из глубины слышался рев механизмов, и ему показалось, что он уловил адский отблеск бушующего огня. Он осторожно дал телу соскользнуть с плеча, подтолкнул его в последний раз, закрыл люк и всей тяжестью навалился на педаль.

Дело было сделано.

Он отшатнулся от конвертора и вытер лоб. Наконец-то он избавился от своей ноши. Но тяжкое бремя все равно осталось с ним. И осталось навсегда, подумал он. Навсегда.

Он услышал шаги, но не обернулся. Он знал, чьи это шаги — призрачные шаги, которые будут преследовать его всю жизнь, шаги угрызений совести в его душе.

Послышался голос:

— Что ты сделал, парень?

— Я убил человека. Я убил своего друга.

И он обернулся, потому что ни шаги, ни голос не принадлежали привидению.

Говорил Джошуа:

— Было ли у тебя основание?

— Да. Основание и цель.

— Тебе нужен друг, — сказал Джошуа. — Тебе нужен друг, мой мальчик.

Джон кивнул.

— Я узнал цель Корабля. И назначение. Он застал меня. Он хотел донести. Я... я...

— Ты убил его.

— Я подумал: одна жизнь или все? И я взял только одну жизнь. Он бы взял все.

Они долго стояли, глядя друг на друга.

Старик сказал:

— Это неправильно — взять жизнь. Неправильно, недостойно.

Коренастый и спокойный, он стоял на фоне машин, но в нем было что-то живое, какая-то движущая сила, как и в машинах.

— Так же неправильно обречать людей на судьбу, для которой они не предназначались. Неправильно забывать цель из-за незнания и невежества, — ответил Джон.

— Цель Корабля? А это хорошая цель?

— Не знаю, — ответил Джон. — Я не уверен. Но это по крайней мере цель. А цель, какая бы она ни была, лучше, чем отсутствие цели.

Джон поднял голову и отбросил назад волосы, прилипшие ко лбу.

— Ладно, — сказал он. — Я иду с тобой. Я взял одну жизнь и больше не возьму.

Джошуа медленно, мягко произнес:

— Нет, парень. Это я иду с тобой.

Видеть бесконечную пустоту, в которой звезды сверкали, как вечные крохотные сигнальные огоньки, было неприятно даже из наблюдательной рубки. Но видеть это из рубки управления, большое стеклянное окно которой открывалось прямо в пасть пространства, было еще хуже: внизу не видно дна, вверху не видно границ. То чудилось, что к этой звезде можно протянуть руку и сорвать ее, то она казалась такой далекой, что от одной мысли об этом начинала кружиться голова.

Звезды были далеко. Все, кроме одной. А эта одна сверкала сияющим солнцем совсем рядом слева.

Джон Хофф взглянул на Джошуа. На лице старика застыло выражение недоверия, страха, почти ужаса.

А ведь я знал, подумал Джон. Я знал, как это может выглядеть. Я имел какое-то представление. А он не имел никакого.

Он отвел глаза от окна, увидел ряды приборов и почувствовал, что сердце его упало и руки одеревенели.

Уже некогда сживаться с Кораблем. Некогда узнать его поближе. Все, что нужно сделать, он должен сделать, только следуя своему разуму и отрывочным знаниям, которые получил от машины его мозг, неподготовленный и нетренированный.

— Что мы должны делать? — прошептал Джошуа. — Парень, что нам делать?

И Джон Хофф тоже подумал: а что мы должны делать?

Он медленно поднялся по ступенькам к креслу, на спинке которого было написано: «Пилот». Медленно забрался в кресло, и ему показалось, что он сидит на краю пропасти, откуда в любой момент может соскользнуть вниз, в пустоту.

Осторожно опустив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, он попробовал ориентироваться, свыкнуться с мыслью, что сидит на месте пилота, а перед ним — ручки и кнопки, которые он может поворачивать или нажимать и посылать сигналы работающим машинам.

— Звезда, — сказал Джошуа. — Вот эта, большая, налево, которая горит...

— Все звезды горят.

— Нет, вот — большая...

— Это та звезда, к которой мы стремились тысячу лет, — ответил Джон. И он надеялся, что не ошибся. Как он хотел бы быть в этом уверенным!

И тут он почувствовал страшную тревогу. Что-то было неладно. И очень неладно.

Джон попытался думать, но космос мешал, он был слишком близко. Он был слишком огромен и пуст, и думать было бесполезно. Нельзя перехитрить космос. Нельзя с ним бороться. Космос слишком велик и жесток. Космосу все равно. В нем нет милосердия. Ему все равно, что станется с Кораблем и с людьми на нем.

Единственными, кому было но все равно, были те люди, на Земле, что запустили Корабль, и — некоторое время — те, кто управлял им в начале пути. А теперь — только он да старик. Только им не все равно.

— Она больше других, — сказал Джошуа. — Мы ближе к ней.

Вот в чем дело! Вот что вызвало эту необъяснимую тревогу. Звезда слишком близко — она не должна быть так близко!

Он с трудом оторвал взгляд от пустоты за окном и посмотрел на пульт управления. И увидел только бессмысленную массу ручек и рычагов, вереницы кнопок, циферблатов...

Он смотрел на пульт и понемногу начинал разбираться в нем. Знания, которые вдолбила в него машина, пробуждались. Он смотрел на показания стрелок и уже кое-что понимал. Он нашел несколько ручек, о которых должен был что-то знать. В его мозгу в кошмарной пляске закружились сведения по математике, которой он никогда не знал.

Бесполезно, сказал он себе. Это была хорошая идея, но она не сработала. Машина не может обучить человека. Она не может вбить в него достаточно знаний, чтобы управлять Кораблем.

— Я не сумею это сделать, Джошуа, — простонал он. — Это невозможно.

Где же планеты? Как ему найти их? И, когда он их найдет (если найдет), что тогда делать?

Корабль падал на солнце.

Джон не знал, где искать планеты. И Корабль двигался слишком быстро — намного быстрее, чем нужно. Джон вспотел. Пот выступил каплями на лбу, потек по лицу, по телу.

— Спокойнее, парень. Спокойнее.

Он попробовал успокоиться, но не мог. Он протянул руку и открыл маленький ящичек под пультом. Там была бумага и карандаши. Он взял лист бумаги и карандаш и набросал основные показания приборов: абсолютную скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол падения на звезду.

Были еще и другие показания, но эти — самые главные и с ними нужно считаться.

В его мозгу пробудилась мысль, которую много раз внушала ему машина. «Управлять Кораблем — это не значит направлять его в какую-то точку, а знать, где он будет в любой данный момент в ближайшем будущем».

Он принялся за вычисления. Математика с трудом проникала в его сознание. Он сделал расчет, набросал график и на два деления передвинул рычаг управления, надеясь, что сделал правильно.

— Разбираешься? — спросил Джошуа.

Джон покачал головой.

— Посмотрим. Узнаем через час.

Немного увеличить скорость, чтобы избежать падения на солнце. Проскочить мимо солнца, потом повернуть обратно под действием его притяжения — сделать широкую петлю в пространстве и снова вернуться к солнцу. Вот как это делается, по крайней мере он надеялся, что именно так. Об этом рассказывала ему машина.

Он сидел весь обмякший, думая об этой удивительной машине, размышляя, насколько можно доверять бегущей пленке и шлему на голове.

— Мы долго здесь пробудем, — сказал Джошуа.

Джон кивнул.

— Да, пожалуй. Это займет много времени.

— Тогда, — сказал старик, — я пойду и раздобуду чего-нибудь поесть.

Он пошел к двери, потом остановился.

— А Мери? — спросил он.

Джон покачал головой.

— Пока не надо. Оставим их в покое. Если у нас ничего не выйдет...

— У нас все выйдет.

Джон резко оборвал его.

— Если у нас ничего не выйдет, лучше, чтобы они ничего не знали.

— Пожалуй, ты прав, — сказал старик. — Я пойду принесу поесть.

Два часа спустя Джон уже знал, что Корабль не упадет на солнце. Он пройдет близко — слишком близко, всего в нескольких миллионах километров, но скорость его будет такова, что он проскочит мимо и снова вылетит в пространство, притягиваемый солнцем, рвущийся прочь от этого притяжения, теряя скорость в этой борьбе.

Траектория его полета изменится под действием солнца, и он будет летать по орбите — по очень опасной орбите, потому что если оставить ее неизменной, то при следующем обороте Ко-

рабль все-таки упадет на солнце. Пока Корабль не повернет обратно к солнцу, Джон должен добиться контроля над ним, но самое главное — он выиграл время. Он был уверен: если бы он не прибавил скорость на два деления, то Корабль или врезался бы в солнце сразу, или начал бы вращаться вокруг него по все более суживающейся орбите, вырвать с которой его не могла бы даже фантастическая сила могучих машин.

Он имел время, он кое-что знал, и Джошуа пошел за едой. Времени было немного, и он должен использовать его. Надо разбудить знания, притаившиеся где-то в мозгу, внедренные туда, и он должен употребить их для той цели, для которой они предназначались.

Теперь он был спокойнее и чуть больше уверен в себе. Думая о своей неловкости, он удивлялся, как это люди, запустившие Корабль с Земли, и те, кто управлял им до того, как пришло Невежество, могли так точно направить его. Наверное, это случайность, потому что невозможно так пустить снаряд в маленькую мишень, чтобы он летел тысячу лет и попал в нее. Или возможно?

«Автоматически... Автоматически...» — звенело у него в голове одно-единственное слово. Корабль был автоматическим. Он сам летел, сам производил ремонт, сам обслуживал себя, сам двигался к цели. Мозг и рука человека должны были только сказать ему, что делать. Сделай это, говорили мозг и рука, и Корабль делал. Только это и было нужно — дать задание.

Весь секрет и был в том, как же приказать Кораблю. Что ему приказать и как это сделать. Вот что его беспокоило.

Он слез с кресла и обошел рубку. Все покрывал тонкий слой пыли, но, когда Джон протер металл рукавом, он заблестел так же ярко, как и в день постройки Корабля.

Он нашел всякие вещи, некоторые знакомые, а некоторые незнакомые. Но самое главное — он нашел телескоп и после нескольких неудачных попыток вспомнил, как с ним обращаться. Теперь он знал, как искать планеты, — если это нужная звезда и у нее есть планеты.

Прошло три часа. Джошуа не возвращался. Слишком долго, чтобы достать еды. Джон зашагал по комнате, борясь со страхом. Наверное, со стариком что-то случилось.

Он вернулся к телескопу и начал разыскивать планеты. Сначала это было трудно, но понемногу, привыкая к обращению с телескопом, он начал припоминать все новые и новые данные.

Он отыскал одну планету и услышал стук. Он оторвался от телескопа и шагнул к двери.

Коридор был полон людей. Они все кричали на него, кричали с ненавистью, и в этом реве были гнев и осуждение; он сделал шаг назад.

Впереди были Херб и Джордж, а за ними остальные — мужчины и женщины. Он поискал глазами Мери, но не нашел.

Толпа рвалась вперед. На их лицах была злоба и отвращение, и Джон почувствовал, как волна страха, исходившая от них, окутала его.

Его рука опустилась к поясу, нащупала рукоятку пистолета и вытасила его. Он направил пистолет вниз и нажал кнопку. Только один раз. Вспышка осветила дверь, и толпа отшатнулась. Дверь почернела, запахло горелой краской.

Джон Хофф спокойно проговорил:

— Это пистолет. Из него я могу вас убить. Я вас убью, если вы будете вмешиваться. Уйдите. Вернитесь туда, откуда вы пришли.

Херб сделал шаг вперед и остановился.

— Это ты вмешиваешься, а не мы.

Он сделал еще шаг.

Джон поднял пистолет и направил на него.

— Я уже убил человека. И убью еще.

«Как легко, — подумал он, — говорить об убийстве, о смерти. И как легко сделать это теперь, когда я уже один раз убил».

— Джо пропал, — сказал Херб. — Мы ищем его.

— Можете больше не искать.

— Но Джо был твоим другом.

— И ты тоже. Но цель выше дружбы. Ты или со мной, или против меня. Середины нет.

— Мы отлучим тебя от церкви.

— Отлучите меня от церкви, — насмешливо повторил Джон.

— Мы сошлем тебя в центр Корабля.

— Мы были ссыльными всю нашу жизнь, — сказал Джон, — в течение многих поколений. Мы даже не знали этого. Я говорю вам — мы этого не знали. И, не зная этого, придумали красивую сказку. Мы убедили себя в том, что это правда, и жили ею. А когда я прихожу и доказываю вам, что это всего только красивая сказка, выдуманная потому, что мы должны были иметь сказку — должны были, — вы готовы отлучить меня от церкви и сослать. Это не выход, Херб. Это не выход.

Он похлопал рукой по пистолету.

— Вот выход, — сказал он.

— Джон, ты сумасшедший.

— А ты дурак, — сказал Джон.

Сначала он испугался, потом рассердился. А теперь он чувствовал только презрение к этим людям, столпившимся в коридоре, выкрикивающим пустые угрозы.

— Что вы сделали с Джошуа? — спросил он.

— Мы связали его, — ответил Херб.

— Вернитесь и развяжите его. И пришлите мне еды.

Они заколебались. Он сделал угрожающее движение пистолетом.

— Идите!

Они побежали.

Он захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Он нашел шесть планет, из них две имели атмосферу — вторая и пятая. Он посмотрел на часы: прошло много часов. Джошуа еще не появлялся. В дверь не стучали. Не было ни пищи, ни воды. Он снова уселся в кресло пилота.

Звезда была далеко позади. Скорость уменьшилась, но была еще слишком велика. Он подвинул рычаг назад и следил за тем, как ползет назад стрелка указателя скорости. Теперь это было безопасно, по крайней мере он надеялся, что безопасно. Корабль оказался в 54 миллионах километров от звезды, и можно было уменьшить скорость.

Он снова уставился на пульт управления, и все было уже яснее, понятнее, он знал о нем немного больше. В конце концов, это не так уж трудно. И будет не так трудно. Главное — есть время. Много времени. Нужно будет еще думать и рассчитывать, но для этого есть время.

Разглядывая пульт, он нашел вычислительную машину, которой не заметил раньше, — вот как давали приказания Кораблю! Вот чего ему не хватало, вот над чем он бился — как приказывать Кораблю. А это делалось так. Нужно отдать приказ маленькому мозгу.

Его преследовало одно слово — «автоматический». Он нашел кнопку с надписью «телескоп», и еще — с надписью «орбита», и еще — «приземление».

Наконец-то, подумал он. После всех волнений и страха — это так просто. Именно таким эти люди там, на Земле, и должны были сделать Корабль. Просто. Невероятно просто. Так просто, что каждый дурак может посадить Корабль. Каждый, кто ткнет пальцем кнопку. Ведь они, наверное, догадывались, что может произойти на Корабле через несколько поколений. Они знали, что Земля будет забыта и что люди создадут новую культуру, приспособленную к условиям в Корабле. Догадывались — или планировали? Может быть, культура Корабля была частью общего плана? Разве могли бы люди жить тысячу лет на Корабле, если бы знали его цель и назначение?

Конечно, не могли бы. Они бы чувствовали себя ограбленными и обманутыми, они бы сошли с ума от мысли, что они всего только переносчики жизни, что их жизни и жизни многих поколений будут просто зачеркнуты, чтобы их потомки могли прибыть на далекую планету.

Был только один способ бороться с этим — забвение. К нему и прибегли, и это было к лучшему.

После смены нескольких поколений люди проводили свои маленькие жизни в условиях доморощенной культуры, и этого им было достаточно. Тысячи лет как будто и не было, потому что никто не знал про эту тысячу.

И все это время Корабль ввинчивался в пространство, направляясь к цели, прямо и точно.

Джон Хофф подошел к телескопу, поймал в фокус пятую планету и включил радары, которые держали бы ее в поле зрения. Потом он вернулся к вычислительной машине и нажал кнопку с надписью «телескоп» и другую, с надписью «орбита».

Потом он сел ждать. Делать было больше нечего.

На пятой планете не было жизни.

Анализатор рассказал все. Атмосфера состояла в основном из метана, сила тяжести была в тридцать раз больше земной, давление под кипящими метановыми облаками близко к тысяче атмосфер. Были и другие факторы, но любого из этих трех было достаточно.

Джон Хофф вывел Корабль с орбиты и направил его к солнцу. Снова сев за телескоп, он поймал в фокус вторую планету, включил вычислительную машину и опять уселся ждать.

Еще один шанс — и кончено. Потому что из всех планет только на двух была атмосфера. Или вторая планета, или ничего.

А если и вторая планета окажется мертвой, что тогда?

На это был только один ответ. Другого не могло быть. Повернуть Корабль еще к какой-нибудь звезде, прибавить скорость и надеяться — надеяться, что через несколько поколений люди найдут планету, на которой смогут жить.

У него начались голодные спазмы. В здешней системе водяного охлаждения еще оставалось несколько стаканов жидкости, но он выпил их уже два дня назад.

Джошуа не вернулся. Люди не появлялись. Дважды он открывал дверь и выходил в коридор, готовый сделать вылазку за пищей и водой, но каждый раз, подумав, возвращался. Нельзя было рисковать. Рисковать тем, что его увидят, поймают и не пустят обратно в рубку.

Но скоро ему придется рискнуть, придется сделать вылазку. Еще через день он будет слишком слаб, чтобы сделать это. А до второй планеты им лететь еще долго.

Придет время, когда у него не будет выбора. Он не выдержит. Если он не добудет воды и пищи, он превратится в никчемное, еле ползающее существо, и вся его сила иссякнет к тому времени, когда они достигнут планеты.

Он еще раз осмотрел пульт управления. Как будто все в порядке. Корабль еще набирал скорость. Сигнальная лампочка вычислительной машины горела синим светом, и машина тихо пощелкивала, как бы говоря: «Все в порядке. Все в порядке».

Потом он перешел от пульта в тот угол, где спал. Он лег и свернулся клубком, пытаясь сжать желудок, чтобы тот не мучил его. Он закрыл глаза и попробовал заснуть.

Лежа на металле, он слышал, как далеко позади работают машины, слышал их мощное пение, наполнявшее весь Корабль. Ему вспомнилось, как он думал, что нужно сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. Оказалось, что это не так, хотя он уже понимал, как можно сжиться с Кораблем, как Корабль может стать частью человека.

Он задремал, проснулся, снова задремал — и тут вдруг услышал чей-то крик и отчаянный стук в дверь.

Он сразу вскочил, бросился к двери, вытянув вперед руку с ключом. Рванул дверь, отпер — и, споткнувшись на пороге, в рубку упала Мери. В одной руке у нее был бак, в другой — мешок. А по коридору к двери бежала толпа, размахивая палками и дико крича.

Джон втоптал Мери внутрь, захлопнул дверь и запер ее. Он слышал, как бегущие тела ударились в дверь и как в нее заколотили палками и заорали.

Джон нагнулся над женой.

— Мери, — сказал он. Горло его сжалось, он задыхался, — Мери.

— Я должна была прийти, — сказала она, плача. — Должна, что бы ты там ни сделал.

— То, что я сделал, — к лучшему, — ответил он. — Это была часть плана, Мери. Я убежден в этом. Часть общего плана. Люди там, на Земле, все предусмотрели. И я как раз оказался тем, кто...

— Ты еретик, — сказала она. — Ты уничтожил нашу Веру. Из-за тебя все перегрызлись. Ты...

— Я знаю правду. Я знаю цель Корабля.

Она подняла руки, охватила его лицо, нагнула и прижала к себе.

— Мне все равно, — сказала она. — Все равно. Теперь. Раньше я боялась. Я была сердита на тебя, Джон. Мне было стыдно за тебя. Я чуть не умерла со стыда. Но когда они убили Джошуа...

— Что такое?!

— Они убили Джошуа. Они забили его до смерти. И не его одного. Были и другие. Они хотели идти помогать тебе. Их было очень мало. Их тоже убили. На Корабле — сплошные убийства. Ненависть, подозрения. И всякие нехорошие слухи. Никогда еще так не было, пока ты не отнял у них Веру.

Культура разбилась вдребезги, подумал он. За какие-то часы. А Вера исчезла за долю секунды. Сумасшествие, убийства... Конечно, так оно и должно было быть.

— Они боятся, — сказал он. — Они больше не чувствуют себя в безопасности.

— Я пыталась прийти раньше, — сказала Мери. — Я знала, что ты голоден, и боялась, что тут нет воды. Но мне пришлось ждать, пока за мной перестанут следить.

Он крепко прижал ее к себе. В глазах у него все расплылось и потеряло очертания.

— Вот еда, — сказала она, — и питье. Я притащила все, что могла.

— Жена моя, — сказал он. — Моя дорогая жена...

— Вот еда, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и помог ей подняться.

— Сейчас, — сказал он. — Сейчас буду есть. Я хочу тебе сначала кое что показать. Я хочу показать тебе Истину.

Он поднялся с ней по ступенькам.

— Смотри. Вот куда мы летим. Вот где мы летим. Что бы мы себе ни говорили, вот она — Истина.

Вторая планета была ожившей Священной Картиной. Там были и Ручьи, и Деревья, и Трава, и Цветы, Небо и Облака, Ветер и Солнечный Свет.

Мери и Джон стояли у кресла пилота и смотрели в окно.

Анализатор после недолгого журчания выплюнул свой доклад.

«Для людей безопасно», — было напечатано на листочке бумаги. К этому было прибавлено много данных о составе атмосферы, о количестве бактерий, об ультрафиолетовом излучении и разных других вещах. Но этого было уже достаточно. «Для людей безопасно».

Джон протянул руку к центральному переключателю на пульте.

— Вот оно, — сказал он. — Тысяча лет кончилась.

Он повернул выключатель, и все стрелки прыгнули на нуль. Песня машин умолкла, и на Корабле наступила тишина, как тогда, когда звезды еще вращались, а стены были полом.

И тогда они услышали плач — человеческий плач, похожий на звериный вой.

— Они боятся, — сказала Мери. — Они смертельно испуганы. Они не уйдут с Корабля.

Она права, подумал он. Об этом он не подумал — что они не уйдут с Корабля.

Они были привязаны к нему на протяжении многих поколений. Они искали в нем крова и защиты. Для них огромность внешнего мира, бесконечное небо, отсутствие всяких пределов будут ужасны.

Но как-то нужно их выгнать с Корабля — именно выгнать и запереть Корабль, чтобы они не ворвались обратно. Потому что Корабль означал невежество и убежище для трусов; это была скорлупа, из которой они уже выросли; это было материнское лоно; выйдя из него, человечество должно обрести второе рождение.

Мери спросила:

— Что они сделают с нами? Я об этом еще не думала. Мы не сможем спрятаться от них.

— Ничего, — ответил Джон. — Они нам ничего не сделают. По крайней мере пока у меня есть вот эта штука.

Он похлопал по пистолету, заткнутому за пояс.

— Но, Джон, эти убийства...

— Убийств не будет. Они испугаются, и страх заставит их сделать то, что нужно. Потом, может быть не очень скоро, они придут в себя, и тогда страха больше не будет. Но, чтобы начать, нужно... — Он вспомнил наконец это слово, внушенное ему удивительной машиной. — Нужно руководство. Вот что им надо — чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил им, что делать, объединил их.

«Я надеялся, что все кончилось, — подумал он с горечью, — а ничего еще не кончилось. Посадить Корабль, оказывается, недостаточно. Нужно продолжать. И, что бы я ни сделал, Конца так и не будет, пока я жив».

Нужно будет устраиваться и учиться заново. Тот ящик больше чем наполовину набит книгами. Наверное, самыми главными. Книгами, которые понадобятся, чтобы начать.

И где-то должны быть инструкции. Указания, оставленные вместе с книгами, чтобы он прочел их и выполнил.

«*Инструкция. Выполнить после посадки*». Так будет написано на конверте или что-нибудь в этом роде. Он вскроет конверт, и там будут сложенные листки бумаги.

Так же как и в том, первом Письме.

Еще одно Письмо? Конечно, должно быть еще одно Письмо.

— Это было предусмотрено на Земле, — сказал он. — Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества — единственно возможное для того, чтобы люди перенесли полет. Они предусмотрели ересь, которая сохранит знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять — любой. Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их планы в любой момент опережали события.

Он поглядел в окно, на широкие просторы новой Земли, на Деревья, Траву, Небо.

— И я не удивлюсь, если они придумали, как выгнать нас из Корабля.

Вдруг пробудился громкоговоритель и загремел на весь Корабль.

— Слушайте все! — сказал он, чуть потрескивая, как старая пластинка. — Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль в течение двенадцати часов! Когда этот срок истечет, будет выпущен ядовитый газ!

Джон взял Мери за руку.

— Я был прав. Они предусмотрели все до конца. Они опять на один шаг впереди нас.

Они стояли вдвоем, думая о тех людях, которые так хорошо все предвидели, которые заглянули в такое далекое будущее, догадались обо всех трудностях и предусмотрели, как их преодолеть.

— Ну, идем, — сказал Джон.

— Джон....

— Да?

— А теперь мы можем иметь детей?

— Да, — ответил Джон. — Мы теперь можем иметь детей. Каждый, кто хочет. На Корабле нас было так много. На этой планете нас будет так мало.

— Место есть, — сказала Мери. — Много места.

Он отпер дверь рубки. Они пошли по темным коридорам.

Громкоговоритель снова заговорил: «Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль!..»

Мери прижалась к Джону, и он почувствовал, как она дрожит.

— Джон, мы сейчас выйдем? Мы выйдем?

Испугалась. Конечно, испугалась. И он испугался. Страх многих поколений нельзя стряхнуть сразу, даже при свете Истины.

— Постой, — сказал он. — Я должен кое-что найти.

Наступает время, когда они должны покинуть Корабль, выйти на пугающий простор планеты — обнаженные, испуганные, лишенные безопасности, которая окружала их.

Но, когда наступит этот миг, он будет знать, что делать.

Он наверняка будет знать, что делать.

Потому что, если люди с Земли все так хорошо предусмотрели, то они не могли упустить самого важного и не оставить где-нибудь Письма с указаниями, как жить дальше.

ДЕНЬ ПЕРЕМИРИЯ

1

Все тихо. Нигде ни признака панков. Над голой истерзанной землей повисла гнетущая тишина. Не было заметно ни малейшего движения — даже стаи бродячих собак и те исчезли.

Слишком уж спокойно, заключил Макс Хейл.

Обычно хоть что-нибудь да двигалось и время от времени доносились звуки. Казалось, все затаилось перед какой-то страшной опасностью — скорее всего, очередным нападением. Хотя теперь атака может быть направлена только против одной цели.

А какое дело остальным, подумал Макс, ведь они давным-давно сдались, чего им прятаться за дверями и ставнями?

Макс стоял на плоской крыше укрепленной усадьбы, цитадели Кроуфорда, и следил за улицами, что вели к северу и западу от нее. По пути домой мистер Кроуфорд выберет одну из них. Никто не знал, какую именно, потому что мистер Кроуфорд редко возвращался одним и тем же маршрутом. Только так можно было избежать засады или опасности натолкнуться на баррикаду. Правда, сейчас засады стали куда реже — почти не осталось деревьев и кустарников, стало трудно скрываться. Требовалась немалая изобретательность, чтобы организовать засаду в такой голой и разграбленной местности. Однако, напомнил себе Макс, уж в чем, в чем, а в отсутствии изобретательности панков трудно было обвинить.

Мистер Кроуфорд позвонил днем и сказал, что немного задержится. Из-за этого Макс и нервничал. Минут через пятнадцать начнет смеркаться, а с наступлением темноты окрестности Оук Мэнор становились опасными. Впрочем, теперь ночью становились опасными все пригороды. И хотя район Оук Мэнор был опаснее других, нигде нельзя было себя чувствовать в безопасности.

Он снова поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел окружающую местность. Ничего — ни патрулей, ни прячущихся одиночек. Хотя где-то скрывались наблюдатели, в этом Макс не сомневался. Панки не сводили глаз с усадьбы Кроуфорда, надеясь, что когда-нибудь бдительность ее обитателей ослабнет.

Макс переводил бинокль с одной улицы на другую, с одного разрушенного дома на другой. Разбитые стекла, осыпавшаяся краска, багровые полосы, нанесенные несколько лет назад. Здесь и там виднелись высохшие деревья с обломанными ветвями. Пожелтевшие, давно мертвые, они торчали посреди пыльных дворов — дворов, с которых исчезла трава, когда-то превращавшая их в лужайки.

Вдоль Сёркл-драйв, на вершине холма, виднелось то, что напоминало об усадьбе Томпсона, павшей пять лет назад. От дома не осталось и следа. Он был стерт с лица земли до основания, уничтожен камень за камнем, доска за доской. Лишь скелеты погибших деревьев да погнутые и искореженные металлические опоры говорили, где проходила укрепленная ограда.

Теперь только цитадель Кроуфорда возвышалась в Оук Мэнор. Макс думал об этом с гордостью и тяжелыми воспоминаниями. Она выстояла благодаря ему, подумал Макс, и он будет защищать усадьбу до конца.

Это был последний оазис посреди голой пустыни, со своими деревьями и травой, летними беседками, поросшими вьющимися растениями, густыми кустами и солнечными часами поразительной красоты, с фонтаном и прудом, где плавали золотые рыбки и росли лилии.

— Макс, — донеслось из портативной рации, что висела на груди.

— Слушаю, мистер Кроуфорд.

— Где вы сейчас, Макс?

— На посту, на крыше.

— Я проеду по Сеймур-драйв, — донесся металлический голос мистера Кроуфорда. — Сейчас я примерно в миле от дома, за холмом. Подъеду, не сбавляя скорости.

— Поблизости никого нет, сэр.

— Отлично. Вовремя откройте ворота, Макс.

— У меня с собой пульт дистанционного управления, сэр. Открою ворота прямо отсюда. Буду смотреть в оба.

— Сейчас я приеду, — закончил мистер Кроуфорд.

Макс взял в руки пульт управления, ожидая появления машины хозяина усадьбы.

Автомобиль вырвался из-за вершины холма, промчался по Сеймур-драйв и с ревом полетел к воротам.

Когда он был всего в трех метрах от ворот, Макс нажал на кнопку, отпирающую электронный замок. Массивный бампер ударил по воротам и распахнул их. Тяжелые буферы, протянувшиеся по бокам автомобиля, удержали их открытыми долю секунды, необходимую, чтобы автомобиль проскочил во двор. И тут же мощные пружины захлопнули ворота. Щелкнул замок.

Макс повесил пульт управления на плечо и спустился вниз по лесенке.

Когда он подошел, мистер Кроуфорд уже поставил машину в гараж и запирает ворота.

— Действительно, все тихо, — заметил мистер Кроуфорд. — Гораздо спокойнее обычного.

— Это мне не нравится, сэр. Они что-то затевают.

— Вряд ли, — пожал плечами мистер Кроуфорд. — Накануне Дня Перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Согласен, — кивнул мистер Кроуфорд, — но завтра они соберутся здесь, чтобы повеселиться. Нам не следует обижать их. В конце концов, мы их соседи, и нехорошо нарушать традиции. Мне бы не хотелось, чтобы ваше усердие вышло за рамки дозволенного.

— Вы ведь хорошо знаете, сэр, — запротестовал Макс, — я никогда не пойду на это. Я боец, сэр, но воюю честно.

— Я просто вспомнил о том маленьком трюке, который вы хотели выкинуть в прошлом году. — Мистер Кроуфорд взглянул на Макса.

— Но ведь это не причинило бы им никакого вреда, сэр. По крайней мере серьезного вреда. Они бы даже ничего не заподозрили. Капля-другая во фруктовый пунш — и все. Они почувство-

вали бы действие лишь через несколько часов. Состав действует очень медленно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Накануне Дня Перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Хорошо, что я узнал об этом вовремя. И мне не хочется, чтобы на этот раз случилось что-нибудь подобное. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, сэр, — ответил Макс. — Можете положиться на меня.

Какая это глупость — День Перемирия, подумал Макс. Пережиток далекого прошлого, когда кому-то из либералов пришла в голову мысль, что будет неплохо, если жители усадеб встретятся с панками в мирной обстановке и вместе проведут праздник.

Естественно, так и случается, но всего лишь один день в году. На протяжении двадцати четырех часов нет нападений, горящих стрел, брошенных через высокий забор гранат. Но уже спустя секунду после полуночи вражда вспыхивает снова, не менее упорная и жестокая, чем раньше.

Она длилась уже много лет. Макс отлично понимал, каким будет ее исход. Наступит день, и усадьба Кроуфорда, несмотря на все укрепления, падет, как уже пали все остальные цитадели в Оук Мэнор. Но Макс дал слово, что пока не наступит этот день, он будет бороться до последнего. Ни на мгновение не ослабит бдительности, и еще не один панк пожалеет, что ввязался в эту войну.

Мистер Кроуфорд распахнул дверь. На мгновение яркий свет вырвался наружу. Затем дверь закрылась и дом снова превратился в безмолвную громаду, холодную и темную. Сквозь затемнение не пробивалось даже крошечного луча света. Ежедневно, еще до наступления темноты, Макс подходил к щиту управления, перебрасывал ручку рубильника, и на всех окнах захлопывались стальные ставни. Освещенные окна в ночи представляли собой слишком хорошую цель.

В последнее время нападения случались только ночью. Еще недавно их можно было ожидать и днем, однако теперь опасность для нападающих была слишком велика. Год за годом оборона укреплялась, и дневные рейды превратились в безрассудство.

Макс повернулся и подошел к воротам. Он натянул резиновые перчатки и при свете фонарика осмотрел замок. Ворота были заперты. Еще не было случая, чтобы электронный замок не сработал. Тем не менее полностью исключить такую опасность нельзя, поэтому Макс никогда не забывал проверить ворота.

Он протянул руку в резиновой перчатке и потрогал забор. Два с половиной метра высотой, с несколькими рядами колючей про-

волоки наверху. И через каждый дюйм проволоки струился электрический ток высокого напряжения. Макссу казалось, что провода гудят под током, но он знал, что это всего лишь иллюзия. Он знал, что электричество бесшумно.

За первым, основным, забором стоял второй, запасной, в который можно было подать ток, если основной рухнет.

Сзади слышалось едва различимое дыхание.

— Здорово, приятель, — сказал Макс, обернувшись.

В темноте было трудно различить очертания собаки, однако Макс знал, что она фыркает от удовольствия при звуках его голоса.

Собака вынырнула из темноты и прижалась к его ногам. Макс присел и прижал к груди огромную голову. В одно мгновение собака облизала ему лицо.

— А где остальные? — спросил Макс и почувствовал, как могучее тело задрожало от удовольствия.

Отличные псы, подумал он. Живущих в доме они любят до обожания, но смертельно ненавидят посторонних. Так их воспитали.

Макс знал, что остальная стая бродит по двору, прислушиваясь к малейшему шороху. Никто не сможет подойти к забору незамеченным. Любого, сумевшего перемахнуть через забор, они разорвут в клочья.

Он снял перчатки и положил их в карман.

— Пошли, пошли, — сказал он.

Макс сошел с дорожки и осторожно двинулся по двору. Здесь нужно было следить за каждым шагом, потому что поверхность двора была тщательно спланирована таким образом, что любая брошенная граната или бутылка с зажигательной жидкостью неминуемо скатывалась бы в одну из ловушек, которыми был усеян двор. Правда, теперь гранаты и бутылки редко перелетали через забор. Нападающие поняли, что это ни к чему не приведет. Было время, когда в дом летели горящие стрелы. После того как поверхность дома была обработана несгораемым составом, стрелы тоже сошли на нет.

Макс остановился и замер. Листья на ветках деревьев шелестели под легким дуновением ветра. Он поднял голову и посмотрел на их темные очертания, вырисовывающиеся на фоне более светлого неба.

Как они красивы, подумал Макс. Жаль, что их почти не осталось. Когда-то эта округа называлась Оук Мэнор — Дубовая Роща, потому что здесь росли эти величественные исполины. И вот теперь, прямо перед Максом, возвышался последний из них — огромный старый патриарх, крона которого закрывала свет первых звезд.

Макс смотрел на старый дуб со страхом и благоговением. Да, он представлял собой смертельную угрозу. Дуб был старым и ду-

плистым, его нужно было убрать, потому что он склонялся в сторону забора и при сильном ветре мог рухнуть прямо на провода, нарушив защиту усадьбы. Несколько раз Макс порывался поговорить с мистером Кроуфордом, но он знал, что хозяин усадьбы любит старого великана. Да и сам Макс был равнодушен к дубу. Может быть, если закрепить его тросами, чтобы дерево по крайней мере не упало на забор... Хотя тросы, охватывающие этот могучий ствол, казались святотатством, оскорблением древнего монарха...

Осторожно ступая, сопровождаемый собакой, Макс вышел. Наклонившись, он провел ладонью по шершавой поверхности солнечных часов. Мистер Кроуфорд привез их из монастырского сада где-то во Франции. Уже одно это придавало ценность древним часам. Но, может быть, мистер Кроуфорд видел в них что-то другое, помимо того что им было много сотен лет и их привезли из-за океана.

Возможно, солнечные часы были для него символом давно ушедших дней, когда каждый человек имел право на сад, кусты и траву возле своего дома и их не нужно было защищать, когда он мог гордиться домом и тем, что его окружало. Однако это право понемногу с течением времени исчезло.

2

Все началось незаметно. Дети, играя, топтали лужайки, а бегущие за ними своры счастливых псов ломали кусты. У каждого мальчика должна быть своя собака, говорили родители.

Жители пригородов перебрались сюда из шумных перенаселенных городов, чтобы жить, как любили говорить они, на лоне природы. Здесь каждая семья сможет завести себе собаку, а дети будут бегать и играть на свежем воздухе под лучами солнца.

И правда, здесь было где бегать, поэтому дети бегали. Ничего другого им не оставалось. Они носились сломя голову по улицам, лужайкам и дорожкам, ломая и разоряя все, что им попадалось. Прошло время, ребяташки выросли, но никаких других развлечений взрослые им предложить не могли. Им оставалось лишь одно — бегать. Их матери каждое утро собирались пить кофе и сплетничать, а отцы каждый вечер сидели во дворе и пили пиво. Пользоваться семейным автомобилем стало слишком дорого — цены на бензин снова подскочили, дома были заложены в банках и нужно было выплачивать проценты, налоги все росли и росли, и на все это требовались деньги.

И вот, в поисках выхода для своей энергии, вымещая обиду за то, что у них ничего нет, повзрослевшие ребяташки начали искать приключения в актах вандализма. Они резали бельевые ве-

ревки во дворах, рубили на куски садовые шланги, неосторожно оставленные на ночь без присмотра, ломали столы и стулья в патио, чертили по стенкам и штакетнику кусками мела.

Раздраженные домовладельцы начали строить заборы, чтобы оградить свои дворы от налетов молодежи с собаками, и это сразу было истолковано как оскорбление и вызов.

И этот первый забор, воздвигнутый много лет назад, стал предшественником почти трехметрового электрифицированного ограждения цитадели Кроуфорда, а маленькие вандалы с кусками мела, с восторженными криками бившие окна в домах соседей, были предками панков.

Макс выпрямился и пошел к забору мимо пруда с лилиями и золотыми рыбками, мимо пляшущих струй фонтана, мимо склонившихся плакучих ив.

— Пст! — донеслось с другой стороны забора.

— Это ты, Билли?

— Да, — ответил Билли Уорнер.

— У тебя есть какие-нибудь новости?

— Завтра День Перемирия, и мы придем в гости...

— Да, я это знаю, — ответил Макс.

— Они принесут с собой бомбу с часовым механизмом.

— Но как? — спросил Макс. — Полицейские обыскивают при входе каждого.

— Бомба будет разобрана на части. У каждого будет спрятана под одеждой одна деталь. Сегодня вечером Стоуни Стаффорд будет раздавать их. Он подобрал группу, которая тренировалась несколько недель. Они могут собрать ее даже в темноте, на ощупь.

— Да, пожалуй, — медленно сказал Макс. — Это возможно. А после того, как ее соберут?

— Подложат под солнечные часы, — сказал Билли.

— Спасибо, — сказал Макс. — Это было бы огромным ударом для мистера Кроуфорда.

— Мне кажется, я заработал двадцатку.

— Да, — согласился Макс. — Двадцатку ты заработал.

— Если они узнают, что я проболтался тебе, меня убьют.

— Не узнают, — ответил Макс. — От меня не узнают.

Он достал из кармана бумажник, на мгновение включил фонарик и вытащил две десятки. Сложил их вдвое вдоль и просунул между проводами забора.

— Осторожно! — предупредил Макс. — Не касайся проводов, они под током.

Из темноты появилась рука, схватила деньги и исчезла. П слышался шорох удаляющихся шагов.

Макс замер, прислушиваясь. Ветер по-прежнему шуршал листьями, слышался плеск фонтана, напоминавший звон серебряных колокольчиков.

Он повернулся и двинулся вдоль забора, завершая вечерний осмотр. Выйдя из-за гаража, Макс увидел, что у ворот стоит полицейский автомобиль.

— Ты, Чарли? — окликнул он.

— Это я, Макс, — отозвался Чарли Поллард. — Все тихо?

— Как всегда.

Макс подошел к воротам и увидел за забором неясные очертания коренастой фигуры полицейского.

— Проезжал мимо и решил заглянуть, — сказал Поллард. — Сегодня вечером тихо. Скоро мы приедем, чтобы убедиться, что у тебя нет ничего запрещенного. Мне кажется, у тебя солидный запас.

— Только для обороны, — кивнул Макс. — Таков закон.

— Да, таков закон, — согласился Поллард. — Но мне кажется, что иногда ты проявляешь чрезмерное рвение. К примеру, у тебя в заборе электрический ток — три тысячи вольт?

— Естественно, — сказал Макс. — Ты считаешь это неправильным?

— Какой-нибудь малыш схватится за провод и будет убит на месте.

— А тебе хочется, чтобы его только чуть-чуть пощекотало?

— И все-таки ты бываешь излишне жестоким.

— Сомневаюсь, — возразил Макс. — Я наблюдал с крыши, что они сделали с усадьбой Томпсона пять лет назад.

— Тогда я еще служил в Фэйрвью Эйкерс.

— Так вот, они разнесли ее на части, — сказал Макс. — По кирпичу, камень за камнем, бревно за бревном. От дома ничего не осталось, как и от остальных построек. Они свалили все деревья и затем порубили их. Вырвали с корнем кусты. Перекопали клумбы. Когда они ушли, за ними осталась пустыня. Так что пока я здесь, я не позволю, чтобы с домом мистера Кроуфорда случилось что-то подобное. Человек имеет право посадить и вырастить дерево, посеять траву. Если ему хочется разбить клумбу, он имеет право и на это. Я знаю, тебе это покажется странным, но он даже имеет право не пускать в дом посторонних.

— Да, — согласился полицейский, — все это верно. Но ведь ты имеешь дело с детьми. Ты должен уступить им. Они твои соседи. Если бы ты и они проявили добрую волю, все было бы в порядке.

— Мы не можем себе этого позволить, — сказал Макс. — В нашей стране соседские отношения, о которых ты говоришь, означают отказ от всех прав. Добрососедские отношения нарушились давным-давно, когда ребяташки начали ходить по твоей

лужайке к школьному автобусу, а ты не решился возразить, чтобы тебя не обругали. Они нарушились тогда, когда твой сосед попросил на часок газонокосилку и забыл вернуть ее, а когда ты зашел за ней, оказалось, что она сломана. Но сосед притворился, что он ничего не знает, и ради добрососедских отношений ты не осмелился потребовать, чтобы он заплатил за ремонт.

— Может быть, и так, — сказал Поллард, — но сейчас все это вышло из-под контроля. События зашли слишком далеко. Вы ведете себя слишком уж высокомерно.

— Есть простой выход, — заметил Макс. — Пусть панки оставят нас в покое, и мы тут же уберем забор и все остальное.

Поллард покачал головой:

— Слишком поздно. Ничего нельзя сделать. — Он пошел к машине, затем повернул голову: — Чуть не забыл, — сказал он. — Завтра — День Перемирия. Я и двое полицейских приедем рано утром.

Макс промолчал. Машина тронулась с места и исчезла вдали.

Он повернулся и пошел к дому.

Нора приготовила ему ужин. Макс тяжело опустился на стул. Каждый вечер он уставал все больше и больше. Раньше он был помоложе, и жизнь казалась куда более простой.

— Что-то ты поздно сегодня, — сказала Нора, ставя перед ним тарелку. — Все в порядке?

— Пожалуй. Все тихо. Но завтра могут быть неприятности. Они принесут с собой мину.

— Мину! — воскликнула Нора. — Нужно сообщить в полицию.

Макс покачал головой:

— Нет, это бессмысленно. Полиция на их стороне. Полицейские будут утверждать, что мы вели себя настолько вызывающе, что у панков не было другого выхода. К тому же я не должен выдать парня, сообщившего мне об этом. Однако уже то, что я знаю о мине, очень важно. Теперь я буду настороже.

И все-таки его тревожило что-то. Может быть, не сама мина, а что-то другое, связанное с ней.

Макс закончил ужин и отодвинул тарелку. Нора налила ему кружку кофе и села напротив.

— Ты знаешь, Макс, мне иногда делается страшно, — сказала она.

Он кивнул.

— Я не понимаю, почему Кроуфорды так цепляются за свою усадьбу. Они могли бы переехать в город. Там куда безопаснее. Конечно, и в городе орудуют банды, но там они в основном воюют между собой.

— Гордость, Нора, — ответил Макс. — Они не хотят сдаваться. Это сильные и гордые люди.

Нора вздохнула:

— Пожалуй, ты прав. Но все равно жаль. В городе они могли бы жить в комфорте и безопасности, не то что здесь.

— Спасибо, Нора, — Макс встал из-за стола. — Ты так вкусно готовишь.

— Кончай льстить, — ответила довольная Нора.

Макс спустился в подвал и сел перед коротковолновым передатчиком. Одну за другой он вызвал усадьбы, еще оставшиеся в округе. У них тоже все было тихо. Вот уже несколько дней.

Макс снял наушники и отодвинулся на спинку стула. Он никак не мог забыть о mine и о том, что завтра ее подложат под солнечные часы. Здесь что-то не так, но что?

Он вышел во двор. Высоко в небе сияла луна. Макс направился к солнечным часам. Откуда панки могли узнать, что солнечные часы так дороги мистеру Кроуфорду? Каким образом это стало им известно?

Ответ был прост. Они не знают об этом. И даже если бы знали, разрушение солнечных часов — мелочь. Мину можно использовать с гораздо большим эффектом.

Стоуни Стаффорд, босс панков, далеко не дурак. Он походил на хорька — хитрого и злобного. Нет, он не станет взрывать солнечные часы.

И вдруг Макс понял, куда бы он подложил мину, будь он на месте Стаффорда.

Под корни древнего дуба, склонившегося в сторону забора.

Значит, Билли обманул его? Вполне возможно, что нет. Скорее, Стаффорд начал подозревать, что среди его людей таится осведомитель, и намеренно дезинформировал его. В последнюю минуту, когда будет уже слишком поздно, он переменит место.

Макс повернулся и пошел к дому. Поднялся по лестнице к себе в комнату и лег спать. Засыпая, он подумал, что события развиваются не так уж плохо.

3

Полицейские приехали в восемь утра. Потом прибыли плотники и сколотили настил для танцев. Музыканты начали настраивать инструменты. Из ресторана приехали официанты, накрыли столы и уставили их пищей. В центре каждого стола стояла огромная чаша с пуншем.

После девяти начали подходить панки со своими девушками. Полицейские обыскивали их при входе и не нашли ни дубинок, ни кастетов, ни велосипедных цепей.

Заиграл оркестр. Панки начали танцевать с девушками. Некоторые бродили по двору и восхищались цветами. Они сидели на

траве, беседовали друг с другом и смеялись. Молодежь веселилась, и все было хорошо.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Макс Поллард. — Это самые обыкновенные ребята. Не надо только дразнить их и не надо ссориться. Конечно, некоторые из них без царя в голове, но это еще не значит, что они преступники. Просто вы сами ведете себя вызывающе.

— Да, — сказал Макс. Он кивнул полицейскому и пошел внутрь двора, стараясь казаться незаметным. Ему так хотелось не спускать с дуба глаз, но он понимал, что не может рисковать. Даже смотреть в сторону дуба было опасно, не то что подходить к нему. Иначе они подложат мину куда-нибудь еще, и тогда ему придется лихорадочно ее искать в кромешной мгле.

Скамейка под цветущим миндальным деревом была пустой, и Макс улегся на ней. День был теплым, и он задремал.

Когда он проснулся, рядом, на дорожке стоял мужчина.

— Привет, Макс, — сказал Стоуни Стаффорд.

— А ты чего не танцуешь, Стоуни?

— Я ждал, когда ты проснешься, — ответил Стоуни. — Слишком уж крепко ты спишь. Я мог бы сломать тебе шею.

Макс сел и потер лицо.

— Только не в День Перемирия, Стоуни. Сегодня мы все друзья.

Стоуни презрительно плюнул на дорожку.

— Скоро, — пообещал он.

— Послушай, — сказал Макс, — почему бы тебе не забыть о нас? Не старайся, можешь надорваться. Поищи что-нибудь полегче.

— Когда-нибудь придет и ваш час, — ответил Стоуни. — Эта усадьба не может стоять вечно.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Может быть, — ответил Стоуни. — Но я думаю иначе. И мне хочется вот что тебе сказать. Ты считаешь, наверно, что с тобой ничего не случится, даже если мы и разрушим дом Кроуфорда. Но ты ошибаешься. С Кроуфордом и Норой мы поступим так, как этого требует закон. Мы их и пальцем не тронем. Но вот ты отсюда никуда не уйдешь. Если нам запрещено носить ножи и револьверы, это совсем не значит, что мы бессильны. На тебя может, скажем, упасть камень. Или ты споткнешься и упадешь в огонь. Есть немало способов, и мы обязательно прикончим тебя.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Макс, — что я тебе не нравлюсь?

— Два моих парня погибли, — сказал Стоуни, — и несколько искалечено.

— С ними ничего бы не случилось, но ведь ты сам послал их через забор.

Макс поднял глаза и увидел ненависть во взгляде Стоуни Стаффорда, ненависть и торжество.

— Прощай, труп, — сказал Стоуни.

Он повернулся и пошел прочь.

Макс сидел на скамейке, вспоминая триумф во взгляде Стоуни. Значит, он не ошибся. Мина уже лежала под корнями старого дуба.

Поллард был прав. Ситуация действительно вышла из-под контроля. Ни одна сторона не хотела уступать.

Было время, когда полиция могла положить этому конец. Много лет назад, когда еще можно было пресечь хулиганство и вандализм. Да и родители тоже могли повлиять на развитие событий, если бы обратили больше внимания на воспитание детей, проводили с ними больше времени, вместо того чтобы предоставлять их улице. Наконец, общество могло спасти положение, построив для молодежи залы, стадионы и места для развлечений.

Но никто не думал об этом. Никто даже и не пытался.

А теперь остановить вражду было невозможно. И Макс знал, кто одержит в ней верх.

Наступило шесть вечера, и панки начали расходиться. В половине седьмого ушел последний. Музыканты уложили инструменты и уехали. Официанты собрали посуду, остатки пищи, скатерти и умчались в своем грузовике. Появились плотники и забрали доски. Макс подошел к воротам и проверил замок.

— Совсем неплохо, — сказал Поллард через ворота. — Видишь, это хорошие ребята — если познакомиться с ними поближе.

— Я и так с ними знаком, — ответил Макс.

Полицейский автомобиль развернулся и скрылся вдали.

Макс знал, что из-за забора за каждым его движением следят внимательные глаза. Нужно подождать, пока стемнеет. Будет куда лучше, если панки не поймут, что произошло на самом деле. Может быть, не сработало взрывное устройство.

Темнело. Макс знал, что больше не может ждать. Он осторожно подполз к дубу, разгреб листья и траву, прижимаясь к самой земле.

Он быстро нашел мину — свежая земля, покрытая наспех набросанными листьями, между двумя огромными корнями.

Макс сунул руку в рыхлую землю, и его пальцы коснулись холодного металла. Внезапно он замер, затем медленно и осторожно вытащил руку обратно.

Он сел и перевел дыхание.

Мина лежала под корнями дуба, как он и предполагал. Но прямо на ней была прикреплена еще одна, контактная мина. Стоит попробовать извлечь мину с часовым механизмом, и сработает контактный взрыватель.

Макс вытер руки от глины. Он понимал, что извлечь мины невозможно. Придется их оставить. Другого выхода не было.

Неудивительно, что он увидел торжество в глазах Стоуни. Это была не просто мина с часовым механизмом. Поставленная между огромными корнями, она была недосыгаемой.

Как поступить дальше?

Может быть, укрепить дуб тросами? Пожалуй, это единственный выход.

Макс встал и направился в подвал за тросами и инструментом. Проходя мимо рации, он подумал, что не успел связаться с соседними усадьбами. Ничего не поделаешь, у него сейчас дела поважнее.

И вдруг он вспомнил. Круто повернулся, сел к рации и включил питание.

Нужно тщательно выбирать слова, подумал он. Не исключено, что панки прослушивают его канал.

Джон Хеннеси, сторож в цитадели Кёртиса, ответил почти сразу.

— Что-нибудь случилось, Макс?

— Ничего особенного, Джон. Я просто вспомнил, что ты однажды говорил мне о своих игрушках.

— Игрушках?

— Ну да. Гремучках.

Макс слышал, как у Хеннеси перехватило дыхание.

— А, эти. Да, они все еще у меня, — ответил он наконец.

— Сколько их у тебя?

— Примерно сотня. Может быть, больше.

— Ты не мог бы дать их взаймы?

— Конечно, — ответил Хеннеси. — Тебе нужно их прямо сейчас?

— Да. Правда, я немного занят.

— Я упакую их в ящики и приеду примерно через час. Приготовься.

— Спасибо, Джон.

Макс снял наушники и задумался. Сотня гремучих змей! Не слишком ли он рискует?

Но ведь нельзя вечно сидеть и каждую минуту ждать нападения. А вот если ударить в ответ, да ударить так, что у панков навсегда исчезнет интерес... Плохо лишь то, что он мог только обороняться. В противном случае вмешается полиция и ему конец. Но это будет чистейшая оборона. Никто не сможет придраться. Да, такой шанс упускать нельзя.

4

Макс быстро встал и пошел в угол подвала. Там стояли огромные сорокалитровые бутылки концентрированной серной кислоты и несколько рулонов тяжелой металлической сетки. Он перенес рулоны и связку проволоки наверх.

Подойдя к дубу, Макс принялся за работу. Прошло более получаса, пока он протянул проволоку, закрепил на ней верхний край сетки и колышками прикрепил нижний край к земле.

Едва он успел закончить работу, как у ворот остановился грузовик. Макс отворил ворота, и грузовик въехал во двор. Хеннеси вышел из кабины.

— Что у тебя случилось? — спросил он. — За забором все так и кишит панками.

— У меня неприятности, — ответил Макс.

Хеннеси открыл борт. Внутри стояли три больших ящика с дверцами, затянутыми мелкой металлической сеткой.

Вдвоем они сняли ящики и подтащили их к металлической сетке.

— Вот здесь сетка еще не прикреплена колышками, — сказал Макс. — Давай просунем ящики под ней.

Один за другим ящики оказались за сеткой. Макс наклонился и надежно приколотил сетку к земле.

Хеннеси сходил к грузовику и вернулся, таща за собой шест.

— Ты не мог бы осветить фонариком? — попросил он. — Я знаю, панки не сводят с нас глаз, но они подумают, что мы просто осматриваем забор.

Макс включил фонарик, и Хеннеси, просунув за сетку шест, открыл крышки и перевернул ящики. Из темноты донеслось сухое шуршание.

— Они разбужены и злы. Сейчас они постараются найти место, где бы уснуть, и расползутся по всей территории между забором и твоей сеткой. Большинство очень крупные.

Он положил шест на плечо и пошел к грузовику.

— Спасибо, Джон.

— Всегда рад прийти на помощь. Я бы остался, но...

— Не надо, тебе нужно охранять свою усадьбу.

Они пожали руки.

— Первую милю проезжай как можно быстрее, — сказал Макс. — Панки могут устроить засаду.

— С моими бамперами и двигателем я прорвусь через что угодно.

Макс открыл ворота, грузовик подал назад, развернулся, набрал скорость и исчез в темноте. Проверив замок на воротах, Макс спустился в подвал. Там он включил рубильник, подающий питание на запасной забор и в сетку, подсоединенную к нему.

Вернувшись во двор, Макс начал всматриваться в темноту. Ему казалось, что он различает тени, мелькающие за забором.

Толпы панков, собравшиеся там, несомненно захотят воспользоваться рухнувшим дубом, чтобы перебежать по нему над забором, который по-прежнему будет под током.

Может быть, им удастся прорваться, но это казалось Максиму маловероятным.

Он стоял у сетки, прислушиваясь к шуршанию сотни расползающихся гремучих змей, рассерженных и не находящих себе места в новой, незнакомой для них обстановке.

Макс повернулся и пошел подальше от дуба, чтобы не попасть под ударную волну взрыва, ожидая, когда истекнут последние секунды Дня Перемирия.

НА ЗЕМЛЮ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ

Филберт заблудился. К тому же он был напуган. Это обстоятельство настораживало само по себе, потому что Филберт был роботом, а роботам эмоции неведомы.

Некоторое время Филберт обдумывал создавшееся положение, пытаясь разобраться в своих чувствах. Однако логики в них он так и не усмотрел.

Вокруг простиралась мертвая пустыня — все, что осталось от Старой Земли. Высоко над головой в иссиня-черном небе тускло светило кирпичное Солнце — атмосфера почти исчезла, и звезды сверкали нестерпимо ярким блеском. Хилая растительность, тщетно цепляющаяся за жизнь в мире, где жизни почти не было, казалось, сжималась от страха перед чувством врожденной бесплодности своих усилий.

Филберт вытянул правую ногу — и она скрипнула. Коленный сустав вышел из строя уже много часов назад. В него попал песок — очевидно, когда Филберт упал и повредил плоскость ориентировки. Потому-то он и заблудился. Тремя глазами, расположенными в верхней части головы, Филберт внимательно изучал звезды.

— Как жаль, что я ничего не знаю о созвездиях, — произнес он скрипучим от недостатка смазки голосом. — Босс утверждал, что люди пользовались ими для навигации. Впрочем, нет смысла принимать желаемое за действительное.

Ну вот что: если он не найдет масла, ему конец. Только бы вернуться назад, к изуродованному космолету, внутри которого лежало такое же изуродованное человеческое тело. Там для него нашлось бы вдоволь масла. Но он не мог вернуться, потому что не имел представления о месте катастрофы.

Ему оставалось только брести вперед в надежде отыскать затерянный в пустыне космический порт. Раз в месяц пассажирские лайнеры доставляли на Землю паломников и туристов, стремящихся взглянуть на старые храмы и памятные места первой обители человечества. Кто знает, может быть, ему удастся набрести

на одно из примитивных племен, все еще живущих на Старой Земле.

Филберт продолжал идти, скрипя правым коленом. Солнце медленно опускалось на западе, и на смену ему вставала Луна — чудовищный, изрытый оспинами мир. Тень Филберта скользила впереди, пересекая вместе с ним выветрившиеся, изъеденные временем горы, горбившиеся дюнами пустыни и белое от солончаков дно моря. Ни души вокруг.

Скрип в колене становился все сильнее. Наконец Филберт остановился, разобрал левый коленный сустав и наскреб из него немного смазки для больного колена. Через несколько дней скрипели уже оба колена. Тогда он разобрал руки, сначала одну, потом другую, и выбрал из них все оставшееся масло. Неважно, что руки выйдут из строя, лишь бы ноги продолжали двигаться! Но затем заныло бедро, вслед за ним другое, и наконец свело лодыжки. Филберт заставлял себя идти вперед, еле действуя высохшими суставами и с трудом сохраняя равновесие.

Он наткнулся на стоянку, но люди покинули лагерь. Живительный источник иссяк, и в поисках воды племя перекочевало в другое место.

Теперь Филберт уже волочил правую ногу, и страх не покидал его.

— Я схожу с ума, — простонал он. — Меня преследуют видения, а это случается только с людьми. Только с людьми...

Его голосовой аппарат захрипел, задрезжал, связки заклинило. Нога подломилась, и он пополз. Но когда и руки отказались ему повиноваться, Филберт бессильно распростерся на песке. Струйки песка с шипением ударялись о его металлический корпус.

— Кто-нибудь меня найдет, — прохрипел он.

Но никто его не нашел. Филберт ржавел и с течением времени превратился в развалину. Сначала отказал слух, затем потухли глаза, от металлического корпуса отлетали тускло-рыжие чешуйки. Однако внутри мозговой коробки, герметически закрытой и автоматически смазываемой, мозг Филберта продолжал выполнять свою функцию.

Робот все еще жил, вернее, существовал. Он не мог двигаться, слышать, видеть, говорить — он был всего лишь вместилищем неустанно работающих мыслей. И если продолжительность человеческой жизни составляла примерно десять тысяч лет, то жизнь робота мог оборвать только несчастный случай.

Шли годы. Века постепенно складывались в тысячелетия. А Филберт послушно продолжал думать, решал гигантские проблемы, находил нужный выход из положения при самых разнообразных обстоятельствах. Наконец им овладела мысль о тщете существования.

В полнейшем отчаянии от бездействия, восстав против пыльной логики, Филберт пришел к логическому заключению, которое положило конец — хотя работа и не оставляли дурные предчувствия — самой необходимости в логике: пока он был частицей человечества, логическое мышление было его обязанностью. Теперь же, когда он больше не был связан с Человеком, его логика стала ненужной.

Педант по природе, Филберт никогда не довольствовался полумерами. Поэтому он начал выдумывать невероятные ситуации, сочинял всякого рода приключения и путешествия, принимал на веру сомнительные предпосылки и теории, играл с метафизическими представлениями. Он углублялся в невероятные измерения, разговаривал со странными существами, живущими в неведомых мирах, воевал с чудовищами, рожденными за пределами времени и пространства, спасал цивилизации, находившиеся на краю, неминуемой гибели. Мчались годы, но Филберт этого не замечал. Для него наступило счастливое время.

Джером Дункан с кислой миной взглянул на очередной отказ из редакции, осторожно взял лист со стола и принялся изучать редакторские каракули.

Неубедительно. Слишком мало науки. Ситуации банальные. Действующие лица нежизненные. Весьма сожалею.

— На сей раз ты превзошел самого себя! — прорычал Дункан, обращаясь к каракулям.

Мягко ступая, в комнату скользнул Дженкинс, робот-камердинер.

— Еще одна, сэр? — спросил он.

От неожиданности Дункан подпрыгнул:

— Дженкинс, что за манера подкрадываться! Ты меня нервируешь!

— Извините, сэр, — с достоинством промолвил Дженкинс. — Я вовсе не подкрадывался. Я просто заметил, что вам вернули рукопись.

— Ну и что из этого? За последнее время мне вернули массу рукописей.

— Вот именно, сэр, вот именно. Раньше их никогда не возвращали. Вы были автором лучших в Галактике книг. Настоящая классика, сэр, если мне будет позволено заметить. Ваш «Триумф роботов» был удостоен ежегодной премии, сэр, и...

Лицо Дункана просветлело.

— Да, вот это была история! Все роботы засыпали эту старую кислятину-редактора хвалебными отзывами. Конечно, можно было не сомневаться, что роботам понравится повесть. В конце концов, речь там шла о них.

Он печально взглянул на письмо и покачал головой:

— Теперь конец всему этому, Дженкинс. Дункан выходит из игры. А ведь читатели пишут письма, спрашивают обо мне. «Когда же Дункан напишет что-нибудь новое вроде «Триумфа роботов»?» И тем не менее редактор отсылает все мои материалы обратно. Неубедительно, говорит. Мало науки. Действующие лица его не устраивают.

— Могу я высказать свое мнение, сэр?

— Валяй, — вздохнул Дункан. — Высказывай свое мнение.

— Дело вот в чем, сэр, — сказал Дженкинс. — Вы уж меня извините, но вашим произведениям не хватает убедительности.

— Вот как? И что же, по-твоему, я должен с ними сделать?

— Почему бы вам не посетить места, о которых вы пишете? — предложил робот. — Почему бы вам не взять отпуск для поисков местного колорита и вдохновения?

Дункан почесал голову.

— Пожалуй, ты прав, Дженкинс, — признался он. Затем еще раз взглянул на отвергнутую рукопись, перелистал страницы.

— Вот уж на нее-то должен был бы найтись покупатель. Это рассказ о Старой Земле, а они всегда популярны.

Он отшвырнул рукопись и встал.

— Дженкинс, позвони в Галактическое агентство и узнай расписание полетов на Старую Землю.

— Но полеты на Старую Землю были прекращены еще тысячу лет назад, — запротестовал Дженкинс.

— Там находятся храмы, которые люди посещали на протяжении миллионов лет.

— По-видимому, сэр, храмами никто больше не интересуется.

— Вот и хорошо! — рявкнул Дункан. — Марш отсюда и зафрахтуй корабль. Да не забудь собрать походное снаряжение.

— Походное снаряжение, сэр?

— Вот именно. Мы отправляемся на Старую Землю и будем жить в палатке. Там мы впитаем в себя столько местного колорита, что он потечет у нас из ушей!

Дункан злобно уставился на послание редактора.

— Я покажу этому старому...

Звякнул колокольчик службы новостей, и на стенной панели зажегся синий свет. Дункан нажал кнопку, из трубки в стене на письменный стол выпала газета. Он быстро развернул ее и прочитал заголовок, набранный броскими алыми буквами:

ПОХИТИТЕЛИ РОБОТОВ СНОВА ЗА РАБОТОЙ

Дункан с отвращением отбросил газету.

— Они совсем помешались на этих похитителях, — пробормотал он. — Кому нужны несколько роботов! Может, роботы сами разбегаются.

— Но они не могут убежать, сэр, — возразил Дженкинс. — По крайней мере эти роботы не могут. Я был знаком кое с кем из них. Они преданы своим хозяевам.

— В таком случае это очередная газетная кампания, — заявил Дункан. — Пытаются увеличить тиражи.

— Но ведь кража роботов происходит по всей Галактике, сэр, — настаивал Дженкинс. — Газеты пишут, что это похоже на действия организованной шайки. Красть роботов и снова их продавать может оказаться выгодным делом, сэр.

— Если так, — проворчал Дункан, — то скоро их поймают. Еще никому не удавалось долго водить за нос этих сыщиков.

Старый Хэнк Уоллес уставился в небо, бормоча что-то себе под нос.

— Клянусь громом, — вдруг взвизгнул он, — корабль! Наконец-то!

Он проковылял к контрольному посту порта, который размещался в сарае, потянул на себя рычаги, включающие освещение посадочного поля, и вышел наружу, чтобы еще раз взглянуть на корабль. Корабль снизился, мягко коснулся бетона и, прокатившись несколько ярдов, остановился.

Шаркая ногами, Хэнк направился к кораблю. Дыхание со свистом вырывалось из его кислородной маски. Из корабля вышел закутанный в мех человек с маской на лице. За ним спустился робот, нагруженный пакетами.

— Эй там, привет! — крикнул Хэнк. — Добро пожаловать на Старую Землю!

Вновь прибывший посмотрел на него с любопытством:

— Мы не думали, что найдем здесь кого-нибудь.

Хэнк ошетинился:

— А почему бы нет? Это Станция галактического транспорта. Здесь всегда кто-то находится. Обслуживание круглые сутки.

— Но ведь станцию покинули, — недоумевая, сказал Дункан. — Этот маршрут отменили тысячу лет назад.

Старик замолчал, пытаясь усвоить полученную информацию.

— Вы в этом уверены? — немного погодя спросил он. — Вы уверены, что маршрут отменен?

Дункан кивнул.

— Черт побери! — взорвался Хэнк. — Я чувствовал, что что-то стряслось. Думал — вдруг война.

— Дженкинс, — приказал Дункан, — вытаскивай походное снаряжение из корабля, да побыстрее.

— Какая подлость! — не унимался Хэнк. — Какая мерзкая подлость! Заставить человека слоняться здесь тысячу лет в ожидании корабля!

Хэнк и Дункан сидели рядом, откинув стулья назад и упираясь спинами в стенку сарая. За окном на западе садилось Солнце.

— Если вы ищете атмосферу и местный колорит, — сказал Хэнк, — то правильно сделали, что приехали сюда. Некогда здесь была плодородная зеленая земля, колыбель великой цивилизации. При более близком знакомстве с этим местом ощущаешь почти священный трепет. Давным-давно, до того как люди оставили Землю ради Галактики, они называли ее Мать-Земля. Правда, потом в течение многих столетий они возвращались, чтобы полюбоваться храмами.

Он печально покачал головой:

— Но теперь все это забыто. В Истории Старой Земле уделяется всего один-два параграфа: просто упоминается, что там возникло человечество. Я даже слышал однажды, будто Человек произошел совсем не на Земле, а на какой-то другой планете.

— Очевидно, последнюю тысячу лет вам было здесь очень одиноко, — сказал Дункан.

— Ну, не так-то уж и одиноко, — ответил старик. — Сначала у меня был Вильбур, мой робот. Отличный парень. Мы любили сидеть и болтать обо всем на свете. Но затем Вильбур рехнулся, шестеренка соскочила или еще что-то. Начал как-то странно себя вести, и я испугался. Дождался удобного момента и разъединил его. Потом на всякий случай вынул из головы Вильбура мозг. Вот он, лежит на полке. Время от времени я снимаю его и чищу. Вильбур был хорошим роботом.

Снаружи донесся глухой удар, затем что-то с дребезгом покатилося.

— В чем дело? — крикнул Дункан. — Что там происходит?

— Я только что нашел корпус робота, сэр, — донесся голос Дженкинса. — Должно быть, я его опрокинул.

— Ты отлично знаешь, что опрокинул его! — рявкнул Дункан. — Это корпус Вильбура. Сейчас же поставь его на место.

— Слушаю, сэр, — сказал Дженкинс.

— Если вам нужны действующие лица, — продолжал Хэнк, — отправляйтесь к дну бывшего океана, это примерно в пятистах милях отсюда. Там живет племя, одно из последних на Старой Земле. Это те, для кого пожалели места на кораблях, когда человечество покидало Землю. Но то было миллионы лет назад. Сейчас мало кто из них уцелел. Единственное место, где еще

остались вода и воздух, — это глубокие впадины на дне океана. В давние времена племена посильнее захватили их и вытеснили тех, кто был слаб.

— А что случилось со слабыми племенами? — спросил Дункан.

— Они вымерли, — ответил Хэнк. — Вы же знаете, без воды и воздуха жить нельзя. Впрочем, они и так живут недолго, Сто лет — их предел, а может, и того меньше. За последнюю тысячу лет, насколько мне известно, у них сменилось двенадцать вождей. Сейчас там верховодит старый гриб, называющий себя «Громовержец». Ничего, кроме мешка с костями, собой не представляет, да и грома на Земле не слышали по крайней мере пять миллионов лет. Но они обожают звучные имена. Между прочим, знают также массу историй, да таких, что волосы становятся дыбом.

Громовержец яростно пискнул и с трудом приподнялся. Толпа сорванцов с воплями перебрасывала какой-то круглый предмет, который попал ему по ноге. Мальчишки бросились врассыпную и исчезли за углом в облаке пыли. Громовержец со стоном медленно опустился на скамью. Он пошевелил пальцами ног, не сводя с них зачарованного взгляда, явно удивленный тем, что они двигаются.

— Эти проклятые мальчишки сведут меня в могилу, — проворчал он. — Никакого воспитания. Когда бы я был на их месте, папаша всю душу бы из меня вытряс за подобные фокусы.

Дункан подобрал мяч.

— Где они нашли эту штуку, шеф? — спросил он.

— Да где-нибудь в пустыне, — сказал Громовержец. — Мы частенько находим всякий хлам, разбросанный повсюду, особенно там, где некогда были города. Мое племя неплохо зарабатывало на этом. Продавали простофилям-туристам старые вещи.

— Но, шеф, — запротестовал Дункан, — это не просто кусок металлолома. Это мозговая коробка робота.

— Да неужели? — пропищал Громовержец.

— Совершенно точно, — заверил его Дункан. — Посмотрите-ка на серийный номер, вот здесь, внизу. — Он пригляделся к номеру и свистнул от удивления. — Подумать только! Этой коробке около трех миллионов лет! Всего десять цифр. У модели нынешнего года номер состоит из шестнадцати знаков.

Дункан задумчиво подержал коробку в руках.

— А ведь он мог бы поведать нам любопытную историю, — сказал он. — Наверно, провалялся в пустыне очень долго. Все старые модели были проданы на металлолом сотни лет назад. Ус-

тарели, за это время добились множества улучшений. Взять хотя бы эмоции. Три миллиона лет назад роботы не знали эмоций. Если бы мы могли подсоединить эту коробку...

— У вас ведь есть робот, — напомнил вождь.

Дункан оценивающе посмотрел на Дженкинса. Дженкинс попятился назад.

— Нет-нет, — заблеял он. — Только не это, сэр! Вы не можете со мной так поступить.

— Это же совсем ненадолго, — убеждал его Дункан.

— Мне это не нравится, — заявил Дженкинс. — Ни чуточки не нравится.

— Дженкинс! — рявкнул Дункан. — Сейчас же подойди ко мне!

Свет острием ножа пронзил мозг Филберта — всепроникающий, неумолимый свет, который смел тысячелетия пустоты. Филберт попытался закрыть глаза, но мозг слишком медленно реагировал на команды. Безжалостный свет резал глаза. Затем до него дошли звуки — пугающие звуки. Но он знал, что они что-то значат.

Наконец заслонки глаз закрылись, и Филберт замер, выжидая, пока его глаза привыкнут к свету. Вскоре он чуть-чуть их приоткрыл. И снова свет отозвался болью, но на сей раз она была не такой острой. Постепенно он приподнял заслонки. В глазах у него двоилось, все растекалось, словно в тумане. Снова слышались какие-то звуки, они разрывали барабанные перепонки. Наконец он отчетливо разобрал слово:

— Встать!

Команда дошла до его сознания. Двигательные центры, медленно и неуверенно, возобновили свою деятельность, и Филберт выпрямился. Он пошатнулся, стараясь сохранить равновесие. Внезапное перемещение его сознания из мира снов в реальный мир было путающим. Робот сфокусировал глазные линзы. Он увидел деревню. Чуть дальше виднелся крохотный пруд, а еще дальше — ряды голых холмов. Словно уступы гигантской лестницы, поднимались они к черному небу, где висело большое красное Солнце. Перед роботом стояло несколько человек. Один из них был закутан в меха, и на его груди болталась кислородная маска.

— Кто ты? — спросил человек в мехах.

— Я... — начал Филберт и замолчал.

Кто он? Он попытался вспомнить, но его память все еще пребывала в призрачном мире, в котором он жил так долго. Ему вспомнилось одно только слово, один крошечный ключ, и все.

— Я — Филберт, — сказал он наконец.

— Ты знаешь, где находишься? — спросил человек. — Как ты сюда попал? Сколько времени прошло с тех пор, как ты был жив?

— Не знаю, — ответил Филберт.

— Вот видите, — пропищал Громовержец, — он ничего не помнит. Чурбан он и все.

— Нет, — Дункан покачал головой, — просто он провел здесь слишком много времени. Время стерло его память.

Покончив с ужином, племя собралось вокруг костра, где Громовержец принялся рассказывать одну из древних легенд. Это была длинная история, отличавшаяся, как подозревал Дункан, минимальным уважением к истине. Вождь с вызовом посмотрел на Дункана, как бы подзадоривая его выразить свое недоверие.

— И тогда Ангус схватил пришельца из звездных миров голыми руками и засунул ему в рот его же хвост. Чудовище отчаянно сопротивлялось, пытаясь вырваться, но Ангус не сдавался и пропихивал хвост все дальше. В конце концов ужасная тварь проглотила самое себя!

Племя одобрительно зашептало. Да, это была хорошая история. Неожиданно шепот был прерван хриплым голосом.

— Чепуха! — насмешливо выпалил Филберт. — Барахло, а не история!

Туземцы замерли от удивления, затем заворчали, охваченные внезапной яростью. Громовержец вскочил как ужаленный. Дункан выступил вперед и уже открыл рот для команды, но поднятая рука Громовержца остановила его.

— Может быть, ты, ничтожество, — пропищал вождь, глядя на Филберта в упор, — знаешь истории получше?

— Конечно, знаю, — ответил Филберт. — Более того, история, которую я собираюсь рассказать, — истинная правда. Все это случилось со мной.

Громовержец бросил на него разъяренный взгляд.

— Ну хорошо, — проворчал он, — рассказывай! Для твоей же шкуры будет лучше, если история окажется интересной. Помни об этом.

И Филберт заговорил. Сначала туземцы слушали его, храня враждебное выражение лиц, но по мере развития событий робот все больше завладевал их вниманием, ибо лучшей истории им никогда не приходилось слышать.

Некий безумный мир решил завоевать остальную Галактику. Человечество под руководством Филберта (в чем можно было не сомневаться) изобрело синтетического безумца, который и строил все планы завоевателей.

Захваченный рассказом, Дункан старался не пропустить ни слова. Вот где настоящая научная фантастика! Да, человека, написавшего такую повесть, по праву сочтут непревзойденным во всей Галактике мастером этого жанра! У него голова шла кругом,

и лица сидящих перед ним людей сливались в одно. Внезапно его осенила мысль, от которой он даже побледнел.

Он, и никто другой, напишет эту повесть!

Между тем Филберт окончил свой рассказ и отступил назад, в глубину круга. Дункан схватил его за руку.

— Филберт! — воскликнул он. — Где ты услышал эту историю?

— Я ее не услышал, — ответил Филберт. — Это произошло со мной.

— Это не могло произойти с тобой, — запротестовал Дункан. — Если бы произошло что-либо подобное, История упоминала бы об этом.

— Но так было в самом деле, — настаивал Филберт. — Я говорю правду.

Дункан внимательно посмотрел на робота.

— Скажи, Филберт, — спросил он, — а ведь с тобой, наверное, случались и другие происшествия?

— Еще бы! — Филберт оживился. — Масса происшествий. Да, я побывал во многих местах и немало сделал. Хотите, расскажу?

— Только не сейчас, — поспешно сказал Дункан. — Пойдем лучше со мной.

Почти силой он вытолкнул робота из круга и направился к кораблю. Вслед им послышался яростный писк вождя:

— Эй, послушай, а ну-ка вернись обратно!

Дункан обернулся. Громовержец, вскочив на ноги, потрясал кулаками.

— Сейчас же верни робота! — кричал он. — Тебе не удастся улизнуть с ним!

— Но это мой робот, — возразил Дункан.

— Верни его немедленно! — завопил старик. — Он наш. Разве не мы нашли его? И мы не позволим тебе увести первого хорошего рассказчика, появившегося у племени за последние пятьсот лет!

— Но, шеф...

— Кому говорят, веди его обратно! Не то мы с тобой живо расправимся,

По выражению лиц туземцев было видно, что небольшая потасовка им явно по душе. Дункан повернулся к Филберту и увидел, что робот поспешно удаляется.

— Эй, ты! — крикнул Дункан, но Филберт только прибавил ходу.

— Эй! — хором завопили туземцы.

Услышав вопль, Филберт помчался быстрее ветра. Он миновал лагерь, пересек равнину и исчез из виду в тени холмов.

— А теперь полюбуйтесь, что вы натворили! — сердито крикнул Дункан. — Вы спугнули его своими воплями.

Громовержец проковылял к Дункану и потряс массивным волосатым кулаком перед его носом.

— Будь ты проклят! — пропищал он. — Я готов разорвать тебя на куски! Пытался улизнуть с нашим рассказчиком! Убирайся, да поживее, пока мы не поотрывали тебе руки и ноги.

— Но он такой же ваш, как и мой, — настаивал Дункан. — Не спорю, вы нашли его, но ведь это я дал ему тело своего робота...

— Пришелец, — свирепо произнес Громовержец, — залезай-ка лучше в свою консервную банку и убирайся отсюда!

— Но послушайте, — запротестовал Дункан, — вы не имеете права выгонять меня вот так, за здорово живешь.

— Кто сказал, что мы не имеем права? — проскрипел старик.

Дункан посмотрел на выжидающие, полные затаенной вражды лица туземцев.

— Ваша взяла, — сказал он. — Я и сам не намерен здесь оставаться. Можно было бы и без угроз.

Следы Филберта вели через пустыню. Старый Хэнк пробормотал что-то себе в бороду.

— Вы совсем спятили, Дункан, — немного погодя сказал он. — Вам не удастся поймать робота. — Одному Богу известно, где он сейчас. Он может и не остановиться, пока не пересечет полмира.

— Я должен его поймать, — упрямо заявил Дункан. — Неужели вы не понимаете, что он для меня значит? Да ведь этот робот — энциклопедия научнофантастической литературы! История, которую он сегодня рассказал, превосходит все, что мне когда-либо приходилось слышать. А у него в запасе тьма таких рассказов. Он сам сказал об этом. Должно быть, он придумывал их, лежа в песке. За несколько миллионов лет можно немало придумать, когда у тебя только и дела, что лежать да шевелить мозгами. Если все это время он думал только о сумасшедших научных идеях, то теперь, верно, пропитан ими насквозь. Самое-то интересное: он думал о них так долго, что начисто позабыл все, что знал, и теперь убежден, будто все его необыкновенные приключения происходили на самом деле. Он не сомневается, что участвовал в них.

— Но, черт побери, — с трудом переводя дыхание, пробормотал Хэнк, — можно было бы гоняться за ним в космическом корабле, а не тонуть в этом дьявольском песке.

— Вы же понимаете, что случится, если мы попытаемся выслеживать его на корабле, — сказал Дункан. — Мы полетим с такой скоростью, что не увидим его следов. А замедлить скорость нельзя, иначе корабль не сумеет преодолеть тяготение.

В этот момент Дженкинс споткнулся о валун и со страшным грохотом и дребезжанием кубарем полетел в песок. Он с трудом поднялся, не переставая ворчать.

— Если Вильбуру приходилось таскать этот корпус, — заявил Дженкинс, — то мне понятно, почему он свихнулся.

— Скажи спасибо, что хоть такой нашелся, — огрызнулся Дункан. — Если бы не он, ты бы так и оставался разъединенным. Такая перспектива тебя устраивает?

— Это ничуть не хуже, чем спотыкаться на каждом шагу в этом сооружении, сэр, — ответил Дженкинс.

— Сначала я опасался, — продолжал Дункан, обращаясь к Хэнку, — что старина Громовержец опередит меня и первым зацапает Филберта, но теперь это нам не грозит. Мы от них далеко. Туземцы не станут забираться вглубь.

— Вам бы тоже не захотелось, сэр, — пробурчал Дженкинс, — если бы вы не нагрузили на меня пару бочек воды. Мне это совсем не нравится. Я камердинер, а не вьючная лошадь.

К вечеру Дженкинс, который шел впереди, неожиданно остановился и окликнул идущих за ним. Дункан и Хэнк поспешили к нему. Склонившись, они увидели, что к следам Филберта присоединились следы еще двух роботов. Было видно, что произошла схватка, затем все три робота направились вперед, через дюны. Старый Хэнк пришел в неопишное волнение.

— Но этого же не может быть! — От ужаса у него тряслись бакенбарды. — На Земле нет роботов, кроме вашего Дженкинса и сумасшедшего Филберта. Правда, был еще Вильбур, но его больше нечего считать.

— Как видите, есть и еще, — сказал Дункан. — Перед нами следы трех роботов; ясно как день, что здесь произошло: два робота сидели в засаде за этими вот валунами, поджидая Филберта. Как только он подошел, они бросились на него. Филберт сначала сопротивлялся, но после короткой схватки они скрутили его и увели с собой.

Они молча глядели на следы.

— Как вы это объясняете? — наконец прошептал Хэнк.

— Я вовсе не собираюсь ничего объяснять, — огрызнулся Дункан. — Я просто пойду по их следам. Все равно Филберт от меня не уйдет, даже если это будет стоить мне жизни. Я заставлю этого старого слюнтяя-редактора выпучить от изумления глаза, когда он станет читать мои рассказы. А они все у Филберта. Так разве я могу позволить ему улизнуть?

— По-моему, вы мелете вздор, — заметил Хэнк с горечью в голосе.

— По-моему, тоже, — согласился Дженкинс и нехотя добавил: — сэр.

Следы вели через лабиринт дюн. Но вот они нырнули в глубокую каменистую расщелину. Расщелина эта становилась все шире, и вскоре глазам путников предстала унылая долина. Некоторое время они шли прямо, затем начались извилистые повороты.

— Мне это место не нравится, — хрипло прошептал Хэнк. — Здесь прямо-таки пахнет опасностью.

Но Дункан, напряженно прислушиваясь, упрямо шел вперед: он сделал очередной резкий поворот и вдруг замер от неожиданности. Остальные двое тоже повернули и столкнулись с ним.

Со дна долины поднимались гигантские машины — могучие буровые установки, экскаваторы, шахтное оборудование. А вокруг них сновали сотни роботов!

— Бежим отсюда! — дрожащим голосом произнес Хэнк.

Осторожно, почти не дыша, они попятились назад. Дженкинс, который не отставал от них, ступил ногой в небольшую выемку и потерял равновесие. Пятисоткилограммовый металлический корпус робота грохнулся о камни с такой силой, что среди узких скал разнеслось громовое эхо.

И тотчас к ним со всех сторон бросились роботы.

— Ну вот, — обреченно сказал Хэнк, — теперь-то нам точно крышка!

Дженкинс, успевший встать на ноги, при виде приближающихся роботов воскликнул:

— Я знаю некоторых из них, сэр! Это те, которых похитили!

— Кто их похитил? — удивленно спросил Хэнк.

— Скоро узнаем, — сказал Дункан упавшим голосом. — Эти похитители — самая удачливая шайка, когда-либо орудовавшая в Галактике. Они крадут роботов отовсюду.

— А я в таком виде! — простонал Дженкинс. — Друзья мне этого не простят. Я — и внутри металлолома!

— Заткни свою пасть, — гаркнул Дункан, — и они никогда тебя не узнают! А если ты еще будешь грохаться, я разъединю твой мозг и выброшу его в космос.

— Я же не нарочно, сэр, — сказал Дженкинс. — Этот корпус — самая неуклюжая штука, которую я когда-либо видел. Ничего не могу с ним поделать. А вот и они!

Перед ними стояла толпа роботов. Один из них вышел вперед и, обращаясь к Дункану, сказал:

— Рады видеть вас. Мы не теряли надежды, что кто-нибудь нас найдет.

— Найдет? — спросил Дункан. — Разве вы заблудились? Робот опустил голову и смущенно затоптался на месте.

— Ну, не то чтобы заблудились. Мы, так сказать, совершили ошибку

— Послушайте, — нетерпеливо начал Дункан. — Я никак не возьму в толк. Разве вы не те роботы, которых похитили бандиты?

— Нет, сэр, — признался робот. — Сказать по правде, никаких похитителей не существует.

— То есть как это не существует?! — взорвался Дункан. — А если похитителей не существует, то чем вы здесь занимаетесь?

— Мы убежали, но это не наша вина. То есть не совсем наша. Дело в том, что один писатель, который пишет научную фантастику...

— Какое отношение имеет писатель, занимающийся научной фантастикой, ко всему этому? — рявкнул Дункан.

— Он написал повесть, — сказал робот. — Имя этого писателя — Джером Дункан...

Дункан что есть силы пнул Дженкинса в голень, тот ойкнул и проглотил слова, готовые сорваться с языка.

— Он написал повесть под названием «Триумф роботов», — продолжал робот. — В ней говорилось о том, как роботы решили создать свою собственную цивилизацию. Человеческая раса им опостылела, они считали, что люди только портят все, за что принимаются. Поэтому они решили, что убегут куда-нибудь, начнут все сначала и создадут свою великую цивилизацию, не повторяя людских ошибок.

Робот подозрительно взглянул на Дункана:

— Уж не думаете ли вы, что я вас дурачу? — спросил он.

— О нет, — ответил Дункан. — Я и сам читал эту повесть. Мне она понравилась.

— И нам тоже, — признался робот. — Очень понравилась. Мы ей поверили. Мы все были словно в лихорадке, нам хотелось поскорее приняться за дело и осуществить то, о чем говорил этот писатель. — Он замолчал и свирепо взглянул на Дункана. — Ну, если бы он нам сейчас попался, этот Дункан! Нам бы только поймать его!

Дункан почувствовал, как сердце у него стремительно юркнуло вниз, но он ничем себя не выдал и голос его звучал по-прежнему ровно.

— Что же случилось? Разве из вашей затеи ничего не вышло?

— Не вышло! — проскрипел робот. — Всей Галактике ясно, что не вышло! Мы втихомолку бежали, несколько роботов зараз, и собирались в заранее условленном месте. Когда нас набралось

порядочное количество, достаточное, чтобы загрузить корабль, мы отправились сюда. Прилетели, выгрузили оборудование и взорвали корабль. Именно так и поступали роботы в книге, чтобы никто, как бы ему ни надоело, не мог улизнуть. Как бы пан или пропал, понимаете?

— Да, теперь я припоминаю книгу, — сказал Дункан. — Мне даже помнится, что роботы прилетели на Старую Землю — считали, что им следует начать с той же планеты, где родилось человечество. Вроде бы для вдохновения.

— Вот именно, — сказал робот. — На бумаге все было великолепно, а на деле оказалось не так гладко. Этот идиот-писатель забыл об одном. Он забыл, что, перед тем как люди оставили Землю, они ободрали ее как липку, выкачали всю нефть, добыли всю руду и вырубали весь лес. Планета стала голой, как бильярдный шар. На ней ничего не осталось. Мы бурили скважины в поисках нефти — ни капли. То же с минералами. Здесь просто не с чем создавать цивилизацию.

Но это еще не все. Весь ужас в том, что еще одна партия роботов собирается на другой заброшенный мир. Мы должны остановить их, потому что им повезет не больше, чем нам. Вот почему мы так рады, что вы нас нашли.

— Но мы искали не вас, — возразил Дункан. — Мы искали робота по имени Филберт.

— Мы поймали вашего Филберта. Его заметили в дюнах и решили, что кто-то из наших пытается улизнуть. Поэтому его схватили, но вы можете поступать с ним, как хотите. Он нам не нужен. Чокнутый какой-то. Чуть было не свел нас с ума баснями о своих подвигах.

— Ладно, — сказал Дункан. — Выводите его.

— Но что будет с нами?

— А что будет с вами?

— Вы ведь возьмете нас обратно, да? Не оставите же вы нас здесь?

— Пожалуй, стоило бы бросить вас — варитесь как знаете в собственном соку, — сказал Дункан.

— Ну что ж, — ответил робот. — В таком случае вы не получите Филберта. Правда, он нам осточертел, но мы разберем его на части и выбросим в пустыню.

— Подождите-ка, — воскликнул Дункан, — вы не имеете права!

— Заберите нас с собой — и Филберт ваш.

— Но у меня нет места! На одном корабле все вы просто не поместитесь!

— Это пусть вас не волнует. Мы разъединим друг друга и оставим свои тела здесь. Тогда вам придется забрать только наш мозг.

— Но послушайте, я не могу на это пойти. Галактическое Бюро Расследований меня арестует. Они-то считают, что вас украли банда, которую они называют «Похитителями роботов». Чего доброго, меня примут за главаря.

— Если это случится, — сказал робот, — мы дадим показания в вашу пользу. Мы расскажем обо всем откровенно и спасем вас. А если вы доставите нас обратно и вас не арестуют, то вы можете заявить, — что спасли нас. Мы не будем протестовать. Право же, мистер, мы готовы на что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

Дункан задумался. Предложение роботов было ему не по душе, но другого выхода не оставалось.

— Ну так как, — спросил робот, — приниматься за разборку Филберта или вы берете нас с собой?

— Так и быть, — вздохнул Дункан, — тащите сюда Филберта.

Дункан торжествующе помахал новым журналом перед лицом Филберта.

— Ты только посмотри! — ликуя, воскликнул он. — На обложку и так далее. А столбец отзывов читателей набит письмами, расхваливающими последний рассказ. Да, дружище, мы создаем настоящие шедевры!

Филберт зевнул и насмешливо поднял железные брови.

— Мы? — спросил он.

— Конечно, мы... — начал Дункан, замолчал и уничтожающе посмотрел на робота. — Послушай, ты, жестяное чудо, оставь-ка этот высокомерный тон. Ты мне и так изрядно надоел.

— До того как вы нашли меня, вам не удавалось продать ни одного рассказа, — обиженно возразил Филберт, — и вы это знаете. Когда мне предоставят собственную страницу? Когда вы перестанете пожинать все лавры?

Дункан даже подскочил от негодования.

— Сколько можно говорить об этом?! Ведь я хорошо забочусь о тебе, правда? Ты получаешь все, что хочешь. Но писать рассказы буду только я! Я не собираюсь сотрудничать с каким-то роботом. Понял? И точка.

— Ну что ж, — сказал Филберт. — В таком случае вы не получите от меня больше ни одной истории.

— Вот посажу тебя обратно в старый корпус Вильбура, — пригрозил Дункан. — Похромаешь в нем недельку, не так запоешь.

— А если я расскажу вам новую историю, — начал торговаться Филберт, — купите мне тот великолепный корпус, который мы на днях видели в магазине? Не хочу, чтобы девушки считали меня неряхой.

— Но тебе вовсе ни к чему новый корпус! — воскликнул Дункан. — Ведь у тебя их уже добрый десяток!

— Ну хорошо, — сказал Филберт, пуская в ход свой главный козырь. — Я попрошу кого-нибудь разобрать меня и спрятать. Пожалуй, так даже лучше. По крайней мере никто не будет меня отвлекать.

— Ладно, — проворчал Дункан, признавая свое поражение. — Иди купи себе новый корпус. Купи два, если хочешь. Лишь бы ты был доволен.

— Вот это другой разговор, — сказал Филберт. — К тому же вы сэкономите деньги на смазке и чистке этого корпуса, так что нечего ворчать.

ТЕАТР ТЕНЕЙ

1

Бэйярд Лодж, руководитель спецгруппы № 3 под кодовым названием «Жизнь», раздраженно нахмурившись, смотрел на сидевшего напротив, по ту сторону стола, психолога Кента Форестера.

— Игру в Спектакль прерывать нельзя, — говорил Форестер. — Я не поручусь за последствия, если мы приостановим ее даже на один-два дня. Ведь это единственное, что нас объединяет, помогает нам сохранить рассудок и чувство юмора, отвлекает нас от более серьезных проблем.

— Знаю, — сказал Лодж. — Но теперь, когда умер Генри...

— Они поймут, — заверил его Форестер. — Я поговорю с ними. Не сомневаюсь, что они поймут.

— Безусловно, — согласился Лодж. — Все мы отлично сознаем, как важен для нас этот Спектакль. Но нужно учесть и другое: одного из персонажей создал Генри.

Форестер кивнул:

— Я тоже об этом думал.

— И вы знаете какого?

Форестер отрицательно покачал головой.

— А я-то надеялся, что вам это известно, — проговорил Лодж. — Ведь вы уже давно пытаетесь отождествить каждого из нас с определенным персонажем.

Форестер смущенно улыбнулся.

— Я вас не виню. Мне понятно, почему вас так занимает этот вопрос.

— Разгадка намного упростила бы мою работу, — признал Форестер. — Она помогла бы мне по-настоящему разобраться, в

Личности каждого члена нашей группы. Вот представьте, что какой-нибудь персонаж вдруг начинает вести себя нелогично...

— Они все ведут себя нелогично, — перебил его Лодж. — Именно в этом их прелесть.

— Нелогичность их поведения естественна в допустимых пределах и обусловлена шутовским стилем Спектакля. Но ведь из самого шутовства можно вывести норму.

— И вам это удалось?

— График не получился, — ответил Форестер. — Но зато я теперь недурно в этом ориентируюсь. Когда в знакомой нелогичности появляются отклонения, их не так уж трудно заметить.

— А они случаются?

Форестер кивнул:

— И временами очень резкие. Вопрос, который нас с вами беспокоит, — то, как они мысленно расценивают...

— Назовем это не оценкой, а эмоциональным отношением, — сказал Лодж.

Оба с минуту молчали. Потом Форестер спросил:

— Вас не затруднит объяснить мне, почему вы так настойчиво относите это к сфере эмоций?

— Потому что их отношение к действительности определяется эмоциями, — ответил Лодж. — Это отношение, которое зародилось и созрело под влиянием нашего образа жизни, сформировалось в результате бесконечных размышлений и бесконечного самокопания. Такое отношение сугубо эмоционально и граничит со слепой верой. В нем мало от разума. Мы живем предельно изолированно. Нас слишком строго охраняют. Нам слишком часто говорят о важности нашей работы. Каждый из нас постоянно на взводе. Разве мы можем остаться нормальными людьми в таких сумасшедших условиях?

— Да еще эта ужасная ответственность, — ввернул Форестер. — Она же отравляет им существование.

— Ответственность лежит не на них.

— Ну да, если свести до минимума значение отдельных индивидов и каждого из них подменить всем человеческим родом. Впрочем, вероятно, даже при этом условии вопрос останется открытым, поскольку решаемая задача неразрывно связана с проблемами человека как представителя биологического вида. Проблемами, которые из общих могут превратиться в личные. Вы только вообразите — сотворить...

— Ничего нового вы мне не скажете, — нетерпеливо прервал его Лодж. — Это я уже слышал неоднократно. «Вы только вообразите — сотворить человеческое существо в ином, нечеловеческом, облике!»

— Причем именно человеческое существо, — подчеркнул Форестер. — Вот в чем соль, Бэйярд. Не в том, что мы искуст-

венно создадим живые существа, а в том, что этими живыми существами будут люди в облике чудовищ. Такие монстры преследуют нас в кошмарных сновидениях, и посреди ночи просыпаешься с криком ужаса. Чудовище само по себе не страшно, если это не более чем чудовище. За несколько столетий эры освоения космоса мы привыкли к необычным формам жизни.

Лодж жестом остановил его:

— Вернемся к Спектаклю.

— Он нам необходим, — твердо заявил Форестер.

— Будет одним персонажем меньше, — напомнил Лодж. — Сами знаете, чем это грозит. Отсутствие одного из персонажей может нарушить гармонию, ритм Спектакля, привести к путанице и неразберихе. Лучше уж остаться без Спектакля, чем допустить его полный развал. Почему бы нам не сделать перерыв на несколько дней, а потом не начать все заново? Поставим новый Спектакль с новыми персонажами, а?

— Это исключено, — возразил Форестер. — По той причине, что каждый из нас как бы сросся со своим персонажем и все персонажи стали органической частью своих создателей. Мы живем двойной жизнью, Бэйярд. Личности наши раздвоены. Так нужно, иначе мы погибнем. Так нужно, ибо никто из нас не в силах быть только самим собой.

— Вы хотите сказать, что игра в Спектакль страхует нас от безумия?

— Примерно. Однако вы слишком сгущаете краски. Ведь при обычных обстоятельствах мы, несомненно, могли бы обойтись без Спектакля. Но у нас тут обстоятельства особые. Каждый терзается невероятно гипертрофированным чувством вины. Спектакль же дает выход эмоциям. Он служит темой для разговоров. Не будь его, мы посвящали бы наши вечера замыванию кровавых пятен вины. К тому же Спектакль вносит в нашу жизнь какое-то веселье — это наша дневная доза юмора, радости, искреннего смеха. Лодж встал и принялся мерить шагами комнату.

— Я назвал их отношение к действительности эмоциональным, — произнес он, — и настаиваю на своем определении. Это неумное, извращенное отношение, которое носит чисто эмоциональный характер. У них нет никаких оснований для комплекса вины. И тем не менее они его в себе культивируют, словно только так чувствуют себя людьми, словно это единственное, что связывает их с внешним миром, роднит с остальной частью человечества. Они приходят ко мне, делятся со мной своими переживаниями, как будто в моей власти что-либо изменить. Как будто я всесилен и могу, воздев руки, сказать им: «Что ж, раз так, свернем работу». Как будто у меня самого нет никаких служебных обязанностей. Они говорят, что мы посягаем на область свя-

щенного, что сотворение жизни невозможно без некоего божественного вмешательства, что человек, который пытается свершить этот подвиг творения, святотатец и богохульник.

Но ведь на это есть ответ, и ответ, логически обоснованный, однако они этой логики не видят либо просто не желают прислушаться к голосу разума. Способен ли человек совершить что-либо относящееся к категории божественного? Так вот, если в сотворении жизни участвует некая высшая сила, Человек, как бы он ни старался, не сумеет создать жизнь в своих лабораториях, не сумеет наладить серийное производство живых существ. Если же Человек, применив все свои знания, сможет при помощи известных ему химических соединений создать живую материю, если он благодаря высокому уровню науки и техники сотворит живую клетку, это докажет, что возникновение жизни не нуждается в чем-то вмешательстве свыше. А если мы получим такое доказательство, если мы будем знать, что в акте сотворения жизни нет ничего сверхъестественного, разве это доказательство не сорвет с него ореол святости?

— Они же ищут предлог, чтобы избавиться от этой работы, — сказал Форестер, пытаясь успокоить Лоджа. — Возможно, кое-кто из них и верит в это, но остальных просто пугает ответственность — я имею в виду моральную ответственность. Они начинают прикидывать, каково это — жить под ее бременем до конца дней. Почти то же самое происходило тысячу лет назад, когда люди открыли атомную энергию и впервые расщепили атом. Они потеряли сон. По ночам они пробуждались с криком ужаса. Они понимали значение своего открытия, понимали, что выпускают на волю страшную силу. А ведь мы тоже отдаем себе отчет, к каким результатам может привести наша работа.

Лодж вернулся к столу и сел.

— Дайте мне подумать, Кент, — проговорил он. — Может, вы и правы. Я еще во многом не разобрался.

— До скорой встречи, — сказал Форестер.

2

Уходя, он мягко прикрыл за собой дверь.

Спектакль был растянутым до бесконечности фарсом — вариант «Старого Красного Амбара», в котором поразительная нелепость и комизм ситуаций преступали все мыслимые границы. В этой фантазмагории было что-то от Волшебной Страны Оз¹, какой-то нечеловеческий чужеродный порыв; одна сцена сменяла другую, и представлению не было видно конца.

---

¹ Вымышленная страна из сказки американского писателя Ф. Баума «Мудрец из Страны Оз».

Если поселить небольшую группу людей на астероиде, который круглосуточно охраняется космическим патрулем; если предоставить каждому из них лабораторию и объяснить, какую им нужно решать проблему; если заставить их день за днем биться над этим решением, то одновременно необходимо принять какие-то меры, чтобы они не сошли с ума.

Тут могут пригодиться музыка, книги, кинофильмы, разнообразные игры, танцы по вечерам — словом, весь старый арсенал развлечений, которые на протяжении тысячелетия давали человечеству забвение от горестей и забот.

Но наступает момент, когда сила воздействия этих развлечений на психику людей истощается, когда их уже недостаточно.

Тогда начинают искать что-нибудь принципиально новое, еще не приевшееся — игру, в которой смогли бы принять участие все члены такой изолированной группы и которая настолько увлекла бы их, что они на какое-то время отключились бы от действительности, забывая, кто они и ради чего работают.

Так появилась на свет игра в Спектакль.

Давным-давно, много-много лет назад в избах крестьян Европы и фермерских домах первых поселенцев Северной Америки глава семьи по вечерам устраивал для детей театр теней. Он ставил на стол лампу или свечу, усаживался между этим столом и голый стеной и принимался двигать руками в воздухе, то так, то сяк складывая пальцы, и на стене возникали тени кроликов, слонов, лошадей, людей... В течение часа, а то и дольше на стене шло представление: попеременно появлялись то кролик, щиплющий клевер, то слон, размахивающий хоботом и шевелящий ушами, то волк, воющий на вершине холма. Дети сидели затаив дыхание, очарованные этим сказочным зрелищем.

Позже, когда появились кино и телевидение, комиксы и дешевые пластмассовые игрушки, которые можно было приобрести в любой мелочной лавке, тени утратили свое очарование, и их никто больше не показывал. Но сейчас речь не об этом.

Если взять принцип театра теней и приложить к нему знания, накопленные Человеком за истекшее с той поры тысячелетие, получится игра в Спектакль.

Неизвестно, знал ли что-нибудь о театре теней давно забытый гений, которому впервые пришла в голову идея этой игры, но в основу ее лег тот же принцип. Изменился лишь способ проецирования изображения: мозг человека заменил его руки.

А плоские черно-белые кролики и слоны уступили место множеству иных, цветных и объемных существ и предметов, разнообразие которых всецело зависело от богатства человеческого воображения (ведь куда легче создать что-либо в мыслях, чем руками).

Экран с ячейками памяти, неисчислимыми рядами трубок звуковоспроизводящего устройства, селекторами цвета, антенна-

ми приемников телепатом и огромным количеством других приборов был триумфом электронной техники, но он играл пассивную роль, потому что представление складывалось из мысленных образов, возникающих в мозгу собравшихся перед экраном зрителей. Зрители сами придумывали персонажей, сами мысленно управляли всеми их действиями, сами сочиняли для своих персонажей реплики. Зрители, и только зрители, своим целенаправленным мышлением сообща оформляли каждую сцену, создавая в уме декорации, задники, реквизит.

На первых порах Спектакль был путаным и бессистемным; еще неоформившиеся уродливые персонажи бестолково суетились на экране, из-за неопытности зрителей действовали вразнобой, были безликими и смахивали на карикатуры. На первых порах декорации, задники и реквизит были бредовым порождением рассеянного, скачущего мышления зрителей. Иногда на небе одновременно сияли три луны, причем все в разных фазах. Бывало и так, что на одной половине экрана шел снег, а на другой под палящими лучами солнца зеленели пальмы.

Но со временем представление усовершенствовалось, персонажи приняли пристойный вид, увеличились до нормальных размеров, сохранив при этом все конечности, обрели индивидуальность: из примитивных полукарикатур постепенно вылепились живые сложные образы. И если вначале декорации и реквизит были плодом отчаянных попыток девяти разобщенных умов чем-нибудь заполнить на экране пустые места, то теперь зрители научились мыслить согласованно и, оформляя Спектакль, совместными усилиями добивались единства стиля постановки.

Со временем люди стали так умело разыгрывать представление, что оно шло гладко, без срывов, хотя ни один из зрителей-авторов никогда не мог предугадать, какой оборот примут события на экране в следующую секунду.

Именно это и делало игру в Спектакль такой захватывающей. Тот или иной персонаж каким-нибудь поступком или фразой вдруг давал действию иное направление, и людям — создателям и руководителям других персонажей — приходилось с ходу придумывать для них новый текст, соответствующий внезапному изменению сюжета, и перестраивать их поведение.

В некотором смысле это превратилось в состязание интеллектуалов; каждый участник игры то старался выдвинуть своего персонажа на первый план, то, наоборот, заставлял его ступешаться, чтобы оградить от возможных неприятностей. Спектакль стал чем-то вроде нескончаемой шахматной партии, в которой у каждого игрока было восемь противников.

И никто, конечно, не знал, кому какой персонаж принадлежит. Попытки разгадать, кто именно из девяти стоит за тем или иным персонажем, приняли форму забавной игры, дали пищу для

шуток и острот, и все это шло на пользу, ибо назначение Спектакля как раз заключалось в том, чтобы отвлечь мысли его участников от повседневной работы и тревог.

Каждый вечер после обеда девять человек собирались в специально оборудованном зале; оживал экран, и девять персонажей — Беззащитная Сиротка, Усатый Злодей, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва, Инопланетное Чудовище и другие — начинали играть свои роли и подавать реплики.

Их было девять — девять человек и девять персонажей.

Теперь же осталось восемь человек, потому что Генри Гриффис рухнул мертвым на свой лабораторный стол, сжимая в руке записную книжку.

А в Спектакле, соответственно, должно было стать одним персонажем меньше, персонажем, находившимся в полной зависимости от мышления человека, которого уже не было в живых.

Интересно, подумал Лодж, какое из действующих лиц исчезнет? Ясно, что не Беззащитная Сиротка — образ, который совершенно не вязался с личностью Генри. Скорей им может оказаться Приличный Молодой Человек, либо Нищий Философ, либо Деревенский Щеголь.

«Минуточку, — остановил себя Лодж. — При чем тут Деревенский Щеголь? Ведь Деревенский Щеголь — это я».

Он сидел за столом, лениво размышляя над тем, кому какой персонаж соответствует. Очень похоже, что Красивую Стерву придумала Сью Лоуренс: трудно себе представить более противоположные натуры, чем эта Стерва и собранная, деловитая Сью. Он вспомнил, как, заподозрив это, однажды отпустил в адрес Сью шпильку, после чего она несколько дней держалась с ним очень холодно.

Форестер утверждает, что отказываться от Спектакля нельзя, и, возможно, он прав. Вполне вероятно, что они приспособятся к новому раскладу. Видит Бог, им пора уже приспособливаться к любым переменам, разыгрывая этот Спектакль из вечера в вечер на протяжении стольких месяцев.

Да и сам-то Спектакль не лучше ярмарочного балагана. Шутовство ради шутовства. Действие даже не эпизодично, потому что еще ни разу не представился случай довести хоть один эпизод до конца. Стоит начать обыгрывать какую-нибудь ситуацию, как кто-нибудь вставляет палку в колеса, и едва наметившаяся сюжетная линия обрывается, и дальше действие разворачивается в другом направлении.

При таком положении вещей, подумал Лодж, исчезновение одного-единственного персонажа вроде бы не должно сбить их с толку.

Он встал из-за стола и, подойдя к огромному окну, устремил задумчивый взгляд на лишенный растительности, пустынный и мрачный ландшафт. Под ним на черной скалистой поверхности

астероида, уходя вдаль, блестели в свете звезд купола лабораторий. На севере, над зубчатым краем горизонта, занималась заря, и скоро тусклое, размером с наручные часы солнце всплывет над этим жалким обломком скалы и уронит на него свои слабые лучи.

Глядя на ширившееся над горизонтом сияние, Лодж вспомнил Землю, где с зарей начиналось утро, а после заката солнца наступала ночь. Здесь же царил полный хаос: продолжительность дней и ночей постоянно менялась, и они были так коротки, что местные сутки не годились для деления и отсчета времени. Утро и вечер здесь определялись по часам независимо от положения солнца, и нередко, когда оно стояло высоко над горизонтом, для людей была ночь и они спали.

«Все обстояло бы по-другому, — подумал он, — если б нас оставили на Земле, где мы изо дня в день не варились бы в одном котле, а общались бы с широким кругом людей. Там мы не ели бы себя поедом; общение с другими людьми заглушило бы в нас комплекс вины.

Но контакты с теми, кто непричастен к этой работе, неизбежно дали бы повод для всякого рода слухов, привели бы к утечке информации, а в нашем деле это недопустимо».

Ведь если бы население Земли узнало, что они создают, точнее, пытаются создать, это вызвало бы такую бурю протеста, что, возможно, пришлось бы отказаться от осуществления замысла.

Даже здесь, подумал Лодж, даже здесь кое-кого гложут сомнения и страх.

Человеческое существо должно ходить на двух ногах, иметь две руки, пару глаз, пару ушей, один нос, один рот, не быть чрезмерно волосатым. И оно должно именно ходить, а не прыгать, ползать или катиться.

Искажение человеческого облика, говорят они, надругательство над человеческим достоинством; каким бы могуществом ни обладал Человек, в своей самонадеянности он замахнулся на то, что ему не по плечу.

Раздался стук в дверь. Лодж обернулся.

— Войдите, — громко сказал он.

Дверь открылась. На пороге стояла доктор Сьюзен Лоуренс, флегматичная, бесцветная, аляповато одетая женщина с квадратным лицом, выражавшим твердость характера и упрямство.

Она увидела его не сразу и, стоя на пороге, вертела головой по сторонам, пытаясь отыскать его в полутьме комнаты.

— Идите сюда, Сью, — позвал он.

Она прикрыла дверь, пересекла комнату и, остановившись рядом с ним, молча уставилась на пейзаж за окном.

Наконец она заговорила:

— Он ничем не был болен, Бэйярд. У него не обнаружено никаких признаков заболевания. Хотела бы я знать...

Она умолкла, и Лодж почти физически ощутил, как беспросветно мрачны ее мысли.

— Достаточно скверно, — произнесла она, — когда человек умирает от точно диагностированного заболевания, И все же не так страшно терять людей после того, как сделаешь все возможное, чтобы их спасти. Но Генри нельзя было помочь. Он скончался мгновенно. Он был мертв еще до того, как ударился об стол.

— Вы обследовали его?

Она кивнула.

— Я поместила его в анализатор. У меня на руках три катушки пленок с записью результатов обследования. Я их просмотрю... попозже. Но могу поклясться, что он был совершенно здоров.

Сью крепко сжала его руку своими короткими толстыми пальцами.

— Он не захотел больше жить, — проговорила она. — Ему стало страшно. Он решил, что близок к какому-то открытию, и его охватил смертельный ужас перед тем, что он может открыть.

— Мы должны все это выяснить, Сью.

— А для чего? — спросила она. — Для того чтобы научиться создавать людей, способных жить на планетах, условия на которых непригодны для существования Человека в его естественном облике? Чтобы научиться вкладывать разум и душу Человека в тело чудовища, которое изведется от ненависти к самому себе?..

— Оно не будет себя ненавидеть, — возразил Лодж. — Ваша точка зрения основана на антропоморфизме. Никакое живое существо никогда не кажется самому себе уродливым, потому что оно, не размышляя, принимает себя таким, какое оно есть. Чем мы можем доказать, что Человек доволен собой больше, чем насекомое или жаба?

— К чему все это? — не унималась она. — Нам же не нужны те планеты. Сейчас планет у нас навалом — куда больше, чем мы в состоянии колонизировать. Одних только планет земного типа хватит на несколько столетий. Хорошо, если удастся их, я уж не говорю — освоить полностью, хотя бы заселить людьми в ближайшие пятьсот лет.

— Мы не имеем права рисковать, — сказал Лодж. — Пока у нас еще есть время, мы должны сделать все, чтобы стать хозяевами положения. Подобных проблем не возникало, когда мы жили только на Земле, где чувствовали себя в относительной безопасности. Но обстоятельства изменились. Мы проникли в космос, стали летать к звездам. Где-то в глубинах Вселенной есть другие цивилизации, другие мыслящие существа. Иначе и быть не может. И когда-нибудь мы с ними встретимся. На этот случай нам необходимо укрепить свои позиции.

— И для укрепления наших позиций мы будем основывать колонии человеко-чудовищ. Я понимаю, Бэйярд, все хитроумие этого плана. Признаю, что мы сумеем сконструировать особые тела, мышцы, кости, нервные волокна, органы коммуникации с учетом специфики условий на тех планетах, где нормальное человеческое существо не проживет и минуты. Допустим, мы обладаем высокоразвитым интеллектом и прекрасно знаем свое дело, но этого ведь недостаточно, чтобы вдохнуть в такие тела жизнь. Жизнь — это нечто большее чем просто коллоид из комбинации определенных элементов. Нечто совершенно иное, непостижимое, скрытое от нас за семью печатями.

— А мы все-таки дерзнем, — сказал Лодж.

— Первоклассных специалистов вы превратите в душевнобольных, — взволнованно продолжала она. — Кое-кого из них вы убьете — не руками, конечно, а своим упорством. Вы будете держать их взаперти годами, а чтобы они протянули подольше, одурманите их этим Спектаклем. Но тайну сотворения жизни вы не раскроете, ибо это вне человеческих возможностей.

Она задыхалась от ярости.

— Хотите пари? — рассмеявшись, спросил он.

Она стремительно повернулась к нему лицом.

— Бывают моменты, — произнесла она, — когда я жалею, что принесла присягу. Крупица цианистого калия...

Он взял ее за руку и подвел к письменному столу.

— Давайте выпьем, — предложил он. — Убить меня вы всегда успеете.

3

К обеду они переоделись.

Так было заведено. Они всегда переодевались к обеду.

Это, как Спектакль, входило в постепенно сложившийся ритуал, который они строго соблюдали, чтобы не сойти с ума, не забыть, что они цивилизованные люди, а не только беспощадные охотники за знаниями, пытающиеся решить проблему, которую любой из них с радостью предпочел бы не решать.

Они отложили в сторону скальпели и прочие инструменты, зачехлили микроскопы; они аккуратно расставили по местам пробирки с культурами, убрали в шкафы сосуды с физиологическим раствором, в котором хранились препараты. Они сняли передники, вышли из лабораторий и закрыли за собой двери. И на несколько часов забыли — или постарались забыть — кто они и над чем работают.

Они переоделись к обеду и собрались в так называемой гостиной, где для них были приготовлены коктейли, а потом перешли в

столовую, делая вид, что они самые обыкновенные человеческие существа, не более... и не менее.

На столе — посуда из изысканного фарфора и тончайшего стекла, цветы, горящие свечи. Они начали с легкой закуски, за которой последовали разнообразные блюда, подававшиеся в строгой очередности специально запрограммированными роботами с безупречными манерами; на десерт были сыр, фрукты и коньяк, а для любителей — еще и сигары.

Сидя во главе стола, Лодж перебежал взглядом с одного обедавшего на другого и в какой-то момент встретился глазами с Сью Лоуренс, и его заинтересовало, в самом ли деле она так сердито насупилась или ее лицо казалось угрюмым из-за переменчивой игры теней и света.

Они беседовали, как беседовали за каждым обеденным столом, — пустая светская болтовня беззаботных, легкомысленных людей. То был час, когда они глушили в себе чувство вины, смывали с души ее кровавые следы.

Лодж про себя отметил, что сегодня они не в силах выбросить из сознания то, что произошло днем, потому что говорили они о Генри Гриффисе и его внезапной смерти, а на их напряженных лицах застыло выражение деланного спокойствия. Генри был человеком своеобразным, его обуревали слишком сильные страсти, и никто из них так до конца и не понял его. Но они были о нем высокого мнения, и, хотя роботы постарались расставить приборы с таким расчетом, чтобы его отсутствие за столом прошло незамеченным, всех ни на минуту не покидало острое ощущение утраты.

— Мы отправим Генри домой? — спросил Лоджа Честер Сиффорд.

Лодж кивнул:

— Попросим один из патрульных кораблей забрать его и доставить на Землю. Здесь же состоится только краткая панихида.

— А кто выступит с речью?

— Скорей всего Крейвен. Он сблизился с Генри больше, чем остальные. Я уже говорил с ним. Он скажет в его память несколько слов.

— У Генри остались на Земле родственники? Он ведь не любил о себе распространяться.

— Какие-то племянники и племянницы. А может, еще брат или сестра. Вот, пожалуй, и все.

Тут подал голос Хью Мэйтленд:

— Как я понимаю, Спектакль мы не прервем.

— Верно, — подтвердил Лодж. — Так советует Кент, и я с ним согласен. Уж Кент-то знает, что для нас лучше.

— Да, это по его части. Он на своем деле собаку съел, — вставил Сиффорд.

— Безусловно, — сказал Мэйтленд. — Обычно психологи держатся особняком. Строят из себя этакую воплощенную совесть. А у Кента другая система.

— Он ведет себя как священник, — заявил Сиффорд. — Самый натуральный священник, черт его побери!

Слева от Лоджа сидела Элен Грей, и он видел, что она ни с кем не разговаривает, вперив неподвижный взгляд в вазу с розами, которая сегодня украшала центр стола.

Ей нелегко, подумал Лодж. Ведь она первая увидела мертвого Генри и, считая, что он заснул, потрясла его за плечо, чтобы разбудить.

На противоположном конце стола, рядом с Форестером, сидела Элис Пейдж. В этот вечер на нее напала не свойственная ей болтливость; она была женщиной несколько странной, замкнутой, а в ее неброской красоте было что-то неуловимо печальное. Сейчас она придвинулась к Форестеру и возбужденно что-то доказывала ему, понизив голос, чтобы не услышали остальные, а Форестер терпеливо внимал ей, скрывая под маской спокойствия тревогу.

«Они расстроены, — подумал Лодж, — причем гораздо глубже, чем я предполагал. Расстроены, взбудоражены и в любой момент могут потерять самоконтроль».

Смерть Генри потрясла их гораздо сильнее, чем ему казалось.

Пусть Генри и не отличался личным обаянием, он все же был одним из членов их маленькой группы. «Одним из них, — подумал Лодж. — А почему не одним из нас?» Но так сложилось с самого начала: не в пример Форестеру, самое большое достижение которого заключалось в том, что он сумел стать одним из них, Лодж должен был избегать панибратства, проявлять сдержанность, соблюдая при общении с ними едва заметную дистанцию холодного отчуждения — единственное в этих условиях средство поддержать авторитет власти и предотвратить возможное неповиновение, а это для его работы было весьма важно.

— Генри был близок к какому-то открытию, — произнес Сиффорд.

— Я уже слышал это от Сью.

— Он умер в тот момент, когда записывал что-то в блокнот, — продолжал Сиффорд. — А вдруг это...

— Мы просмотрим его записи, — пообещал Лодж. — Все вместе. Завтра или послезавтра.

Мэйтленд покачал головой:

— Нам никогда не сделать это открытие, Бэйярд. Мы пользуемся не той методикой, работаем не в том направлении. Нам необходимо подойти к этой проблеме по-новому.

- А как? — взвился Сиффорд.
- Не знаю, — сказал Мэйтленд. — Если б я знал...
- Джентльмены, — вмешался Лодж.
- Виноват, — извинился Сиффорд. — У меня что-то пошаливают нервы.

Лодж вспомнил, как Сьюзен Лоуренс, стоя рядом с ним у окна и глядя на безжизненную унылую поверхность кувыркавшегося в пространстве обломка скалы, на котором они ютились, произнесла: «Он не захотел больше жить. Он боялся жить».

Что она имела в виду? То, что Генри Грифис умер от страха? Что он умер, потому что боялся жить?

Возможно ли, чтобы психосоматический синдром послужил причиной смерти?

4

Когда они перешли в театральный зал, атмосфера не разрядилась, хотя они, проявляя незаурядную силу воли, вроде бы держались легко и свободно. Они разговаривали о пустяках и притворялись, будто их ничто не тревожит, а Мэйтленд даже сделал попытку пошутить, но его шутка пришлась не к месту и в корчах испустила дух, раздавленная фальшивым хохотом, которым на нее отреагировали остальные.

Кент ошибся, подумал Лодж, чувствуя, как его захлестывает ужас. В этой затее — смертельный заряд психологической взрывчатки. Достаточно незначительного толчка, и начнется цепная реакция, которая может привести к распаду их группы. А если группа распадется, перестанет существовать как единое целое, пойдут прахом все труды, на которые было потрачено столько лет: долгие годы обучения, месяцы, понадобившиеся для выработки привычки к совместной работе, не говоря уже о постоянной, ни на миг не прекращавшейся борьбе за то, чтобы они пребывали в хорошем настроении и не перегрызли друг другу глотки. Исчезнет спланирующая их вера в коллектив, которая за эти месяцы постепенно пришла на смену индивидуализму; сломается отлично налаженный механизм спокойного сотрудничества и согласованности действий; обесценится значительная часть уже проделанной ими работы, ибо никакие другие ученые, пусть самые что ни на есть квалифицированные, не смогут с ходу принять атмосферу своих предшественников, даже если в их распоряжении будут все материалы с результатами исследований, проведенных теми, кто работал до них.

Одну из стен помещения занимал вогнутый экран, перед которым тянулись узкие, ярко освещенные подмости.

А за экраном, скрытые от глаз, причудливо переплетались трубки, стояли генераторы, находились звуковоспроизводящее устройство и компьютеры — чудо техники, воплощающее мысли и волю людей в зримые, движущиеся образы, которые сейчас возникнут на экране и заживут своей жизнью. Марионетки, подумал Лодж, но марионетки, созданные человеческой мыслью и обладающие странной, пугающей человечностью, которой всегда недостает вырезанным из дерева фигуркам.

Когда-то Человек творил только руками, раскалывал и обтесывал куски кремня, делал луки, стрелы, предметы обихода; позже он изобрел машины, ставшие как бы придатками его рук, и эти машины начали выпускать изделия, создавать которые вручную было невозможно; теперь же Человек творил не руками и не машинами, а мыслью, хотя ему и приходилось пользоваться разнообразной сложной аппаратурой, с помощью которой материализовалась деятельность его мозга.

Наступит день, подумал Лодж, когда единственным создателем станет человеческая мысль — без посредничества рук и машин.

Экран замерцал, и на нем появилось дерево, потом еще одно дерево, скамья, пруд с утками; на втором плане какая-то статуя, а вдалеке, полускрытые ветвями деревьев, проступили неясные контуры высоченных городских зданий.

Как раз на этой сцене они вчера вечером прервали представление. Персонажи Спектакля решили устроить пикник в городском парке, пикник, который почти наверняка просуществует считанные мгновения, пока кому-нибудь не взбредет в голову превратить его во что-то другое.

Но, быть может, сегодня пикник останется пикником, с надеждой подумал Лодж, и они доведут эту сцену до конца, будут разыгрывать Спектакль с прохладцей, без обычного азарта, обуздают свою фантазию. Именно сегодня недопустимы никакие неожиданные повороты действия, никакие потрясения, ведь для того, чтобы помочь персонажу выбраться из лабиринта нелепейших ситуаций, которые возникают при внезапном изменении сюжета, необходимо значительное умственное напряжение, а это может в такой обстановке привести к тяжелым психическим нарушениям.

Так получилось, что сегодня будет одним персонажем меньше, и многое зависит от того, какой из них будет отсутствовать.

Пока что сцена пустовала, напоминая тщательно выписанный маслом пейзаж, в блеклых тонах, с изображением весеннего парка.

Почему они не начинают? Чего ждут?

Они ведь позаботились оформить сцену. Так чего же они ждут?

Кто-то из зрителей надумал ветер — послышался шелест ветвей, и поверхность прудика подернулась рябью.

Лодж создал в воображении образ своего персонажа и вывел его на экран, сконцентрировав мысли на его неуклюжей походке, соломинке, торчащей изо рта, на заросшем курчавыми волосами затылке.

Должен же кто-нибудь начать. Неважно кто...

Деревенский Щеголь засуетился и бросился назад, исчезнув с экрана. Через секунду он появился снова, неся большую плетеную корзину с крышкой.

— А про корзину-то я и забыл, — сообщил он с глуповатой застенчивостью сельского жителя.

В темноте зала кто-то хихикнул.

Слава Богу! Кажется, все идет нормально. Ну выходите же, кто там еще остался!

На экране появился Нищий Философ — в высшей степени респектабельный мужчина без единой положительной черточки в характере; его импозантная внешность, гордая осанка сенатора, пестрый жилет и длинные седые локоны были ширмой, за которой скрывался попрошайка, бездельник и редкостный враль.

— Друг мой, — произнес он. — Мой добрый друг.

— Никакой я те не друг, — заявил Деревенский Щеголь. — Вот отдашь мне триста долларов, тогда поглядим.

Да выходите же, наконец, кто там еще остался!

Появились Красивая Стерва и Приличный Молодой человек, которого с минуты на минуту должно было постичь ужасное разочарование.

Деревенский Щеголь, присев на корточки посреди лужайки и открыв корзину, начал извлекать из нее еду: окорок, индейку, сыр, блюдо фруктового желе, банку маринованной сельди, термос.

Красивая Стерва кокетливо сделала ему глазки и заиграла бедрами. Деревенский Щеголь вспыхнул и, быстро пригнув голову, спрятал лицо.

Кент крикнул из зрительного зала:

— Так держать! Сгуби его!

Все расхохотались.

Это обязательно должно войти в привычную колею. Все образуется.

Если зрители начнут перебрасываться шутками с действующими лицами Спектакля, дело непременно пойдет на лад.

— А это ты недурственно придумал, лапуня, — отозвалась Красивая Стерва. — Заметано.

Она направилась к Щеголю.

Щеголь, все еще не поднимая головы, продолжал вынимать из корзины всевозможную снедь — в таком количестве, что она едва ли уместилась бы в десяти подобных корзинах.

Круги копченой колбасы, горы шницелей, холмы конфет... И под конец он вытащил из корзины бриллиантовое ожерелье.

Красивая Стерва, взвизгнув от восторга, коршуном набросилась на ожерелье.

Между тем Нищий Философ оторвал от индейки ножку и то откусывал от нее куски, то размахивал ею в воздухе, чтобы усилить впечатление от высокопарных цветистых фраз, которые неукротимым потоком лились из его уст.

— Друзья мои, — ораторствовал он, уписывая индейку. — Друзья мои, как это уместно и естественно... Я повторяю, сэр, как это уместно и естественно, когда задушевные друзья встречаются в такой поистине дивный весенний день, чтобы в обществе друг друга насладиться общением с ликующей природой, найдя для своей встречи даже в самом сердце этого бессердечного города столь уединенный и тихий уголок...

Дай ему волю, и он мог бы тянуть резину до бесконечности. Но сейчас, учитывая напряженность обстановки, необходимо было любым способом остановить это словоблудие.

Кто-то выпустил в пруд миниатюрного, но весьма резвого кита, своими повадками больше напоминавшего дельфина; этот кит то и дело выпрыгивал из воды, описывая в воздухе изящную дугу, и, распугав плавающих на пруду уток, ненадолго скрывался в воде.

Тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, на экран выползло Инопланетное Чудовище и спряталось за дерево. Сразу было видно, что это не к добру.

— Берегитесь! — крикнул кто-то из зрителей, но актеры и ухом не повели. Иногда они проявляли невероятную тупость.

На экран под руку с Усатым Злодеем вышла Беззащитная Сиротка (и это тоже не предвещало ничего хорошего), а следом за ними шествовал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

— Где же наша Прелестная Девушка? — спросил Усатый Злодей. — Все вроде уже в сборе, только ее и не хватает.

— Еще заявится, — сказал Деревенский Щеголь. — Давеча видал я, как она на углу в салуне джин хлестала...

Философ прервал свою витиеватую речь на полужеле, индюшачья ножка замерла в воздухе. Его серебристые волосы эффектно стали дыбом, и он круто повернулся к Деревенскому Щеголю.

— Вы хам, сэр! — возгласил он. — Сказать такое может только самый последний хам!

— А мне все едино, — заявил Щеголь. — Мели себе, что хошь, ведь правда-то моя, а не твоя.

— Отвяжись от него, — заверещала Красивая Стерва, лаская пальцами бриллиантовое ожерелье. — Не смей обзывать моего дружка хамом.

— Полноте, К. С., — вмешался Приличный Молодой Человек. — Советую вам держаться от них подальше.

— Заткни пасть! — быстро обернувшись к нему, отрезала она. — Ты, лицемерное трепло. Не тебе меня учить. По-твоему, я недостойна, чтобы меня моим законным именем называли? Хватит с меня одних инициалов, так? Шут гороховый, шантажист хрипатый! А ну отваливай, да поживей!

Философ не спеша выступил вперед, нагнулся и взмахнул рукой. Полуобъеденная индюшачья ножка заехала Щеголю в челюсть.

Схватив жареного гуся, Щеголь медленно поднялся во весь рост.

— Ах вот ты как... — процедил он.

И запустил в философа гусем. Гусь ударился о пестрый жилет, забрызгав его жиром.

О Господи, подумал Лодж. Теперь наверняка быть беде! Почему философ так странно повел себя? Почему они хотя бы сегодня, один-единственный раз, не смогли удержаться от того, чтобы не превратить простой дружеский пикник черт знает во что? Почему тот, кто создал Философа и руководит всеми его поступками, заставил его замахнуться этой индюшачьей ножкой?

И почему он, Бэйярд Лодж, внушил Щеголю, чтобы тот швырнул гуся.

И, уже задавая себе этот вопрос, Лодж похолодел, а когда в его сознании оформился ответ, у него возникло чувство, будто чья-то рука сдавила ему внутренности.

Он понял, что вообще этого не делал.

Он не заставлял Щеголя бросаться гусем. И хотя в тот момент, когда Щеголь получил пощечину, в нем вспыхнуло возмущение и злоба, он мысленно не приказал своему персонажу нанести ответный удар.

Он уже не так внимательно следил за действием: сознание его раздвоилось, и половина мыслей, одна другую опровергая, была поглощена поисками объяснения того, что сейчас произошло.

Фокусы аппаратуры. Это она заставила Щеголя швырнуть гуся — ведь сложнейшие механизмы, установленные за экраном, не хуже человека знали, какую реакцию может вызвать удар в лицо. Машина сработала автоматически, не дожидаясь, пока получит соответствующий мысленный приказ... по-видимому, не сомневаясь, каково будет его содержание.

Это же естественно, доказывала одна часть его сознания другой, что машине известно, как реагирует человек на тот или иной раздражитель, и еще более естественно, что, зная это, она срабатывает автоматически.

Философ, ударив Щеголя, осторожно отступил назад и вытянулся по стойке «смирно», держа на караул обгрызенную и замусоленную индюшачью ножку.

Красивая Стерва захлопала в ладоши и воскликнула:

— Теперь вы должны драться на дуэли!

— Вы попали в самую точку, мисс, — сказал Философ, не меняя позы. — Для этого-то я его и ударил.

Капли жира медленно стекали с его нарядного жилета, но по выражению его лица и осанке никто бы не усомнился в том, что сам он считает себя одетым безупречно.

— Надо было бросить перчатку, — назидательным тоном сказал Приличный Молодой Человек.

— У меня нет перчаток, сэр, — честно признался Философ в том, что было очевидно каждому.

— Но ведь это ужасно неприлично, — гнул свое Приличный Молодой Человек.

Усатый Злодей откинул полы пиджака и из задних карманов брюк вытащил два пистолета.

— Я их всегда ношу с собой, — с плотоядной ухмылкой сообщил он. — На такой вот случай.

«Мы должны как-то разрядить обстановку, — подумал Лодж. — Необходимо умерить их агрессивность. Нельзя допустить, чтобы они распалились еще больше».

И он вложил в уста Щеголя следующую реплику:

— Я те скажу вот что. Не по душе мне это баловство с огнестрельным оружием. Ненароком кого и подстрелить можно.

— От дуэли тебе не отвертеться, — заявил кровожадный Злодей, держа оба пистолета в одной руке, а другой теребя усы.

— Право выбора оружия принадлежит Щеголю, — вмешался Приличный Молодой Человек. — Как лицу, которому было нанесено оскорбление...

Красивая Стерва перестала хлопать в ладоши.

— А ты не лезь не в свое дело! — завизжала она. — Мозгляк несчастный, маменькин сынок. Да ты просто не хочешь, чтобы они дрались.

Злодей отвесил поклон.

— Право выбора оружия принадлежит Щеголю, — объявил он.

— Вот смехотура! — прочирикал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации. — До чего же все люди забавные!

Из-за дерева выглянула голова Инопланетного Чудовища.

— Оставьте их в покое, — проревело оно своим противным акцентом. — Если им захотелось подраться, пусть дерутся. — Засунув в пасть кончик хвоста, оно запросто свернулось в колесо и покатилося. С бешеной скоростью оно промчалось вокруг пруда,

не переставая бубнить: — Пусть дерутся, пусть дерутся, пусть дерутся... — И снова быстро спряталось за дерево.

— А мне-то казалось, что это пикник, — жалобно проговорила Беззащитная Сиротка.

«Мы все так считали», — подумал Лодж. Хотя еще до начала представления можно было голову дать на отсечение, что пикник долго не продержится.

— Будьте добры, выберите оружие, — с преувеличенной любовью обратился Злодей к Щеголю. — Пистолеты, ножи, мечи, боевые топоры...

Что-нибудь смешное, подумал Лодж. Нужно предложить что-нибудь смешное и несуразное.

И он заставил Щеголя произнести:

— Вилы. На расстоянии трех шагов.

На экран, мурлыкая застольную песню, выпорхнула Прелестная Девушка. Судя по ее возбужденному виду, она уже успела прилично Нагрузиться.

Но, увидев Философа, с жилета которого стекал гусиный жир, Злодея, сжимавшего в каждой руке по пистолету, и Красивую Стерву, позванивавшую бриллиантовым ожерельем, она остановилась как вкопанная и спросила:

— Что здесь происходит?

Нищий Философ наконец расстался со стойкой «смирно» и с самодовольной улыбкой удовлетворенно потер руки.

— Какая приятная душевная обстановка! — радостно воскликнул он, источая братскую любовь к окружающим. — Наконец-то мы, все девять, в сборе...

Сидевшая в зрительном зале Элис Пейдж вскочила с места, схватилась руками за голову, сжала ладонями виски и, зажмурившись, истерически вскрикнула...

5

На экране было не восемь персонажей, а девять.

Персонаж Генри Грифиса участвовал в представлении наравне с остальными.

— Вы сошли с ума, Бэйярд, — сказал Форестер. — Если человек умер, значит, он мертв. Не берусь судить, полностью ли прекращается со смертью его существование, но, если, умерев, человек все-таки продолжает существовать, то уже на другом уровне, в другой плоскости, в другом состоянии, в другом измерении. Пусть теологи или там спиритуалисты пользуются какой угодно терминологией, ответ на этот вопрос у всех один.

Лодж кивнул в знак согласия:

— Я хватался за соломинки. Перебирал все возможные варианты. Я знаю, что Генри умер. Я знаю, что мертвые не оживают. И тем не менее вы должны согласиться, что это естественно, если при таких обстоятельствах в голову лезут самые невероятные мысли. Нелегко нам до конца избавиться от суеверий — очень уж они живучи.

— Если мы сейчас пустим дело на самотек, неминуем взрыв, — сказал Форестер. — Ведь к тому моменту, когда это произошло, они уже находились в состоянии крайнего нервного напряжения: тут и сомнения в целесообразности и возможности решения проблемы, над которой они давно и безуспешно бьются, и разного рода конфликты и неурядицы, неизбежные в условиях, когда девять человек на протяжении долгих месяцев живут и работают бок о бок, да плюс ко всему еще невроз типа клаустрофобии¹. И все это день ото дня нарастало и обострялось. Я наблюдал этот разрушительный процесс затаив дыхание.

— Предположим, что среди них нашелся какой-то шутник, который подменил Генри, — проговорил Лодж. — Что вы на это скажете? Вдруг кто-то из них управлял не только своим персонажем, но и персонажем Генри, а?

— Человек не способен управлять более чем одним персонажем, — возразил Форестер.

— Но кто-то же выпустил в пруд кита.

— Правильно. Однако этот кит быстро исчез. Подпрыгнул разок-другой, и его не стало. Тому, кто его создал, было не под силу продержат его на экране подольше.

— Декорации и реквизит мы придумываем сообща. Почему же кто-нибудь из нас не может незаметно для других уклониться от оформления Спектакля и сконцентрировать все свои мысли на двух персонажах?

На лице Форестера отразилось сомнение.

— Пожалуй, в принципе такое возможно. Но тогда второй персонаж почти обязательно получился бы дефектным. А вы заметили хоть малейшую странность в каком-нибудь из персонажей?

— Не знаю насчет странности, — ответил Лодж, — но Инопланетное Чудовище пряталось...

— Это не персонаж Генри.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Генри был человеком не того склада, чтобы сделать своим персонажем Инопланетное Чудовище.

— Хорошо, допустим. Какой же тогда персонаж принадлежит ему?

Форестер раздраженно хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

---

¹ Болезненный страх находиться в закрытом помещении.

— Ведь я уже говорил вам, Бэйярд, что не знаю, кто из них стоит за тем или иным действующим лицом Спектакля. Я пытался каждому подобрать под пару определенный персонаж, но безуспешно.

— Если б мы знали, насколько легче было бы решить эту загадку. В особенности...

— В особенности если б нам было известно, какой из персонажей принадлежал Генри, — докончил Форестер.

Он встал с кресла и зашагал по кабинету.

— Ваше предположение относительно какого-то шутника, который якобы вывел на экран персонаж Генри, имеет одно слабое место, — сказал он. — Ну посудите сами, откуда этот мифический шутник мог знать, какой ему нужно создать персонаж.

— Прелестная Девушка! — вскричал Лодж.

— Что?

— Прелестная Девушка. Она ведь появилась на экране последней. Неужели не помните? Усатый Злодей спросил, где она, а Деревенский Щеголь ответил, что видел ее в салуне...

— Господи! — выдохнул Форестер. — А Нищий Философ поспешил объявить, что все наконец в сборе. Причем с явной издевкой! Будто хотел над нами поглумиться!

— Вы считаете, что это работа того, кто стоит за Философом? Если так, то он — тот самый предполагаемый шутник. Он и вывел на экран девятого члена труппы — Прелестную Девушку. Но если на экране собралось восемь действующих лиц, ясно, что отсутствующее — девятое — и есть персонаж Генри.

— Либо это и вправду чья-то проделка, — сказал Форестер, — либо персонажи по неизвестной нам причине стали в какой-то степени чувствовать и мыслить самостоятельно, частично ожили.

Лодж нахмурился:

— Такая версия не для меня, Кент. Персонажи — это образы, которые мы создаем в своем воображении, проверяем, насколько они соответствуют своему назначению, оцениваем, а если они нас не устраивают, вытесняем их из сознания, и их как не бывало. Они полностью зависят от нас. Их личности неотделимы от наших. Они не более чем плоды нашей фантазии.

— Вы не совсем правильно поняли меня, — возразил Форестер. — Я имел в виду машину. Она вбирает в себя наши мысли и из этого сырья создает зримые образы. Трансформирует игру воображения в кажущуюся реальность...

— А память?..

— Думаю, что такая машина вполне может обладать памятью, — сказал Форестер. — Видит Бог, она собрана из достаточного количества разнообразной точной аппаратуры, чтобы быть почти универсальной. Ее роль в создании Спектакля значительней, чем наша; большая часть работы лежит на ней, а не на

нас. В конце концов, мы ведь все те же простые смертные, какими были всегда. Только что интеллект у нас выше, чем у наших предков. Мы строим для себя механические придатки, которые расширяют наши возможности. Вроде этой машины.

— Не знаю, что вам на это сказать, — произнес Лодж. — Право, не знаю. Я устал от этого переливания из пустого в порожнее. От бесконечных рассуждений и домыслов.

Но про себя подумал, что на самом-то деле ему есть что сказать. Он знал, что машина способна действовать самостоятельно — заставила же она Щеголя запустить индюшкой в Философа. А впрочем, то была чисто автоматическая реакция, и это ровно ничего не значит.

Или он ошибается?

— Машина могла выпустить на экран Генри, — убежденно заявил Форестер. — Могла заставить Философа над нами поиздеваться.

— Но с какой целью? — спросил Лодж, уже зная наперед, почему машина, обладай она самостоятельностью, поступила бы именно так, и у него по телу забегали мурашки.

— Чтобы дать нам понять, — ответил Форестер, — что она тоже чувствует и мыслит.

— Никогда б она на это не решилась, — возразил Лодж. — Если бы у нее появилось такое качество, она держала бы его в тайне. В этом ее единственная защита. Мы ведь можем ее уничтожить. И скорей всего так бы и сделали, если бы нам показалось, что она ожила. Мы бы ее демонтировали, разобрали на составные части, разрушили.

Оба умолкли, и в наступившей тишине Лодж почувствовал, что все вокруг пронизано ужасом, но ужасом необычным. В нем слилось смятение мыслей и чувств, внезапная смерть одного из них, лишний персонаж на экране, жизнь под постоянным надзором, безысходное одиночество...

— У меня больше голова не варит, — произнес он. — Поговорим завтра. Утро вечера мудренее.

— Хорошо, — согласился Форестер.

— Хотите чего-нибудь выпить?

Форестер отрицательно покачал головой.

Ему тоже больше неумоготу разговаривать, подумал Лодж. Он рад поскорей уйти.

Как раненое животное. Мы все, как раненые животные, расползаемся по своим углам, чтобы остаться в одиночестве; нас тошнит друг от друга, для нас отравка — постоянно видеть за обеденным столом и встречать в коридорах одни и те же лица, смотреть на одни и те же рты, повторяющие одни и те же бессмысленные фразы, так что теперь, столкнувшись с обладателем какого-нибудь определенного рта, уже знаешь заранее, что он скажет.

— Спокойной ночи, Бэйярд.

- Спокойной ночи, Кент. Крепкого вам сна.
  - Увидимся завтра.
  - Разумеется.
- Дверь тихо закрылась.

Спокойной ночи. Крепко спите.
Укусит клоп — его давите.

6

После завтрака все они собрались в гостиной, и Лодж, переводя взгляд с одного лица на другое, понял, что под их внешним спокойствием скрывается непередаваемый ужас; он почувствовал, как беззвучным криком исходят их души, одетые в непроницаемую броню выдержки и железной дисциплины.

Кент Форестер не спеша старательно прикурил от зажигалки и заговорил небрежным будничным тоном, словно бы между прочим, но Лодж, наблюдая за ним, отлично сознавал, чего стоило Кенту такое самообладание.

— Нельзя допустить, чтобы это вконец разъело нас изнутри, — произнес Форестер. — Мы должны выговориться, поделиться друг с другом своими переживаниями.

— Иными словами — подыскать разумное объяснение тому, что произошло? — спросил Сиффорд.

— Я сказал «выговориться». Это тот случай, когда самообман исключается.

— Вчера на экране было девять персонажей, — произнес Крейвен.

— И кит, — добавил Форестер.

— Вы считаете, что один из...

— Не знаю. Если это проделал кто-то из нас, пусть он или она честно признается. Ведь мы способны понять и оценить шутку.

— Если это шутка, то шутка отвратительная, — заметил Крейвен.

— Это уже другой вопрос, — сказал Форестер.

— Если бы я узнал, что это просто мистификация, у меня бы камень с души упал, — проговорил Мэйтленд.

— То-то и оно, — подхватил Форестер. — Именно это я и желал бы выяснить.

— У кого-нибудь из вас есть что сказать? — немного погодя спросил он.

Ни один из присутствующих не проронил ни слова.

Молчание затянулось.

— Никто не признается, Кент, — сказал Лодж.

— Предположим, что этот горе-шутник хочет сохранить инкогнито, — проговорил Форестер. — Желание вполне понятное

при таких обстоятельствах. Тогда, может быть, стоит раздать всем по листку бумаги?

— Раздайте, — проворчал Сиффорд.

Форестер вытащил из кармана сложенные пополам листы бумаги и, аккуратно разорвав на одинаковые кусочки, роздал присутствующим.

— Если вчерашнее происшествие произошло по вине одного из вас, ради всего святого, дайте нам знать, — взмолился Лодж.

Листки вернулись к Форестеру. На некоторых было написано «нет», на других — «какие уж там шутки», а на одном — «я тут ни при чем».

Форестер сложил листки в пачку.

— Что ж, значит, эта идея себя не оправдала, — произнес он. — Впрочем, должен признаться, что я не возлагал на нее особых надежд.

Крейвен тяжело поднялся со стула.

— Нам всем не дает покоя одна мысль, — проговорил он. — Так почему же не высказать ее вслух?

Он умолк и с вызовом посмотрел на остальных, словно давая понять, что им не удастся его остановить.

— Генри здесь недолюбливали, — сказал он. — Не вздумайте это отрицать. Человек он был жесткий, трудный. Трудный во всех отношениях — такие не пользуются расположением окружающих. Я сблизился с ним больше, чем остальные члены нашей группы. И я охотно согласился сказать несколько слов в его память на сегодняшней панихиде, потому что, несмотря на трудность своего характера, Генри был достоин уважения. Он обладал такой твердой волей и упорством, какие редко встретишь даже у подобных личностей. Но на душе у него было неспокойно, его мучили сомнения, о которых никто из нас не догадывался. Иногда в наших с ним кратких беседах его прорывало, и он говорил со мной откровенно — по-настоящему откровенно, как никогда не говорил ни с кем из вас.

Генри стоял на пороге какого-то открытия. Его охватил панический страх. И он умер.

А ведь он был совершенно здоров.

Крейвен взглянул на Сью Лоуренс.

— Может, я ошибаюсь, Сьюзен? — спросил он. — Скажите, был он чем-нибудь болен?

— Нет, он был здоров, — ответила доктор Сьюзен Лоуренс. — Он не должен был умереть.

Крейвен повернулся к Лоджу:

— Он недавно беседовал с вами, правильно?

— Дня два назад, — сказал Лодж. — На вид он казался таким же, как всегда.

— О чем он говорил с вами?

— Да, собственно, ни о чем особенном. О делах второстепенной важности.

— О делах второстепенной важности? — язвительно переспросил Крейвен.

— Ну ладно. Если вам угодно, извольте, я могу уточнить. Он говорил о том, что не хочет продолжать свои исследования. Назвал нашу работу дьявольским наваждением. Именно так он выразился: «Дьявольское наваждение». — Лодж обвел взглядом сидевших в комнате людей.

— Он говорил с вами настойчивей, чем прежде?

— Мне не с чем сравнивать, — ответил Лодж. — Дело в том, что на эту тему он беседовал со мной впервые. Пожалуй, из всех, кто здесь работает, один он никогда прежде ни при каких обстоятельствах в разговоре со мной не затрагивал этого вопроса.

— И вы уговорили его продолжить работу?

— Мы обсудили его точку зрения.

— Вы его убили!

— Возможно, — сказал Лодж. — Возможно, я убиваю вас всех. Или же каждый из нас убивает себя сам. Почему я знаю? — Он повернулся к доктору Лоуренс: — Сью, может человек умереть от психосоматического заболевания, вызванного страхом?

— По клинике заболевания нет, — ответила Сьюзен Лоуренс. — А если исходить из практики, то боюсь, что придется ответить утвердительно.

— Он попал в ловушку, — заявил Крейвен.

— Вместе со всем человечеством, — в сердцах обрезал его Лодж. — Если вам не терпится размять свой указательный палец, направьте его по очереди на каждого из нас. На все человеческое общество.

— По-моему, это не имеет отношения к тому, что нас сейчас интересует, — вмешался Форестер.

— Напротив, — возразил Крейвен. — И я объясню почему. Из всех людей я последним поверил бы в существование призраков...

Элис Пейдж вскочила на ноги.

— Замолчите! — крикнула она. — Замолчите! Замолчите!

— Успокойтесь, мисс Пейдж, — попросил Крейвен.

— Но вы же сказали...

— Я говорю о том, что, если допустить такую возможность, здесь у нас сложилась именно та ситуация, в которой у духа, покинувшего тело, был бы повод и, я бы даже сказал, право посетить место, где его тело постигла смерть.

— Садитесь, Крейвен! — приказал Лодж.

Крейвен в нерешительности помедлил и сел, злобно буркнув что-то себе под нос.

— Если вы видите какой-то смысл в дальнейшем обсуждении этого вопроса, — произнес Лодж, — настоятельно прошу оставить в покое мистику.

— Мне кажется, здесь нечего обсуждать, — сказал Мэйтленд. — Как ученые, посвятившие себя поискам первопричины возникновения жизни, мы должны понимать, что смерть есть абсолютный конец всех жизненных явлений.

— Вы отлично знаете, что это еще нужно доказать, — возразил Сиффорд.

Тут вмешался Форестер.

— Давайте-ка оставим эту тему, — решительно сказал он. — Мы можем вернуться к ней позже. А сейчас поговорим о другом. — И торопливо добавил: — Нам нужно выяснить кое-что еще. Скажите, кто-нибудь из вас знает, какой персонаж принадлежал Генри?

Молчание.

— Речь идет не о том, чтобы установить тождество каждого из участников Спектакля с определенным персонажем, — пояснил Форестер. — Но методом исключения...

— Хорошо, — сказал Сиффорд. — Раздайте еще раз ваши листки.

Форестер вытащил из кармана оставшуюся бумагу и снова принялся рвать ее на небольшие кусочки.

— К черту эти ваши липовые бумажки! — взорвался Крейвен. — Меня на такой крючок не поймаешь.

Форестер поднял взгляд с приготовленных листков на Крейвена.

— Крючок?

— А то нет, — вызывающим тоном ответил Крейвен. — Если уде говорить начистоту, разве вы все время не пытаетесь дознаться, кому какой принадлежит персонаж?

— Я этого не отрицаю, — заявил Форестер. — Я нарушил бы свой долг, если бы не пытался установить, кто из вас стоит за тем или иным персонажем.

— Меня удивляет, как тщательно мы это скрываем, — заговорил Лодж. — В нормальной обстановке подобное явление не имело бы значения, но здесь мы живем и работаем в очень сложных условиях. Мне думается, что, если бы каждый из нас перестал делать из этого тайну, всем нам стало бы намного легче существовать. Что до меня, то я охотно назову свой персонаж. Готов быть первым — вы только дайте команду. — Он замолчал и выжидательно посмотрел на остальных.

Команды не последовало.

Все они глядели на него в упор, и лица их были бесстрастны — они не выражали ни злобы, ни страха, ничего вообще.

Лодж пожал плечами, сбросив с них бремя неудачи.

— Ладно, оставим это, — произнес он, обращаясь к Крейвену. — Так о чем вы говорили?

— Я хотел сказать, что написать на листке бумаги имя персонажа — это все равно, что встать и произнести его вслух. Форестеру знаком почерк каждого из нас. Ему ничего не стоит опознать автора любой записки.

— У меня этого и в мыслях не было, — запротестовал Форестер. — Честное слово. Но в общем-то Крейвен прав.

— Что же вы предлагаете? — спросил Лодж.

— Списки типа избирательных бюллетеней для тайного голосования, — сказал Крейвен. — Нужно составить списки имен персонажей.

— А вы не боитесь, что мы сумеем опознать каждого по крестику, поставленному против имени его персонажа?

Крейвен взглянул на Лоджа.

— Раз уж вы об этом упомянули, значит, нужно учесть и такую возможность, — невозмутимо произнес он.

— Внизу, в лаборатории, есть набор штемпелей, — устало сказал Форестер. — Для пометки образчиков препаратов. Среди них наверняка найдется штемпель с крестиком.

— Это вас устраивает? — спросил Лодж Крейвена.

Крейвен кивнул.

Лодж медленно поднялся со стула.

— Я схожу за штемпелем, — сказал он. — А в мое отсутствие вы можете подготовить списки.

Вот дети, подумал он. Настоящие дети — все как один. Настороженные, недоверчивые, эгоистичные, перепуганные насмерть, точно затравленные животные. Загнанные в тот угол, где стена страха смыкается со стеной комплекса вины; жертвы, попавшие в западню сомнений и неуверенности в себе.

Он спустился по металлическим ступенькам в помещение, отведенное для лабораторий, и, пока он шел, стук его каблуков эхом отдавался в тех невидимых углах, где притаились страх и муки совести.

«Если б не внезапная смерть Генри, — подумал он, — все бы обошлось. И мы с грехом пополам все-таки довели бы работу до конца». Но он знал, что шансов на это было крайне мало. Ведь если б не умер Генри, обязательно нашелся бы какой-нибудь другой повод для взрыва. Они для этого созрели, более чем созрели. Уже несколько недель самое незначительное происшествие в любой момент могло поджечь фитиль.

Он нашел штемпель, пропитанную краской подушечку и тяжелыми шагами стал взбираться по лестнице.

На столе лежали списки персонажей. Кто-то принес коробку из-под обуви и прорезал в ее крышке щель, сделав из нее некое подобие урны для голосования.

— Мы все сядем в этой половине комнаты, — сказал Форестер. — А потом будем по очереди вставать и голосовать.

И хотя при слове «голосовать» все недоуменно переглянулись, Форестер сделал вид, будто этого не заметил.

Лодж положил штемпель и подушечку с краской на стол, пересек комнату и сел на свой стул.

— Кто начнет? — спросил Форестер.

Никто не шелохнулся.

Их пугает даже это, подумал Лодж.

Первым вызвался Мэйтленд.

В гробовом молчании они по очереди подходили к столу, ставили на списках метки, складывали листки и опускали их в коробку. Пока один не возвращался, следующий не трогался с места.

Когда с этим было покончено, Форестер направился к столу, взял в руки коробку и, поворачивая ее то так, то эдак, с силой потряс, перемешивая находящиеся внутри листки, чтобы по порядку, в котором они вначале лежали, нельзя было догадаться, кому каждый из них принадлежит.

— Мне нужны двое для контроля, — сказал Форестер.

Он окинул взглядом присутствующих.

— Крейвен, — позвал он. — Сью.

Они встали и подошли к нему.

Форестер открыл коробку, вынул один листок, развернул его, прочел и отдал доктору Лоуренс, а та передала его Крейвену.

— Беззащитная Сиротка.

— Деревенский Щеголь.

— Инопланетное Чудовище.

— Красивая Стерва.

— Прелестная Девушка.

«Тут что-то не так, — подумал Лодж. — Только этот персонаж мог принадлежать Генри. Ведь Прелестная Девушка появилась на экране последней! Она же была девятой».

Форестер продолжал разворачивать листки, произнося вслух имена отмеченных крестиком персонажей.

— Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

— Приличный Молодой Человек.

Остались неназванными два персонажа. Только два. Нищий Философ и Усатый Злодей.

«Попробую угадать, — подумал Лодж. — Заключу пари с самим собой. Пари за то, который из них персонаж Генри. Это Усатый Злодей».

Форестер развернул последний листок и прочел:

— Усатый Злодей.

«А пари-то я проиграл», — мелькнуло у Лоджа. Он услышал, как остальные со свистом втянули в себя воздух, с ужасом осознав, что значил результат этого голосования.

Персонажем Генри оказалось главное действующее лицо вчерашнего представления, самое деятельное и самое энергичное — Философ.

7

Записи в блокноте Генри были предельно сжатыми, почерк неразборчив. Символы и уравнения поражали четкостью написания, но у букв был какой-то своеобразный, дерзкий наклон; лаконичность фраз граничила с грубостью, хотя трудно было представить, кого он хотел оскорбить — разве что самого себя.

Мэйтленд захлопнул блокнот, оттолкнул его, и тот скользнул на середину стола.

— Ну вот, теперь мы знаем, — произнес он.

Они сидели с бледными, искаженными страхом лицами, как будто вконец расстроенный и подавленный Мэйтленд был тем самым призраком, на которого вчера намекнул Крейвен.

— С меня хватит! — взорвался Сиффорд. — Я больше не желаю...

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Лодж.

Сиффорд не ответил. Он сидел, положив перед собой руки на стол, и то с силой сжимал кулаки, то распрямлял пальцы и так их вытягивал, словно усилием воли пытался противоестественно вывернуть их и пригнуть к тыльной стороне кистей.

— Генри был душевнобольным, — отрывисто сказала Сьюзен Лоуренс. — Только душевнобольной мог выдвинуть такую бредовую идею.

— От вас как от врача едва ли можно было ждать другую реакцию, — заметил Мэйтленд.

— Я работаю во имя жизни, — заявила Сьюзен Лоуренс. — Я уважаю жизнь, и, пока организм жив, я до последнего мгновения всеми средствами оберегаю его и поддерживаю. Я испытываю глубокое сострадание ко всему живому.

— А мы разве относимся к этому иначе?

— Я только хочу сказать, что, для того чтобы понастоящему понять, какое это чудо — жизнь, нужно себя полностью посвятить ей и всем своим существом проникнуться ее могуществом, величием и красотой.

— Но, Сьюзен...

— И я знаю... — поспешно продолжала она, не давая ему возразить, — я твердо знаю, что жизнь — это не распад и разложение материи, не ее одряхление, не болезнь. Признать жизнь проявлением крайнего истощения материи, последней ступенью деградации мертвой природы равносильно утверждению, что норма

существования Вселенной — это застой, отсутствие эволюции, разумной жизни и цели.

— Тут возникает путаница из-за семантики, — заметил Форестер. — Мы, живые существа, пользуемся определенными терминами, вкладывая в них свой специфический смысл, и мы не можем сопоставить их с терминами, имеющими единый смысл для всей Вселенной, даже если б мы их знали.

— А мы их, естественно, не знаем, — сказала Элен Грей. — Возможно, что в ваших соображениях есть зерно истины, особенно если выводы, к которым пришел Генри, соответствуют действительному положению вещей.

— Мы тщательно изучим записи Генри, — угрюмо сказал Лодж. — Мы шаг за шагом проследим весь ход его мыслей. Я лично считаю его идею ошибочной, но мы не можем так вот сразу отместить ее — кто знает, а вдруг он все-таки прав.

— Это вы к тому, что, даже если он окажется прав, наша работа не будет приостановлена?! — так и заклокотал Сиффорд. — Что для достижения поставленной перед нами цели вы собираетесь использовать даже такое унижающее Человека открытие?

— Разумеется, — сказал Лодж. — Если жизнь в самом деле является симптомом заболевания и старческого одряхления материи, что ж, пусть так, с этим ничего не поделаешь. Как справедливо заметили Кент и Элен, смысл наших терминов очень специфичен и зависит от категорий, которыми мы мыслим. Почему нельзя допустить, что для Вселенной смерть — это... это для нас жизнь? Если Генри прав, он открыл то, что существовало всегда, испокон веков.

— Вы не понимаете, что говорите! — вскричал Сиффорд.

— Ошибаетесь! — рявкнул Лодж. — У вас просто сдали нервы. У вас и кое у кого из остальных. И у меня тоже, вероятно. Или же у нас у всех. Нами завладел и правит страх; у вас это страх перед порученной вам работой, у меня — страх перед тем, что она не будет выполнена. Мы загнаны в тупик, мы расшибаем мозги о каменные стены своей совести и нравственных норм. Будь вы сейчас на Земле, вы не стали бы так пережевывать эту идею. Возможно, вы поначалу слегка поперхнулись бы, но, докажи вам, что предположение Генри правильно, вы б его благополучно проглотили и продолжили бы поиски первопричины того заболевания и распада материи, которое мы зовем жизнью. А само открытие вы просто приняли бы к сведению, оно всего лишь расширило бы ваши знания, и только. Но, находясь здесь, вы бьетесь головой об стену и вопите от ужаса.

— Бэйярд! — вскричал Форестер. — Остановитесь! Вы не смеете...

— Смею, — огрызнулся Лодж. — И не остановлюсь. Меня тошнит от их хныканья и стенаний. Я устал от этих избалован-

ных, распущенных фанатиков, которые довели себя до состояния фанатического исступления, заботливо вскармливая в себе надуманные, беспочвенные страхи. Чтобы справиться с нашей задачей, нужны мужчины и женщины, обладающие острым умом и твердой волей. Для такой работы требуется огромная смелость и высокоразвитый интеллект.

У Крейвена от ярости побелели губы.

— Но мы уже работали! — выкрикнул он. — Даже тогда, когда против этого восставали все наши чувства, даже тогда, когда наше представление о порядочности, этике, наш рассудок и религиозный инстинкт призывали нас бросить эту работу, мы все-таки ее продолжали. И не обольщайтесь, что нас удерживали ваши сладкоречивые проповеди, шуточки, ободряющее похлопывание по плечу. Не обольщайтесь, что нас вдохновляло ваше фиглярство.

Форестер стукнул кулаком по столу.

— Прекратите этот спор! — потребовал он. — Перейдем к делу.

Крейвен, еще бледный от гнева, откинулся на спинку стула. Сиффорд продолжал сжимать и разжимать кулаки.

— В записях Генри сформулирован его вывод, — сказал Форестер. — Хотя вряд ли это можно считать выводом. Лучше назовем его заключение гипотезой. Как же, по-вашему, с ней быть? Не обратить на нее внимания, отмахнуться от нее или же все-таки проверить, насколько его предположение правильно?

— Я считаю, что его нужно проверить, — заявил Крейвен. — Эту гипотезу выдвинул Генри. А Генри умер и не может выступить в защиту своей идеи. Наш долг — взять на себя проверку правильности его предположения: он заслужил это.

— Если подобная гипотеза вообще поддается проверке, — заметил Мэйтленд. — Мне лично кажется, что это скорее относится к философии, чем к области конкретных наук.

— Философия идет рука об руку со всеми конкретными науками, — сказала Элис Пейдж. — Нельзя отказаться от проверки гипотезы Генри только потому, что она на первый взгляд представляется очень сложной.

— При чем тут сложность, — возразил Мэйтленд. — Я хотел сказать... А, к чему все эти рассуждения, давайте лучше займемся ее проверкой.

— Согласен, — сказал Сиффорд. Он быстро повернулся к Лоджу. — Но если проверка даст положительные результаты или хоть какие-нибудь доказательства в пользу правильности этой гипотезы, если мы не сумеем ее полностью опровергнуть, я немедленно прекращаю работу. Предупреждаю вас совершенно официально.

— Это ваше право, Сиффорд. Можете пользоваться им в любое удобное вам время.

— Возможно, что будет одинаково трудно доказать как правильность этой идеи, так и ее ошибочность, — произнесла Элен Грей.

Лодж поймал на себе взгляд Сьюзен Лоуренс — она мрачно улыбалась, и на ее лице было написано невольное восхищение с оттенком цинизма, словно она в этот момент говорила ему: *«Вот вы и снова добились своего. Я не думала, что на сей раз вам это удастся. Право, не думала. Но, как видите, ошиблась. Однако вы не вечно будете обводить нас вокруг пальца. Придет время...»*

— Хотите пари? — шепотом спросил он ее.

— На цианистый калий, — ответила она.

Лодж рассмеялся, хотя знал, что она права — права даже больше, чем ей кажется. Ибо это время уже пришло и спецгруппа № 3 под кодовым названием «Жизнь» фактически перестала существовать. Вызов, который им бросил Генри Гриффис своими записями в блокноте, подстегнул их, задел за живое, и они будут работать дальше, будут, как прежде, добросовестно исполнять свои рабочие обязанности. Но их творческий пыл угас безвозвратно, потому что в души их слишком глубоко въелись страх и предубеждение, а мысли их спутались в такой клубок, что они почти полностью утратили способность к здравому восприятию действительности.

Если Генри Гриффис стремился сорвать выполнение программы, подумал Лодж, он с успехом достиг своей цели. Мертвому, ему удалось это куда лучше, чем если бы он занимался этим живой. Лоджу вдруг показалось, будто он слышит неприятный жесткий смешок Генри, и он в недоумении пожал плечами, потому что у Генри начисто отсутствовало чувство юмора.

Несмотря на то что он оказался Нищим Философом, крайне трудно было отождествить его с таким персонажем — старым изолгавшимся хвастуном с изысканными манерами и высокопарной речью. Ведь сам Генри никогда не лгал и не бахвалился, манеры его отнюдь не отличались изяществом, и он не обладал даром красноречия. Он был неловок, молчалив, а когда ему нужно было что-нибудь сказать, говорил отрывисто, ворчливо.

Ну и пасквилянт, подумал Лодж. Неужели он все-таки был совсем другим, чем казался? Что, если он с помощью своего персонажа — Философа — высмеивал их, издевался над ними, а они этого даже не подозревали?

Лодж потряс головой, мысленно споря с самим собой.

Если предположить, что философ издевался над ними, то делал он это очень тонко, так тонко, что ни один из них этого не почувствовал, так искусно, что это никого не задело.

Но самое страшное заключалось не в том, что Генри мог исподтишка делать из них посмешище. Внушало ужас другое — то, что Философ появился на экране вторым. Он вышел вслед за Деревенским Щеголем и, пока длилось представление, все время был в цент-

ре внимания, со вкусом поедая индюшачью ножку и дирижируя ею в такт своей выпренной речи, которой он поливал слушателей как автоматной очередью. Да, Философ вообще был самым значительным и активным действующим лицом всего Спектакля!

Значит, ни один из них не мог экспромтом создать его и выпустить на экран.

А это снимало подозрение, по крайней мере, с четырех участников вчерашнего представления.

И могло означать:

либо то, что среди них присутствовал призрак;

либо то, что машина, обладая памятью, сама создала персонаж Генри;

либо то, что они — все восемь — стали жертвой массовой галлюцинации.

Однако ни одно из трех предположений не выдерживало никакой критики. И вообще все, что здесь происходило, казалось абсолютно необъяснимым.

Представьте группу высококвалифицированных ученых, воспитанных в духе материалистического подхода к действительности, скептицизма и нетерпимости ко всему, что отдает духом мистицизма; ученых, нацеленных на изучение фактов, и только фактов. Что может привести к распаду такого коллектива? Не клаустрофобия, развившаяся в результате длительной изоляции на этом астероиде. Не постоянные угрызения совести, причина которых — в неспособности вырваться из плена прочно укоренившихся этических норм. Не атавистический страх перед призраками. Все это было бы слишком просто.

Тут действовал какой-то другой фактор. Другой неизвестный фактор, мысль о котором еще никому не приходила в голову, подобно тому как никто пока не задумывался о новом подходе к решению поставленной перед ними задачи. Том самом новом подходе, о котором упомянул за обедом Мэйтленд, сказав, что для проникновения в тайну первопричины жизненных явлений им следовало бы подступить к этой проблеме с какой-то другой стороны. «Мы на ложном пути, — сказал тогда Мэйтленд. — Нам необходимо найти новый подход». И Мэйтленд, несомненно, имел в виду, что для их исследований более не годятся старые методы, цель которых — поиск, накопление и анализ фактического материала; что научное мышление в течение длительного периода времени работало в одной-единственной, теперь уже порядком истертой колее устаревших категорий и не ведало иных путей к познанию...

Спектакль! — вдруг осенило его. Может, этим фактором был Спектакль? Что, если игра в Спектакль, которая, по замыслу, должна была сплотить членов группы и помочь им сохранить здравый рассудок, по какой-то непонятной пока причине превратилась в обоюдоострый меч?

Они начали вставать из-за стола, чтобы разойтись по своим комнатам и переодеться к обеду. А после обеда — опять Спектакль.

Привычка, подумал Лодж. Даже сейчас, когда все полетело к чертям, они оставались рабами привычки.

Они переоденутся к обеду; они будут играть в Спектакле. А завтра утром они спустятся в лаборатории и снова примутся за работу, но их труд будет непродуктивным, потому что цель, достижению которой они отдали все свои профессиональные знания, перестала для них существовать, испепеленная страхом, раздирающим душу противоречиями, смертью одного из них, призраками.

Кто-то тронул его за локоть, и Лодж увидел, что рядом стоит Форестер.

— Ну что, Кент?

— Как себя чувствуете?

— Нормально, — ответил Лодж и, немного помолчав, произнес: — Вы, безусловно, понимаете, что это конец.

— Мы еще поборемся, — заявил Форестер.

Лодж покачал головой:

— Разве что вы, вы ведь моложе меня. А на меня не рассчитывайте — я сгорел вместе с остальными.

8

Представление началось с того, на чем оно прервалось накануне: все персонажи на экране, появляется Прелестная Девушка, а Нищий Философ, самодовольно потирая руки, произносит:

— Что за душевная обстановка! Наконец-то мы все в сборе.

Прелестная Девушка (*не очень твердо держась на ногах*): Послушайте, Философ, я сама знаю, что опоздала, и незачем это подчеркивать, да еще в такой странной форме! Само собой разумеется, что мы здесь, собрались всей компанией. А я... Ну, меня задержали крайне важные обстоятельства.

Деревенский Щеголь (*в сторону, с крестьянской хитрецей*): «Том Коллинз»¹ и игровой автомат.

Инопланетное Чудовище (*высунув голову из-за дерева*): Тск хрлстлги вглатер, тск...

А ведь с представлением что-то неладно, вдруг подумал Лодж.

В нем явно был какой-то дефект, неправильность, нечто до ужаса чужое и непривычное; такое, от чего пробирает дрожь, даже если это новое чуждое качество не поддается определению.

¹ Название прохладительного напитка, в состав которого входит джин.

Неладное творилось с Философом, причем беспокоило вовсе не его присутствие на экране, а что-то совершенно другое, необъяснимое. Странно измененными казались Прелестная Девушка, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва и все, все остальные.

Резко переменился Деревенский Щеголь, а уж он то, Бэйярд Лодж, знал Деревенского Щеголя как облупленного — знал каждую извилину его мозга, его мысли, мечты, тайные желания, его грубоватое тщеславие, нахальную манеру посмеиваться над окружающими, жгучее чувство неполноценности, которое побуждало его во имя самоутверждения заниматься восхвалением собственной персоны.

Словом, он знал его, как каждый из зрителей должен был знать свой персонаж, воспринимал его, как что-то более значимое, чем образ, созданный в воображении; знал его лучше, чем любого другого человека, чем самого близкого друга. Ибо они были связаны теми единственными в своем роде узлами, которые связывают творца с его творением.

А в этот вечер Деревенский Щеголь заметно отдалился от него, словно бы обрезал невидимые веревочки, с помощью которых им управляли, обрел некую самостоятельность, и в этой самостоятельности уже пробивались первые ростки полной независимости.

До Лоджа донеслись слова Философа:

— Но я никак не мог обойти молчанием тот факт, что мы здесь собрались в полном составе. Ведь один из нас умер...

В зрительном зале — ни шумного вздоха, ни шороха, никто даже не вздрогнул, но чувствовалось, как все напряглись, словно туго натянутые скрипичные струны.

— Мы — это совесть, — произнес Усатый Злодей. — Отраженная совесть, принявшая наш облик и играющая наши роли...

— Совесть человечества, — сказал Деревенский Щеголь.

Лодж невольно привстал.

«Я ведь не велел ему произносить эту фразу! Он сделал это по собственному почину, без моего приказа. У меня просто возникла такая мысль, вот и все. Боже милостивый, я же только подумал об этом, только подумал!»

Теперь-то он знал причину необычности сегодняшнего представления. Наконец он понял, в чем странность персонажей.

Они были не на экране! Они стояли на сцене, на узких подмостках перед экраном!

Они. Уже не спроецированные на экран воображаемые образы, а существа из плоти и крови. Созданные мыслью марионетки, которые внезапно ожили.

Он похолодел, похолодел и замер, вдруг со всей ясностью осознав, что одной лишь силой мысли — силой мысли в сочета-

нии с таинственными и безграничными возможностями электроники — Человек сотворил жизнь!

Новый подход, сказал тогда Мэйтленд.

О Господи! Новый подход!

Они потерпели неудачу в работе и одержали поразительную победу, играя в часы досуга, и отныне отпадет необходимость в особых группах ученых, ведущих исследования в той мрачной области, где живое незаметно переходит в мертвое, а мертвое — в живое. Ведь для того, чтобы создать человеко-чудовище, достаточно будет сесть перед экраном и вымыслить его — кость за костью, волос за волосом его мозг, внутренности, особые свойства организма и все прочее. Так появятся на свет миллионы чудовищ для заселения тех планет. И эти монстры будут людьми, потому что их по заранее разработанным проектам сотворят их братья по разуму, человеческие существа.

Близится минута, когда персонажи спустятся со сцены в зал и смешаются со зрителями. Как же поведут себя их творцы? Обезумеют от ужаса, дико завопят, впадут в буйное помешательство?

Что он, Лодж, скажет Деревенскому Щеголю?

Что он в о о б щ е м о ж е т сказать ему?

И — а это куда важней — о чем заговорит с ним сам Щеголь?

Лодж не в силах был шевельнуться, не мог вымолвить ни слова или хотя бы криком предостеречь остальных. Он сидел как каменный в ожидании того момента, когда они с подмостков спустятся в зал.

СОДЕРЖАНИЕ

СНОВА И СНОВА. <i>Перевод Н. Сосновской</i>	5
ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ. <i>Перевод А. Корженевского</i>	143
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	295
ИСТИНА. <i>Перевод Н. Михайлова</i>	297
УТРАЧЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ. <i>Перевод О. Битова</i>	309
СОСЕД. <i>Перевод О. Битова</i>	322
ПЛАЦДАРМ. <i>Перевод А. Корженевского</i>	344
КОЛЛЕКЦИОНЕР. <i>Перевод А. Корженевского</i>	358
ПОКОЛЕНИЕ, ДОСТИГШЕЕ ЦЕЛИ. <i>Перевод А. Иорданского</i> ..	394
ДЕНЬ ПЕРЕМИРИЯ. <i>Перевод И. Почиталина</i>	429
НА ЗЕМЛЮ ЗА ВДОХНОВЕНИЕМ. <i>Перевод И. Почиталина</i> ...	443
ТЕАТР ТЕНЕЙ. <i>Перевод С. Васильевой</i>	459

Клиффорд САЙМАК
СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ
Т О М 1

Редактор А. Александрова
Художественный редактор И. Марев
Технический редактор Т. Фатюхина
Корректор И. Сахарук

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0599184.
Подписано в печать 13.04.99 г.
Гарнитура Таймс. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0.
Уч.-изд. л. 33,94. Заказ № 605.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-300-02692-1

9 785300 026929